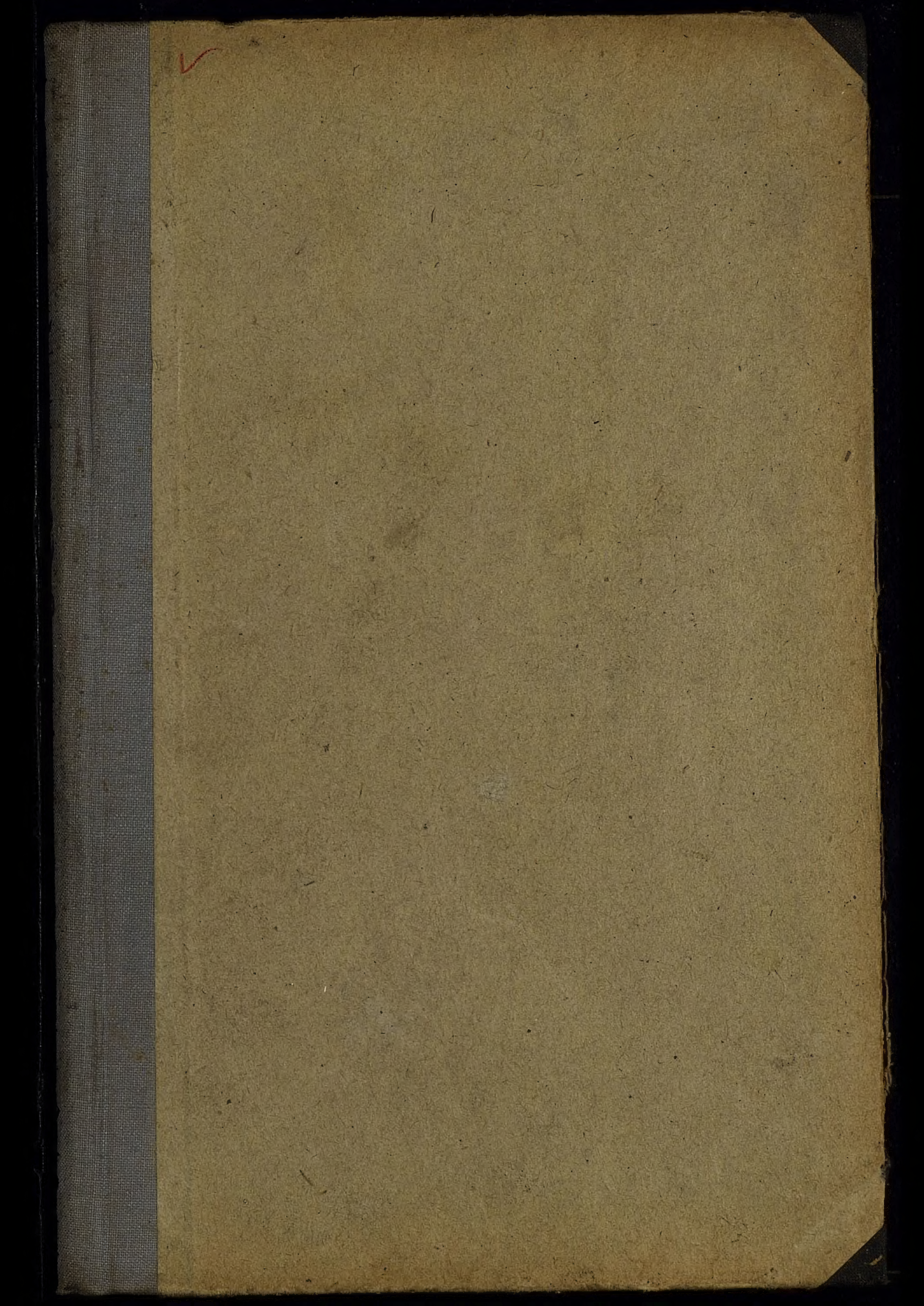

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

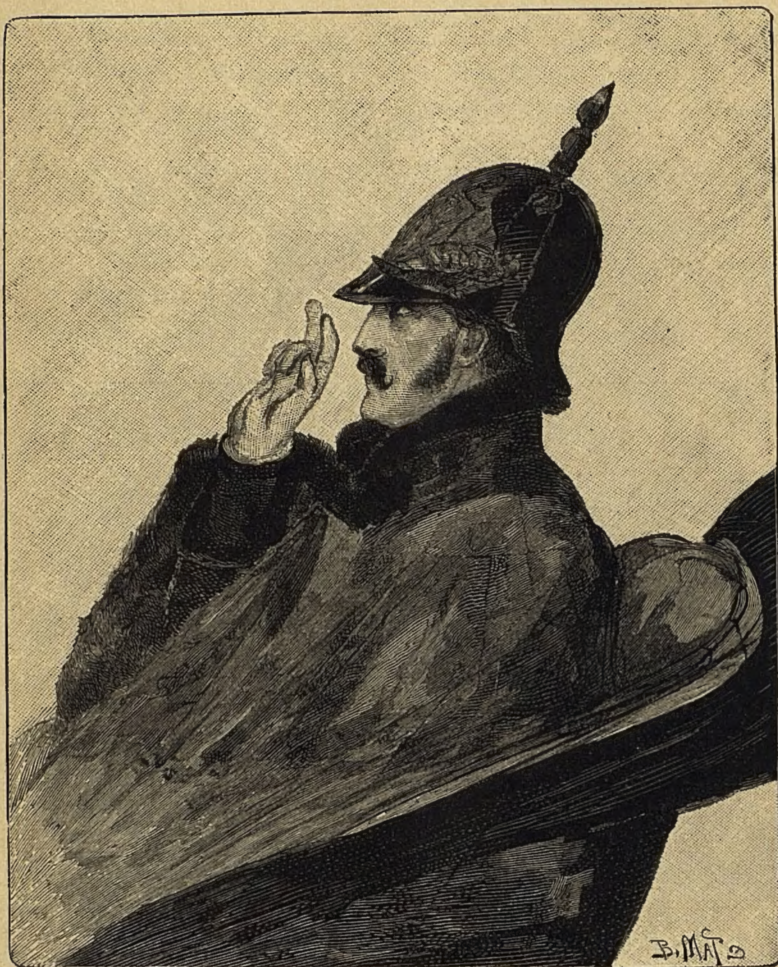
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

АПРѢЛЬ, 1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1901 г.

См. слѣд. стр.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

По рисунку съ натуры П. А. Каратыгина.

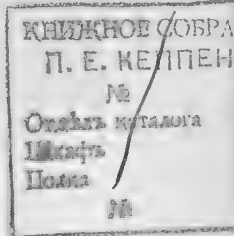
ДОЗВ. ЦЕНЗ. 20 ФЕВРАЛЯ 1901 Г. СПБ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXIV

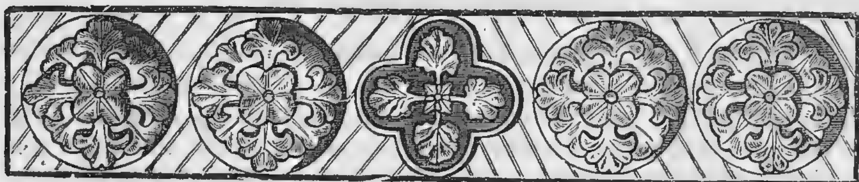
1901

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1901

НА ЧУЖБИНѢ[1].

Записки эмигранта.

Романъ.

(Посвящается Льву Николаевичу Толстому).

VIII.

ИЛЬКАСАСЪ — громадное четыреугольное зданіе, раздѣленное на безчисленное количество мелкихъ квартиръ и маленькихъ комнатъ. Всѣ онѣ выходятъ въ нижнемъ этажѣ прямо на внутренній дворъ, а въ верхнемъ—на идущую кругомъ всего зданія галлерею, съ которой двѣ лѣстницы ведутъ на тотъ же дворъ. Онъ вымощенъ кирпичемъ, и посрединѣ его находится цистерна съ висячимъ надъ нею на желѣзной цѣпи ведромъ.

Всѣ комнаты одного типа, длинныя и узкія, въ одно окно — дверь, съ кирпичнымъ поломъ, съ голыми выбѣленными стѣнами высотой въ двѣ сажени съ лишнимъ и съ чернымъ, досчатымъ потолкомъ, съ котораго вѣчно сыплется мелкій соръ и песокъ. Всѣми четырьмя фасадами Милькасасъ выходитъ на обширный, плоскій и унылый пустырь. Обитатели его—рабочіе, поденщики и люди безъ занятій.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ, т. LXXXIII, стр. 857.

Я живу въ одной комнатѣ съ Петровыми, отцомъ и сыномъ. Все мое имущество составляетъ чемоданъ, что пріѣхалъ со мной, значительно впрочемъ опустошенный,—кое-что пришлось продать, иное заложить,—и мѣшокъ, набитый стружками, въ углу на полу: моя постель. Такіе же мѣшки и у Петровыхъ. Обстановка соотвѣтствующая. Но мнѣ до этого мало дѣла.

Пропажа денегъ вначалѣ безпокоила меня. Я тотчасъ же хотѣлъ послать телеграмму въ Россію, но дороговизна испугала меня, да и заплатить за телеграмму было нечѣмъ, и я рѣшилъ написать письмо. А такъ какъ письмо отсюда въ Европу идетъ добрыхъ три недѣли, то я не сталъ съ этимъ дѣломъ торопиться, а потомъ и совсѣмъ пересталъ о немъ думать.

Вася на другой же день нашелъ мнѣ занятіе: таскать кули на пристани. Работа тяжелая, грязная, суетливая, но она даетъ мнѣ возможность каждый день получать два песо. Первые дни мнѣ было очень трудно. Отъ натуги у меня темнѣло въ глазахъ и ломило спину и поясницу, а руки и ноги затекали, но я скоро привыкъ. О томъ же, чтобы постараться найти что нибудь лучше, я не заботился. Отвратительная, тупая, лѣнивая апатія овладѣла мной. Мы съ Васей уходимъ въ шесть часовъ утра; въ одиннадцать — перерывъ, въ три—второй перерывъ, а въ семь мы кончаемъ и возвращаемся домой, съ трудомъ волоча ноги. Вотъ наша жизнь.

Самъ Петровъ цѣлыми днями ничего не дѣлаетъ. Утромъ, когда мы встаемъ, онъ обыкновенно спитъ; когда мы возвращаемся, мы или не находимъ его дома, или застаемъ за однимъ изъ его привычныхъ занятій. Онъ или расхаживаетъ по комнатѣ, что-то вполголоса бормоча, или болтаетъ на дворѣ съ женой какого нибудь поденщика. И никогда къ нашему приходу ничего не бываетъ готово: вода не нагрѣта, посуда не вымыта, и намъ съ Васей, усталымъ и голоднымъ, тотчасъ же приходится приниматься за хозяйство и готовить и чай, и ужинъ. Обычный вопросъ Петрова, когда онъ насъ встрѣчаетъ:

— Васька, гдѣ деньги?

Вася тотчасъ же покорно отдаетъ ему свой заработокъ, причемъ Петровъ никогда не забываетъ подробно разспросить, сколько Вася истратилъ на ѣду, и обыкновенно находитъ, что истратилъ онъ слишкомъ много. Затѣмъ онъ кладетъ деньги къ себѣ въ карманъ, и въ нихъ уже никто не требуетъ отъ него отчета.

Когда мы наконецъ усаживаемся за нашъ чай и ужинъ, Петровъ начинаетъ развивать свои планы на будущее и выкладываетъ передъ нами все, что онъ успѣлъ придумать за время нашего отсутствія. Каждый день у него что нибудь новое. Мы съ Васей слушаемъ, измученные, усталые, въ какомъ-то полудремотномъ состояніи, пока наконецъ не заваливаемся спать. Но и сквозь сонъ долго еще слышно, какъ расхаживаетъ взадъ и впередъ по ком-

натѣ Петровъ и, не обращая вниманія на то, что никто его не слушаетъ, фантазируетъ вслухъ.

Я какъ-то разъ сказалъ ему:

— Отчего вы не займетесь чѣмъ нибудь, Иванъ Павловичъ?

— Да чѣмъ же? Помилуйте! Не въ поденщики же мнѣ итти.

И когда я высказалъ, что не вижу, почему бы и ему не быть поденщикомъ, если мы съ Васей поденщики, онъ искренно удивился и сказалъ:

— Ну, батюшка, скажете вы тоже! Вамъ съ Васькой что и дѣлать? Вы народъ молодой. А вѣдь я—старикъ, мнѣ пора ужъ и на покой. И наконецъ, вы думаете, что если я кулей не таскаю, то такъ ужъ ничего и не дѣлаю? Я столько передумаю, что вамъ и во снѣ не снилось. Погодите, есть у меня одинъ планчикъ, Богъ дастъ, приведу его въ исполненіе, сразу богачемъ сдѣлаюсь и съ вами тогда съ удовольствіемъ подѣлюсь. Вы думаете, нѣтъ? Честное слово благороднаго человѣка—подѣлюсь. Придите тогда и скажите: Иванъ Павловичъ, дайте мнѣ пять тысячъ. Я вамъ не пять, десять съ удовольствіемъ дамъ. Что тогда для меня десять тысячъ?

Я только пожалъ плечами.

Вася между тѣмъ разсказалъ мнѣ, что незадолго до нашего знакомства они съ отцомъ такъ бѣдствовали, что буквально нечего было ѣсть.

— Прежде жили въ квартирѣ, а потомъ попали въ нищету, стали подумывать, какъ бы устроиться подешевле. Тогда папа придумалъ отправиться въ эмигрантскій домъ и сталъ просить, чтобы ему позволили поселиться въ немъ, такъ какъ онъ эмигрантъ и въ настоящее время не имѣетъ заработка. Насъ приняли, — разсказывалъ Вася:—продержали три дня, потомъ сказали, чтобы мы шли, куда хотимъ, потому что мы уже пять лѣтъ въ странѣ, здоровы и сами можемъ заботиться о себѣ. Тогда мы отправились въ Милькасасъ. Въ Милькасасѣ жить дешево, но у насъ съ папой вѣдь ничего не было. Деньги всѣ вышли, и вещей нѣтъ. Разъ папа мнѣ и говоритъ:—«Знаешь что, Вася? Давай отравимся. Это не больно и скоро».—Я ничего не сказалъ, а утромъ всталъ чѣмъ свѣтъ и пошелъ на пристань вмѣстѣ съ другими рабочими. На мое счастье ночью пришло нѣсколько судовъ, и рабочихъ рукъ не хватало. Я нанялся въ разгрузчики на одно изъ судовъ и сталъ помогать. Это былъ товарный бригъ, биткомъ набитый виномъ. Весь трюмъ заваленъ былъ ящиками. Когда я поднялъ одинъ изъ такихъ ящиковъ, у меня въ глазахъ заходили зеленые и красные круги, и я думалъ, что упаду. Но я вспомнилъ, что папа сидитъ голодный и ждетъ меня, и попробовалъ нести ящикъ. Другой показался мнѣ уже легче, а третій еще легче. Я работалъ такъ старательно, что судовой приказчикъ замѣтилъ это и похвалилъ меня. Насталъ часъ обѣда. Всѣ бросили работу и отправились въ сосѣд-

нія харчевни. Я такъ усталъ, что совсѣмъ забылъ про ѣду, да и денегъ у меня не было ни копейки. Я никуда не пошелъ и, отдохнувъ немного, снова принялся за работу, и всѣ два часа, которые полагаются на обѣдъ и отдыхъ, таскалъ ящики. Точно также не уходилъ я и въ три часа. Наконецъ послышался звонокъ. Рабочимъ выдали расчетъ.

— Ну, малый,—сказалъ мнѣ надсмотрщикъ:—такъ какъ ты подростокъ, то, по правиламъ, полагается тебѣ двѣ трети того, что получаютъ взрослые. Но я замѣтилъ, что ты работалъ цѣлый день безъ отдыха, поэтому получай наравнѣ съ остальными.

Я обрадовался двумъ песамъ, которые онъ мнѣ выдалъ, какъ сумасшедшій, и побѣжалъ домой. На другой день я опять поднялся съ зарей и побѣжалъ въ гавань. Только работать, какъ наканунѣ, я ужъ не могъ. Папа мнѣ далъ на обѣдъ. Вмѣстѣ съ другими пошелъ я въ харчевню, съѣлъ свою порцію супу и пучеро, выпилъ полбутылки вина, и какъ только выбрался на свѣжій воздухъ, тотчасъ же заснулъ, прижавшись къ тюкамъ, сваленнымъ въ кучу на берегу. Отдохнувъ, я снова принялся за работу, но такъ скоро усталъ, что радъ былъ радехонекъ, когда насталъ перерывъ. При расчетѣ надсмотрщикъ мнѣ сказалъ:

— Сегодня получи меньше. Гдѣ же тебѣ, мальчуганъ, работать за одно съ большими!

Я и этому былъ радъ, но папа ужасно разсердился на меня. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ заплатили только двѣ трети. Онъ кричалъ, что я воръ и, вѣрно, укралъ эти деньги. А потомъ, когда я разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, онъ разсердился еще больше, сталъ называть меня дармоѣдомъ, лѣнтяемъ, бездѣльникомъ, сказалъ, что съ такимъ сыномъ можно умереть съ голоду, и объявилъ, что на другой день самъ пойдетъ со мной на пристань.

Мы отправились. Папа, какъ и я, таскалъ кули и ящики, но проработалъ только полдня, потому что очень усталъ, и ушелъ домой. Съ тѣхъ поръ онъ не собирался со мной и не бранилъ меня, а я такъ привыкъ къ этой работѣ, что мнѣ кажется, что я всю жизнь дѣлалъ ее. Да вѣдь я и не умѣю ничего другого.

Днемъ въ Милькасасъ царитъ тишина. Дома остаются только женщины и дѣти. Ихъ немного. Семейные люди рѣдко попадаютъ сюда. Зато вечеромъ бываетъ шумно: затѣваются игры нъ карты, въ кости; кто нибудь играетъ на гитарѣ или на мандолинѣ. Рѣдко дѣло обходится безъ ссоры или драки, а въ послѣднемъ случаѣ пускается нерѣдко въ ходъ ножъ. Шумъ, крики, пѣсни, треньканье гитары и звенящіе аккорды мандолинъ не умолкаютъ далеко за полночь, что не мѣшаетъ намъ засыпать, какъ убитымъ, въ девять часовъ.

Такъ незамѣтно прошла недѣля.

Вдругъ зашелъ къ намъ Лѣвша и объявилъ, что его общество

даетъ ему триста рублей на поѣздку къ Лаго-Фонтано, и что если Петровъ согласенъ, онъ возьметъ Васю:

— Разумѣется, берите,—сказалъ Петровъ:—Васька, слышишь? Вотъ счастье дураку! Да нельзя ли и мнѣ какъ нибудь примазаться къ вашей экспедиціи? А? Андрей Семеновичъ? Я вѣдь могъ бы быть вамъ полезенъ.

— Ну, ужъ этого я не знаю,—сказалъ Лѣвша:—заявите въ комитетѣ. Я, вы сами знаете, человѣкъ подначальный. Васю мнѣ разрѣшили взять. Я научу его дѣлать шкурки и сушить насѣкомыхъ. и онъ поможетъ мнѣ собирать коллекціи.

Когда онъ ушелъ, у насъ тотчасъ же начались сборы. Впрочемъ, имущество Петровыхъ болѣе чѣмъ небогато, и собирать было нечего. Оказалось, что у Васи нѣтъ самаго необходимаго платья: ни куртки, ни панталонъ въ приличномъ видѣ, ни фуфаекъ, ни рубашекъ, а что есть, то заношено до послѣдней степени, въ дырахъ и заплатахъ.

— Ничего, и это хорошо,—говорилъ Вася, который боялся, что отецъ, придравшись къ этому предлогу, не захочетъ пустить его.

Но Петровъ качалъ головой.

— Дуракъ, ты самъ знаешь, что я не люблю обращать вниманія на внѣшность, но нельзя же ѣхать голымъ ночью. Ты тамъ гдѣ нибудь замерзнешь, вѣдь по ночамъ холода стоятъ ужасные, и платье тебѣ необходимо.

— Но гдѣ же его достать, папа?—горячился Вася.—Увѣряю тебя, я привыкъ къ лишеніямъ, и на холодъ мнѣ наплевать.

Всѣ эти разговоры и споры кончились тѣмъ, что мнѣ пришлось отдать Петрову почти все, что я успѣлъ заработать, чтобы купить Васѣ пальто, сапоги и одѣяло на дорогу.

Когда Вася уѣхалъ, я почувствовалъ себя одинокимъ и понялъ, какъ я успѣлъ привязаться къ этому милому, простодушному мальчику.

Работа моя теперь безъ Васи показалась мнѣ отвратительной и невыносимой.

Петровъ по отношенію ко мнѣ усвоилъ тонъ хозяйски-наставительный. Вначалѣ онъ намѣревался отбирать у меня деньги. Насколько я могъ замѣтить, онъ не то, что имѣлъ твердое намѣреніе меня эксплоатировать, а просто онъ по привычкѣ требовалъ, чтобы люди, его окружающіе, заботились о немъ и о его матеріальныхъ удобствахъ, но отнюдь не разсчитывали бы на него. Конечно, я могъ совсѣмъ разорвать съ нимъ, оставить его, поселиться отдѣльно, но этому мѣшала, во-первыхъ, моя безхарактерность, благодаря которой я, даже выведенный Петровымъ изъ терпѣнія, постоянно говорилъ себѣ, что съ нимъ мнѣ все-таки легче, все-таки я не совсѣмъ одинокъ на чужбинѣ, что каковъ бы ни былъ этотъ человѣкъ, онъ все-таки не совсѣмъ мнѣ чужой, онъ дѣлится

со мной и радостями и горестями, онъ, наконецъ, такъ же заброшенъ, какъ и я, а, во-вторыхъ, жалость: мнѣ просто жаль было оставить Петрова, даже казалось недобросовѣстнымъ, особенно теперь, въ отсутствіе Васи, который такъ нѣжно о немъ заботился и пріучилъ его разсчитывать на чью нибудь заботу.

Я продолжалъ жить день за днемъ, недовольный собою и окружающими, не зная, что предпринять, и чувствуя, что у меня не хватаетъ ни энергіи, ни умѣнья бросить мнѣ ненавистную поденщину и приняться за что нибудь другое. При Васѣ я могъ откладывать часть заработка. Теперь, когда работникъ былъ я одинъ, откладывать было нечего, а безъ денегъ какъ рѣшиться на поиски новаго труда? Я не разъ заговаривалъ объ этомъ съ Петровымъ, но онъ слушалъ, что называется, въ полъ-уха и, повидимому, просто не понималъ, что я хочу.

— Да вѣдь вы зарабатываете цѣлыхъ два песа въ день,—возражалъ онъ.—Это много, очень много. Если вы взглянете на поденщиковъ въ другихъ странахъ, вы увидите, что нигдѣ поденный трудъ такъ хорошо не оплачивается.

— Да вѣдь я-то не готовился быть поденщикомъ.

— Гм... Такъ чѣмъ же вы хотите быть?

— Чѣмъ угодно: писцомъ, конторщикомъ, но только не поденщикомъ.

— Ага! Понимаю! Вѣдь этакая въ васъ закваска негодная сидитъ! Писцомъ вы будете получать тѣ же шестьдесятъ песовъ въ мѣсяцъ, да еще и не дадутъ вамъ ихъ, но вамъ хочется ходить въ крахмальной сорочкѣ, въ бѣломъ галстухѣ, въ перчаткахъ, съ тростью и съ цилиндромъ на головѣ и изображать изъ себя сеньора. Напрасно, голубчикъ! Здѣсь не Россія! Здѣсь народъ и люди изъ народа—главные. Вы напрасно лѣзете въ аристократію.

— Никуда я не лѣзу,—съ досадой говорилъ я:—но поймите, что я не привыкъ такъ жить.

Петровъ дѣлалъ большіе глаза.

— То-есть, какъ это такъ?

— Да вотъ такъ. Якшаться со всей этой сволочью на пристани, обѣдать въ низменныхъ харчевняхъ, куда ни одинъ порядочный человѣкъ не заглянетъ, таскать на себѣ запачканные смолой и дегтемъ кули и ящики, отъ которыхъ у меня болитъ все тѣло; наконецъ, носить это платье, грязное, грубое, насквозь пропитанное запахомъ корабельной краски, кожи и потомъ. Все это отвратительно.

— Со временемъ вы привыкнете,—утѣшалъ меня Петровъ.

— Вотъ это-то и пугаетъ меня. Когда я дойду до того, что къ этому привыкну, я махну на себя рукой: значитъ, я окончательно опустился и неспособенъ ни на что лучшее.

— Это почему же?—недоумѣвалъ Петровъ.

— Какъ почему? Неужели это жизнь? Жизнь, достойная не

только человѣка, получившаго извѣстное воспитаніе и образованіе, но даже какого бы то ни было человѣка? Обратиться въ вьючное животное, слушать ругань и самому ругаться, съ жадностью наѣдаться какой-то отвратительной дряни, на которую въ другое время не захотѣлъ бы и взглянуть; забыть, что есть на свѣтѣ книги, созданія искусства, все, кромѣ куска насущнаго хлѣба, ради котораго цѣлый день живешь, какъ въ аду, а вечеромъ грязный, усталый, не слыша подъ собою ногъ, бросаешься на тюфякъ и засыпаешь съ тѣмъ, чтобы на другой день опять начать ту же каторжную работу.

— И, голубчикъ, да вы пессимистъ,—возражалъ Петровъ.—И по-моему вы не правы. Ну, разумѣется, мнѣ въ мои годы таскать кули и ящики уже не подъ силу, но мнѣ тамъ понравилось—честное слово благороднаго человѣка. Я тогда, какъ съ Васькой ходилъ, попробовалъ поработать—вижу не гожусь, бросилъ, присѣлъ на бревно и сталъ наблюдать. Вѣрите ли, просто глазъ не оторвешь. Поэзія, наатоящая поэзія! Вы этого ничего не примѣтили, потому что вы, молодое поколѣніе, все—реалисты, матеріалисты. А мы, люди стараго закала, мы, хотя въ свое время и потрясали основы, но мы романтики, мы умѣемъ наслаждаться природой и жизнью, умѣемъ находить, такъ сказать, жемчужныя зерна въ самой смрадной навозной кучѣ. Вотъ и я тогда сидѣлъ и любовался. Впереди безконечное водное пространство, надъ нимъ—синее небо, на небѣ—солнце, яркое, жгучее. Корабли и барки съ своими парусами и снастями, точно громадныя птицы, тѣснятся къ берегу. А на берегу-то: шумъ, толкотня, веселая суета, масса проворныхъ, какъ муравьи, рабочихъ, тысячи дюжихъ мускулистыхъ рукъ, напряженныя, загорѣлыя лица. А какія группы! Какія живописныя фигуры! Какіе типы! Нѣтъ, голубчикъ, это стоитъ посмотрѣть. Вы говорите: ругань. Это вѣрно, брань такъ и виситъ въ воздухѣ, но и въ ней есть своя поэзія. Она, такъ сказать, оживляетъ ландшафтъ, дѣлаетъ всю эту картину еще болѣе жизненной. Да и что такое брань? Вѣдь эта брань незлобливая, такъ сказать, по привычкѣ. Нѣтъ, вы—не художникъ, вы—матеріалистъ. Васька тоже матеріалистъ, и притомъ глупъ, какъ поросенокъ.

И Петровъ распространялся все дальше и дальше, и я переставалъ наконецъ его слушать.

Какъ-то вечеромъ онъ мнѣ такъ надоѣлъ, что я рѣшилъ уйти изъ дома. Меня вдругъ неудержимо потянуло на воздухъ, на просторъ, захотѣлось хоть на мгновеніе окунуться въ другую жизнь, хотя отчасти вернуться къ прежнему. Я вымылся на дворѣ подъ краномъ, подстригъ бороду и волосы на головѣ, одѣлся въ лучшее свое платье, которое сберегъ, несмотря на нужду, и отправился въ центръ города, на Avenida de Mayo.

Вечеръ былъ теплый, необыкновенно тихій. Въ воздухѣ чувствовалось что-то знойное. Электрическіе фонари яркимъ свѣтомъ заливали широкую, безконечно длинную улицу, шумную, суетливую, наполненную оживленной пестрой толпой. У меня не было никакой цѣли, и я медленно двигался вслѣдъ за другими, преувеличенно вѣжливо, по здѣшней манерѣ, уступая дорогу дамамъ, для чего часто приходилось сходить съ тротуара, по долгу останавливаясь передъ окнами магазиновъ, гдѣ были выставлены предметы роскоши и галантереи, простаивая по нѣсколько минутъ на углахъ мелкихъ поперечныхъ улченокъ, по которымъ быстро проносились парные экипажи и безчисленные вагоны конки съ неустанно трубящими кондукторами. Женщины въ блестящихъ костюмахъ, по здѣшнему обыкновенію густо намазанныя бѣлилами и румянами, сновали изъ магазина въ магазинъ, наполняя своимъ щебетаніемъ всю улицу и щеголяя тѣмъ картавымъ выговоромъ, тѣмъ tzo-tzo, который здѣсь такъ принятъ и считается такимъ comme il faut въ высшемъ и среднемъ обществѣ.

Вдругъ сзади кто-то тихонько дотронулся до моего локтя. Я обернулся и увидѣлъ Воробейчика. Я обрадовался ему чрезвычайно. Онъ одѣтъ былъ совершеннымъ аргентинскимъ дэнди: краснаго цвѣта галстукъ съ брилліантовой булавкой украшалъ бѣлоснѣжный пластронъ, выступавшій изъ чернаго щегольского смокинга; свѣтлыя брюки его, необъятной ширины внизу, едва оставляли открытыми блестящіе носки лакированныхъ сапогъ. Цилиндръ на головѣ сіялъ, какъ солнце, а красныя перчатки—цвѣта sang de boeuf и толстая трость съ набалдашникомъ изъ новаго золота, которую онъ держалъ, по здѣшней модѣ, въ кулакѣ передъ самымъ своимъ носомъ, и вензель, украшавшій ее, краснорѣчиво говорили о томъ, что онъ, не шутя, превратился въ здѣшняго petit maître'а и довольно ловко изображаетъ молодого человѣка хорошаго общества. Въ его тонѣ я разслышалъ покровительственно-снисходительныя нотки.

— Вы еще не устроились? Какъ? Занимаетесь поденной работой? Чангадоръ (носильщикъ)? Очень, очень жаль.

— А вамъ, какъ видно,—освѣдомился я:—повезло на чужбинѣ?

— Какъ вамъ сказать. Однако что же мы стоимъ? Пойдемте. Вы судите по моему костюму. Но костюмъ здѣсь главное. Тутъ, кажется, будь хоть семи пядей во лбу, но если у васъ нѣтъ лакированныхъ ботинокъ, вы—погибшій человѣкъ. Въ настоящее время положеніе мое далеко не блестяще: я—корредоръ нѣсколькихъ богатыхъ фирмъ. Занятіе довольно скучное, но не безвыгодное. Только это я покамѣстъ. У меня есть идея. О! такая идея. Я вамъ какъ нибудь разскажу. А вы съ тѣхъ поръ такъ и не были у Вульфсоновъ?

Меня точно что кольнуло.

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Какъ вамъ сказать? Во-первыхъ, времени мало, я очень устаю, а, во-вторыхъ, съ какой стати я туда пойду?

— Ну, знаете, все-таки молодому человѣку необходимы развлеченія, общество. И потомъ... вѣдь у васъ тамъ завелась страстишка?

Онъ подмигнулъ мнѣ. Я почувствовалъ, что краснѣю.

— Вы говорите про Басю?—спросилъ я.

— Да. Не правда ли, хорошенькая дѣвочка?

— Что, какъ она теперь?

— О, представьте, престранно ведетъ себя. Вульфсоны съ нею голову потеряли; недѣлю тому назадъ ее чуть живую вынули изъ петли, теперь всѣ боятся, какъ бы она не покончила съ собою. Меня просили поговорить съ ней, но я, вы знаете, совсѣмъ другого направленія. Я противъ этого гешефта. Какъ хотите, въ нашъ вѣкъ это не либерально. Я понимаю полную свободу отношеній между мужчиной и женщиной. Но вѣдь это, уже знаете, хуже брака. Это ужъ прямо рабство. Конечно, я не могъ ей совѣтовать и только просилъ ее поберечь себя и надѣяться на лучшее будущее. А знаете,—вдругъ съ живостью перебилъ онъ самъ себя:— вѣдь она васъ ждетъ. Она говорила мнѣ. Скажите, пожалуйста, какъ это вы тогда потеряли деньги?

— Самъ не знаю.

— Очень жаль. Вы куда шли?

— Я? Никуда, просто бродилъ по улицамъ.

— А, знаете, что я хочу вамъ предложить? Пойдемте сейчасъ къ Вульфсонамъ. Тамъ вамъ обрадуются страшно. Васъ тамъ всѣ очень полюбили, и всѣ про васъ вспоминаютъ, а ужъ про Басю и говорить нечего. Она съ ума сойдетъ отъ радости.

— Хорошо, пойдемте,—машинально согласился я, почти не отдавая отчета въ томъ, что я дѣлаю, между тѣмъ какъ передъ моими глазами, какъ живая, предстала Бася.

— Вотъ и прекрасно.

Мы задвигались въ густой толпѣ, уже не останавливаясь у магазиновъ и только на ходу перекидываясь замѣчаніями.

— А вы живете у Вульфсоновъ?—спросилъ я Воробейчика.

— Ахъ, нѣтъ! Что вы? Я нанимаю комнату въ одномъ очень приличномъ русскомъ семействѣ? Вульфсонъ—прекрасный человѣкъ, но жить у нихъ неудобно. Такъ пойти—отчего же? Молодому человѣку надо развлекаться.

Мы незамѣтно добрались и до Кадже-Ладже. Тотъ же шумъ, та же музыка, писклпвая и трескучая, тѣ же яркіе фонари у подъѣздовъ. Все это сразу пахнуло на меня чѣмъ-то знакомымъ и съ необычайной яркостью напомнило мнѣ все, что со мной произо-

шло. Но вотъ и домъ Вульфсоновъ. Я уже почти перешагнулъ порогъ, но вдругъ остановился и сказалъ:

— Знаете что? Я не пойду.

На лицѣ Воробейчика изобразилось крайнее изумленіе.

— Да почему же?—воскликнулъ онъ:—вѣдь мы уже пришли.

— Просто не пойду, не хочется.

— Это ужасно странно!—сказалъ Воробейчикъ.—Да пойдемте, пожалуйста. Вы посмотрите, какъ вамъ всѣ рады будутъ.

— Не могу. До свиданья.

Онъ пожалъ плечами, постоялъ передо мной еще нѣкоторое время и, проговоривъ:—ну, какъ хотите, ужасно вы странный человѣкъ!—вошелъ въ домъ.

Вдругъ онъ обернулся и крикнулъ:

— Что же вы не сказали, гдѣ вы живете?

— Развѣ вамъ это интересно?

— Я думаю.

— Я живу въ Милькасасъ.

— Въ Милькасасъ? Что это вы выдумали? Вы бы лучше наняли квартиру у кого нибудь изъ нашихъ. Можно очень недорого, притомъ вамъ нашли бы занятіе. У Шмульсона вы были?

— Нѣтъ. Съ какой стати?

— Какъ съ какой стати? Онъ очень вліятельный человѣкъ. Сходите къ нему. Онъ, можетъ быть, для васъ что нибудь и сдѣлаетъ. Ну, до свиданья.

Онъ еще разъ обернулся и крикнулъ мнѣ:

— А то пойдемте!

Я покачалъ головой. Онъ пожалъ плечами и скрылся.

Нѣсколько времени я простоялъ въ нерѣшимости и наконецъ потихоньку направился домой.

На душѣ у меня было очень скверно. Сердце у меня ныло, въ груди поднималась какая-то тревога.

Я отлично понималъ, почему мнѣ не хотѣлось заходить къ Вульфсонамъ: во-первыхъ, у меня не было ни копейки денегъ, а зайти къ нимъ такъ было неловко. Во-вторыхъ, я боялся встрѣтиться съ Басей. Если Бася та же, какою я ее оставилъ, я никогда не прощу себѣ, что не постарался спасти ее; а если она — другая, то я опять таки почувствовалъ бы себя виноватымъ передъ ней, а главное, я хорошо зналъ, что безсиленъ помочь ей.

Я повернулъ въ другую сторону, стараясь не думать ни о чемъ, и быстро зашагалъ по улицѣ.

Мысли мои перелетѣли въ Россію, и я съ радостью остановился на воспоминаніяхъ, вдругъ нахлынувшихъ на меня. Я совершенно оторвался отъ дѣйствительности, и мнѣ было пріятно итти и думать о вещахъ, беконечно далекихъ, недосягаемыхъ, невозвратныхъ и неизмѣнно милыхъ.

О, какъ горячо захотѣлось мнѣ вернуться въ Россію! Какъ хорошо и свѣтло казалось мнѣ все, что было тамъ. И какимъ неопытнымъ безсмысленнымъ глупцомъ показался я себѣ, я, который бросилъ родину, друзей, все, къ чему привыкъ съ дѣтства, ради того, чтобы избѣгнуть заслуженной кары, быть можетъ, далеко не столь ужасной, чтобы стоило мѣнять ее на то, что я пережилъ. И милыя картины рисовались въ моемъ воображеніи и неудержимо звали меня назадъ...

— Александръ Петровичъ!—вдругъ послышалось сзади меня.

Я обернулся и не сразу пришелъ въ себя отъ неожиданности и недоумѣнія: передо мною стояла Бася.

— Вы не узнаете меня?—проговорила она.

— Какъ можно! Я тотчасъ же узналъ васъ, хотя вы очень измѣнились.

Я съ горестнымъ изумленіемъ всматривался въ нее. Она похудѣла и поблѣднѣла. Прежняя округлость и дѣтская полнота щекъ исчезли; лобъ перерѣзывало нѣсколько заботливыхъ, скорбныхъ морщинокъ. Не было и той простодушной ясности взгляда, которая такъ неотразимо влекла меня къ ней. Но особенно поразилъ меня ея костюмъ. Огромная, украшенная пестрыми лентами, стеклярусомъ и перьями шляпа какъ-то не шла къ ея миловидному, и какъ будто недоумѣващему личику. Яркое платье, мантилья съ мѣхомъ и кружевами, подбитая краснымъ—этимъ излюбленнымъ цвѣтомъ здѣшнихъ дамъ легкаго поведенія,—желтыя перчатки до локтей, запахъ какихъ-то пронзительныхъ духовъ, вызывающая прическа—все это такъ не шло къ ней, такъ не вязалось съ моимъ представленіемъ о ней, что я невольно отступилъ назадъ и воскликнулъ:

— Неужели это вы Бася? Въ этомъ нарядѣ? Что вы дѣлаете теперь на улицѣ?

— Зачѣмъ я на улицѣ?—повторила она:—но вѣдь это такой часъ, когда всѣ на улицѣ. А нарядъ... нарядъ я ношу, какой мнѣ дали.

И вдругъ, всплеснувъ руками, она воскликнула, увлеченная невольнымъ душевнымъ порывомъ:

— Ахъ, Александръ Петровичъ! Отчего вы не пришли потомъ?

Въ этихъ словахъ послышались мнѣ и упрекъ, и сожалѣніе, и горькое разочарованіе.

— Бася,—сказалъ я:—вы сами знаете, почему. Мнѣ слѣдовало тогда же, тотчасъ же помочь вамъ, а что я могъ сдѣлать?

— Все!—горячо воскликнула она.

— Все? Но вы забываете, Бася, что я—нищій, у меня нѣтъ ничего, что я могъ бы предложить вамъ.

— Ахъ,—сказала она съ тоской:—какъ все это невѣрно! Какая это все неправда! Я вѣдь не говорю съ вами о деньгахъ. Деньги

мнѣ не были нужны тогда и не нужны теперь. Но мнѣ нужно было слово, одно слово участія, и я думала, глупая, что вы мнѣ скажете его. Если-бъ вы мнѣ сказали тогда, когда вы уходили: «Бася, пойдемъ со мной»,—я бы, не колеблясь послѣдовала за вами. О, не думайте,—живо перебила она сама себя:—что я обременила бы васъ собой, требовала бы отъ васъ чего нибудь, смотрѣла бы, какъ на человѣка, который обязанъ заботиться обо мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, я бы все, все взяла на себя. И я бы знала, я бы вѣрила, что у меня есть другъ, а вѣдь мнѣ это только и нужно.

— Бася,—сказалъ я:—вы знаете, что я никогда не откажу вамъ въ дружбѣ. Если вамъ нуженъ другъ, то онъ передъ вами. Скажите, что я могу для васъ сдѣлать?

— Ахъ,—воскликнула она:—я знала, что вы благородный человѣкъ! Послушайте, я хочу убѣжать отъ нихъ. Хотите помочь мнѣ? Жить такъ, какъ я живу, я не могу, это выше моихъ силъ.

— Бѣжать? Это легко сказать, Бася! Помните, что вы сами мнѣ говорили? Наконецъ, куда бѣжать?

— Куда? Назадъ въ Россію. Дайте мнѣ только возможность гдѣ нибудь укрыться до отхода парохода, а разъ я въ морѣ, я спасена.

— А деньги, Бася?

— Деньги? Денегъ у меня есть немного; не знаю, хватитъ ли, чтобы доѣхать. Я готова терпѣть какія угодно лишенія.

— Бася,—сказалъ я:—я бы далъ вамъ денегъ...

— Не нужно денегъ!—нетерпѣливо воскликнула она.

— Постойте, пусть не нужно денегъ. Но какъ же я могу помочь вамъ?

— Скажите мнѣ, гдѣ вы живете. Я убѣгу отъ нихъ къ вамъ. Никому не придетъ въ голову, что я у васъ.

— Ко мнѣ?—спросилъ я.—Что вы говорите, Бася! Я—одинокій человѣкъ, я—чернорабочій, я живу въ Милькасасъ со всякимъ сбродомъ...

Она махнула рукой.

— Ахъ, какой вздоръ! Неужели вы думаете, что я могу останавливаться на такихъ пустякахъ? Или вы думаете, что тамъ, гдѣ я нахожусь теперь, лучше?

Она горько улыбнулась.

— Поймите, что мнѣ не изъ чего выбирать. У меня нѣтъ больше силъ бороться, я чувствую, что наконецъ должна буду уступить имъ.

— Уступить?—переспросилъ я:—развѣ вы...

Она, широко раскрывъ глаза, взглянула на меня.

— Неужели вы думали! Нѣтъ, они ничего со мной не могутъ сдѣлать теперь. Но у меня не хватаетъ больше силъ. Прежде они меня уговаривали, бранили, просили—теперь бьютъ.

— Бьютъ? Васъ?

— Да, они ужасно злы. Нѣтъ человѣка, съ которымъ я могла бы сказать слово. Меня окружаютъ враги и предатели. По ихъ лицамъ, по ихъ перешептываніямъ я догадываюсь, что они что-то предпринимаютъ. Что, я не знаю, но это что-то ужасное, и я чувствую, что побѣда останется на ихъ сторонѣ. Если я не убѣгу, я погибла навсегда.

— Хорошо, Бася!—съ внезапной рѣшимостью сказалъ я:—приложу всѣ усилія, чтобы устроиться такъ, чтобъ вы могли въ любое время прійти ко мнѣ. Когда я могу васъ видѣть и гдѣ? Необходимо все обсудить.

— Приходите сюда на уголъ завтра и послѣзавтра. Можетъ быть, меня опять отпустятъ гулять. Прежде они меня охотно пускали, но потомъ стали сердиться, а я сегодня слышала, какъ Вульфсонъ сказалъ женѣ, что если я и сегодня не приведу гостя, то нечего смотрѣть мнѣ въ зубы. Прощайте!

— Погодите, Бася! Какъ же быть? Мы должны видѣться. А если васъ не пустятъ?

— Не знаю,—устало и равнодушно произнесла она.

Я понялъ, что она во власти безнадежнаго отчаянія, и вдругъ рѣшился:

— Идемте, Бася,—сказалъ я.—Я пойду съ вами.

— Туда, къ нимъ?—съ недоумѣніемъ пролепетала она.

— Да, да, идемте.

Лицо ея вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло, и она быстро пошла впередъ.

Я не отставалъ отъ нея.

Когда мы вошли къ Вульфсонамъ, первый увидѣлъ насъ Мойше и молча поклонился мнѣ, скрываясь во внутреннемъ патіо.

Черезъ мгновеніе оттуда выглянуло жирное и багровое лицо Сарры, и когда мы приблизились къ ней, она ласково закивала мнѣ головой и сказала:

— И ждраштвуйте! И какъ хорошо, что вы пришли. Изаакъ, Изаакъ!—закричала она, повернувъ голову къ комидору:—иды же сюда, смотры, какого хорошаго гостю привела Бася.

На порогѣ, запахиваясь въ сѣрый грязный халатъ, появился старый Вульфсонъ.

— Милости просимъ, милости просимъ!—закивалъ мнѣ и онъ.

Я подошелъ къ нему и вполголоса сказалъ:

— Вы меня извините, я теперь не при деньгахъ, но...

Онъ не далъ мнѣ кончить.

— А! И что это вы, мы же вамъ такъ рады. Вы намъ не чужой, русскій изъ Россіи. Намъ очень пріятно. Отчего вы не были?

— Было много дѣла, никакъ не могъ собраться.

— Ну, что дѣла!—возразилъ онъ:—вы молодой человѣкъ. О! въ

вашп годы старый Вульфсонъ былъ молодецъ, бѣдовый. Сарра, што-жъ ты, а чаю?

И опять въ комидорѣ появился самоваръ, и меня усадили пить чай. Со мной очевидно не стѣснялись и считали меня своимъ человѣкомъ. Еврей съ еврейкой толковали о своихъ дѣлахъ. Приходила то та, то другая изъ дѣвицъ. Нѣкоторыя еще были не одѣты, другія уже принаряжены и, выпивъ чаю, снова скрывались.

Я ушелъ отъ Вульфсоновъ въ четвертомъ часу ночи.

Разставаясь, мы съ Басей уговорились встрѣтиться на другой день на томъ же мѣстѣ и въ то же время.

IX.

Когда я пришелъ домой, Петровъ еще не спалъ.

- Откуда это вы такъ поздно?—спросилъ онъ меня.

Я попросилъ его выслушать меня и тотчасъ же разсказалъ ему все съ самаго начала.

— Что вы мнѣ посовѣтуете?—заключилъ я.

Петровъ задумался.

— Насколько я понимаю, — сказалъ онъ наконецъ:—вы хотите, чтобы эта ваша Бася поселилась на время у насъ. Это невозможно. Только,—знаете что?—плюньте вы на всю эту исторію. Васъ, голубчикъ, просто водятъ за носъ, и всѣ эти розсказни вашей Баси и этихъ жидовъ—сплошная ложь. Это здѣсь въ модѣ. Тутъ ужъ такъ принято: въ каждомъ такомъ заведеніи есть своя «Бася», молоденькая, съ миловидной рожицей дѣвченка, съ помощью которой надуваются и обираются вотъ такіе наивные люди, какъ вы. Иная такая Бася въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ успѣхомъ играетъ роль угнетенной невинности и уже только тогда, когда, даже и на неопытный глазъ, она дѣлается негодной для этого амплуа, ее переводятъ на другое. Впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете. По-моему это дѣло--дрянь! Зачѣмъ вамъ связывать себя? Вѣдь не жениться же вы на ней собираетесь?

— Вы знаете, что я женатъ.

— Ну, положимъ, въ Аргентинѣ это не имѣетъ значенія. Въ Россіи вы женаты, а здѣсь вы—свободный человѣкъ. Тутъ, голубчикъ, дѣла эти дѣлаются просто. Можете зайти къ любому juez de paz (мировому судьѣ), заявить, что вотъ такая-то—ваша жена, и кончено.

— Будто ужъ такъ просто?

— Ахъ, вы—наивный россіянинъ! Поймите, вы въ странѣ свободы.

— Все это прекрасно, только для меня безполезно. Мнѣ и въ голову не приходило жениться на Басѣ, и, думаю, будь я свободенъ, мысль эта одинаково показалась бы мнѣ дикой.

— Послѣ этого, я васъ не понимаю. Я вѣдь думалъ, что вы влюблены въ эту жидовку. Развѣ нѣтъ?

— Не знаю.

— Тогда за коимъ чортомъ вамъ перетаскивать ее сюда? Лишняя обуза и только.

— Отчего же не помочь человѣку, если это возможно?

— Это вы серьезно?

— Разумѣется, серьезно.

— Чудакъ вы, право! Человѣку слѣдуетъ помочь,—это вѣрно, но, во-первыхъ, ваша Бася не человѣкъ, а женщина.

— Теперь я васъ спрошу: это вы серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Значитъ, вы не признаете женщину за человѣка?

— Ну, не то, чтобы совсѣмъ не признавалъ, но за настоящаго человѣка, понятно, признать не могу, особенно такую женщину, какъ ваша Бася.

— Что значитъ такую?

— Да вотъ такую дѣвицу изъ заведенія.

— Я вѣдь вамъ разсказывалъ ея исторію.

— Исторія эта извѣстная и у всѣхъ одна. Такими исторіями можно втирать очки только такимъ младенцамъ, какъ вы. А я, голубчикъ, тертый калачъ. Меня не надуешь.

— Я не зналъ, Иванъ Павловичъ, что вы такой ненавистникъ женщинъ.

— Ничего я не ненавистникъ. А только вижу вещи, какъ онѣ есть. Женщины—дрянь народъ, это извѣстно, и толковать объ этомъ—только время терять.

— Но все-таки какъ же мы рѣшимъ насчетъ Баси?

— А рѣшайте, какъ хотите. Вамъ угодно рыцарствовать. А у меня съ бабами совсѣмъ другой разговоръ. Этого платоническаго благородства я съ ними не признаю. По-моему, нравится тебѣ женщина, сумѣла она въ тебѣ расшевелить мужчину,—куда ни шло, можно для нея пожертвовать своимъ спокойствіемъ, а если вы къ ней индифферентны—чортъ съ ней, пускай сама устраивается, какъ знаетъ.

— Вы меня удивляете! И это говорите вы, вы, который считаете себя и либеральнымъ и гуманнымъ человѣкомъ.

— При чемъ тутъ гуманность? Вы думаете, если я не хочу ничего для нея сдѣлать, такъ ужъ ей и спасенія нѣтъ. Не воображайте. Женщина всегда найдетъ дурака, изъ котораго будетъ веревки вить.

— Непремѣнно дурака?

— Всенепремѣнно, ибо женщины—это такая нація, что и самый умный человѣкъ съ ними становится дуракомъ.

— Я никогда не думалъ, что либералы такого невысокаго мнѣнія о женщинахъ.

— Э, батюшка! Не смѣшивайте принципа съ жизнью. Поживите съ мое, тогда и говорите. Вы думаете, Васька мой законный сынъ?—вдругъ озадачилъ онъ меня.

— Ничего не думаю.

— Ну, вотъ видите. Васька—сынъ, какъ говорится, любви. И второй мой сынъ тоже. А остальные ужъ всѣ законные. А вы думаете моя жена—мнѣ пара? Ничего общаго. Неразвитая самка, экспансивная дура, а заставила же жениться на себѣ.

Онъ съ ожесточеніемъ плюнулъ, привсталъ на постели и продолжалъ:

— Можетъ, вы подумаете, что она была красавица, или хоть интересна, что называется, пикантна? Ничуть не бывало. Умъ? Но, во-первыхъ, я, кажется, уже говорилъ вамъ, что она—дура, а, во-вторыхъ, на кой чортъ умъ въ женщинѣ? Теперь сообразите, чѣмъ она меня могла плѣнить. И однако я былъ у нея подъ башмакомъ цѣлыхъ десять лѣтъ. И вѣдь воображалъ, не шутя, что она лучшая изъ женщинъ, счастливое и удивительное исключеніе изъ этого обезьяньяго рода. Вы слушаете?

— Слушаю. Почему же вы теперь о ней другого мнѣнія?

— А позвольте спросить, какого мнѣнія я могу быть о женщинѣ, которой я далъ имя, положеніе, для которой пожертвовалъ своей свободой, если она и думать обо мнѣ не хочетъ? Друзья познаются въ несчастьѣ, женщина тоже. Моя супруга вотъ пять лѣтъ, какъ собирается ко мнѣ пріѣхать, а все не ѣдетъ. Да и зачѣмъ она поѣдетъ? Она рада-радешенька, что избавилась отъ меня, и что судьба забросила меня въ эту проклятую Аргентину.

— Въ первый разъ слышу, что вы такъ отзываетесь объ Аргентинѣ. И если вы находите, что тутъ такъ плохо, зачѣмъ вы хотите, чтобъ ваша жена терпѣла тѣ же невзгоды, что и вы?

— Это ея долгъ! А по-вашему я буду тутъ бѣдствовать, а она тамъ въ Москвѣ будетъ благодушествовать, подъ крылышкомъ у родственниковъ? Это свинство! А какое она имѣетъ право лишать меня семьи? Вѣдь у нея тамъ еще четверо ребятъ. И ребята эти тоже и мои, я думаю.

— Но вѣдь она не виновата, что вы должны были бѣжать въ Аргентину?

— Это еще не извѣстно, виновата или нѣтъ. Будь около меня другая женщина, я бы, можетъ быть, и не надѣлалъ глупостей? Да не въ томъ дѣло. Жена должна быть тамъ, гдѣ ея мужъ. Вы себѣ не можете представить, сколько писемъ и какихъ переслалъ я ей отсюда, умоляя ее пріѣхать. Не ѣдетъ! То пишетъ, что сама больна, то кто нибудь изъ дѣтей, то нѣтъ денегъ...

— А у вашей жены есть средства? Вы, кажется, не высылаете ей денегъ?

— Откуда мнѣ взять? Вы видите—я нищій.

— Значитъ, ей не на что пріѣхать, еслибъ она и захотѣла.

— Совсѣмъ не значитъ. Если она можетъ жить тамъ съ семьей, не нуждаясь, то можетъ и пріѣхать.

— Почемъ вы знаете, что она не нуждается?

— Она сама пишетъ. Пишетъ, что завела дѣло, открыла типографію, и она даетъ ей хорошій доходъ. Да по всему видно, что живутъ хорошо. Карточки мнѣ выслала свою и дѣтей, сама расфуфыренная, дѣти тоже такими барчатами выглядятъ, и снимались въ дорогой фотографіи. Кто нуждается, тому не до фотографій. Они тамъ на увѣковѣченіе своихъ физіономій десятки рублей тратятъ, а мы здѣсь съ Васькой безъ хлѣба сидимъ! И это называется семья!

— По-моему, вы неправы. Выходитъ, что жена ваша—труженица, содержитъ себя и дѣтей, не требуя отъ васъ помощи. А если не ѣдетъ, то какъ судить ее, не зная ея обстоятельствъ. Трудно подняться съ насиженнаго мѣста съ цѣлой семьей.

— Въ пять-то лѣтъ? Что вы, батюшка! Просто не хочетъ пріѣхать.

— Согласитесь, что и въ этомъ нельзя винить ее. Можно, конечно, преклоняться передъ высокими подвигами и самоотверженіемъ, но нельзя требовать ихъ отъ людей. Если ей и дѣтямъ тамъ хорошо,—естественно, что она не рѣшается разорвать съ родиной и со всѣмъ, что ей дорого, а, быть можетъ, считаетъ себя и не въ правѣ рисковать будущностью дѣтей.

— Вотъ нашелся адвокатъ! Да дѣтямъ здѣсь во сто разъ будетъ лучше, чѣмъ въ Россіи. Ужъ одно то, что они не будутъ знать солдатчины,—чего стоитъ. Небойсь, она о дѣтяхъ не очень безпокоилась, когда производила на свѣтъ незаконныхъ. Всѣ онѣ одинаковы! Эта хоть съ меня на содержаніе не теребитъ, а жена Лѣвина какія-то тамъ пособія получаетъ, дѣтей на казенный счетъ воспитываетъ, несчастную жертву изъ себя разыгрываетъ, а денежки за мужнины сочиненія преспокойно себѣ въ карманъ кладетъ. А тотъ дуракъ все еще не теряетъ надежды, что она къ нему пріѣдетъ. Какъ бы не такъ!

Онъ опять плюнулъ, легъ, отвернулся къ стѣнѣ и замолчалъ.

Мнѣ не хотѣлось продолжать съ нимъ разговора, и я тоже молчалъ.

Но заснуть я не могъ. Мысль о Басѣ не давала мнѣ покоя. Я попробовалъ было разобраться въ самомъ себѣ, уяснить себѣ свое отношеніе къ ней, но ничего не выходило. Прежняго моего жгучаго чувства къ ней какъ не бывало, оставалась только какая-то гнетущая, непріятная забота.

Давно уже глядѣла въ окно черная беззвѣздная ночь, давно спалъ Петровъ, сопя и храпя на всю комнату, а я все еще ворочался съ боку на бокъ.

Передъ самымъ разсвѣтомъ я наконецъ забылся тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ.

То мнѣ снилось, что я плыву по морю въ маленькой, утлой лодченкѣ, и она качается во всѣ стороны, и вотъ, вотъ захлестнетъ ее холодной, соленой волной. То мнѣ представлялось, что я уже не въ Америкѣ, а въ Россіи и снова собираюсь бѣжать. Меня преслѣдуютъ, настигаютъ, но я въ послѣдній моментъ успѣваю спастись. То казалось мнѣ, что я въ плѣну въ крѣпкомъ древнемъ замкѣ и живу въ тѣсной каморкѣ съ узкимъ окномъ, высоко вдѣланнымъ въ толстую кирпичную стѣну, съ низенькой желѣзной дверью противъ этого окна. Я сижу здѣсь уже давно и никого не вижу, кромѣ моего тюремщика, а тюремщикъ этотъ Петровъ. Два раза въ день онъ отворяетъ мою желѣзную дверь, которая визжитъ и скрипитъ на перержавѣвшихъ петляхъ, и приноситъ мнѣ скудный обѣдъ и ужинъ...

Я проснулся съ страннымъ ощущеніемъ испуга. Солнце цѣлымъ снопомъ яркихъ лучей врывалось со двора сквозь окно, ставни котораго мы съ Петровымъ давно уже перестали затворять на ночь. Тотчасъ же я вспомнилъ, что нужно итти на работу. По тому, какъ солнце освѣщало комнату, и по той тишинѣ, которая стояла во дворѣ, гдѣ виднѣлось только нѣсколько женщинъ да ребятишекъ, я сразу догадался, что должно быть очень поздно.

Петровъ еще крѣпко спалъ, закинувъ голову и раскрывъ ротъ, не замѣчая солнца, которое заливало его. Я разбудилъ его.

Онъ вынулъ изъ-подъ подушки часы. Было десять.

— Вотъ тебѣ разъ,—сказалъ я:—итти на работу уже поздно.

— Да вы не ходите сегодня,—сказалъ Петровъ.

— Какъ не ходить?

— А очень просто. Посмотрите, какая славная погода! Деньги у насъ есть, давайте, устроимъ себѣ праздникъ.

Я подумалъ, что у Петрова и безъ того каждый день праздникъ.

Онъ точно угадалъ мои мысли и сказалъ:

— Вы думаете, я одинъ безъ васъ остаюсь, такъ ничего и не дѣлаю? Нѣтъ, батюшка, ошибаетесь. Я когда нибудь вамъ разскажу, надъ чѣмъ я работаю. А сегодня давайте гулять. Пойдемте, пообѣдаемъ въ какомъ нибудь трактирчикѣ и поболтаемъ за бутылкой вина. Идетъ?

Я согласился. Искушеніе было слишкомъ велико. Денегъ у насъ было цѣлыхъ пять песовъ—сумма для насъ очень значительная. Солнце сіяло такъ весело, а поденный трудъ былъ мнѣ такъ ненавистенъ, что я съ радостію ухватился за предлогъ хоть на одинъ день бросить его и отдохнуть.

Мы развели огонь, вскипятили воду и усѣлись пить чай, составляя планы на цѣлый день.

Но имъ не суждено было сбыться: пришелъ картеро—почтальонъ и принесъ открытое письмо отъ Шмульсона, который писалъ, что у него есть до меня дѣло, и что онъ проситъ меня прійти. «А если Иванъ Павловичъ свободенъ, то и съ нимъ»,—прибавлялъ онъ.

— Вотъ и прекрасно!—съ торжествомъ вскричалъ Петровъ.— Вы видите, я былъ правъ, что не отпустилъ васъ сегодня. Ужъ если Шмульсонъ васъ зоветъ, значитъ, у него есть какое нибудь хорошее дѣльце. Одѣвайтесь и пойдемте.

Мы отправились.

Шмульсона не было дома, но жена привѣтливо насъ встрѣтила и сказала:

— Онъ приказалъ сказать вамъ, чтобы вы шли къ нему въ контору. Вы вѣдь знаете куда, Иванъ Павловичъ?

— Зналъ, да забылъ,—сказалъ Петровъ.

— Ну, какъ же такъ? Вотъ вамъ адресъ.

И она дала намъ печатную карточку.

Мы нашли Шмульсона въ большомъ, просторномъ помѣщеніи почти безъ мебели. Стояло только что-то въ родѣ прилавка, огромный деревянный шкафъ, а на полу множество ящиковъ, набитыхъ книгами въ разноцвѣтныхъ бумажныхъ обложкахъ.

Самъ Шмульсонъ и другой господинъ, тоже—молодой, но уже тучный и нѣсколько обрюзгшій, безъ пиджаковъ, въ зеленыхъ фартукахъ суетились и хлопотали, раскрывая и выгружая эти ящики.

— А!—привѣтствовалъ насъ Шмульсонъ:—очень радъ. Вы вѣдь не знакомы съ моимъ братомъ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

И онъ представилъ мнѣ жирнаго молодого еврея.

— Пожалуйста, присядьте, хоть на подоконникъ,—пригласилъ онъ насъ.—Мы вотъ сейчасъ немножко разберемся, и тогда я къ вашимъ услугамъ.

— Какъ дѣла?—спросилъ Петровъ.

— Ничего, не дурны. Теперь мы новую штуку придумали. Рѣшили для donacion зеркала въ бронзовыхъ рамахъ, а на другое полугодіе—кресло-качалку.

— Это хорошо,—похвалилъ Петровъ.

— Еще бы! У насъ ужъ и сейчасъ масса подписчиковъ.

Шмульсонъ отворилъ дверь въ комнату рядомъ и крикнулъ:

— Эй! Подите-ка сюда кто нибудь.

Два жидка въ парусиновыхъ пиджакахъ и штанахъ и въ альпаргатахъ прибѣжали на его зовъ.

— Разберите эти книги,—сказалъ имъ Шмульсонъ:—а мы пойдемъ въ брошюровочную.

И онъ повелъ насъ за собой.

Мы вошли въ небольшую комнату съ окнами во дворъ. За

огромнымъ столомъ стояло нѣсколько мальчиковъ, которые занимались довольно страннымъ на мой взглядъ дѣломъ: двое или трое брали изъ лежавшей тутъ груды книги, рвали ихъ на нѣсколько частей и бросали на столъ. Остальные мальчики быстро разбивали ихъ, вкладывали въ бумажныя, тутъ же лежавшія во множествѣ обертки и съ помощью какого-то станка скрѣпляли ихъ проволокой.

— Это что же они дѣлаютъ?—сказалъ я.

Шмульсонъ усмѣхнулся.

— У насъ тутъ, видите ли, и типографія, и литографія, и переплетная.

Взявъ одну изъ брошюръ, онъ передалъ ее мнѣ. Я прочелъ испанскій заголовокъ: «Журналъ для семейнаго чтенія. Романъ Жюля Верна «Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водою». Внизу значилось: «Редакторъ-издатель Шмульсонъ». Съ другой стороны обертки говорилось, что журналъ выходитъ еженедѣльно безъ всякихъ пропусковъ и отсрочекъ, предлагая читателямъ самыя интересныя и самыя новѣйшія произведенія европейской литературы; что выборъ этихъ произведеній сдѣланъ такъ удачно, что ихъ смѣло можно рекомендовать самому чопорному семейству, и что въ нихъ найдетъ себѣ пищу для ума и для сердца и старикъ, мирно встрѣчающій закатъ своихъ дней, и молодая дама, ищущая впечатлѣній и пріятнаго развлеченія, и дѣвушка, вступающая въ жизнь, и зрѣлый мужъ, желающій отдохнуть послѣ серіозныхъ трудовъ, и пылкій юноша, жаждущій подвиговъ въ свѣтѣ, и любознательной ребенокъ, нуждающійся въ руководителѣ его развитіемъ. Кромѣ вышеперечисленнаго,—говорилось дальше,—редакторъ-издатель, польщенный благосклоннымъ вниманіемъ публики и поощренный тѣмъ громаднымъ количествомъ подписчиковъ, которое съ каждымъ днемъ прибываетъ и прибываетъ, на этотъ разъ предлагаетъ читателямъ въ первое полугодіе кресло-качалку лучшаго бука, выписаннаго изъ Европы и гнутаго на европейскихъ фабрикахъ, съ усовершенствованнымъ сидѣніемъ изъ спеціально-приготовленнаго камыша. Каждый экземпляръ патентованъ и носитъ марку знаменитѣйшаго торговаго европейскаго дома. А на второе полугодіе, имѣя въ виду украшеніе домашняго уголка нашихъ милыхъ подписчиковъ, мы предлагаемъ зеркало въ бронзовой, вызолоченной, никогда не тускнѣющей и нечернѣющей, замѣняющей золотую рамѣ, длиною одинъ метръ и шесть сантиметровъ, а шириною три четверти метра. Какъ изящное украшеніе гостиной, будуара, зеркало это не имѣетъ себѣ равнаго. Обѣ эти прелестныя вещи редакція предлагаетъ совершенно безплатно, принося ихъ въ даръ отъ чистаго сердца и нисколько не жалѣя о затраченныхъ громадныхъ средствахъ. Если бы подобное зеркало или подобное кресло кто нибудь вздумалъ выписать изъ Европы,

то онъ заплатилъ бы на мѣстѣ за зеркало сорокъ песовъ, за кресло двадцать восемь песовъ; упаковка и доставка на желѣзную дорогу по одному песо пятидесяти центавовъ, итого три песа, перевозъ съ желѣзной дороги на пристань два песа; артельщики, комиссіонныя, страховыя—три песа; провозъ пять песовъ; доставка на мѣсто, освобожденіе изъ таможни, дрягиль и транспортъ двадцать песовъ,—итого сто одинъ песо. А мы предлагаемъ эти прекрасныя вещи совершенно безплатно. Впрочемъ, нѣтъ. Намъ щедро будетъ уплачено довѣріемъ, расположеніемъ къ намъ и любезнымъ и просвѣщеннымъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ нашему изданію».

Дальше значилось, что подписка на годъ стоитъ десять песовъ, за что желающіе каждую недѣлю будутъ получать номеръ журнала; на полгода—шесть песо, на три мѣсяца—четыре песо и на одинъ мѣсяцъ—два песо пятьдесятъ центавовъ. Въ отдѣльной продажѣ каждый нумеръ стоитъ восемьдесятъ центавовъ. На подарокъ имѣютъ право разсчитывать только годовые и полугодовые подписчики: годовые на оба подарка, а полугодовые на тотъ, который приходится въ ихъ полугодіе.

Я просмотрѣлъ номеръ журнала и къ удивленію своему убѣдился, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ страницъ французскаго романа безъ начала и конца, такъ что первая страница прямо была двадцатая, а послѣдняя тридцать седьмая, при чемъ она еще обрывалась на полусловѣ.

— Что же это?—произнесъ я.

— Развѣ вы не видите?—сказалъ Шмульсонъ:—вещь очень простая. Мы разрываемъ французскій романъ на пятьдесятъ двѣ части—по скольку страничекъ придется по расчету, брошюруемъ ихъ и выдаемъ подписчикамъ.

— Вы бы хоть дѣлили по главамъ,—сказалъ я.—А то согласитесь сами: очень странно видѣть такой журналъ, который начинаетъ здорово-живешь со страницы, вырванной изъ книги, и кончается на запятой.

— Въ томъ-то и штука!—возразилъ Шмульсонъ.—Во-первыхъ, главы бываютъ иногда слишкомъ длинныя, и помѣщать цѣлую главу было бы невыгодно. Останавливаться на точкахъ, или тамъ, гдѣ того требуетъ смыслъ, во-вторыхъ, потребовало бы отдѣльнаго человѣка, а, въ-третьихъ, понадобилась бы переверстка, а что за охота возиться съ типографіей? А наконецъ для читателя такъ гораздо интереснѣе. Раньше мы выбирали романы, гдѣ главы были не особенно длинныя, и это оказалось невыгоднымъ. Прочтетъ сеньора главу и успокоится, она уже смотритъ на нее, какъ на отдѣльное произведеніе. А тутъ дѣло другое; тутъ ее заставляютъ оторваться, во что бы то ни стало, отъ самаго интереснаго мѣста. Неужели вы думаете, какая нибудь барыня, дочитавши до того, какъ молодой человѣкъ и очень интересная и тоже молодая,

но замужняя дама усѣлись гдѣ нибудь въ изящной гостиной и занялись разговоромъ, утерпитъ, чтобы не купить слѣдующій номеръ журнала? Да она лучше откажется отъ куска хлѣба, но непремѣнно пожелаетъ узнать, что было дальше. Такая дама и купитъ нашу книгу разъ, другой и наконецъ подписывается на нашъ журналъ. А чтеніе мы предлагаемъ самое разнообразное: теперь, какъ видите, у насъ идетъ «Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водою». Одно заглавіе чего стоитъ.

— А вы знакомы съ содержаніемъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Мы больше на имя писателя и на репутацію книги разсчитываемъ.

— Если начать знакомиться съ этими содержаніями,—вставилъ братъ Шмульсона: — голова кругомъ пойдетъ. Пусть съ ними знакомятся уже читательницы.

— Богъ съ нимъ, съ содержаніемъ! — сказалъ Шмульсонъ: — вотъ послѣ «Восьмидесяти тысячъ верстъ подъ водою» мы пустимъ «Прекрасную садовницу» Понсонъ-дю-Терайля на французскомъ языкѣ.

— И много у васъ подписчиковъ?

— Уже сейчасъ около 80-ти тысячъ. Вѣдь это не Европа. Вы на свой аршинъ не мѣрьте. Иная сеньора и по-французски не понимаетъ, а книжку треплетъ, чтобы прослыть за образованную, за аристократку.

Онъ повелъ насъ назадъ, опять въ ту комнату, гдѣ стояли ящики. Изъ нея мы вышли на площадку къ наружной двери и вошли въ помѣщеніе напротивъ. Здѣсь мы увидали комнату, обставленную шкафами и нѣсколькими письменными столами, за которыми сидѣли прилично одѣтые молодые люди. Рядомъ былъ и кабинетъ редактора съ мягкой, кожаной мебелью, съ огромнымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами и книгами, и, что меня удивило, надъ диваномъ висѣлъ поясной портретъ красками императора Александра II.

— Какъ къ вамъ попалъ этотъ портретъ? — спросилъ я.

— А что же тутъ удивительнаго? — сказалъ Шмульсонъ: — я привезъ его еще изъ Россіи. У каждаго настоящаго русскаго патріота долженъ быть портретъ его государя.

— Такъ отчего же у васъ портретъ одного изъ покойныхъ государей, а не нынѣ царствующаго?

— А гдѣ же возьмешь портретъ нынѣ царствующаго? Я ужъ и то думаю подписаться на «Ниву», единственно только ради этихъ портретовъ. Вдѣлаю ихъ въ огромныя золоченыя рамы и повѣшу въ конторѣ. Пусть аргентинцы разѣваютъ рты на нашихъ царей.

Шмульсонъ усѣлся въ кресло у стола, попросилъ насъ садиться и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Теперь поговоримъ о васъ. Я много о васъ думалъ. Въ на-

стоящее время очень трудно получить занятія, но у меня есть нѣчто для васъ на примѣтѣ. На первый разъ и это все-таки хоть что нибудь. Тутъ есть одна торговая фирма цвѣтовъ. Такъ имъ нуженъ управляющій и вмѣстѣ корредоръ. Я совѣтую вамъ принять это мѣсто. Вотъ вамъ адресъ и вотъ моя карточка. Вы скажете, что я прислалъ васъ. Говорить можете по-руссски: одинъ изъ хозяевъ нѣмецъ, а другой, компаньонъ его, русскій. Отправляйтесь сейчасъ туда. Это недалеко. Иванъ Павловичъ подождетъ здѣсь.

Черезъ часъ я возвращался назадъ. Меня приняли на службу съ жалованіемъ въ пятьдесятъ песо на первое время и сказали мнѣ, что требуется залогъ, но такъ какъ меня рекомендуетъ Шмульсонъ, то для меня сдѣлаютъ исключеніе. Хозяева мнѣ понравились. Оба оказались евреями: одинъ нѣмецкимъ, а другой — русскимъ.

Я былъ такъ обрадованъ этой неожиданной удачей, что почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Шмульсонъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать. Новыхъ моихъ хозяевъ онъ очень хвалилъ. О дѣлѣ онъ отзывался, какъ о солидномъ и очень выгодномъ предпріятіи.

— Здѣсь это первая фабрика цвѣтовъ, — говорилъ онъ: — вотъ вы посмотрите, какія у нихъ тамъ великолѣпныя машины, усовершенствованныя, все дѣлается необыкновенно быстро: съ потолка падаетъ на горячую стальную форму, на которой лежитъ кусокъ бархатной или шелковой цвѣтной матеріи, тяжелый прессъ, и вы моментально получаете нѣсколько тысячъ совершенно готовыхъ лепестковъ. Они имѣютъ возможность продавать цвѣты такъ дешево, какъ ручные работники и работницы не могутъ себѣ и представить. Впрочемъ, вы сами увидите.

Въ девять часовъ я вспомнилъ о Басѣ и о назначенномъ свиданіи и заторопился уходить.

Петровъ объявилъ, что идетъ со мной.

— Мнѣ хочется поглядѣть на вашъ предметъ, — говорилъ онъ дорогой.

Бася уже ждала на назначенномъ мѣстѣ.

Петровъ тотчасъ же самъ отрекомендовался ей и началъ любезничать съ нею въ самомъ пошломъ и слащавомъ тонѣ, обнаруживъ передо мною новую сторону своего характера, которой мнѣ не было случая подмѣтить раньше, и которая придавала ему что-то смѣшное и гаденькое.

Бася молча слушала его, вопросительно поглядывая на меня. Она показалась мнѣ еще блѣднѣе и худѣе, чѣмъ наканунѣ.

Нарядъ ея былъ проще и не кидался въ глаза. Волосы были гладко причесаны безъ всякихъ украшеній, и шляпы на ней не было. Здѣсь часто можно видѣть на улицѣ женщину безъ шляпы, если она вышла на минуту, въ лавку или къ сосѣдкѣ.

По лицу Баси я видѣлъ, что она взволнована и точно порывается куда-то.

— Я ушла тихонько, — вдругъ проговорила она, рѣшительно обращаясь ко мнѣ и обрывая Петрова на полусловѣ: — боюсь, что меня хватятся. За мной слѣдятъ. Не надо, чтобъ васъ видѣли со мной. Мнѣ надо вамъ сказать нѣсколько словъ.

— Ретируюсь, — произнесъ съ усмѣшкой Петровъ: — пожалуйста, не стѣсняйтесь.

— Кто этотъ господинъ? — спросила Бася, какъ только Петровъ отошелъ.

— Это русскій, Петровъ. Я живу съ нимъ.

— Какой противный! Александръ Петровичъ, я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я хотѣла уйти сегодня, вотъ сейчасъ, и не могла рѣшиться. Вѣдь вы живете съ этимъ Петровымъ въ одной комнатѣ?

— Да, Бася.

— Это очень неудобно. Я боюсь стѣснить васъ, боюсь, что ничего изъ этого не выйдетъ.

— Послушайте, Бася, можете вы подождать немного? Я получилъ мѣсто. Я уйду изъ Милькасасъ, устроюсь отдѣльно отъ Петрова, и вы поселитесь у меня.

- Что я буду дѣлать у васъ? Я хотѣла бы заработать денегъ, чтобы уѣхать. Но какъ это сдѣлать?

— Не знаю, Бася. Это будетъ видно. У меня еще вчера ничего не было, а сегодня я имѣю хорошее мѣсто. Потерпите и вы. У васъ здѣсь много единовѣрцевъ: вамъ здѣсь помогутъ.

— Что вы говорите? Изъ евреевъ никто не захочетъ помочь мнѣ. Евреи всегда стоятъ другъ за друга, и всѣ они будутъ за Вульфсона и противъ меня. Нѣтъ, я вижу, я погибла! — съ отчаяніемъ вскричала она. — Все это только мечты. Для меня нѣтъ возврата! Прощайте, Александръ Петровичъ!

— Постойте! Куда вы, Бася? — удержалъ я ее. — Не отчаивайтесь. Пойдемте сейчасъ къ намъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это будетъ безуміе. За мной слѣдятъ, увидятъ, куда я пошла, и вернутъ обратно. Надо все обдумать, надо имѣть планъ и знать, что и для чего дѣлаешь.

— Хорошо. Тогда обѣщайте мнѣ подождать недѣлю. За это время я постараюсь получить хоть часть жалованья впередъ, найму комнату и что нибудь придумаю для васъ. Иногда буду заходить къ Вульфсонамъ. Хотите?

— Недѣлю?

— Да.

— Это очень долго. Вы не знаете, сколько я уже вытерпѣла.

— Сегодня среда. Въ слѣдующую среду въ это же время я буду васъ ждать здѣсь.

— А если мнѣ не удастся уйти, а они не захотятъ пустить меня?

— Я буду ждать васъ цѣлый часъ. Если вы не придете, я отправлюсь прямо къ Вульфсонамъ, увижу васъ и не знаю, что сдѣлаю, но постараюсь помочь вамъ уйти.

— Смотрите, Александръ Петровичъ, не обманите меня,—проговорила Бася дрожащимъ отъ сдержанныхъ слезъ голосомъ.—Непремѣнно придете?

— Непремѣнно, развѣ умру.

— Не обманите,—проговорила она еще разъ и, не простившись съ Петровымъ, даже не взглянувъ на него, кивнула мнѣ головой и перебѣжала на другую сторону.

— Что же ваша Дульцинея? Когда придетъ?—спросилъ Петровъ.

— Она не рѣшается, сама не знаетъ,—отвѣтилъ я.

— Недурна, у васъ есть вкусъ,—сказалъ Петровъ.—Только очень поджара, мало тѣла,—съ видомъ знатока продолжалъ онъ.— Но блондинка, это хорошо. Среди жидовокъ несовсѣмъ обыкновенно. Важничаетъ очень, это въ ея положеніи совсѣмъ некстати, вы ей скажите, голубчикъ. Я съ ней говорю, а она носъ воротитъ. Какая принцесса! Она, дура, такихъ мужчинъ, какъ я, еще и не видывала. Это меня теперь несчастія мои къ землѣ пригнули, а въ свое время я по этой части ходокъ былъ, да и сейчасъ маху не дамъ. Вотъ увидите, я у васъ эту дѣвчонку отобью, непремѣнно отобью, нужды нѣтъ, что вы вдвое меня моложе.

И видя, что я не отвѣчаю, онъ продолжалъ:

— Что? Не вѣрите? Давайте пари держать, на что угодно.

— Ахъ, Иванъ Павловичъ, мнѣ совсѣмъ не до того,—съ досадой отвѣтилъ я.

Петровъ съ удивленіемъ вскинулъ на меня свои близорукіе глаза.

— Ужасно странно!—сказалъ онъ.—Не понимаю, что вы за человѣкъ. Судьба вамъ улыбается, вы получили, здорово живешь, и палецъ о палецъ не ударивъ, великолѣпное мѣсто; хорошенькая женщина сама къ вамъ льнетъ, и вы все еще недовольны. Это, батюшка, ужъ чортъ знаетъ что такое!

Я не отвѣтилъ, и мы въ глубокомъ молчаніи, въ глухомъ недовольствѣ другъ на друга дошли до Милькасасъ.

Почти у самыхъ воротъ отъ стѣны вдругъ отдѣлился высокій, худощавый субъектъ въ пончо и въ надвинутой на глаза «gorra».

Онъ вѣжливо приподнялъ ее и, обращаясь къ Петрову, проговорилъ на смѣшанномъ испанскомъ съ итальянскимъ.

— Buenas noches, señor! (Доброй ночи, сударь). Que ora esta? (Который часъ?)

Петровъ, который имѣетъ слабость корчить изъ себя истаго аргентинца, тотчасъ же остановился, принялъ театральную позу и, церемонно отвѣтивъ:

— Con muchissimo gusto, señor (съ величайшимъ удовольствіемъ, сударь),—вынулъ часы.

Въ ту же минуту мошенникъ вырвалъ ихъ у него и такъ же внезапно скрылся во мракѣ, какъ передъ тѣмъ явился. На прощанье онъ насмѣшливо проговорилъ:

— Muchas gracias, señor! (много благодаренъ, сударь).

— Караулъ! Воры!—заоралъ во все горло по-русски Петровъ.

Кругомъ стояла тишина, и не видно было ни души.

Мы вошли въ Милькасасъ. Петровъ, путаясь и ища словъ, тотчасъ же взволнованно сталъ жаловаться на вора.

Насъ обступили. Пришлось и мнѣ заговорить.

Въ первый разъ я былъ свидѣтелемъ того, какъ объяснялся Петровъ поиспански. Его съ трудомъ можно было понять. Я подивился на него. Человѣкъ пять лѣтъ прожилъ въ странѣ и не могъ выучиться ея языку настолько, чтобы при случаѣ сумѣть сказать нѣсколько фразъ къ ряду.

Наконецъ насъ поняли и немедленно подняли на смѣхъ. Всѣ симпатіи были на сторонѣ мошенника. Его поступокъ нашли всѣ естественнымъ, а придуманный имъ способъ овладѣть часами, подробно разсказанный и изображенный Петровымъ въ лицахъ, показался очень остроумнымъ и вызвалъ шумныя одобренія.

— Молодецъ парень! Такъ ихъ и надо этихъ gringos! (зеленыхъ, новичковъ въ странѣ). Онъ имъ: Que ora e? а они и уши развѣсили. Дурачье! Ночь хоть глазъ выколи, а они вынимаютъ часы, чтобы посмотрѣть, который часъ. Pavos (индюки)! очень ему нужно знать, какой часъ. Это часъ, когда добрые люди сидятъ по домамъ, бездѣльники шляются по улицамъ, а mozos vivos (ловкіе молодцы) учатъ ихъ уму-разуму.

И все въ такомъ родѣ.

Нахохотавшись вдоволь, толпа наконецъ разошлась каждый къ своему мѣсту, но насмѣшки все еще продолжались, и пока мы проходили дворъ, на нашъ счетъ отпустили нѣсколько шутокъ, изъ которыхъ каждая была встрѣчена общимъ одобреніемъ.

Но особенный восторгъ вызвала выходка одного молодого, грубаго парня съ жирнымъ, глупымъ лицомъ. Онъ всталъ на нашей дорогѣ и, отвѣсивъ низкій поклонъ Петрову, заоралъ что было мочи, стараясь и позой и голосомъ выразить какъ можно болѣе почтенія, что дѣйствительно вышло очень комично:

— Como lo va, señor gringo? (Какъ ваше здоровье, господинъ гринго?)

Мы поспѣшили скрыться.

— Видите, какой подлецъ народъ!—сталъ браниться Петровъ, какъ только мы очутились въ своей комнатѣ.

— Мошенники, воры, негодяи! Проклятая страна! Я всегда говорю: учрежденія здѣсь прекрасны, но люди подлы! Призвать сюда

батальонъ русскихъ солдатиковъ, собрать эту сволочь на площадь да разстрѣлять!

— Вы, кажется, еще недавно были противъ «русскихъ солдатиковъ»?—не утерпѣлъ я.

— Ахъ, вы ничего не понимаете! Я противъ режима, а русскаго солдата я уважаю, русскій народъ достоинъ глубокаго уваженія. Я люблю его и всегда скажу, что онъ лучшій народъ на свѣтѣ.

Съ слѣдующаго дня я началъ ходить на службу. Она оказалась не изъ легкихъ. Помимо того, что я цѣлый день долженъ былъ бѣгать по городу съ кучей торговыхъ бланковъ нашей фирмы и со стеклянным ъ ящикомъ, въ которомъ находились образцы цвѣтовъ и листьевъ, на мнѣ еще лежала обязанность сдавать въ газеты публикаціи, приглашать служащихъ, договариваться съ ними и вести книжки рабочихъ. Я былъ занятъ съ утра до поздней ночи.

Но какъ меня ни утомляло это, я былъ радъ, что нашелъ приличное занятіе. Вообще мнѣ все нравилось, и я далекъ былъ отъ мысли ожидать чего либо дурного. И однако бѣда была у меня за плечами.

Служащихъ мы брали только съ залогомъ. Нѣсколько разъ я говорилъ хозяевамъ, что съ иныхъ нѣтъ нужды брать залога, но они всегда отвѣчали на это:

— Вы не знаете Аргентины. Залогъ все-таки гарантія, а то какъ разъ нарвешься на мошенника.

Дѣйствительно мошенниками тутъ хоть прудъ пруди, и я не находилъ, что возразить противъ такого резона.

Такъ прошло нѣсколько дней, впродолженіе которыхъ я только разъ могъ урваться къ Басѣ. Чувствуя настоятельную нужду въ деньгахъ, я попросилъ часть жалованья, и мнѣ выдали безъ разговоровъ за полмѣсяца.

Въ одно утро по обыкновенію я вышелъ изъ дома и отправился на нашу фабрику. Я разсчитывалъ кончить занятія пораньше и пріискать себѣ комнату. О Басѣ я не переставалъ думать, но времени было такъ мало, что до сихъ поръ я не могъ позаботиться объ этомъ. Въ девять часовъ утра я явился на фабрику. Ставни были закрыты, двери заперты, и царило полное безмолвіе. Это поразило меня, но не надолго. Я успокоилъ себя тѣмъ, что, должно быть, какой нибудь аргентинскій праздникъ, и только подивился тому, что меня не предупредили. Я обошелъ зданіе, вошелъ во внутренній дворъ, рѣшивъ проникнуть въ контору, гдѣ жилъ одинъ изъ артельщиковъ, съ задняго хода. Но и тутъ дверь была заперта. Я долго стучалъ и наконецъ рѣшился открыть наружные ставни. Комната была пуста. Я пошелъ въ улицу рядомъ въ квартиру хозяевъ. Тамъ мнѣ сказали, что въ квартирѣ никого нѣтъ,

и что изъ нея еще третьяго дня выѣхали. Въ душу мою закралось безпокойство. Не зная, что подумать, я кинулся опять на фабрику. У дверей я засталъ нѣсколько человѣкъ рабочихъ и нашего бухгалтера, нанятаго мною же съ залогомъ въ тысячу песовъ. Они всѣ волновались и безпокоились.

— Знаете, что,— сказалъ наконецъ бухгалтеръ:—очевидно, мы сдѣлались жертвой мошеннической продѣлки: деньги съ заказчиковъ получены, рабочимъ и служащимъ не уплачено, а залоги наши хозяева захватили съ собою. Надо тотчасъ же заявить комиссару.

Мы съ бухгалтеромъ отправились въ полицію. Комиссаръ, желчный и раздражительный аргентинецъ, выслушалъ насъ холодно и высокомѣрно, подумалъ, позвалъ секретаря и двухъ полицейскихъ и приказалъ составить протоколъ.

Когда протоколъ былъ написанъ, мы встали съ своихъ мѣстъ, чтобы уйти, думая, что все кончено, но насъ остановили.

— Позвольте, господа,—сказалъ комиссаръ:—вы слишкомъ спѣшите. Вы,—обратился онъ ко мнѣ:—показали, что были управляющимъ на этой фабрикѣ и нанимали служащихъ?

— Да,—подтвердилъ я.

— А вы были бухгалтеромъ и вели книги этой фабрики?

— Да.

— Я обязанъ подвергнуть васъ личному задержанію. Очевидно вы принимали живѣйшее участіе въ дѣлахъ своего хозяина, а, можетъ быть, и въ его мошенничествахъ.

— Да помилуйте!—воскликнулъ бухгалтеръ: — я самъ жертва обмана! Я внесъ тысячу песовъ залогу, и они у меня пропали.

— Это вы должны доказать. Во всякомъ случаѣ, теперь я не могу васъ отпустить.

И онъ сдѣлалъ знакъ полицейскимъ. Насъ повели на внутренній дворъ, черезъ него въ какую-то маленькую улченку, совершенно пустую, гдѣ былъ другой полицейскій участокъ, при которомъ находилась предварительная тюрьма. Здѣсь насъ разлучили. Полицейскій сдалъ меня на руки одному изъ тюремныхъ сторожей, а бухгалтера—другому.

Тюремщикъ сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за собой.

Мы вступили въ широкій коридоръ, залитый асфальтомъ съ высокими, выкрашенными темнокрасной масляной краской стѣнами. Этотъ коридоръ освѣщался двумя противоположными окнами, подобными тѣмъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ больницахъ. По обѣ стороны было два ряда дверей,—собственно, даже и не дверей, а рѣшетокъ съ толстыми, продольными круглыми желѣзными прутьями, между которыми можно было просунуть руку. Противъ каждой такой двери находилось маленькое, высоко вдѣланное въ стѣну окошко.

Въ камерѣ совершенно ничего не было. Такой же асфальтовый полъ и такія же красныя стѣны, какъ и въ коридорѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ камеръ, я замѣтилъ, были люди.

Тюремщикъ отворилъ ключемъ одну изъ рѣшетокъ, пропустилъ меня и сказалъ:

— До свиданья, сеньоръ.

Когда шаги его затихли въ коридорѣ, я оглядѣлся. Стояла мертвая тишина. Время отъ времени она нарушалась медленными, казавшимися чрезмѣрно громкими, шагами заключенныхъ. Меня поразило полное отсутствіе мебели. Хоть какой бы то ни было столъ, табуретъ, наконецъ, койка, ну, хоть связка соломы въ углу. Но ничего, ничего совершенно... Я уже собирался лечь прямо на полъ, какъ вдругъ въ коридорѣ что-то зашипѣло и сквозь рѣшетку камеру мою залило водой. Я подошелъ поближе къ рѣшеткѣ и заглянулъ въ коридоръ. Въ другихъ камерахъ происходило то же самое.

Такъ прошелъ цѣлый день. Едва полъ высыхалъ, какъ душъ начиналъ дѣйствовать и опять заливалъ его. Не было возможности ни сидѣть, ни лежать на полу. Даже прислониться къ стѣнѣ было непріятно, потому что и стѣны до половины забрызгивало водой. Два раза ко мнѣ вошелъ тюремщикъ. Въ первый разъ онъ принесъ чашку съ горячей пулентой, кашей изъ какого-то мелкаго неизвѣстнаго мнѣ зерна, залитой краснымъ жгучимъ и острымъ соусомъ, а во второй—супъ и кусокъ говядины.

Я спросилъ его, съ какой цѣлью меня заливаютъ водой. Онъ пресеріозно отвѣтилъ, что это очень хорошо, потому что очищаетъ воздухъ.

— Не жарко и не пыльно. Ночью этого не будетъ, и вы можете растянуться хоть на полкамеры.

Послѣ заката солнца души прекратились. Я чувствовалъ себя до того измученнымъ непрерывнымъ пребываніемъ на ногахъ, что едва полъ обсохъ, бросился на него и, подложивъ руку подъ голову, тотчасъ же уснулъ. Однако спалъ я не долго: ужъ слишкомъ было жестко и холодно на асфальтовомъ полу.

Утромъ не успѣлъ я вскочить, опять началась поливка камеръ. Я съ ужасомъ подумалъ, что мнѣ, можетъ быть, суждено провести здѣсь много дней.

— Ну, хороша хваленая страна свободы!—думалъ я:—схватываютъ человѣка по подозрѣнію, держатъ его, какъ звѣря, въ клѣткѣ и даже не позаботятся о томъ, чтобы у него была хоть какая-нибудь подстилка.

Мною овладѣло такое мрачное уныніе, что я не могъ ничего ѣсть и, къ удивленію тюремщика, рѣшительно отказался отъ принесенной порціи.

Прошелъ еще день и еще ночь. Платье мое пропиталось сыростью. Ноги я себѣ промочилъ и началъ сильно кашлять. Тѣло мое такъ болѣло, точно я перенесъ какую нибудь тяжелую изнурительную болѣзнь.

Еще день и еще ночь. Я опять не могъ ѣсть. Я съ ужасомъ видѣлъ, что въ такой короткій срокъ успѣлъ до того похудѣть, что платье валилось у меня съ плечъ. Напрасно я просилъ тюремщика послать ко мнѣ кого нибудь изъ начальства и объяснялъ ему, что совершенно невиненъ,— онъ только качалъ головой, а если ужъ я слишкомъ надоѣдалъ ему, онъ ворчливо говорилъ:

— Ладно, ладно! Вашъ братъ преступникъ всегда такъ. Погодите, тамъ разберутъ.

Я пересталъ считать дни и ночи. Отчаяніе мое достигло высшей степени. Я уже ни на что не надѣялся, ничего не ждалъ, ни о чемъ не думалъ.

Вдругъ въ одно утро меня потребовали къ комиссару. Это былъ другой, не тотъ, который говорилъ съ нами,— толстый, круглый, добродушный. Онъ очень любезно попросилъ меня садиться и, подавая мнѣ конфискованныя на мнѣ бумаги, мой портфель съ торговыми бланками, бумажникъ съ газетными квитанціями, нѣсколькими письмами и фактурами отъ различныхъ коммерческихъ домовъ, даже старый нумеръ газеты, бывшій у меня въ карманѣ, попросилъ меня пересмотрѣть ихъ и сказать, все ли я получилъ въ цѣлости.

Я отвѣтилъ, что все.

— Вы можете итти, куда угодно, вы совершенно свободны.

— А мой товарищъ?

— Вашъ товарищъ выпущенъ былъ черезъ шесть часовъ.

— Почему же его выпустили, а меня продержали такъ долго?

— Что за долго? Сколько велось слѣдствіе: всего недѣлю. А о товарищѣ вашемъ хлопотала его сестра. У нея нашлись коекакія связи, и черезъ знакомаго жены министра она добилась личной аудіенціи и получила позволеніе взять брата на поруки.

— Хороши порядки!—подумалъ я.

Но я такъ обрадовался своей свободѣ, что, захвативъ бумаги, почти выбѣжалъ на улицу, и, только нѣсколько успокоившись, вспомнилъ, какъ я собирался при первомъ же удобномъ случаѣ выразить свое негодованіе аргентинскимъ властямъ и показать имъ, какъ я глубоко возмущенъ ихъ безсмысленными порядками. Но теперь я махнулъ на это рукой и довольный, самъ не зная чѣмъ, счастливый, вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ, радовался своей свободѣ и находилъ, что все кругомъ прекрасно. Дойдя до городского сквера, я сѣлъ на скамейку, прислонился къ спинкѣ ея и почувствовалъ блаженство отъ того, что могу сѣсть, вытя-

нуть ноги и принять положеніе болѣе удобное, чѣмъ то, на какое я осужденъ былъ за это время.

— Я свободенъ, я свободенъ,—твердилъ я про себя.

Опять въ карманѣ моемъ было мало денегъ, и опять я не имѣлъ никакого занятія, но все послѣ тюрьмы тѣшило меня, и даже въ этомъ обстоятельствѣ было что-то пріятное, какое-то сознаніе полной независимости и беззаботной необезпеченности.

X.

Слѣдующее мое ощущеніе такое: я лежу въ чистой и жесткой постели. Пахнетъ карболкой и еще какимъ-то раздражающимъ, ѣдкимъ, лѣкарственнымъ снадобьемъ. Глаза мои закрыты, но вокругъ меня такъ много яркаго свѣта, что я сквозь опущенныя вѣки чувствую его и не рѣшаюсь поднять ихъ.

Тихо. Иногда послышатся чьи-то шаркающіе, негромкіе шаги, раздастся и тотчасъ же смолкнетъ чья-то рѣчь, и опять тишина.

Тѣло мое болѣзненно ноетъ и какъ-то непривычно бременитъ меня. Но особенно мѣшаютъ мнѣ ноги, длинныя, худыя, точно не мои, съ которыми я положительно не знаю, что дѣлать, и которыя, какъ я ни перекладываю ихъ, не даютъ мнѣ минуты покоя.

Я пробую приподнять голову съ подушки, набитой чѣмъ-то жесткимъ, не подающимся и плотнымъ, но едва я отрываю ее, какъ чувствую невыносимую боль въ затылкѣ, и голова моя тяжело падаетъ на прежнее мѣсто, и я удивляюсь ея тяжести, и вмѣстѣ мнѣ представляется, что внутри ея пустота, странная, холодная, непріятная и назойливая пустота.

Я хочу заставить себя думать, что-то вспомнить, но ни о чемъ думать не могу и рѣшительно ничего не помню.

Въ такомъ состояніи я провелъ нѣсколько дней.

Я понялъ, что я въ больницѣ и выздоравливаю послѣ тяжелой болѣзни.

— Ну-съ, поправляетесь?— произнесъ надо мною однажды незнакомый мнѣ голосъ.

Удивленный, что слышу русскую рѣчь, я открылъ глаза. Я увидѣлъ невысокаго, сухощаваго, еще очень молодого человѣка съ добродушнымъ, птичьимъ лицомъ, живо напомнившимъ мнѣ своимъ обликомъ скворца.

— Удивлены, что видите соотечественника?

— Да.

— Я—студентъ медицины и здѣсь практикантомъ. Очень радъ, что вамъ лучше. Но, къ сожалѣнію, долженъ вамъ предложить покинуть больницу. Таковы правила. У васъ есть деньги?

— Если и есть, очень немного.

— Имѣете здѣсь родныхъ или хорошихъ знакомыхъ?

— Тоже нѣтъ.

— Значитъ, вы здѣсь недавно? Знакомы съ кѣмъ нибудь ex nostris?

Онъ усмѣхнулся.

— Не понимаете? «Изъ насихъ», какъ говорятъ въ любезной Россіи, здѣсь знаете кого нибудь?

— Кой-кого знаю, но...

— Но питаете благородное презрѣніе?

— И не думаю.

— Индифферентны?

— Пожалуй.

— Значитъ, не іудофобъ. Тѣмъ лучше для васъ. Русскихъ, какъ вы, православныхъ, здѣсь нѣтъ. Здѣсь русскіе—евреи, жиды, какъ принято выражаться на моей далекой родинѣ Россіи. Жиды вамъ помогутъ. Я — самъ жидъ и называюсь Іегуда Ааронович Майзель. Но такъ какъ по здѣшнимъ мѣстамъ имя мое неудобоваримо, а по старой привычкѣ, всосанной съ молокомъ матери, меня коробитъ все, что ужъ слишкомъ отзывается жидовствомъ,— онъ опять усмѣхнулся насмѣшливо и жестко, — то я и предпочитаю называться донъ-Хуліо, что короче и пріятнѣе.

Онъ вдругъ замолкъ, догадавшись, что его длинная рѣчь утомила меня, и по-испански отдалъ приказаніе хорошенькой сидѣлкѣ съ блѣднымъ, точно фарфоровымъ личикомъ, обрамленнымъ черными кудрями, выбившимися изъ-подъ гладкаго бѣлаго чепчика, въ черномъ платьѣ и бѣломъ передникѣ, приготовить мои вещи и выписной листъ.

Затѣмъ онъ обошелъ остальныхъ больныхъ,—ихъ впрочемъ было немного, человѣкъ пять—шесть,—и снова вернулся ко мнѣ.

— Куда же вы отсюда?—спросилъ онъ.

Всѣ мои неудачи и бѣдствія внезапно пронеслись въ моемъ мозгу. Сердце мое переполнилось горечью.

— Куда глаза глядятъ,—съ досадой отвѣтилъ я.

Майзель помолчалъ, задумчиво перебирая рѣдкую рыжеватую бородку.

— Работать вы не можете,—заговорилъ онъ медленно и серьезно, присаживаясь на край моей постели въ ногахъ: — найти пріютъ въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей трудно. Остается одно: идите въ эмигрантскій домъ. Тамъ васъ примутъ и продержатъ недѣлю—двѣ, быть можетъ, найдутъ вамъ и занятія. Вы знаете, гдѣ эмигрантскій домъ?

— Ничего я не знаю,—почти со злобой отвѣтилъ я.

Вся цѣпь перенесенныхъ мною лишеній опять потянулась передо мною. Неужели ей не будетъ конца? Глухое отчаяніе сдавило мнѣ грудь. И этотъ человѣкъ съ его непрошеннымъ участі-

емъ вдругъ сталъ мнѣ до крайности противенъ. Зачѣмъ онъ лѣзетъ ко мнѣ съ своими разспросами и заставляетъ меня думать о томъ, о чемъ я не хочу и не стану думать? Не нужно мнѣ ни работы, ни эмигрантскаго дома. Мнѣ нужна вотъ эта хоть и жесткая, но чистая и теплая постель, яркое солнце, что свѣтитъ и грѣетъ сквозь огромныя окна этой большой комнаты съ блестящими, выкрашенными въ голубую масляную краску стѣнами и мозаичнымъ поломъ, устланнымъ цыновками, по которымъ безшумно скользитъ миловидная фигурка сидѣлки. И ея уходъ мнѣ тоже нуженъ. Мнѣ нужны покой, отдыхъ, тишина. Развѣ я могу выработать? Я могу только умереть съ голоду. И зачѣмъ меня вылѣчили? Неужели для того, чтобы слабаго, безпомощнаго вытолкать меня на улицу и бросить въ объятія смерти, отъ которой я только-что избавился.

Майзель все сидѣлъ у меня въ ногахъ, время отъ времени бросая на меня испытующіе взгляды. Должно быть, по моему лицу онъ догадался, что во мнѣ происходитъ, и понялъ мое отчаяніе.

— Да, плохо на чужбинѣ, — сказалъ онъ. — И я понимаю, что вамъ въ вашемъ положеніи особенно трудно. Попробую помочь вамъ. Оставайтесь здѣсь дозавтра, а я похлопочу, чтобъ васъ прямо отсюда водворили въ эмигрантскомъ домѣ. Все-таки вы будете избавлены отъ хлопотъ. Администрація навѣрно согласится.

Онъ ушелъ.

А я закутался съ головой въ одѣяло и сталъ стараться заснуть. Заснуть, забыться, уйти изъ дѣйствительности, погрузиться въ міръ грезъ казалось мнѣ теперь единственнымъ спасеніемъ. Завтра должно было начаться что-то новое, и это новое заранѣе было мнѣ враждебно, отвратительно и пугало меня.

Мысль о Басѣ на мгновенье остановила было мое вниманіе, но и ее я поспѣшилъ поскорѣе отогнать отъ себя. Всякая забота, тревога была мнѣ ненавистна. Чувства мои притупились, и я исполненъ былъ жесткаго, холоднаго равнодушія ко всему, что не я. Мнѣ было жалко только себя, до боли жалко, а до другихъ не было никакого дѣла.

— Все равно, я ничего не могу сдѣлать. Пусть каждый думаетъ о себѣ,—разсуждалъ я.

На другой день мнѣ принесли мое платье и велѣли одѣваться. Шатаясь, вышелъ я изъ палаты въ широкій, свѣтлый коридоръ за сидѣлкой, которая привела меня въ контору. Тамъ мнѣ выдали мои бумаги и деньги и спросили, все ли въ цѣлости.

Я обрадовался, увидѣвъ въ своемъ распоряженіи цѣлые двадцать пять песовъ, о существованіи которыхъ я и не подозрѣвалъ.

Пришелъ Майзель и принесъ мнѣ бумагу, подписанную начальствомъ больницы, которое ходатайствовало о принятіи меня въ эмигрантскій домъ.

— Съ этой бумагой васъ примутъ навѣрно, — сказалъ Майзель. – Ну, до свиданья. Желаю вамъ всего лучшаго. Вотъ моя карточка. Если вздумаете, заверните или напишите мнѣ. Многаго сдѣлать для васъ не могу, но, быть можетъ, пригожусь.

Я пожалъ его руку и черезъ минуту уже стоялъ на подъѣздѣ огромнаго и красиваго зданія больницы съ колоннами изъ мрамора и съ фронтономъ, украшеннымъ изображеніемъ Libertad, свободы.

— Пойду лучше въ Милькасасъ,—пришло мнѣ въ голову, и я отправился по знакомой дорогѣ къ гавани.

Путь былъ не близкій, а ноги плохо слушались меня.

Въ Милькасасъ я не нашелъ Петрова. Мнѣ сказали, что его уже болѣе двухъ недѣль нѣтъ здѣсь, и что неизвѣстно, куда онъ выбылъ.

Въ недоумѣніи стоялъ я среди пустыннаго двора, напился воды изъ цистерны и сталъ думать, куда итти и что предпринять.

Голодъ и усталость томили меня. Голова медленно кружилась. Я чувствовалъ, что силы оставляютъ меня.

На дворѣ рѣзвились и бѣгали ребятишки грязные, оборванные, съ черномазыми лицами, черными, какъ маслины, глазами и жесткими волосами на яйцевидныхъ головахъ.

Одинъ изъ нихъ, лѣтъ восьми не больше, вдругъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мной, разставивъ босыя ноги и засунувъ руки въ карманы короткихъ панталонъ, едва доходившихъ ему до колѣнъ.

— Одолжите-ка мнѣ, сударь, спичку,—произнесъ онъ.

— Зачѣмъ вамъ?—спросилъ я.

Мальчишка свистнулъ, презрительно выпятилъ впередъ толстую, нижнюю губу, вытащилъ изъ кармана смятую коробку, вынулъ и разгладилъ тонкими худыми, коричневыми пальцами папиросу и сказалъ:

— Сеньоръ изволитъ шутить? Или ему неизвѣстно, на что могутъ пригодиться спички?

— У меня нѣтъ спичекъ.

Онъ тотчасъ же повернулъ мнѣ спину и, замѣтивъ въ глубинѣ двора подростка, копавшагося въ кучѣ мусора, крикнулъ:

— Chè, ombre! (Эй, человѣкъ!). Не найдется ли у васъ огоньку закурить папироску?

Тотъ бросилъ ему черезъ весь дворъ коробочку съ восковыми спичками.

— Неужели вы курите?—сказалъ я.—Въ ваши годы это вредно.

— Сеньоръ гринго (господинъ зеленый, новичекъ въ странѣ) лучше приберегъ бы свои поученія для другого раза,—насмѣшливо возразилъ мальчишка, затягиваясь и сплевывая: — а то ему можетъ попасть за это, если найдется добрый человѣкъ, который не полѣнится внушить ему, что не слѣдуетъ мѣшаться въ чужія дѣла.

И онъ громко и нахально захохоталъ.

Сверху спустилась женщина съ испитымъ, болѣзненнымъ лицомъ и набросилась на мальчишку.

— Пречистая Матерь!—изступленно закричала она:—видалъ ли кто нибудь такого негодяя? Вѣдь я велѣла вамъ, сеньоръ, посмотрѣть за супомъ и покачать Панчитто, если онъ проснется. И что же? Прихожу, супъ выкипѣлъ, а ребенокъ чуть не лопнулъ отъ крику.

И она, поднявъ кулаки, подбѣжала къ мальчишкѣ. Тотъ ловко увернулся.

— Прошу потише, сеньора,—проговорилъ онъ.—Что за скверная привычка у васъ съ отцомъ давать волю рукамъ!

— Ахъ, негодяй, — снова наступая на него, вскричала женщина:—да онъ еще и куритъ. Опять укралъ у отца папироски. Подай сюда. Слышите, сеньоръ! Отдайте папиросы.

— Оставьте меня въ покоѣ, сеньора.

— Ну, смотрите, сеньоръ! Придетъ отецъ, я пожалуюсь ему, и онъ изобьетъ васъ до смерти.

— Очень хорошо, сеньора. Только предупреждаю, если вы не уйдете, я запущу въ васъ этимъ камнемъ.

— Это въ мать-то! Хорошъ! Посмотримъ, что ты скажешь, когда придетъ отецъ.

И она пошла въ домъ.

— До свиданья, сеньора!—насмѣшливо проговорилъ ей вслѣдъ мальчишка.

Толстый парень, все время съ живѣйшимъ интересомъ наблюдавшій эту сцену, подошелъ къ намъ поближе и сказалъ:

— А славно ты ее отдѣлалъ! Такъ этихъ бабъ и нужно!

— Благодарю васъ за спички, сеньоръ!—важно произнесъ его собесѣдникъ, возвращая ему коробку.

— Небойсь, отца-то боишься?—продолжалъ тотъ.

Мальчишка передернулъ плечами.

— Чего его бояться? Разумѣется, онъ можетъ отдуть меня, если застанетъ врасплохъ и убѣжать некуда, а вообще мнѣ до него очень мало дѣла. Тѣмъ болѣе, что мы разныхъ политическихъ убѣжденій.

— А?—съ любопытствомъ воскликнулъ парень, и глаза его загорѣлись.—Старикашка, чай, за Року [1]).

— Вотъ именно.

— Все старьё за него. А вы за Митре?

— Разумѣется. Вы то же?

— По-моему все одинъ чортъ! Оба—воры.

---

[1]) Рока и Митре—кандидаты въ президенты.

— Что вѣрно, то вѣрно. Только Рока ужъ довольно наворовалъ, пусть поворуетъ и Митре. Я желаю быть справедливымъ.

Парень расхохотался и потрепалъ мальчишку по плечу.

Я вышелъ на улицу и побрелъ прямо, до перваго вигилянта (городового), который указалъ бы мнѣ дорогу въ эмигрантскій домъ.

Солнце ярко горѣло на чистомъ голубомъ небѣ. Было свѣжо и вмѣстѣ знойно. Уличный шумъ и грохотъ колесъ раздражалъ и пугалъ меня. Въ ушахъ у меня звенѣло. Глазамъ больно было смотрѣть. Отъ слабости и голода у меня начинала кружиться голова и сосало подъ ложечкой.

Я зашелъ въ первую попавшуюся булочную, сѣлъ къ столику и съ жадностью принялся ѣсть булки.

Толстая испанка-хозяйка съ любопытствомъ смотрѣла на меня изъ-за прилавка.

Я просидѣлъ около часу и, чувствуя, что оставаться долѣе неловко, съ трудомъ поднялся съ мѣста и сталъ разсчитываться.

— Не знаете ли, какъ пройти въ эмигрантскій домъ?—спросилъ я булочницу.

Она подняла черныя, густыя брови въ знакъ полнаго недоумѣнія и сказала, что въ первый разъ слышитъ объ эмигрантскомъ домѣ.

— И зачѣмъ онъ вамъ нуженъ? Развѣ вы эмигрантъ?—выразила она догадку.

— Да, я—русскій эмигрантъ. Вы вѣдь тоже эмигрантка?

Она еще выше подняла брови и надменно сказала:

— Нѣтъ, сеньоръ. У меня есть отечество. Я изъ Кастиліи.

Я расплатился и вышелъ.

Дойдя до перваго перекрестка, я спросилъ городового, гдѣ я.

— А вамъ куда нужно?—освѣдомился онъ.

Я хотѣлъ спросить его, какъ пройти въ эмигрантскій домъ, но вмѣсто того независимо отъ меня самого съ языка моего слетѣло:

— Въ Кадже-Лавадже.

— Это близко. Все прямо четыре квадры и направо; двѣ квадры и налѣво.

Я поблагодарилъ и пошелъ такъ скоро, какъ только мнѣ позволяли силы, повинуясь какому-то внутреннему неясному чувству, которое толкало меня поскорѣе узнать, что съ Басей, послѣ чего, мнѣ казалось, вся эта исторія разрѣшится, и я буду свободенъ и могу заботиться только о себѣ.

Машинально слѣдуя указаніямъ городового, я повернулъ за уголъ улицы и тотчасъ же узналъ ее. Вотъ и огромная синяя съ краснымъ вывѣска, рекламирующая папиросы fin el Bombo, и альмасенъ на углу съ пыльными окнами, загроможденными жестянками съ dulce membrillo (дульсе мембриджо, пастилой изъ айвы) и оливковымъ масломъ, а вотъ и домъ Вульфсона.

Я стукнулъ молоткомъ. Щелкнулъ замокъ, дверь пріотворилась, и въ щель высунулось острое лицо Мойши.

— Вы?!—удивился онъ и впустилъ меня.—А мы вже думали, что вы умерли. Идите. Тата и мамаша будутъ рады, ахъ, какъ же будутъ рады.

Я вступилъ въ знакомый комидоръ. Большой столъ посрединѣ былъ накрытъ тою же грязной суровой скатертью, только вмѣсто самовара на столѣ дымилось огромное блюдо съ горячимъ пучеро,—вареньмъ въ супѣ мясомъ,—отъ котораго такъ и валилъ паръ, а вокругъ сидѣли Вульфсоны и всѣ ихъ домочадцы.

Я тотчасъ же замѣтилъ, что между дѣвицами нѣтъ Баси, и узналъ на краю стола красивую пѣвицу. Только теперь она при дневномъ свѣтѣ казалась гораздо старше и выглядѣла хуже. Лицо у нея было съ желтизной, въ морщинахъ, волосы кое-какъ собраны были въ узелъ на затылкѣ, и одѣта она была грязно и неряшливо, ужъ слишкомъ по-домашнему, въ юбку и ночную кофту, которая едва сходилась на ея пышной груди. Остальныя дѣвицы имѣли всѣ заспанный видъ, всѣ были не одѣты и непричесаны и очевидно только что начинали свой день.

Вульфсонъ тотчасъ же вскочилъ со стула и сталъ шумно привѣтствовать меня.

— Мое почтеніе! А и вы насъ совсѣмъ забыли. И здравствуйте. Какъ ваше здоровье? Вы похудѣли.

Привстала и жена его и, кутаясь въ байковый платокъ, проговорила.

— Ну, и ждраштвуйте. А почему вы не бывали? Ай! Што же вы такой худой? Милости просимъ кушать.

Мнѣ дали стулъ, и я подсѣлъ къ столу.

Еврейка разложила дымящіеся куски мяса и овощи на оловянныя тарелки, и дѣвицы жадно и торопливо принялись ѣсть.

Кончивъ, онѣ быстро поднялись и всѣ исчезли.

Я не хотѣлъ уже ѣсть и отказался.

— Ну, чайку,—сказалъ Вульфсонъ.—Чай по русскому обычаю всегда нужно послѣ обѣда. Ге! Сарра!

— Заразъ, заразъ!—отвѣтила ему жена и, мигнувъ Мойшѣ, принялась съ нимъ вмѣстѣ убирать посуду.

Еврей постучалъ пальцами по столу и устремилъ на меня пытливый взглядъ.

— Что же ты ничего не спрашиваешь?—какъ будто говорили его глаза.

— Гдѣ Бася?—спросилъ я, гипнотизируемый его взглядомъ.

— Бася?

Онъ помолчалъ.

— А вы развѣ хотѣли ее видѣть?—вдругъ проговорилъ онъ.

— Положимъ.

— Гм... Это трудно, очень трудно.

— Она у васъ?

— Нѣтъ. У меня ея нѣтъ.

Тутъ вернулась еврейка съ подносомъ и чашками, а за нею одна изъ дѣвицъ внесла самоваръ.

— Вотъ они хотятъ увидѣть Басю,—сказалъ Вульфсонъ.

— Аэ!—взвизгнула еврейка:—а гдѣ же вы были раньше? Теперь ее вже не поймаешь, это проклятая дѣвка! Вотъ навязалась намъ, измучила насъ. Это язва, а не дѣвка.

— Ну!—нахмурился Вульфсонъ:—чего ты кричишь! Сама виновата.

— Э! Я—виновата? А што съ такой стервой дѣлать? Одинъ убытокъ, только корми да пои ее. А што износила гевандъ! И вше даромъ, вше даромъ, вше убытокъ.

— Да, убытокъ, все убытокъ,—подтвердилъ и Вульфсонъ.— Плохія времена. Нѣтъ хорошаго гешефта.

— Какой это гешефтъ!—подхватила еврейка.—Прежде былъ гешефтъ, когда мой папенька жилъ, онъ дѣлалъ гешефтъ, богатый человѣкъ былъ увъ Россія, съ губернаторомъ былъ знакомъ. А теперь цестнымъ людямъ вже и жить нечѣмъ. Нѣтъ гешефта, нѣтъ хандлунгъ.

— Куда же дѣвалась, однако, Бася?—спросилъ я, наскучивъ слушать безсвязныя взвизгиванія еврейки.

— Сбѣжала проклятая дѣвка!—вскричала Сарра.—Подумайте, какой шкандалъ. И гдѣ у нея совѣсть? Съ итальянскимъ матросомъ сбѣжала въ Европу. Аэ? Это цестно? Ну, сами посудите? Ни одна дѣвушка этого не сдѣлаетъ, чтобы такъ уйти изъ порядочнаго дома. О! я вже знала, что это ядъ—дѣвка.

— Ну, ну,—проговорилъ Вульфсонъ:—будетъ тебѣ. Снявши волосы, по головѣ не плачутъ. Знаешь нашу русскую пословицу? Что дѣлать? Конечно, убытокъ, большой убытокъ. Таможня, провозъ, содержаніе, экипированіе—все деньги, все расходъ. Ну, дѣлать нечего. Зачѣмъ не смотрѣли, какъ тогда этотъ итальянецъ повадился? Я говорилъ, что надо смотрѣть. Ну, вотъ.

Мнѣ вдругъ стало легко, почти весело.

— Значитъ, съ этимъ кончено!—подумалъ я и порадовался и за себя и за Басю.

Дѣлать у Вульфсоновъ мнѣ было нечего, они сразу утратили въ моихъ глазахъ всякій интересъ. Я всталъ и сталъ прощаться.

— Вже такъ спѣшите?—сказала еврейка.—И только одинъ стаканъ чаю и того не выпили. Сидите, мы рады.

Я сказалъ, что у меня есть дѣло.

— Я васъ провожу,—подмигнулъ не то женѣ, не то мнѣ Вульфсонъ и, положивъ руку мнѣ на плечо, вышелъ со мною на патіо.

— Вечеромъ приходите,—зашепталъ онъ:—непремѣнно прихо-

дите. Я вамъ такую дѣвочку покажу, что куда Бася. Новенькая, только что изъ Россіи, нашъ агентъ привезъ. Брунетка, красавица. Придете?

— Не знаю, можетъ быть,—чтобы отвязаться, отвѣтилъ я.

— Непремѣнно приходите. Ахъ, какая дѣвочка! О! Старый Вульфсонъ знаетъ толкъ, понимаетъ благородный вкусъ.

Я поспѣшилъ распрощаться.

Стало свѣжѣть, хотя солнце еще было высоко. Надо было подумать о пріютѣ. Я рѣшился разыскать эмигрантскій домъ.

Долго блуждалъ я по улицамъ, слѣдуя указаніямъ разныхъ вигилянтовъ и все безуспѣшно.

Наконецъ одинъ прохожій, къ которому я обратился, сказалъ мнѣ:

— Я не знаю, гдѣ эмигрантскій домъ, и даже подозрѣваю, что его нѣтъ въ Буэносъ-Айресѣ. Но я могу помочь вамъ. Вы сейчасъ на улицѣ Боливаръ. Пройдите еще квадру, подъ № 000 квартира старшаго комиссара эмиграціоннаго комитета Альсины. Обратитесь туда.

Минутъ черезъ пять я дѣйствительно нашелъ указанный мнѣ № и у дверей его мѣдную доску съ именемъ Хуана Альсины.

Лакей, впустившій меня, ввелъ меня въ большую, хорошо обставленную пріемную и попросилъ подождать. Скоро онъ вернулся и спросилъ, есть ли у меня визитная карточка.

Карточки у меня были русскія. На одной изъ нихъ я по-французски написалъ свое имя и фамилію и прибавилъ, что я русскій эмигрантъ и прошу комиссара принять меня.

Меня приняли. За большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами и брошюрами, я увидѣлъ высокаго, худого, съ желто-смуглымъ лицомъ, на которомъ торчали щетинистые, черные съ просѣдью усы, комиссара. Рядомъ сидѣлъ сѣдой, низенькій человѣкъ, который на французскомъ языкѣ пригласилъ меня садиться и сказалъ, что онъ будетъ служить мнѣ переводчикомъ.

Я объяснилъ, что мнѣ нужно, и подалъ выданную мнѣ въ больницѣ бумагу.

— Мы сейчасъ спросимъ по телефону, есть ли мѣсто. Подождите.

Оказалось, что эмигрантскій домъ въ Буэносъ-Айресѣ переполненъ.

— Вамъ рѣшительно некуда дѣваться?—спросилъ комиссаръ.

— Некуда.

— Тогда мы отправимъ васъ въ Лаплату.

Мнѣ было все равно, куда меня отправятъ. Лаплата, какъ я зналъ, всего въ 50-ти верстахъ отъ Буэносъ-Айреса, большой портовый городъ.

Переводчикъ записалъ мое имя, фамилію, возрастъ, родъ занятій.

— Вы поѣдете по желѣзной дорогѣ съ вокзала, что на Plaza Consitucion, гдѣ предъявите въ кассѣ вотъ этотъ билетъ. Денегъ съ васъ не возьмутъ. Въ Лаплатѣ вамъ всякій укажетъ эмигрантскій домъ. Идите прямо туда съ этой квитанціей.

Я поблагодарилъ и уже уходилъ, когда меня вернулъ съ порога комиссаръ, къ удивленію моему вдругъ заговорившій со мной самъ и по-французски.

— Изъ вашихъ бумагъ и отвѣтовъ я заключаю, что вы—человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. И тѣмъ хуже для васъ. Аргентина не для такихъ людей, какъ вы. Намъ не нужны адвокаты, ученые, литераторы, вообще бѣлоручки. У насъ недостатокъ въ грубой рабочей силѣ. Мы богаты землей и скотомъ, и нужны намъ пастухи и пахари. Если у васъ есть возможность вернуться на родину, возвращайтесь. Здѣсь вы будете только несчастны и... и... безполезны.

Онъ сдѣлалъ безнадежный жестъ рукой, взялъ изъ кучи лежавшихъ брошюръ одну и подалъ мнѣ.

— Возьмите и прочтите.

Вечеромъ я ѣхалъ въ поѣздѣ желѣзной дороги по пустынной, болотистой равнинѣ въ вагонѣ II класса. Здѣсь только вагоны I и II классовъ; III-го нѣтъ. Огромный грязный вагонъ тускло освѣщали два закопченыхъ фонаря. Тамъ и сямъ виднѣлись одинокія, рѣдкія фигуры людей въ широкополыхъ сомбреро и въ пестрыхъ пончо на плечахъ. Въ углу пристроился въ сторонѣ отъ всѣхъ оборванный и жалкій, несмотря на очень холодную ночь, босой торговецъ «маниссо», земляными орѣхами.

Поѣздъ медленно двигался, останавливаясь черезъ каждыя 8—10 минутъ на маленькихъ станціяхъ.

Становилось все холоднѣе, и я чувствовалъ, что коченѣю. Вдали засіяли электрическіе фонари, потянулись низенькіе одноэтажные въ мавританскомъ вкусѣ дома, и локомотивъ, пыхтя и громыхая, вкатился подъ стеклянную крышу вокзала Лаплаты.

Вышло три человѣка. Обширныя залы большого красиваго зданія были пусты. Не слышно было городского шума, не замѣтно было движенія, свойственнаго населенному городу.

Вслѣдъ за другими я перешелъ на другую сторону вокзала и очутился на подъѣздѣ, выходившемъ на улицу. Прямо чернѣли деревья сквера, и повсюду среди почти мертвой тишины и безмолвія возвышались столбы съ электрическими шарами, которые ярко сіяли, лія свой волшебный голубой свѣтъ на пустыя, прямыя, широкія улицы съ молчаливыми, окутанными таинственнымъ мракомъ домами съ закрытыми дверями и ставнями. А вверху раскидывалось черной бархатной пеленой, усыпанной яркими звѣздами, далекое небо, и казалось, что всѣ эти зданія, и улицы, и растущія по тротуарамъ деревья, и рѣдкіе прохожіе—все это удивительный, не поддающійся

описанію миражъ, яркій, но эфемерный плодъ фантазіи, готовый каждую минуту разсѣяться и безслѣдно исчезнуть.

Подъ однимъ изъ фонарей я замѣтилъ знакомую фигуру факельщика-городового и подошелъ къ нему.

Онъ крѣпко спалъ, прислонившись къ столбу и запрятавъ руки въ карманы своего траурнаго плаща съ пелериной.

Я разбудилъ его. Онъ заставилъ меня нѣсколько разъ повторить мой вопросъ, наконецъ понялъ и очень подробно и толково разсказалъ, гдѣ помѣщается эмигрантскій домъ.

По совершенно пустымъ, мертвымъ улицамъ я скоро добрался до него, едва достучался у воротъ, едва добился, чтобъ меня впустили и доложили обо мнѣ смотрителю. Зато выданный мнѣ документъ тотчасъ же произвелъ свое дѣйствіе. Какой-то человѣкъ вышелъ ко мнѣ и велѣлъ за собой слѣдовать. Мы прошли широкій, длинный коридоръ, освѣщенный потухающей лампой подъ потолкомъ.

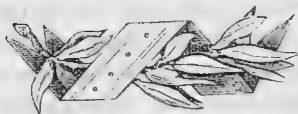
— Идите сюда и ложитесь спать. До завтра, — сказалъ мнѣ провожатый, отворяя одну изъ дверей и почти вталкивая меня туда.

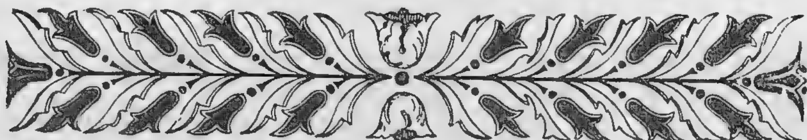
Я очутился въ совершенномъ мракѣ. Когда глаза мои освоились съ нимъ, я увидѣлъ большую комнату—сарай, множество коекъ, людей, спавшихъ на нихъ, сваленные тамъ и сямъ въ кучу ихъ пожитки и ощутилъ пронзительный и ѣдкій запахъ человѣческаго пота, грязи, плохой ѣды, перегорѣлаго оливкаго масла и овчины. Что-то необыкновенно знакомое, уже испытанное и пережитое было для меня во всемъ этомъ.

— Тѣ же Auswandererhallen,—подумалъ я, и тутъ же поспѣшилъ утѣшить себя, добавивъ:—только, кажется, почище.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

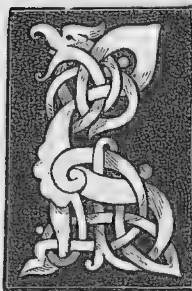

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА [1].

IX.

Мое поступленіе въ Казанскій университетъ.—Начало холеры въ Казани.—Пріѣздъ графа А. А. Закревскаго и профессора Московскаго университета Мудрова.—Составъ университетской администраціи.—Факультеты.—Форма студентовъ.—Внѣшнее благоустройство и учебная часть.—Карцеръ.

Въ ПЕРВЫХЪ числахъ августа 1830 года я подалъ ректору Казанскаго университета прошеніе о поступленіи въ университетъ, по нравственно-политическому факультету. Отъ роду тогда мнѣ не было еще 15 лѣтъ. Во время экзаменовъ было получено распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, чтобы молодыхъ людей ранѣе 16-ти лѣтъ въ университетъ не принимать. Но такъ какъ прошеніе мое о поступленіи въ университетъ было принято до полученія этого распоряженія, и я уже сдалъ экзаменъ изъ нѣкоторыхъ предметовъ, то и рѣшили совѣтомъ университета изъять меня изъ означеннаго распоряженія на томъ основаніи, что «никакой законъ обратной силы не имѣетъ».

Итакъ, экзамены мои кончились, и я поступилъ въ университетъ, чего въ то время легко было достигнуть, такъ какъ вступительныя испытанія были болѣе снисходительны, чѣмъ строги.

Вскорѣ по поступленіи моемъ въ университетъ, въ городѣ распространился страшный слухъ о приближеніи холеры. Эпидеміи этой, дотолѣ еще неизвѣстной, предшествовали разные слухи и толки. Говорили, что она заразительна, мгновенно убиваетъ свою жертву; что нѣтъ никакихъ медицинскихъ средствъ къ ея излѣ-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 888.

ченію и т. п. Общество сильно встревожилось всѣми этими разсказами; а когда появились первые признаки холеры, и она вырвала нѣсколько жертвъ, то всѣ окончательно растерялись, упали духомъ... Нѣкоторые изъ духовенства отказывались напутствовать умирающихъ, отказывались даже погребать ихъ по обряду христіанскому... Впрочемъ, въ этомъ случаѣ они подражали своему архипастырю, который первый заперся въ своемъ домѣ, и никому не было до него доступа.

Но ученіе въ университетѣ еще продолжалось до 13-го сентября. Въ этотъ день, по случаю кануна храмового университетскаго праздника, такъ какъ церковь сооружена въ честь Воздвиженія Креста Господня,—по вечеру, была отслужена всенощная. Ее посѣтилъ графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, бывшій въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ, прибывшій въ Казань для личныхъ распоряженій о принятіи мѣръ противъ эпидеміи. Съ нимъ прибылъ въ церковь докторъ Мудровъ, кажется, профессоръ Московскаго университета, сопутствовавшій Закревскому въ его поѣздкахъ по Россіи, въ качествѣ врача, изучающаго на мѣстѣ симптомы новой, небывалой еще болѣзни, холеры.

Всенощная эта навсегда у меня останется въ памяти! Мудровъ вмѣсто псаломщика читалъ за службой ирмосы и каноны, и какъ читалъ!...

Никогда, ни прежде, ни послѣ, я въ жизнь мою не слыхивалъ подобнаго чтенія. Не знаю, была ли то его обыкновенная манера, или онъ настроенъ былъ печальными событіями, когда смерть являлась такъ неожиданно, такъ внезапно... какъ бы то ни было, но я никогда не прослушалъ и не прочувствовалъ всей всенощной, довольно длинной службы, какъ въ этотъ разъ. Чтеніе Мудрова церковныхъ книгъ произвело во мнѣ совершенно новое, никогда дотолѣ неиспытанное ощущеніе [1]): я весь былъ проникнутъ истиннымъ христіанскимъ благочестіемъ...

На другой день была послѣдняя обѣдня; по окончаніи ея, университетъ закрыли, т. е. прекратили въ немъ преподаваніе.

Въ такомъ положеніи онъ находился до послѣднихъ чиселъ октября мѣсяца, когда поняли наконецъ, что никакія мѣры предосторожности, употреблявшіяся дотолѣ и состоящія въ карантинахъ, заставахъ и т. п., не могли остановить убійственнаго хода холеры, а служили только еще къ вящшему отягощенію обывателей.

А между тѣмъ пока дошли до этого разумнаго убѣжденія, сколько произошло сценъ, раздиравшихъ душу... Такъ, будочники и, какъ говорили, арестанты, нарочно для того выпущенные изъ острога и одѣтые въ нарядъ католическихъ монаховъ ордена «кающихся»,

[1]) Нѣтъ, ошибаюсь. Нѣчто подобное я испыталъ пять лѣтъ спустя, въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ, когда слышалъ за обѣдней пѣніе монаховъ.

т.-е, въ какіе-то длинные балахоны, съ башлыками, совершенно закрывавшими лицо и голову, лишь съ вырѣзаннымъ отверстіемъ для глазъ, и все это сильно пропитанное дегтемъ,—крючьями и баграми таскали по улицамъ трупы, а иногда и полуживыхъ людей, пораженныхъ холерою...

Но лучше набросить покрывало на подобныя картины; одно воспоминаніе о пережитомъ тогда времени можетъ произвести ту же холеру!..

По открытіи университета, не досчитались двухъ профессоровъ—Бажанова и Протасова: ихъ похитила холера; но между студентами не было ея жертвъ.

Администрацію университета составляли: попечитель Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, назначенный въ эту должность изъ гвардейскихъ полковниковъ, по представленію генерала Желтухина, ревизовавшаго университетъ въ 1826 году и низвергнувшаго извѣстнаго Михаила Леонтьевича Магницкаго (Пушкинъ впослѣдствіи былъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа); ректоръ университета Николай Ивановичъ Лобачевскій; инспекторъ студентовъ Иванъ Михайловичъ Симоновъ; оба профессора математическихъ наукъ. Послѣдній извѣстенъ тѣмъ, что дѣлалъ кругосвѣтное путешествіе съ капитаномъ Ѳ. П. Литке, въ качествѣ астронома. Помощники инспектора, или, какъ ихъ называли впослѣдствіи, субъинспекторы,—Иванъ Ивановичъ Протопоповъ, Иванъ Михайловичъ Поповъ, Алексѣй Тимоѳеевичъ Покровскій. Каждый изъ нихъ, по очереди, дежурилъ и обязанъ былъ ночевать непремѣнно въ университетѣ.

Общее преподаваніе наукъ дѣлилось на факультеты: I) нравственно-политическій (т. е., юридическій; но я удерживаю названіе того времени), II) словесный, III) математическій и IV) медицинскій.

Словесный факультетъ подраздѣлялся на а) словесный простой, съ греческимъ языкомъ, и б) восточный, въ которомъ на мѣсто греческаго языка преподавались татарскій, арабскій и персидскій.

Курсъ ученія въ каждомъ факультетѣ продолжался три года, кромѣ медицинскаго, въ которомъ онъ былъ четырехгодичный.

Годичный періодъ прохожденія наукъ назывался отдѣленіями, а по немъ и студенты именовались 1-го, 2-го или 3-го, а у медиковъ и 4-го отдѣленія, что нынѣ замѣнено словомъ курсъ.

Каждый факультетъ имѣлъ своихъ декана и адъюнкта. Деканомъ нравственно-политическаго факультета былъ профессоръ Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ, адъюнктомъ Андрей Филимоновичъ Хламовъ.

Студенты дѣлились на казенныхъ, жившихъ въ университетѣ и получавшихъ все содержаніе отъ казны, за что обязаны были, по окончаніи курса наукъ, прослужить правительству шесть лѣтъ; пансіонеровъ, тоже помѣщавшихся въ зданіи университета и на казенномъ содержаніи, но за опредѣленную плату и своекоштныхъ,

жившихъ у родственниковъ или на квартирахъ. За посѣщеніе лекцій они ничего не платили и вмѣстѣ съ пансіонерами не несли никакихъ обязательствъ, въ отношеніи службы правительству. Были еще вольные слушатели, но въ весьма ограниченномъ числѣ. За слушаніе лекцій они, кажется, платили какую-то сумму университету, но не пользовались никакими привилегіями и носили партикулярную одежду.

Во всѣхъ факультетахъ, въ 1830 г., студентовъ было не болѣе 100 человѣкъ, въ томъ числѣ 1 вольный слушатель.

Нравственность студентовъ вообще была весьма удовлетворительна. Не было крупныхъ, выдающихся проступковъ; не было и никакихъ столкновеній съ полиціей города. А если что и случалось, то въ стѣнахъ университета, слѣдовательно, келейно, въ своей семьѣ.

Форма студентовъ, при моемъ вступленіи въ университетъ, состояла изъ однобортнаго мундира, общаго покроя, двубортнаго сюртука, обоихъ съ бѣлыми гладкими пуговицами, и нижняго платья, все изъ сукна темно-синяго цвѣта. При мундирѣ носили трехугольную шляпу и шпагу безъ темляка, висѣвшую на отлетѣ, на двухъ пасмахъ кожаной портупеи. У щеголей портупея была изъ черной шелковой ленты муарэ. Въ слѣдующемъ 1831 году цвѣтъ сукна измѣненъ. Воротникъ остался тотъ же синій, но сукно, на всемъ прочемъ, положено имѣть темно-зеленое. Все это вмѣстѣ составляло тогда цѣль стремленій, предметъ желаній учащейся молодежи. Такую форму я носилъ до моего выхода изъ университета.

Общій обзоръ состоянія университета того времени въ воспоминаніяхъ моихъ подходитъ подъ двѣ рубрики: 1) внѣшнее благоустройство и 2) учебная часть.

Университетъ помѣщался въ томъ же зданіи, гдѣ и нынѣ. Постройка его составляетъ торжество искусства архитектора Пятницкаго. Первоначально было пріобрѣтено два дома, рядомъ стоящіе, но раздѣленные между собою пространствомъ. Въ это-то пространство Пятницкій ввелъ новое зданіе и придалъ всему одно цѣлое, украсивъ фасадомъ, и понынѣ существующимъ и дѣлающимъ университетъ однимъ изъ красивѣйшихъ зданій города. Надъ срединой зданія воздвигнутъ высокій вызолоченный крестъ, указывающій помѣщеніе подъ нимъ церкви. Церковь помѣщалась (гдѣ и понынѣ) посрединѣ зданія, во второмъ этажѣ, надъ парадными сѣнями. Оригинальнымъ устройствомъ своимъ церковь совершенно соотвѣтствовала тогдашнему религіозному пониманію, которое такъ усиливался Магницкій внести въ среду учащейся молодежи. Свѣтъ, проникая въ церковь черезъ три окна, устроенныя въ алтарѣ и закрытыя иконостасомъ, дѣлалъ бы ее темной, если бы не большое,

круглое, сквозное отверстіе въ сводѣ потолка. Въ отверстіе это вставлено стекло, желтаго цвѣта, значительной толщины, съ изображеніемъ всевидящаго ока. И въ сумрачный день отверстіе даетъ достаточно свѣта; но въ день ясный солнечные лучи, врываясь черезъ стекло, проливаютъ въ церковь слабый, нѣжный, золотистый свѣтъ, исходящій, кажется, отъ иконостаса, устроеннаго крестообразно. Такое освѣщеніе, напоминающее собой священный полумракъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства, дѣйствительно представляетъ нѣчто таинственное, сильно дѣйствующее на воспріимчивую душу!..

Университетъ обладалъ кабинетами: естественнымъ, физическимъ, нумизматическимъ, анатомическимъ, препаратами въ натурѣ и изящныхъ рисункахъ, дѣланныхъ въ Парижѣ.

Въ праздничные дни, по окончаніи Божественной литургіи открывались для любопытства публики кабинеты: естественный и физическій. Въ послѣднемъ иногда производились опыты въ присутствіи постороннихъ зрителей. Въ естественномъ кабинетѣ были чучела разныхъ птицъ, въ банкахъ сохранялись разныя пресмыкающіяся и уродливыя произведенія природы. Но особенное любопытство возбуждали: прекрасно сохранившаяся татуированная голова какого-то индѣйскаго вождя и костюмы разныхъ дикихъ народовъ. Все это вывезъ съ собой профессоръ Симоновъ изъ кругосвѣтнаго путешествія и принесъ въ даръ университету.

Студенты входили въ университетъ черезъ парадное крыльцо (вхожу въ эти мелочныя подробности потому, что въ настоящее время устроенъ другой ходъ) и сѣнями, по лѣстницѣ направо, подымались во второй этажъ, проходили залъ, гдѣ нынѣ помѣщается минцъ-кабинетъ, и черезъ дежурную комнату субъинспектора вступали въ довольно темный коридоръ, изъ котораго двери направо и налѣво вели въ аудиторіи.

Въ аудиторіяхъ, посреди продольной стѣны помѣщалась каѳедра, сдѣланная изъ цѣльнаго краснаго дерева и состоящая изъ нижней возвышенной отъ пола площадки, на которую входили по приставленной ступенькѣ, и стѣнокъ: задней, къ которой ставился стулъ для преподавателя, и передней, выгнутой наружу, надъ которой устроена полка, для помѣщенія на нихъ книгъ или тетрадей. На этой-то передней, выпуклой къ зрителю стѣнкѣ каѳедры было написано славянскими буквами изреченіе: «Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ телѣси, повинномъ грѣху». Буквы были позолочены и написаны съ чернымъ оттѣнкомъ, отъ чего издали казались какъ бы выпуклыми. Буквы эти, которыя я постоянно имѣлъ передъ глазами, въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ огненныя буквы Бальтазара, такъ врѣзались въ мою память, что и черезъ 40 лѣтъ я вижу ихъ, какъ бы передъ собой.

Противъ каѳедры, на незначительномъ отъ нея разстояніи по-

мѣщались амфитеатромъ, вплоть до задней стѣны лавки, между которыми посрединѣ и по краямъ оставлены были проходы. Къ лавкамъ были твердо придѣланы столы, или тѣ же лавки, но только выше, имѣли верхнюю доску, нѣсколько наклонную къ сидящему и приспособленную для письма. Все это было выкрашено краской, впадающей въ черный цвѣтъ. Подъ крышкой стола была устроена полка, куда мы клали наши книги и тетрадки.

Лекціи продолжались одинъ часъ, окончаніе каждой возвѣщалось звономъ колокольчика. Обязанность эта лежала на служителѣ изъ татаръ, Валидѣ Назировѣ, котораго мы обыкновенно называли Валидка-Сатурнъ, намекая тѣмъ на его спеціальность — означать время занятій. Валидка честно и добросовѣстно исполнялъ свою обязанность.

Несмотря ни на горячія наши мольбы, ни на подкупы, онъ никогда не соглашался «дать звонокъ» ранѣе указаннаго времени; а ему это легко было сдѣлать, потому что никто изъ начальства не слѣдилъ за этимъ. Такъ онъ усердно радѣлъ о нашемъ образованіи и не желалъ, чтобы мы и минуту потеряли на исчерпаніе премудрости...

Лекціи происходили по утрамъ, начинаясь въ 8 часовъ и оканчиваясь во 2-мъ часу. Послѣ обѣда, и то только въ 1-мъ отдѣленіи, происходила лекція церковно-библейской исторіи, что, кажется, устроено было болѣе для удобства преподавателя,—да занимались обученіемъ искусствамъ: живописи, музыкѣ, танцамъ, церковному пѣнію. Обученіе искусствамъ не было обязательно для всѣхъ студентовъ, а только для желающихъ.

Въ нѣкоторые дни недѣли лекціи занимали всѣ пять утреннихъ часовъ, въ другіе—четыре и три часа, никогда менѣе.

Очень не многіе профессора преподавали по печатнымъ руководствамъ; болѣе—или давали записки своихъ лекцій, которыя мы и списывали, возвращая оригиналы; или же просто «говорили». Въ послѣднемъ случаѣ мы записывали со словъ, потомъ — каждый изъ насъ, по заведенной очереди, отбиралъ отъ другихъ записанныя такимъ образомъ лекціи, изъ всего составлялъ одну общую и носилъ профессору для просмотра. Въ то время еще не было извѣстно искусство стенографіи, и мы, торопясь записывать лекціи со словъ профессора, тѣмъ очень много портили нашъ почеркъ. По полученіи отъ профессора составленной нами лекціи въ исправленномъ видѣ мы списывали ее въ тетрадки и ими уже руководствовались. Изъ этого можно понять, какъ мы были обременены перепиской! Студенты, имѣвшіе достаткокъ, нанимали кантонистовъ для переписки лекцій.

Курсъ ученія начинался съ половины августа, и лекціи продолжались до конца мая. Конецъ мая и первая половина іюня заняты были экзаменами, потомъ наступали каникулы, до половины

августа. Кромѣ того, было еще зимнее вакатное время съ 21-го декабря по 9-е января.

Профессора «спрашивали» насъ, какъ это заведено и теперь только въ гимназіяхъ. Обыкновенно, профессоръ, прочитавъ 5—6 лекцій, уходя изъ аудиторіи, говорилъ стереотипную фразу: «Господа! въ слѣдующій разъ мы займемся повтореніемъ пройденнаго». Это означало, что на слѣдующей первой лекціи насъ будутъ «спрашивать», и мы готовились къ отвѣтамъ. Спасибо и за то, что предупреждали... Отмѣтка, или балъ, какъ въ успѣхахъ въ наукахъ, такъ и въ поведеніи былъ слѣдующій: 1 означала—дурно, 2—посредственно, 3—хорошо, 4—очень хорошо, 4+—отлично.

Студентовъ переводили изъ одного отдѣленія въ другое не иначе, какъ по экзамену, который хотя и назывался «публичнымъ»; но во все время моего пребыванія въ университетѣ я ни разу не видѣлъ, чтобы его посѣщали посторонні лица; только на экзаменѣ изъ церковно-библейской исторіи и богословія присутствовалъ мѣстный архіерей да ради его нѣсколько духовныхъ лицъ. Обыкновенно же экзамены производились какъ бы келейно. Было то же «спрашиваніе», что и на лекціяхъ, только при другой обстановкѣ, а именно: въ актовомъ залѣ, въ присутствіи попечителя и профессоровъ. Попечитель вызывалъ студентовъ по списку, предлагалъ имъ вопросы, по заранѣе составленному конспекту, выслушивалъ отвѣты и ставилъ имъ балы.

На публичныхъ актахъ произносились рѣчи, читался отчетъ о состояніи университета за истекшій академическій годъ; провозглашались фамиліи студентовъ, окончившихъ курсъ, съ поименованіемъ, какой ученой степени они удостоены, и студентовъ, переводимыхъ изъ одного отдѣленія въ другое; въ заключеніе вызывали при трубныхъ звукахъ отличившихся въ успѣхахъ и поведеніи и награждаемыхъ медалями. Эти акты происходили въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца, послѣ чего распускали насъ на каникулы. Обрядность университета носила на себѣ еще отпечатокъ постановленій и порядка, заведенныхъ бывшимъ попечителемъ, «знаменитымъ» Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ. Многое послѣ него измѣнилось, но многое и сохранилось.

Болѣе обращали вниманія на нравственность студентовъ, чѣмъ на ихъ успѣхи въ наукахъ, такъ что хорошимъ поведеніемъ выкупалась посредственность.

Воспитаніе въ духѣ вѣры и благочестія отражалось на всемъ, что входило въ частную жизнь студентовъ, помимо ихъ образованія. Студенты обязаны были непремѣнно посѣщать университетскую церковь во время богослуженій: вечернихъ и утреннихъ. Горе тѣмъ, которые не могли представить уважительныхъ причинъ своего отсутствія! Не быть у всенощной, наканунѣ праздника, или у обѣдни, не говорю уже о ежегодномъ говѣньѣ, исповѣди и св.

причащеніи,—почиталось чуть не криминальнымъ преступленіемъ. Субъинспекторы зорко слѣдили за посѣщеніемъ студентами церкви, и отсутствующіе тотчасъ были замѣчаемы и заносились въ списки неблагонадежныхъ. Опаздывавшіе къ службѣ каждый разъ подвергались замѣчаніямъ и выговорамъ. Если опаздываніе часто повторялось, то виновные несли отвѣтственность наравнѣ съ отсутствующими. Передъ началомъ каждой обѣдни всѣ студенты обязаны были собираться въ аудиторію, гдѣ одинъ изъ среды ихъ читалъ апостола и евангеліе того дня, а священникъ объяснялъ ихъ смыслъ и значеніе. Потомъ шли въ церковь. Хоръ пѣвчихъ состоялъ изъ студентовъ-любителей. Двое обыкновенно прислуживали въ алтарѣ, подавали священнику кадило, теплоту и т. п., выходили съ большими свѣчами, при чтеніи дьякономъ евангелія и выносѣ св. даровъ.

Даже въ устройствѣ карцера, или, какъ его называли, «комнаты уединенія», проявлялась мистическая идея Божественнаго Промысла. Въ немъ помѣщалась огромная картина, изображавшая «Страшный судъ». Грѣшники въ страшныхъ корчахъ жарились на медленномъ огнѣ, подвѣшенные крючьями, и все въ родѣ этого, при надлежащемъ числѣ чертей. Таинственный смыслъ картины заключался, видите, въ томъ, чтобы провинившійся, имѣя ее передъ глазами, страшился наказанія другого, не временнаго только, но вѣчнаго, и, казнясь за учиненный проступокъ, зналъ бы, что ожидаетъ его въ будущей жизни, если онъ не исправится здѣсь!!!... Такимъ эффектно-театральнымъ зрѣлищемъ разсчитывали вліять на молодое, пылкое воображеніе!!!...

X.

Наблюденіе со стороны инспекціи за нравственностью студентовъ. — Помощникъ инспектора Протопоповъ.—Студентъ Матвѣевъ и его дальнѣйшая судьба.—Общій характеръ университетскаго преподаванія того времени.—Науки, преподаваемыя на отдѣленіи этико-политическомъ. — Профессора: П. С. Сергѣевъ, Г. Л. Фогель, Г. А. Лукашевскій, протоіерей Ф. Т. Талантовъ и А. И. Нечаевъ; В. Я. Бажановъ, И. А. Верниковскій, В. Я. Булыгинъ, А. Ф. Хламовъ, К. К. Фойхтъ и др.— Анекдоты о проф. Г. А. Лукашевскомъ.—Студентъ Ибрагимовъ.—Университетскій дьяконъ.

Неумѣстная строгость начальства въ отношеніи нравственности студентовъ иногда подавала поводъ послѣднимъ къ школьнымъ выходкамъ противъ тѣхъ лицъ, коимъ былъ порученъ надзоръ. Неумѣстность эта, между прочимъ, проявлялась въ томъ, что помощники инспектора обязаны были посѣщать во всякій часъ дня и ночи студентовъ, живущихъ не только на квартирахъ, но и у своихъ родственниковъ, слѣдить за ихъ нравственностью, образомъ жизни, предметами ихъ занятій...

Разскажу нѣкоторыя выходки студентовъ. Въ 1830 г., во время польскаго возмущенія, студенты какъ-то узнали, что помощникамъ инспектора поручено было секретно вникать въ духъ и направленіе идей учащейся молодежи; узнавать, не образовываются ли между ними какія либо сходки, съ политическими цѣлями. Словомъ, стараться проникнуть въ ихъ внутреннюю жизнь, помимо того внѣшняго надзора, которому, и безъ того, студенты постоянно были подвергнуты.

Студенты рѣшились въ шутку заявить свой протестъ противъ такой мѣры и уговорились выразить его оригинальнымъ, не бывалымъ способомъ. Не знаю почему, — но цѣлью всѣхъ своихъ нападокъ студенты избирали всегда одного только И. И. Протопопова. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ одинъ долженъ былъ поплатиться за прочихъ. И вотъ, по заранѣе обдуманному плану, начались его мученія. Во время промежуточныхъ часовъ, свободныхъ отъ лекцій, студенты обыкновенно собирались въ большомъ залѣ, о которомъ я упомянулъ выше, занятомъ нынѣ минцкабинетомъ. Каждый почти разъ, въ дежурство Протопопова, число студентовъ увеличивалось и тѣми, которые имѣли лекціи, но уходили съ нихъ, чтобы сообща разыграть заранѣе приготовленныя роли. Начиналось тѣмъ, что какъ только соберутся студенты, тотчасъ же являлся къ нимъ и Протопоповъ. Появленіе его служило знакомъ къ началу комедіи. Кучка изъ 6—8 человѣкъ отдѣлялась въ уголъ залы и начинала шептаться. Протопоповъ, замѣтя такое уединеніе отъ прочихъ, кошачьею поступью подходилъ къ кучкѣ, стараясь вслушаться, о чемъ она шепчется; по мѣрѣ его приближенія, кучка немедленно расходилась, и въ то же время другая, подобная, собиралась въ другомъ, противоположномъ углу залы. Иванъ Ивановичъ и къ той старается подойти такимъ же образомъ, но и та кучка расходится, а новая уже образовалась въ какомъ нибудь концѣ залы. Маневръ этотъ повторялся неизмѣнно каждый разъ, какъ подходилъ и удалялся Протопоповъ. Старикъ нашъ, наконецъ, приходилъ въ изнеможеніе, переходя отъ одной кучки до другой, стараясь подслушать, о чемъ идетъ толкъ, и не кроется ли тутъ какой либо «контрабандной» цѣли—и все напрасно. При приближеніи его кучки таяли... По правдѣ сказать, нечего было и подслушивать. Часто случалось, что не зная, что и говорить, а только чтобы побѣсить субъинспектора, студенты шевелили губами или жестикулировали руками, не произнося ни одного слова. Наконецъ, Протопоповъ, измученный своей неудавшейся ролью соглядатая, отиралъ потъ, обильно струившійся по лицу, и шепелявя и заикаясь говорилъ:

— Што-што-што это вы, господа? О чемъ то-то-толкуете? О с-с-с-суэтѣ м-м-мірской! О н-н-непостоянствѣ бла-бла-благъ земныхъ!

Студенты смѣялись и тѣмъ оканчивали на этотъ разъ мученія

Протопопова, вполнѣ довольные, что удалось имъ помучить старика. Подобныя сцены повторялись болѣе мѣсяца, почти на каждомъ дежурствѣ Протопопова, и всегда съ одинаковымъ результатомъ. Наконецъ намъ самимъ надоѣло повтореніе одного и того же, и мы оставили Ивана Ивановича въ покоѣ.

Лучше мы не сумѣли заявить протестъ противъ совершенно излишнихъ мѣръ, порожденныхъ страхомъ встревоженнаго польскими событіями начальства. Оно должно было знать, что либеральныя идеи приходятъ извнѣ, прививаются на почвѣ подготовленной, а въ средѣ, окружающей насъ, и при томъ направленіи образованія, которое давали намъ, никакія возвышенныя чувства человѣческаго достоинства и стремленія не могли имѣть въ насъ мѣста. Напротивъ, рѣшивъ по своимъ дипломатическимъ соображеніямъ, что французы «поджигаютъ» поляковъ, мы, проникнутые духомъ патріотизма, дали другъ другу слово не употреблять въ разговорахъ французскаго языка, какъ языка народа коварнаго, безпокойнаго. Но тогдашнее начальство не замѣчало, или не хотѣло замѣчать такое патріотическое настроеніе умовъ, а продолжало упорствовать въ своемъ заблужденіи.

Но не всегда Протопоповъ отдѣлывался такъ дешево за свои подслушиваніе и подсматриваніе. Разъ онъ поплатился тѣмъ, что получилъ горячую пощечину, — тѣмъ болѣе чувствительную, что виновный былъ на лицо, а взыскать — невозможно. Дѣло было такъ. Протопоповъ, когда дежурство его приходилось въ праздничные или воскресные дни, имѣлъ обыкновеніе поздно ночью обходить студентовъ, возвратившихся изъ дневныхъ отлучекъ, и, находя ихъ спящими, нюхать, не пахнетъ ли отъ нихъ виномъ. Одинъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ, Скворцовъ, мужчина лѣтъ 22-хъ, высокій ростомъ и сильный, вызвался отучить Ивана Иваныча отъ этой привычки, но только просилъ, что бы ни случилось, его не выдавать. Студенты съ радостью согласились и дали слово молчать. Къ этому ихъ побудили многія причины: первая и самая главная—укоренившееся между нами понятіе о святости товарищества; желаніе, такъ присущее всей молодежи,— «насолить» чѣмъ нибудь начальству, занимательность предстоящаго небывалаго еще случая: дать урокъ субъинспектору; наконецъ, желаніе—пополнить свою слишкомъ однообразную жизнь новымъ развлеченіемъ. И вотъ насталъ роковой день для несчастнаго Протопопова. Въ воскресенье, на его дежурствѣ, Скворцовъ проситъ позволенія посѣтить своего товарища, о которомъ Иванъ Ивановичъ зналъ, что онъ одинъ живетъ на квартирѣ. Получивъ отпускъ, Скворцовъ съ умысломъ возвратился въ университетъ позднѣе назначеннаго времени и, по принятому порядку, объявился дежурному субъинспектору, при чемъ всклочилъ волосы, сдѣлалъ какіе-то странные глаза (что онъ изучалъ заранѣе передъ зерка-

ломъ) и говорилъ нетвердымъ языкомъ; словомъ, притворился какъ бы съ похмелья, послѣ товарищеской попойки. Иванъ Ивановичъ и самъ любилъ выпить, зналъ и послѣдствія излишнихъ возліяній Бахусу, а потому отъ зоркаго его глаза не скрылось такое знакомое ему состояніе Скворцова, но чтобы болѣе и вѣрнѣе убѣдиться въ своей догадкѣ, ночью, когда, по его предположенію, всѣ студенты погрузились въ молодой, крѣпкій сонъ, Протопоповъ отправился дозоромъ въ дортуаръ, гдѣ спалъ Скворцовъ. На первыхъ же порахъ ему измѣнила дверь, ведущая изъ дежурной комнаты въ спальню студентовъ. Студенты не спали, заранѣе приготовленные къ ожидавшему ихъ зрѣлищу, но не знавшіе, въ чемъ именно оно будетъ состоять. Скворцовъ хотѣлъ приготовить сюрпризъ и никому не открылъ своего плана. Услыша знакомый скрипъ отворившейся двери, всѣ, насторожившись вниманіе, притаились и въ полглаза слѣдили за происходящимъ. Иванъ Иванычъ, въ халатѣ и туфляхъ, обычной своей кошачьей поступью по половику, разостланному по полу, медленно и осторожно двигался по направленію къ кровати, на которой спалъ Скворцовъ, и, нагнувшись къ нему, сталъ нюхать... Это-то мгновеніе и поджидалъ Скворцовъ. Лежа съ закрытыми глазами на одномъ боку, спиной къ подошедшему Протопопову, онъ, какъ бы разметавшись, свѣсилъ съ кровати руку. Почувствовавъ присутствіе несчастнаго Ивана Ивановича и размѣривъ мысленно разстояніе, отдѣляющее его отъ его жертвы, Скворцовъ, какъ бы въ просонкахъ, перевертываясь на другой бокъ и описывая свѣсившейся рукой дугу, что было силы, ударилъ его прямо въ щеку, при чемъ даже крякнулъ. Иванъ Ивановичъ пошатнулся и, зажавъ одной рукою щеку, а другой подобравъ полы халата, быстро зашагалъ въ свою комнату.

На другой день, когда я пришелъ въ университетъ, мнѣ разсказали это событіе во всей подробности, сознаваясь, что при видѣ удалявшагося Ивана Ивановича съ зажатой щекой студенты едва-едва могли удержаться отъ смѣха: тогда они выдали бы Скворцова! Ударъ, по ихъ словамъ, долженъ быть очень силенъ, судя по звуку и той гримасѣ, которую сдѣлалъ Протопоповъ. Выходка эта не имѣла никакихъ послѣдствій для Скворцова. На самомъ дѣлѣ, развѣ можно было взыскивать за движенія спящаго? А, можетъ быть, Протопоповъ думалъ, что какъ Скворцовъ, такъ и прочіе студенты дѣйствительно спали, и никто не видалъ, а слѣдовательно и не знаетъ о полученной имъ пощечинѣ. Какъ бы то ни было, но въ этомъ случаѣ онъ послѣдовалъ правилу іезуитовъ, хотя въ превратномъ смыслѣ: «что получено втайнѣ, за то не слѣдуетъ платить въявѣ». Долго послѣ этого урока Протопоповъ воздерживался отъ ночной визитаціи спящихъ студентовъ, но въ концѣ концовъ было то же, что и прежде. Такова сила привычки.

Да, надо отдать справедливость: товарищество сильно было развито въ то время между нами. Товарищество наше было какъ бы молчаливый протестъ, демонстрація противъ заѣдавшей насъ среды, въ которую мы были поставлены, съ одной стороны, ребяческимъ способомъ преподаванія, о чемъ сказано будетъ въ слѣдующей главѣ, съ другой—надзоромъ тайнымъ и явнымъ, насъ преслѣдовавшимъ на каждомъ шагу. Только разъ нарушена была святость товарищества, насъ соединявшая,—и то при обстоятельствахъ исключительныхъ, и поводомъ къ этому послужила не вражда или несогласіе, а зависть, жертвой которой былъ я. То было важное по своимъ послѣдствіямъ событіе, описанію котораго я посвящу отдѣльную главу, а здѣсь приведу еще случай, гдѣ товарищество выказалось во всемъ своемъ блескѣ.

Казеннокоштный студентъ словеснаго факультета, Матвѣевъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1831 года, въ одно изъ воскресеній, ради скуки, какъ онъ сознавался намъ, выжегъ зажигательнымъ стекломъ на церковныхъ дверяхъ фразу: «Ура! Свобода! Германія!» Фраза, сама по себѣ, довольно безсмысленна, и, поистинѣ, должно удивляться настойчивости и терпѣнію, съ какими онъ воспроизводилъ ее.

Двери церковныя были сдѣланы изъ дуба, то-есть дерева твердаго, не легко поддающагося и рѣзцу, —выходили въ коридоръ; прямо противъ нихъ приходилось окно на полуденную сторону. Выбравъ ясный, жаркій день, Матвѣевъ, чтобы для своей операціи воспользоваться лучами солнца, отворилъ окно и зажигательнымъ стекломъ медленно, съ изумительнымъ терпѣніемъ, превосходящимъ верблюжье, выжигалъ букву за буквой, не забывая и знаковъ восклицанія, которыхъ щедро разставилъ цѣлыхъ три. Наконецъ надпись подъ рукой новаго, небывалаго скульптора появилась на дверяхъ и довольно отчетливо. Рвзумѣется, она не могла укрыться отъ глазъ, на этотъ разъ какъ-то вздремнувшаго, университетскаго начальства. Надпись эта, какъ и знаменитые: «мани, текелъ, фаресъ», явившаяся такъ внезапно, только не въ огненныхъ буквахъ, а какихъ-то углеподобныхъ, какъ бы указывала на сочувствіе польской революціи, бывшей въ то время въ полномъ разгарѣ. Легко себѣ представить общій переполохъ и тревогу! Начались розыски, пущены были въ ходъ всѣ позволительныя и непозволительныя средства, чтобы открыть виновнаго,—все напрасно! Виновникъ ускользалъ, какъ дымъ!.. Тогда за розыски принялся самъ попечитель. Всѣхъ студентовъ, живущихъ у своихъ родителей, въ томъ числѣ и меня, онъ поочереди призывалъ къ себѣ и, прибѣгая попеременно то къ ласкѣ, то къ угрозамъ, вымучивалъ изъ насъ имя виновнаго. Но всѣ мы, прикрывшись обычнымъ: «знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ», стойко выдержали испытаніе и не выдали товарища, хотя всѣ очень хорошо знали, кто былъ «скульпторъ». Черта такого согласнаго товарищества

была еще тѣмъ замѣчательнѣе, что между студентами, знавшими виновника происшествія, были племянники попечителя: К. М. Баратаевъ, В. Колбецкій, М. Ростовскій, И. Осокинъ. Казалось бы, какъ по родству не подслужиться, однако не нашлось ни одного предателя. Честь имъ и слава! Не менѣе чести и другимъ, устоявшимъ противъ просьбъ и угрозъ отцовъ, желавшихъ, чтобы назвали виновнаго. Матвѣевъ преблагополучно кончилъ курсъ, кажется, даже со степенью кандидата. Въ 1845 году мы свидѣлись въ Казани, куда Матвѣевъ пріѣзжалъ съ ханомъ Киргизской орды, Джангиръ-ханомъ, при которомъ онъ состоялъ правителемъ канцеляріи, или чиновникомъ отъ правительства, чѣмъ-то въ родѣ этого, не могу припомнить хорошенько. Вспоминая наше общее прошлое, мы, разумѣется, не забыли разсказанной мной его выходки. Матвѣевъ со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что никогда не забудетъ, чѣмъ онъ обязанъ товарищамъ; безъ ихъ поддержки онъ, можетъ быть, давно бы сгнилъ солдатомъ гдѣ нибудь въ ущельяхъ Кавказа. Въ искренности его словъ и признательности нельзя было сомнѣваться...

Учебная часть тогда сильно хромала, какъ отъ давленія «свыше», такъ и по недостатку даровитыхъ преподавателей.

Правительство, напуганное исторіей 14-го декабря 1825 года, въ каждомъ «кустѣ» (пародируя извѣстную пословицу: «пуганая ворона и куста боится») видѣло тайныя общества и заговоры, имѣвшіе цѣлью если не совершенное посягательство на верховную власть, то, по крайней мѣрѣ, на значительное ея ослабленіе. Оно очень хорошо понимало, что проводниками такихъ домогательствъ служатъ идеи, развитіемъ своимъ обязанныя пониманію человѣческихъ правъ, чувствамъ народности и свободы; что все это можетъ дать образованіе, и при томъ образованіе не фиктивное, но истинное, свободное отъ всякихъ уставовъ и карательныхъ мѣръ; что только получившій такое образованіе могъ дорожить достоинствомъ человѣка. Оно желало видѣть людей, рабски послушныхъ волѣ, поставленной надъ ними, и потому вся цѣль, все стремленіе его были направлены, чтобы какъ можно болѣе стѣснить образованіе.

Чтобы остановить естественный ростъ развитія понятій учащейся молодежи, министерство составило конспектъ или программы преподаванія наукъ, указало черту, далѣе которой не должно было итти изученіе предмета. Строго предписано было въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ можно легче касаться наукъ умозрительныхъ; и потому программы всѣхъ знаній, тѣмъ болѣе философскихъ, были самыя сокращенныя, такъ что студенты въ шутку, но очень мѣтко говорили, что онѣ «короче воробьинаго носа». И по этимъ урѣзаннымъ программамъ часто читались предметы въ искаженномъ видѣ, принаровленномъ къ заранѣе указанной цѣли [1]).

---

[1]) См. далѣе въ описаніи преподаванія общей исторіи Бажановымъ.

Учили, напримѣръ, что свободы совѣсти не существуетъ: она вполнѣ замѣнена монархической властью, а есть только свобода физическаго движенія.

Извѣстно, до какихъ жалкихъ смѣшныхъ результатовъ, чуть не до идіотизма доводило исполненіе подобныхъ программъ и уставовъ. Такъ, профессоръ Казанскаго университета, Г. Никольскій, читая прикладную математику, выкладками чиселъ доказывалъ сущность Св. Троицы!.. Или щекотливость цензуры доходила до того, что запрещала употреблять въ печати выраженія: «Царская водка», «вольный духъ» (въ печи) и т. п., несмотря на то, что наука усвоила себѣ эти термины, и подобныя техническія выраженія получили, такъ сказать, право гражданства... Естественно, такой искусственный гнётъ, наложенный на умственное развитіе обучавшейся тогда молодежи, долженъ былъ повлечь за собой полный застой въ понятіяхъ и породить рабскую, безусловную покорность тѣмъ только идеямъ, какія правительство считало за нужное провести въ общество... За всѣмъ тѣмъ, нерѣдко случалось, что студенты, недовольные слишкомъ уже ребяческимъ изложеніемъ предмета, обращались къ профессору съ вопросами; но всякій разъ были останавливаемы строгимъ замѣчаніемъ—слушать внимательно, что преподаютъ, но самимъ не вдаваться въ разсужденія, какъ бы не понимая, что это-то вниманіе, которое онъ предлагалъ намъ, и указывало на пробѣлы, допускаемые имъ въ преподаваемомъ предметѣ, и подмѣчало умышленное стараніе, съ какимъ обходилъ онъ мѣста, выдающіяся изъ тѣсныхъ рамокъ программы... Но такое натянутое настроеніе въ дѣлѣ народнаго образованія, несмотря на всю бдительность правительства, не вездѣ достигало своей цѣли. Были отдѣльные случаи, гдѣ не помогали никакія перегородки на пути просвѣщенія, и умственное развитіе, съ трудомъ, окольными дорогами, прокладывало себѣ путь «изъ мрака къ свѣту». Либеральныя понятія, не останавливаясь преслѣдованіемъ, проявлялись тамъ, гдѣ менѣе всего того ожидали... Умственное развитіе весьма вѣрно можно уподобить водѣ: чѣмъ сильнѣе ее давить, тѣмъ далѣе летятъ брызги...

Въ составъ нравственно-политическаго факультета входилъ почти весь словесный, за исключеніемъ языковъ: греческаго и восточныхъ, такъ что юристы изучали, собственно, предметы двухъ факультетовъ. Такимъ образомъ, въ нравственно-политическомъ факультетѣ преподавались науки: а) собственно юридическія: 1) политическая экономія, 2) дипломатика, 3) гражданское право, 4) гражданское судопроизводство, 5) общее государственное право, 6) камеральное право, 7) обозрѣніе правъ (энциклопедія), 8) дѣлозводство, 9) государственное устройство, 10) римское право, 11) права присоединенныхъ къ Россіи провинцій (Остзейскія губерніи), 12) уголовное право; б) словеснаго факультета: 13) церковно-библей-

ская исторія, 14) богословіе, 15) всеобщая географія, 16) россійская географія, 17) древняя географія, 18) всеобщая исторія, 19) россійская исторія, 20) всеобщая статистика, 21) россійская статистика, 22) логика, 23) психологія, 24) метафизика, 25) нравственная философія, 26) исторія философскихъ системъ, 27) россійская словесность, 28) исторія россійской словесности; языки: 29) славянскій, 30) латинскій, 31) французскій, 32) нѣмецкій. (Уфъ! позвольте перевести духъ). Названіе предметовъ, мной изученныхъ, списываю съ аттестата или свидѣтельства, выданнаго мнѣ правленіемъ университета, 4-го октября 1833 г., за № 3697. Безъ помощи аттестата, я бы не сумѣлъ перечислить всѣхъ предметовъ: нѣкоторые совершенно вышли у меня изъ памяти, даже—до своего названія. Изъ этого перечня предметовъ видно, что въ мое время въ университетское образованіе входило много наукъ, которыя нынѣ изучаются въ гимназіяхъ. Но тогда таково было понятіе о высшемъ образованіи... А между тѣмъ изъ этого подавляющаго собой числа предметовъ ни одинъ не былъ примѣнимъ въ томъ видѣ, какъ преподавался, въ практической жизни. При первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью всѣ они оказались неудовлетворительными и, стало быть, служили только для обремененія нашей памяти.

Выше я сказалъ, что они «не примѣнимы», потому что намъ преподавали только одну теорію законовѣдѣнія и судопроизводства, но не дѣлали практическихъ примѣненій. Хотя въ перечнѣ предметовъ и показано «дѣловодство», но мы изучали его только съ теоретической стороны. Я знаю много воспитанниковъ Казанскаго университета того времени, блестяще кончившихъ курсъ наукъ по юридическому факультету (нравственно-политическому), которые, при поступленіи на службу въ присутственныя мѣста, долго не умѣли написать простой, несложной бумаги и за помощью и совѣтами обращались къ людямъ совершенно необразованнымъ, но практически пріобрѣвшимъ опытность и навыкъ въ судопроизводствѣ.

Конечно, вся эта масса предметовъ преподавалась не вся вдругъ, а распредѣлялась по курсамъ; но память отказывается мнѣ служить при опредѣленіи, въ которомъ именно изъ курсовъ какой читался предметъ. Впрочемъ, въ этомъ не представляется никакой надобности, довольно и того, что я перечислилъ ихъ.

Итакъ, положа руку на сердце, каюсь, что, кончивъ курсъ наукъ и съ успѣхомъ, за что награжденъ серебряной медалью, я не вынесъ изъ стѣнъ университета никакихъ знаній и обязанъ ему только за тѣ права, которыя онъ предоставилъ мнѣ. Если я теперь что нибудь и знаю, то знаніе это пріобрѣлъ впослѣдствіи самъ собой, вполнѣ сознавая всю свою недальность въ наукахъ. Въ защиту университета можно было бы сказать, что это-то пониманіе своей отсталости и желаніе пополнить оную развито университетскимъ

образованіемъ; но, зная способъ преподаванія и бездарность нѣкоторыхъ тогдашнихъ профессоровъ, приходишь къ тому заключенію, что они скорѣе способны были убить въ зародышѣ всякую любознательность, чѣмъ развить ее!

Приступая къ описанію существенной части университета: преподаванія наукъ и степени познаній самихъ профессоровъ, боюсь, что меня заподозрятъ въ умышленномъ искаженіи фактовъ: такъ они мало правдоподобны. Напрягаю свою память, чтобы каждому воздать должное и съ благодарностью назвать тѣ немногія свѣтлыя личности, которыя истинно служили дѣлу науки, а не смотрѣли на свои каѳедры, какъ на выгодныя оброчныя статьи.

Ergo—начинаю.

а) Собственно-юридическія науки.

1) Гражданское право, общее государственное право, камеральное право и государственное устройство—всѣ эти предметы преподавалъ орд. проф. Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ. Человѣкъ большой начитанности и многостороннихъ научныхъ свѣдѣній, но вся его эрудиція была подавлена страшной лѣнью. Онъ никогда не готовился къ чтенію лекцій, а, придя въ аудиторію, и то за полчаса до звонка, минутъ 10 ходилъ взадъ и впередъ, молча, соображая, что ему говорить,—и только лишь всходилъ на каѳедру и начиналъ «входить» въ свой предметъ, какъ колокольчикъ Валидки-Сатурна останавливалъ потокъ его краснорѣчія. Такъ постоянно продолжалось въ теченіе всего курса. Многому ли мы могли научиться? Образчикъ его преподаванія приведенъ мной ниже, при изложеніи метафизики, а теперь скажу нѣсколько словъ о его личности. Сергѣевъ произвелъ страшную бурю между ученымъ сословіемъ университета тѣмъ, что назначенъ былъ попечителемъ Магницкимъ, въ 1824 году, прямо ординарнымъ профессоромъ, не имѣя никакой ученой степени, что, какъ извѣстно, совершенно противорѣчило университетскому уставу. Но протесты остались «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Онъ тоже былъ памятенъ своимъ безпощаднымъ преслѣдованіемъ проф. Жобара, несмотря на то, что послѣдній состоялъ подъ особымъ покровительствомъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и велъ съ ней постоянную переписку.

2) Гражданское судопроизводство и дѣловодство преподавалъ проф. Протасовъ, если не ошибаюсь, закончившій свое образованіе за границей. Протасовъ не имѣлъ времени высказаться намъ вполнѣ. Вскорѣ по поступленіи моемъ въ университетъ его похитила холера; но по началу его лекцій мы видѣли, что въ профессорѣ имѣли истиннаго ученаго, человѣка дѣла. Протасовъ тоже памятенъ въ университетской хроникѣ своимъ добросовѣстнымъ представленіемъ Магницкому и оригинальнымъ рѣшеніемъ послѣдняго.

Магницкій, отмѣнивъ римское право, измыслилъ вмѣсто него какое-то «византійское право» и поручилъ преподаваніе его Протасову. Протасовъ, серіозно смотрѣвшій на преподаваніе наукъ вообще, и потому сознавая себя неподготовленнымъ и не имѣя подъ руками никакихъ пособій, спросилъ Магницкаго, чѣмъ ему руководствоваться.

— Кормчей книгой,—былъ отвѣтъ.

За смертію Протасова, каѳедра его перешла къ Александру Ивановичу Савельеву, за 2 года передъ тѣмъ кончившему курсъ въ томъ же университетѣ. Бездарность его оказалась тотчасъ же. Не изучивъ достаточно своего предмета, Савельевъ былъ замѣчателенъ полнымъ отсутствіемъ знаній. Чаще всего являлся на лекцію послѣ сытной закуски, достаточно политой виномъ, и съ осовѣлыми глазами просто «читалъ» по книгѣ, какъ сдѣлаетъ всякій, умѣющій читать.

3) Политическую экономію и дипломатику преподавалъ Яковъ Минеичъ Караблиновъ. Человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ и научными свѣдѣніями, но стѣсненный программой, онъ преподавалъ предметы весьма кратко, а потому и неудовлетворительно.

4) Обозрѣніе правъ, права присоединенныхъ къ Россіи провинцій и уголовное право читалъ Густавъ Львовичъ Фогель. Программа этихъ предметовъ была ограничена до смѣшного. Все обозрѣніе правъ уписывалось, напримѣръ, на нѣсколькихъ страницахъ тетрадки и изложено въ формѣ катихизиса, въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Возьму нѣсколько на выдержку.

В. Какое правленіе въ Америкѣ?

О. Конституціонное.

В. А въ Швейцаріи?

О. Республиканское.

В. Какъ управляется Англія?

О. Королевскою властью, съ помощью парламента (sic).

И т. д., все въ этомъ родѣ. Но что такое означаютъ конституція, республика, парламентъ, — профессоръ обходилъ объясненіями и на вопросы студентовъ отвѣчалъ, что ихъ о томъ на экзаменахъ спрашивать не будутъ, а чего не будутъ спрашивать, того они могутъ и не знать. Такіе уклончивые отвѣты мы часто получали на наши пытливыя желанія изучать науки. Энциклопедію правъ Фогель преподавалъ на французскомъ языкѣ, тогда какъ уголовное право онъ же читалъ на русскомъ. Такое распредѣленіе языковъ по предметамъ было допущено не безъ задней мысли, чтобы и безъ того ребяческое преподаваніе энциклопедіи сдѣлать менѣе доступнымъ для тѣхъ изъ насъ, которые не обладали твердымъ знаніемъ французскаго языка. Умыселъ—достойный іезуитовъ!

5) Римское право читалъ Гиларій Антоновичъ Лукашев-

скій, выдающійся изъ среды прочихъ преподавателей своимъ глубокимъ изученіемъ древнихъ языковъ, своей эрудиціей. Римское право, бывшее въ изгнаніи при Магницкомъ, только что вступило въ свое мѣсто, въ ряду юридическихъ наукъ. Въ узкой сферѣ тогдашней программы преподаванія всѣхъ наукъ Лукашевскій не могъ вполнѣ выказать всѣхъ своихъ блестящихъ способностей, всей разносторонности своихъ знаній. Замѣчательна судьба этого человѣка! Родомъ—полякъ, Лукашевскій первоначальное образованіе свое получилъ въ знаменитомъ, въ свое время, Кременецкомъ лицеѣ, учрежденномъ меценатомъ просвѣщенія, Чацкимъ, а оканчивалъ курсъ наукъ, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, тоже въ не менѣе знаменитомъ Виленскомъ университетѣ, стоявшемъ тогда на высокой степени совершенства, какъ разсадникъ наукъ, члены котораго ничѣмъ не уступали подобнымъ же учрежденіямъ въ Европѣ. Въ университетѣ затѣялось политическое общество. Кружекъ молодыхъ даровитыхъ людей возмечталъ возстановить польскую національность и высвободить ее изъ-подъ власти Россіи. Начали тѣмъ, что сплотились въ дружную рать піонеровъ свободы, чтобы подкапываться подъ устарѣлыя, отжившія понятія и проводить новое ученье о естественныхъ правахъ человѣка, чувствѣ народности и независимости, и т. д. Общество это избрало своимъ директоромъ Лукашевскаго, какъ человѣка дѣла и энергичнаго. Манифестація ихъ противъ существовавшаго порядка выразилась тѣмъ, что 3 мая 1823 года, въ день годовщины польской конституціи, утратившей тогда свое значеніе, на фасадѣ Доминиканскаго монастыря (въ Вильнѣ) были прибиты «тайныя и непозволительныя писанія», какъ выразился великій князь Константинъ Павловичъ въ письмѣ своемъ князю Адаму Чарторижскому, отъ 19-го мая 1823 года [1]).

Разумѣется, общество это кончилось тѣмъ же, чѣмъ кончаются у насъ всѣ попытки подобнаго рода.

Нѣкоторые изъ молодыхъ людей за свои убѣжденія поплатились ссылкой, другіе, болѣе счастливые, разосланы были по другимъ университетамъ. Къ категоріи послѣднихъ принадлежалъ Лукашевскій и вмѣстѣ съ своими товарищами по мысли и воспитанію: Верниковскимъ и Ковалевскимъ, отправленъ былъ въ Казанскій университетъ, въ которомъ и кончилъ курсъ, съ обязательствомъ занять каѳедру. Вотъ какому обстоятельству Казанскій университетъ обязанъ, что при жалкомъ составѣ тогдашнихъ профессоровъ имѣлъ въ средѣ своей личность дѣйствительно ученую съ передовыми понятіями и глубокими научными свѣдѣніями. Но и въ изгнаніи своемъ, въ Казани, Лукашевскій, какъ и всѣ люди, твердые въ своихъ убѣжденіяхъ, оставался неизмѣнно-вѣренъ сво-

---

[1]) См. «Русскій Архивъ», 1871 года, №№ 4 и 5.

имъ идеямъ и своему культу... Такъ, въ 1830-мъ году, во время польскаго возстанія, онъ намъ, студентамъ, служилъ живой, ходячей газетой о совершающихся военныхъ событіяхъ. Если Лукашевскій, посѣщавшій аккуратно лекціи, не являлся,—мы говорили: навѣрно русскіе потѣснили поляковъ; если же онъ приходилъ въ аудиторію, радостный, веселый,—вѣрный признакъ, что поляки поколотили русскихъ,—и ни разу не ошибались въ своихъ догадкахъ. Впрочемъ, кромѣ этого пассивнаго проявленія патріотическаго чувства, Лукашевскій никогда ни словомъ, ни намекомъ не высказывалъ намъ своихъ политическихъ вѣрованій.

б) Словесныя науки.

1) Церковно-библейскую исторію читалъ ключарь каѳедральнаго собора, протоіерей Флегонтъ Тихоновичъ Талантовъ, по книгѣ архимандрита Филарета, впослѣдствіи извѣстнаго московскаго митрополита. Талантовъ былъ очень почтенный, совершенно лысый старикъ. Студенты никогда не занимались его предметомъ, хотя аккуратно посѣщали его лекціи; противное повлекло бы за собой дурную отмѣтку въ поведеніи. Онъ имѣлъ обыкновеніе «спрашивать» студентовъ въ томъ порядкѣ, какъ они значились по списку. Каждый изъ насъ, зная свою очередь, обыкновенно, въ случаѣ повторенія пройденнаго, отправлялся на самую заднюю лавку и тамъ отвѣчалъ, преспокойно читая по книгѣ Филарета, только стараясь переставлять слова или переиначивать цѣлую фразу, что тѣмъ легче было дѣлать, что мы отвѣчали профессорамъ сидя. Не знаю, отецъ Флегонтъ наивно ли вѣрилъ нашимъ безукоризненнымъ отвѣтамъ, или замѣчалъ наши продѣлки, но молчалъ ради пастырскаго своего смиренія и кротости; какъ бы то ни было, но такая «легкость» въ отвѣтахъ дѣлала насъ лѣнивыми къ изученію церковно-библейской исторіи.

2) Богословіе преподавалъ священникъ университетской церкви и нашъ духовникъ, протоіерей Александръ Ивановичъ Нечаевъ. Читалъ онъ по своимъ запискамъ, испещреннымъ текстами св. писанія. Студенты, кромѣ «изъ семинаристовъ», тоже занимались довольно лѣниво, тѣмъ болѣе, что на публичный экзаменъ изъ богословія являлись только желающіе. Нечаева студенты звали «Бахаръ», потому что, передавая свой предметъ, онъ весьма часто съ легкимъ, особенно ему свойственнымъ смѣхомъ говорилъ: «Кхэ! кхэ! Сударики мои! Тово-вонъ-да-какъ-оно; такъ великій Бахаръ поучаетъ». Прозваніе это переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію; но отца Александра любили и уважали за его истинно христіанскія достоинства. Въ обращеніи со студентами онъ былъ простъ и ласковъ, защищалъ ихъ отъ разныхъ невзгодъ; не одинъ провинившійся обязанъ ему былъ своимъ избавленіемъ отъ наказанія. Кромѣ того, всѣмъ было извѣстно, что въ 1815 году, во время пожара, отъ котораго погибла почти вся Казань, отецъ Александръ, состоя

тогда приходскимъ священникомъ при церкви св. великомученицы Варвары, пріютилъ въ своемъ уцѣлѣвшемъ домѣ многихъ погорѣльцевъ и содержалъ ихъ, несмотря на свои скудныя средства. Черта—достойная истиннаго пастыря. Его давно уже нѣтъ въ живыхъ, и я почитаю себя счастливымъ, что могу воздать памяти его должное.

3) Всеобщую исторію и географію: древнюю, общую и россійскую, преподавалъ до закрытія университета по случаю холеры Василій Яковлевичъ Бажановъ и, прочтя нѣсколько лекцій, навсегда сошелъ со сцены, подобно Протасову. Выше я сказалъ, что «искажали науки», чтобы втиснуть ихъ въ рамку программы, установленной правительствомъ. Бажановъ своимъ преподаваніемъ исторіи вполнѣ подтверждаетъ тѣ мои слова, повидимому, столь неправдоподобныя. Онъ насиловалъ событія, стараясь доказать, что источники послѣднихъ скрываются въ преданіяхъ патріарховъ, даже апостоловъ.

Вслѣдствіе такой натяжки выходило, по его мнѣнію, что названіе буддійскаго Брамы есть искаженное имя Авраама, что жены Брамы назывались Сарра-Веда, т. е. Сара, и т. п. Но de mortuis aut bene, aut nihil.

По смерти его, каѳедра перешла въ достойныя руки, но тоже не надолго,—къ Верниковскому. Иванъ Антоновичъ Верниковскій, по своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ, своей начитанности, главное по своимъ критическимъ взглядамъ на лѣтописи и другіе источники исторіи, читалъ ее превосходно. Онъ первый указалъ намъ живую связь науки съ общимъ развитіемъ жизни, общественной и политической; пріохотилъ всѣхъ насъ къ изученію исторіи; студенты дожидались лекцій его съ большимъ нетерпѣніемъ; шли на нихъ даже изъ другихъ факультетовъ, съ жадностью выслушивали новые взгляды, новыя изслѣдованія предмета, который до Верниковскаго читался кратко, сбивчиво, безъ всякой критической оцѣнки, какъ простонародныя сказки. Верниковскій, какъ я сказалъ выше, принадлежалъ къ той же плеядѣ молодыхъ людей, какъ и Лукашевскій. Да, надо отдать справедливость, то были люди молодые, но мужи по зрѣлости и обдуманности своей цѣли, которой задались они. Всѣ они не съ легкомысліемъ, не съ увлеченіемъ молодости или ради новизны предались своему культу, но съ глубоко-обдуманнымъ и горячо прочувствованнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла. Поэтому они такъ энергично и защищали его, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями или угрозами, а смѣло и бодро шли своимъ путемъ, пока сила не сломила ихъ... Верниковскій былъ видный собой мужчина, носилъ золотыя очки, во время чтенія лекцій имѣлъ привычку отплевываться то на ту, то на другую сторону. Ему менѣе посчастливилось въ жизни, чѣмъ Лукашевскому; по-

слѣдній какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ отъ погрома, воздвигнутаго въ 1830 году на поляковъ, но Верниковскій пострадалъ. Въ одно утро, въ часъ, назначенный для преподаванія исторіи, студенты собрались въ аудиторіи, въ ожиданіи своего любимаго профессора. Верниковскій, всегда аккуратно и своевременно посѣщавшій лекціи, не явился. Такой случай всѣхъ насъ всполошилъ, явились разныя догадки и предположенія о причинѣ его неприбытія; знали только навѣрное одно, что не болѣзнь задерживала его, иначе по принятому, въ подобныхъ случаяхъ, порядку, мы были бы предупреждены о томъ дежурнымъ субъинспекторомъ. Какое-то темное, тяжелое предчувствіе сказало намъ, что съ Верниковскимъ случилось несчастіе, и мы не ошиблись. Въ тотъ же день мы узнали, что ночью Верниковскій былъ схваченъ жандармами и куда-то отвезенъ; узнали также и причину его ареста. Вся криминальная вина его состояла въ томъ, что у какого-то поляка, его друга и товарища по Виленскому университету и, какъ можно было не безъ основанія догадываться, принимавшаго дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года и схваченнаго русскимъ правительствомъ,—въ бумагахъ нашли стихи къ свободѣ, написанные Верниковскимъ, еще въ то время, юношей, въ бытность его студентомъ Виленскаго университета. Казалось бы, не слѣдовало взыскивать за грѣхи юности, тѣмъ болѣе, что Верниковскій разъ уже пострадалъ за нихъ; но на подобныя дѣла правительство того времени смотрѣло иными глазами: у него не «за семь бѣдъ», а за каждую «давай отвѣтъ». Верниковскій вновь поплатился свободой за свои лирическія произведенія двадцатыхъ годовъ... Впослѣдствіи ему какъ-то удалось выпутаться изъ бѣды, и онъ назначенъ былъ сперва въ должность учителя, а потомъ инспектора симбирской гимназіи. Университетъ лишился Верниковскаго навсегда, и всѣ блестящія его способности и обширныя познанія должны были заглохнуть безплодно въ гимназіи тѣхъ временъ, когда гимназіи стояли немного выше уровня простыхъ народныхъ училищъ, и отличались отъ послѣднихъ развѣ только преподаваніемъ иностранныхъ языковъ. Верниковскій для Казанскаго университета былъ тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи Грановскій для Московскаго, т. е., свѣтиломъ науки; но Верниковскій имѣетъ за собой первенство.

Съ удаленіемъ Верниковскаго предметы, имъ преподавамые, разбились на двѣ каѳедры: исторію читалъ профессоръ Суровцовъ, а географію—адъюнктъ Иванъ Флоровичъ Грацинскій. О послѣднемъ можно сказать только то, что онъ читалъ...

4) Россійская исторія и статистика.

Общую и Россійскую—читалъ профессоръ Владиміръ Яковлевичъ Булыгинъ. Исторію онъ буквально «читалъ», а не преподавалъ, потому что, входя на каѳедру, развертывалъ «исторію» Карамзина и читалъ съ того мѣста, на которомъ остановился въ

предшествовавшую лекцію, и какъ читалъ? Имѣя природный физическій недостатокъ—горбъ, онъ, вслѣдствіе ли такого недостатка, или по другимъ причинамъ, былъ вообще болѣзненнаго состоянія, имѣлъ голосъ слабый и тихій, при этомъ еще чрезвычайно растягивалъ слова, когда произносилъ ихъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, производило тягостное впечатлѣніе на слушателей, и время его лекцій казалось намъ необыкновенно длиннымъ; всѣ съ радостью встрѣчали звонокъ, означавшій конецъ лекціи и вмѣстѣ съ тѣмъ нашей скуки. На самомъ дѣлѣ, что было занимательнаго въ слушаніи его лекцій, когда онъ читалъ просто книгу, не дѣлая никакихъ критическихъ разборовъ или оцѣнки событій? Каждый изъ насъ очень хорошо сознавалъ, что и безъ помощи профессора можно было изучить преподаваемый имъ предметъ: стоило только взять и прочесть книгу Карамзина, и узнаешь то же самое. Обѣ статистики онъ преподавалъ на словахъ, справляясь съ лоскутками бумаги, на которыхъ были записаны нужныя ему цифры. Обязанность составлять лекціи лежала на насъ.

5) Россійскую словесность и всеобщую исторію (послѣ Верниковскаго) читалъ профессоръ Григорій Степановичъ Суровцовъ. Суровцовъ поступалъ еще лучше, чѣмъ Булыгинъ. Пользуясь тѣмъ, что, кромѣ исторіи, преподавалъ словесность, Суровцовъ, подъ предлогомъ знать, насколько мы усвоиваемъ себѣ понятіе о краснорѣчіи, и какъ оно отражается на нашемъ письменномъ слогѣ, каждому изъ насъ по-очереди давалъ переводить опредѣленное число печатныхъ страницъ изъ исторіи, кажется, Michelet, и переводъ нашъ читалъ на лекціи, при чемъ критически разбиралъ не исторію, какъ слѣдовало, но нашъ слогъ. Но такой уловкой онъ не могъ никого изъ насъ ввести въ обманъ; всѣ очень хорошо понимали, что онъ просто-напросто эксплуатировалъ нашъ трудъ, или, говоря пословицей, каштаны изъ жару вынималъ нашими руками.

Сравненіе обоихъ профессоровъ: Булыгина и Суровцова, съ Верниковскимъ, во всѣхъ отношеніяхъ, говорило не въ ихъ пользу. Вмѣсто живого разговорнаго языка, смѣло и ясно излагавшаго предметы, мы должны были выслушивать монотонное, слабымъ голосомъ произносимое чтеніе, или длинные семинарскіе періоды, составленные по всѣмъ правиламъ «риторики» Кошанскаго. Вмѣсто критической оцѣнки источниковъ исторіи—рутинныя, сказочныя повѣствованія, вполнѣ достойныя первобытныхъ учителей науки.

6) Логику, психологію и исторію философскихъ системъ преподавалъ Андрей Филимоновичъ Хламовъ. Получивъ образованіе (тогдашнее) въ семинаріи, Хламовъ усвоилъ себѣ и всѣ пріемы тогдашнихъ педагоговъ, выражался тяжелымъ книжнымъ языкомъ, при этомъ имѣлъ привычку повторять по нѣскольку разъ одно и то же слово. Такъ, «спрашивая» студентовъ, онъ говорилъ:

— Раскройте, раскройте, изложите, изложите понятіе о логикѣ, о логикѣ? и т. п.

Повтореніе словъ въ особенности учащалось имъ при преподаваніи. Напримѣръ, какую пеструю амальгаму словъ представлялъ изъ себя слѣдующій произнесенный имъ силлогизмъ, находящійся въ логикѣ Кизеветера, которой онъ руководствовался. «Всѣ люди, люди всѣ смертны, смертны. Кай, Кай, Кай есть человѣкъ. Слѣдовательно, слѣдовательно, Кай, Кай, Кай есть смертенъ». Вообще, кромѣ своей оригинальности, Хламовъ ничѣмъ не выдѣляется въ моей памяти. Оригинальность эта выражалась какъ въ самомъ способѣ преподаванія, такъ и въ наружныхъ признакахъ. Преподаваніе его ограничивалось чтеніемъ логики по Кизеветеру; на психологію и исторію философскихъ системъ давалъ свои записки, ничего не поясняющія, ничему не научающія. Въ этомъ, конечно, прежде всего должно винить самую программу предметовъ, а потомъ собственную его бездарность. Замѣчательна была программа исторіи философскихъ системъ. Преподаватель обязанъ былъ показать: различіе вообще между мудростью земною и небесною, что ученіе философовъ было ложно, что философія могла существовать только до пришествія І. Христа, но съ появленіемъ Его совершенно замѣнена религіей и допускается къ преподаванію только, какъ свѣдѣніе о томъ, что когда-то существовало ученіе древнихъ философовъ и т. п. Оригинальность Хламова отражалась и въ его походкѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе, преподавая, ходить по аудиторіи, что и заставило насъ невольно замѣтить его походку. При ходьбѣ онъ, выставляя ногу впередъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сгибалъ ее въ колѣнѣ и, дѣлая шагъ, покачивался назадъ. При своемъ хорошемъ ростѣ напоминалъ намъ собой ходъ журавля. Многіе изъ насъ пытались подражать, или, лучше сказать, передразнить его походку, но должны были отказаться отъ попытки за совершенной невозможностью. Указываю на эту оригинальность Хламова потому, что походка его играла важную роль въ моей университетской жизни, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

7) Нравственную философію и метафизику читалъ Сергѣевъ, о которомъ я уже говорилъ. Его обычная лѣнь, однакожъ, не помѣшала ему поучать насъ, напримѣръ, такому правилу:

«Въ мірѣ нѣтъ безусловно свободнаго движенія, кромѣ физическаго, да и то—какъ движеніе часового маятника, хотя и свободнаго въ своихъ размахахъ, но прикрѣпленнаго къ одной точкѣ и приводимаго въ движеніе не собственной своей волей, но посторонней силой, имъ управляющей. Такъ и каждый человѣкъ. Прикрѣпленный нравственными узами къ почвѣ своего отечества, онъ можетъ пользоваться свободой, но въ предѣлахъ, указанныхъ верховной властью». Все въ родѣ этого.

8) Исторію россійской словесности читалъ Михаилъ Ва-

сильевичъ Полиновскій, человѣкъ съ болѣе научными свѣдѣніями, чѣмъ Хламовъ, но зато и съ большей оригинальностью. Оригинальность Хламова происходила, можетъ быть, отъ привычки, которую мы иногда пріобрѣтаемъ невольно; оригинальность Полиновскаго была измышлена, изучена ради эффекта! Чѣмъ иначе объяснить, что, напримѣръ, читая оду Державина «Богъ» и доходя до стиха:

«Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества»,

Полиновскій при словѣ: «Безъ лицъ»,—закрывалъ лицо обѣими ладонями своихъ рукъ, а, произнося слѣдующую фразу, открывалъ лицо, при чемъ не отымалъ ладоней, а только выворачивалъ ихъ, придерживая къ вискамъ большими пальцами рукъ... Словомъ, изображалъ собой такъ называемый складень: ладони служили верхними покрышками, а пальцы замѣняли шарнеры. Это, видите, онъ тщился въ лицахъ изобразить изъ себя св. Троицу... Представьте себѣ фигуру профессора, возсѣдающаго на каѳедрѣ съ раскрытыми ладонями около лица... Или при чтеніи какого либо лирическаго произведенія,—при чемъ всегда приходилъ въ совершенный паѳосъ,—Полиновскій прибавлялъ отъ себя, вѣроятно, для вящщей красоты слога: «что-съ? что-съ?». Напримѣръ, въ одѣ Хераскова императору Александру I-му у него выходило такъ:

«Какъ лебедь на водахъ Меандра, что-съ, что-съ?
Послѣдню пѣснь поетъ свою, что-съ, что-съ?
Такъ я монарха Александра, что-съ, что-съ?
На старости своей пою-ю-ю-ю! что-съ, что-съ?

Послѣднюю букву «Ю» выговаривалъ на распѣвъ, растягивая. Полиновскій былъ, можетъ быть, и ученый человѣкъ, но свѣдѣнія свои онъ ревниво скрывалъ отъ слушателей.

В) Языки преподавались:

1) Славянскій—Михаиломъ Самсоновичемъ Рыбушкинымъ. Изученіе славянскаго языка, какъ значилось въ программѣ, было допущено для того, чтобы, понимая книги св. писанія, студенты поучались: «какъ проста истинная высокость, и удалена отъ всякаго школьнаго (sic) риторства». Языку этому обучали въ университетѣ, начиная съ азбуки... О самомъ Рыбушкинѣ въ моей памяти сохранилось, что въ двадцатыхъ годахъ онъ написалъ трагедію: «Сумбека, или покореніе Казани»,—и послалъ въ Москву, въ цензурный комитетъ для разрѣшенія печатанія. Комитетъ возвратилъ ему рукопись съ надписью:

Кто русской грамотѣ еще не научился,
Напрасно тотъ трагедіи въ стихахъ писать пустился!

Эту оцѣнку его дарованій дѣлаю уже не я, а компетентный судья того времени, цензоръ.

2) Латинскій языкъ въ 1-мъ отдѣленіи (курсѣ) преподавался Лукашевскимъ, въ остальныхъ двухъ—Полиновскимъ. О нихъ я уже говорилъ.

3) Французскій—въ 1-мъ отдѣленіи Николаемъ Алексѣевичемъ Моисеевымъ. Мѣстный помѣщикъ съ обезпеченнымъ состояніемъ, онъ занимался съ нами con amore. Въ остальныхъ двухъ—Иванъ Ивановичъ Бюрно. Занятія состояли въ чтеніи классиковъ и переводѣ съ французскаго на русскій.

4) Нѣмецкій языкъ въ 1-мъ отдѣленіи преподавался Карломъ Карловичемъ Фойхтомъ, который былъ впослѣдствіи ректоромъ Харьковскаго университета и членомъ ученаго комитета при министерствѣ. Свои блестящія способности и эрудицію онъ высказалъ, занимая каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ.

Въ послѣднихъ двухъ отдѣленіяхъ нѣмецкимъ языкомъ занималъ насъ мѣстный пасторъ, Ѳедоръ Ивановичъ Фирекъ. Удачное сочстаніе его наружности съ фамиліею [1]) породило стихъ:

«Ѳедоръ Фирекъ—
«Квадратный человѣкъ!»

Между студентами онъ слылъ подъ прозвищемъ «Шумахеръ», потому что на постоянные вопросы, чѣмъ Ѳедоръ Ивановичъ руководствовался въ изученіи языка, онъ постоянно отвѣчалъ:

— Разумъ-ца, шумахеръ.

Вотъ и всѣ свѣтила науки, лучи которыхъ, проникая въ функцію моего мышленія, должны были составить мое образованіе!!!...

Затѣмъ остается подвести итоги. За исключеніемъ нѣкоторыхъ намѣченныхъ мной личностей, всѣ остальные были, болѣе или менѣе, бездарны и неуклонно держались воззрѣній, высказанныхъ въ программахъ, начертанныхъ преподавателямъ для руководства. Да, надо было имѣть много гражданскаго мужества и смѣлости высокаго умственнаго развитія, чтобы хотя немного выйти изъ программы, ради лучшаго и полнѣйшаго объясненія науки.

Сохранившіеся въ моей памяти разсказы и анекдоты изъ моей университетской жизни, большею частью, относятся къ Гиларію Антоновичу Лукашевскому. Въ своемъ мѣстѣ я сказалъ, что Гиларій Антоновичъ преподавалъ латинскій языкъ и занималъ насъ переводами изъ Корнелія Непота. Обыкновенно лекціи посѣщалъ своевременно или вовсе не приходилъ. Разъ что-то его задержало. Прошло минутъ 20, а Лукашевскій не являлся. Мы рѣшили, что онъ вовсе не будетъ. Тогда одинъ изъ словесниковъ, Ибрагимовъ, въ совершенствѣ подражавшій манерамъ, интонаціи голоса и произношенію словъ Лукашевскаго и зная основательно латинскій языкъ, вызвался занять его мѣсто. Всѣ охотно согласились, радуясь заранѣе занимательности предстоящаго намъ зрѣлища.

---

[1]) Извѣстно, что viereck по-нѣмецки означаетъ «квадратный».

Ибрагимовъ, чтобы вполнѣ изобразить собой Лукашевскаго, озаботился запастись всѣми аттрибутами, обыкновенно сопровождавшими послѣдняго на каѳедрѣ, какъ-то: палкой, табакеркой, носовымъ платкомъ. Тотчасъ же явилась импровизированная палка—ручка отъ половой щетки, которую Ибрагимовъ досталъ гдѣ-то въ чуланѣ у Валидки-Сатурна; табакерку взялъ у кого-то изъ студентовъ, нюхавшихъ табакъ, и съ своимъ собственнымъ носовымъ платкомъ, взошелъ на каѳедру, на одномъ концѣ рамки, или передней стѣнки, положилъ платокъ, на другомъ табакерку и, вооружившись палкой, словомъ приготовившись вполнѣ, какъ дѣлалъ Лукашевскій, раскрывъ Корнелія Непота, голосомъ и произношеніемъ Гилярія Антоновича, началъ лекцію, пристукивая въ тактъ палкой.

Передразниваніе вышло превосходно,—Ибрагимовъ превзошелъ самъ себя,—и, какъ надо было ожидать, возбудило общій смѣхъ. За шумомъ и взрывами хохота, никто изъ насъ не слышалъ, какъ отворилась дверь въ аудиторію, и на порогѣ явился Лукашевскій. Увидя его, Ибрагимовъ сильно растерялся и, вмѣсто того, чтобы скорѣе сойти съ каѳедры, оставался на ней съ открытымъ ртомъ, глазами, устремленными на Лукашевскаго, съ приподнятой палкой въ рукѣ и какъ бы окаменѣлъ въ такомъ положеніи.

Тогда Лукашевскій, сдѣлавъ шагъ впередъ и пальцемъ поднятой руки указывая на Ибрагимова, со своимъ акцентомъ, прехладнокровно сказалъ:

— Обезьяна, долой!

Тогда только очнулся Ибрагимовъ и со всѣми своими принадлежностями: палкой, табакеркой, носовымъ платкомъ и книгой, проворно юркнулъ на свое мѣсто.

Но когда Лукашевскій взошелъ на каѳедру и, расположившись на ней такъ, какъ за минуту передъ тѣмъ сдѣлалъ Ибрагимовъ, началъ тѣмъ же голосомъ и съ той же интонаціей читать книгу, студенты не могли удержаться отъ смѣха, да и трудно было сохранить хладнокровіе. На каѳедрѣ передъ нами присутствовалъ двойникъ Ибрагимова: тѣ же—тонъ, манера, положеніе тѣла. Трудно было опредѣлить, кто кого передразнивалъ.

Лукашевскій, понимая причину смѣха студентовъ, счелъ за лучшее прекратить лекцію; закрывъ книгу и сходя съ каѳедры, обратился къ намъ и съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ сказалъ:

— Ослы! съ вами дѣлать нечего!—и вышелъ изъ аудиторіи.

Лукашевскій, конечно, не преслѣдовалъ Ибрагимова, а иногда только подтрунивалъ надъ нимъ. Напримѣръ, предлагая ему переводить, говаривалъ:

— А ну! какъ я!

или, обращаясь къ намъ:

— Вы, господа, должны изучить превосходно латинскій языкъ: у васъ свой профессоръ.

Привожу этотъ анекдотъ не безъ задней мысли, чтобы показать, какъ въ то время смотрѣли на студентовъ, и какъ мало щадили ихъ самолюбіе. Названія: «обезьяны, ослы», кромѣ смѣха, ничего не возбуждали. Скажи эти же слова въ нынѣшнее время гимназистамъ низшихъ классовъ, какая поднялась бы буря!.. Воображаю, какія бы могли быть послѣдствія для произнесшаго эти слова!...

Таковъ былъ духъ времени и гнетъ, подъ которымъ тогда мы находились.

Лукашевскому давно слѣдовало получить званіе экстра-ординарнаго профессора, но, не знаю почему, его не долюбливалъ попечитель и задерживалъ производство. Разъ, по окончаніи лекціи, Лукашевскій вышелъ изъ университета, въ сопровожденіи довольно большого числа студентовъ, тоже расходившихся по домамъ. У подъѣзда стоялъ экипажъ попечителя. Лукашевскій очень хорошо зналъ это, но, остановившись противъ кучера, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ студенты, съ свойственнымъ ему акцентомъ спросилъ:

— Послушай! Ты чей?

— Михаила Николаевича!

— А давно ты служишь?

Тотъ назвалъ ему время.

— Ну, служи, служи! Будешь экстра-ординарнымъ профессоромъ.

И засмѣявшись пошелъ далѣе.

Впрочемъ за нерасположеніе къ себѣ попечителя Лукашевскій платилъ тѣмъ же. Такъ, однажды онъ сказалъ на лекціи студентамъ:

— Вы, господа, можетъ быть, думаете, что попечитель все знаетъ? Онъ ничего не знаетъ! Я вамъ это докажу. Въ первый разъ, какъ онъ придетъ на лекцію, я предложу кому нибудь изъ васъ переводить съ латинскаго и заранѣе прошу того, кто будетъ переводить,—говорить не то, что написано въ книгѣ, а что придетъ ему на память, какой нибудь вздоръ, и вы увидите, что попечитель, хотя и будетъ смотрѣть въ книгу, но васъ не остановитъ. Я вамъ это докажу.

И доказалъ.

Въ Казанской гимназіи, гдѣ онъ тоже преподавалъ латинскій языкъ, былъ ученикъ, который шепелявилъ и потому вмѣсто буквы с выговаривалъ ш. Лукашевскій заставлялъ его спрягать глаголъ sum, и когда тотъ произносилъ: шумъ, es, est,—то Лукашевскій останавливалъ его замѣчаніемъ:

— Что за шумъ? Здѣсь нѣтъ шума!

Всѣ смѣялись: онъ первый.

Лукашевскій обладалъ очень подвижной физіономіей; надо было видѣть выраженіе лица во время какой либо его выходки, чтобы понять всю ея соль, всю ѣдкость.

Ходили между студентами разные, болѣе или менѣе, забавные слухи; такъ, при университетской церкви состояло два діакона; одного изъ нихъ звали Флегонтъ. Про него говорили, что онъ, разъ, придя къ священнику, о. Александру, сказалъ:

— Батюшка! Вамъ извѣстно, что я знаю «Вѣрую»; но я не понимаю, что въ ней означаетъ слово «жеза̀ны»?

Онъ въ символѣ вѣры... «распятаго же за ны при Понтійстемъ Пилатѣ»... слова: «же за ны», слилъ въ одно и поставилъ удареніе на буквѣ «а», такъ что у него составилось слово, не существующее въ славянскомъ языкѣ. Студенты не давали, что называется, «прохода» Флегонту и, гдѣ бы ни встрѣчали его, не щадя даже церкви, вездѣ спрашивали, узналъ ли онъ, наконецъ, значеніе слова: «жеза̀ны».

Діаконъ жаловался инспектору, но Симоновъ далъ ему благоразумный совѣтъ: если желаете прекратить насмѣшки студентовъ, самое вѣрное средство—не обращать на нихъ вниманія.

Болѣе ничего не помню.

XI.

Мои товарищи—студенты этико-политическаго отдѣленія.—Студентъ Поповъ.—Нарисованная мною карикатура.—Лекція проф. Булыгина.—Я въ карцерѣ.—Выговоръ и угроза попечителя М. Н. Мусина-Пушкина.— Переходный и выпускной экзамены.—Мой отвѣтъ изъ статистики и мое сочиненіе.—Окончаніе курса.

Насъ, юристовъ, всего было пять человѣкъ: Николай Дмитріевичъ Исаевъ, Павелъ Петровичъ Мещенковъ, Григорій Васильевичъ Поповъ, Николай Никитичъ Таушевъ и я.

Вся маленькая семья наша жила очень дружно, дѣлила сообща и радости и неудачи. Всѣ пятеро мы вмѣстѣ поступили въ университетъ и всѣ дружно переходили съ одного курса на другой и только при выпускѣ оставили за собой Таушева, изъявившаго желаніе остаться еще на годъ въ университетѣ, для усовершенствованія себя въ наукахъ. Повидимому, всѣ имѣли одинаковыя способности, одинаково занимались,—на дѣлѣ выходила рознь! Поповъ и я по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію постоянно стояли впереди остальныхъ. Всѣ прочіе сознавали наше превосходство, и никто изъ нихъ не завидовалъ намъ, не укорялъ насъ «выскочками». (Укоръ этотъ знакомъ всѣмъ, воспитывающимся въ общественныхъ заведеніяхъ). Одинъ только Поповъ, въ тайнѣ, питалъ ко мнѣ злобу изъ зависти, что я иду ровно съ нимъ и имѣю

одинаковую отмѣтку 4+. Зависть эта, если хотите, имѣла основаніе и до нѣкоторой степени можетъ быть извиняема. Я одаренъ былъ превосходной памятью [1]), быстро обнималъ изучаемый предметъ; Поповъ, напротивъ, память имѣлъ довольно слабую, съ трудомъ усваивалъ то, что изучалъ, вслѣдствіе чего онъ усидчиво занимался, тогда какъ я, казалось, схватывалъ все, такъ сказать, на лету. Видя, какъ я, какъ бы шутя, изучаю то, что часто стоило ему безсонныхъ ночей, а между тѣмъ отвѣчаю профессору даже лучше его [2]), потому что, по своей неразвитости, Поповъ училъ лекціи, что называется «вдолбежку», тогда какъ я, усвоивъ себѣ содержаніе предмета, отвѣчалъ бѣгло, безъ запинки и притомъ «собственными словами» [3]). Поповъ задумалъ, во что бы то ни стало, подорвать мой авторитетъ и погубить меня въ мнѣніи профессоровъ и начальства. Какъ видите, комбинація его мести была довольно сложна! Онъ только ждалъ случая, чтобы осуществить свой гнусный умыселъ, и дождался.

Товарищи, правда, неоднократно предупреждали меня, чтобы я берегся Попова, что онъ что-то замышляетъ противъ меня и т. п.; но я по легковѣрію, столь свойственному молодости, мало, или, лучше сказать, вовсе не обращалъ вниманія на такія предостереженія, имѣя въ себѣ достаточно самоувѣренности, что въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь, никто и ничто мнѣ повредить не можетъ. Эта-то гордость и погубила меня!

Поступокъ мой, о которомъ я хочу разсказать, учиненъ былъ, когда я находился на 2 курсѣ. Я составилъ рисунокъ: профессорской каѳедрѣ, не измѣняя общаго ея очерка, придалъ форму колесницы древнихъ вождей. Имѣя въ виду оригинальную походку Хламова, о которой я говорилъ выше, и физическое уродство Булыгина (тоже упомянутаго) и профессора судебной медицины Ивана Калиновича Ерохова, имѣвшаго то же уродство—горбъ, я въ импровизированную колесницу впрягъ—въ корень Хламова, а на мѣста пристяжныхъ—Булыгина и Ерохова. Вслѣдствіе своего маленькаго роста, они прекрасно отвѣчали своему назначенію. Самую же колесницу нагрузилъ книгами, на корешкѣ которыхъ были написаны названія преподаваемыхъ ими предметовъ. Подъ всѣмъ этимъ написалъ восьмистишіе, котораго, при всемъ моемъ сильномъ желаніи и какъ ни насилую свою память, теперь припомнить не могу. Вѣроятно, то былъ пасквиль, въ которомъ осмѣивались недостатки изображенныхъ личностей. Внизу рисунка подписался полнымъ

---

[1]) Эта-то память и подсказываетъ мнѣ теперь все, что происходило 40 лѣтъ тому назадъ.

[2]) Извѣстно, что всѣ учащіе уроки «вдолбежку» часто въ отвѣтахъ своихъ, забывъ слово, которое слѣдуетъ, забывали все остальное.

[3]) Да простится мнѣ мое самохвальство; чтобы сдѣлать понятнымъ мой разсказъ, я вынужденъ отказаться отъ чувства скромности.

своимъ титуломъ: «Рисунокъ сей композировалъ и стихи сочинилъ студентъ нравственно-политическаго факультета, 2 отдѣленія, Николай Мамаевъ».

На другой день, придя на лекцію, я поспѣшилъ похвастаться своимъ художественнымъ произведеніемъ и показалъ товарищамъ рисунокъ. Онъ произвелъ фуроръ, на который, при всемъ своемъ самолюбіи, я никакъ не разсчитывалъ. Дѣйствительно, рисунокъ, сдѣланный перомъ, вышелъ очень удаченъ. Не только вѣрно были изображены лица, но схвачены и ихъ манеры до того поразительно, что возбуждали общій взрывъ хохота. Мое самолюбіе, какъ автора и художника,—было вполнѣ удовлетворено. Но, «чѣмъ вѣрнѣе портретъ, тѣмъ хуже расплата»,—и я дорого поплатился за свое мишурное торжество.

Поповъ, увидя рисунокъ, сказалъ:

— Дай срисовать.

Не подозрѣвая въ томъ никакого умысла, я отвѣтилъ:

— Чѣмъ срисовывать, возьми такъ, какъ есть, дарю тебѣ рисунокъ на память.

Поповъ не могъ скрыть своей радости, а я въ ослѣпленіи своего торжества приписалъ это удовольствію, которое ему я такъ дешево доставилъ, между тѣмъ какъ подъ личиной его радости скрывалась цѣль... Прошло, послѣ того, много времени, о карикатурѣ моей всѣ забыли, только я одинъ, ея авторъ, отъ времени до времени вспоминалъ о ней и задумывалъ уже составить другую—подобную, въ которой на первомъ планѣ явился бы почтеннѣйшій И. И. Протопоповъ, о которомъ я такъ много говорилъ выше; только затруднялся въ планѣ картины и пріисканіи ему товарищей, какъ послѣдовалъ громъ, отбившій у меня всякую охоту на подобныя попытки...

Наступилъ часъ лекціи русской исторіи. Началось тѣмъ, что Булыгинъ, войдя въ аудиторію, не сѣлъ на каѳедру, какъ онъ дѣлывалъ всегда, а, взявъ съ нея стулъ, поставилъ его прямо противъ меня. Такая его выходка удивила насъ: никогда прежде ничего подобнаго не было. Чтобы сдѣлать понятнѣе слѣдующую за тѣмъ сцену, я долженъ очертить, такъ сказать, топографію мѣстности, на которой происходило описываемое событіе. Выше я сказалъ, что лавки въ аудиторіи стояли амфитеатромъ и имѣли проходъ по срединѣ. Я всегда помѣщался на первой лавкѣ, вправо, если смотрѣть отъ каѳедры, и съ края отъ средняго прохода; Поповъ на первой лавкѣ слѣва и тоже съ края, такъ что насъ раздѣлялъ одинъ проходъ.

Затѣмъ продолжаю разсказъ.

Булыгинъ, усѣвшись противъ меня, своимъ тихимъ, болѣзненнымъ голосомъ, сказалъ:

— Господинъ Мамаевъ, разскажите мнѣ что нибудь изъ временъ княженія удѣльныхъ великихъ князей.

Такой приступъ, тоже какъ не бывалый, удивилъ не менѣе предыдущаго. Я говорилъ уже, что, по принятому порядку во всѣхъ предметахъ, профессоръ, желавшій «спрашивать» студентовъ, всегда предупреждалъ о томъ; тутъ, прямо, безъ всякаго предваренія, дѣлаютъ мнѣ вопросъ,—и какой еще вопросъ? Извѣстно, что въ русской исторіи самая трудная для памяти эпоха—это удѣльныя княженія, когда великіе князья появлялись на сценѣ, какъ маріонетки, и такъ же быстро исчезали, тѣснимые и убиваемые другъ другомъ. Вся эпоха преимущественно состоитъ изъ именъ лицъ и годовъ событій. Не приготовившись къ тому, о чемъ меня будутъ «спрашивать», я было оторопѣлъ; но... здѣсь я долженъ опять сдѣлать отступленіе отъ разсказа, чтобы пояснить уловку, къ которой мы всегда прибѣгали съ успѣхомъ, при извѣстной, впрочемъ, обстановкѣ. Уловка состояла въ томъ, что на экзаменѣ, происходившемъ въ присутствіи попечителя, въ случаѣ незнанія предложеннаго вопроса, мы отвѣчали то, что знали. Профессоръ морщится, но молчитъ. Остановить враля—неловко: это значило бы нанести прямо ударъ самолюбію попечителя; какъ бы дать знать ему, что онъ взялся не за свое дѣло—экзаменовать въ томъ, чего самъ не знаетъ; а попечитель все преважно слушаетъ и ставитъ высокій балъ, только чтобы отвѣчали ему громко и бойко, какъ солдаты на ученьѣ. Что дѣлать? Военная привычка! Въ настоящемъ случаѣ, я вздумалъ употребить ту же уловку, забывъ, что передо мной «не военная косточка» попечитель, а профессоръ-спеціалистъ, и понесъ—дичь.

Булыгинъ долго и снисходительно слушалъ меня не прерывая, наконецъ не выдержалъ, остановилъ, сказавъ:

— Вотъ то-то и есть, г. Мамаевъ. Чѣмъ рисовать карикатуры да писать пасквили на своихъ профессоровъ, лучше бы было слушать, что они преподаютъ.

Въ одно мгновеніе я понялъ всю устроенную противъ меня махинацію, припомнилъ добрыхъ товарищей, предостерегавшихъ меня о козняхъ, мнѣ готовящихся, и увлеченный пылкостью и живостью характера,—недостатокъ, отъ котораго, увы! не могу отстать и понынѣ, хотя мою голову лѣта покрыли снѣгомъ, подъ которымъ, казалось бы, должны остыть всѣ горячіе порывы молодости,—вскочилъ съ лавки и со всего размаха рукой ударилъ въ щеку Попова, что тѣмъ ловчѣе мнѣ было сдѣлать, что, какъ я сказалъ, насъ раздѣляло небольшое пространство, и онъ сидѣлъ у меня подъ рукой.

Булыгинъ вскочилъ со стула, какъ бы подброшенный ударомъ, полученнымъ Поповымъ, и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ.

— Какъ? Драться въ присутствіи профессора? Да понимаете ли вы, что это значитъ оскорблять меня, и что я нравственно раздѣляю ударъ, нанесенный другому?

Затѣмъ вышелъ въ коридоръ, вскричалъ Валидку-Сатурна, по-

слалъ его за инспекторомъ, вернулся и сѣлъ на свое мѣсто, не произнося ни слова, въ ожиданіи инспектора.

Все молчало. Поповъ сидѣлъ блѣдный, съ багровымъ пятномъ на лѣвой щекѣ; я—весь красный, какъ ракъ.

Вошелъ Симоновъ.

Булыгинъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Вотъ-съ, Иванъ Михайловичъ! Г. Мамаевъ ударилъ въ лицо при мнѣ г. Попова. Я не могу снести такого поступка.

Инспекторъ кивнулъ мнѣ головой, лаконически прибавивъ:

— Пожалуйте!

Выходя со мной, онъ распорядился послать за сторожемъ-тюремщикомъ, охранителемъ карцера, и когда этотъ церберъ явился, приказалъ запереть меня въ «комнату уединенія», впредь до новаго распоряженія.

Находясь въ возбужденномъ состояніи, я не понималъ, что около меня происходило, двигался автоматически, не сознавая еще моего положенія; но когда вошелъ въ полусвѣтлую комнату и услышалъ скрипъ запирающейся за собой двери, я очнулся какъ бы отъ тяжелаго сна, припомнилъ все случившееся и—къ чему таиться—залился горькими слезами... и слезы эти были слезы страха!

Да, все мужество, дотолѣ меня поддерживавшее, меня оставило, и я, каюсь, сильно испугался послѣдствій моего проступка... Въ невольномъ затворничествѣ своемъ я имѣлъ много времени изучить и топографію мѣстности, въ которой находился, и предметы, меня окружавшіе, и заведенные порядки. Карцеръ состоялъ изъ довольно просторной комнаты, освѣщаемой небольшимъ окномъ, но безъ всякой рѣшетки, и тяжелой дубовой двери. Стѣны были голыя, оштукатуренныя, испещренныя надписями на всѣхъ возможныхъ языкахъ, живыхъ и мертвыхъ, съ выраженіемъ сѣтованій на горькую судьбу не всегда въ цензурныхъ реченіяхъ. У стѣны, въ углу, около окна помѣщалась простая, деревянная некрашеная кровать съ тиковымъ тюфякомъ и кожаной подушкой, набитыми конскимъ волосомъ: все въ довольно опрятномъ видѣ. Около кровати, у окна, стояли столъ и табуретъ изъ сосноваго дерева, не окрашенные, грубой работы. Прямо, противъ кровати, въ ногахъ и слѣдовательно передъ глазами лежащаго на ней, на стѣнѣ висѣла большая картина: «Страшный Судъ», получившая между студентами такую плачевную извѣстность. У той же стѣны въ углу стояло ведро съ крышкой.

Надъ ведромъ, къ стѣнѣ, придѣланъ былъ мѣдный рукомойникъ въ видѣ вазы, съ гвоздемъ на днѣ. Тутъ же висѣло полотенце. На столѣ лежала Библія и стояла кружка съ водой. Пища давалась: утромъ и вечеромъ по стакану горячаго сбитня [1]) съ булкой;

[1]) Напитокъ, состоящій изъ меда и горячей воды.

на обѣдъ миска щей или супу, съ большимъ ломтемъ чернаго ржаного хлѣба, и возобновлялась вода въ кружкѣ. Сторожъ по нѣскольку разъ посѣщалъ заключеннаго. Матеріальная часть узника была довольно обезпечена, но зато никакого развлеченія, никакого занятія; давать перья и бумагу строго воспрещалось; довольствуйтесь Библіей, которая къ тому же имѣла нѣсколько вырванныхъ листовъ, остальные на поляхъ были испещрены надписями карандашомъ, внушенными далеко неблагочестивыми размышленіями! Скука, тоска, неволя! Дни кажутся безконечными. Единообразіе до утомленія! Сегодня, какъ и вчера, и какъ будетъ завтра! А тамъ за стѣнами вольный свѣтъ, Божій міръ, со всей своей суетой, разнообразіемъ жизни; со всѣми удовольствіями, развлеченіями молодости, родные, товарищи, лекціи... тамъ приволье; а здѣсь заѣдающее единообразіе, нарушаемое только приходомъ сторожа, къ которому каждый разъ обращаешься съ вопросомъ: скоро ли меня выпустятъ? И получаешь одинъ неизмѣнный отвѣтъ:

— Не могимъ знать. Не наше дѣло.

Только въ карцерѣ я понялъ весь глубокій смыслъ, всю мудрость изреченія Бенжаменъ Констана: «разнообразіе—это жизнь; однообразіе—смерть». Тоска! Тоска невыносимая! А тутъ еще безпрестанно суется въ глаза эта противная картина съ своими грѣшниками и чертями. Такъ бы и бросился на нее, чтобы разорвать на мелкіе клочки... Но что я вижу на ней? Знакомое лицо? Кто-то изъ моихъ предшественниковъ въ углу картины сдѣлалъ добавленіе. Почтеннѣйшій, неизмѣнный для всякаго рода нападокъ, И. И. Протопоповъ, весьма схожій, лижетъ языкомъ горячую сковороду, наказаніе, какъ извѣстно, опредѣленное адскими законами наушникамъ и доносчикамъ.

Я расхохотался. Таковы права молодости! Быстрый переходъ отъ сильнаго отчаянія къ безумному веселью составляетъ принадлежность, ей присущую. Но и это развлеченіе скоро прискучило. Душа просила воли, свободы! Въ головѣ копошатся мысли, одна другой мрачнѣе; отъ нихъ, какъ отъ кошмара, ничѣмъ не отдѣлаешься: преслѣдуютъ неустанно... Въ одиночествѣ, я имѣлъ полную возможность обдумать свое незавидное положеніе. Утѣшая себя мыслью, что на моемъ мѣстѣ всякій поступилъ бы такъ же, что мнѣ нельзя было поступить иначе, я, тѣмъ не менѣе, не скрывалъ отъ себя, что поступокъ мой при тогдашнемъ строгомъ взглядѣ на поведеніе студентовъ навсегда погубилъ меня въ мнѣніи начальства... Будущее страшило меня!.. Но всему есть конецъ, насталъ конецъ и моему заключенію, въ которомъ я находился ровно двѣ недѣли.

Въ одно именно для меня «прекрасное» утро щелкнулъ замокъ, явившійся Церберъ, оскаливъ зубы, объявилъ, что я могу итти. Когда растворилась передо мною дверь свободы, за порогомъ я

былъ встрѣченъ моими товарищами юристами, за исключеніемъ, разумѣется, Попова. Съ торжествомъ, чуть не на рукахъ, они ввели меня въ залъ. Тамъ я нашелъ почти всѣхъ студентовъ въ сборѣ. Всѣ, наперерывъ, протягивали мнѣ руки, спѣшили выказать свое участіе, какъ «козлу искупленія», пострадавшему за грѣхъ другого, всякій старался передать, что происходило во время моего заточенія, и чѣмъ кончилась моя исторія. Такая овація, такое дружеское теплое сочувствіе тронули меня до слезъ... Тутъ же, въ углу залы, стоялъ и Иванъ Ивановичъ, какъ дежурный, и молча смотрѣлъ на все происходившее, очень хорошо понимая побужденія, заставившія столпиться студентовъ, и что никакое краснорѣчіе не поможетъ уговорить разойтись, пока не улягутся сами собой порывы молодыхъ чистыхъ сердецъ. Присутствіемъ своимъ онъ какъ бы участвовалъ въ торжествѣ моего освобожденія. За это да простится ему многое, и я тутъ же обѣщалъ самъ себѣ, если случится еще разъ попасть въ карцеръ, непремѣнно стереть его съ картины «Страшнаго Суда» и тѣмъ избавить отъ адскихъ мукъ!

Дома ожидала меня овація совсѣмъ другого рода. Мать встрѣтила меня со слезами, а отецъ сильно мнѣ «намылилъ голову». Онъ очень любилъ меня, но строго взыскивалъ за проступки. Въ залогъ чистосердечнаго раскаянія, онъ потребовалъ отъ меня обѣщанія никогда стиховъ болѣе не писать. Два раза въ жизнь свою я измѣнилъ своему обѣщанію, при обстоятельствахъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ моихъ записокъ.

Отъ студентовъ я узналъ, что происходило въ то время, когда я предавался размышленіямъ въ «комнатѣ уединенія».

Въ тотъ памятный для меня день, какъ только кончились лекціи, студенты, собравшись вмѣстѣ, на общемъ совѣщаніи, положили судить Попова своимъ собственнымъ судомъ и тутъ же постановили: избить его до полусмерти, избравъ это, какъ единственное средство наказанія, бывшее въ ихъ рукахъ, но исполненіе приговора отложили до моего освобожденія, чтобы я утвердилъ его и былъ свидѣтелемъ исполненія. Я упросилъ оставить Попова безъ всякаго «физическаго» наказанія, разсчитывая, и не безъ основанія, что для него не можетъ быть тяжелѣе наказанія, какъ укоры собственной своей совѣсти и общее презрѣніе.

И то, и другое испыталъ на себѣ Поповъ.

Никто съ нимъ «не говорилъ», не давалъ ему ни записокъ, ни тетрадокъ; всѣ обѣгали его, какъ зачумленнаго. Поповъ видимо страдалъ: похудѣлъ, пожелтѣлъ. Такое состояніе его душевной тревоги продолжалось, пока я не простилъ ему его проступка, что, по собственному его сознанію, только одна зависть и досада къ моимъ успѣхамъ подвинули его на свою гнусную выходку, но что никакихъ другихъ побужденій въ отношеніи меня не существовало. При этомъ онъ разсказалъ, какъ было дѣло.

Выше я говорилъ, что студенты, по очереди, составляли лекціи и носили ихъ къ профессорамъ для просмотра. Пришла очередь Попову нести записанную лекцію по статистикѣ. Не имѣя настолько гражданскаго мужества, или, пожалуй, безсовѣстности, чтобы лично вручить мой пасквиль, и зная, что Булыгинъ всегда предавался сну послѣ обѣда, онъ избралъ именно этотъ часъ, отправился къ нему на квартиру, на столѣ оставилъ свои записки, вложивъ въ нихъ предварительно мое «художественное произведеніе». Тогда все сдѣлалось яснымъ: и поступокъ Булыгина, при входѣ его въ аудиторію, т. е., что онъ поставилъ противъ меня стулъ, чтобы быть ближе ко мнѣ, и тѣмъ лишить возможности прочихъ «подсказывать», и «спрашиванье» меня безъ предваренія о томъ; и слова, имъ произнесенныя, послужившія для меня поводомъ къ нападенію на Попова.

Вторая часть моей исторіи разыгралась тѣмъ, что попечитель, узнавъ о ней, пріѣхалъ въ университетъ, собралъ всѣхъ студентовъ, представилъ имъ мой поступокъ съ невыгодной для меня стороны и закончилъ свою противъ меня заочную филиппику, закричавъ:

– Я отдамъ его въ солдаты! Въ солдаты отдамъ!

«Возгласъ» этотъ знакомъ тоже и студентамъ Петербургскаго университета, только не для всѣхъ онъ имѣлъ такой счастливый исходъ, какъ для меня!..

Но депутація, состоящая изъ инспектора, декана, профессоровъ даже другихъ факультетовъ, какъ-то: Ѳ. И. Эрдмана, И. К. Ерохова (несмотря на то, что моя карикатура и его не пощадила, что, конечно, еще выгоднѣе обрисовываетъ его душевныя качества) и многихъ другихъ, имѣя во главѣ ректора, явилась къ попечителю съ ходатайствомъ за меня. Между прочими доводами, въ мою защиту, они представили его превосходительству, что мой поступокъ, несмотря на всю его важность, произошелъ не отъ злого или испорченнаго сердца, а есть слѣдствіе увлеченія молодости; что мнѣ нѣтъ еще 16-ти лѣтъ; что испортить мою будущность жаль, тѣмъ болѣе, что до настоящаго «несчастнаго» случая я по поведенію своему и успѣхамъ въ наукахъ служилъ примѣромъ другимъ, что по способностямъ моимъ я могу... (но далѣе отъ повторенія болѣе лестныхъ для меня отзывовъ ихъ удерживаетъ моя скромность)... и принимая во вниманіе мое сознаніе въ негодности поступка и глубокое, чистосердечное раскаяніе въ немъ (хотя никто изъ нихъ въ то время не видалъ меня въ глаза), просили избавить меня отъ опредѣленнаго наказанія, замѣнивъ его другимъ, болѣе легкимъ.

Кончилось тѣмъ, что попечитель «милостиво» изрекъ:

— Прощаю. Но оставить его еще на годъ въ томъ же отдѣленіи, и поэтому до переводнаго экзамена не допускать.

Такому «милостивому» рѣшенію много тоже способствовали

просьбы, какъ моего отца, такъ и другихъ знакомыхъ попечителя.

Юпитеръ удержалъ свои громы, опаливъ только мои крылья, которыя должны были перенести меня въ слѣдующій курсъ. Но и такое наказаніе, какъ оказалось впослѣдствіи, миновало меня.

Пришло время переводныхъ «экзаменовъ»; не получая ни отъ кого подтвержденія состоявшагося обо мнѣ рѣшенія попечителя, я готовлюсь вмѣстѣ съ прочими; вмѣстѣ съ прочими являюсь на экзаменъ, меня вызываютъ, даю отвѣты и перехожу въ 3-е отдѣленіе (послѣднее).

Не думаю, чтобы забыли кару, которой я былъ подвергнутъ; скорѣе можно предположить, что самъ Юпитеръ-попечитель, подчинившись въ этомъ случаѣ общественному мнѣнію, состоявшемуся внѣ стѣнъ университета, и которое вообще было для меня благопріятно, одумался и приказалъ допустить меня до экзамена, какъ бы ничего не происходило; но ничего не говорить мнѣ о томъ, какъ бы опасаясь выказать своимъ снисхожденіемъ слабость въ отношеніи своего перваго, на мой счетъ, распоряженія.

Переходный экзаменъ я «сдалъ» легко, безъ всякихъ случайностей, но «сдаточный» при выпускѣ дорого мнѣ обошелся. Булыгинъ, дотолѣ сдерживавшійся, какъ бы простившій мой проступокъ, на «выпускномъ» экзаменѣ выступилъ противъ меня со всѣмъ мелочнымъ придирательствомъ. Изъ всѣхъ его предметовъ, несмотря на видимое «подкапываніе», я вышелъ побѣдителемъ, но изъ статистики «срѣзался»,—и мнѣ торжественно поставили балъ 1 (единицу).

Эта злосчастная единица возбудила шумное преніе въ ученомъ комитетѣ, опредѣлявшемъ степени, которыми награждались студенты при выпускѣ.

Деканъ юридическаго факультета и прочіе профессора признавали меня достойнымъ степени кандидата, имѣя въ виду мои постоянные успѣхи и занятія, а Булыгинъ, въ качествѣ декана словеснаго факультета, одно твердилъ:

— А у меня Мамаевъ ничѣмъ не занимался въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, чего видимымъ результатомъ былъ его отвѣтъ на экзаменѣ изъ статистики.

Напрасно представляли мои годовыя отмѣтки, имъ же самимъ дѣлаемыя, и въ которыхъ вездѣ стояли 4+, 4 и 3, Булыгинъ ничему не хотѣлъ внимать и только ссылался на мою злосчастную 1, какъ на вѣрный выводъ моихъ знаній. Наконецъ, порѣшили на томъ, чтобъ мнѣ предложить—написать диссертацію. И тутъ Булыгинъ желалъ повредить мнѣ, настаивая, чтобы для написанія диссертаціи «была дана мнѣ тема». Тогда деканъ, видя такое явное ко мнѣ недоброжелательство, вышелъ изъ себя и, вставъ съ кресла, открыто заявилъ комитету, что онъ, профессоръ, спеціально зани-

мающійся только одними своими предметами и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, лучше подготовленный, чѣмъ я, изучившій такъ много разнородныхъ предметовъ, не сумѣетъ написать разсужденіе на заданную тему въ то короткое время, которое осталось до публичнаго акта; что для этого нужно приготовить себя, прочесть, если не всѣ, то хоть часть сочиненій, относящихся къ заданной темѣ, словомъ—раскрылъ передъ комитетомъ всю сложность подобной работы и невозможность для меня ее выполнить. Члены правленія согласились съ мнѣніемъ декана и, призвавъ меня въ свое засѣданіе, объявили, что даютъ мнѣ возможность исправить злосчастную единицу, полученную мной на экзаменѣ, предоставивъ мнѣ написать диссертацію на тему по моему собственному выбору въ семидневный срокъ.

Какой серіозный трудъ я могъ предпринять, чтобы выполнить его въ такое короткое время?

Однако, взявъ изъ университетской библіотеки сочиненія Беккарія, придя домой, принялся за изученіе его теоріи. Послѣдствіемъ было, что въ назначенный срокъ я явился въ комитетъ и подалъ довольно жиденькую тетрадку, заключавшую мое разсужденіе объ отмѣнѣ смертной казни.

Комитетъ, по разсмотрѣніи, нашелъ, что моя диссертація слаба для полученія высшей ученой степени, но заслуживаетъ награды, и потому опредѣлилъ: дать мнѣ степень дѣйствительнаго студента, но наградить серебряной медалью.

И это была немалая награда; въ тотъ годъ (1833 г.) изъ министерства были присланы всего три медали: одна золотая и двѣ серебряныхъ. Золотую получилъ медикъ, Н. А. Козловъ, нынѣ предсѣдатель медико-хирургической академіи, а другую серебряную—математикъ Н. Н. Зининъ, профессоръ той же академіи, пріобрѣтшій себѣ такую громкую извѣстность своими открытіями въ химіи.

Какое замѣчательное сочетаніе именъ? Всѣ трое, получившіе медали, имѣютъ одно имя: Николай,—и награждены въ царствованіе Николая!

Но по пословицѣ: «нѣтъ худа безъ добра»,—лишеніе меня степени кандидата послужило къ исполненію моего задуманнаго желанія.

Отецъ мой держался тогда благоразумнаго правила, что не слѣдуетъ дѣтей своихъ стѣснять въ выборѣ ими рода службы, на томъ основаніи, чтобы не возбудить въ нихъ ропота, если назначенная дѣтямъ карьера почему либо имъ «не повезетъ». Однажды, не задолго до выпуска изъ университета, отецъ спросилъ меня:

— Ты, Николай, въ какую думаешь поступить службу: статскую или военную?

— Если дадутъ мнѣ степень кандидата, то желалъ бы въ гражданскую, если же дѣйствительнаго студента, то въ военную.

Желаніе моего отца было, чтобы я служилъ по гражданской части. Даже мнѣ уже было обѣщано мѣсто по министерству внутреннихъ дѣлъ директоромъ департамента, кажется, полиціи исполнительной, А. Я. Жмакинымъ, бывшимъ дотолѣ казанскимъ губернаторомъ, другомъ и пріятелемъ моего отца, но отецъ ни однимъ словомъ не выразилъ мнѣ тогда своего желанія и замѣтилъ только:

— Да! Я знаю, что Петръ (старшій мой братъ) подбиваетъ тебя служить съ нимъ вмѣстѣ, въ уланахъ. Ты, пожалуй, нарочно сдѣлаешь, что тебя лишатъ степени кандидата?

— Даю вамъ честное слово, что буду дѣйствовать по совѣсти. На этотъ разъ я сдержалъ свое слово, въ чемъ могъ убѣдиться и самъ отецъ.

Экзамены начинались, какъ я говорилъ, въ концѣ мая. Извѣстно, какія короткія ночи въ маѣ, а я и ложился спать и вставалъ со свѣчей. Отецъ, видя мои усиленныя занятія и опасаясь за мое здоровье, часто вставалъ по ночамъ и приходилъ ко мнѣ тушить огонь. Вообще всѣ домашніе удивлялись мнѣ и не знали, когда я отдыхалъ.

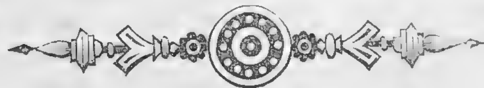
Итакъ, 2-го іюля 1833 г., на публичномъ актѣ, при звукахъ трубъ, раскланиваясь на три стороны, въ два пріема, я получилъ серебряную медаль вмѣстѣ съ благословеніемъ изъ рукъ казанскаго архіепископа Филарета, бывшаго впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ. Возвращаясь на свое мѣсто, я былъ встрѣченъ отцомъ; въ виду всѣхъ онъ обнялъ меня и поцѣловалъ со слезами на глазахъ...

Тогда же закрылись за мной въ послѣдній разъ двери университета, и ладья моей самостоятельной уже жизни ринулась въ «взбаламученное море» [1]), встрѣчая шквалы и бури, плавая и въ тихихъ водахъ!..

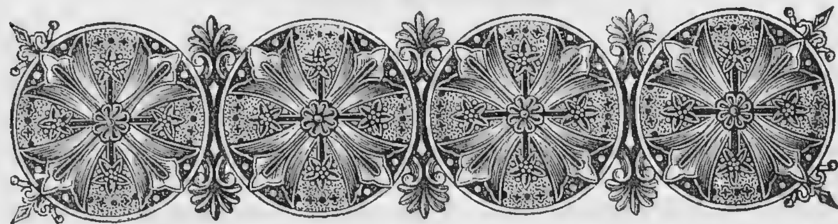
На этомъ кончаются воспоминанія о моей интеллектуальной жизни въ періодъ времени 1830—1833 годовъ.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

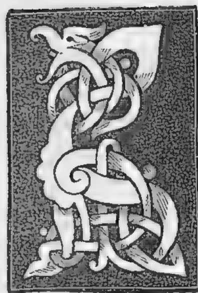
[1]) Намекъ на романъ того же названія, соч. А. Писемскаго.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ [1].

(Изъ быта ремесленниковъ).

XXII.

СКОРѢ новое событіе взволновало нашъ муравейникъ—Сашу арестовали.

Растерянная, измученная, прибѣжала къ намъ Власьевна повѣдать свое тяжкое горе.

— Взяли его, голубчика, взяли и повезли съ жандармами... Господи, что же это такое на свѣтѣ дѣлается?

Слушая Власьевну, матушка соболѣзнующе покачивала головой и вытирала передникомъ слезы. Можетъ быть, въ первый разъ она порадовалась въ душѣ, что Господь впору прибралъ ея Гришу, смерть котораго она не переставала оплакивать. Шутка ли сказать—въ нѣдрахъ такихъ богобоязненныхъ семей, какой была семья Якова Степаныча... завелась крамола, а, можетъ, и такъ, по недоразумѣнію только...

— Тутъ ошибка какая нибудь!—уныло говорилъ Яковъ Степанычъ, не могшій допустить и мысли, чтобы его сынъ былъ «смутьяномъ»: разберутъ дѣло и выпустятъ Сашу! Господь не попустить осудить невиннаго.

Говорилъ такъ старикъ, и самъ сомнѣвался, точно ли его Саша не согрѣшилъ противъ закона—и это сомнѣніе удручало его еще

---

[1] Окончаніе. См «Историч. Вѣстн.», т. LXXXIII, стр. 921.

больше, производя сумятицу въ умѣ... Строго религіозный и честный, онъ осуждалъ смутьяновъ, «сицилистовъ», не признающихъ ни Бога, ни царя; и когда эти «сицилисты» были господа, все для него было ясно: господа недовольны царемъ—это понятно; отъ науки у нихъ умъ за разумъ зашелъ—виновата наука; но когда эта крамола коснулась его, когда она выросла, такъ сказать, изъ его плоти и крови, когда его собственный сынъ, воспитанный въ строго религіозномъ духѣ, обвиняется въ сношеніяхъ съ крамольниками—тутъ все перепутывалось въ его головѣ... Если бы этотъ сынъ былъ непочтительный, пьяница, гуляка, ну, еще такъ и сякъ можно было бы думать. А Саша, какъ на него ни посмотри, хотя и читалъ книжки, но былъ парень смирный, скромный. Въ такомъ духѣ высказывался Яковъ Степанычъ, а отецъ въ безсиліи передъ странной загадкой разводилъ руками; впрочемъ, онъ скоро нашелъ разгадку—виноваты все-таки тѣ же самые бары, которые морочатъ молодыхъ, неопытныхъ людей. Грустно, печально стало вокругъ, точно темная туча затмила ясное солнце, а тутъ опять доносятся до насъ слухи о новыхъ арестахъ, новыхъ обыскахъ, и снова льются горькія родительскія слезы... Я занималась кое-какъ, потрясенная житейской драмой; но худшее было еще впереди... Туча сгущалась, воздухъ становился удушливымъ, наконецъ грянулъ громъ—пришло грозное первое марта, и испуганные, потрясенные люди опѣшили. Что будетъ впереди, чего ждать теперь?—вотъ вопросы, которые копошились, не давая покоя. Новая сила заявила себя; какъ тать, подкралась она подъ основу отечества—чего же еще ждать? Тяжелый страхъ чего-то другого, невѣдомаго, пронизывалъ всѣхъ; ясно, что такъ продолжаться не можетъ... Нельзя жить подъ вѣчнымъ страхомъ—туча сгустилась, и на молодежь, даже самую невинную, стали смотрѣть подозрительно. Но вотъ пришелъ манифестъ новаго царя—старики подняли голову: слава Богу, все остается попрежнему, и крамола будетъ уничтожена...

Судьба Саши меня безпокоила больше прежняго. Конечно, теперь ко всѣмъ отнесутся строже; я стала чаще захаживать къ Власьевнѣ, матушка тоже... Она ходила на свиданіе къ сыну и разсказывала, какъ много народа тамъ сидитъ.

— И все такіе молодые, все молодые. Гулять бы имъ да жить, вотъ на тебѣ, въ тюрьмѣ сидятъ!

И матушка и Власьевна жалѣли всѣхъ этихъ молодыхъ преступниковъ. Впрочемъ, какіе же это преступники—это «несчастные», ихъ нужно жалѣть; шутка ли сказать, въ Сибирь сошлютъ, отъ семьи оторвутъ. Хорошо еще тѣмъ, у которыхъ есть семья, есть кому заботиться накормить, а какъ безроднымъ, одинокимъ... Доброе сердце матушки, какъ она выражалась, «обливалось кровью». По обычаю, матушка каждый годъ служила панихиду по бабушкѣ, дядѣ, дѣтямъ и прочимъ сродникамъ, пекла пироги, надѣляя ими ни-

щихъ, а теперь эти пироги она предназначила «туда», тѣмъ, у кого «родителевъ» нѣтъ. Тайно и пасхальныя приношенія въ поминовеніе сродниковъ стали отправляться въ острогъ.

Въ день перваго марта, смущенная и потрясенная, пошла я навѣстить Власьевну. Она встрѣтила меня вся въ слезахъ:

— Дашенька, что жъ это на свѣтѣ дѣлается?—прошептала она, смотря на меня своимъ скорбнымъ, застывшимъ взглядомъ. Яковъ Степановичъ выглядѣлъ совсѣмъ старикомъ; его сгорбленный станъ устало покачивался, а глаза съ безнадежною грустью подымались къ небу...

— Боже, не оставь насъ, грѣшныхъ!—шептали блѣдныя губы старика. Өедоръ угрюмо молчалъ, сидя на верстакѣ, и посмотрѣлъ на меня недоброжелательнымъ взглядомъ, точно я была виновата во всѣхъ несчастіяхъ. Только Любочка, какъ ни въ чемъ не бывало, играла на полу въ кухнѣ и радостно бросилась мнѣ на встрѣчу.

— Ужъ не знаю, пустятъ ли сегодня къ Сашѣ? — озабоченно сказала Власьевна, приготовляя узелокъ съ провизіей; руки ея дрожали, на глазахъ стояли слезы, и тяжелый вздохъ, какъ стонъ, пронесся по комнатѣ. Яковъ Степановичъ обернулся, нѣсколько мгновеній какъ бы удивленно смотрѣлъ на нее, потомъ поднялся, подошелъ и положилъ руку на плечо своей старухи.

— Не плачь, мать! Надо молиться! Смиренную молитву приметъ Господь!

Голосъ старика дрогнулъ и оборвался. Онъ торопливо отошелъ, надѣлъ пальто, взялъ шапку, палку, и вышелъ изъ дома, и какимъ дряхлымъ, безпомощнымъ показался онъ мнѣ тогда.

Видѣть этихъ пришибленныхъ, сбитыхъ съ толку людей, было слишкомъ тяжело для моихъ натянутыхъ нервовъ; тысячи вопросовъ заполоняли мой умъ, жгли душу. Простившись съ ними, я пошла по улицамъ города, не зная, зачѣмъ, куда, пока не достигла соборной площади, гдѣ, скучившись передъ церковью, стояла густая толпа народу. Видъ молчаливыхъ, замкнутыхъ людей удручалъ меня, погребальный звонъ зловѣще раздавался въ воздухѣ, тамъ и сямъ качались мрачные траурные флаги. Опустивъ голову, я стремительно неслась впередъ, ощущая тяжесть на душѣ, и встрѣтила Якова.

— Какъ вы думаете, Даша, что теперь будетъ?—спросилъ онъ, загадочно улыбаясь.

— А я почему знаю?—холодно отвѣтила я, отступая отъ него.

— Оно точно неизвѣстно! А я такъ думаю, конституція, можетъ, будетъ?

Онъ алчно впился въ мое лицо, и меня вдругъ охватила такая злость на Якова, что я раздраженно сказала.

— Да вы-то чему радуетесь? Вамъ-то что? Идите въ свой магазинъ да продавайте книги—и безъ того пролѣзете впередъ!

Я сама удивилась тому, что такъ неожиданно вырвалось у меня, быстро отвернулась отъ него и пошла куда глаза глядятъ. Я слышала за собой шаги Якова, и эти осторожные, крадущіеся шаги угнетали и пугали меня; мнѣ казалось, что вслѣдъ за мной идутъ много такихъ Якововъ, готовые схватить меня—и я летѣла впередъ все быстрѣе и быстрѣе. Какой-то купчина толкнулъ меня, и, какъ мнѣ показалось, злобно посмотрѣлъ, кто-то наступилъ мнѣ на ногу, я сама чуть не сбила съ ногъ ребенка, но ни на что не обращала вниманія и все шла да шла. Вотъ мелькнула синяя полоса моря, вотъ бульваръ, садъ внизу. Я сбѣжала по каменной лѣстницѣ, бросилась въ садъ и, прижавшись къ стволу дерева, разрыдалась. О чемъ плакала я—трудно было сказать. Мнѣ вспоминался Саша, отецъ, мать, Власьевна, Яковъ Степановичъ, вспоминались мои недавнія мечты, молчаливая толпа на площади, погребальный звонъ. Я хотѣла что-то понять, что-то рѣшить и на все, что приходило мнѣ въ голову, съ отчаяніемъ говорила: все это не то, не то! И вотъ среди этого бѣшенаго круговорота образовъ и мыслей, съ необыкновенною ясностью встала передо мной фигура учителя, и внезапная радость обуяла меня. Я поскорѣе выбѣжала изъ сада, легко взбѣжала по лѣстницѣ и пошла къ нему; ему я могу открыть свою душу, свои тревоги, свои сомнѣнія, свои думы, ему одному, и никому больше на свѣтѣ! Онъ укажетъ, онъ научитъ, что надо дѣлать. Среди взбаламученнаго моря житейскаго зла онъ свѣтилъ мнѣ, какъ спасительный маякъ, и я смѣло, съ открытою душою, переступала порогъ знакомой комнаты. Что сказалъ мнѣ тогда мой наставникъ, куда направилъ юныя силы, когда я, обливаясь жгучими слезами, разсказывала ему все, что передумала, перечувствовала я, что отвѣтилъ мнѣ мой учитель, я передала въ одной изъ предыдущихъ главъ этого разсказа.

XXIII.

Въ Петровки, когда работы у насъ стало меньше, отецъ пошелъ говѣть на Большой Фонтанъ. Я только въ этомъ году окончила гимназію и хлопотала объ учительскомъ мѣстѣ, либо здѣсь въ городѣ, либо въ деревнѣ, а пока занималась частными уроками; проживать было бы кое-какъ можно, если бы не высокая цѣна за квартиру, оставлять которую отецъ упрямо отказывался.

Но незначительный на первый взглядъ фактъ имѣлъ рѣшающее значеніе на судьбу моего отца. Дѣло въ томъ, что въ отсутствіе отца у насъ въ домѣ открылся магазинъ «Варшавской и заграничной обуви», почти рядомъ съ нами, только повыше, въ первомъ этажѣ.

Въ воскресенье, подъ вечеръ, въ ожиданіи отца, мы съ матушкой сидѣли у крыльца нашей квартиры и толковали о пере-

мѣнѣ, которая ожидаетъ насъ; мы обѣ были убѣждены, что отецъ перестанетъ упрямиться и согласится переѣхать на новую квартиру, которую я нашла на окраинѣ города. Мы обѣ очень взволновались, когда увидали знакомую фигуру отца; онъ шелъ большими шагами, по обыкновенію опустивъ голову, держа подъ мышкой небольшой узелокъ. Перейдя черезъ дорогу, онъ поднялъ глаза, и первое, что бросилось въ глаза,—это злополучная вывѣска новаго магазина.

Онъ остолбенѣлъ, не спуская глазъ съ надписи; мускулы лица его передергивались, а глаза метали искры; потомъ онъ взглянулъ на насъ страннымъ, блуждающимъ взглядомъ, снова поднялъ глаза на вывѣску и, какъ мнѣ показалось, пошатнулся. Неужели онъ пьянъ?—съ быстротою молніи пронеслось въ моемъ мозгу; я стремительно вскочила съ мѣста и подбѣжала къ нему.

— Пойдемте въ комнату, папаша! — сказала я, дотрогиваясь до его руки; онъ, не говоря ни слова, послѣдовалъ за мной.

Нѣтъ, онъ былъ совершенно трезвъ; онъ вошелъ въ комнату, опустился тяжело на стулъ и задумался.

— Подлецъ! мерзавецъ!—вдругъ сразу крикнулъ онъ, ударяя кулакомъ по столу:—какъ онъ смѣлъ пустить въ домъ магазинъ съ обувью? Какъ онъ смѣетъ, анаѳема, жидъ, притѣснять бѣдныхъ людей!

Тутъ силы измѣнили ему; его сѣдая голова съ тоскливымъ, мутнымъ взглядомъ низко склонилась на грудь...

— Богъ не безъ милости, Антонъ!—мягко сказала матушка, вытирая выступившія слезы:—чего отчаиваться! Жили до сихъ поръ, проживемъ и дальше—не много вѣку намъ осталось! Давно бы намъ нужно уйти изъ этого дома, жить потихоньку да помаленьку, какъ Богъ пошлетъ.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди отца; онъ выпрямился, взглянулъ на насъ и гнѣвно крикнулъ.

— Не уступлю подлецу, въ судъ подамъ! Какъ онъ смѣетъ тѣснить мастерового человѣка! Не уступлю! въ судъ буду жаловаться!.. я... я...

Отецъ задыхался; вспыхнувшая на время энергія оставила его...

— Напрасно, Антонъ, напрасно все это!—укоризненно говорила матушка:—что Бога гнѣвить, зачѣмъ подымать скандалъ, судъ и все прочее? Что судъ сдѣлаетъ? Развѣ есть такой законъ, что бы запрещалъ человѣку дѣлать, какъ ему выгоднѣе... Домъ хозяйскій, и кому хочетъ, тому и будетъ сдавать квартиры...

До слуха моего явственно донеслось какое-то глухое клокотанье... Что это! неужели мой отецъ, мой бѣдный, старый отецъ плачетъ?... Въ мигъ я была подлѣ него; я цѣловала его мозолистую, честную руку и горячо говорила все, что приходило мнѣ на умъ.

— Рано или поздно, надо же вамъ перестать гнуть спину за работой... Слава Богу, ученье я кончила, получу мѣсто, и мы будемъ вмѣстѣ жить! Беречь васъ, заботиться о васъ, отецъ, мой долгъ, который я съ радостью буду выполнять... О, я много, много согласна работать и буду работать, чтобы видѣть васъ довольнымъ и веселымъ... Вы много работали на своемъ вѣку, вы имѣете право на отдыхъ, не печальтесь, бросьте все, и мы будемъ жить спокойно!..

Много я еще говорила, глядя въ скорбное лицо родителя,—говорила все, что подсказывало мнѣ мое сердце... Нужно было видѣть, какимъ счастливымъ взглядомъ смотрѣла на меня мать, какъ мрачныя тучи, заволакивавшія лицо моего отца, прояснялись, и въ глазахъ его сверкнулъ лучъ живой радости, чтобы понять, какую гордость и наслажденіе испытала я.

— Спасибо, Даша! спасибо, дочка! Богъ вознаградилъ меня за все!.. тронутымъ голосомъ проговорилъ отецъ, и миръ снова водворился въ нашей семьѣ.

Распродавъ часть имущества, чтобы расплатиться съ долгами, мы переѣхали на другую квартиру, гдѣ отецъ продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ; трудно ему было примириться съ мыслью, что онъ перешелъ въ заплаточника, такъ какъ новыхъ заказовъ у него почти не было. Склонившись надъ старымъ сапогомъ, молча работалъ отецъ, часто вздыхая; вспоминалось ему былое, когда жизнь кипѣла въ его мастерской, раздавался стукъ колодокъ и веселые голоса подмастерьевъ и учениковъ; а теперь одинокій, заброшенный на окраинѣ родного города, онъ тосковалъ, и часто глаза его заволакивались туманомъ. Я дѣлала видъ, что ничего не замѣчаю, и, чтобы разсѣять отца, принималась мечтать вслухъ о новомъ будущемъ: о жизни въ деревнѣ, гдѣ у насъ будутъ куры, утки, любимыя матушкой, и гдѣ у насъ навѣрное будетъ работа, а еще лучше, прибавляла я, мы себѣ устроимъ огородъ, гдѣ и будемъ всѣ работать. На время отецъ оживлялся, потомъ снова впадалъ въ меланхолію и, наконецъ, запилъ.

Сашу выслали административнымъ порядкомъ въ Сибирь. Погоревали, погоревали родители, и примирились, только грустнѣе стали глаза Якова Степаныча. Нога Ѳедора продолжала болѣть, и религіозность его росла все больше; онъ продолжалъ работать вмѣстѣ съ отцомъ, подрядившись въ магазинъ готоваго платья; съ утра до вечера сидѣли отецъ и сынъ за иглой, съ утра до вечера «гнули горбъ», успѣвая только сводить концы съ концами.

— Повѣрите ли,—жаловалась Власьевна:—такой плохой заработокъ, что даже Сашѣ не изъ чего высылать; спасибо Варѣ, трудится она для него—все, что заработаетъ, ему отсылаетъ, во всемъ себѣ отказываетъ!

Любочку отдали учиться къ модисткѣ, а по воскресеньямъ она

приходила ко мнѣ заниматься, дѣвочка была способная, и я попросила своихъ подругъ по гимназіи приготовить ее къ экзамену на домашнюю учительницу...

Яковъ изрѣдка захаживалъ къ намъ; онъ очень измѣнился, сталъ солиденъ и франтоватъ, любилъ разговаривать о литературѣ и снабжалъ меня новыми книжками.

XXIV.

Былъ чудный августовскій день, солнце ярко свѣтило въ окна, но я не радовалась ему; я молча сидѣла у стола, прислушиваясь къ дыханію больного отца; девятый день, какъ онъ лежитъ въ жару, захвативъ воспаленіе легкихъ... Выдержитъ ли?—вотъ вопросъ, который отодвинулъ назадъ всѣ другіе вопросы. Я ежеминутно подходила къ отцу, глядѣла въ его воспаленные, блуждающіе глаза и аккуратно подносила лѣкарство къ запекшимся губамъ. Учащенное прерывистое дыханіе отца испугало меня, я побѣжала въ кухню, къ матушкѣ...

— Папаша умираетъ!..

Матушка торопливо бросила стирку и пошла въ комнату больного; я послѣдовала за ней и остановилась въ дверяхъ, такъ поразилъ меня видъ отца. Онъ приподнялся на постели и широко открытыми глазами смотрѣлъ въ пространство; губы его шевелились.

— Воды хочешь, вина?—спрашивала матушка, наклоняя голову, чтобы разобрать невнятный говоръ умирающаго.

— Дашу позвать?—снова спросила она; отецъ утвердительно кивнулъ головой. Я подошла къ постели его и, повинуясь неодолимому чувству жалости и боли, опустилась на колѣни, положивъ голову на край постели—слезы душили меня.

— Благословить хочешь?—спросила матушка и, взявъ руку отца, положила мнѣ на голову.

— Помни Бога, люби мать, живи честно!—съ трудомъ выговаривая каждое слово, произнесъ отецъ, безсильно падая на подушку. Мать зажгла восковую свѣчу, вложила въ руку отца и громко молилась; ея лицо было строго и серьезно. Я не плакала, охваченная ужасомъ передъ тѣмъ, что происходило на моихъ глазахъ. Я видѣла мертвенно-блѣдное, заостренное лицо отца, тусклый, почти стеклянный взглядъ, слышала его прерывистое дыханіе, которое становилось все рѣже и рѣже; я не сводила съ него глазъ, дрожа и холодѣя. Вотъ и дыханія не стало слышно; матушка осторожно взяла изъ рукъ свѣчу, закрыла глаза и положила на нихъ мѣдные пятаки; вотъ вошли Власьевна, Өедоръ, которые часто навѣщали насъ.

Я не въ силахъ была сдвинуться съ мѣста, не могла издать ни одного звука, ни одного движенія, а эти холодные пятаки внушали

мнѣ безотчетный страхъ. Мнѣ казалось, что отцу тяжело отъ нихъ, и мнѣ хотѣлось помочь ему, снять эти ненавистные пятаки, но я не могла протянуть руки, не могла пошевельнуться.

— Что убиваться, Даша! смерть отъ Бога!—слышала я добрый голосъ Власьевны, и мнѣ казалось, что этотъ голосъ несся откуда-то издалека.

— Пойдемъ, дѣвушка! Ишь, какъ истомилась, сердечная! — говорилъ все тотъ же голосъ, и старческая рука взяла мою руку. Я машинально послѣдовала за ней въ кухню, сѣла на скамейку, а предо мной въ разныхъ положеніяхъ мелькали все тѣ же пятаки.

— Полно, Даша!—мягко сказалъ Ѳедоръ, и его добрые, голубые глаза подернулись влагой. О чемъ онъ плачетъ?—подумала я, но мнѣ было ужасно пріятно отъ того, что онъ плачетъ. Я почувствовала сильную усталость, склонила голову на плечо Ѳедора и разразилась потокомъ цѣлительныхъ слезъ...

XXV.

Вскорѣ послѣ смерти отца я получила назначеніе въ земскую школу. Я уже не волновалась, не мучилась вопросами, какъ мнѣ жить, что дѣлать! Путь мой былъ ясенъ и простъ, его указалъ мнѣ мой дорогой наставникъ: я должна возвратиться туда, надъ чѣмъ возвысилась своимъ образованіемъ, въ ту темную, трудовую массу, гдѣ я научилась страдать и любить; знанія, которыми я отдѣлилась отъ нихъ, я должна отдать имъ, должна отдать и тотъ огонь, что горѣлъ въ моей душѣ. Я поборола свой молодой порывъ, толкавшій меня на другой, болѣе тернистый путь, поборола во имя тѣхъ бѣдныхъ, обездоленныхъ, что живутъ въ настоящее время, ищутъ свѣта, знанія, правды. Не на блестящій эффектный подвигъ мученичества шла я, а на незамѣтную, мелкую, ежедневную работу—и одного только хотѣла я, чтобы не изсякъ огонь, горѣвшій въ груди, не надломились силы, не пропала вѣра.

Теперь я чувствовала въ себѣ энергію, чувствовала, что могу быть полезной, и это чувство вливало отвагу и гордость въ мою душу. Горечь недавней утраты человѣка, который далъ мнѣ жизнь, была еще сильна во мнѣ, но она смягчалась расцвѣтомъ молодости и сознаніемъ, что я не причинила ему горя. Въ такомъ состояніи засталъ меня Яковъ, который за послѣднее время участилъ свои посѣщенія къ намъ, но рѣдко заставалъ меня дома.

— Задумались, Дарья Антоновна!—вкрадчиво раздался его голосъ; я обернулась и радостно протянула ему руку. Мнѣ пріятно было видѣть теперь свидѣтеля моихъ дѣтскихъ дней; онъ съ улыбкой удивленія смотрѣлъ на меня, точно видѣлъ меня въ первый разъ послѣ долгой разлуки.

— Садитесь да разсказывайте, какъ живете, что дѣлаете?

— Отлично, Дарья Антоновна, везетъ! Теперь меня назначили главнымъ приказчикомъ, а, можетъ, скоро и свой магазинъ заведу!— весело улыбнулся онъ.

— Вотъ какъ! Ну, что-жъ, преуспѣвайте! Мнѣ только остается порадоваться за васъ. А я, Яковъ, уѣзжаю съ матушкой: мѣсто въ деревню получила!

— Уѣзжаете, Даша?—опечалился Яковъ:—зачѣмъ вамъ ѣхать въ деревню? Вы образованный человѣкъ, трудно вамъ будетъ жить съ мужиками! И зачѣмъ? Мало вы трудились! И учились, и можно сказать, сами себя кормили—все трудомъ жили; можно теперь и въ свое удовольствіе пожить!

— Да вѣдь въ трудѣ, Яковъ, и есть удовольствіе, въ сознательномъ разумномъ трудѣ! О какомъ другомъ вы говорите, я васъ не понимаю!

— О такомъ, какого ищутъ всѣ образованные люди! Чтобы и общество было хорошее, по вкусу, и разговоры разные, театры, музыка и прочее. А въ деревнѣ что вы будете имѣть? Извѣстно, какой въ деревнѣ народъ — мужичье — отъ него слова путнаго не добьетесь!

Меня покоробили слова Якова, и я холодно отвѣтила:

— Жизнь—долгъ, Яковъ, а не забава! Каждый человѣкъ долженъ трудиться по силамъ и работать на пользу прогресса!

Нужно замѣтить, что я вообще была очень робка въ разговорахъ и всегда предпочитала слушать, чѣмъ говорить, а въ особенности боялась говорить на тему личныхъ и общественныхъ обязанностей, не боялась, а скорѣе стѣснялась, не довѣряя своему уму и опытности! А потому моя фраза о прогрессѣ показалась мнѣ очень смѣлой, отчего я смущенно покраснѣла, и, оправившись подъ вліяніемъ внимательнаго, задумчиваго взгляда Якова, продолжала съ большимъ жаромъ.

— Неужели для того я получила образованіе, чтобы пріятно проводить время въ избранномъ обществѣ, и при томъ я не богатая; если бы даже и хотѣла, то не могла бы вести такую жизнь, о какой вы говорите!

— Почему?—вскрикнулъ Яковъ, не спуская съ меня взгляда:— нѣтъ, если бы вы хотѣли, то...

— Что-жъ вы остановились? продолжайте!—улыбнулась я, замѣтивъ его внезапное смущеніе.

— Можно, Даша, говорить съ вами откровенно, по сердцу?

— Конечно! какой вы странный!

Мнѣ стало почему-то неловко съ нимъ, и я опустила глаза.

— Вотъ видите, Дарья Антоновна,—измѣнившимся, глухимъ тономъ началъ Яковъ, — какъ это случилось, я и самъ не знаю, а только вы крѣпко полюбились мнѣ, давно полюбились, еще когда

вы съ Сашей занимались!... Даша, я былъ бы безконечно счастливъ, если бы вы... если бы вы согласились стать моей женой!

— Что вы, Яковъ?—неловко вырвалось у меня при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла.

— А почему нѣтъ? Развѣ я хуже другихъ, Даша? Въ университетѣ не учился, да развѣ только тотъ умный, кто учится? Я самъ себѣ дорогу пробилъ, самъ умъ просвѣтилъ, я еще, можетъ быть, и дальше пойду! Я, Даша, все вамъ доставлю, чтобы ни въ чемъ у васъ недостатка не было, чтобы вы были довольны и счастливы!

— Нѣтъ, Яковъ, оставьте эти мысли. Никогда я не думала о замужествѣ, у меня другая цѣль въ жизни!

— А знаю!—вызывающе проговорилъ Яковъ, метнувъ глазами и стискивая въ рукѣ карандашъ:—вы хотите образованнаго. Такъ знайте же, что ваши образованные,—не дураки тоже! Они ищутъ дѣвушекъ съ приданымъ.

— Ошибаетесь, Яковъ!—мягко возразила я, подавляя раздраженіе, вызванное дерзкимъ тономъ и дерзкими мыслями Якова:—не потому я отказываю вамъ, какъ вы думаете, а потому, что не люблю васъ такъ, какъ невѣста должна любить своего жениха.

Лицо Якова передергивалось, и одно выраженіе смѣняло другое; въ глазахъ пробѣгалъ знакомый мнѣ наглый огонекъ, но онъ сдержалъ себя.

— Теперь не любите, потомъ полюбите, Даша!.. А я ужъ за то въ золотѣ водить васъ буду, почетомъ васъ окружу... Даша, вы не смотрите, что я простой человѣкъ: умъ у меня есть, а ужъ коли я захочу повыше подняться, по поднимусь!.. Деньги у насъ будутъ, богатство будетъ—дѣлай, что хочешь... За границу поѣдете, въ шелкахъ да бархатахъ ходить будете, а не захотите, то, Даша, изъ богатства все можно сдѣлать!.. Добра-то сколько, добра изъ богатства можно сдѣлать, первой дамой благотворительницей въ городѣ будете!..—съ жаромъ говорилъ Яковъ, приближаясь ко мнѣ:—подумайте, прежде посовѣтуйтесь съ матушкой, жалѣть не будете!..

— Напрасно, Яковъ! Теперь ли, послѣ ли—будетъ одинъ отвѣтъ: нѣтъ и нѣтъ!—категорически отвѣтила я.

Мнѣ искренно было жаль его, но что же больше я могла сдѣлать?

— Нѣтъ?—спросилъ онъ, вставая и хмурясь:—смотрите, Дарья Антоновна, какъ бы не пожалѣть объ этомъ!

— Что?.. вы хотите меня запугать?—вспыхнула я:—доносить что ли пойдете?... Идите, отправляйтесь сейчасъ же, не боюсь я!..

Я вызывающе смотрѣла на Якова, лицо котораго вдругъ поблѣднѣло, а глаза въ упоръ, съ тупымъ недоумѣніемъ смотрѣли на на меня...

— Нѣтъ, Дарья Антоновна, не таковскій я человѣкъ!—опра-

вляясь произнесъ онъ наконецъ:—я, Дарья Антоновна, свою линію веду, а подлецомъ не былъ никогда!... Да-съ, не былъ и не буду!.. Это вы напрасно меня оскорбляете такъ!..

Горечь обиды прозвучала въ тонѣ Якова, и я невольно смутилась.

— Тогда зачѣмъ же вы слѣдили за мной?—растерянно спросила я.

— Зачѣмъ?—вскричалъ онъ:—неужели вы, Даша, не догадываетесь—зачѣмъ?

Онъ нѣсколько времени смотрѣлъ на меня съ нескрываемымъ удивленіемъ и вдругъ, сразу оживился, заторопился и, волнуясь, заговорилъ:

— Отъ любви ходилъ я за вами, Даша! Какъ уйдете вы бывало съ Сашей, такъ и начнется тоска, такъ и рветъ меня. Вѣрите ли, работа, бывало, изъ рукъ валится, голова кругомъ идетъ, тошно мнѣ сидѣть въ мастерской! Ревновалъ я васъ очень къ Сашѣ, что таиться, сильно ревновалъ... Брошу все и пойду, пойду хоть за тѣмъ, чтобы васъ увидѣть, издали только посмотрѣть!.. А вы, Даша... неужели вы могли подумать, что я изъ корысти дѣлаю!.. Человѣкъ я, Даша, и тоже понимаю, что вашъ папенька добра мнѣ желалъ, изъ одного только этого, Даша, могу ли я быть подлецомъ?..—Голосъ Якова дрогнулъ, а глаза съ жаднымъ вниманіемъ устремились на меня.

— Тогда, зачѣмъ же вы мнѣ грозите?

— Не грожу я вамъ, Дарья Антоновна, такъ слово сорвалось!.. А сказалъ, потому что знаю, на какую жизнь вы идете... Что тамъ!.. Трудъ, недостатки и никакого удовольствія... Устанете вы, Даша, истомите себя понапрасну. Ни вамъ пользы, ни другимъ... Зачѣмъ молодость губить?...—съ чувствомъ говорилъ Яковъ, заглядывая мнѣ въ глаза.

— Что толковать о томъ, что будетъ! Я взяла одну дорогу, вы—другую; разстанемся же друзьями и пожелаемъ другъ другу успѣха!—искренно сказала я, протягивая Якову руку, которую онъ молча пожалъ. Онъ какъ будто колебался; нѣсколько мгновеній пристально смотрѣлъ на меня, затѣмъ быстро отвернулся, нахлобучилъ шляпу и торопливо ушелъ.

XXVI.

Живя въ деревнѣ, я не теряла связи съ городомъ.

Время шло. Старики оттѣснялись на задній планъ, а вмѣстѣ съ ними и старозавѣтные устои жизни. Что же свѣжаго внесло новое поколѣніе въ жизнь, чѣмъ оно замѣняло старыя традиціи ремесленнаго быта? Во всемъ, вездѣ чувствовалась расшатанность, разнузданный разгулъ, погоня за наслажденіями самаго низкаго

калибра; честность, совѣсть отступали и стыдливо прятались, какъ ненужный балластъ.

Тѣ, кто были почестнѣе, въ ужасѣ отшатывались отъ жизни, ища спасенія въ религіи; сектантство росло, пугая стариковъ... Энтузіазмъ исчезалъ, вѣра въ возможность лучшаго будущаго, вдохновлявшая Сашу и другихъ, падала, а пропаганда продолжалась, хотя не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ прежде. На сцену появлялся другой типъ рабочаго съ запасомъ новыхъ словечекъ, которыя онъ усвоилъ поверхностно и пользовался ими для того, чтобы «пожить въ свое удовольствіе». Свобода чувства была излюбленная тема разговоровъ съ «барышнями», которыя, не желая быть отсталыми, сбрасывали родительскій гнетъ и отдавались во власть страстямъ.

Соблазнительныя рѣчи проникали и въ семьи, подтачивая ея устои. Ремесленная хроника пестрѣла разсказами объ обманутыхъ дѣвушкахъ, измѣнахъ, подлогахъ...

Было что-то тяжелое и удушливое во всѣхъ этихъ явленіяхъ жизни, точно подулъ жгучій вѣтеръ пустыни, нанесъ тучу пыли и затмилъ свѣтъ солнца. И вотъ въ такой атмосферѣ выростали наши младшіе братья и сестры.

«Отецъ боленъ—писала мнѣ Любочка,—Өедоръ возится съ своей ногой и, конечно, работаетъ мало, а Саша далеко. Вы не повѣрите, какъ намъ тяжело теперь; денегъ нѣтъ, а расходы растутъ, нельзя же оставлять отца безъ помощи. Я иногда ужасно злюсь на Сашу, видя слезы матери... Простите меня, но я, право, ничего не понимаю; вѣдь Саша видѣлъ, что онъ у насъ одинъ, что на него вся надежда матери и отца, потому что Өедоръ плохой работникъ.

«Варя тоже груститъ. Вѣдь она любитъ Андрея, и я знаю, что она послѣднія свои крохи посылала «туда».... По-моему это ужасный эгоизмъ, и я часто спорю съ Ниной Павловной, увѣряющей меня, что они альтруисты... Развѣ альтруисты дѣлаютъ такъ, чтобы другіе страдали? Многіе уже вернулись... Пріѣхалъ Андрей—вы помните его—онъ у насъ былъ.

«Саша, говорятъ, вернется въ слѣдующемъ году... Господи, какъ мнѣ хочется поскорѣй его увидѣть!»..

Въ этой послѣдней фразѣ сказывалось настроеніе подростающей молодежи, ищущей основъ жизни... Настоящее тускло, блѣдно, хочется чего-то живого, свѣтлаго, что бы осмыслило жизнь. Вотъ вернутся братья, женихи, тѣ, что жили «чѣмъ-то» и во имя этого «чего-то» пострадали, и они скажутъ, что нужно дѣлать, они внесутъ новыя формы... Именно это и было нужно: новые устои жизни, не разрушающіе, а созидающіе... Даже Өедоръ и тотъ на что-то надѣялся...

— Вотъ пріѣдетъ Саша, тогда мы поживемъ, дѣло двинемъ!— говорилъ онъ мнѣ при встрѣчѣ...

Какое это дѣло, какъ его двинуть, Өедоръ не могъ бы сказать. Ясно одно, что такъ нельзя! Яковъ Степанычъ покорился, ему не для чего бороться, а молодые должны сами искать путей. Өедоръ чувствовалъ, что самъ онъ не въ силахъ бороться съ той силой, которая оттѣснила его въ ряды пролетаріата и поставила въ зависимость отъ купцовъ «готоваго платья», и невольно возлагалъ свои надежды на брата, болѣе молодого и здороваго, чѣмъ онъ.

Приливъ начался; ссыльные возвращались, и съ какою радостью, съ какими упованіями и надеждами встрѣчали ихъ всѣ... Но что же они принесли?..

Въ большинствѣ, они стали чужими людьми... Нѣкоторые принялись за свое ремесло, искали работъ у мастеровъ; другіе забросили его и старались прицѣпиться къ чему нибудь другому, болѣе выгодному и устойчивому; нѣкоторые шатались безъ всякаго дѣла, обременяя и безъ того небогатыя семьи... Впрочемъ, послѣдніе были въ меньшинствѣ... А всѣ они, въ общемъ, заразились интеллигентными скорбями, ставили и рѣшали общіе вопросы жизни. Выходило какое-то странное недоразумѣніе, непониманіе, вызывающее взаимную боль.

Выходило что-то безобразное; близкіе, дорогіе люди говорили другъ другу много ненужныхъ жестокихъ словъ, ожесточались, озлоблялись...

Вернулся Саша передъ самымъ Рождествомъ; на праздники я поѣхала въ городъ.

Саша очень измѣнился; лицо его обросло бородой, стало мужественнѣе, только глаза были все тѣ же—добрые, мягкіе.

Въ сочельникъ вся семья была въ сборѣ, кромѣ Якова Степаныча, умершаго незадолго передъ пріѣздомъ сына... Власьевна, увидя меня, заволновалась и заплакала.

— Пріѣхалъ онъ, Дашенька, пріѣхалъ голубчикъ!.. Нечаяла я дождаться такой радости, а вотъ Господь сподобилъ! Посмотри на него, Дашенька, совсѣмъ мужчиной сталъ.

— Ну, полно, мама, полно! — улыбнулся Саша: — разскажите, Даша, какъ вы тутъ живете.

— Какъ вамъ сказать—всего бываетъ!.. Тянемъ лямку...

— Да... да... лямку!.. Что, Люба, ты тоже въ деревню поѣдешь?..

— Я?.. ни за что!.. Я въ деревнѣ съ ума сойду отъ скуки!.. разсмѣялась Люба...

— Вотъ только бы ей экзаменъ сдать да Сашѣ за дѣло взяться, тогда и я могу спокойно умереть,—сказала Власьевна.

— Ну, мама, вы все только о смерти!—недовольно замѣтила Варя:—мнѣ и такъ надоѣло вѣчно эту смерть видѣть!..

— Чудачка Варя! Придетъ и всегда ворчитъ...—проговорила Любочка:—мама, будемъ ужинать; уже стемнѣло; ѣсть смерть хочется!..

— Андрея надо подождать, обѣщалъ прійти!—сказалъ Ѳедоръ.

Варя теребила концы передника, вспыхнувъ до корня волосъ; Любочка стала накрывать на столъ; Власьевна зажигала лампадку... Наконецъ, пришелъ Андрей, и всѣ принялись за ужинъ, похваливая стряпню Власьевны; появились кутья и взваръ...

— Ужасно пріятно,—говорилъ Саша:—послѣ многихъ годовъ вспомнить старину!.. Право, мнѣ кажется, что я опять ребенокъ!..

— Выводится теперь это!—грустно сказалъ Ѳедоръ:—нонѣшніе не признаютъ дѣдовскихъ обычаевъ... Говорятъ, все это одна легенда-съ!.. А какъ же, опять жить такъ безъ праздниковъ!.. Рабочему человѣку никакъ нельзя безъ этого!.. А кутья, мама, важная!... Кушайте... Саша, что-жъ ты!.. Тамъ, небось, этого не было!.. Вотъ мы теперь всѣ здѣсь собрались на вечерю, значитъ, и пріятно намъ, потому праздникъ Господень наступаетъ!.. А дѣтишками, бывало, какъ звѣзды ждемъ, радость такая на сердцѣ!.. Вотъ намаялся я съ работой, не разъ, можетъ, и согрѣшилъ, а какъ праздникъ придетъ, то обо всемъ забуду, по-божьему хочется провести его!.. И весело, и легко оттого!..

Никто ничего не возражалъ Ѳедору, и онъ умолкъ, гостепріимно угощая гостей...

— Я еще съ тобой, Андрей, толкомъ не поговорилъ; разскажи, какъ у васъ, что новаго!..—сказалъ Саша, когда окончился ужинъ, раскуривая папиросу.

— Новаго ничего!.. Нѣкоторые о колоніяхъ толкуютъ, на Кавказъ, во Владивостокъ собираются ѣхать.

— Вотъ какъ? По-толстовски значитъ!... Ну, а больше ничего?

— Ерунда одна!.. Собираются, толкуютъ, спорятъ; что ни человѣкъ, то партія—смѣхъ одинъ... Потолкался я между ними, да и бросилъ, потому вижу—ерунда, не настоящее!..

Саша грустно поникъ головою.

— Странно,—снова заговорилъ онъ:—а я-то думалъ...

— Всѣ мы, братъ, думали, да наши думки такъ при насъ и остались!.. Бросить, братъ, все это надо, да за настоящее дѣло приняться... Кормиться надо, а фанаберіи тамъ всякія по боку!..

— Вотъ это правда! — подхватила Варя: — пора бросить глупости!..

Власьевна покачивала головой, и знакомое мнѣ тревожное недоумѣніе мелькало на ея лицѣ. Ѳедоръ молчалъ, нахмуривъ брови, и пытливо смотрѣлъ на брата...

— Слышите, Даша, голосъ практическаго смысла? А, что вы на это скажете?..—Онъ вопросительно смотрѣлъ на меня...

— Лбомъ стѣну не прошибешь, Саша. Время теперь другое, надо искать новыхъ путей...

— Вѣрно, Дарья Антоновна,—подхватилъ Андрей:—мы, голубчикъ, люди рабочіе, трудовые, намъ о своей судьбѣ надо думать...

— И всѣ одно!..—съ горькой нотой протянулъ Саша:—и такъ, значитъ, въ колонію?..

— Кто въ колонію, кто куда? Я, братъ, здѣсь обосновался, женюсь!..

— Женишься?.. Вотъ какъ?.. Ну, поздравляю!.. Саша налилъ въ въ стаканы вина, и всѣ чокнулись. Я искала глазами Варю, но ея не было; улучивъ минуту, я вышла въ кухню; на большой материнской постели лежала Варя и судорожно рыдала...

— Варя, голубушка!..

— Тише, тише!—произнесла она, стискивая мою руку:—ради Бога, закройте дверь... я не могу!...

Бѣдная дѣвушка!—думала я, глядя на вздрагивающую фигуру Вари:—сколько лѣтъ жила она ожиданіемъ, и вотъ теперь, когда онъ вернулся, ей ужъ нечего больше ждать...

— Пустяки!.. Это нервы!—сказала она, поднимаясь:—Бога ради, тамъ ничего не говорите!..

Звѣздное небо ярко свѣтило, когда я въ сопровожденіи Саши шла домой. Улицы спали, покрытыя снѣгомъ, точно саваномъ.

— Да,—вдумчиво говорилъ Саша:—не того я ждалъ, когда ѣхалъ сюда. Неужели такъ-таки и умерло все?...

— Не умерло, а возродилось въ новой формѣ... Унывать нечего!—ободряла я Сашу:—для васъ, какъ для рабочаго, большое поле культурной работы... Осмотритесь вокругъ, и вы увидите, что силы можно приложить!..

— Какой я теперь рабочій!—грустно произнесъ Саша:—что я могу сдѣлать?.. Тѣ идутъ на землю, другіе, какъ Андрей, ищутъ личнаго счастія—грустно какъ-то!..

Что-то безнадежное, унылое звучало въ тонѣ Саши и наводило знакомую тоску.

— Надо путь найти!..

— Найти! А пока душа вымотается! Вотъ что страшно!.. Не итти же по слѣдамъ Якова!..

— Скажите, пожалуйста, какимъ образомъ онъ уцѣлѣлъ?..

— Онъ, видите ли, держался того мнѣнія, что умному человѣку нечего соваться въ дѣла, пока онъ не окрѣпнетъ!.. Надо, говоритъ, силу почувствовать, а тогда хоть горы ворочай!.. О, Яковъ былъ остороженъ, не то, что мы!..

Часы на соборѣ пробили двѣнадцать, когда мы подходили къ дому, гдѣ я останавливалась.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ, Даша, хотите уѣхать изъ нашихъ мѣстъ?..

— Да!.. Я уже перевелась въ N—скую губернію и жду замѣстительницу!..

Отчего-то мнѣ стало грустно, когда Саша въ послѣдній разъ пожалъ мою руку, и нѣсколько секундъ мы въ нерѣшительности

стояли другъ противъ друга... Когда я вошла въ комнату, то чувствовала себя очень усталой. Образъ Саши мелькалъ передо мною въ его загадочномъ колебаніи, и смутная тревога пронизывала душу...

XXVII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Меня тянуло съѣздить на родину, но ни занятія, ни ничтожныя средства сельской учительницы не позволяли мнѣ привести въ исполненіе мою мысль. Наконецъ, совершенно неожиданно обстоятельства сложились такъ, что я могла исполнить свое желаніе.

И вотъ я снова въ Одессѣ, снова иду по ея прямымъ, усаженнымъ акаціями улицамъ, снова вдыхаю ея горячій воздухъ. Прежде всего, мнѣ захотѣлось взглянуть на тотъ уголокъ, гдѣ протекло мое дѣтство и юность: двухъ и трехъэтажные дома, вытянувшись въ струнку, наглядно свидѣтельствовали, что старозавѣтный бытъ уже вытѣсненъ отсюда и ютился въ грязныхъ пыльныхъ улицахъ предмѣстья.

Глядя на большіе съ вычурными балкончиками и карнизами дома, я съ трудомъ могла опредѣлить мѣсто, гдѣ когда-то жила моя семья; теперь тамъ высился большой, трехъэтажный домъ, нижній этажъ котораго занималъ ресторанъ.

Меня потянуло взглянуть внутрь дома; дворъ былъ тѣсный, сдавленный высокими постройками, и солнце не освѣщало такъ, какъ прежде, всю его поверхность, вымощенную острымъ камнемъ—«дикаремъ».

Мнѣ стало отчего-то очень грустно, и я торопливо пошла обратно... А мимо меня спѣшили люди, стучали экипажи, выкрикивали разносчики газетъ, шмыгали чистильщики сапогъ... я чувствовала себя чуждой и одинокой среди родного, пропитаннаго коммерческимъ духомъ города, и поскорѣе свернула въ адресный столъ, чтобы узнать, здѣсь ли Саша. Я ужасно боялась, что не застану его, что, можетъ быть, онъ поселился въ другомъ городѣ, но, къ моему счастью, онъ оказался здѣсь; квартира его находилась въ одной изъ центральныхъ улицъ города. Я поднялась по чугунной лѣстницѣ въ верхній этажъ. У двери, гдѣ былъ № Сашиной квартиры, была прибита вывѣска съ надписью: «акушерка». Я позвонила; дверь открыла среднихъ лѣтъ женщина съ умнымъ, привѣтливымъ лицомъ, одѣтая по-домашнему, въ сѣрый капотъ.

Я спросила, дома ли Саша.

— Дома, дома, пожалуйте!

Трудно было узнать Сашу въ вышедшемъ на мой голосъ господинѣ съ русой бородой и добрыми голубыми глазами. Онъ выжидательно смотрѣлъ на меня.

— Не узнаете?.. Помните Дашу Семякину!

— Боже, вотъ кого не ожидалъ встрѣтить!—обрадовался Саша, крѣпко пожимая мою руку:—какими судьбами, гдѣ пропадали до сихъ поръ?... Какъ вы измѣнились! забрасывалъ онъ меня вопросами, беря изъ рукъ зонтикъ и шляпу. Мы вошли въ комнату...

— Однако хорошъ я,—засмѣялся Саша:—на радостяхъ забылъ познакомить васъ со своей женой... Анночка, помнишь Дашу, мою учительницу, о которой я тебѣ говорилъ?

— Какъ же!.. и очень даже помню! — улыбнулась Анна Петровна, съ которой мы тутъ же расцѣловались...

— Онъ когда-то вѣдь былъ въ васъ влюбленъ! — игриво замѣтила она...

— И пользовался взаимностью!..—весело отвѣтила я.

— Въ самомъ дѣлѣ? вотъ никогда не думалъ!—живо подхватилъ онъ:—впрочемъ тогда было не до чувствъ!..

Въ обществѣ стараго пріятеля и его жены я скоро почувствовала себя необыкновенно хорошо — тепло и свободно, какъ чувствуешь себя всегда съ хорошими, искренними людьми. Узнавъ, что я остановилась въ гостиницѣ, Саша запротестовалъ и потребовалъ немедленнаго водворенія у него...

— Къ вашимъ услугамъ мой кабинетъ; рѣдко приходится сталкиваться съ друзьями юности!—весело говорилъ онъ, потирая руки...

Я спросила о Ѳедорѣ...

— Живъ, живетъ здѣсь, у меня, работаетъ потихоньку на магазинъ. Только нога у бѣдняги до сихъ поръ не прошла... Да вотъ онъ и самъ... Ѳедоръ, иди-ка сюда, посмотри, кто къ намъ пріѣхалъ?

Измѣнился Ѳедоръ страшно: похудѣлъ, посѣдѣлъ совершенно, а кожа на лицѣ стала бѣлая, почти прозрачная; онъ слегка прихрамывалъ на больную ногу.

— Гдѣ жъ узнать ихъ?—съ улыбкой сказалъ онъ:—почитай, лѣтъ десять не видались!.. Много воды утекло съ тѣхъ поръ!

— На Аѳонъ собирается ѣхать, — сказалъ Саша:—въ отца пошелъ—все Богу молится...

— Въ монахи хотите итти?—спросила я...

— Нѣтъ, на поклоненіе только. Какой монахъ изъ меня будетъ!.. Въ монахахъ жизнь трудная, а я слабъ... Истомила меня нога!.. Повѣрите ли, иной разъ такъ болитъ, такъ болитъ, что и свѣтъ не милъ!.. Ну, да я не ропщу!.. На все воля Бога!..—проговорилъ Ѳедоръ, поднимая къ образамъ свои кроткіе, голубые глаза. Несмотря на разницу взглядовъ, братья любили другъ друга. Ѳедора жалѣли и старались окружить вниманіемъ и тепломъ...

— Ну, я съ вами еще увижусь; а теперь надо къ градоначальнику, за паспортомъ...

Онъ улыбнулся, поклонился мнѣ и вышелъ.

Саша сталъ разсказывать мнѣ о своей сибирской жизни...

— Сибирь,—говорилъ Саша,—была моимъ университетомъ; тамъ я научился думать, читать, занимался... Хорошее было время — нечего грѣха таить!.. Жилось по душѣ, а все-таки тянуло въ Россію. Съ какими надеждами ѣхали мы сюда, съ какими планами—помните!. Живя тамъ, мы думали, что здѣсь все постарому — движеніе, борьба, а вышло не то!—Саша вздохнулъ.

— Всѣ по своимъ угламъ засѣли,—продолжалъ онъ:—насъ, возвращенныхъ, остерегались; непротивленіе злу проповѣдывали; совсѣмъ другой духъ пошелъ!.. Мѣстишко, какое ни на есть, трудно было найти; въ Сибири я совсѣмъ отъ своего труда отсталъ—другимъ занимался, а тутъ снова пришлось за ремесло взяться; съ Ѳедоромъ на магазинъ работали, трудно было!.. Плохіе мы работники съ нимъ!.. Потомъ женился—Анночкѣ удалось мѣсто въ больницѣ найти, а потомъ и я пристроился въ агентство... Года два на тридцати-рублевомъ жалованьѣ сидѣлъ, дѣти пошли, ей труднѣе становилось... Ну, а теперь, слава Богу, повышеніе дали, жалованье хорошее получаю, и ей отдохнуть можно... Правда, Анночка, пора и тебѣ получше пожить!..

— Я и такъ не жаловалась,—улыбнулась она:—было бы здоровье; не все же вамъ, мужчинамъ, лямку тянуть!

— Такъ-то оно такъ, да у васъ своя лямка есть!.. Не легко, вѣдь съ дѣтишками!.. А Андрей, вы помните, женился, попрежнему въ желѣзнодорожной мастерской работаетъ...

— А Варя?—спросила я, вспомнивъ былое...

— Варя все въ сестрахъ, въ больницѣ работаетъ... Она теперь вся ушла въ свои общинскіе интересы... Любочка учительствуетъ въ народной школѣ... Замужъ, говоритъ, не хочу выходить, связывать себя!.. Вы ее увидите, она по воскресеньямъ у насъ обѣдаетъ. Милая дѣвушка, только, какъ бы вамъ сказать, не хватаетъ чего-то... Общаго взгляда, міровоззрѣнія... Она—личникъ!..

— Да, теперь молодежь другая, — вдумчиво сказала Анна Петровна:—практичнѣе, эгоистичнѣе стала...

— Ну, а какъ насчетъ движенія — есть что нибудь между рабочими?...

— Есть, какъ не быть!.. Соціалъ-демократы орудуютъ... Ну, а мы въ другомъ смыслѣ... У насъ свой кружекъ есть, у Андрея собственно, а я такъ съ боку-припека!—улыбнулся Саша.

— Какой же это кружекъ?—поинтересовалась я...

— О, самый безобидный!—шутливо сказалъ Саша:—видите ли, мы хотимъ улучшить положеніе современнаго намъ рабочаго, оттянуть его отъ пьянства и прочихъ безобразій, и хлопочемъ объ устройствѣ рабочаго клуба на законныхъ основаніяхъ... Народныя чтенія, лекціи, театры, все это прекрасно, все это необходимо, какъ свѣтъ, воздухъ, потому что рабочій жаждетъ знанія... Но, кромѣ того, намъ нужно свое, нужна иниціатива; пусть рабочій не смот-

ритъ на чужія руки, пусть самъ свое общество устраиваетъ, самъ заботится о своихъ развлеченіяхъ и духовныхъ потребностяхъ—понимаете?..

Саша былъ хорошъ въ эту минуту; лицо его сіяло, глаза горѣли, рѣчь дышала вдохновеніемъ; видно было, что все, что онъ говорилъ, были не слова, а часть его собственнаго существа; Анна Петровна съ гордостью слѣдила за нимъ...

Было далеко за полночь, когда мы разошлись спать. Живымъ, свѣтлымъ лучемъ мелькалъ передо мной Саша, озаренный глубокой жаждой дѣятельности; былой этузіастъ не умеръ въ немъ... брошенное сѣмя не пропало даромъ—оправдаетъ ли жизнь его надежды?..

Узнала я отъ Саши и о судьбѣ Якова; онъ женился на дочери своего патрона, имѣетъ свой домъ, книжный магазинъ и держитъ лошадей.

— Энергичная бестія!—отзывался о немъ Саша:—этого нельзя отнять у него; дѣла Криворогова пошатнулись,—совсѣмъ бы пропалъ, еслибъ не Яковъ... практикъ и умный... вотъ, если бы намъ такого человѣка, живо бы дѣло наладилъ!..

— Что жъ, вдохновите его своимъ духомъ. Авось не забылъ, что самъ былъ рабочимъ!..

— Думаете, не ходилъ?.. Толку никакого!.. Какъ посыпалъ разными словами на тему прогресса, до одурѣнія довелъ... Мечты-съ, говоритъ, все мечты однѣ—вашъ рабочій клубъ, своеволіе одно!.. Тошно стало, плюнулъ да ушелъ!.. Эти господа, выскочки, такъ обуржуазились, что своего же брата, рабочаго человѣка, готовы скрутить въ бараній рогъ... У нихъ на умѣ только аферы... Пронюхалъ, видите ли, что газетное дѣло выгодно, и туда же о своей газетѣ мечтаетъ, въ столпы попасть хочетъ, общество учить... И попадетъ—сто противъ одного, что попадетъ... Нѣтъ, Богъ съ ними!.. Мы, какъ бывало говаривала матушка, потихоньку да полегоньку свое дѣло наладимъ!.. А вы все-таки пойдите къ Якову, посмотрите—экземпляръ любопытный!

Но, памятуя все прошлое, я отказалась посмотрѣть на любопытный экземпляръ—смутное предвидѣніе, что должно выйти изъ Якова, сказалось въ памятный для меня день...

XXVIII.

Въ воскресенье собрались у Саши гости: Андрей, Любочка, Варя...

Андрей Иванычъ превратился въ плотнаго коренастаго мужчину, лѣтъ подъ 40.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, удивленій и восклицаній Андрей Иванычъ съ живостью обратился къ Сашѣ...

— А знаешь, наше дѣло идетъ на ладъ—собрали болѣе половины подписей!..

— Да! Ну, вотъ и отлично!..—обрадовался Саша:—одна сторона, значитъ, покончена... Будемъ надѣяться, что и другая пройдетъ благополучно...

— Какое дѣло?—спросила я.

— Ахъ, вы еще не знаете! Желѣзнодорожные рабочіе, по иниціативѣ Андрея, хотятъ просить у города, чтобы онъ отвелъ участокъ пустопорожней земли близъ мастерскихъ, гдѣ они хотятъ построить для себя дома-особнячки... Понимаете, съ разсрочкой выплаты; тѣ деньги, которыя они теперь тратятъ па квартиру, пойдутъ въ уплату за землю; такимъ образомъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ каждый пайщикъ будетъ собственникомъ... Идея прекрасная, не правда ли?..

— Безъ сомнѣнія, если она при томъ будетъ имѣть и дальнѣйшее развитіе...

— Въ этомъ нечего сомнѣваться...—сказалъ Андрей:—мечта каждаго рабочаго имѣть свой собственный уголокъ, гдѣ бы онъ чувствовалъ себя хозяиномъ. Вы не повѣрите, какъ трудно нашему брату жить въ теперешнихъ домахъ...

— И какихъ домахъ!—подхватилъ Саша:—ни свѣта, ни воздуха... Домовладѣльцы строятъ такъ дома, чтобы какъ можно больше получать съ нихъ дохода, ну, и набиваютъ ихъ людомъ, точно бочку сельдями...

— Да, да!—вдумчиво сказалъ Андрей:—жить при теперешнихъ условіяхъ рабочему человѣку становится хуже, вотъ мы и ищемъ выхода... Пока, мы остановились на устройствѣ собственныхъ домовъ, а тамъ увидимъ.

— Опять толки о собственности?—неожиданно раздается чей-то голосъ. Я обернулась и увидѣла молодого человѣка, оказавшагося братомъ Анны Петровны. Увлеченные нашимъ разговоромъ, мы не замѣтили, какъ онъ вошелъ и стоялъ въ дверяхъ. Его свѣжее, молодое лицо сіяло молодостью, здоровьемъ.

— Какъ вы, господа, не хотите понять,—продолжалъ онъ, поздоровавшись со всѣми:—что ваше спасеніе не въ собственности?

— Въ настоящемъ случаѣ это является для насъ спасеніемъ:—съ улыбкой отвѣтилъ Андрей:—спасеніемъ для нашихъ семей, для нашихъ дѣтей, которыя будутъ дышать не спертымъ воздухомъ зараженныхъ домовъ.

— Чушь, чушь!—вскричалъ Николай Петровичъ:—вашими отдѣльными домиками и всякими тамъ другими палліативами вы только отодвигаете наступленіе капиталистическаго строя, за которымъ послѣдуетъ новый соціальный. Вы тормозите ходъ историческаго процесса въ Россіи...

— А вы хотите, чтобы мы всѣ превратились въ пролетаріевъ, такъ что ли?

— Это неизбѣжно, къ этому все идетъ! Все населеніе превратится въ пролетаріевъ, ибо фабрика съѣстъ собственника, какъ это уже началось во многихъ мѣстахъ. Крестьяне обезземеливаются, идутъ на фабрики, и дѣло каждаго споспѣшествовать этому движенію. Чѣмъ скорѣе пойдетъ этотъ процессъ поглощенія мелкихъ собственниковъ, тѣмъ скорѣе наступитъ новая эра.

— Доки сонце взыйде, роса очи выѣстъ! — спокойно отвѣтилъ Андрей: — вы во что бы то ни стало хотите, чтобы мы обезличились. Ну, а мы, голубчикъ, думаемъ на этотъ счетъ свое: мы тоже жить хотимъ, и, если, какъ вы говорите, капиталистическій строй будетъ давить насъ, то и мы будемъ бороться, во имя правъ своей личности!

— Да вѣдь Николай Петровичъ не признаетъ личности!—вставила Любочка, раскусывая орѣхъ и бросая скорлупу въ молодого человѣка, который на лету словилъ ее.

— А то какъ же? Въ развитіи жизни личность—нуль! Не личность важна, личность будетъ тѣмъ, чѣмъ вынудятъ ее стать историческія условія; личность имѣетъ цѣну въ массѣ, а сама по себѣ она ничто! А масса должна бороться, заявлять себя на каждомъ шагу! А то домики, собственность... чушь!

— Коля, ты, кажется, самъ говоришь чушь!—замѣтила Анна Петровна:—отрицая личность, а слѣдовательно и свободную волю человѣка, ты проповѣдуешь пассивность и по-моему даже рабство. Каждый человѣкъ, пока онъ живетъ, будетъ стремиться къ тому, чтобы облегчить свою жизнь, а не покорно подставлять голову подъ топоръ. Человѣкъ ищетъ, человѣкъ хочетъ счастья!

— Да въ чемъ, гдѣ это счастье? Въ семьѣ? Но развѣ мы не видимъ, что семейное счастье—фикція, тягота, обуза! Счастье—въ подчиненіи своихъ чувствъ дѣлу разума, въ классовой солидарности, и каждый рабочій долженъ понимать это! — все больше и больше горячился Николай Петровичъ.

— Прекрасно, отлично!—подхватилъ Саша: — относительно солидарности мы съ тобой не споримъ. Какъ членъ сословія, рабочій долженъ находить счастье въ общемъ дѣлѣ—согласенъ! Но не забывай, что человѣкъ, кромѣ того, что онъ членъ общества, представляетъ изъ себя еще личность, индивидуумъ, цѣлый особый міръ, если хочешь, и, какъ таковой, онъ будетъ искать своего индивидуальнаго счастія!

— Чушь! чушь! индивидуальнаго счастія нѣтъ—это мы видимъ на каждомъ шагу! Человѣкъ создалъ себѣ идола изъ какого-то личнаго счастія и молится ему, жертвуя даже всѣмъ тѣмъ, что можетъ дать въ будущемъ дѣйствительное счастіе. Чушь! все это чушь!—кричалъ Николай Петровичъ:—и вашъ идолъ разсыпается прахомъ!

— Ну, хорошо, съ этимъ я согласна,—вставила Любочка: — но вѣдь личное счастіе не только заключается въ семьѣ, въ любви! Оно, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы моя личность росла до необъятныхъ предѣловъ, я говорю о моей духовной личности, о моихъ духовныхъ потребностяхъ! Я говорю не только о своихъ,—покраснѣвъ, поправилась она:—а вообще о человѣческихъ, и въ томъ числѣ рабочаго. А разъ у него будутъ развиваться духовныя потребности, то вмѣстѣ съ ними будетъ развиваться и желаніе удовлетворять имъ, вѣдь такъ? А для этого нужно обезпеченіе, деньги или собственность, какъ хотите, назовите!

— Совсѣмъ не нужно! Для этого будутъ общественныя учрежденія, которыя будутъ давать ему необходимую духовную пищу...

— Ну, а пока ихъ нѣтъ, что же дѣлать рабочему человѣку?— съ улыбкой спросилъ Андрей, прищуривая глаза на молодого человѣка.

— Бороться за свои права! Соединяться въ одну рабочую семью, дѣйствовать въ интересахъ будущихъ благъ!—горячо вскрикнулъ Николай Петровичъ, озирая всѣхъ ликующимъ взглядомъ.

— Господи Боже! — съ комической важностью проговорилъ Андрей:—вы хотите видѣть въ человѣкѣ машину, приспособленную только для борьбы, а эта машина имѣетъ мозгъ, чувства.

— Чувства, которыя мѣшаютъ жить и достигать цѣли! Человѣкъ—разумное существо, а разумъ въ лицѣ науки говоритъ, что торжество капиталистическаго строя приведетъ къ соціальному; а этотъ строй уже вошелъ въ свое русло и, хотите или нѣтъ, притянетъ всѣ побочныя теченія. Какъ вы этого не хотите понять! Если бы вы въ это хорошо вникнули, то и не тормозили бы наше дѣло!

— Нѣтъ, мы не тормозимъ, а содѣйствуемъ ему!—лукаво подмигнулъ Андрей: — мы хотимъ, чтобы наши дѣти выросли здоровыми, лучше насъ воспитанными людьми. Идея, которую мы преслѣдуемъ,—та же самая: солидарность рабочихъ, только достигаемъ мы ее другимъ путемъ. Мы хотимъ воспитать въ рабочихъ духъ коллективизма, взаимопомощи, мы хотимъ внушить рабочимъ ту идею, что благо каждаго зависитъ отъ всѣхъ. Нѣтъ, голубчикъ, вы ошибаетесь,—серьезно и нѣсколько взволнованно говорилъ Андрей:— упорядочивая жизнь рабочаго, мы упорядочиваемъ будущее; мы поднимаемъ самосознаніе рабочаго, мы развиваемъ въ немъ его человѣческое достоинство, будимъ въ немъ иниціативу!

— Чушь, слова! Ничего вы не сдѣлаете вашей солидарностью. Вы только образуете реакціонныя группы, а масса все-таки будетъ вертѣться подъ колесомъ?

— И вы думаете, что она спокойно будетъ лежать подъ колесомъ и ждать грядущаго царства, котораго ей и увидѣть не придется? Вы думаете, что рабочій человѣкъ будетъ питаться одной

великой идеей и не желать ничего въ настоящемъ? Ошибаетесь! Героевъ меньше, чѣмъ вы думаете; пожалуй, до 25 лѣтъ онъ еще сможетъ геройствовать, ну, а дальше и просто пожить захочется въ свое удовольствіе. Было время, когда и мы преисполнены были идей, ну, а теперь и дѣтишки есть, и какой ни на есть комфортецъ хочется имѣть и все прочее!—иронически закончилъ Андрей.

— Обуржуазились вы, господа! — вскричалъ Николай Петровичъ: — а слѣдовательно вы уже и не есть настоящіе рабочіе. Буржуазнаго счастьица захотѣлось—вздоръ, не въ этомъ сила!

— Погоди надъ нами крестъ ставить! Такъ или иначе, мы что нибудь дѣлаемъ, не для себя только живемъ, ну, и фабрики не заводимъ. Своего же человѣка постѣсняемся эксплуатировать. А ваша теорія, кажется, не противорѣчитъ фабрикѣ? Что толковать! Узнай жизнь прежде; пусть она тебя такъ потолчетъ, какъ насъ, тогда посмотримъ, что ты запоешь.

Въ мягкомъ голосѣ Саши послышались грустныя ноты, а глаза заволоклись туманомъ.

— Удивительные, право, вы люди, современная молодежь!—сказала Анна Петровна:—вы воображаете, что человѣка можно подвести подъ одного знаменателя или загипнотизировать такъ, что онъ ничего не будетъ знать и желать, кромѣ того, что вы внушите ему. Человѣкъ сложнѣй, чѣмъ вы воображаете, а жизнь подаритъ васъ такими сюрпризами, которые въ корень подточатъ вашу вѣру въ непреложность законовъ разума!

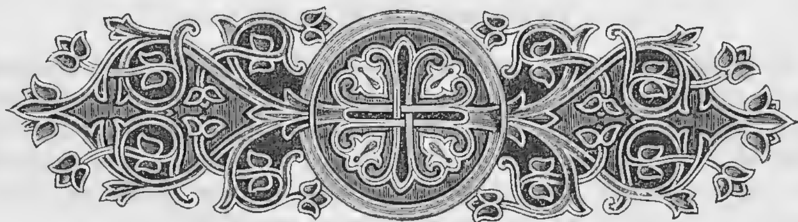
— Никогда! Наша увѣренность основана на разумѣ, а разумъ не ошибается!—авторитетно отвѣтилъ Николай Петровичъ.

Поданная закуска прекратила споръ, а затѣмъ разговоръ перешелъ на другія темы.

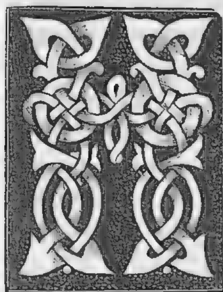
Прогостивъ недѣлю въ симпатичной мнѣ семьѣ, я не безъ сожалѣнія разставалась съ ними. Богъ знаетъ, придется ли еще когда нибудь встрѣтиться...

Марія Ермолина.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА Н. А. АРКАСА.

НИКОЛАЙ Николаевичъ Аркасъ любезно сообщилъ мнѣ выдержки изъ собственноручныхъ записокъ отца его, генералъ-адъютанта адмирала Николая Андреевича Аркаса, бывшаго флигель-адъютанта и эскадръ-майора императора Николая Павловича.

Съ разрѣшенія собственника записокъ мною предлагается читателямъ нѣсколько выдержекъ изъ нихъ, касающихся воспоминаній объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ эпоху Крымской войны.

Осенью 1852 года государь предпринялъ путешествіе на югъ съ цѣлью осмотра расположенной тамъ кавалеріи и смотра черноморскаго флота.

Изъ Николаева государь съ огромной свитой совершилъ переѣздъ въ Севастополь на пароходѣ «Владимиръ», которымъ командовалъ тогда Н. А. Аркасъ.

По прибытіи на Севастопольскій рейдъ, пишетъ Н. А. Аркасъ, государь принялъ гр. Воронцова и прочихъ начальствующихъ лицъ. Съ графомъ Воронцовымъ императоръ говорилъ очень долго сначала на площадкѣ, а послѣ обѣда и въ рубкѣ, гдѣ разсматривались разные планы.

Обязанный быть на площадкѣ, я хорошо слышалъ, какъ Воронцовъ упрашивалъ государя объ утвержденіи желѣзной дороги на Ѳеодосію.

На площадку былъ призванъ также В. А. Корниловъ, который представлялъ государю флотъ и все относящееся къ морской части, вмѣсто адмирала Берха. Этотъ послѣдній, хотя и считался главнымъ командиромъ, но по болѣзни и старости онъ не могъ быть при государѣ на «Владимірѣ», и ему былъ данъ пароходъ «Одесса», на которомъ онъ и находился все время.

Весьма странно было видѣть такое положеніе Берха и Корнилова! Послѣдній всѣмъ распоряжался, дѣлалъ, что хотѣлъ, и князь Меншиковъ, бывшій въ то время начальникомъ главнаго морского штаба, все это хорошо зналъ; но онъ боялся вліянія Корнилова въ будущемъ, вообще не любилъ его и не давалъ ему хода.

Въ этотъ свой пріѣздъ государь осматривалъ также проектируемые Корниловымъ планы новыхъ 126 пушечныхъ винтовыхъ кораблей «Босфоръ» и «Цесаревичъ». При осмотрѣ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты также плавалъ въ Англіи на ихъ винтовыхъ корабляхъ. Что ты думаешь о нихъ?

Я отвѣчалъ, что несомнѣнно они будутъ имѣть будущность.

Планы кораблей были утверждены, и, такимъ образомъ, на Черномъ морѣ было положено основаніе винтового черноморскаго флота. Жаль, что это не было сдѣлано четырьмя годами раньше!

При отъѣздѣ въ Петербургъ государь поздравилъ Аркаса своимъ флигель-адъютантомъ съ назначеніемъ въ Балтійскій флотъ.

Весною 1853 г., пишетъ авторъ записокъ, императоръ назначилъ свой пріѣздъ въ Кронштадтъ для производства смотра, который соединялся съ разводомъ въ манежѣ одному изъ флотскихъ экипажей.

Обыкновенно такой экипажъ готовился къ смотру цѣлый годъ, и за нѣсколько дней до смотра очередь карауловъ подводили такъ, чтобы въ день смотра въ караулѣ былъ экипажъ, предшествующій по номеру тому экипажу, который въ теченіе цѣлаго года готовился для развода. На вопросъ, какой экипажъ его величеству угодно видѣть на разводѣ на слѣдующій день, государь всегда спрашивалъ:

— А какой экипажъ сегодня въ караулѣ?

И когда, напримѣръ, отвѣчали 18-й, то онъ назначалъ разводъ 19-му, т. е. именно тому, который подготовился къ смотру.

Узнавъ о такихъ непохвальныхъ дѣйствіяхъ кронштадтскаго начальства, государь въ 1852 году опредѣлилъ для развода такой номеръ экипажа, который совсѣмъ къ этому не былъ приготовленъ. Представленные начальствомъ разные доводы, что экипажъ въ конвоѣ, что онъ не въ полномъ составѣ и пр., не помогли, и государь непреклонно подтвердилъ свое приказаніе.

Мнѣ разсказывали, какой ужасъ произвело это въ Кронштадтѣ. Чтобы хоть сколько нибудь сдѣлать возможнымъ производство раз-

вода, нижнихъ чиновъ подготовленнаго экипажа переодѣвали въ мундиры экипажа, назначеннаго въ разводъ, и три четверти офицеровъ было назначено изъ приготовлявшихся. Это тоже дошло до государя, и во время развода онъ скомандовалъ:

— Офицеры N экипажа (который подготовлялся заранѣе къ разводу) впередъ!

При этомъ вышли всѣ офицеры, за исключеніемъ трехъ, въ дѣйствительности принадлежащихъ къ тому экипажу, отъ котораго былъ разводъ. То же самое было и съ нижними чинами.

Можно себѣ представить неудовольствіе государя. Говорили, что онъ очень рѣзко и съ большимъ гнѣвомъ высказалъ князю Меншикову и кронштадтскому начальству, что это—умышленный обманъ, допущенный всѣми ими.

Въ описываемое же время князь Меншиковъ чудодѣйствовалъ въ Константинополѣ, и всѣмъ флотомъ управлялъ великій князь Константинъ Николаевичъ.

Къ слѣдующему смотру государя для развода одинаково были подготовлены всѣ экипажи, и потому опредѣленный его величествомъ номеръ для развода въ назначенный часъ исполнилъ въ манежѣ это дѣло очень хорошо. Государь былъ весьма доволенъ и благодарилъ.

Затѣмъ было скомандовано:

— Первый полубаталіонъ по марсамъ, второй по орудіямъ!

Это было презабавное представленіе. Тутъ же въ манежѣ была мачта, весьма небольшая, съ реями и парусами, такъ что марсель [1]) убирали по три человѣка съ каждаго нока [2]), а команды было до 150 человѣкъ. На площадкѣ, тутъ же устроенной, были поставлены 10-ть небольшихъ пушекъ, и у каждой по 12 человѣкъ, производящихъ заряженіе по пріемамъ медленно и презабавно.

Государь, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— У тебя на «Владимирѣ» дѣлалось это лучше и быстрѣе, да и не съ такими пушками, — и тутъ же, обратившись ко всѣмъ, прибавилъ:

— Я у него видѣлъ верхъ совершенства, и при томъ у него вовсе не было этихъ ненужныхъ пріемовъ. Я желаю, чтобы на всѣхъ судахъ Балтійскаго флота была принята его система.

На это великій князь Константинъ Николаевичъ доложилъ, что онъ назначилъ уже коммиссію, для пересмотра правилъ артиллерійскаго ученія и для согласованія ихъ съ черноморскимъ ученіемъ.

---

[1]) Марсель—самый большой парусъ на каждой мачтѣ. Обыкновенно на уборку его потребно гораздо большее число людей. А. З.

[2]) Нокъ — это конецъ реи, т. е. поперечники мачты, къ которымъ привязываются паруса. А. З.

Государь, указывая на меня, сказалъ:

— Онъ можетъ быть очень полезенъ въ этомъ.

И вотъ мнѣ пришлось работать въ этой комиссіи и бороться съ весьма сильнымъ вліяніемъ дежурнаго генерала, генералъ-адъютанта N..., составителя ученія съ пріемами и всѣми силами отстаивавшаго свои старые принципы.

Затѣмъ государь, показывая на мачту, спросилъ меня:

— А что ты скажешь на это?

Я отвѣтилъ, что ученіе при игрушечной мачтѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ, что матросъ встрѣчаетъ на практикѣ; такъ равно и ученіе при орудіяхъ такого малаго калибра, каковыхъ на корабляхъ нѣтъ, скорѣе принесетъ вредъ, чѣмъ пользу.

Государь въ отвѣтъ сказалъ «совершенно вѣрно», и съ тѣхъ поръ мачта и батарея, бывшія въ манежѣ, уничтожены.

Между тѣмъ переговоры съ Турціей не обѣщали хорошаго исхода, а у насъ слишкомъ легко относились къ этому и приготовленій къ войнѣ не дѣлали никакихъ, хотя къ ней энергично готовились всѣ европейскія державы.

Въ такомъ положеніи засталъ насъ наступившій 1854-й годъ.

Въ началѣ этого года получено было въ морскомъ министерствѣ донесеніе командира корвета «Наваринъ», посланнаго въ половинѣ октября въ кругосвѣтное плаваніе, что въ Нѣмецкомъ морѣ онъ встрѣтилъ и перенесъ два жестокихъ шторма, отъ которыхъ течь въ корветѣ до того усилилась, что для спасенія судна и команды командиръ вынужденъ былъ зайти въ портъ Флисингенъ для осмотра и исправленія корвета.

По осмотрѣ спеціалистами Флисингенскаго порта оказалось, что исправить надежно «Наваринъ» для кругосвѣтнаго плаванія положительно невозможно.

Государь былъ крайне недоволенъ этимъ и, призвавъ меня, поручилъ мнѣ немедленно ѣхать во Флисингенъ, подробно осмотрѣть корветъ «Наваринъ» и употребить всѣ усилія для скорѣйшаго исправленія его и посылки во Владивостокъ. Если же это окажется невозможнымъ, то немедленно купить три, а въ крайнемъ случаѣ двѣ шкуны, вооружить ихъ орудіями съ корвета, распредѣлить на нихъ команду и офицеровъ, погрузить имѣющіеся для сибирскихъ портовъ грузы и скорѣе послать эти шкуны, такъ какъ положеніе политическихъ дѣлъ угрожаетъ войной.

Вообще, порученіе было весьма сложное и важное, тѣмъ болѣе, что вѣроятность войны и общее недружелюбіе всѣхъ европейскихъ державъ противъ Россіи высказывались во всемъ чрезвычайно рѣзко.

19 января 1854 г. я отправился черезъ Берлинъ прямо въ Голландію, въ портъ Флисингенъ, гдѣ нашелъ корветъ «Наваринъ» вытащеннымъ на элингъ, а командира корвета К. И. Истомина, всѣхъ офицеровъ и команду, хотя здоровыми, но крайне унылыми.

При подробномъ осмотрѣ корвета, у котораго мѣстами была вскрыта обшивка, я былъ совершенно пораженъ его ужаснымъ положеніемъ. Гниль оказывалась во всѣхъ мѣстахъ. Можно сказать, что ни одного шпангоута не было вполнѣ здороваго; все держалось на наружной обшивкѣ, которая прикрѣплялась вмѣсто цѣльныхъ мѣдныхъ болтовъ снаружи только головками ихъ, а съ внутренней стороны также коротенькими концами болтовъ съ расклепками на кольцахъ. Обманъ преступный!

Сверхъ того, было еще множество пропусковъ, доказывавшихъ полную виновность и преступность строителей, производившихъ ремонтъ этого корвета въ Кронштадтѣ.

Нужно было хлопотать о прісканіи и покупкѣ шкунъ для немедленнаго отправленія ихъ въ море. Съ этой цѣлью я посѣтилъ нѣсколько городовъ Голландіи, въ крайности думалъ даже отправиться въ Англію.

Въ Гаагѣ я былъ очень милостиво принятъ королемъ и королевой Нидерландіи.

Повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ въ то время г. Сиверсъ, очень хорошій человѣкъ, но очень робкій, и онъ умолялъ меня не ѣздить въ Англію, въ которой народное возбужденіе противъ Россіи и русскихъ было чрезвычайно велико.

Тамъ въ это время, при поддержкѣ, конечно, правительства, писались противъ Россіи и дѣлались всевозможные пасквили; такъ, напримѣръ, сдѣлавъ большую куклу, нарядивъ ее въ мундиръ и ленты и надписавъ, что это—русскій императоръ, громаднѣйшая толпа съ неистовыми криками волокла ее по улицамъ Лондона и на одной изъ площадей сжигала на кострѣ. И это дѣлала просвѣщенная нація!

Въ то же время голландское правительство смотрѣло подозрительно какъ на мое пребываніе въ Гаагѣ, такъ и на пребываніе корвета и его команды въ Голландіи. Король вполнѣ сочувствовалъ Англіи и Франціи и былъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ.

Въ это время вдовствующая королева Анна Павловна приглашала меня довольно часто къ обѣду и оказывала чрезвычайно большое вниманіе. Король же Нидерландовъ былъ очень встревоженъ неожиданнымъ и быстрымъ отъѣздомъ одной изъ актрисъ театра, къ которой онъ питалъ большую и небезуспѣшную любовь. Королевѣ сдѣлалось это извѣстнымъ, и потому у нихъ въ королевскомъ семействѣ было не ладно.

Впрочемъ, я былъ приглашенъ на одинъ изъ баловъ, дававшихся ихъ величествами. О балѣ этомъ можно сказать только, что въ сравненіи съ придворными, даже малыми балами въ Петербургѣ, онъ былъ болѣе чѣмъ мизеренъ.

При дворѣ вдовствующей королевы, родной сестры нашего императора Николая Павловича, существовалъ этикетъ стараго вре-

мени, который соблюдался въ высшей степени. Она сама ходила совершенно особенно, присѣдая и подымаясь, и весь дворъ, а также находившіяся при ней лица давали мнѣ полную возможность видѣть тотъ старый, утонченный этикетъ, который уже почти нигдѣ при дворахъ не существовалъ.

Ея величество очень любила разговаривать со мною о Россіи и лицахъ высшей аристократіи, но она не была въ Россіи болѣе 25 лѣтъ, многихъ уже не было въ живыхъ, а потому не на всѣ ея вопросы я могъ отвѣчать.

Какъ-то она съ грустью спросила меня:

— А русскій народъ меня навѣрное совершенно забылъ?

На это я отвѣчалъ, что ее болѣе помнятъ, чѣмъ кого либо изъ отсутствующихъ особъ царской фамиліи, и молятся за нее очень усердно.

— Какъ же это?—быстро спросила она меня.

Я объяснилъ, что при Божественныхъ службахъ, совершаемыхъ въ церквахъ, на всѣхъ ектеніяхъ и отдѣльно, когда діаконы перечисляютъ всѣхъ царственныхъ лицъ августѣйшаго дома, они такъ невнятно произносятъ имена, что рѣшительно невозможно ничего разобрать, но кончаютъ это всегда очень ясно и твердо, выражая слова: «и королеву нидерландскую Анну Павловну», при чемъ народъ усердно всегда молится.

Королева очень смѣялась и была, повидимому, очень довольна моимъ отвѣтомъ.

На одинъ изъ обѣдовъ королева пригласила одного изъ старыхъ военныхъ генераловъ Голландіи, сподвижника покойнаго ея мужа. Къ сожалѣнію, я забылъ его фамилію, но онъ имѣлъ орденъ Александра Невскаго и пользовался расположеніемъ нашего государя Николая Павловича.

По словамъ королевы, этотъ генералъ, повидимому, выживающій изъ ума, былъ очень преданъ Николаю Павловичу, и на этомъ-то основаніи онъ просилъ меня передать государю, что, въ виду наступавшей тогда войны, о которой болѣе или менѣе говорили уже почти утвердительно, онъ, какъ истинно преданный и любящій государя человѣкъ, считаетъ своею обязанностью сообщить ему нѣсколько военныхъ секретовъ. Сущность ихъ была слѣдующая: каждый солдатъ долженъ имѣть при себѣ двѣ маски— черную и красную. Въ пылу сраженія, когда наступаетъ рѣшительный моментъ, то, по опредѣленному заранѣе сигналу, всѣ войска должны вдругъ надѣть черныя маски; это произведетъ панику, и непріятель непремѣнно обратится въ бѣгство, а ежели бы онъ этого не сдѣлалъ, то черезъ нѣсколько времени, по приказанію главнокомандующаго, въ одинъ моментъ должны быть надѣты красныя маски, и побѣда будетъ несомнѣнна.

При этомъ генералъ передалъ мнѣ приличную шкатулочку, въ

которой лежали двѣ маски—черная и красная, для личнаго врученія ихъ государю императору. Хотя не оставалось болѣе сомнѣнія, что сей почтенный старецъ уже потерялъ разсудокъ, но, тѣмъ не менѣе, я долженъ былъ, пока королева занимала разговоромъ другихъ гостей своихъ, выслушать еще одинъ секретъ.

Этотъ секретъ заключался въ томъ, что въ крѣпостяхъ должны въ большомъ числѣ находиться бочки, въ которыя сливаются всѣ нечистоты гарнизона.

— Можете себѣ представить,—радостно воскликнулъ генералъ,— сколько наберется этой, считающейся безвредной, жидкости, а между тѣмъ вотъ что слѣдуетъ дѣлать въ критическія минуты штурма крѣпости. Главнокомандующій долженъ приказать направлять изъ имѣющихся тутъ же брандспойтовъ струю жидкости въ глаза непріятеля, и его войска ослѣпнутъ — побѣда будетъ несомнѣнна!

Убѣдясь изъ разсказа генерала, что онъ положительно потерялъ разсудокъ, я шутя задалъ ему вопросъ:

— А ежели у непріятеля будетъ въ рукахъ такое же средство?

Генералъ съ живостью отвѣтилъ:

— Вижу, что вы умный человѣкъ, но не подумайте, что я не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Вотъ порошокъ, который каждый солдатъ вашъ долженъ имѣть при себѣ, и ежели онъ будетъ ослѣпленъ, то примочка съ примѣсью этого порошка очень скоро его исцѣлитъ. Я вамъ передаю порошокъ, какъ великій секретъ, который вы передадите государю, и никому больше говорить не будете.

Во время нашего разговора подошла къ намъ королева, и генералъ очень здраво, съ соблюденіемъ полнаго этикета, началъ говорить съ нею по-голландски, послѣ чего, обратившись ко мнѣ, королева сказала:

— Старикъ очень полюбилъ васъ и находитъ чрезвычайно умнымъ человѣкомъ,—и тутъ же, вѣроятно, не зная, въ чемъ заключаются секреты сего генерала, прибавила:

— Передайте брату моему, Николаю Павловичу, что покойный король очень цѣнилъ военную опытность этого генерала, а я вполнѣ увѣрена въ его безпредѣльной преданности и любви къ нему.

Что мнѣ оставалось дѣлать?

Я принялъ данные мнѣ образцы и обѣщалъ все исполнить, но исполненіе было очень не легко.

Ниже я разскажу, чѣмъ и какъ разрѣшилось все, а теперь буду продолжать о пребываніи моемъ въ Гаагѣ.

Находя невозможнымъ исполнить данное мнѣ порученіе, я послалъ о семъ донесеніе генералъ-адмиралу и послѣ долгихъ ожиданій получилъ отвѣтъ, предписывавшій мнѣ сдать корветъ съ имуществомъ голландцамъ, оставивъ для этого одного изъ офице-

ровъ. Орудія дарились голландскому правительству. Команду и офицеровъ приказывалось тотчасъ же возвратить въ Россію, а мнѣ сопровождать ее до нашихъ границъ.

Приступивъ немедленно къ распоряженіямъ по перевозкѣ команды, я доложилъ о полученномъ мною предписаніи королевѣ, которая просила меня представить ей хотя часть корветской команды и офицеровъ.

Въ назначенный королевою день я представилъ ея величеству командира, офицеровъ и команду. Со всѣми ими королева очень милостиво разговаривала, потомъ пригласила въ свою домовую церковь, гдѣ было отслужено напутственное молебствіе. Ея величество по окончаніи его благословила образомъ всѣхъ отправлявшихся, назначая этотъ большой образъ командѣ, и, передавая его командиру, ставшему для сего на колѣни, королева сказала нѣсколько задушевныхъ словъ и прослезилась. Командиръ, К. И. Истоминъ, желая также выпустить изъ себя при этомъ случаѣ нѣсколько слезинокъ, никакъ не могъ сдѣлать этого, хотя очень натиралъ себѣ глаза, что̀ было крайне забавно.

Пригласивъ затѣмъ къ завтраку своему командира и офицеровъ, королева одновременно въ отдѣльной комнатѣ предложила командѣ угощеніе.

По окончаніи завтрака королева пожелала проститься со всѣми и при этомъ каждому изъ офицеровъ подавала руку, которую они цѣловали, соблюдая установленные этикетомъ поклоны до и послѣ.

Чтобы показать необыкновенное вниманіе и къ командѣ, королева допустила и ихъ къ своей рукѣ. Это было для насъ совершенно неожиданно, предупредить матросиковъ не успѣли, и хотя это были лучшіе и разумнѣйшіе изъ всей корветской команды, но можно себѣ представить, какъ выходило все карикатурно. Многіе изъ нихъ, видя, что офицеры кланялись, также пренеловко раскланивались, а одинъ подойдя совершилъ передъ поцѣлуемъ руки знаменіе креста и по окончаніи совершилъ то же. Я и всѣ были крайне сконфужены, но, чтобы разсѣять, можетъ быть, непріятное впечатлѣніе, произведенное на королеву, я, подойдя къ ней, сказалъ:

— Простите ему, ваше величество, онъ сдѣлалъ это въ избыткѣ чувствъ отъ истиннаго и неожиданно доставшагося на его долю счастья; неподготовленный, онъ сдѣлалъ то, что ему указала его простая, но добрая натура и глубокая преданность вашему величеству.

Въ Ротердамѣ я, командиръ, офицеры и вся команда пересѣли на пароходъ, на которомъ переплыли до границы Пруссіи, гдѣ на встрѣчу намъ на особомъ пароходѣ выѣхали и представились мнѣ прусскій генералъ и разныя офиціальныя лица, которыя, по приказанію прусскаго короля, должны были сопровождать насъ до границы Россіи.

Всѣ мы пересѣли на ихъ пароходъ и съ полнымъ комфортомъ поплыли далѣе.

Вездѣ у городовъ выѣзжали къ намъ въ полной формѣ оффиціальныя лица, и всюду мы встрѣчали особенное вниманіе, которое, вѣроятно, было предписано изъ Берлина.

Не помню, у какого мѣста пересѣли мы въ вагоны желѣзной дороги и помчались далѣе. За шесть часовъ до пріѣзда въ Берлинъ сопровождавшій насъ генералъ сказалъ мнѣ, что король приглашаетъ меня съ командою остановиться въ Потсдамѣ, гдѣ будетъ приготовленъ для всѣхъ насъ обѣдъ на вокзалѣ желѣзной дороги, и что его величество желаетъ самъ лично встрѣтить насъ.

Я благодарилъ, и всѣ мы готовились для этого къ четыремъ часамъ пополудни, но по какому-то случаю нашъ поѣздъ былъ остановленъ на шесть часовъ времени, потомъ еще на четыре часа, такъ что мы подошли къ вокзалу Потсдамской желѣзной дороги къ двумъ часамъ ночи, и каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что вся станція была иллюминована, и множество генераловъ, имѣя во главѣ наслѣднаго принца и другихъ принцевъ царствующаго дома, встрѣтили насъ.

Я представился наслѣдному принцу и другимъ; представилъ командира и всѣхъ офицеровъ. Команда стала во фронтъ; наслѣдный принцъ привѣтствовалъ ее и затѣмъ отъ имени короля пригласилъ меня, командира, офицеровъ и команду къ обѣду, который былъ сервированъ въ двухъ залахъ, отлично убранныхъ флагами русскими и прусскими и разноцвѣтными огнями. Въ одной залѣ помѣстили насъ, и съ нами остались принцы и всѣ прусскіе генералы, а въ другой команду, гдѣ на каждаго матроса былъ одинъ гвардейскій прусскій солдатъ.

Въ началѣ обѣда наслѣдный принцъ объявилъ мнѣ, что его величество король желалъ самъ встрѣтить насъ и обѣдать съ нами, но болѣзнь остановила его.

У меня въ это время также до того сильно болѣла голова, что я съ большимъ трудомъ сидѣлъ за столомъ и положительно не могъ говорить; къ этому еще долженъ сказать, что я былъ крайне сконфуженъ неожиданнымъ параднымъ пріемомъ, встрѣчею принцами, запозданіемъ на 10 часовъ времени и тѣмъ еще, что ни посланникъ и никто изъ посольства нашего не пріѣхалъ на вокзалъ, чтобы встрѣтить насъ, а, главное, чтобы указать на соблюденіе того этикета, къ которому всѣ мы не были подготовлены.

Тостъ за здоровье государя императора, провозглашенный наслѣднымъ принцемъ, былъ принятъ съ большимъ одушевленіемъ, какъ равно и мой тостъ за здоровье прусскаго короля; музыка играла въ это время гимны, сперва русскій, потомъ прусскій.

Между матросами и прусскими гвардейцами знакомство установилось очень скоро, и обѣдъ продолжался весьма шумно и весело.

8*

Еще нѣсколькими тостами за здоровье русскихъ моряковъ, наслѣднаго принца и проч. кончился обѣдъ, продолжавшійся до разсвѣта.

Нельзя было не понять, что передъ предстоящей Россіи войной прусскій король хотѣлъ этой встрѣчей показать свое вниманіе и сочувствіе русскому императору.

Насъ опять посадили въ вагоны, и при звукахъ музыки и крикахъ «ура» мы понеслись къ русской границѣ.

Желѣзная дорога была тогда до Кенигсберга; тамъ насъ встрѣтилъ командовавшій войсками старикъ генералъ и устроилъ дальнѣйшій нашъ походъ къ границѣ, который пришлось совершать пѣшкомъ по отличному шоссе, имѣя большое число нанятыхъ подводъ для багажа и уставшихъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я явился къ государю императору и доложилъ обо всемъ мною исполненномъ; однако, видя государя мрачнымъ и озабоченнымъ, я умолчалъ о порученіи голандскаго генерала.

Какъ впослѣдствіи я узналъ, плохое расположеніе духа государя происходило отъ принятаго имъ рѣшенія отвѣтить отказомъ на присланный четырьмя державами ультиматумъ, предлагавшій государю 10 дней для отвѣта. Отвѣтъ этотъ долженъ былъ опредѣлить миръ и войну.

Какъ извѣстно, Николай Павловичъ отвѣтилъ, что ему не нужно и 10 минутъ, что онъ отказывается отъ предложенія, и этимъ, конечно, былъ рѣшенъ вопросъ о войнѣ. Я встрѣтилъ уѣзжавшаго изъ Петербурга курьера съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

Считаю не лишнимъ сказать о моемъ разговорѣ въ это время съ великою княгинею Еленою Павловною, при представленіи по случаю пріѣзда.

Великая княгиня говорила мнѣ, что войны не будетъ; я доказывалъ противное, но она возразила на это, что великая княгиня Марія Николаевна, только что пріѣхавшая изъ Англіи, видѣлась тамъ съ королевою Великобританіи, которая сказала ей, что ни въ какомъ случаѣ не подпишетъ окончательнаго рѣшенія о войнѣ, что зависитъ исключительно отъ нея.

Я отвѣтилъ простодушно, что ее заставятъ подписать.

Моимъ отвѣтомъ великая княгиня Елена Павловна, повидимому, была очень недовольна и даже выказывала это довольно долго при разныхъ случаяхъ. Мнѣ даже казалось, что государь Николай Павловичъ временно сдѣлался ко мнѣ нѣсколько холоднымъ, и я имѣлъ основаніе полагать, что его величеству былъ извѣстенъ мой разговоръ съ великою княгинею Еленою Павловною. Но все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока англійскій флотъ не вошелъ въ Черное море; тогда при первой встрѣчѣ великая княгиня сказала мнѣ:

— Вы были правы.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы я былъ командированъ въ Ригу для постройки канонерскихъ лодокъ. Вернувшись лѣтомъ въ Петербургъ, я представлялся государю, который неоднократно выражалъ свое полное удовольствіе по поводу исполненія возложеннаго на меня порученія. Затѣмъ, какъ бы вспомнивъ что-то весьма серіозное, спросилъ меня:

— Отчего ты не сказалъ мнѣ о секретныхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ тебѣ голландскимъ генераломъ, для передачи мнѣ?

Оказалось, что этотъ генералъ, не получая отвѣта и благодарности отъ государя, просилъ королеву узнать у его величества объ этомъ въ одномъ изъ писемъ, и вотъ мнѣ приходилось теперь раздѣлываться.

Я улыбнувшись сказалъ, что, возвратясь изъ Голландіи и явившись къ его величеству, я считалъ то время неудобнымъ для передачи такого предложенія и откладывалъ до болѣе удобнаго времени.

— Да что же это такое?—нетерпѣливо спросилъ государь:—разскажи мнѣ теперь!

Я съ подробностью началъ разсказывать все, что мною было описано выше. Государь разсмѣялся и очень повеселѣлъ, а когда я кончилъ, то онъ смѣясь прибавилъ:

— Да, старикъ совсѣмъ изъ ума выжилъ.

Въ это время вошла въ кабинетъ императрица Александра Θеодоровна и была, повидимому, очень удивлена, увидѣвъ отъ души смѣявшагося государя, но когда онъ разсказалъ ей первую часть предложенія о маскахъ, то и императрица разсмѣялась.

Такъ кончилась эта исторія, много меня заботившая въ продолженіе всего времени. На другой день я передалъ государю и шкатулку съ масками и порошкомъ. Долго потомъ еще государь при встрѣчѣ со мною улыбаясь говорилъ:

— А, каковъ проказникъ голландскій генералъ!

Объявленіе войны было уже совершившимся фактомъ; въ Черное море вошли англійскій и французскій флоты; начали прибывать въ Турцію войска ихъ, и враги наши начали готовить громадный десантъ для высадки—но куда? Это былъ большой секретъ; существовало много разныхъ предположеній, но менѣе всего думали, что высадка произойдетъ у Евпаторіи.

Въ Балтійское море была послана соединенная англійская и французская эскадра подъ начальствомъ извѣстнаго хвастуна адмирала Непира, который, отправляясь къ Кронштадту, объявилъ, что скоро надѣется завтракать въ Кронштадтѣ, а обѣдать въ Петербургѣ. Въ приказахъ адмиралъ писалъ, чтобы точили ножи рѣзать русскихъ, и прочія нелѣпости, а оказалось, что у него не было десантныхъ войскъ, и комплектъ командъ былъ значительно уменьшенъ.

Все ихъ преимущество заключалось въ томъ, что корабли ихъ были съ винтовымъ двигателемъ, а наши парусные, и, разсчитывая на это, англичане смѣло плавали по Балтійскому морю.

Входъ непріятеля въ Балтійское море заставилъ приступить къ энергическимъ приготовленіямъ нашего Балтійскаго флота. Двѣ дивизіи, бывшія въ Кронштадтѣ, готовились подъ флагомъ адмирала Рикорда, поднятымъ на кораблѣ «Петръ I», а третья дивизія была въ Свеаборгѣ, подъ флагомъ вице-адмирала Румянцева. Готовность и положеніе этой дивизіи весьма заботили государя императора, и потому въ концѣ іюня его величество послалъ меня сдѣлать подробный смотръ этой дивизіи въ Свеаборгѣ; туда же были посланы построенныя въ Петербургѣ и Кронштадтѣ 36 гребныхъ канонерскихъ лодокъ.

Вездѣ приступили къ усиленному вооруженію крѣпостей и батарей, а по сѣверному фарватеру, оказавшемуся, вопреки существовавшаго мнѣнія, удобнымъ для прохода непріятельскихъ судовъ, были поставлены мины, проектированныя нашимъ ученымъ комитетомъ. Къ сожалѣнію, по предложенію члена этого комитета, Якоби, заряды были утверждены великимъ княземъ въ 5 и 10 фунтовъ, вмѣсто предполагавшихся нами въ 10—20 фунтовъ.

Дѣятельность кипѣла общая; на флотѣ производились безпрерывныя ученья.

Великій князь генералъ-адмиралъ ежедневно почти ѣздилъ туда и въ одну изъ такихъ поѣздокъ катался подъ парусами на вновь построенномъ по особой американской системѣ ботѣ. При бывшемъ довольно свѣжемъ вѣтрѣ ботъ перевернулся; великій князь былъ спасенъ идущимъ позади катеромъ съ корабля гвардейскаго экипажа «Прохоръ»; также были спасены ѣхавшіе съ его высочествомъ контръ-адмиралъ Истоминъ, бывшій начальникъ штаба въ Кронштадтѣ, и адъютанты его высочества—Ливенскій и Южковъ; князь же Евгеній Голицынъ утонулъ.

Пріѣхавъ въ Свеаборгъ, я засталъ всю дивизію на рейдѣ и потому, исполняя высочайшее порученіе, на другой же день приступилъ къ осмотру каждаго корабля въ подробности, производя парусныя, пушечныя, абордажныя и пожарныя ученія.

По окончаніи смотра я назначилъ стрѣльбу въ цѣль изъ орудій, начиная съ корвета «Полтава», подъ командой капитана 1 ранга Крякина. Корабль существовалъ уже девять лѣтъ и, какъ оказалось, кромѣ салютныхъ выстрѣловъ, онъ ни одного раза не стрѣлялъ изъ своихъ орудій ядрами.

Я требовалъ производства ученій по вновь составленной при моемъ участіи книгѣ «Артиллерійское ученіе», разосланной уже около двухъ мѣсяцевъ на всѣ корабли.

Пробита была тревога, началась пальба. Адмиралъ, я, командиръ и всѣ приглашенные командиры другихъ 6-ти кораблей и 3-хъ па-

роходовъ были на палубѣ, гдѣ производилась стрѣльба. Каждое орудіе заряжалось при мнѣ, по всѣмъ правиламъ, и когда комендоръ кончалъ наводить орудіе, то я провѣрялъ направленіе и разрѣшалъ ему производить выстрѣлъ, когда будетъ на точкѣ.

Такимъ образомъ по порядку номеровъ орудій сдѣлано было четыре выстрѣла, и готовились къ пятому.

Въ это время одинъ изъ командировъ кораблей просилъ меня разрѣшить непонятно изложенное въ книгѣ о новомъ ученіи. Я попросилъ дать мнѣ книжку и, провѣривъ сдѣланную комендоромъ наводку орудія, отошелъ два шага, чтобы взять книгу. Въ этотъ моментъ произошелъ выстрѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрывъ орудія на части, при чемъ было убито 9 человѣкъ на поваль и 5 тяжело ранено; даже на верхней палубѣ былъ убитъ одинъ матросъ осколкомъ отъ разорваннаго орудія, который, пробивъ палубу, пролетѣлъ наверхъ. Если бы я не отошелъ, какъ сказано выше, двухъ шаговъ, то несомнѣнно былъ бы въ числѣ убитыхъ; теперь же мы всѣ, стоявшіе близъ разорваннаго на части орудія, подверглись стремительному паденію на палубу, и насъ обсыпало мельчайшимъ чугуннымъ пескомъ. Это доказывало недоброкачественность чугуна, изъ котораго было отлито, какъ это орудіе, такъ и всѣ орудія, находившіяся на кораблѣ «Полтава» и на другихъ корабляхъ свеаборской дивизіи. Отливались же эти орудія въ Петрозаводскѣ, на казенныхъ заводахъ.

Въ письмѣ къ великому князю я просилъ, въ виду недоброкачественности металла, изъ котораго были отлиты орудія, разрѣшенія уменьшить заряды, что̀ было необходимо для безопасности и отстраненія паники, которую случай разрыва орудія возбудилъ на всѣхъ корабляхъ и судахъ.

Во время той же стрѣльбы я замѣтилъ, что при выстрѣлахъ у станковъ съ такою силою вылетали клинья, что комендоръ и всѣ стоявшіе у орудія постоянно находились въ большой опасности.

Не могу не признаться, что, приступая на другой день къ продолженію учебной стрѣльбы, я, какъ равно и остальные, не былъ покоенъ, хотя заряды пороха и были, по моему приказанію, нѣсколько уменьшены. Къ счастію, все шло благополучно до послѣдняго выстрѣла, отъ котораго также разорвало орудіе, но не такъ, какъ было наканунѣ, а только отпала дульная часть, не причинивъ никому никакого вреда.

Государь очень благодарилъ меня за исполненіе порученія и выражалъ большую радость, что я былъ спасенъ, прибавивъ, что нужно хорошенько обревизовать Петрозаводскъ, гдѣ отливались эти орудія, и что зимою онъ поручитъ произвести мнѣ это дѣло.

— Теперь,—сказалъ государь,—я надняхъ буду дѣлать смотръ флоту на Кронштадтскомъ рейдѣ, и ты будешь при мнѣ попрежнему въ должности эскадръ-майора.

Черезъ три дня состоялся этотъ смотръ и, благодаря Бога, кончился благополучно, но нельзя сказать, чтобы флотъ былъ въ томъ боевомъ порядкѣ, въ которомъ слѣдовало ему быть предъ войною.

Государь приказалъ упражняться какъ можно болѣе въ управленіи парусами и въ стрѣльбѣ изъ орудій.

При осмотрѣ государемъ нѣкоторыхъ кораблей произошелъ слѣдующій случай: государь, ѣхавшій на своемъ катерѣ, обыкновенно садился за спинную доску и правилъ самъ рулемъ; рядомъ съ нимъ, по другую сторону руля, долженъ былъ сидѣть эскадръ-майоръ.

Государь вообще правилъ рулемъ очень дурно и имѣлъ въ этомъ невѣрный глазъ и мало смышлености, такъ что, приставая къ кораблямъ, обыкновенно ломалъ катеръ или трапъ. Въ виду этого царскіе катера строили чрезвычайно крѣпко и тяжело; гребцовъ изъ гвардейскаго экипажа выбирали гигантовъ, а сидѣвшіе на переднихъ двухъ банкахъ были положительно богатыри, такъ какъ при причаливаніи катера къ борту они, вооруженные крючьями, были обязаны въ четыре крюка отвратить опасность удара носомъ или остановить его.

Въ день смотра, подъѣзжая къ одному изъ кораблей, государь направилъ катеръ очень дурно, и я машинально двинулъ моею рукою румпель [1]), бывшій въ рукахъ государя. Императоръ молча, гнѣвно посмотрѣлъ на меня, но когда катеръ хорошо присталъ, онъ улыбнувшись кивнулъ мнѣ головой. Этого, конечно, никто не замѣтилъ, но я потомъ уже смѣлѣе содѣйствовалъ государю въ управленіи катеромъ, и случавшихся обыкновенно катастрофъ болѣе не происходило.

Этимъ же лѣтомъ я былъ экстренно потребованъ къ государю вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Герштенцвейгомъ. Явившись къ его величеству, гдѣ мы застали также и великаго князя Константина Николаевича, мы услышали отъ государя слѣдующія слова:

— Сынъ получилъ письмо безъ подписи, въ которомъ сказано, что ежели непріятель пожелаетъ занять Гельсингфорсъ и Свеаборгъ, то можетъ совершить это въ 24 часа, такъ какъ большой островъ, ограждающій восточную сторону рейда, не вооруженъ. Непріятель можетъ легко занять его и, дѣйствуя оттуда, переходить съ одного острова на другой, а когда проливы будутъ въ его рукахъ, то вошедшій флотъ довершитъ дѣло. Поручаю вамъ обоимъ ѣхать туда вмѣстѣ и немедленно подробно осмотрѣть островъ каждому по своей части и, сверхъ того, вмѣстѣ рѣшить, что нужно дѣлать, чтобы усилить вооруженіе Гельсингфорса и Свеаборга, какъ вооружить острова, какъ расположить корабли, чтобы охраняли входы на рейдъ и поддерживали батареи, какъ расположить войска. Все, что вы рѣшите, прикажите моимъ именемъ немедленно привести въ испол-

[1]) Желѣзная рукоятка для управленія рулемъ. А. З.

неніе. Торопитесь, потому что я имѣю вѣрныя свѣдѣнія о движеніи непріятельскаго флота въ Балтійское море.

Въ ту же ночь мы быстро мчались по дорогѣ къ Гельсингфорсу и, не останавливаясь нигдѣ, очень скоро пріѣхали на мѣсто, приказавъ подвезти насъ къ дому генралъ-губернатора. Былъ вечеръ; генерала Рокосовскаго не было дома, и на вопросъ нашъ, гдѣ онъ, отвѣтили, что онъ на пикникѣ въ загородномъ саду.

Тотчасъ же, взявъ провожатымъ одного изъ казаковъ, мы пріѣхали къ мѣсту гулянья.

Еще издали слухъ нашъ былъ пораженъ громкими звуками музыки. Затѣмъ мы, незванные и нежданные, запыленные и едва узнаваемые, оказались въ кругу пирующихъ и очень поразили генерала Рокосовскаго, когда сказали ему о цѣли нашего пріѣзда и передали послѣднія слова государя: «что дѣлаетъ тамъ Рокосовскій и всѣ начальники частей?»

Тутъ же, въ отдѣльной комнатѣ, было рѣшено, что рано утромъ мы отправимся, въ сопровожденіи главныхъ начальниковъ частей, для осмотра всѣхъ существовавшихъ и вновь сооруженныхъ укрѣпленій и батарей; затѣмъ поѣдемъ на острова, указываемые въ письмѣ, и обойдемъ ихъ на пароходѣ, для осмотра мѣстности внутри и внѣ порта. Я пригласилъ сопутствовать намъ начальника эскадры Ф. А. Румянцева и командира Свеаборгскаго порта В. А. Матюшкина.

Въ назначенный часъ, рано утромъ мы отправились исполнять программу осмотра и вездѣ поражались неготовностью и дурнымъ состояніемъ всего вооруженія. Нѣкоторыя, вновь созидаемыя батареи были до того неправильно поставлены, что нельзя было не удивляться, для чего затрачивались громадныя деньги на сооруженіе ихъ; между тѣмъ тамъ, гдѣ дѣйствительно онѣ были нужны, ихъ не было.

Главныя части Густавсверкскихъ укрѣпленій были до того ненадежны, что съ нихъ даже не производилась стрѣльба изъ орудій. Указанные въ письмѣ острова, ограждающіе восточную часть восточнаго рейда, дѣйствительно оказались необитаемыми и до того удобными для занятія и дѣйствія съ нихъ на рейдъ, на городъ и на все укрѣпленіе, что мы съ флигель-адъютантомъ Герштенцвейгомъ, на основаніи даннаго намъ высочайшаго разрѣшенія, тотчасъ же именемъ государя императора приказали приступить къ постройкѣ батарей на указанныхъ нами мѣстахъ, а также къ постройкѣ бараковъ для помѣщенія войскъ, прорубкѣ въ лѣсахъ просѣкъ для проходовъ войскъ и для провоза артиллеріи.

Однимъ словомъ дѣятельность наша закипѣла!

Намѣреніе непріятеля пріійти къ Кронштадту, въ числѣ 12 линейныхъ винтовыхъ кораблей и большого числа фрегатовъ и пароходовъ, было уже очевидно. Ихъ спѣшно готовили въ военныхъ

и частныхъ портахъ Англіи, и часть готовыхъ кораблей этого флота, подъ названіемъ Балтійскаго, уже была оправлена.

Государь, имѣя въ виду многочисленность своего флота, болѣе чѣмъ вдвое превышающаго непріятельскій, а также и то, что двѣ трети его находятся въ Кронштадтѣ, а одна въ Свеаборгѣ, пожелалъ, чтобы 3-я дивизія нашихъ кораблей вышла изъ Свеаборга, а 1-я и 2-я дивизіи изъ Кронштадта, и, поставивъ непріятеля въ два огня, уничтожили бы его. Это было бы вполнѣ возможно, если бы наши корабли были также винтовые, какъ и непріятельскіе и не зависѣли бы отъ вѣтра; но, къ крайнему сожалѣнію, въ то время весь флотъ былъ парусный, и только въ гавани устраивалась машина на пришедшій изъ Архангельска вновь построенный тамъ единственный винтовой фрегатъ «Полканъ».

По окончаніи доклада нашего у государя, относительно Гельсингфорса и Свеаборга, онъ отпустилъ флигель-адъютанта Герштенцвейга, а мнѣ высказалъ свою мысль объ атакѣ непріятельскаго флота и приказалъ къ 10-ти часамъ приготовить яхты, чтобы итти въ Кронштадтъ, гдѣ по этому дѣлу государь назначилъ на кораблѣ «Петръ I» военный совѣтъ.

Все было готово къ опредѣленному часу, и государь, въ сопровожденіи государя наслѣдника, великихъ князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, а также военнаго министра, отправился изъ Петергофа въ Кронштадтъ на новой яхтѣ «Александрія», построенной въ Англіи и только весною приведенной въ Петербургъ [1]). Я сопровождалъ государя, какъ эскадръ-майоръ.

На кораблѣ «Петръ I» военный совѣтъ происходилъ въ адмиральской каютѣ. Туда были приглашены всѣ старшіе адмиралы флота и прибывшія съ государемъ лица, о которыхъ я упомянулъ выше. Его величество высказалъ свое мнѣніе о необходимости нападенія на непріятеля одновременно изъ Кронштадта двумя дивизіями кораблей, а изъ Свеаборга одной, чтобы поставить непріятеля въ два огня и уничтожить его, при чемъ государь весьма настаивалъ на исполненіи его желанія. Адмиралы находили это положительно невозможнымъ въ виду того, что у непріятеля всѣ 12 кораблей и 10 судовъ меньшаго ранга винтовые, а наши корабли парусные и, кромѣ того, наша команда была мало подготовлена къ бою и вообще очень слаба по управленію парусами.

Государь былъ очень разсерженъ такимъ отвѣтомъ.

— Развѣ флотъ для того существовалъ и содержался,—рѣзко сказалъ онъ,—чтобы въ минуту, когда онъ дѣйствительно будетъ нуженъ, мнѣ сказали бы, что флотъ не готовъ для дѣла!

И тутъ же государь приказалъ флоту немедленно отправиться въ море плавать у Красной горки и практиковать команды.

---

[1]) Это та же «Александрія», которая въ настоящее время считается еще отличной рѣчной яхтою государя. Н. А.

Флотъ изъ Кронштадта вышелъ въ море въ тотъ же вечеръ, а на четвертый день вернулся въ Кронштадтъ въ ужасномъ видѣ: не было ни одного корабля, который не имѣлъ бы значительныхъ поврежденій въ рангоутѣ и корпусѣ, а у нѣкоторыхъ судовъ были свернуты головы рулей и топы мачтъ, требующіе ихъ перемѣны; на это въ свою очередь нужно было немало времени. Всѣ поврежденія произошли отъ довольно сильнаго вѣтра, который флотъ встрѣтилъ у Красной горки; однако этотъ вѣтеръ далеко не достигалъ силы шторма.

Въ день возвращенія флота въ Кронштадтъ вечеромъ, посредствомъ сигналовъ флагами, меня извѣстили о прибытіи флота и о поврежденіяхъ кораблей; ночью же въ Кронштадтѣ былъ большой пожаръ, о которомъ рано утромъ я также получилъ извѣстіе отъ моего телеграфа. Я былъ увѣренъ, что государь знаетъ объ обоихъ этихъ событіяхъ. Но какого же было мое удивленіе, когда утромъ государь спросилъ меня:

— Когда пришелъ флотъ въ Кронштадтъ?

Я отвѣтилъ, что вчера вечеромъ.

— Отчего же я узналъ объ этомъ только утромъ? — сердито спросилъ государь.

— Вашему величеству, — отвѣтилъ я,—сообщается непосредственно изъ Кронштадта электрическимъ телеграфомъ прямо въ Александрію, а я получаю извѣстія посредствомъ телеграфа флагами, при чемъ я досталъ изъ кармана двѣ послѣднія телеграммы о приходѣ флота и о бывшемъ пожарѣ.

Государь, увидѣвъ послѣднюю, спросилъ:

— Какъ, развѣ тамъ былъ пожаръ? Сейчасъ же возьми пароходъ и отправляйся въ Кронштадтъ, узнай о причинѣ возвращенія флота, почему поздно извѣстили меня, и отчего до сихъ поръ не увѣдомили о бывшемъ пожарѣ.

Прибывъ въ Кронштадтъ, я поѣхалъ тотчасъ же на корабль «Петръ I» къ командовавшему флотомъ и узналъ отъ адмирала Рикорда о тяжеломъ положеніи, въ которомъ находился флотъ, и въ какомъ состояніи онъ находится теперь; отъ главнаго же командира въ Кронштадтѣ, адмирала Литке, я узналъ, что телеграммы, какъ о прибытіи флота, такъ и о пожарѣ, были своевременно переданы государю въ Александрію.

По возвращеніи моемъ въ Петергофъ, я тотчасъ же буквально доложилъ государю все, сказанное мнѣ адмиралами Рикордомъ и Литке.

— Такъ вотъ какіе они мореходы! — сказалъ государь, обращаясь къ великому князю генералъ-адмиралу.

— Дай имъ три дня на поправку, и затѣмъ я самъ буду ѣздить каждый день въ Кронштадтъ учить ихъ.

Затѣмъ государь приказалъ мнѣ отыскать причину замедленія въ передачѣ телеграммы и доложить ему.

Недолго пришлось мнѣ отыскивать виновнаго. Начальникъ телеграфной станціи въ Петергофѣ, подполковникъ путей сообщенія сказалъ мнѣ, что опасался безпокоить государя ночью и отложилъ доставленіе телеграммы до утра, но такъ какъ его величество вышелъ сегодня изъ Александріи ранѣе обыкновеннаго, то телеграмма запоздала и была послана въ Петергофъ, куда прибыла послѣ моего доклада.

Передавъ все это государю, я получилъ отвѣтъ:

— Поѣзжай, арестуй его и отвези на гауптвахту, а саблю доставь сюда и скажи ему, что я не предоставлялъ ему права заботиться о моемъ покоѣ; онъ долженъ былъ исполнять только свое дѣло.

Пріѣздъ мой на телеграфъ, арестованіе подполковника и предложеніе ему ѣхать на гауптвахту произвели такую ужасную сцену въ его семействѣ, состоявшемъ изъ жены и 7-ми дѣтей, что рыданія всѣхъ ихъ заставили меня обѣщать имъ, что я лично буду просить государя о помилованіи, при чемъ я увѣрилъ ихъ, что черезъ часъ или два ихъ мужъ и отецъ возвратится къ нимъ.

Дѣйствительно, я былъ очень огорченъ, видя такія слезы и рыданія, а потому, когда внесъ шпагу арестованнаго въ кабинетъ государя и отвѣтилъ на вопросъ его, что исполнилъ, я прибавилъ, что былъ свидѣтелемъ ужасной сцены, и просилъ государя о помилованіи. На это его величество сказалъ мнѣ:

— Не твое дѣло, и я совѣтую тебѣ не брать на себя ходатайства по такимъ дѣламъ.

Конечно, я былъ очень сконфуженъ этимъ, но не прошло и получаса времени послѣ того, какъ я пришелъ въ свой номеръ, во флигелѣ дворца, какъ прискакалъ за мною фельдъегерь и передалъ мнѣ приказаніе пожаловать сейчасъ же во дворецъ къ его величеству.

Я немедленно явился къ государю.

— Возврати шпагу подполковнику N. N.,—сказалъ онъ мнѣ:—освободи его изъ-подъ ареста и скажи, что я дѣлаю это единственно по твоей просьбѣ.

Я глубоко поблагодарилъ государя и съ радостью исполнилъ это порученіе.

Нужно было видѣть выраженіе благодарности его и всей семьи, въ тотъ же день пріѣхавшихъ ко мнѣ и высказавшихъ это со слезами на глазахъ, но подполковникъ при этомъ все-таки съ грустью сказалъ:

— Хотя государь и помиловалъ меня, но графъ Клейнмихель (бывшій министръ путей сообщенія) не проститъ, и я навѣрно пострадаю.

На другой день при утреннемъ представленіи государю его величество ласково спросилъ меня:

— А что подполковникъ?

Я сказалъ, что онъ и семейство глубоко благодарны вашему величеству, но онъ очень побаивается теперь графа Клейнмихеля, говоря, что если онъ узнаетъ, то ему не миновать бѣды.

Государь, засмѣявшись, сказалъ:

— Передай ему, что я не скажу Клейнмихелю; ты также ничего не говори.

Этимъ и кончилась вся непріятная исторія.

Наступилъ и день назначеннаго флоту ученья. Въ опредѣленную минуту государь прибылъ на яхту и имѣлъ весьма недовольный и сердитый видъ; судя по этому, я не ожидалъ уже ничего хорошаго. Такъ это и случилось.

Остановившись у крайняго адмиральскаго корабля, государь переѣхалъ на него и тотчасъ же обратился ко мнѣ съ приказаніемъ сдѣлать сигналъ: «поставить всѣ паруса». Къ исполненію сигнала немедленно приступили на всѣхъ корабляхъ и даже на томъ, гдѣ былъ государь, и на которомъ ванты, только что привезенныя, не были еще вытянуты.

Я предложилъ адмиралу доложить объ этомъ его величеству, но ни онъ, ни главный начальникъ флота не имѣли смѣлости это сдѣлать, а потому я во избѣжаніе опасности поспѣшилъ сказать государю, чтобы онъ позволилъ этому кораблю не ставить парусовъ, и указалъ на причину. Его величество, спросивъ меня, дѣйствительно ли это такъ, и получивъ мой утвердительный отвѣтъ, разрѣшилъ это. Такъ велика уже сдѣлалась его недовѣрчивость!

Крайне медленныя работы по управленію парусами и хаосъ на всѣхъ корабляхъ, сопровождаемый необыкновеннымъ шумомъ, былъ поразительный. Черезъ нѣсколько времени, когда еще продожались парусныя ученія, государь сѣлъ на катеръ и поѣхалъ вдоль линіи. Поравнявшись съ кораблемъ «Императрица Александра», бывшимъ подъ командою капитана 1 ранга Опочинина, и слыша ужаснѣйшій крикъ и безпорядокъ, происходившій на этомъ кораблѣ при постановкѣ парусовъ, государь съ катера громко закричалъ: «смирно». Но за общимъ шумомъ этого, конечно, никто не могъ слышать. Повторивъ окликъ еще нѣсколько разъ и все болѣе и болѣе сердясь, государь дошелъ до такого состоянія, что подбородокъ его двигался съ пѣною у рта, и онъ еще громче закричалъ:

— Капитанъ на салингъ!

Эта мѣра наказанія была ужасная. Всѣ находившіеся на катерѣ были изумлены и подавлены тяжелымъ чувствомъ, но что оставалось дѣлать? Въ то время лейтенанты были избавлены отъ такого наказанія, а для командира оно равнялось чуть ли не смертной казни.

Я никогда не видалъ въ такомъ ужасномъ раздраженіи не

только государя, но и ни одного человѣка въ мірѣ. Сидя рядомъ съ нимъ на кормѣ катера у руля, я могъ слѣдить также, какъ тяжело отзывалось и на самомъ государѣ такое раздраженіе; онъ долго не могъ говорить.

Затѣмъ мы пристали къ фрегату «Полканъ». Государь молча обошелъ его по всѣмъ палубамъ и, сѣвъ опять въ катеръ, поѣхалъ далѣе.

— Когда ты былъ въ Англіи,—обратился ко мнѣ государь,—на пробѣ ихъ перваго винтового корабля?

Я отвѣтилъ, что въ 1848 году, т. е. шесть лѣтъ назадъ. Государь, минуту спустя, сказалъ:

— Не вѣрю я въ эти винты; ихъ навѣрное скоро бросятъ.

Сильно, однако же, ошибался въ этомъ государь. Если бы послѣ моихъ и В. А. Корнилова первыхъ донесеній о переустройствѣ въ Англіи и Франціи парусныхъ кораблей было рѣшено немедленно дѣлать это у насъ въ Балтійскомъ и Черноморскомъ флотахъ, и если бы въ это время были приняты въ русской арміи дальнобойныя и скорострѣльныя ружья, которыя изобрѣтателями предлагались Россіи предпочтительно передъ всѣми другими націями, то, конечно, Россія была бы не въ такомъ положеніи, какъ оказалась въ Крымскую войну 1853—1856 годовъ.

Во все время обратнаго плаванія изъ Кронштадта въ Петергофъ, государь былъ въ рубкѣ и не выходилъ, такъ что великій князь Константинъ Николаевичъ долженъ былъ ѣхать въ Александрію для испрошенія у государя разрѣшенія спустить съ салинга командира корабля К. Р. Опочинина и уже оттуда прислалъ съ адъютантомъ свои приказанія. Тотъ же адъютантъ, К. Л. Юшковъ, передалъ приказаніе на корабль «Императрица Александра» лично К. Р. Опочинину, который въ тотъ же день сказался больнымъ и, сдавъ корабль старшему по себѣ, подалъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ отставку. Такимъ образомъ флотъ потерялъ одного изъ достойнѣйшихъ командировъ.

На другой день государь также посѣтилъ Кронштадтъ и флотъ, а потомъ поѣздки эти производились не такъ часто.

Между тѣмъ на флотѣ продолжались ежедневныя ученья, стрѣльбы и приготовленія для несомнѣнно уже наступавшей войны. Выяснилась тутъ и необходимость въ скорой постройкѣ 40 канонерскихъ лодокъ, что было роздано по всѣмъ заводамъ, находившимся въ окрестностяхъ Петербурга.

На мою долю также досталось по назначенію генералъ-адмирала присматривать за постройкой и изготовленіемъ десяти лодокъ.

Между тѣмъ учебныя канонерскія лодки были уже изготовлены и посланы шхерами въ Роченсальмъ, Гельсингфорсъ и Або, а съ ними были посланы и всѣ небольшіе пароходы для буксированія лодокъ. Начальникомъ отряда канонерской флотиліи былъ назначенъ

адмиралъ Епанчинъ, который имѣлъ свое пребываніе въ Гельсингфорсѣ на пароходѣ «Ильмень».

Черезъ нѣсколько дней послѣ знаменательной поѣздки въ Кронштадтъ, государь, позвавъ меня, поручилъ ѣхать немедленно прежде въ Роченсальмъ, гдѣ осмотрѣть отряды канонерскихъ лодокъ и построенныя тамъ новыя батареи, затѣмъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ также осмотрѣть лодки и сдѣлать имъ маневры и приспособленія на случай атаки непріятелемъ Свеаборгскаго порта. На Свеаборгской эскадрѣ сдѣлать всѣ подготовленія на случай, если потребуется выходъ ея въ море; на Густавсверкскихъ укрѣпленіяхъ произвести пробную стрѣльбу и затѣмъ указать передѣлку пушечныхъ станковъ для стрѣльбы на дальнія разстоянія. Послѣ всего этого мнѣ приказано было ѣхать въ Або, съ цѣлью осмотрѣть тамъ также канонерскую флотилію и разставить ее для защиты Або, въ случаѣ нападенія на него непріятеля. По исполненіи всѣхъ порученій государь приказалъ спѣшить возвращеніемъ для доклада о результатѣ.

Въ Роченсальмѣ уже ждали меня, и потому, по осмотрѣ мною батареи и находившагося тамъ полка, былъ отслуженъ молебенъ и произведенъ салютъ. Осмотрѣвъ всѣ канонерскія лодки, я пробовалъ дѣлать съ ними маневры, но лодки на греблѣ были очень тажелы, и при легкомъ вѣтрѣ маневрированіе съ ними было положительно невозможно. Указавъ мѣсто по диспозиціи для защиты лодками разныхъ проходовъ къ Роченсальму и разрѣшивъ сдѣланные мнѣ мѣстными властями вопросы, я поѣхалъ далѣе.

Въ Гельсингфорсѣ я также буквально исполнилъ все порученное мнѣ, но относительно гребныхъ канонерскихъ лодокъ остался совершенно того же мнѣнія, которое высказалъ выше.

Относительно стрѣльбы съ Густавсверкскихъ укрѣпленій комендантъ, генералъ Сорокинъ, никакъ не хотѣлъ дозволить производить ее, говоря, что стѣны обрушатся при первомъ же выстрѣлѣ.

— Тѣмъ лучше,—отвѣчалъ я на это,—если онѣ обрушатся теперь, чѣмъ послѣ, когда онѣ нужны будутъ противъ непріятеля.

Но комендантъ упорствовалъ, пока я не объявилъ ему, что это есть высочайшая воля, и я долженъ ее исполнить.

Въ назначенный часъ началась стрѣльба, и, дѣйствительно, стѣна рушилась на значительное пространство, но не послѣ перваго, а послѣ седьмого выстрѣла. И вотъ на эти-то гранитныя твердыни мы разсчитывали такъ самоувѣренно.

Я былъ очень радъ разрушенію стѣны, такъ какъ въ Петербургѣ, когда я говорилъ объ этомъ главному начальнику, то мнѣ, повидимому, не вѣрили, и даже государь сомнѣвался. Теперь же фактъ совершился; необходимо было вновь возводить стѣны. Я приказалъ доставить съ корабля «Россія» на разрушенное укрѣпленіе запасные паруса, которыми прикрыли развалины, и до 1.000 чело-

вѣкъ приступили къ работѣ, которая ко времени подхода къ Свеаборгу непріятельскаго флота была близка къ окончанію.

Станки для орудій быстро передѣлывали, и ко дню бомбардированія непріятелемъ Свеаборга всего было готово 11-ть станковъ, которыми и пользовались для удержанія непріятельскихъ кораблей въ болѣе должномъ разстояніи отъ крѣпости. Однако выстрѣлы и бомбы съ англійскаго флота все-таки долетали въ крѣпость и произвели тамъ пожаръ и взрывъ порохового погреба.

Возвращеніе мое въ Петербургъ уже ожидалось. Государь два раза спрашивалъ великаго князя Константина Николаевича, когда я возвращусь, а потому, когда я представился государю, его величество выслушалъ меня, поблагодарилъ за отличное исполненіе и поцѣловавъ сказалъ:

— Не медля, тебѣ нужно ѣхать туда опять. Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, что непріятель желаетъ взять у насъ Бомарзундъ и, хотя крѣпость тамъ превосходная, сильная и снабжена хорошо [1]), но гарнизонъ малъ и можетъ быть поставленъ въ тяжелое положеніе. Ему нужно помочь, нужно не допустить непріятельскій флотъ войти въ бухту, а потому поручаю тебѣ взять изъ Гельсингфорса 20 канонерскихъ лодокъ и сколько нужно пароходовъ, чтобы перевести ихъ въ Або. Возьми также 20 лодокъ, которыя находятся въ Або, и иди немедленно, въ составѣ 40 лодокъ, къ Бомарзунду, заградить путь непріятелю и не впускай его туда. Я увѣренъ, что это дѣло ты исполнишь какъ слѣдуетъ, ибо потеря Бомарзунда будетъ большимъ несчастьемъ для насъ; но я не допущу этого. Разрѣшаю тебѣ дѣйствовать, какъ признаешь за лучшее и гдѣ можно моимъ именемъ. Знаю, что это порученіе очень трудное, но Господь поможетъ тебѣ.

При этомъ государь благословилъ меня знаменіемъ креста и прибавилъ:

— Скажи объ этомъ генералъ-адмиралу и военному министру и все, что тебѣ нужно, спроси у нихъ.

Какъ великій князь генералъ-адмиралъ, такъ и военный министръ князь Долгорукій были очень озадачены даваемымъ мнѣ порученіемъ и не предвидѣли успѣха, такъ какъ загражденіе лодками далеко не могло считаться надежнымъ. Непріятельскіе корабли, имѣя винтовой двигатель, смѣло пошли бы на лодки и очень легко передавили бы насъ. На каждой же гребной канонерской лодкѣ было по 60, 80 человѣкъ ратниковъ, изъ которыхъ иные первый разъ видѣли море, многіе въ первый брали весло въ руки.

Команды нашихъ канонерскихъ лодокъ, изъ только что набранныхъ ратниковъ, къ тому же еще очень мало были знакомы съ

---

[1]) Бомарзундская крѣпость была построена по проекту самого государя Николая Павловича, совершенно по особой формѣ. Н. А.

дѣйствіемъ артиллеріи и съ греблею, а командиры, вообще молодые офицеры, не имѣли еще времени напрактиковаться въ управленіи лодками, да и вообще никакой практической пользы отъ лодокъ ожидать было нельзя. Лодки были до нѣкоторой степени полезны въ прежнія войны Петровскихъ временъ, когда корабли были парусные, зависѣвшіе совершенно отъ вѣтра и вообще плохіе ходоки. Тогда во время безвѣтрія и штиля, дѣйствительно, канонерки на греблѣ подходили къ кораблямъ и могли атаковать, даже абордировать ихъ, такъ какъ отъ нихъ зависѣло, при такихъ обстоятельствахъ, избрать лучшія позиціи и дистанціи; теперь же при паровыхъ судахъ и винтовыхъ корабляхъ такія лодки не имѣли смысла, и я рѣшилъ совершенно откровенно высказать это государю при первомъ свиданіи.

Порученіе, возложенное на меня государемъ, не пришлось привести въ исполненіе. Непріятельскій флотъ, расположившись у Бомарзунда, началъ бомбардированіе до нашего прибытія. Пришлось вернуться въ Або, гдѣ я оставилъ оба отряда, распорядился производствомъ ежедневнымъ ученій и отправился въ Петербургъ.

Явившись къ государю, я подробно донесъ обо всемъ, не скрылъ и того обстоятельства, что если бы было можно, то я буквально исполнилъ бы приказаніе его величества и увѣренъ, что какъ я, такъ и всѣ, до послѣдняго ратника, мы исполнили бы свой долгъ, не щадя себя, но что, вѣроятно, погибли бы всѣ, принеся мало пользы дѣлу. При этомъ я объяснилъ безполезность канонерскихъ лодокъ и предложилъ снять съ находящихся въ Або лодокъ всѣ орудія, вооружить ими острова, на которыхъ устроить батареи, и доказалъ, что вообще такой способъ обороны будетъ благонадежнѣе.

Государь разспрашивалъ меня еще о многомъ, и я, съ полною откровенностью и безъ всякой боязни, объяснилъ все, какъ понималъ; за это государь, поцѣловавъ меня, сказалъ:

— Будь всегда такимъ. Я люблю тѣхъ, кто говоритъ мнѣ правду и служитъ честно.

Государь поблагодарилъ меня также за все мною исполненное, утвердилъ мои предположенія и сказалъ, что желаетъ завтра сдѣлать смотръ Кронштадтской канонерской флотиліи. Смотрѣть на всѣ маневры его величество будетъ съ Петергофской пристани и приказалъ мнѣ сообщить объ этомъ кому слѣдуетъ. Мнѣ же находиться во время смотра при его величествѣ. Государь сказалъ, что онъ самъ увидитъ и оцѣнитъ пользу и безполезность гребной флотиліи.

Великій князь Константинъ Николаевичъ былъ очень доволенъ моимъ возвращеніемъ и совершенно раздѣлялъ мое мнѣніе о гребныхъ канонерскихъ лодкахъ.

Наступилъ и часъ смотра канонерской гребной флотиліи. Главный виновникъ ея созданія и составитель маневровъ и сигналовъ, какъ равно сильно отстаивавшій пользу ея и крайне недовольный

на меня за непризнаніе ея такою, былъ генералъ-адъютантъ N. Онъ находился тутъ же на пристани, окруженный горнистами и барабанщиками, и давно уже равнялъ флотилію, состоявшую изъ 40 лодокъ, сигналами. Флотилія эта, по случаю бывшаго тогда хотя и не сильнаго вѣтра, не могла двигаться, и потому сигналы, даваемые барабаннымъ боемъ и трубами, не приводились въ исполненіе. Хаосъ былъ страшный!

Въ это время пріѣхалъ государь. Вновь начались сигналы, суета, но толку не было. Все еще болѣе смѣшалось. Государь сердился, кричалъ, былъ крайне недоволенъ виновникомъ гребныхъ канонерокъ и сказалъ ему:

— Какъ же ты говорилъ мнѣ, что все отлично? Я вижу теперь самъ, какая это чушь.

Въ заключеніе государь рѣзко выругался и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись.

Результатомъ смотра была полная отмѣна такихъ маневровъ канонерскихъ лодокъ, какъ правое или лѣвое плечо впередъ, раздѣленіе лодокъ на взводы, полувзводы, дивизіоны.

Не видя всего этого безобразія, не возможно и повѣрить, чтобы на 40 лодокъ смотрѣли, какъ на баталіонъ, и дѣлали съ ними на водѣ, гребя, всѣ маневры, какъ на баталіонномъ ученіи, при сигналахъ на рожкахъ, цѣликомъ взятыхъ изъ того же ученія.

Отмѣною такихъ маневровъ всѣ были очень довольны. Они по приказанію великаго князя генералъ-адмирала были замѣнены простыми, несложными движеніями, приспособленными только для настоящаго военнаго дѣла.

Затѣмъ я получилъ приказаніе ѣхать вмѣстѣ съ генераломъ Баранцевымъ, для разрушенія Гангудскихъ батарей и другихъ слабо укрѣпленныхъ мѣстностей и снятія съ нихъ всѣхъ орудій, которыя приказано было, если будетъ возможно, перевезти въ Або или бросить въ море на опредѣленныхъ заранѣе секретныхъ мѣстахъ. Въ Або разрушить канонерскія лодки, а орудія поставить на батареи по островамъ, какъ было мною предположено, и вообще употребить всѣ усилія къ скорѣйшему и вполнѣ надежному вооруженію Свеаборга и Або, оставивъ всѣ остальные пункты невооруженными.

Государь также пожелалъ, чтобы я испыталъ пароходы и нѣкоторые корабли выходомъ изъ Свеаборга, плаваніемъ около берега и стрѣльбою.

Подъѣзжая къ Гельсингфорсу, я увидѣлъ 9-ть непріятельскихъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ посреди залива, противъ Свеаборга, а по направленію къ Ревелю рядъ пароходовъ, стоявшихъ на якоряхъ въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы видѣть производимые сигналы.

Все, порученное мнѣ, удалось исполнить очень хорошо. Испра-

вленіе Густавсвернскихъ укрѣпленій уже кончалось, такъ что сняли и паруса, прикрывавшіе рабочихъ и развалины. Разставили корабли на боевыя позиціи. На пароходахъ я выходилъ ежедневно въ море и производилъ стрѣльбу въ виду непріятельскаго флота. Мнѣ даже хотѣлось ночью на одномъ изъ своихъ пароходовъ «Смѣломъ» выйти къ стоявшимъ противъ Свеаборга кораблямъ и потаранить одного или двухъ. Секретно были сдѣланы мною всѣ распоряженія, и взята для абордажа рота пѣхотнаго полка; пароходъ былъ даже готовъ, но лоцманъ, вѣроятно, умышленно куда-то скрылся. Между тѣмъ время было упущено, и дѣло не состоялось.

Нужно сказать, что во время войны наши лоцмана финляндцы вели себя очень двусмысленно; были основанія предполагать даже, что они сообщали непріятелю все, что у насъ дѣлалось въ Финляндіи. Не могу умолчать также о томъ, что финляндскіе землевладѣльцы весьма недружелюбно относились къ намъ, морякамъ и войскамъ; почти всегда отказывали въ продажѣ какой либо необходимой провизіи и при удобномъ случаѣ снабжали ею непріятеля, съ которымъ, повидимому, были въ близкихъ сношеніяхъ.

Въ другой разъ повторить предполагаемый выходъ для тараненія непріятельскихъ судовъ было уже опасно; однако намѣреніе одного изъ непріятельскихъ кораблей подойти къ Свеаборгу заставило меня тотчасъ же выйти съ тремя пароходами, взявши съ собою на буксиръ 84-хъ-пушечный корабль «Изекіиль». Мой выходъ остановилъ англичанъ, которые, видя вообще нашу постоянную готовность къ выходу изъ бухты, уже не пытались производить какихъ либо демонстрацій и ушли къ Ревелю, оставивъ лишь среди залива свои сторожевые пароходы.

Въ это время укрѣпленія Свеаборга были уже въ хорошемъ состояніи, какъ равно и вновь созданныя батареи. Я подробно осмотрѣлъ все, произвелъ нѣсколько опытовъ стрѣльбы въ цѣль и, закончивъ по Свеаборгу возложенное на меня государемъ порученіе, поѣхалъ съ генераломъ Баранцевымъ въ Гангудъ. Здѣсь застали мы того храбраго стараго коменданта, который отличился, отбивъ два фрегата и получивъ за это черезъ чинъ генеральскіе эполеты. Онъ встрѣтилъ насъ чрезвычайно радушно и весело, но когда узналъ, что приказано разрушить Гангудскія укрѣпленія, заплакалъ и долго не могъ прійти въ себя. Затѣмъ онъ началъ рекомендовать намъ свои орудія, говоря, что эта пушка славная, изъ нея можно стрѣлять только ядрами, а картечью нельзя, а изъ этой не пробуйте стрѣлять ядрами, а картечью бьетъ отлично; эта пушка кривая направо, эта косая налѣво, а эта никуда не годится. Однимъ словомъ комендантъ выказалъ очень мало знанія въ артиллеріи, «а бросить въ воду своихъ друзей,—какъ онъ называлъ свои пушки,—я ужъ никому не позволю».

Наступила осень, пошли туманы и вообще крайне неблагопрі-

ятная погода для плаванія по Балтійскому морю. Непріятельскій флотъ то частями, то вмѣстѣ появлялся у разныхъ нашихъ портовъ, кое-гдѣ производилъ по нѣсколько выстрѣловъ, взялъ нѣсколько каботажныхъ судовъ и тѣмъ закончилъ свой знаменитый походъ, начавшійся столь громкимъ заявленіемъ адмирала Непира.

Вообще назначеніе въ Балтійское море значительной эскадры было демонстраціей со стороны союзниковъ, имѣвшей цѣлью задержать близъ побережья гвардію и гренадерскій корпусъ. Въ сущности же Балтійская эскадра состояла изъ худшихъ кораблей и имѣла на нихъ не полный составъ командъ, но винтовой двигатель дѣлалъ и такую эскадру опаснымъ соперникомъ для нашего флота, которому положительно не представлялось возможнымъ выйти и вступить съ врагомъ въ открытый бой.

Извѣстіе о пораженіи и отступленіи нашихъ войскъ отъ Евпаторіи, при движеніи непріятельскаго отряда къ Севастополю черезъ Инкерманъ, привезъ государю адъютантъ князя Меншикова, ротмистръ Грейгъ (впослѣдствія министръ финансовъ). Государь былъ очень недоволенъ, что онъ упомянулъ о бѣгствѣ нашихъ войскъ, и не хотѣлъ вѣрить этому. Грейгъ пояснилъ, что англо-французскій десантный корпусъ вооруженъ такими ружьями, которыя бьютъ далѣе, чѣмъ съ разстоянія нашего пушечнаго выстрѣла, уничтожая цѣлые ряды нашихъ войскъ, между тѣмъ какъ наши пули, ядра и картечи далеко не достигаютъ до ихъ рядовъ, и непріятель смѣло, быстро и безъ всякихъ потерь идетъ впередъ.

По возвращеніи моемъ изъ Финляндіи я явился къ государю, какъ это было тогда принято за правило, не переодѣваясь, а прямо съ перекладной. Государь, выслушавъ мое донесеніе, со слезами на глазахъ сказалъ мнѣ:

— Нѣтъ ужъ болѣе нашего славнаго Черноморскаго флота! Онъ потопленъ для загражденія непріятелю входа въ Севастопольскую бухту. Мои славные храбрые черноморскіе моряки хотѣли выйти въ море, чтобы сразиться съ непріятелемъ, абордировать его и вмѣстѣ погибнуть, но я не позволилъ [1],—потеря была бы ужасная и принесла бы только вредъ оборонѣ Севастополя. Теперь морскія команды на батареяхъ, и я покоенъ. Богъ поможетъ намъ благополучно окончить войну, соорудимъ тогда новый флотъ.

Хотя государь старался произносить эти слова съ твердостью, но было видно, какъ была ему тяжела потеря такого славнаго флота.

О первой сильной бомбардировкѣ Севастополя я узналъ на одной изъ станцій, подъѣзжая къ Петербургу, но очень глухо и неопредѣленно.

---

[1]) Новая варіація на тему о потопленіи Черноморскаго флота, требующая провѣрки въ архивахъ. А. З.

На разсвѣтѣ я подъѣхалъ къ Зимнему дворцу и, войдя на верхъ въ камердинерскую, просилъ доложить обо мнѣ государю, когда его величество проснется, а пока позволить мнѣ уснуть тутъ же на диванѣ. Камердинеръ на это сказалъ мнѣ, что государь не ложился еще спать, что изъ Севастополя дурныя вѣсти, и что онъ сейчасъ же доложитъ обо мнѣ его величеству.

Тотчасъ же, по докладѣ камердинеромъ, я былъ позванъ въ кабинетъ и увидѣлъ государя въ страшномъ видѣ. Онъ былъ блѣденъ, исхудавшій, глаза были красны и заплаканы. Поздоровавшись со мною, государь спросилъ меня:

— Ты ничего не знаешь, что происходило въ Севастополѣ?

Я отвѣтилъ отрицательно.

— Нѣтъ Корнилова, нѣтъ Нахимова [1]). Тысячи легли при ужасной бомбардировкѣ Севастополя.

При этомъ у государя текли изъ глазъ крупныя слезы, и онъ говорилъ дрожащимъ отъ скорби голосомъ.

— Моряки черноморцы выказываютъ себя истинными героями,— продолжалъ онъ.—Я зналъ ихъ и всегда очень цѣнилъ, но то, что они дѣлаютъ теперь, превосходитъ всякое вѣроятіе. Я всю ночь думаю, что бы сдѣлать для нихъ, и теряюсь. Я нѣсколько часовъ назадъ послалъ въ Севастополь флигель-адъютанта князя Голицына съ образомъ благословить ихъ отъ моего имени, горячо благодарить ихъ и объявить мое повелѣніе считать имъ всѣмъ мѣсяцъ службы за годъ; не знаю, что еще могу сдѣлать для нихъ.

— Ваше величество,—сказалъ я на это;—помогите семействамъ убитыхъ, обезпечьте ихъ; тогда оставшіеся въ живыхъ еще спокойнѣе будутъ драться съ врагомъ и умирать, не щадя себя.

— Спасибо тебѣ,—сказалъ государь:—я сдѣлаю это непремѣнно.

Посадивъ меня на диванъ и сѣвъ самъ на стулъ, государь продолжалъ высказывать тяготившія его чувства скорби о потерѣ при бомбардированіи и ежедневныхъ несчастьяхъ, происходящихъ въ Севастополѣ. Крайне сожалѣлъ Корнилова, Нахимова, назвалъ еще нѣсколько фамилій, которыя я, къ сожалѣнію, забылъ.

Я видѣлъ передъ собою не государя, а человѣка въ высшей степени этого слова по сердцу и добрымъ чувствамъ. Жаль, что не многимъ удалось видѣть его въ такія трудныя минуты, и еще болѣе жаль, что общее о немъ мнѣніе противорѣчитъ моему заключенію и истинѣ.

Глядя на государя, я также не могъ удержать своихъ слезъ.

Его величество говорилъ мнѣ о новыхъ тогда употреблявшихся англичанами и французами орудіяхъ и прибавилъ, какъ хорошо было бы намъ отбить хоть одно такое орудіе, чтобы воспользоваться имъ, какъ моделью.

---

[1]) Нахимовъ былъ легко контуженъ во время бамбардировки. А. З.

— Позвольте мнѣ,ваше величество,—сказалъ я на это:—ѣхать туда и исполнить ваше желаніе.

— Довольно тамъ и безъ тебя тяжелыхъ жертвъ; ты мнѣ нуженъ здѣсь. Я уже объ этомъ говорилъ тебѣ и совѣтую больше не повторять своей просьбы. Впрочемъ спасибо тебѣ, мой любезный Аркасъ, за твою готовность жертвовать собою въ такое тяжелое время; я никогда не забуду этого!

При этомъ государь поцѣловалъ меня и началъ спрашивать объ исполненіи порученнаго мнѣ дѣла.

Выслушавъ внимательно мой докладъ и сдѣлавъ затѣмъ еще нѣсколько вопросовъ, императоръ поручилъ мнѣ сообщить о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ его высочеству генералъ-адмиралу и военному министру, поблагодарилъ и отпустилъ, прибавивъ:

— Поѣзжай домой и отдохни послѣ перенесенныхъ трудовъ и тяжелой дороги, а я не имѣю ни сна ни покою.

По прошествіи двухъ недѣль, я получилъ письмо отъ моего брата Захара Андреевича, въ которомъ онъ подробно описывалъ всю бомбардировку, а также сообщалъ, что, предвидя ее, онъ успѣлъ всю севастопольскую библіотеку, въ которой онъ былъ директоромъ-казначеемъ, отправить на сѣверную сторону и оттуда въ Николаевъ. Его же и мою библіотеку и имущество наше, находившееся въ моемъ и его домѣ, перевезти до бомбардировки не удалось, и все погибло и сгорѣло, такъ какъ дома наши были разрушены выстрѣлами и сожжены отъ попавшихъ бомбъ.

Такимъ образомъ погибла отличная библіотека моего отца, брата и моя, какъ равно и много веденныхъ записокъ, рукописей и важныхъ документовъ. Всѣмъ этимъ братъ мой Захаръ Андреевичъ пренебрегъ, ради интересовъ Севастопольской морской библіотеки, члены которой, морскіе офицеры, не воздали ему даже простой благодарности; между тѣмъ, по всей справедливости, слѣдовало бы возвести его въ званіе почетнаго директора или поставить его портретъ въ библіотекѣ.

Въ томъ же письмѣ братъ мнѣ сообщилъ, что первая брошенная бомба попала въ зданіе новой библіотеки, въ серединѣ которой разорвалась и причинила громадный вредъ всему зданію.

Доложивъ объ этомъ генералъ-адмиралу и показавъ ему приведенную часть письма, я просилъ великаго князя довести объ уничтоженіи библіотеки до свѣдѣнія государя императора, который въ первое же воскресенье, по окончаніи литургіи въ малой церкви дворца, увидѣвъ меня, подошелъ и сказалъ:

— Костя передалъ мнѣ о сообщенномъ тебѣ твоимъ братомъ несчастіи съ библіотекою. Скажи ему, что я жертвую 25.000 на поддержку и возстановленіе ея впослѣдствіи.

Я тутъ же выразилъ государю горячую признательность отъ лица всѣхъ черноморскихъ моряковъ за такую великую милость.

Наступилъ и новый 1855 годъ; прошелъ крещенскій парадъ, во время котораго государь Николай Павловичъ захватилъ порядочную простуду.

Черезъ недѣлю послѣ этого государь призвалъ меня и далъ порученіе ѣхать въ Петрозаводскъ, подробно осмотрѣть всѣ пушечные заводы, всѣ руды, употребляемыя въ составъ металла для литья орудій; сравнить съ простыми составами; добраться до вѣрнаго опредѣленія находящейся въ нѣдрахъ земли руды, достаточно ли ея, а также и всего необходимаго для усиленнаго и продолжительнаго литья орудій; до какой наибольшей величины и вѣса могутъ быть отливаемы орудія на этихъ заводахъ; не нужно ли перенести заводы на другія болѣе удобныя и близкія къ рудамъ мѣста.

— Потребуй,—прибавилъ государь,—чтобы начальство и техники завода совершенно откровенно высказали тебѣ свою нужду и предположенія; можетъ быть, они боятся доносить оффиціально, что у нихъ нѣтъ хорошихъ рудъ и хорошаго устройства. Я желаю, скажи имъ, чтобы они ничего не скрывали для пользы дѣла въ будущемъ. Сдѣлай усиленныя пробы надъ готовыми орудіями. Нахожу полезнымъ послать туда полковника сухопутной артиллеріи Баумгартена; онъ считается отличнымъ теоретикомъ, и для рѣшенія нѣкоторыхъ порученій, возлагаемыхъ на тебя теперь, онъ будетъ очень полезенъ. Я увѣренъ, что это дѣло ты направишь на путь. Да хранитъ тебя Господь!

При этомъ государь сдѣлалъ надо мною знаменіе креста, поцѣловалъ въ лобъ и прибавилъ:

— Мнѣ очень нездоровится.

Послѣднее слово государя было «прощай», и, дѣйствительно, оно было послѣднее, такъ какъ я уже не видалъ его болѣе живымъ, но за три дня до похоронъ я успѣлъ возвратиться въ Петербургъ и отдать ему послѣдній долгъ моей глубокой преданности и любви.

Искренно и вполнѣ сердечно я любилъ и чтилъ его; чувства моей благодарности къ нему останутся во мнѣ неизмѣнны до послѣдней минуты моей жизни. Видѣлъ постоянно и его доброе расположеніе ко мнѣ и довѣріе; очень цѣню и то, что никогда, сколько времени я ни находился при его величествѣ, я не получилъ ни одного замѣчанія и не замѣтилъ ни одного ко мнѣ неудовольствія государя. Безъ всякаго страха я подходилъ къ государю, совершенно спокойно говорилъ съ его величествомъ, между тѣмъ какъ другіе, даже высоко стоявшіе, положительно боялись его и терялись въ отвѣтахъ. Онъ замѣчалъ это и былъ крайне сухъ и рѣзокъ съ такими лицами. Благодарности, постоянно выражаемыя мнѣ государемъ, и умѣніе его похвалить и высказать предъ всѣми свое высокое вниманіе не могли не поощрять къ усиленной дѣятельности.

Смерть государя Николая Павловича была для меня совершенно неожиданна и произвела крайне тяжелое впечатлѣніе. Я готовилъ ему отличный отчетъ по порученному мнѣ дѣлу въ Петрозаводскѣ. Мнѣ удалось открыть весьма много важныхъ фактовъ, которые должны были послужить къ значительному улучшенію завода. Предположеніе государя относительно боязни начальствующихъ лицъ открыть недостатки заводовъ и истощеніе нѣсколькихъ рудъ было совершенно основательно. Порученное мнѣ дѣло было окончено, и всѣ матеріалы для составленія отчета собраны, оставалось только произвести пробу орудій и возвратиться въ Петербургъ, какъ пріѣхавшій фельдъегеръ привезъ намъ ужасную новость о смерти государя, послѣдовавшей 18 февраля.

Конечно, я съ Баумгартеномъ немедленно выѣхалъ въ Петербургъ и, какъ я упоминалъ уже выше, за три дня до похоронъ прибылъ туда.

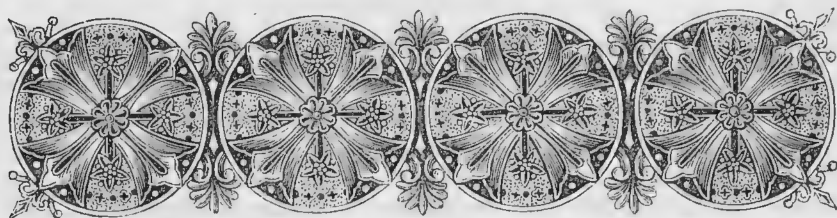
Въ тотъ же день я вступилъ въ очередь дежурства при гробѣ умершаго императора Николая I, перенесеннаго уже въ Петропавловскій соборъ. Стоя свои часы, въ особенности въ ночное время, я вспоминалъ о добромъ отеческомъ расположеніи ко мнѣ покойнаго, о всѣхъ случаяхъ моихъ разговоровъ съ государемъ и его совѣтахъ и указаніяхъ, при чемъ я пролилъ немало благодарственныхъ слезъ, облегчившихъ мою душу.

Множество, можно сказать, масса народа высшихъ и низшихъ слоевъ общества осаждали церковь, желая войти туда для прощанія съ любимымъ имъ государемъ. Нужны были особые караулы и множество солдатъ для поддержанія порядка и очереди.

Въ назначенный день опустили въ могилу внутри Петропавловскаго собора гробъ, и не стало уже на землѣ великаго государя Николая Павловича, который по своему уму, энергіи и рѣшительности могъ бы совершить много отличныхъ дѣлъ и много двинуть впередъ Россію, горячо имъ любимую. Къ крайнему сожалѣнію, онъ не имѣлъ достойныхъ современниковъ, ближайшихъ себѣ помощниковъ, и нельзя сказать, что былъ счастливъ въ выборѣ такихъ людей. Исторія, однако же, во многомъ должна будетъ сказать справедливое свое слово и воздать ему вполнѣ заслуженную имъ похвалу и благодарность.

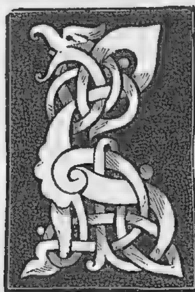
Этимъ оканчиваются записки Николая Андреевича Аркаса объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

А. Заіончковскій.

СРАЖЕНІЕ ПРИ ОНГУНИ

(17-го іюля 1900 г.).

ВЪ ПЕРВЫЕ дни похода Хайларскаго отряда восемнадцатая Терская сотня охранной стражи восточно-китайской желѣзной дороги подъ начальствомъ штабсъ-капитана Бодиско всегда предшествовала отряду, выдвигаясь впередъ на одинъ переходъ и занимая послѣдовательно одну за другою станціи строящейся линіи. Съ нимъ всегда былъ веселый докторъ Вольфъ, который вмѣстѣ съ своимъ медицинскимъ талантомъ соединялъ лихость кавалерійскаго корнета, великолѣпно стрѣлялъ изъ револьвера, носилъ казачью шашку, имѣлъ всего одну смѣну бѣлья, но зато цѣлый ящикъ шампанскаго. Всѣ его считали какъ бы субалтернъ-офицеромъ въ сотнѣ штабсъ-капитана Бодиско. Въ обязанность сотни входило не только занятіе и охраненіе станціи, но и возстановленіе телеграфной линіи, въ которой китайцы успѣли сдѣлать лишь ничтожныя поврежденія. Телеграфныхъ аппаратовъ не имѣлось, но было нѣсколько штукъ телефоновъ; ихъ ставили на станціяхъ и получали неисчислимую пользу. Кажется, это первый случай, когда телефонъ во время войны получилъ столь широкое и плодотворное употребленіе. Всѣ телефонныя дѣла исполнялъ телеграфистъ Лецкій, очень скромный блондинъ, но дѣльный и храбрый человѣкъ. Онъ постоянно слѣдовалъ съ головными частями отряда. Въ данномъ случаѣ онъ шелъ съ сотней штабсъ-капитана Бодиско.

15-го іюля восемнадцатая сотня въ восемь часовъ утра выступила со станціи Хархантэ на станцію Онгунь—переходъ тридцать шесть верстъ. Дошелъ штабсъ-капитанъ Бодиско благополучно, забралъ запасы муки и овса, которые нашелъ на станціи, выставилъ передовые посты и расположился на отдыхъ; а тѣмъ временемъ Лецкій починилъ телеграфную линію и поставилъ телефонный аппаратъ. Въ девять часовъ вечера на станціи Хархантэ зазвонилъ телефонъ; адъютантъ отряднаго штаба поручикъ Кублицкій-Піоттухъ началъ переговоры съ извѣстными ихъ особенностями, которыя бываютъ несносны именно въ важную минуту.

— Я Хархантэ. Откуда говорятъ?

— Со станціи Онгунь. Телеграфистъ Лецкій. Трррр...

— Что вамъ угодно?

— Откуда говорятъ? Я Абагайтуй.

— Абагайтуй, молчите. Вы мѣшаете разговору. Я съ вами не желаю разговаривать,—вы цѣлый день говорите только глупости и подслушиваете чужой разговоръ. Тррр...

— Я Абагайтуй. Вы мнѣ не смѣете такъ говорить. Я буду жаловаться.

— Ну, и жалуйтесь, чортъ васъ возьми, кому угодно! Только теперь не мѣшайте! Трррр... Я Хархантэ. Господинъ Лецкій, я къ вашимъ услугамъ.

— Штабсъ-капитанъ Бодиско проситъ доложить начальнику отряда, что его разъѣзды обнаружили впереди четыре или пять сотенъ непріятельской конницы.

— Что же, онъ проситъ подкрѣпленія?.. Тррр...

— Я Абагайтуй...

— Абагайтуй, убирайтесь вонъ, выньте вовсе штепсель. Вы мѣшаете самымъ важнымъ переговорамъ. Господинъ Лецкій,—Бодиско проситъ подкрѣпленія?

— Нѣтъ, онъ ничего не говорилъ, онъ просилъ только доложить начальнику отряда.

— Хорошо, я передамъ. Больше ничего?

— Ничего! Дзинь, дзинь, дзинь.

Вслѣдствіе этого донесенія немедленно было приказано первой сотнѣ третьяго Верхнеудинскаго казачьяго полка подъ командой эсаула Шаншіева отправиться на станцію Онгунь. Больше двинуть было нечего, потому что остальныя пять сотенъ третьяго Верхнеудинскаго полка съ конной батарей находились еще на переходъ сзади на станціи Далай-норъ. Пока приготовились, пока поѣдлали, прошло время, и пришлось двигаться ночью. Однако забайкальцы пошли довольно ходко и прибыли на станцію Онгунь въ пять часовъ утра. Недолго пришлось имъ отдохнуть, потому что въ восемь часовъ утра шестнадцатаго іюля терскіе разъѣзды донесли, что сотни четыре китайской конницы двигается въ направленіи на

станцію Онгунь. Русскія сотни тотчасъ сѣли на коней и вышли навстрѣчу китайцамъ, которые, замѣтивъ нашу конницу, спѣшились въ двухъ тысячахъ шагахъ въ песчаныхъ барханахъ (буграхъ) и открыли огонь. Забайкальцы и терцы, желая подготовить атаку огнемъ, тоже спѣшились, дали три залпа, вскочили на коней, сдѣлали быструю перебѣжку впередъ, снова спѣшились, снова дали нѣсколько залповъ и перешли на частый огонь. Непріятель бѣжалъ, оставивъ пять убитыхъ. Русскіе преслѣдовали на коняхъ непріятеля на нѣсколько верстъ. Бой продолжался всего минутъ двадцать. Около трехъ часовъ дня Шаншіевъ, не будучи увѣренъ въ количествѣ силъ непріятеля, вернулся назадъ на станцую Онгунь. Со стороны русскихъ потерь не было, у непріятеля взято въ плѣнъ два монгола, захваченъ одинъ кавалерійскій значекъ и шесть быковъ. Донесеніе объ этомъ боѣ не застало отряда въ Хархантэ, потому что онъ выступилъ отсюда шестнадцатаго іюля уже въ пять часовъ утра, и только въ пути узнали, что непріятель былъ передъ Онгунью.

Оставляя Хархантэ, начальникъ отряда распорядился устройствомъ здѣсь этапа, назначилъ въ видѣ гарнизона полсотни шестого баталіона Забайкальской казачьей пѣшей бригады подъ командой зауряда-прапорщика и приказалъ оборудовать хлѣбопеченіе. Переходъ предстоялъ порядочный—тридцать шесть верстъ. Такъ какъ монгольскіе караулы до открытія военныхъ дѣйствій стояли на границѣ и знали о движеніи русскихъ; кромѣ того, извѣстно было, что монгольскіе хошуны (общество) со своими начальниками (аугурда) вооружились по приказанію китайскихъ властей, то можно было разсчитывать на столкновеніе съ монголами въ пути, а потому слѣдовало быть готовымъ къ отраженію ихъ нападенія. Въ виду этого порядокъ марша былъ принятъ такой: обозы соединились въ одну общую колонну, въ головѣ которой шелъ одинъ казачій баталіонъ, а въ хвостѣ другой, обезпечивая такимъ образомъ все имущество отряда. Нечего говорить, что нападеніе съ фронта или съ тылу могло быть легко отражено, но и нападеніе съ фланговъ не грозило опасностью, такъ какъ глубина колонны обозовъ, шедшихъ въ двѣ, а иногда въ четыре повозки, оказывалась небольшою, и баталіоны при дальности современнаго ружья легко брали бы нападающаго подъ перекрестные выстрѣлы.

Гуртъ продовольственнаго скота шелъ за отрядомъ подъ прикрытіемъ взвода конныхъ казаковъ. Для того, чтобы на большомъ привалѣ люди могли получить горячую пищу, заранѣе были высланы сотенные котлы подъ прикрытіемъ взвода пѣхоты. Заботы относительно облегченія трудности пути этимъ не ограничились. Надобно сказать, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки Хайлара, вдоль которой предстоялъ путь, тянулась гряда песчаныхъ холмовъ, отдѣляющихъ высокую степь отъ низкой поймы рѣки. До-

рога пересѣкала эту гряду въ первый разъ въ разстояніи двухъ верстъ отъ станціи Хархантэ и другой разъ на четырнадцатой и пятнадцатой верстѣ. Для устройства удобнаго переѣзда черезъ пески еще наканунѣ, пятнадцатаго іюля, была выслана команда казаковъ и при ней начальникъ четвертой дистанціи строящейся восточно-китайской желѣзной дороги инженеръ Жемчужниковъ и техникъ той же дистанціи Бусловъ. Оба они съ самаго начала похода были командированы начальникомъ перваго участка желѣзной дороги, инженеромъ Крутицкимъ, въ распоряженіе начальника отряда. Выносливые ѣздоки, не прихотливые въ требованіяхъ жизни, неутомимые работники, они принесли большую пользу при наступленіи Хайларскаго отряда. Первый перевалъ черезъ песчаные холмы былъ уже подготовленъ: верхній разрыхленный слой песка снятъ, образовавшееся полотно уширено и выровнено тальникомъ, срубленнымъ тутъ же около дороги. Движеніе обозовъ оказалось не затруднительнымъ, но дорога послѣ прохожденія обозовъ опять нѣсколько попортилась, и ее вновь пришлось подправить для артиллеріи, которая должна была сдѣлать переходъ отъ Хархантэ въ Онгунь на другой день семнадцатаго іюля.

Начальникъ отряда со штабомъ взъѣхалъ на самый верхъ подъема, тамъ спѣшился и пропускалъ отрядъ мимо себя, чтобы поддерживать порядокъ движенія въ этомъ самомъ трудномъ мѣстѣ. Степью итти было уже легко. Дорога пролегала ровная, твердая, степь позволяла двигаться, гдѣ угодно. Необозримая даль только изрѣдка прерывалась гдѣ нибудь песчаными барханами. Послѣ каждаго часа движенія останавливались на короткій отдыхъ на десять, пятнадцать минутъ. Жара была нестерпима, а воды ни капли; комары покусывали изрядно; но уставшій забайкальскій казакъ покуритъ свою трубочку и опять идетъ съ новыми силами. Работы по улучшенію дороги въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога второй разъ пересѣкала гряду холмовъ, оказались настолько значительными, что ихъ могли окончить лишь передъ самымъ приходомъ отряда. Отсюда начинался спускъ въ долину Хайлара. Видъ открывался на далекое разстояніе. Ярко зеленая пойма мягкимъ бархатнымъ ковромъ стлалась до прихотливыхъ извилинъ рѣки и распространялась за нею до цѣпи песчаныхъ холмовъ праваго берега долины; дорога шла какъ разъ по краю поймы, у подошвы холмовъ; узкое полотно дороги мѣстами пересѣкалось мокрыми и грязными участками, остатками весенняго разлива. Во время половодья Хайларъ разливается на всю ширину долины, покрываетъ дорогу, и тогда сообщенія производятся верхнимъ путемъ по пескамъ. Половодье держится больше мѣсяца, и затѣмъ ни лѣтомъ, ни осенью дождей почти не бываетъ, а зима безснѣжна, слѣдовательно, всѣ атмосферные осадки приходятся на весну и начало лѣта.

Кое-гдѣ пойма пересѣкалась протоками рѣки Хайлара; на одномъ

изъ протоковъ отрядъ остановился на большой привалъ и отдыхалъ два часа. Сварили пищу, пообѣдали очень плотно, напились чая и еще съ полчаса успѣли поспать самымъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ. Ни жара, отъ которой люди обливались потомъ, ни комары, пребольно кусавшіе лицо, руки и шею, ничто не могло помѣшать благодѣтельному сну.

Далѣе тронулись по дорогѣ поймой. Лошади положительно утопали въ высокой травѣ, достигавшей до сѣделъ, а густота травы даже затрудняла движеніе. Сколько подобный лугъ могъ дать сѣна, если бы только были косы! Скоро встрѣтились два терскихъ казака изъ восемнадцатой сотни штабсъ-капитана Бодиско, которые должны были проводить отрядъ до Онгуни; они-то и разсказали о боѣ шестнадцатаго іюля. На ночлегъ пришли въ пять часовъ дня, т. е. переходъ былъ исполненъ втеченіе двѣнадцати часовъ, считая въ томъ числѣ и большой привалъ, продолжавшійся два часа. Бивакъ выбрали подъ горою верстахъ въ двухъ къ югу отъ берега рѣки Хайлара, у небольшого озера съ прѣсной водой, годной пищи для питья и приготовленія. Желѣзнодорожная станція находилась наверху. На степи воды въ достаточномъ количествѣ не было, а потому и на бивакъ отряду становиться около станціи оказалось неудобно. Бивакъ расположился фронтомъ на востокъ, то-есть фронтомъ къ непріятелю, впереди озера, около котораго устроили кухни; на правомъ флангѣ бивака стала восемнадцатая терская сотня охранной стражи, а лѣвѣе четвертый и шестой казачьи баталіоны; бивакъ штаба разбили на другомъ берегу озера сзади отряда. Около палатки начальника отряда водрузили красный значекъ, отбитый у монгольской конницы. Высокіе и песчаные холмы впереди бивака, переходившіе въ обширное плато, укрывали отрядъ отъ глазъ противника и представляли собой удобную позицію съ хорошимъ обстрѣломъ на случай нападенія непріятеля.

Отдавъ краткія распоряженія относительно размѣщенія отряда, генералъ, сопровождаемый штабсъ-капитаномъ Бодиско и эсауломъ Шаншіевымъ, отправился для осмотра только что упомянутой позиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣста боя шестнадцатаго іюля. Офицеры по пути разсказывали подробности столкновенія съ непріятелемъ, у котораго было двѣ сотни монголовъ и двѣ сотни манчжуръ. Тамъ, гдѣ спѣшился непріятель, были группы песчаныхъ холмовъ, доставлявшихъ хорошее укрытіе, выгодную позицію для китайцевъ. Инстинктивно начальникъ отряда замѣчалъ свойства мѣстности, ея выгоды и недостатки—все это пригодилось на завтрашній день.

Недалеко отъ дороги лежалъ трупъ манчжура, убитаго утромъ. Это былъ первый непріятельскій трупъ, который встрѣтили во время войны. Большого роста, плотно сложенный, сильный муж-

чина, манчжуръ представлялъ чудный экземпляръ воина. Онъ былъ босикомъ, съ непокрытой головой, въ какихъ-то грязныхъ штанахъ и въ форменной синей курмѣ (курткѣ), раскрытой на груди, на которой густо запеклась кровь отъ раны. Цвѣтъ тѣла и лица былъ сильно смуглый, загорѣлый, коричневый, но отнюдь не желтый. Черная коса змѣей растянулась по землѣ возлѣ плеча убитаго. Кони храпѣли и не хотѣли близко подходить къ трупу. Странное дѣло, трупъ этого человѣка не производилъ такого впечатлѣнія, котораго можно было бы ожидать; почти всѣ были равнодушны, возбуждалось любопытство, но не жалость. Трудно объяснить, почему это происходило; можетъ быть, слишкомъ велика была разница убитаго китайца отъ нашего русскаго типа, и его какъ бы не признавали за человѣка.

Подъѣхали къ желѣзнодорожной станціи.

— Поручикъ Кублицкій,—обратился начальникъ отряда къ адъютанту:—примите станцію и телефонъ въ свое вѣдѣніе, опредѣлите, сколько тутъ имѣется запасовъ и наладьте хлѣбопеченіе.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

По крутому песчаному спуску поѣхалъ штабъ къ бивaку.

— Артиллерію-то и обозъ не легко намъ будетъ сюда взвести,— обратилъ вниманіе своей свиты генералъ на неудобную дорогу:— сильно придется помогать пѣхотой. Ну, да забайкальцы все вывезутъ.

По прибытіи на бивакъ отдали слѣдующій приказъ:

«Отряду въ составѣ двухъ конныхъ сотенъ, штаба отряда и четвертаго и шестого забайкальскихъ казачьихъ баталіоновъ расположиться на отдыхъ при станціи Онгунь, до прибытія остальныхъ сотенъ Верхнеудинскаго полка и второй Забайкальской казачьей батареи, въ порядкѣ, указанномъ мною лично. Сторожевое охраненіе выставить отъ конныхъ сотенъ впередъ къ востоку отъ бивака. Общимъ сборнымъ мѣстомъ назначаются высоты передъ бивакомъ. Дежурная часть—сотня отъ четвертаго баталіона; отъ этого же баталіона выставить посты по угламъ бивака. Донесенія доставлять въ штабъ отряда».

Бивакъ былъ недуренъ, хотя нѣсколько сыроватъ, и по ночамъ становилось холодно; зато хорошая вода скрашивала всѣ невзгоды; чувствовалась рѣзкая разница съ водою на Хархантэ изъ колодцевъ, гдѣ она была съ большой примѣсью глауберовой соли, а по запаху казалась навознымъ настоемъ.

Здѣсь на Онгуни думали простоять нѣсколько дней, поотдохнуть, подождать присоединенія третьяго верхнеудинскаго полка и конной батареи, которые оставались на одинъ переходъ сзади, то-есть шестнадцатаго іюля прибыли на Хархантэ, а семнадцатаго должны были подойти къ Онгуни. Кромѣ того, надобно было дождаться провіанта и слѣдовавшихъ къ отряду третьяго и пятаго

баталіоновъ забайкальской казачьей пѣшей бригады. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ всѣ дѣйствія складывались такъ, что вмѣстѣ съ движеніемъ впередъ приходилось оканчивать сосредоточеніе отряда. Невольно является вопросъ, не лучше ли было раньше сосредоточить весь отрядъ, а потомъ уже двигаться впередъ. Въ данномъ случаѣ подобная стратегія оказывалась непримѣнимою. Кромѣ упомянутыхъ двухъ казачьихъ баталіоновъ, въ отрядъ назначались: второй баталіонъ Читинскаго пѣхотнаго полка, третій баталіонъ Стрѣтенскаго пѣхотнаго полка, четвертая Забайкальская казачья батарея, Сибирская казачья дивизія, одиннадцатый саперный баталіонъ; предполагалось еще направить третью стрѣлковую бригаду и до четырехъ тысячъ вновь формируемой охранной стражи китайской восточной желѣзной дороги. Принимая въ соображеніе, что нѣкоторыя изъ этихъ частей только что отправлялись изъ Европейской Россіи на театръ военныхъ дѣйствій, можно себѣ представить, когда бы собрался весь отрядъ. А между тѣмъ время имѣло рѣшающее значеніе: чѣмъ раньше будетъ нанесенъ ударъ китайцамъ, тѣмъ больше будетъ сила нравственнаго впечатлѣнія и тѣмъ выгоднѣе будетъ въ матеріальномъ отношеніи, потому что тѣмъ менѣе врагъ успѣетъ испортить желѣзную дорогу и тѣмъ скорѣе удастся возобновить ея постройку. Вотъ почему начальникъ отряда всѣми силами души старался скорѣе перейти границу и спѣшилъ двигаться впередъ. Но впрочемъ иногда остановки были неизбѣжны, чтобы подтянуть къ себѣ транспорты съ провіантомъ или войсковыя части, находившіяся уже недалеко. Такая остановка рѣшена была на Онгуни. Однако непріятель помѣшалъ спокойному пребыванію здѣсь Хайларскаго отряда.

Общая заря назначена была въ девять часовъ вечера. Дни стояли длинные, и въ девять часовъ было еще свѣтло. Послѣ краткой рѣчи, обращенной къ казакамъ, начальникъ отряда предложилъ усердно помолиться о ниспосланіи намъ Господомъ Богомъ успѣха.

Спѣли молитвы: «Отче нашъ» и «Спаси, Господи, люди твоя», правду сказать, довольно нестройно,—каждый баталіонъ и даже каждая сотня сами по себѣ; зато терцы очень утѣшили и въ концѣ превосходно спѣли «Боже, Царя храни». Послѣ служебныхъ разговоровъ начальствующихъ лицъ всѣ разошлись по палаткамъ, чтобы въ виду дневки на завтрашній день хорошенько выспаться. Между тѣмъ китайцы конной развѣдкой шестнадцатаго іюля выяснили, что около Онгуни находится всего двѣ сотни русскихъ казаковъ; естественно, что имъ пришло на мысль, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, раздавить маленькую горсточку русскихъ. Организація конной развѣдки была сдѣлана китайцами систематично; около самой границы, еще до ея перехода, русскіе обнаружили дозоръ изъ двухъ монголъ; послѣ того взяли въ плѣнъ

разъѣздъ изъ двѣнадцати человѣкъ, а потомъ уже цѣлую полусотню. Наконецъ, въ бою шестнадцатаго іюля у Онгуни было четыре конныхъ сотни непріятеля. Дѣлая свое заключеніе, что число русскихъ у Онгуни ничтожно, онъ впалъ въ ошибку, которая часто случается съ неопытными военными: упущено было изъ вида, что втеченіе даже нѣсколькихъ часовъ обстановка можетъ совершенно перемѣниться—подойдутъ сильныя подкрѣпленія. Такъ и случилось: утромъ шестнадцатаго іюля было двѣ сотни русскихъ, вечеромъ же прибавилось еще два баталіона, а на другой день—цѣлый конный полкъ и батарея.

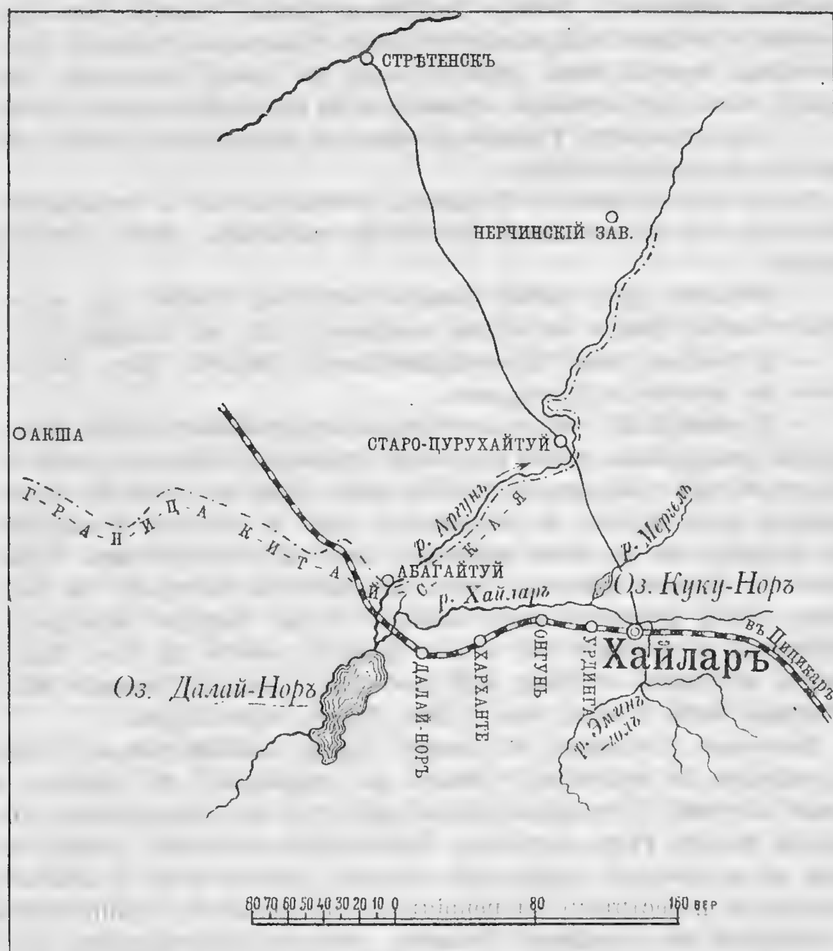
Около четырехъ часовъ утра 17 іюля адъютантъ разбудилъ начальника отряда словами:

— Ваше превосходительство, китайцы атакуютъ.

Извѣстіе было слишкомъ неожиданно и черезчуръ сильно выражено: китайцы вовсе не атаковали, а только наступали, находились далеко и дѣйствовали крайне нерѣшительно. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что непріятельскій отрядъ чрезвычайно многочисленъ и состоитъ изъ трехъ родовъ оружія. Немедленно баталіоны были вызваны въ ружье и передвинуты на впереди лежащія высоты, представляющія превосходную позицію, потому что круто спускаются къ бивaку, вслѣдствіе чего доставляютъ, какъ стрѣлкамъ, такъ резервамъ и всему тылу отличное укрытіе, а впередъ къ непріятелю высоты спускаются чрезвычайно полого, гласисообразно, и доставляютъ прекрасный обстрѣлъ. Выходъ Хайларскаго отряда на позицію совершенъ былъ безъ суеты, но поспѣшно, такъ что никто не успѣлъ ни умыться, ни напиться чаю. Для облегченія въ предстоящемъ бою ранцы приказано было оставить на мѣстѣ бивака. Почему-то бивакъ считали въ полной безопасности; тамъ производили всѣ хозяйственныя работы, занимались обычной уборкой, приготовленіемъ пищи, пасли гуртъ скота и табунъ лошадей и даже оставили почти безъ всякаго наблюденія двухъ монголъ, взятыхъ наканунѣ въ плѣнъ.

Русскіе расположились слѣдующимъ образомъ: четвертый баталіонъ стоялъ на лѣвомъ флангѣ; шестой баталіонъ въ центрѣ, занимая главную дорогу; на правомъ флангѣ восемнадцатая терская сотня; крайній правый флангъ составляла первая сотня третьяго Верхнеудинскаго казачьяго полка, при чемъ полусотня занимала пекарню въ зданіяхъ желѣзнодорожной станціи Онгунь.

Около шести часовъ утра съ востока по дорогѣ отъ станціи Урдинга показалась непріятельская конница, сотенъ шесть. Построившись въ одношереножный строй въ двѣ линіи, конница наступала, прикрывая движеніе пѣхоты. Правый флангъ конницы примыкалъ къ долинѣ Хайлара; ясно были видны развѣвавшіяся знамена, скачущіе ординарцы. Замѣчательно, что конница была безъ пикъ; между тѣмъ впослѣдствіи въ Хайларскомъ арсе-

налѣ найдено было множество пикъ, совсѣмъ новыхъ и исправныхъ. Казалось бы, что баргуты (монгольскіе казаки), какъ естественно возникшая конница, должны были питать особыя симпатіи къ этому своему старинному и традиціонному оружію; однако они его отвергли и вооружились мечами и винтовками разнообразныхъ системъ (Маузера, Винчестера).

На много верстъ впередъ, въ долинѣ курились костры, обозначая главный бивакъ китайцевъ. Предводительствовалъ ими, по разсказу плѣннаго, Чуанъ-до, командовавшій войсками въ Хайларѣ, хорошо извѣстный нашимъ офицерамъ охранной стражи, очень энергичный и неглупый человѣкъ.

Съ огромнаго разстоянія монголы открыли огонь, такъ что пули безвредно падали въ песокъ передъ позиціей. Большинство вы-

стрѣловъ направлялось на желѣзнодорожную станцію. Угрожала серьезная опасность; потеря желѣзнодорожной станціи была бы особенно чувствительна, потому что тамъ находилась пекарня. Даже временная потеря этого пункта была бы очень непріятна для отряда, такъ какъ печально отозвалась бы на хозяйственной части.

— Подполковникъ Тихоновъ!—позвалъ начальникъ отряда командира шестого баталіона.

Скоро подполковникъ Тихановъ, невозмутимый и спокойный, подошелъ къ расположенію штаба на высотахъ, возлѣ большой дороги.

— Пошлите одну сотню вашего баталіона, чтобы она обороняла станцію. Какую вы сотню пошлете, и кто ею командуетъ?

— Я пошлю, ваше превосходительство, первую роту; командуетъ ею поручикъ Григорьевъ.

— Хорошо! А вы,—обратился генералъ къ адъютанту своему, лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручику Кублицкому-Піоттухъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находилось хлѣбопеченіе:—такъ какъ вашему сердцу пекарня всего дороже, то отправьтесь туда и примите командованіе; помните, что вы тамъ являетесь какъ бы комендантомъ! Поѣзжайте съ Богомъ и прежде всего передайте по телефону на Хархантэ, чтобы Верхнеудинскій полкъ и вторая батарея немедленно выступали и спѣшили бы, чтобы принять участіе въ бою. Какой отвѣтъ получите,—сейчасъ мнѣ сообщите, и вообще доносите сколь возможно чаще о томъ, что у васъ будетъ происходить.

Поручикъ Кублицкій на своемъ сѣромъ забайкальскомъ конѣ, маленькомъ, но крѣпкомъ, тотчасъ же отправился на станцію, а сотня поручика Григорьева потянулась туда же, прикрываясь высотами. Между тѣмъ полусотня Верхнеудинскаго полка, занявъ бугоръ въ полуверстѣ вправо отъ станціи, открыла огонь и завязала усиленную перестрѣлку съ непріятельской конницей, спѣшившейся и засѣвшей въ песчаныхъ холмахъ, отлично скрывавшихъ, какъ стрѣлковъ, такъ и коноводовъ съ лошадьми.

Вообще же Хайларскій отрядъ не отвѣчалъ на непріятельскій огонь.

Монголы становились смѣлѣе и приближались, весьма стройно маневрируя, изрѣдка издавая пронзительный визгъ и вой тысячами голосовъ, что̀ производило впечатлѣніе адскаго концерта. Пули съ печальнымъ плачемъ проносились надъ баталіонами, и многія изъ нихъ падали на бивакъ, прорывая палатки казаковъ. Вѣроятнѣе всего, что бѣлѣвшія палатки бивака видны были по долинѣ издали, и потому непріятель усиленно направлялъ въ нихъ огонь.

Явилось опасеніе, что такимъ образомъ пули будутъ попадать и въ обозъ и надѣлаютъ большой вредъ. Нѣкоторые начальники опасались какъ бы не пришлось имѣть непріятностей изъ-за испорченныхъ пулями палатокъ. Приняли мѣры, чтобы избѣжать ущерба.

Приказано было палатки убрать, обозъ уложить, повозки, лошадей, гуртъ скота и проч. согнать ближе къ позиціи подъ прикрытіе высотъ, въ мертвое пространство. Видя, что русскіе не двигаются съ мѣста и не открываютъ огня, китайцы постепенно подтягивали свои резервы и приближали цѣпи. На лѣвомъ флангѣ въ четвертомъ казачьемъ баталіонѣ у одного казака сорвало пулей штыкъ съ винтовки, другой былъ раненъ; потери подѣйствовали непріятно. Смѣлость китайцевъ увеличивалась, и когда они подходили ближе, чѣмъ на тысячу шаговъ, четвертый баталіонъ былъ вынужденъ дать нѣсколько залповъ, чѣмъ немного охладилъ порывы непріятеля.

Прошло уже нѣсколько часовъ съ начала боя; все пришло до извѣстной степени въ порядокъ; всѣ какъ бы свыклись съ положеніемъ. Денщики храбро принесли на позицію для офицеровъ закуски и чай.

Главнѣйшія распоряженія были сдѣланы; офицеры штаба расположились за гребнемъ въ тѣни кустовъ, на пескѣ и тоже принялись пить чай. Увидавъ это, начальникъ отряда вспомнилъ, что самъ до сихъ поръ ничего не ѣлъ и не пилъ, совершенно поглощенный распоряженіями по отряду; онъ приказалъ разостлать себѣ бурку тамъ же, гдѣ расположился штабъ, и съ большимъ аппетитомъ уничтожалъ разные консервы, запивая чаемъ. Жара возбуждала сильную жажду. Время отъ времени слышался свистъ и жужжаніе то съ одной стороны, то съ другой; изрѣдка раздавался трескъ сломленной вѣтки, или стукъ чего-то ударившагося въ твердый предметъ, напримѣръ, въ котелокъ казака.

— Господа, что это за шумъ?—недоумѣвая спросилъ генералъ.

— Да это пули, ваше превосходительство!—отвѣчали офицеры, удивленные тѣмъ, что начальникъ отряда до сихъ поръ на нихъ не обратилъ вниманія.

Адъютантъ шестого баталіона, подпоручикъ Ражевъ, привезъ записку со станціи: поручикъ Кублицкій-Піоттухъ извѣщалъ, что онъ передалъ по телефону на станцію Хархантэ, чтобы третій Верхнеудинскій полкъ съ батарей поспѣшили; но конница выступила уже съ пяти часовъ утра, а потому комендантъ станціи Хархантэ послалъ полученное приказаніе имъ въ догонку. Итакъ, можно было быть увѣреннымъ, что, нѣсколько часовъ спустя, прибудетъ подкрѣпленіе. Рѣшили до прибытія конницы не атаковать китайцевъ, но если они атакуютъ, то бой принимать.

— Подполковникъ Тихоновъ, что, люди ѣли что нибудь?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, съ самаго утра ничего?

— Но обѣдъ готовится?

— Такъ точно, я полагаю даже, что онъ уже готовъ.

— Въ такомъ случаѣ прикажите обѣдать по частямъ. Подъесаулъ Сидоровъ, сообщите это распоряженіе въ четвертый бата-

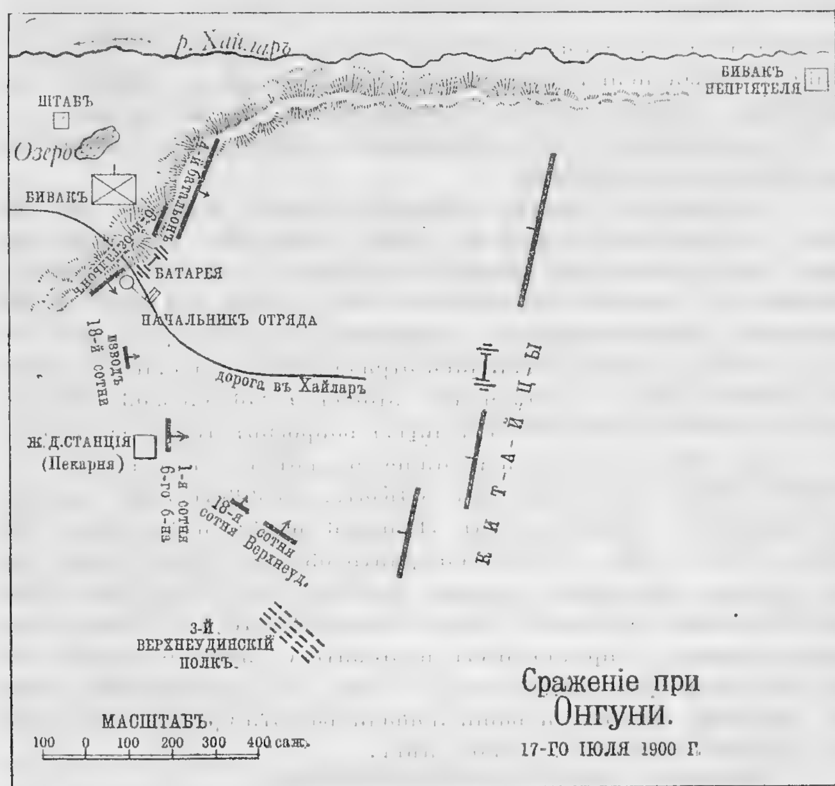
ліонъ. А затѣмъ немедленно въ этихъ же котлахъ начать готовить пищу для конницы, чтобы, какъ только придетъ, не тратила времени на приготовленіе обѣда.

Подобныя распоряженія и разные расчеты можно было дѣлать вслѣдствіе удобства сношеній по телефону. Сообщались не только съ Хархантэ, но даже съ Абагайтуемъ. Оттуда передали, что народъ собрался на площади, и священникъ служитъ молебенъ о дарованіи побѣды Хайларскому отряду.

Между тѣмъ непріятель очень искусно засѣлъ въ пескахъ и даже вырылъ себѣ ровики для одиночныхъ людей. Огонь съ его стороны продолжался. Пекарня на станціи обстрѣливалась особенно усиленно. Казаки первой сотни шестого баталіона расположились въ желѣзнодорожныхъ постройкахъ, а въ особенности за штабелями сложенныхъ здѣсь шпалъ. Шпалы превосходно прикрывали казаковъ; между тѣмъ въ постройки залетали китайскія пули и даже пробивали стѣнки телефонной комнаты, такъ что разговоры по телефону въ скорости пришлось прекратить.

Въ десять часовъ утра на бугрѣ противъ станціи появились двѣ китайскія пушки и открыли огонь, какъ по станціоннымъ постройкамъ, такъ и по остальной позиціи. Китайская пѣхота также приблизилась и заняла песчаный холмъ шагахъ въ восьмистахъ отъ станціи. Выстрѣлы раздавались чаще и чаще; пули сыпались градомъ. Выстрѣлы изъ артиллерійскихъ орудій не приносили особаго вреда. Первые снаряды далеко перелетали за позицію и не разрывались — они были сплошные; затѣмъ началась стрѣльба разрывными гранатами съ дистанціонной трубкой. Снаряды падали возлѣ бивака штаба отряда, въ кухни и въ обозъ; одна граната разорвалась такъ удачно (намъ казалось, что она разорвалась въ воздухѣ, то-есть снарядъ былъ какъ бы дистанціонный), что закрыла на нѣсколько секундъ группу лошадей, кухню и обозныхъ на берегу озера; но Богъ хранилъ, и никого не задѣло. Китайская батарея видѣлась совершенно ясно; распоряжался тамъ какой-то очень большой и толстый человѣкъ въ красномъ платьѣ европейскаго покроя; въ четвертомъ баталіонѣ почему-то его прозвали «кондукторомъ». Впослѣдствіи на батареѣ нашли перчатку, вѣроятно, принадлежавшую этому человѣку,—на ней значился номеръ восемь съ половиною. Другой, вѣроятно, помощникъ «кондуктора», также былъ непохожъ на китайца ни костюмомъ, ни лицомъ; потомъ его нашли убитымъ. Цвѣтъ лица былъ иного оттѣнка, чѣмъ у китайцевъ; коса, хотя и не большая, была.

Штабъ стоялъ въ серединѣ расположенія отряда. Сноситься приходилось: на лѣвый флангъ съ четвертымъ баталіономъ (эти сношенія были рѣдки) и на правый флангъ съ пекарней (сюда приходилось посылать чаще). На лѣвый флангъ адъютанты и ординарцы ѣздили подъ прикрытіемъ песчаныхъ холмовъ, между тѣмъ

на пекарню приходилось ѣхать по совершенно открытому мѣсту подъ выстрѣлами непріятеля. Какъ только показывался здѣсь ординарецъ, огонь китайцевъ, и безъ того весьма сильный, доходилъ до крайней степени напряженія. Только неумѣнье китайцевъ употреблять прицѣлъ спасало отважныхъ всадниковъ, но все-таки подпоручикъ Ражевъ былъ раненъ въ ногу и унесенъ на перевязочный пунктъ. Храбрый молодой человѣкъ всего двѣ недѣли назадъ прибылъ въ Забайкалье изъ казанскаго округа, и вотъ въ первое же сраженіе ему довелось быть раненымъ.

Такъ какъ ясно обнаружилось, что непріятель имѣетъ въ виду главнымъ образомъ нападеніе на пекарню, то рѣшено было въ такомъ случаѣ перейти въ наступленіе всѣмъ отрядомъ съ тѣмъ, чтобы лѣвымъ флангомъ отрѣзать ему путь отступленія. Однако онъ не отважился на рѣшительное дѣйствіе, и не пришлось нарушать первоначально выработаннаго плана, то-есть, чтобы для атаки подождать прихода конницы. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали этого прихода. Разсчитывали такъ: величина перехода—тридцать шесть верстъ; конница можетъ итти перемѣннымъ аллюромъ по семи верстъ въ часъ, т.-е. пройдетъ все разстояніе втеченіе пяти часовъ, да

надо положить сколько нибудь времени на небольшіе отдыхи послѣ каждаго часа движенія, да еще прибавить времени на тѣ затрудненія, которыя испытаетъ батарея при движеніи по пескамъ; слѣдовательно, конница можетъ подойти часамъ къ двѣнадцати.

Съ одиннадцати часовъ начальникъ отряда началъ выражать уже нѣкоторое нетерпѣніе.

— Подъэсаулъ Сидоровъ, поѣзжайте назадъ, вонъ на тотъ выступъ, оттуда далеко видно по долинѣ, посмотрите, далеко ли конница. Черезъ нѣсколько времени подъэсаулъ Сидоровъ вернулся и доложилъ къ великой радости начальника отряда, что конница уже подходитъ. Дѣйствительно, въ одиннадцать часовъ сорокъ пять минутъ къ мѣсту ставки начальника отряда прибыли: командиръ Верхнеудинскаго полка и командиръ второй Забайкальской казачьей батареи. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ вопросовъ, генералъ сказалъ:

— Для васъ приготовлена пища въ котлахъ казачьихъ баталіоновъ. Немедленно прикажите обѣдать. Хозяйственные расчеты съ баталіонами сдѣлаете послѣ. Лошадей прикажите попасти, напоить, можетъ быть, успѣете покормить овсомъ. Отдыху ровно два часа; работа предстоитъ большая; надобно, чтобы всѣ были свѣжи. Вы, батарейный командиръ, теперь же ознакомьтесь съ позиціей для вашей батареи. Я предполагалъ поставить ее влѣво отъ дороги, но вы сами посмотрите хорошенько, будетъ ли это подходяще. Какъ вы полагаете, могутъ ли ваши лошади взвезти орудія по этой крутой песчаной дорогѣ? Я думаю, нѣтъ.

— Трудненько, ваше превосходительство!

— Въ такомъ случаѣ втаскивайте на лямкахъ пѣхотой. Подполковникъ Тихоновъ, шестой баталіонъ поможетъ войсковому старшинѣ Фолимонову взвезти орудія на позицію.

Тотчасъ же всѣ начальники принялись за свое дѣло. Отрядъ вздохнулъ свободно,—онъ значительно усилился: прибавилось до восьмисотъ шашекъ и шесть пушекъ. Общая численность отряда теперь дошла до 2.450 штыковъ и шашекъ и шести орудій. Все, что можно было сосредоточить, сосредоточено. Соблазнительно было немедленно перейти въ наступленіе, такъ какъ помощь, которую ожидали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, была на лицо, но для рѣшительности удара требовались силы свѣжія, отдохнувшія.

На конницу должна была лечь значительная доля работы. Спокойная разсудительность указывала на необходимость подождать, немного выдержать, отдохнуть. Если отрядъ находился уже на позиціи подъ огнемъ въ теченіе восьми часовъ, то не трудно было подождать и еще два часа; тѣмъ болѣе это казалось важнымъ, что китайцевъ насчитывали болѣе 10.000 человѣкъ, а сраженіе являлось первымъ; должно было дать тонъ всей послѣдующей кампаніи, а потому полезно было привлечь всѣ шансы на свою сторону, чтобы обезпечить успѣхъ и тѣмъ утвердить въ Хайларскомъ отрядѣ

вѣру въ его непобѣдимость и обратно поколебать нравственныя силы противника.

Казаки шестого баталіона уже тащали на лямкахъ пушки на гору, затѣмъ задніе ходы зарядныхъ ящиковъ, а лошади втаскивали передки, тоже при содѣйствіи людей. Удобныя для помѣщенія передковъ и зарядныхъ ящиковъ площадки были невелики, а потому все это сильно скучилось. Войсковой старшина Фолимоновъ съ нѣкоторыми изъ наводчиковъ и урядниковъ отправился немного впередъ на мѣсто, выбранное для орудій, и оттуда въ бинокль тщательно разсматривалъ расположеніе противника и соображалъ способы стрѣльбы.

— Войсковой старшина Фолимоновъ,—обратился генералъ въ ласковомъ и шутливомъ тонѣ:—будетъ вамъ тамъ колдовать, идите-ка сюда, выпейте стаканчикъ чаю, да закусите, чѣмъ Богъ послалъ, поди, вѣдь ѣсть хочется?

— Такъ точно, ваше превосходительство, давно ужъ ничего не ѣлъ, и пить очень хочется. Да, я ужъ и кончилъ все.

Фолимоновъ расположился на буркѣ и съ неизъяснимымъ удовольствіемъ принялся за закуску.

— Однако тутъ запахъ того...—сказалъ онъ, не обращаясь ни къ кому.

— Да, чтожъ дѣлать,—отвѣчалъ генералъ. — Казаки находятся на позиціи уже восемь часовъ, а мы упустили изъ виду приказать выкопать отхожіе ровики. Вотъ теперь и казнимся. Въ тактикѣ-то говорится объ отхожихъ ровикахъ на бивакахъ, а вотъ оказывается, что они и здѣсь нужны.

— А знаете, ваше превосходительство, вѣдь у меня одинъ казакъ раненъ.

— Какъ такъ, вѣдь вы только что пришли?

— Да, какъ начала батарея стягиваться здѣсь внизу за высотами, такъ его и ранили; еще непріятеля не видалъ, а ужъ пулю его получилъ.

— Жаль, жаль!

Къ этому времени противникъ перемѣнилъ фронтъ своего наступленія; вѣроятно, прежде онъ считалъ самымъ важнымъ пунктомъ позиціи станцію желѣзной дороги, но теперь замѣтилъ большое движеніе въ центрѣ, а также значительныя силы на лѣвомъ флангѣ и рѣшилъ здѣсь сосредоточить свои усилія. Приближалось время рѣшительнаго столкновенія. Начальникъ отряда пригласилъ командира коннаго полка, командира восемнадцатой сотни охранной стражи, а командиры батареи и шестого баталіона находились и раньше тутъ же. Подъѣхалъ и штабсъ-ротмистръ Булатовичъ, который обскакалъ мѣстность впереди, чтобы заблаговременно съ нею ознакомиться. Генералъ объяснилъ собравшимся начальникамъ планъ общаго перехода въ наступленіе.

На конный полкъ возлагался охватъ непріятельскаго фланга. Верхнеудинцевъ можно было двинуть съ выгодою и противъ праваго фланга китайцевъ, и противъ лѣваго. Такъ какъ бивакъ непріятеля находился на берегу рѣки Хайлара, за правымъ флангомъ его позиціи, то, можетъ быть, выгоднѣе было верхнеудинцевъ двинуть долиною рѣки именно въ охватъ праваго фланга противника, чтобы отрѣзать его отъ бивака, но движеніе по долинѣ было бы замѣчено китайцами тотчасъ же; всходъ на высоты пришлось бы дѣлать подъ огнемъ, а значитъ и нести потери; маневръ вообще усложнялся; поэтому генералъ приказалъ выдвинуть полкъ съ своего праваго фланга противъ лѣваго фланга китайцевъ; при этомъ всѣ придварительныя передвиженія полкъ дѣлалъ скрытно, за высотами и выходилъ на плато незамѣтно для непріятеля и безъ потерь. Батарея должна была содѣйствовать огнемъ, пѣхота—атаковать прямо передъ собою. Маневръ былъ простъ и вытекалъ естественно изъ обстановки. Выходъ полка на плато долженъ былъ обозначить минуту общаго перехода въ наступленіе. Ранцы для облегченія приказано было не брать, ибо трудно разсчитывать на энергичное движеніе впередъ казаковъ, перегруженныхъ всей тяжестью ранца и остального имущества. Конницѣ тоже было приказано снять вьюки и оставить на бивакѣ. Въ заключеніе генералъ сказалъ:

— Я требую рѣшительнаго, такъ сказать, сухого удара съ большой кровью; преслѣдовать далеко, но вернуться назадъ засвѣтло.

Выслушавъ указанія, начальники отправились дѣлать соотвѣтствующія распоряженія, а начальникъ отряда получилъ записку отъ поручика Кублицкаго-Піоттухъ съ просьбою о подкрѣпленіи. Почему-то по близости не случилось ни начальника штаба, ни адъютантовъ. Генералъ самъ вынулъ изъ кармана какой-то клочекъ бумаги и написалъ успокоительную записку въ томъ смыслѣ, что опасаться за станцію нечего, что если непріятель ее атакуетъ, то переходъ отряда въ наступленіе наилучшимъ образомъ выручитъ станцію; при этомъ генералъ изложилъ и самый планъ наступленія. Впослѣдствіи поручикъ Кублицкій признавался, что записка эта вселила въ него непоколебимую увѣренность.

Командиръ четвертаго баталіона, находившійся на лѣвомъ флангѣ въ довольно значительномъ разстояніи отъ мѣста расположенія штаба, не присутствовалъ на собраніи всѣхъ начальниковъ, а потому генералъ самъ отправился къ нему для передачи общаго плана перехода въ наступленіе и частныхъ приказаній, касавшихся спеціально четвертаго баталіона.

— Лошадь!—крикнулъ начальникъ отряда и началъ спускаться внизъ къ тому мѣсту, гдѣ укрыто располагались лошади штаба и коноводы полусотни терцевъ.

Ординарецъ, казакъ Маціевскій, подалъ «Цыгана» — небольшого

гнѣдого коня, и придержалъ стремя. Лишь только генералъ потянулся къ уздечкѣ, какъ «Цыганъ» началъ бунтоваться—забайкальскія лошади не даютъ себя трогать за морду, такъ что взнуздываніе ихъ сначала представляетъ большія затрудненія. Генералъ вскочилъ на сѣдло и, сопровождаемый Мацѣевскимъ, поѣхалъ за закрытіями въ полугорѣ на лѣвый флангъ. Вскорѣ пришлось подняться снова наверхъ къ четвертому баталіону. Пули, летѣвшія до сихъ поръ высоко надъ головами, стали теперь жужжать около, но всадники не обращали на это вниманія. Не доѣзжая до самаго гребня, они спѣшились, и Мацѣевскій повелъ коней внизъ въ болѣе безопасное мѣсто. Начальникъ отряда подошелъ къ командиру четвертаго баталіона, лежавшему за гребнемъ высоты, за серединой баталіона, и началъ поспѣшно и съ оживленіемъ излагать планъ предстоящей атаки.

— Итакъ, я отказался отъ мысли пустить конный полкъ поймой противъ китайскаго праваго фланга. Полкъ ударитъ въ лѣвый флангъ, но я желалъ бы охватить и правый флангъ; поэтому я васъ попрошу одну сотню выдвинуть съ вашего лѣваго фланга впередъ,—такимъ образомъ она и охватитъ флангъ. Вы которую сотню пустите для охвата?

— Я полагаю,—первую сотню капитана Сѣдлова, ваше превосходительство.

— Хорошо! Пусть такъ и будетъ. А всѣмъ баталіономъ вы двигайтесь прямо съ фронта, общій резервъ будетъ отъ шестого баталіона.

Тутъ только замѣтилъ генералъ, что онъ стоитъ, а войсковой старшина Оглоблевъ передъ нимъ лежитъ, и что послѣдній чувствуетъ неловкость своего положенія. Происходило это потому, что храбрый Оглоблевъ вовсе не считалъ полезнымъ безъ надобности рисковать собою и предпочиталъ лучше лежать за закрытіемъ, чѣмъ стоять открыто подъ огнемъ. Сказать объ этомъ генералу было неловко. Начальникъ отряда съ своей стороны не думалъ пренебрегать опасностью, а просто не замѣчалъ ея, увлеченный разговоромъ, но теперь, обративъ вниманіе на то, что Оглоблевъ стѣсняется, онъ и самъ легъ на лѣвый бокъ, подпирая голову рукою; потомъ онъ пригнулъ ее къ землѣ такъ же, какъ это дѣлалъ Оглоблевъ.

Закончивъ разговоръ и видя, что мысль его усвоена, генералъ всталъ и обошелъ баталіонъ. Въ шутливомъ тонѣ онъ сдѣлалъ замѣчаніе тому казаку, у котораго китайская пуля сорвала штыкъ, за небрежное обращеніе съ оружіемъ; но забайкальцы вообще шутокъ не понимаютъ, и въ данномъ случаѣ казакъ сейчасъ же сталъ оправдываться совершенно серіозно, что ему приказано было положить ружье на насыпь окопа. Окопы, сдѣланные подъ вліяніемъ необходимости, были отлично примѣнены къ мѣстности и хорошо замаскированы. Около второй сотни командиръ ея, подъесаулъ

Тржцинскій, установилъ подзорную трубу и слѣдилъ въ нее за всѣми движеніями непріятеля, даже на пути его къ бивaку. Начальникъ отряда также посмотрѣлъ въ трубу и старался въ нее выяснить положеніе противника. Непріятельская артиллерія въ это время перемѣнила позицію и подъѣхала саженъ на семьсотъ къ расположенію русскаго отряда. Китайскіе стрѣлки были въ разстояніи 1.200 шаговъ. Окончивъ обходъ баталіона, начальникъ отряда спустился за гребень высоты къ лошадямъ и уѣхалъ на прежнее свое мѣсто. Условленные два часа для отдыха прошли. Въ часъ пятьдесятъ минутъ третій Верхнеудинскій полкъ двинулся на правый флангъ, чтобы тамъ выйти на плато; онъ шелъ за закрытіями и скоро скрылся изъ вида.

Томительно долго тянулись минуты. Генералъ то и дѣло вынималъ изъ кармана часы и высчитывалъ, дошелъ ли полкъ до указаннаго мѣста. Непріятель пододвигался. Четвертому баталіону пришлось вести болѣе дѣятельный огонь. Наконецъ въ два часа десять минутъ приказано открыть огонь артиллеріи. Русскіе выстрѣлы ложились великолѣпно и скоро заставили китайскія пушки замолчать и сняться съ позиціи. Вообще открытіе русскаго артиллерійскаго огня произвело очень сильное впечатлѣніе какъ на своихъ, такъ и на непріятеля. Русскихъ охватила какая-то необычайная увѣренность въ томъ, что движеніе впередъ неизбѣжно, и что оно будетъ побѣдоносно. Какая-то волна какъ бы увлекала на движеніе впередъ, и ждали для этого самаго ничтожнаго толчка. Напротивъ у китайцевъ замѣтно было колебаніе; два флага, выставленные на горкѣ, опустились, но впрочемъ по непріятельскимъ стрѣлкамъ пришлось пострѣлять подольше. Начальникъ отряда почувствовалъ, что напряженіе боя дошло до крайней степени, и что минута для удара назрѣла; она должна была рѣшить не только судьбу этого сраженія, но и славу Забайкальскаго казачьяго войска. Непосредственно передъ походомъ многіе не вѣрили въ боевыя качества забайкальскихъ казаковъ,—ихъ считали плохимъ матеріаломъ, съ которымъ нельзя хорошо работать; но уже на первыхъ маршахъ забайкальцы показали себя выносливыми ходоками, теперь они покажутъ себя въ бою.

Въ два часа двадцать пять минутъ генералъ снялъ шапку, перекрестился и приказалъ шестому баталіону итти впередъ. Разомъ двинулся весь отрядъ, имѣя двѣ съ половиной сотни въ общемъ резервѣ и полсотни для прикрытія бивака. Вѣроятно, картина наступленія русскихъ представляла великолѣпный видъ со стороны китайцевъ; казаки пошли превосходно, какъ лучшія войска въ мірѣ. Полусотня терцевъ вдругъ открыла ружейный огонь черезъ головы шедшихъ впереди забайкальцевъ. Можно было опасаться несчастья.

— Не стрѣлять!—крикнулъ начальникъ отряда.

— Не стрѣлять, не стрѣлять!—подхватили находившіеся тутъ же офицеры.

Ближайшая къ начальнику отряда сотня забайкальцевъ въ недоумѣніи пріостановилась.

— Впередъ, впередъ, чего вы стали?—раздался энергичный голосъ, заставившій казаковъ снова броситься впередъ.

Къ терцамъ подъѣхалъ адъютантъ и остановилъ ихъ огонь. Поручикъ Кублицкій-Піоттухъ, замѣтивъ выходъ Верхнеудинскаго полка на своемъ правомъ флангѣ, оставилъ съ первою сотнею шестого баталіона желѣзнодорожныя постройки и пошелъ въ атаку на противолежащій холмъ, занятый непріятелемъ, по открытому пространству въ разстояніи 1.000 шаговъ. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что его безпокоила только одна мысль: онъ уже давно вышелъ въ запасъ и потому не зналъ новаго устава,—какъ бы не ошибиться; но и по старому уставу атака завершилась успѣхомъ. Не останавливаясь, дошли забайкальцы до холма и выбили оттуда противника, потерявъ пять человѣкъ ранеными. Содѣйствіе оказала восемнадцатая сотня терской охранной стражи, ударившая на непріятеля въ шашки. Противникъ дрогнулъ сразу по всей линіи. Монгольская конница развернулась было передъ Верхнеудинскимъ полкомъ, но когда онъ пошелъ въ атаку, то дала тылъ, и верхнеудинцамъ осталось только догонять и рубить. Пѣхота неотступно надвигалась на бѣгущаго врага.

Такъ какъ русскіе десять часовъ оставались на позиціи подъ огнемъ китайцевъ, то они сдѣлались черезчуръ смѣлыми и подтянули къ мѣсту боя весь свой отрядъ. Вслѣдствіе такого сосредоточенія силъ убѣжать оказалось нелегко, хотя бѣгство было чрезвычайно поспѣшное. Бросали на пути мѣшки съ патронами (на каждаго было по 500 штукъ), халаты, туфли, снаряженіе, продовольствіе и пр. Уже съ трехъ часовъ началось преслѣдованіе бѣгущаго противника, но китайцы, остававшіеся на мѣстѣ, пользовались всѣмъ для самозащиты, въ буграхъ и кустахъ дрались съ остервенѣніемъ. Въ кустахъ они прятались незамѣтно, зарывались въ песокъ такъ, что видна была только одна голова, но это вовсе не для того, чтобы спастись, потому что китайцы не боятся смерти и умираютъ съ необыкновенной легкостью. Какъ только мимо этихъ кустовъ или бугровъ проходятъ русскіе, хотя бы цѣлый баталіонъ, китаецъ начинаетъ въ нихъ палить и часто наноситъ вредъ. Такъ были потеряны многіе доблестные воины.

— Ваше превосходительство, въ васъ стрѣляютъ! — крикнулъ вѣстовой Кулатовъ.

Генералъ повернулъ голову и увидалъ шагахъ въ десяти отъ себя въ кусту китайца, который уже прицѣлился; пуля прошла очень близко.

Конница рубила китайцевъ, пѣхота дострѣливала и докалывала ихъ. Клинки шашекъ оказались очень хороши и наносили страшные удары; въ особенности сильны были удары казаковъ: они ру-

били преимущественно по шеѣ, остріе шашки углублялось въ шею вершка на полтора; рубили съ оттяжкой, такъ что удары были страшны и смертельны. Офицерскіе удары приходились преимущественно по черепу, и такъ какъ коса китайца свертывалась на головѣ клубкомъ, то она иногда ослабляла ударъ. Клинокъ соскальзывалъ, но все-таки откалывалъ кусокъ черепной кости величиною съ полъ-ладони, мозгъ обнаруживался, и ударъ являлся смертельнымъ.

У одного китайца былъ очень хорошій конь, и верхнеудинцы хотѣли взять его живымъ, именно изъ-за этого коня, но догнать монгола было не легко. Убѣгая, онъ кричалъ по-монгольски: «Я капитанъ, я капитанъ, не бейте меня». Этотъ крикъ, вѣроятно, ускорилъ его гибель, потому что казаки подстрѣлили его коня, да зарубили и его самого.

Подъэсаулу Горохову одинъ монголъ отстрѣлилъ пальцы на ногѣ; сгоряча Гороховъ не почувствовалъ и продолжалъ бой, но скоро рана сказалась, и доблестный офицеръ былъ отправленъ на перевязочный пунктъ.

Много эпизодовъ было во время рубки. Переводчикъ Максимовъ, шестидесяти лѣтъ, но весьма еще бодрый, наканунѣ переодѣлся монголомъ и хотѣлъ ѣхать къ непріятелю въ качествѣ шпіона. Онъ дѣйствительно очень былъ похожъ на монгола. Одинъ казакъ, не разобравъ хорошенько, полоснулъ его во время боя шашкой.

— Что ты дѣлаешь? — вскричалъ Максимовъ: — я русскій!

Но тутъ подскочило еще нѣсколько казаковъ; увидѣли другъ противъ друга монгола и казака, дѣло для нихъ казалось яснымъ, и несчастнаго Максимова засѣкли русскими шашками.

Въ одномъ мѣстѣ въ кусту казакъ нашелъ китайца и рубитъ его, а изъ другого куста китаецъ застрѣливаетъ казака; другой казакъ кладетъ этого китайца, а третій китаецъ застрѣливаетъ второго казака. Обоихъ молодцовъ похоронили тамъ же на мѣстѣ.

Въ четвертомъ баталіонѣ старый казакъ (пятидесяти четырехъ лѣтъ), доброволецъ Алексѣй Стародубовъ, на глазахъ начальника отряда застрѣлилъ китайскаго знаменщика и выхватилъ у него знамя. Также лично захватилъ знамя штабсъ-капитанъ Бодиско, командиръ восемнадцатой терской сотни охранной стражи. Наконецъ, взято было одно орудіе, стальное, заряжающееся съ казны, калибромъ около двухъ съ половиною дюймовъ [1]). Отрядъ двигался впередъ, при чемъ постоянно приходилось направлять движеніе его частей.

— Войсковой старшина Фолимоновъ, что же вы не стрѣляете и впередъ не идете?

---

[1]) Другое взяли на слѣдующій день на передовыхъ постахъ; при немъ было двадцать китайцевъ, двухъ изъ нихъ убили, остальные разбѣжались.

— Боюсь, ваше превосходительство, ошибиться. Мнѣ кажется, что впереди это толпа китайцевъ, но и верхнеудинцы тамъ; какъ бы не хватить по своимъ.

— Конечно, лучше сотню китайцевъ пропустить, чѣмъ одного своего убить.

— Терцы, ваше превосходительство, тоже въ черное одѣты и ихъ издали мѣшаешь съ синими китайцами. Нельзя ли, чтобы всѣ одѣвались въ бѣлое?

— Нельзя, потому что у нихъ ничего бѣлаго нѣтъ: въ чемъ успѣли уйти съ желѣзной дороги, въ томъ и есть. А вы въ такомъ случаѣ берите на передки, да идите впередъ, соединяйтесь скорѣе съ верхнеудинцами. Вы—конная батарея, нечего вамъ тутъ съ пѣхотой дѣлать.

Батарея на рысяхъ двинулась впередъ.

— Подъэсаулъ Сидоровъ, поѣзжайте къ Кублицкому; прикажите ему двигаться энергичнѣе впередъ на правомъ флангѣ, чтобы все время былъ на одной высотѣ съ остальными войсками.

Подъэсаулъ Сидоровъ поѣхалъ налаживать движеніе Кублицкаго.

— Подполковникъ Воложаниновъ, поѣзжайте къ Тихонову и передайте, чтобы шестой баталіонъ тщательно осматривалъ всѣ кусты и пески; много прячется китайцевъ, надобно вылизать мѣстность.

Черезъ нѣсколько минутъ генералъ замѣчаетъ, что четвертый баталіонъ остановился немного отдохнуть. Конечно, отдыхъ нуженъ, но теперь-то не время. Надобно бы кого нибудь послать,—двинуть четвертый баталіонъ; но около начальника отряда нѣтъ офицеровъ, онъ всѣхъ ихъ услалъ. Вдругъ онъ усматриваетъ инженера Жемчужникова и телеграфиста Лецкаго, которые храбро ѣдутъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

— Инженеръ Жемчужниковъ,—кричитъ генералъ,—поѣзжайте къ четвертому баталіону и прикажите сейчасъ же двигаться впередъ.

— Какъ? я?!—спрашиваетъ Жемчужниковъ, изумленный тѣмъ, что ему, штатскому, дано такое порученіе.

— Да, вы! кто же другой? Скорѣй!

Жемчужниковъ скачетъ къ четвертому баталіону и очень успѣшно передаетъ порученіе.

Отрядъ все продвигается впередъ. Артиллерія своими выстрѣлами прочищаетъ дорогу: лишь только китайцы собираются въ массы, она ихъ разметываетъ въ разныя стороны; конница нападаетъ на кучи, пѣхота почти лавой проходитъ всю мѣстность.

Возлѣ берега Хайлара въ поймѣ видна кучка китайцевъ; до нихъ больше полуверсты. Взводъ верхнеудинцевъ стоитъ и поглядываетъ на нихъ съ какимъ-то сомнѣніемъ.

— Что же вы смотрите?—горячится начальникъ отряда:—идите и возьмите ихъ сейчасъ же.

Казаки спѣшиваются и готовятся открыть огонь по китайцамъ.

— Ахъ, вы, такіе, сякіе! Да вы трусы, что ли? Вы хотите отсюда стрѣлять ихъ, какъ бекасовъ. Что за срамъ! Урядникъ, идите, возьмите ихъ въ шашки!

Дѣлать нечего, верхнеудинцы пошли впередъ, рысью атаковали китайцевъ, но нелегко было ихъ прикончить. Одинъ нѣсколько минутъ защищался противъ трехъ казаковъ, пока наконецъ его не пристрѣлили.

Горячо преслѣдуя, отрядъ прошелъ отъ станціи Онгуни верстъ пятнадцать, восемнадцать. Вечерѣло. Безъ ранцевъ и безъ хлѣба итти дальше было невозможно, да и не предполагалось — много было дѣла, которое слѣдовало окончить еще на Онгунѣ. Разосланы приказанія остановиться, немного отдохнуть и собираться въ общую колонну для возвращенія на бивакъ. Приказаніе было передано всѣмъ отдѣльнымъ частямъ. Мало того, чтобы не было какихъ нибудь отсталыхъ одиночныхъ людей, начальникъ отряда, вопреки принятому правилу — не подавать сигналовъ, приказалъ трубить «сборъ». Собрались и пошли на бивакъ, но по пути все еще раздавались выстрѣлы; много китайцевъ, спрятавшись по сторонамъ, открывали огонь, лишь только приближался отрядъ. Нельзя сказать, чтобы стрѣльба ихъ была безтолкова: выстрѣлы направлялись преимущественно въ начальство.

Уже начинало темнѣть; съ рѣки потянуло сыростью и прохладой. Всѣ ѣхали очень довольные успѣхомъ. Постепенно выяснялись трофеи; плѣнныхъ было мало; китайцы предпочитали умирать,—сдавались въ плѣнъ немногіе, преимущественно, изъ тѣхъ, которые служили раньше на постройкѣ желѣзной дороги и хорошо знали русскихъ. Захвачено: два знамени, двѣ пушки, много оружія и патроновъ. Повсюду валялись трупы убитыхъ китайцевъ. Видъ ихъ какъ-то ни у кого не возбуждалъ жалости; только тяжкія ихъ раны производили впечатлѣніе ужаса. Одѣты китайцы очень легко, о снаряженіи нѣтъ и помину; только мѣшки съ патронами, да у нѣкоторыхъ мѣшки съ мукой. Конечно, если разсматривать это снаряженіе съ точки зрѣнія подготовки на длинную кампанію, можетъ быть даже не только на лѣто, но и на зиму, то, конечно, оно окажется негоднымъ; для данной же минуты въ срединѣ лѣта оно имѣло большія достоинства — итти было легко.

Во время обратнаго движенія обсуждали вопросъ, какое число потерь у непріятеля показать въ донесеніи. Но какъ ихъ сосчитать? Темно, трупы разбросаны на огромномъ пространствѣ, ни у кого не было еще опыта въ оцѣнкѣ числа убитыхъ. Наконецъ, очень боялись упрека въ преувеличеніи. Несомнѣнно было, что побѣда одержана полная, — преувеличиванія оказывались излишними; рѣшено показать потерю у непріятеля скромно—до двухсотъ человѣкъ. Всѣ были увѣрены, что на самомъ дѣлѣ ихъ было

гораздо больше. Когда черезъ два дня начали закапывать трупы, то ихъ насчитали отъ 800 до 900. Потеря русскихъ состояла изъ десяти убитыхъ и восемнадцати раненыхъ, между послѣдними два офицера. Разница въ потеряхъ обѣихъ сторонъ была громадная, но это вполнѣ естественно: чѣмъ рѣшительнѣе побѣда, тѣмъ меньше потерь у побѣдителя и тѣмъ больше у побѣжденнаго.

— Китайскаго-то начальника убили,—говоритъ одинъ изъ штабныхъ.

— Не можетъ быть!—говоритъ другой.

— Ну, какъ не можетъ быть, когда и шапку соболью съ шарикомъ съ него сняли.

— Однако, плѣнные говорятъ, что отрядомъ командовалъ самъ Чуанъ-до, и что онъ съ шестьюдесятью отборными всадниками на превосходныхъ коняхъ успѣлъ уйти.

— Такъ, можетъ быть, шапка другого начальника, который подъ нимъ командовалъ. Вѣдь Чуанъ-до командовалъ войсками всего Хайларскаго округа; отъ него отряды пошли по двумъ направленіямъ: и противъ насъ, и на Цурухайтуй. Конечно, въ каждомъ отрядѣ былъ свой начальникъ, а Чуанъ-до, какъ старшій, состоялъ при главномъ отрядѣ, который мы сегодня разбили.

— Маціевскій,—сказалъ начальникъ отряда, прислушиваясь къ разговору,—прикажите-ка шапку этого начальника принести мнѣ, она должна быть представлена въ числѣ трофеевъ.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Слѣва изъ куста раздался выстрѣлъ—пуля пролетѣла тутъ же.

— Подъэсаулъ Сидоровъ, возьмите нѣсколькихъ казаковъ, посмотрите, что тамъ около этого куста.

Подъэсаулъ Сидоровъ далъ плеть коню, который уже началъ прихрамывать, и отправился исполнять порученіе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился.

— Ну, что?

— Въ кусту сидѣло три китайца.

— Ну, и гдѣ же они теперь?

— Тамъ же! Ихъ прикончили.

Приближались къ позиціи, на которой сражались днемъ. Уже совсѣмъ стемнѣло. Длиннымъ бѣловатымъ пятномъ тянулся отрядъ по степи. Съ боку ѣхалъ начальникъ отряда, за нимъ казакъ со знаменемъ, взятымъ штабсъ-капитаномъ Бодиско.

Тутъ же темнѣлась группа штабныхъ офицеровъ и казаковъ. Жемчужниковъ и Лецкій ѣхали совсѣмъ близко отъ генерала.

— А что, Жемчужниковъ, вы удивились, когда я васъ послалъ съ приказаніемъ?—сказалъ онъ.

— Я, ваше превосходительство, этого совсѣмъ не ожидалъ,—отвѣчалъ Жемчужниковъ.

— Видите, батюшка, на войнѣ всякій человѣкъ становится воен-

нымъ, и обязанности его военныя, и исполнять ихъ онъ долженъ, когда приказываютъ.

— Да я и то, ваше превосходительство, военный.

— Какъ такъ?

— Я отбывалъ воинскую повинность въ артиллеріи и вышелъ со службы фейерверкеромъ.

— Какъ же вы, другъ мой, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ и не держали экзамена на офицера?

— Да я и держалъ при Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ.

— Ну, и что жъ?..

— Вы меня срѣзали на экзаменѣ изъ тактики.

— Ха, ха... ха... ха... послѣдовалъ дружный взрывъ хохота офицеровъ.

— Все къ лучшему,—сказалъ генералъ,—зато я теперь имѣю удовольствіе быть съ вами и на практикѣ примѣнять тактику. Право, изъ васъ вышелъ бы отличный офицеръ.

Вотъ и поворотъ дороги возлѣ того мѣста, гдѣ стояла батарея.

— Войсковой старшина Фолимоновъ, вы своихъ орудій не свозите, а оставьте ихъ на позиціи и прислуги дежурный взводъ; остальную батарею можете поставить бивакомъ. Бивакомъ вамъ и Верхнеудинскому полку расположиться сзади пруда, остальнымъ стать на отдыхъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и вчера. Семенъ Ивановичъ, сообщите все это, кому слѣдуетъ, сейчасъ же. Въ сторожевое охраненіе назначить двѣ сотни верхнеудинцевъ, да чтобъ охраненіе не только къ сторонѣ непріятеля, а кругомъ всего бивака. Тамъ за рѣкой Хайларъ кто-то бродитъ, а между тѣмъ отрядъ теперь очень нервно настроенъ. Въ дежурную часть назначьте сотню отъ шестого баталіона, и дежурная часть пусть не остается на бивакѣ, но выдвинется на артиллерійскую позицію, вотъ у насъ позиція и будетъ занята прочно. Отъ шестого же баталіона пусть будетъ дежурнымъ по биваку одинъ изъ сотенныхъ командировъ и бивачное охраненіе. Чтобы на пекарнѣ не нервничали, выслать къ нимъ отъ шестого баталіона для успокоенія заставу въ размѣрѣ одного взвода; туда же на станцію къ телефону отъ Верхнеудинскаго полка немедленно нарядить трехъ конныхъ вѣстовыхъ, а двухъ прислать въ штабъ отряда. Кромѣ того, всѣмъ частямъ сегодня же представить свѣдѣнія о взятыхъ трофеяхъ, о числѣ оставшихся патроновъ и снарядовъ и потеряхъ въ бою; очень пусть не расписываютъ и только объ офицерахъ напишутъ поименно, а казаковъ общимъ числомъ. Точно также обратите вниманіе, чтобъ не писали, сколько израсходовано патроновъ и снарядовъ, а именно сколько у нихъ осталось, потому что эти-то цифры мнѣ и нужны; сколько израсходовано, я и самъ сочту, потому что знаю, сколько было. Будутъ жаловаться, что устали; не обращайте

вниманія,—пусть пишутъ безъ всякаго каллиграфическаго искусства, а простыми безхитростными записками.

Пріѣхали на бивакъ; палатки уже были разбиты на прежнихъ мѣстахъ; принялись съ большимъ аппетитомъ за ужинъ и чай. По случаю побѣды запасовъ не жалѣли.

Хотя встали въ четыре часа утра, но нервное возбужденіе было столь сильно, что никто не ложился спать; бесѣда самая оживленная лилась; всѣ спѣшили дѣлиться впечатлѣніями дня. На перебой разсказывали разные эпизоды, бывшіе во время сраженія. Столъ былъ накрытъ на воздухѣ. Вдругъ послышался голосъ:

— Однако, паря, какъ темно, подходяще лобъ разбить. Гдѣ тутъ начальникъ отряда?

— Да вонъ тамъ у стола,—почтительнымъ шепотомъ отвѣчалъ другой казакъ.

Забайкалецъ приблизился къ столу.

— Ваше превосходительство, однако, пакетъ отъ штабъ-ротмистра Булатовича.

— Откуда, гдѣ онъ?—взволновался начальникъ отряда, вспомнивъ, что при обратномъ движеніи онъ Булатовича что-то не видалъ.

— Отсюда верстъ тридцать будетъ.

— Да ты самъ откуда? Какъ вы туда забрались?

— Такъ точно, я оттудова. Еле прошелъ мимо китайцевъ. Мы послѣ сраженія всѣмъ взводомъ (мы отъ второй сотни, сотника Красностанова) со штабъ-ротмистромъ гнали китайцевъ и больно далече зашли.

— Да вѣдь сборъ трубили, развѣ вы не слыхали?

— Однако, не слыхали, а, може, и слышали. Мы и говорили ему, штабъ-ротмистру, что надо ворочаться, а онъ все гонитъ, даже грозился.

— Такъ вы, что же, до станціи дошли?

— Однако, подходяще, какъ станція.

— Такъ это они до Урдинги махнули.

— Ваше превосходительство,—говоритъ начальникъ штаба:—да вы записку прочтите, тамъ вѣрно Булатовичъ все объясняетъ.

— И то правда!

Въ волненіи начальникъ отряда разорвалъ маленькій, сѣренькій, тоненькій конвертикъ, такъ что оторвалъ и кусокъ вложеннаго туда тоненькаго листка для донесенія. Булатовичъ доносилъ изъ Урдинги, что онъ потерялъ одного казака убитымъ, окруженъ непріятелемъ, разстрѣлялъ всѣ патроны, лошади утомлены.

— Семенъ Ивановичъ, немедленно пусть сѣдлаютъ всѣ оставшіяся сотни верхнеудинцевъ, тамъ будетъ сотни три; сотня Красностанова обязательно; и пусть идутъ выручать Булатовича во что бы то ни стало. Этого казака пусть возьмутъ съ собою, онъ ихъ приведетъ на мѣсто.

Верхнеудинцы ночью отправились на выручку товарищей, а начальникъ отряда, сильно озабоченный происшедшимъ, заканчивалъ свое письмо домой такими словами: «Булатовичъ не вернулся; какова его судьба—одному Богу извѣстно».

Велика была радость на другой день, когда узнали, что три сотни верхнеудинцевъ не дошли до Урдинги, но еще на пути встрѣтили взводъ Булатовича, возвращавшійся благополучно.

— Ну, ужъ какъ вы меня напугали,—говорилъ ему съ лаской начальникъ отряда:—«окруженъ, прошу помощи».

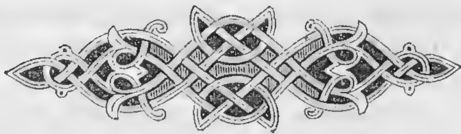
— Ваше превосходительство, я не просилъ помощи, я только доносилъ, а у меня все было благополучно.

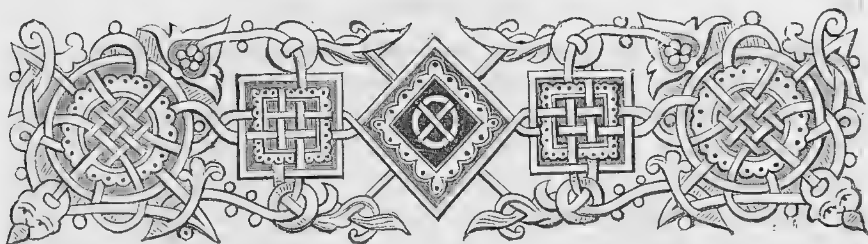
— Ну, да такъ бы и писалъ.

— Слушаю-съ, впередъ я буду писать, что «все обстоитъ благополучно».

Результатъ сраженія при Онгуни былъ въ высшей степени важенъ. Монголы увидѣли силу русскаго оружія, ничтожество китайцевъ; вслѣдствіе этого совершенно отложились отъ нихъ и не хотѣли болѣе воевать съ русскими. Въ монгольскомъ городѣ Ургѣ подготовлялось нападеніе на русскихъ, но послѣ сраженія при Онгуни все успокоилось; отъ подобныхъ предпріятій монголы отказались, Забайкалью не грозила ни малѣйшая опасность. Мало того, опасность не грозила тылу Хайларскаго отряда при дальнѣйшемъ его наступленіи внутрь Манчжуріи.

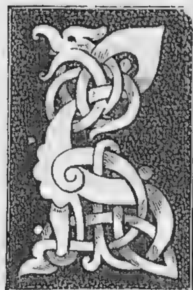
Н. А. Орловъ.

ТРАГИЗМЪ А. К. ШЕЛЛЕРА.

I.

Ъ ДВѢНАДЦАТОМЪ выпускѣ «Исторіи русской словесности» П. Н. Полевого помѣщенъ портретъ І. І. Ясинскаго съ слѣдующей собственноручной надписью послѣдняго: «Журналистика не литература». Заявленіе это особенно удивительно, когда тужъ же, въ текстѣ, о г. Ясинскомъ сказано, что съ 1-го марта 1900 года онъ самъ издаетъ журналъ «Ежемѣсячныя Сочиненія». Въ означенныхъ «Сочиненіяхъ» за февраль помѣщена небольшая замѣтка г. Ясинскаго подъ заглавіемъ: «Трагизмъ Шеллера». Я не могу обойти молчаніемъ упрека, дѣлаемаго мнѣ въ ней за то, что въ моей статьѣ «Памяти А. К. Шеллера»[1]) я объясняю неровности характера А. К. Шеллера, между многими другими причинами, и его двойственнымъ воспитаніемъ: демократическимъ вліяніемъ со стороны отца и аристократическимъ по материнской линіи, тогда какъ, по мнѣнію г. Ясинскаго, «трагизмъ Шеллера» происходилъ исключительно отъ литературной неудовлетворенности и его фальшиваго въ литературѣ положенія. Но разумѣется на ребенка не могла вліять литературная неудовлетворенность, а вліяла только семейная обстановка, когда мы говорили о двойномъ воспитаніи.

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», январь, 1901 г.

Мои свѣдѣнія о трагизмѣ двойного воспитанія усопшаго писателя совпадаютъ съ показаніями самого Шеллера въ его разговорахъ и автобіографическихъ произведеніяхъ, гдѣ онъ говоритъ о своихъ дѣтскихъ и юношескихъ годахъ. Опираясь на нихъ, я и объяснялъ ими во многомъ сложный характеръ Шеллера, съ массою недостатковъ и странностей, не забывая, разумѣется, «лучшей части» въ Шеллерѣ: положительныя стороны его большого ума, блестящую діалектику, остроуміе, необыкновенное трудолюбіе, солидное образованіе и общественныя заслуги его литературнаго пера. Его дѣтство и отрочество прошли неровно, и ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что я приписываю большое вліяніе семьи на человѣка. Что касается литературнаго трагизма Шеллера въ связи съ неровностями его характера, то, конечно, на этотъ литературный трагизмъ не вліяло происхожденіе Шеллера отъ придворнаго гофъ-фурьера и барыни. О такой зависимости данныхъ явленій у меня нѣтъ ни слова въ моихъ воспоминаніяхъ о Шеллерѣ, и я рѣшительно не могу понять, почему г. Ясинскому понадобилось отвергать мои показанія о вліяніи на Шеллера въ дѣтствѣ и юности его отца, бабушки, тетушки и т. д. Неужели онъ не умѣетъ отдѣлить разные воспитательные періоды въ жизни писателя и отвергаетъ глубокое вліяніе на характеръ человѣка его дѣвственныхъ впечатлѣній въ семьѣ и школѣ? Я не могъ говорить о молодости Шеллера иначе, нежели говорилъ о ней онъ самъ. Именно съ его собственныхъ словъ и сочиненій написана мною его біографія. Въ разные сроки его неоднократныхъ юбилеевъ чуть ли не я одинъ давалъ въ газеты статьи о немъ съ подробностями его частной жизни. Это обстоятельство заставляло меня всегда показывать для провѣрки фактовъ самому Шеллеру готовящуюся о немъ статью. Давая на просмотръ рукопись съ частными обстоятельствами его жизни, я никогда, конечно, не стѣснялся въ освѣщеніи ихъ и оцѣнкѣ всей литературной дѣятельности Шеллера. Я просто боялся фактической ошибки и потому просилъ Шеллера провѣрить меня. Безпристрастная передача фактовъ его жизни и мое пониманіе ихъ могли быть даже непріятны Шеллеру; однако, къ его чести, онъ нѣкоторыя неточности исправлялъ, но всегда признавалъ справедливость всей статьи. Въ одинъ изъ его юбилеевъ я напечаталъ о немъ статью въ газетѣ «Русская Жизнь» и послалъ номеръ газеты Н. С. Лѣскову. Отъ послѣдняго я получилъ въ отвѣтъ слѣдующее письмо:

«Усердно благодарю васъ за присылку № газеты съ вашей статьею. Боюсь, однако, что вы ею, пожалуй, не потрафили имениннику и даже, можетъ быть, огорчили его, чего въ такой день дѣлать не слѣдовало. Если уже неодолимая сила влекла васъ назвать его племенное происхожденіе отъ эстонца, то надо было воспользоваться изысканіями о происхожденіи этой народности и при-

вести его въ какое нибудь родственное сближеніе съ Аттилою, съ которымъ у него и есть что-то родственное въ кипучести, клокотаніи, а, можетъ быть, и въ самой внѣшности. Вы упустили очень хорошій случай» (письмо отъ 15-го октября 1893 года).

Лѣсковъ написалъ это злое письмо не безъ нѣкотораго основанія. Шеллеръ чрезвычайно болѣзненно относился къ своему родословію и къ своей личной славѣ. Во всѣхъ біографическихъ сборникахъ о русскихъ писателяхъ (см. «Русскіе поэты» А. Сальникова, «Сборникъ русскихъ поэтовъ» Гербеля) показано, со словъ Шеллера, о томъ, что его отецъ одно время служилъ въ театральномъ оркестрѣ не просто музыкантомъ, но непремѣнно «камеръ-музыкантомъ». Дѣтство свое нашъ писатель провелъ въ семьѣ придворнаго служителя, но онъ не переставалъ говорить о театрѣ и даже писалъ къ литератору А. Лукьянову отъ 15-го октября 1896 г. слѣдующее: «Заваленъ работой выше горла и даже не бываю въ театрѣ, хотя люблю его любовью перваго любовника. Еще бы, все дѣтство провелъ среди друзей отца—актеровъ». При А. К. не безопасно было распространяться объ аристократическомъ происхожденіи кого либо: онъ непремѣнно заподозрѣвалъ васъ въ пренебреженіи къ его «Шеллеровскому роду»; если же приходилось къ слову упомянуть чье либо мѣщанство, онъ тотчасъ начиналъ кричать: «слава Богу, что я не Андреевъ и не Ивановъ».

Такимъ образомъ мои сообщенія о молодости Шеллера вполнѣ достовѣрны, и онъ до конца своей жизни, какъ это видно и изъ письма Н. С. Лѣскова, не переставалъ производить впечатлѣніе человѣка съ двойнымъ воспитаніемъ, къ которому впослѣдствіи присоединился и литературный трагизмъ. Послѣдній нисколько не исключаетъ перваго. О юномъ трагизмѣ Шеллера онъ самъ трогательно говоритъ въ стихотвореніи:

Горе свое я умѣю терпѣть.

Горе свое я умѣю терпѣть,
Стонамъ людскимъ я внимаю безстрастно,
Только на дѣтскія слезы смотрѣть
    Я не могу безучастно.

Только увижу ихъ—дѣтство мое
Вспомнится снова: мѣщанство, наука,
Въ грязномъ углѣ роковое житье
    И одиночества скука.

Вспомнится храмъ и ограды лужокъ,
Нѣсколько липъ и березъ запыленныхъ,
Множество нянекъ и дѣтскій кружокъ
    Между акацій зеленыхъ.

Сколько тамъ было веселыхъ дѣтей,
Игръ, и игрушекъ богатыхъ и счастья!
Но, съ безголовою куклой своей,
Не возбуждалъ я участья.

Рано къ дѣтямъ прививается спесь,
Гордости мелкой ихъ учатъ съ пеленокъ;
Слышалъ и я: «что ты дѣлаешь здѣсь?
Ты не дворянскій ребенокъ!»

И, чтобъ задобрить дѣтей, я постигъ
Горькое вкрадчивой лести искусство,
Злобствуя, въ сердцѣ лелѣять привыкъ
Зависти подлое чувство.

Тамъ, среди лести и мелкихъ услугъ,
Рано утратилъ я чувство свободы,
И привился ко мнѣ рабства недугъ,
Переживающій годы.

Страшный недугъ, научившій скрывать
Гордости честной и смѣлой порывы,
Вѣчно робѣть, притворяться и лгать
И—проклинать молчаливо.

Стихотворенія Шеллера должны разсматриваться, какъ интереснѣйшій автобіографическій матеріалъ. Онъ самъ о нихъ (въ изданіи Бортневскаго за 1873 годъ) писалъ: «Большая часть изъ нихъ, быть можетъ, не имѣя никакихъ достоинствъ въ поэтическомъ отношеніи, является какъ бы листками изъ моей записной книги, хранящими свѣжіе слѣды прошлой тяжелой жизни, и говоритъ о томъ, что было прожито и какъ прожито. Быть можетъ, эта—и только эта одна—сторона будетъ близка и дорога тѣмъ изъ моихъ читателей, которые, подобно мнѣ, прошли тотъ же тяжелый путь, пробиваясь среди нищеты и невѣжества, безъ всякой посторонней помощи, на свѣтъ. Быть можетъ, она будетъ дорога и близка только имъ. Пусть такъ!» Такимъ образомъ, не только біографическіе факты о молодости Шеллера провѣрены, но и самое ихъ вліяніе на его характеръ совпадаетъ съ собственнымъ признаніемъ объ этомъ Шеллера. Между тѣмъ г. Ясинскій, упрекая меня въ неумѣломъ пониманіи характера Шеллера, начинаетъ говорить совсѣмъ о другомъ періодѣ его жизни, когда на характеръ Шеллера за послѣдніе годы его жизни, между прочимъ, вліяла и литературная неудовлетворенность. Скажу на это, что несомнѣнно и литературная неудовлетворенность въ послѣдніе годы совершенно издергала его нервы; но къ этому литературному трагизму особенно была воспріимчива почва, на которой Шеллеръ выросъ въ ранніе годы. Я не долженъ былъ игнорировать эту почву, когда писалъ его біографію. А, конечно, въ своей литературной жизни онъ хлебнулъ немало горечи. Даже «Полное собраніе сочиненій»—не дало

Шеллеру того, на что онъ надѣялся. Въ письмѣ 1894 года къ А. А. Лукьянову онъ заявляетъ: «Я принимаюсь при помощи Михаила Сергѣевича Суворина за изданіе «Полнаго собранія сочиненій». Это дастъ мнѣ возможность сказать: нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ. Кажется, заслужилъ я отдыхъ?». Изданіе пошло тихо... Шеллера охотно до сихъ поръ читаютъ, но покупать книги даже любимыхъ авторовъ мы не привыкли. Это, разумѣется, сильно огорчало Шеллера, обвивая подколодной змѣей его самолюбивое сердце.

Двойное вліяніе въ дѣтствѣ и литературная неудовлетворенность за послѣдніе годы создали въ характерѣ Шеллера дѣйствительно то, что г. Ясинскій называетъ его «трагизмомъ». Но и этихъ причинъ было бы недостаточно для объясненій сложнаго характера Шеллера: не «Живописное Обозрѣніе» и не «Сынъ Отечества» всецѣло властвовали надъ душой его, а главнымъ образомъ всеобщая перемѣна фронта въ общественной жизни, постоянно приносившая ему рядъ доказательствъ о забвеніи обществомъ не только его самого, но и всѣхъ священныхъ для Шеллера идеаловъ. Не всѣ это понимали въ жизни его, и тотъ же г. Ясинскій весь трагизмъ Шеллера сосредоточилъ исключительно на литературныхъ неудачахъ Александра Константиновича. Этого объясненія недостаточно... Не только литературная, но и вся общественная жизнь измѣнили Шеллеру и настроивали его мучительно мрачно. Тѣмъ не менѣе, его пессимистическіе припадки, отражавшіеся въ сужденіяхъ о людяхъ и литературѣ, вытекали изъ глубокаго идеализма души. Эту двойственность не всѣ понимали въ немъ и часто судили о немъ односторонне. Шеллеръ самъ подавалъ къ тому много поводовъ. Его несдержанность, а иногда художественныя импровизаціи, увлекали его неоднократно за установленные предѣлы разговоровъ. Только анализируя его поведеніе, приходишь къ тому заключенію, что въ одномъ случаѣ онъ самъ увлекался, такъ сказать, «литераторскимъ языкомъ», и простая случайность жизни въ его передачѣ облекалась въ «перлъ созданія»; въ другихъ случаяхъ—его рѣзкость и часто несправедливые приговоры надъ людьми вытекали изъ преклоненія передъ идеаломъ, который, по его мнѣнію, люди оскорбили.

Для полноты характеристики Шеллера необходимо отмѣтить въ немъ пессимистическое и повышенное самочувствіе, нуждающееся въ умѣлой передачѣ и нужномъ освѣщеніи. Въ рукахъ непріязненныхъ къ Шеллеру лицъ то же самое обстоятельство будетъ перетолковано иначе, а между тѣмъ Шеллеръ и въ своихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ оставался человѣкомъ идеи, всегда развиваемой имъ оригинально и литературно. Его «личности» были всегда на литературной почвѣ, и въ его желчныхъ о нихъ сарказмахъ никогда не было корыстныхъ и черныхъ мотивовъ. Скорѣе

ѣдкая насмѣшка и злословіе о писателяхъ были воспитаны въ немъ, въ свою очередь, несправедливостью послѣднихъ къ нему самому. Разница была въ томъ, что Шеллеръ представлялъ собою извѣстную величину, съ печатью эпохи шестидесятыхъ годовъ, а позднѣйшая среда писателей все болѣе и болѣе мельчала и давала себя чувствовать Шеллеру тѣмъ, что наступилъ праздникъ на ихъ сторонѣ, и что они не признаютъ шестидесятниковъ своими духовными отцами. Его непріязнь къ нимъ была чисто принципіальнаго характера. Лично онъ пригрѣвалъ молодыхъ писателей, отлично сознавая, что многіе изъ нихъ будутъ его врагами по направленію. Если Шеллеръ многихъ изъ нихъ впослѣдствіи и не любилъ, то всегда не любилъ по литературѣ. Напримѣръ, о Волынскомъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника» онъ часто говорилъ:

— Я не люблю его... То-есть не какъ человѣка, а какъ писателя, не люблю за то, что для него не существуетъ исторической перспективы, и потому всѣ его сужденія о Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ, Писаревѣ мнѣ антипатичны. Онъ не взвѣшиваетъ время, когда они жили и почему они писали о многомъ иначе, чѣмъ онъ самъ въ 1896 году думаетъ о томъ же предметѣ. Это не критика... Все, что онъ можетъ сдѣлать съ ними, это вырвать рядъ кусковъ изъ нихъ, процитировать нѣкоторыя мѣста и сказать: мнѣ это не нравится, и потому это плохо,.. Ничего другого онъ въ сущности и сдѣлать не можетъ въ области критики. Возьмемъ самаго боевого писателя, съ которымъ Волынскій, кстати, лично былъ знакомъ. Это Лѣсковъ. Что въ немъ онъ будетъ разбирать? Въ «Соборянахъ» и «Мелочахъ архіерейской жизни» выведены попы; да вѣдь Волынскій еврей и не знаетъ русскихъ поповъ. Какъ же онъ будетъ судить о нихъ? Въ «Некуда» выведены нигилисты, но Волынскій сравнительно молодъ и не знаетъ шестидесятые годы; въ другихъ произведеніяхъ выведены захолустные люди и ихъ провинціальная жизнь,—но Волынскій, какъ петербуржецъ, и этого не знаетъ. Какъ же онъ будетъ разбирать и критиковать художественныя произведенія Лѣскова? Съ какой стороны и въ какомъ отношеніи онъ будетъ писать вообще о русской литературѣ? Исключительно съ чисто художественной точки зрѣнія... «Думалъ я, или я думалъ»—вотъ, что онъ будетъ подвергать своей критикѣ. Но вѣдь это не важно и не нужно, да кстати онъ и самъ не умѣетъ художественно излагать свои собственныя мысли. Еще будетъ онъ съ точки зрѣнія «метафизическаго идеализма» поносить писателя за то, что тотъ занимался временными нуждами, а не вѣчностью; будетъ доказывать, что заниматься въ 60-хъ годахъ крѣпостнымъ правомъ, общиной, земствомъ, народными школами и женскимъ вопросомъ—было матеріалистично и вредно въ философскомъ смыслѣ. Теперь эти вопросы рѣшенные, и для Волынскаго они чисто внѣшніе и временные; вотъ онъ и кричитъ на Чернышевскаго и До-

бролюбова, что они недостаточно философски образованы, мало занимались безсмертными вопросами, и всѣ они мыслятъ «буржуазно». Но развѣ это критика? Развѣ они могли не заниматься тѣми вопросами, которые были въ то время «злобою дня» для русскаго общества и поважнѣе вѣчной философіи? Но Волынскому въ настоящее время это не нравится. Онъ не придаетъ имъ значенія въ наши дни и осуждаетъ писателей 60-хъ годовъ. Онъ бранитъ ихъ за то, что они занимались болѣе экономическими и политическими вопросами, а не эстетически-художественными и философскими. Это незнаніе задачъ русской жизни и навязываніе ей своего «метафизическаго идеализма» сгубило Волынскаго. Чтобы быть критикомъ художественныхъ произведеній изъ русскаго быта, надо отлично знать этотъ бытъ; чтобы быть философомъ, надо указать на новый вкладъ собственной мысли. А главное, нужно понимать потребности времени и чувствовать благодарность къ его работникамъ. Въ шестидесятые годы безъ Чернышевскаго, Кавелина, Герцена, Добролюбова и Щедрина, можетъ быть, не было бы и шестидесятыхъ годовъ, а теперь всякій фразеръ пробуетъ на нихъ свою силу и обвиняетъ ихъ въ матеріалистичности и буржуазности.

Эта тирада Шеллера противъ Волынскаго нисколько не мѣшала Шеллеру быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Волынскимъ, какъ съ человѣкомъ, и отрицать его, какъ литератора. Его непріязнь и ко всѣмъ прочимъ людямъ была исключительно на литературной почвѣ.

Шеллеръ видѣлъ, какъ мелкіе таланты, съ узкимъ міросозерцаніемъ и разсказами величиною въ ладонь, вытѣсняютъ заслуженныя имена и болѣе подходятъ подъ ростъ общества, чѣмъ люди реформъ и движеній. Въ Шеллерѣ выразился великій расколъ, господствующій и въ литературѣ и обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ обозначались у насъ двѣ эпохи: реформъ и реакціи. И та, и другая эпохи имѣютъ своихъ питомцевъ, и чѣмъ чаще обнаруживалось непониманіе и оплеваніе шестидесятыхъ годовъ нынѣшними, тѣмъ сильнѣе Шеллеръ былъ оскорбленъ въ лучшихъ своихъ симпатіяхъ. Онъ ожесточался и на общество и на собственнаго брата-писателя. Темпераментъ увлекалъ его часто за законные предѣлы, и тогда онъ плохо разбиралъ даже людей въ одномъ съ нимъ направленіи работавшихъ. Онъ тотчасъ готовъ былъ съ горькимъ чувствомъ отзываться о Тургеневѣ, о Толстомъ и т. д. «Съ Н. К. Михайловскимъ,—грустно говорилъ онъ:—мы видимся и встрѣчаемся только на похоронахъ; «Вѣстникъ Европы» меня никогда не возьметъ, потому что я недостаточно аристократиченъ для взрослыхъ дочерей его редакторовъ, а въ «Русской Мысли» имѣютъ привычку угощать гостей хлѣбомъ-солью, а по уходѣ выливать на нихъ помои... Тамъ печатался мой романъ «Голь», и тамъ же послѣ только лѣнивый не поругивалъ меня». Шеллеръ разсыпалъ желч-

ные отзывы на правыхъ и виновныхъ удивительно искусно, но во всѣхъ случаяхъ его собственная личность тѣсно связана съ пониманіемъ эпохи, представителемъ которой онъ былъ и желалъ навсегда остаться имъ. Можетъ быть, и то, что онъ не хотѣлъ сдвинуться съ мѣста и требовалъ, чтобы маленькіе люди сами пришли къ нему, усиливало трагизмъ людей разныхъ эпохъ. Дѣйствительно, не странно ли, что послѣ закрытія «Современника», «Русскаго Слова» и «Дѣла», лучшіе органы печати обходились безъ участія А. К. Шеллера, и послѣдній печатался въ какихъ-то иллюстрированныхъ изданіяхъ? Онъ не могъ не чувствовать своего одиночества, и оно было скорѣе знаменіемъ времени, чѣмъ послѣдствіемъ его личнаго характера. Онъ началъ литературную дѣятельность на ряду съ лучшими именами литературы, а кончать пришлось какимъ-то инвалидомъ отъ литературы. Въ то время, какъ большинство новоявленныхъ «знаменитостей» повторяли въ своихъ произведеніяхъ заѣзженные сюжеты и значительно ранѣе ихъ разработанные типы, Шеллеръ откликался въ своихъ романахъ на всѣ значительныя перемѣны въ общественной жизни за послѣднія десятилѣтія. Мы найдемъ у него школьный и семейные вопросы въ «Жизни Шупова» и въ «Гнилыхъ болотахъ», и безсердечный типъ образованной женщины («Кукушка новой формаціи»), и равнодушнаго ренегата («Паденіе»), и активно злобнаго реакціонера («Ртищевъ»), и сытаго буржуа изъ «Голи», и «Алчущихъ» дворянъ по голоднымъ деревнямъ, и резонерствующихъ безъ сердца толстовцевъ («Послѣ насъ») и т. д. Несмотря на всю отзывчивость Шеллера и его всегдашній симпатичный талантъ, общественные вкусы понижались, и чуткость къ дѣйствительнымъ заслугамъ литератора пропадала въ присяжныхъ цѣнителяхъ. Новыя вѣянія о дегтѣ и золоторотцахъ, о неуловимыхъ впечатлѣніяхъ природы въ жизни у символистовъ и декадентовъ, о кооперативномъ благодѣяніи капитала среди разоренныхъ народовъ и т. д. возвѣстили кончину шестидесятыхъ годовъ. Шеллеръ тяжко страдалъ при этой агоніи, и кто видѣлъ въ немъ эти страданія, тотъ примирится съ порывами его гнѣвной души и такого же ума. Въ его сердцѣ, исполненномъ горечи, чувствовалось, однако, не раздраженіе обойденнаго плебея, а драма писателя, загубленнаго пониженіемъ времени. Онъ сошелъ со сцены «побѣжденнымъ бойцомъ» по мѣрѣ того, какъ росло и множилось самодовлѣющее искусство въ литературѣ и общественной жизни, но побѣда надъ нимъ не была побѣдою надъ дѣломъ его жизни и русской литературы.

Въ недавно вышедшей моей книгѣ: «Александръ Костантиновичъ Шеллеръ» — помѣщено письмо литератора А. К. Маликова, характерное и для оцѣнки Шеллера. Онъ писалъ мнѣ отъ 19 янв. слѣдующее:

«Больной, желчный и даже очень озлобленный Шеллеръ весь

ушелъ и жилъ воспоминаніями нашей славной эпохи, въ настоящей же его отношенія были только отрицательныя и потому мучительныя. Относясь къ настоящему, какъ къ времени упадка, измѣны и забвенія всего великаго, чѣмъ славна была эпоха реформъ, онъ уже не живетъ, а только кое-какъ волочитъ свою больную жизнь, занимается черной работой изъ-за куска хлѣба (какъ замѣчу и многіе дѣлаютъ изъ прежнихъ людей), оказываясь не подходящимъ для нынѣшняго строя. Но онъ справедливо гордъ, онъ не можетъ подлаживаться и идти на встрѣчу новымъ вѣяніямъ. «Не онъ, Шеллеръ, пойдетъ въ редакціи съ своими работами, а сами редакторы должны прійти къ нему», такъ выразились вы на мой вопросъ, почему Шеллеръ не пишетъ въ толстыхъ журналахъ.

«Шеллера забыли вмѣстѣ съ цѣлой эпохой реформъ, но требованія его, чтобы шли къ ней, конечно, совершенно правы. Эта эпоха оставила богатое наслѣдство, совершенно неиспользованное и заброшенное наслѣдниками. Оцѣнка и разработка этого наслѣдства еще впереди потому, что нынѣшнія времена (я считаю съ 80-хъ годовъ) вовсе не оцѣнка его, а лишь только реакція, гдѣ напрасно искать справедливости.

«Несчастіе Шеллера въ томъ, что онъ тянулъ еще долго свою не жизнь, а существованіе, въ это самое злое и неблагодарное время; но онъ тянулъ его, какъ и слѣдуетъ настоящему борцу, закупорившись, уйдя отъ всѣхъ. Онъ, съ желчью на языкѣ, съ презрѣніемъ и мучительной болью въ сердцѣ, мучился и умиралъ нѣсколько лѣтъ, почти всѣми забытый и не любимый... И онъ долженъ былъ умереть, скажу я, слишкомъ онъ уже увѣровалъ въ свое призваніе, какъ человѣкъ 60-хъ годовъ, слишкомъ былъ исключителенъ даже въ смыслѣ этихъ 60-хъ годовъ и потому равнодушно и отрицательно проходилъ мимо такихъ именъ, какъ Л. Толстой или хотя Соловьевъ (а вѣдь они тоже 60-хъ и 70-хъ годовъ), не говоря уже о Бакунинѣ, Марксѣ, и потому онъ и не былъ чреватъ будущимъ»...

Такимъ образомъ, кромѣ семейной обстановки и литературной неудовлетворенности, на характеръ Шеллера трагически вліяла и соціальная обстановка позднѣйшей эпохи застоя.

II.

Отчужденность измельчавшей литературы отъ Шеллера чувствовалась даже въ редакціи «Сына Отечества», съ которой у него— это не секретъ—сложились прямо непріязненныя отношенія. Эта непріязнь звучитъ и въ статьѣ одного изъ видныхъ сотрудниковъ «Сына Отечества», когда онъ писалъ о Шеллерѣ въ томъ

смыслѣ, что больному старику не было никакой возможности редактировать всѣ изданія («Домашнюю Библіотеку», «Живописное Обозрѣніе», «Сынъ Отечества» въ двухъ изданіяхъ съ воскреснымъ приложеніемъ), но онъ, однако же, взялся ихъ редактировать... Редакторство его заключалось въ «чтеніи» и «вычеркиваніи» сомнительныхъ мѣстъ, и, «когда новая редакція (послѣ Добродѣева) вошла въ газету «Сынъ Отечества», то нашла уже въ ней А. К. Шеллера; но газета не пользовалась ничьимъ уваженіемъ, съ газетой не считались. Когда же прошелъ всего одинъ годъ работы новой редакціи, то газета стала пользоваться всеобщимъ уваженіемъ».

Этотъ отзывъ о Шеллерѣ требуетъ обстоятельной справки и коментаріевъ, послѣ которыхъ обнаружится вся его несостоятельность. Всѣмъ было извѣстно, что «Домашняя Библіотека» издавалась на мѣдные гроши, походила на случайный сборникъ повѣстей, на улучшеніе котораго издатели не желали дѣлать никакихъ затратъ, и редакціонные труды по этому альманаху могла нести даже К. В. Назарьева. Шеллеру, кромѣ того, нечего было редактировать «Домашнюю Библіотеку» еще и потому, что она наполнялась тѣмъ же самымъ матеріаломъ, который шелъ въ книжки при «Живописномъ Обозрѣніи». Самая «Домашняя Библіотека» являлась изобрѣтеніемъ Добродѣева на случай, если кто не желаетъ выписывать журналъ «Живописное Обозрѣніе», но хотѣлъ бы подписаться на другой журналъ. Такому подписчику книжки «Живописнаго Обозрѣнія» (приложенія) посылались подъ обложкой «Домашней Библіотеки». Мѣнялась обложка, но не матеріалъ. Что касается журнала «Живописное Обозрѣніе», то Шеллеръ посвящалъ чтенію рукописей ежедневно и аккуратно нѣсколько часовъ. Чтеніе было настолько внимательное, что Шеллеръ всегда дѣлился впечатлѣніями съ членами редакціи, разсказывая содержаніе произведеній и выслушивая сужденія окружающихъ. Онъ былъ стѣсненъ въ денежныхъ средствахъ по пріобрѣтенію желаемаго имъ матеріала, но все, что пріобрѣталось для «Живописнаго Обозрѣнія», было имъ тщательно просматриваемо.

Въ самомъ «Сынѣ Отечества» Шеллеръ, какъ извѣстно, фактически не былъ редакторомъ. Онъ читалъ послѣднюю корректуру большого «Сына Отечества», но не редактировалъ его по существу.

Въ особенности онъ всегда гнушался редакторствомъ въ смыслѣ «вычеркиванія» и исправленія чужихъ рукописей. Это допустимо только съ малограмотными сотрудниками или новенькими, неопытными, не умѣющими даже соразмѣрить объемъ статьи и незнакомыми съ цензурными условіями. Но главное значеніе редактора заключается въ умѣніи подобрать сотрудниковъ, подсказать имъ тему, болѣе жизненно откликнуться на событія, создать «мнѣніе редакціи» по вопросамъ жизни и т. д. Такой роли Шеллеру не дали въ редакціи «Сына Отечества», а самому добиваться ея и

лишить другихъ руководящаго голоса онъ не хотѣлъ изъ деликатности. Маленькій «Сынъ Отечества» былъ сокращенной копіей большого изданія и потому редактированія не требовалъ. Что касается воскреснаго приложенія къ «Сыну Отечества», то оно выпускалось также не Шеллеромъ. Послѣдній только подписывалъ его. При этихъ условіяхъ не приходится укорять Шеллера за то, что онъ редактировалъ три изданія съ приложеніями, не имѣя къ тому здоровья и силъ. Его участіе въ газетѣ заключалось въ постоянномъ огражденіи ея, при чтеніи ежедневной корректуры, отъ возможности обвиненія въ диффамаціи или въ незнаніи редакціей циркуляровъ цензурнаго вѣдомства, въ чтеніи съ литературной критикой, а не властью цензора; въ безпрерывныхъ личныхъ объясненіяхъ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати о «Сынѣ Отечества» и умѣломъ отстаиваніи не только отдѣльныхъ статей газеты, но и общаго ея направленія...

Шеллеру неоднократно приходилось выслушивать отъ покойнаго начальника печати М. П. Соловьева укоры, что онъ плохо ведетъ газету, что «жидовски-либеральное направленіе» ея не можетъ быть терпимо, и что Шеллеру необходимо очистить газету отъ жидовъ.

— Да кто у насъ жидъ-то въ газетѣ?—восклицалъ Шеллеръ.— Кривенко—тамбовскій дворянинъ, Абрамовъ—ставропольскій мѣщанинъ, Гавриловъ—тоже не жидовская фамилія, Назарьева—русская дворянка, Хирьяковъ—русскій дворянинъ, Пализенъ и Меркъ—датчане, Волькенштейнъ—значительнаго литературнаго участія въ газетѣ не имѣетъ, Бинштокъ тоже—одинъ или два раза въ годъ пишетъ, Городецкій—маленькій репортеръ... Гдѣ же эти жиды и ихъ «жидовско-либеральное направленіе», долженствующее погубить газету? Газета прикончитъ существованіе, если фабрикантъ Пализенъ не захочетъ тратить на чуждое ему дѣло деньги, но Пализенъ — датчанинъ, а не жидъ; газета прикончитъ существованіе, если получитъ третье предостереженіе. Два предостереженія она уже имѣетъ, и далъ ихъ М. П. Соловьевъ, тоже не жидъ... Указываютъ на «Ниву», которая такъ прекрасно ведется; но она совсѣмъ не ведется «прекрасно». Никто «Ниву» не читаетъ, но она даетъ прекрасныя приложенія, и ради нихъ всѣ подписываются. Если «Сынъ Отечества» «распущенъ» мною, и его надо усмирять, то значитъ совсѣмъ не нужно гласности.

— Тогда поѣзжайте на необитаемый островъ, — говорилъ Соловьевъ.

— Но зачѣмъ же? Я хотѣлъ бы только жить въ Англіи. Кажется, достаточно обитаемый островъ, и гласность тамъ не мѣшаетъ общественной жизни.

Шеллеру часто приходилось ратовать въ этомъ направленіи за газету. А во внутренней ея жизни онъ всего менѣе способенъ

былъ къ редакторскимъ «вычеркиваніямъ», то-есть къ роли цензора для своего же брата-писателя. Его, однако, упрекаютъ за то, что онъ все-таки далъ свое имя для нѣсколькихъ изданій, изъ которыхъ одно представляло собой какой-то сборникъ случайныхъ романовъ и статей, не требующихъ даже редактированія («Домашняя Библіотека»), другое («Живописное Обозрѣніе») плелось по выбитой колеѣ, безъ всякаго улучшенія, отчасти благодаря иллюстраціямъ, которыми завѣдывало совершенно некомпетентное лицо по выбору правленія и независимо отъ Шеллера, и третье («Сынъ Огечества») подвергалось только чтенію корректуры, тогда какъ Шеллеръ долженъ былъ бы вложить всю душу въ редакторство трехъ изданій и нравственно отвѣчать за каждую въ нихъ строку передъ подписчиками и публикой. Въ оправданіе Шеллера въ этомъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что назначеніе отвѣтственнаго редактора для журнала и газеты прежде зависѣло отъ простого о томъ заявленія издателя въ главное управленіе по дѣламъ печати; но за послѣднее время процедура утвержденія редактора была совсѣмъ иная и чрезвычайно сложная. Заслуженное имя А. К. Шеллера давало ему полное право на редакторство, и онъ получилъ его для «Домашней Библіотеки», «Сына Отечества» и «Живописнаго Обозрѣнія». Оказывая этимъ поддержку означеннымъ изданіямъ, Шеллеръ, однако, попалъ въ редакторы ихъ совершенно неожиданнымъ для себя образомъ. Первое время онъ числился негласнымъ редакторомъ одного только «Живописнаго Обозрѣнія», а официально за редактора состоялъ Добродѣевъ; за редактора у «Сына Отечества» былъ никому неизвѣстный Куплетскій. Между тѣмъ отъ редакторовъ вдругъ стали требовать высокаго образовательнаго ценза и литературныхъ трудовъ, какъ профессіональныхъ доказательствъ; поднялось гоненіе на званіе «за редактора», и требовалось ихъ утвержденіе. Добродѣевъ тотчасъ же долженъ былъ оставить свое за-редакторство и сталъ хлопотать объ утвержденіи Шеллера редакторомъ «Живописнаго Обозрѣнія»; а когда было предложено и Куплетскому оставить за-редакторское званіе, то Добродѣевъ ухватился за того же Шеллера. Послѣдній, не желая оставить газету безъ редактора, согласился на утвержденіе себя редакторомъ второго изданія, а впослѣдствіи, на томъ же основаніи,—и третьяго изданія. При этомъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ просьбъ и въ видахъ существованія самихъ изданій. Если была неосторожность въ его согласіи, то совершенно невольная... Онъ зналъ, что «Сынъ Отечества» при Добродѣевѣ и Куплетскомъ имѣлъ за тридцать тысячъ подписчиковъ, и бросить газету безъ редактора, то-есть погубить ее, считалъ невозможнымъ. Въ то же время, принявъ офиціальное званіе редактора, Шеллеръ временно оставилъ г. Куплетскаго на прежнемъ его мѣстѣ и ничего не хотѣлъ предпринимать новаго въ виду упорныхъ слуховъ о пред-

стоявшемъ банкротствѣ г. Добродѣева. Предположенія Шеллера оправдались. Добродѣевъ передалъ всѣ свои изданія фирмѣ «Издатель» и принужденъ былъ вмѣстѣ съ Куплетскимъ навсегда оставить литературное поприще. «Новая редакція» застала Шеллера редакторомъ «Сына Отечества», вмѣстѣ съ Куплетскимъ, за самый короткій срокъ времени, въ который онъ ничего не предпринималъ, вслѣдствіе неопредѣленности положенія самой газеты и нежеланія быть «калифомъ на часъ». Но, главнымъ образомъ, онъ ожидалъ именно «новую редакцію», чтобы передать ей всѣ дѣла прямо изъ рукъ добродѣевской редакціи и посмотрѣть, что будетъ сдѣлано «новой редакціей» для привлеченія Шеллера не къ «вычеркиванію» мѣстъ изъ газеты по цензурнымъ соображеніямъ, а къ активному въ ней участію и руководительству, и насколько «новая редакція» придастъ газетѣ «всеобщее уваженіе», сохранивъ ей и подписчиковъ. и вліяніе.

III.

Мнѣ вспоминаются многочисленныя бесѣды Шеллера о газетахъ вообще и «Сынѣ Отечества» въ частности.

Помню, какъ Шеллеръ удивлялся тому, что еще находятся люди, готовые издавать новыя газеты въ такое неопредѣленное время. Нѣкоторые изъ присутствующихъ стали говорить о «Русскомъ Курьерѣ» съ княземъ Барятинскимъ и Арабажинымъ во главѣ.

— Не думаю, чтобы эта газета имѣла успѣхъ,—замѣтилъ одинъ изъ гостей.—Вѣдь всякое дѣло мастера боится. Нужно не только литературное имя, но и опытность, такъ сказать, провести десятки лѣтъ въ литературныхъ сферахъ и по редакціямъ, чтобы стать во главѣ журнала или газеты. Безъ опыта и благородныхъ традицій, даже умный редакторъ будетъ мужикомъ въ сношеніяхъ съ сотрудниками Конечно, геніи въ счетъ не идутъ, да что-то ихъ давно и нѣтъ среди молодого поколѣнія. Послѣднее беретъ только смѣлостью. Каждый изъ юнцовъ готовъ издавать и газету и журналъ, хотя бы срокомъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Шеллеръ, преодолѣвая болѣзнь, отозвался:

— Чтобы судить о газетѣ, надо спросить: что заставляетъ издателя предпринимать ее? Во имя чего тратятся деньги и приглашаются сотрудники? Если Барятинскаго съ г-жей Яворской привлекаетъ писательскій крестъ, то отчего же не издаваться «Русскому Курьеру»? Если его издатели органически связаны съ судьбами русской литературы и писательской средой, то почему имъ и не послужить тому и другому? Будемъ ждать.

Резонное заключеніе А. К—ча прекратило споръ, и хозяинъ опять вернулся къ общему мѣсту о томъ, что нужно особое призваніе и безбоязненность, чтобы издавать теперь газету; что

самъ онъ устарѣлъ и не можетъ жить на 50 рублей пенсіи безъ редакторскаго жалованья, но что освобожденіе уже скоро, и онъ встрѣтитъ смерть съ великимъ наслажденіемъ.

— Это не фраза о смерти,—произнесъ онъ.—Я давно уже не боюсь ея... Это вамъ, молодымъ писателямъ, хочется лавровъ а мнѣ около литературы давно уже хочется могилы.

Я замѣтилъ ему о мрачности его взгляда, и Шеллеръ вполнѣ съ этимъ согласился.

— Да,—сказалъ онъ:—я большой пессимистъ и чувствую себя только хорошо на кладбищѣ, куда люблю ѣздить вмѣсто отдыха. Сижу среди могилъ и думаю: всѣ тутъ будутъ, и враги мои, и клеветники... Недолго уже ждать! Всѣ сгніете! Это ужасно меня успокоиваетъ.

Всѣмъ стало тяжело слушать больного писателя, и ему напомнили объ его заслугахъ въ литературѣ.

— Меня всегда это раздражаетъ,—перебилъ онъ насъ...—Совершенно искренно я злюсь, когда говорятъ, что я нуженъ русской литературѣ. Ну, скажите: пріятно ли знать, что вы приговорены къ каторгѣ, и вамъ постоянно напоминаютъ, что она безсрочная? А вѣдь мой «Сынъ Отечества» для меня—та же каторга. Я газету вообще не люблю, всякую газету изъ существующихъ. Она деморализуетъ читателя и отучаетъ его отъ книги и литературы. Теперь вамъ Бокля излагаютъ въ фельетонахъ, и это значитъ изъ слона сдѣлать курицу. Слова нѣтъ, что курица будетъ у васъ, но слона-то уже не будетъ... Газета убиваетъ и книгу, и романъ... Наказалъ же меня Господь подъ старость лѣтъ заниматься тѣмъ, чего я всю жизнь избѣгалъ. Я всегда ненавидѣлъ газету: она фальсифицируетъ знаніе, отучаетъ читать серьезную книгу, и когда я вижу гимназиста съ «Петербургской Газетой», читающаго извѣстія о томъ, какъ дѣвушка была изнасилована, а другая—сама совершила преступленіе,—я прихожу въ ужасъ отъ такого вліянія газетъ на общество. И вотъ самъ сижу за газетой! «Сынъ Отечества» не хуже другихъ газетъ, но для меня лично онъ хуже, потому что я обязанъ читать его каждый день и изъ-за него получать выговоры въ цензурномъ вѣдомствѣ. Между тѣмъ я привыкъ ко всеобщему уваженію и не могу на старости лѣтъ выслушивать хладнокровно замѣчанія о томъ, что я не понимаю, какъ надо вести газету... Я, правда, не веду «Сына Отечества», но я не стыжусь имъ передъ другими людьми. Мое недовольство равно касается и другихъ газетъ, даже въ большей степени другихъ газетъ. Мое недовольство «Сыномъ Отечества» иного характера, частью обусловленное тѣмъ, что приходится на старости лѣтъ выслушивать нападенія на него. Да, скажите,—спросилъ я однажды одного изъ цензоровъ:—что называетъ М. П. Соловьевъ вреднымъ направленіемъ газеты? Скажите разъ навсегда, и я буду знать, чего

и какъ нельзя писать. «Если бы вы, Александръ Константиновичъ, сами мнѣ это объяснили, то я бы большое сказалъ спасибо вамъ», отвѣтилъ мнѣ цензоръ. Ну, на самомъ дѣлѣ: «Сынъ Отечества» скученъ, плоскъ—все, что хотите, но чѣмъ онъ вреденъ, если съ важнымъ видомъ убѣждаетъ читателя въ полезности таблицы умноженія и всѣхъ увѣряетъ, что русскій народъ стремится выучить ее? А вѣдь больше мы ничего не пишемъ... Развѣ вредное направленіе въ томъ, что когда говорятъ — Дрейфусъ виновенъ, то мы спрашиваемъ доказательствъ? Вѣроятно, требовать доказательствъ и есть вредное направленіе; другого я ничего не нахожу въ «Сынѣ Отечества».

— Я не доволенъ «Сыномъ Отечества» также и не потому, что онъ либеральничаетъ... Всѣ его сотрудники ходили еще безъ штановъ, когда я былъ уже либераломъ. Они, я знаю, мое недовольство «Сыномъ» мотивируютъ моей отсталостью и моими хорошими отношеніями къ М. П. Соловьеву; но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Я недоволенъ газетой не за тѣ или другія статьи, не за тѣ или другія нецензурныя мысли. Это меня никогда не занимало. Я недоволенъ всѣми и за все, что они печатаютъ въ «Сынѣ Отечества». Вотъ посмотри любой номеръ. Въ немъ что ни столбецъ, то варьируется одна и та же мысль; и въ «Дневникѣ» у Сакмарова, и у «Пчелки», и у Абрамова, и у другихъ. Мысли, давно усвоенныя обществомъ, повторяются всѣми сотрудниками въ одномъ и томъ же номерѣ; и сегодня—то же, что вчера, а вчера то же, что ранѣе, и такъ до конца года. Да кто же на будущій годъ подпишется на такую скучную газету? Каждый номеръ скученъ, потому что всѣ пишутъ одно и то же съ прогрессивными цѣлями, и всѣ номера похожи одинъ на другой... Да, вѣдь, тогда интереснѣе читать любой толковый учебникъ, чѣмъ такую газету. Вотъ чѣмъ я недоволенъ, и исправить «Сынъ Отечества» можно, прогнавъ всѣхъ его сотрудниковъ изъ числа постоянныхъ. Вотъ почему мнѣ тяжело званіе редактора. Если бы я еще составлялъ номеръ, то я бы былъ заинтересованъ имъ; но номеръ составляетъ гдѣ-то безъ меня неизвѣстная мнѣ редакція, и мнѣ доставляются только къ подписи уже отпечатанные листы. Я никакого участія не принимаю въ веденіи газеты. Конечно, я бы могъ все поставить на своемъ, но для этого, прежде всего, я долженъ всѣмъ теперешнимъ заправиламъ газеты отказать отъ работы. Ну, я не хочу огорчать никого! Вотъ если бы они сами обратились ко мнѣ, какъ къ старому и опытному литератору, за руководительствомъ и постановкой газеты на должную ей высоту, я бы дѣлалъ указанія, требовалъ тѣхъ или другихъ работъ, а иныя совсѣмъ отвергалъ бы. Но они не идутъ ко мнѣ, они и безъ меня мнятъ себя сильными и даже болѣе: я имъ непріятенъ и нуженъ только, какъ фиктивный редакторъ. Прекрасно! Я и даю имъ мою подпись... Секретарь читаетъ мнѣ кор-

ректуру, чтобы изъ-за какого нибудь «Дневника» не попасть въ острогъ, но поправокъ или вмѣшательства по существу статей я никогда не дѣлаю. Кто проигрываетъ отъ этого—не знаю; но, кажется, меня отъ того не убудетъ, если новая редакція «Сына Отечества» во мнѣ не нуждается, и молодые писатели думаютъ быть умнѣе и либеральнѣе меня. На здоровье! Я имъ не мѣшаю показать себя. Они не маленькіе ребята и могутъ писать за свой страхъ, что хотятъ. Цензоромъ они меня не сдѣлаютъ. До сихъ поръ я не вымаралъ ни одной строки изъ ихъ статей, но сочувствовать ихъ «лапотническому» направленію я не могу, и цензировать я ихъ не стану. Не достаетъ, чтобы потомъ про меня сказали, что редакторъ загубилъ газету, какъ говорили про Драгомирецкаго въ «Руси» Гайдебурова. Этого, по крайней мѣрѣ, сотрудники «Сына Отечества» будутъ лишены права сказать; цензоромъ для нихъ я не былъ и не буду. Но дѣло даже не въ цензурности или нецензурности статей... По-моему «Сынъ Отечества» самая цензурная газета... Я такъ это и сказалъ однажды Соловьеву.

— Посудите, Михаилъ Петровичъ, что можетъ быть пріятнѣе такой газеты, которая все говоритъ «слава Богу», гдѣ только услышитъ, что тамъ-то открыли школу на 25 человѣкъ, слава Богу! Тамъ-то въ селѣ завели библіотеку изъ 103 названій книгъ полудѣтскаго содержанія: опять—«слава Богу»; тамъ—чайную устроили и въ избѣ театръ... опять—слава Богу! Чего лучше?

— Пожалуй, что и такъ,—замѣтилъ Соловьевъ улыбаясь.

— Конечно,—продолжалъ Шеллеръ разговоръ:—такимъ народникомъ, у котораго вся мудрость въ мужицкихъ библіотекахъ да школахъ при настоящихъ условіяхъ ихъ существованія, я не буду. А если я хотѣлъ бы проповѣдывать «культурность» въ газетѣ, то во имя опять таки болѣе широкихъ идеаловъ, а не съ маковое зернышко. На тему о «мрачности» газеты я неоднократно повторялъ Соловьеву: «Самая розовая и оптимистическая газета это «Сынъ Отечества»... Самая самодовольная газета. Такъ хорошо все обстоитъ въ народѣ... Лишь бы только не мѣшали ему, а ужъ онъ самъ себя не передеретъ и не зароется въ землю живьемъ, на подобіе тираспольскихъ раскольниковъ, изъ-за того, что хотятъ записать ихъ въ списки съ буквою «а» (антихристовъ списокъ), а не съ буквою «б» (божій списокъ)». Ничего нѣтъ милѣе народниковъ-лапотниковъ... Они кувыркаются передъ невоспитанной массой и воображаютъ, что въ ней Ковалевы съ Виталіей—исключенія, а я утверждаю, что они большинство. Да, другое дѣло, если проповѣдывать интеллигенціи жить для народа и вести его къ прогрессу; чтобы интеллигенція стремилась создать условія, при которыхъ народъ могъ бы жить соціальной и политической жизнью,—о, тогда я вполнѣ присоединяюсь къ этому желанію. Но уже тогда «культурность» въ газетѣ и идеалы интеллигенціи не должны быть

на второмъ планѣ, а на первомъ. Такъ вѣдь будетъ и въ жизни. Культурные классы, разумѣется, будутъ верховодить даже и въ Европѣ... Никогда я не пойму культъ лаптей и дегтя, а всегда пойду на сторону тѣхъ, которые стоятъ у живого дѣла съ наукой въ рукахъ. Такіе будутъ меньшинствомъ еще нѣсколько столѣтій, и съ этимъ меньшинствомъ придется работать для большинства. Это пора понять нашимъ «народникамъ», и не нынѣшнимъ «Сынамъ Отечества» учить меня «направленію». А они всѣ тамъ кого-то учатъ... Вѣкъ поученій... Молодой человѣкъ, ничѣмъ еще не заявившій себя передъ обществомъ, уже берется поучать его тому, какъ надо жить, какой держаться вѣры и т. д. Конечно, такихъ учителей жизни расплодилъ Л. Н. Толстой: всѣ хотятъ быть такими же, какъ онъ, забывая, что прежде чѣмъ требовать отъ общества вниманія къ своему ученію, Толстой написалъ «Войну и Миръ» и «Анну Каренину». Для маленькихъ же пророковъ ничего не требуется: они изнутра пиѳійствуютъ на тему «ни о чемъ» и занимаютъ этимъ людей... Такъ просто и пишутъ о томъ, какъ онъ, N.N., думаетъ о Франціи, о королевѣ Викторіи, о женскомъ вопросѣ, о русскомъ мужикѣ, о счастьи, о любви, и совсѣмъ не подозрѣваетъ, что публика имѣетъ полное право закричать: да, какое мнѣ дѣло, что какой-то N.N. думаетъ о томъ-то. Неужели интересно каждый день читать его разсужденія то объ актрисѣ, то о министрѣ, то о Турціи, а чаще всего какія-то «поученія» на самыя отвлеченныя темы? Вѣдь такъ просто садится и пишетъ о томъ, что у него тѣсные сапоги, и отъ того у него болитъ голова, а съ головной болью онъ портитъ себѣ характеръ и разрушаетъ государство... Вонъ что значатъ «тѣсные сапоги». Такъ всюду «тѣсные сапоги» и украшаютъ современныя газеты вмѣсто того, чтобы наполнять ихъ фактами и новостями съ умѣлымъ освѣщеніемъ. Разумѣется, я задыхаюсь среди такихъ статей и у себя въ «Сынѣ Отечества», а передѣлать ихъ я не могу и не рѣшаюсь самъ уйти изъ газеты уже по одному тому, что послѣ меня почти невозможно будетъ найти «Сыну Отечества» отвѣтственнаго редактора. Тому доказательствомъ являются «Лучъ» и «Русь». Но въ «Сынѣ Отечества» никогда не почувствуютъ, что изъ сожалѣнія къ нимъ я не хочу рисковать газетой и продолжаю мучиться непривычной для меня ролью индифферентнаго редактора. Въ этомъ уже виноваты сотрудники, не умѣвшіе поставить меня въ болѣе нормальныя отношенія ко всему составу редакціи. Мой опытъ имъ никому не нуженъ. Я въ ихъ глазахъ устарѣлъ, отсталъ и страдаю генеральствомъ. Ну, видишь ли,—продолжалъ Шеллеръ:—о моей отсталости не имъ судить, а генеральство, послѣ моихъ 15 томовъ сочиненій, нѣсколько простительно передъ тѣми, кто никогда ничего не писалъ подъ собственной фамиліей, сколько нибудь извѣстной публикѣ. Я уже не могу не чувствовать себя генераломъ въ ихъ компаніи именно по-

тому, что каждый изъ нихъ безправно хочетъ взять палку и поучать меня ею. Этого они никогда не поймутъ и думаютъ, что я просто хочу поломаться, что мнѣ нужно ихъ поклоненіе, а они не привыкли къ этому даже передъ талантами и заслугами кого либо въ печати... Противно и говорить обо всемъ этомъ на старости лѣтъ! Разумѣется, меня бѣситъ, что именно теперь мнѣ даютъ понять мое ничтожество, и кто же? Какія имена? Вѣдь не мнѣ же, на самомъ дѣлѣ, передѣлываться для нихъ! Ужъ какой тамъ я ни на есть, но почти сорокъ лѣтъ въ литературѣ, и «Полное собраніе сочиненій» даетъ же мнѣ право требовать отъ нихъ перваго шага ко мнѣ и съ большею деликатностью къ моей гордости и даже генеральству? Теперь «Сынъ Отечества» выходитъ въ увеличенномъ размѣрѣ, но, разумѣется, вмѣсто маленькой скуки получилась большая скука... Газета не оживилась, и новыхъ интересныхъ людей въ ней нѣтъ. Все то же! Точно кто выпихиваетъ оттуда оригинальныхъ и свѣжихъ сотрудниковъ... Вѣдь это такъ легко не допустить живого человѣка въ составъ редакціи. Стоитъ, принимая статью, сказать, что я дамъ прочесть ее своему товарищу и тогда сообщу о результатѣ. Потомъ, прячась за неизвѣстнаго товарища, водить сотрудника за носъ цѣлыми мѣсяцами, пока у того лопнетъ терпѣніе, и онъ порветъ самъ всякія сношенія съ редакціей. О, какъ часто такіе нравы царятъ въ современныхъ молодыхъ редакціяхъ. Если редакція сдѣлала «Сынъ Отечества» содержательнѣе, чѣмъ при Куплетскомъ, то нужно этою содержательностью и новымъ направленіемъ удержать и подписчика. Иначе никто не повѣритъ въ твои преобразованія. Впрочемъ, мнѣ уже теперь все равно... Дѣло идетъ къ краху... Уѣду на Крестовскій и буду выписывать только «Петербургскій Листокъ». Телеграммы тамъ есть и убійства... Для иныхъ цѣлей нужно читать книги, а не нашъ «Сынъ Отечества». Раздражаюсь я имъ и по личнымъ причинамъ. Газета отняла у меня ночными корректурами все время, и вотъ два года, какъ я ничего не дѣлаю. Я нахожусь въ положеніи человѣка, которому вдругъ отрѣзали языкъ, а говорить ему хочется. Утромъ я встаю, хочется пописать самому, и вдругъ вспоминаю, что придетъ сотрудникъ, фельетонъ котораго стоитъ въ наборѣ... Принимаюсь читать чужую работу, правлю чужую корректуру и получаю за чужую работу выговоры...

Съ глубокой грустью говорилъ Шеллеръ о приближеніи столѣтняго юбилея «Сына Отечества», о потерѣ имъ большинства подписчиковъ и близкой кончинѣ газеты.

Всѣ его разсказы о своихъ отношеніяхъ къ редакціи «Сына Отечества» и обратно должны подтвердить и его секретари: В. Г. Генкенъ, Н. Д. Носковъ, В. А. Москалева, В. А. Рышковъ и многія другія лица, отъ которыхъ А. К. Шеллеръ не скрывалъ свои печали и огорченія по газетѣ...

Въ заключеніе считаю нужнымъ прибавить, что я бы не сталъ заниматься вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ Шеллера и редакціи «Сынъ Отечества», если бы въ газетахъ не появился поклепъ на его имя въ томъ смыслѣ, что при Шеллерѣ «Сынъ Отечества» не пользовался уваженіемъ, а при новой редакціи пользовался «всеобщимъ», и что новая редакція завоевала «всеобщее уваженіе» собственнымъ творчествомъ, а редакторство Шеллера было добровольно цензорское и т. д. Если что здѣсь и справедливо, то оно нуждается въ сильныхъ комментаріяхъ, которые мы и сдѣлали со словъ самого А. К. Шеллера. Считаю, однако, нужнымъ прибавить, что въ отчужденіи новой редакціи «Сына Отечества» отъ Шеллера можетъ быть отчасти повиненъ былъ и самъ онъ, какъ чрезвычайно нервный, самолюбивый, малоуживчивый, но привыкшій къ всеобщему уваженію литераторъ. Ровныя и дѣловыя къ нему отношенія могли быть всякій часъ нарушены его возбужденнымъ настроеніемъ. Необходимо было мириться съ недостатками его характера и подчиняться положительнымъ сторонамъ его ума, опытности, образованности и благородству литературныхъ замысловъ. Кто интересы газеты ставитъ выше личныхъ отношеній, тотъ могъ бы съ Шеллеромъ работать въ одномъ съ нимъ направленіи. Онъ былъ бы радъ содѣйствовать возвышенію газеты, наполняя ее не скучными поученіями ординарныхъ людей, а разнообразными фактами и событіями при редакціонномъ освѣщеніи. «Въ газетѣ,—говорилъ онъ:—должны быть факты, покойники и объявленія, а у насъ хроника всегда опаздываетъ»... Шеллеръ былъ противъ «Бокля въ фельетонахъ», но не отрицалъ необходимости знакомства общества съ фактами изъ жизни при надлежащемъ ихъ освѣщеніи въ газетахъ. Положа руку на сердце, «новая редакція» «Сына Отечества» должна признать, что она много потеряла въ томъ, что не умѣла сблизиться съ Шеллеромъ и, если преднамѣренно не «оттирала» его, то ничего не сдѣлала того, что могло бы привязать его къ ней...

IV.

Шеллеръ не умѣлъ и не могъ сдерживать своего раздраженія, и братьямъ-писателямъ бывало иногда очень тяжело въ его присутствіи.

Помню, однажды у него собрались: Лѣсковъ, я, Викторъ Бибиковъ и еще кто-то... Бибиковъ повелъ рѣчь о томъ, что всякій поэтъ является безупречнымъ и въ частной жизни.

— Искусство и низость несовмѣстимы!—патетически воскликнулъ онъ.—Поэтъ заслуживаетъ обязательно нашей любви и уваженія.

Желая завязать общій разговоръ и втянуть въ споръ присутствующихъ, я добродушно замѣтилъ ему:

— Если человѣкъ имѣетъ хорошій голосъ, то развѣ за этотъ голосъ мы уважаемъ и любимъ его?

— Вы думаете,—отвѣтилъ онъ на вопросъ вопросомъ:—литературный талантъ—то же, что баритонъ?

— Кажется, что да... У даровитаго художника долженъ выходить типъ лучше, чѣмъ у другаго. Талантъ его, исполненный вдохновенія и обработки, достоинъ восхищенія, какъ и голосъ пѣвца. Но и бездарный художникъ, и совсѣмъ безголосый пѣвецъ могутъ быть, какъ люди, гораздо лучше талантливой знаменитости. За пѣніе и сочиненіе нельзя уважать и любить людей, хотя слушать или читать ихъ можно и должно. Если талантливый поэтъ—наслѣдственный или по собственной распущенности алкоголикъ, съ извращенными чувствами, особенно въ пьяномъ видѣ, то можно ли поцѣловать ему руку, посвятить на память ему свои стихи или писать съ него и для него же портретъ? Читать его стихи можно. Они не вредны. Но чѣмъ онъ, какъ человѣкъ, можетъ внушить почтеніе и любовь мою къ себѣ?

Лѣскову видимо мое замѣчаніе понравилось и, принявъ мою сторону, онъ улыбаясь спросилъ Бибикова:

— А какъ вы думаете: гдѣ бы Пушкинъ въ наши дни встрѣчалъ новый годъ? Въ редакціи «Гражданина» или у Некрасова и Салтыкова?

Отлично понимая, что этотъ вопросъ заданъ въ шутку, и что рѣшеніе его невозможно въ положительной формѣ, Лѣсковъ прибавилъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Пушкина въ духѣ «дневника» о немъ Никитенки, или изслѣдованія Якушкина, указывающихъ на пристрастіе Пушкина къ высокопоставленнымъ фамиліямъ и явную къ многимъ изъ нихъ дружбу въ такой предосудительной мѣрѣ, что онъ даже внушалъ, хотя и не основательно, опасеніе декабристамъ относительно его осторожности и тактичности въ придворныхъ сферахъ.

Я тоже прибавилъ отъ себя нѣсколько словъ о характерѣ Пушкина, но все это чисто въ шутливомъ и необязательномъ тонѣ, какъ часто говорятъ въ пріятельскомъ кружкѣ о личностяхъ.

Вдругъ А. К. Шеллеръ поблѣднѣлъ и, совершенно не владѣя собой, закричалъ на всю квартиру:

— Съ этой точки зрѣнія, если такъ разбирать, всѣ мы будемъ одинъ другого хуже: и я, и ты, и Лѣсковъ, всѣ до одного писателя... Вотъ я умру, и обо мнѣ скажутъ, что я обивалъ пороги аристократическихъ домовъ и льнулъ къ княжескимъ именамъ.

Истерическій крикъ хозяина испортилъ остатокъ вечера, бесѣда не вязалась, и гости скоро разошлись. Я впрочемъ написалъ ему на другой день письмо о томъ, что если на его крики никто не отвѣчалъ ему тѣмъ же, то исключительно изъ уваженія къ его

писательской дѣятельности, но что онъ злоупотребилъ этимъ уваженіемъ.

По этому поводу Н. С. Лѣсковъ писалъ мнѣ:

«Дѣло надо было предать забвенію, а напредки знать, что съ А. К. Шеллеромъ благобесѣдовать нельзя, а нужно его сожалѣть и свои отношенія къ нему уложить въ самыя точныя рамки... Ничего иного дѣлать не стоило, тѣмъ болѣе, что лицо, которое вы желали остановить,—на самомъ дѣлѣ обладаетъ достаточною дозою самоувѣренности и, вѣроятно, найдетъ для себя довольно извиненій. Но такъ какъ сдѣланнаго уже не раздѣлаешь, то и нечего объ этомъ думать. Это портитъ покой духа».

При свиданіи со мною Лѣсковъ продолжалъ разговоръ о Шеллерѣ:

— Онъ центръ не только русской, но и всѣхъ европейскихъ литературъ. Попробуйте вы говорить о Данте, вы должны сообразоваться съ господиномъ хозяиномъ: онъ можетъ какое нибудь слово принять на свой счетъ и обидѣться... Онъ всегда и всюду ищетъ себя самого. Викторъ Острогорскій написалъ плохую статью «Обзоръ литературы за 40 лѣтъ» потому, что, упоминая представителей шестидесятыхъ годовъ (Щедрина, Чернышевскаго), не упомянулъ Шеллера; Шелгуновъ скверно написалъ біографію Благосвѣтлова потому, что ни слова не говоритъ о Шеллерѣ, способствовавшемъ успѣху журнала «Дѣло»... Онъ не только не прощаетъ замалчиванія о себѣ, но даже хвалить его необходимо умѣючи... «Меня вся Россія бранитъ,—иронически говоритъ Шеллеръ.—Одинъ у меня есть почитатель... Это—В. Бибиковъ... Недавно онъ объявилъ мнѣ, что мой послѣдній романъ ему ужасно понравился... Онъ, видите ли, прочелъ мой послѣдній романъ и увидѣлъ, что это талантливая вещь... Каково это слушать отъ молокососа?»

Негодованіе Шеллера на своихъ гостей теперь, спустя много времени, мнѣ представляется понятнымъ. Старый литераторъ былъ возмущенъ опасеніемъ, что во взглядахъ общества на литературную братію начинаетъ преобладать точка зрѣнія, съ которой людей таланта и общественныхъ заслугъ можно легко смѣшать съ толпой... Если остановиться на томъ, что гнѣвъ Шеллера вытекаетъ изъ этого благороднаго источника, то легко было извинить и простить ему его рѣзкое поведеніе съ гостями, легкомысленно и въ шутку трактовавшими непочтительно память о Пушкинѣ.

Друзья также получали иногда отъ Шеллера рѣзкіе отвѣты...

— Ты буржуй,—пріятельски замѣтилъ однажды Шеллеру пьяный Омулевскій (авторъ романа «Шагъ за шагомъ»).

— Почему?—холодно спросилъ Шеллеръ.

— У тебя обстановка...

— Да, у меня есть диванъ, книги и заработанныя мною деньги; а у тебя есть водка, купленная не на заработанныя тобою деньги,

а взятыя у меня въ долгъ безъ отдачи... Кто же изъ насъ болѣе буржуа?

Множество подобныхъ эпизодовъ создавали Шеллеру репутацію неуживчиваго человѣка; но во множествѣ этихъ эпизодовъ Шеллеръ былъ правъ, и только языкъ его—самый опасный врагъ его...

Отлично помню еще инцидентъ съ Н. В. Шелгуновымъ въ домѣ Шеллера. Первый весело разсказывалъ одной изъ присутствовавшихъ дамъ какой-то анекдотъ, клонящійся не къ чести женщинъ, какъ вдругъ Шеллеръ повышеннымъ и злобнымъ голосомъ закричалъ:

— Николай Васильевичъ! У меня въ домѣ не бываетъ такихъ женщинъ, о которыхъ ты разсказываешь, и ты сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе, если не будешь насъ знакомить съ ними даже заочно... Въ шестидесятыхъ годахъ о женщинахъ ты бы отзывался иначе, чѣмъ теперь.

Опять легко понять вспышку Шеллера, если вспомнить, что самъ онъ съ уважаемыми имъ женщинами былъ чрезвычайно цѣломудреннымъ въ выраженіяхъ и содержаніи своихъ бесѣдъ съ ними. Но это не мѣшало ему и женщинъ доводить до слезъ, если онъ терялъ къ нимъ уваженіе.

Злой языкъ Шеллера не всегда, однако, язвилъ безтактныхъ людей. Доставалось отъ него и лицамъ вполнѣ достойнымъ. Въ его разговорѣ собственный братъ литераторъ постоянно мелькалъ подъ кличками: Поганцевъ, Перепуненко, Не въ мѣру-вранченко, Перекаверкіевъ, Свинскій, Колбасъ-Сосинскій и т. д. Въ припадкахъ пессимистическаго и желчнаго настроенія Шеллеръ съ явнымъ пристрастіемъ честилъ даже Ив. Серг. Тургенева...

— Я не имѣлъ терпѣнія прочитать до конца эту «Клару Миличъ». Вульгарно написано!—восклицалъ онъ.—Обратили вы вниманіе на его остроту по поводу игры флейтиста? «Онъ проплевалъ... то бишь проигралъ арію». Похоже это на Тургенева? Послѣ «Довольно» ему ничего не слѣдовало бы писать. Но никто самому себѣ не скажетъ «довольно» или скажетъ, какъ пьяница, до первой подачки гривенника. Теперь въ произведеніяхъ Тургенева сквозитъ одно: боюсь смерти! боюсь смерти! Но для Россіи онъ давно умеръ... Родныхъ и близкихъ у него нѣтъ среди насъ, а у Віардо есть свой Віардо. Правда, мужа ея онъ засадилъ переводить свои произведенія, но послѣ смерти Тургенева послѣдняго будутъ переводить и посторонніе люди.

Едва Тургеневъ скончался, въ газетахъ появилось слѣдующее объявленіе: «Намъ сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ виду распространившихся слуховъ, по случаю предстоящаго на Волковомъ кладбищѣ погребенія тѣла И. С. Тургенева, о предполагаемомъ перенесеніи праха покойнаго Бѣлинскаго, вдова

его обратилась къ властямъ съ просьбою оставить прахъ покойнаго мужа на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ преданъ землѣ».

— Дѣйствительно, это чортъ знаетъ что такое!—кричалъ Шеллеръ.—На какомъ основаніи преклоняться передъ фантазіей Тургенева лежать рядомъ съ Бѣлинскимъ? Послѣ этого всѣ мы будемъ завѣщать положить рядомъ съ нами Бѣлинскаго, Добролюбова, и каждаго изъ нихъ придется ворочать и передвигать, потому что таково наше посмертное желаніе... Теперь, вѣроятно, поволокутъ къ подножью Тургенева самого Пушкина. А лучше бы ему лежать рядомъ съ тѣми, съ которыми онъ прожилъ свои послѣдніе дни. И для него-то переносить прахъ истинныхъ патріотовъ! Да если ему хочется рядомъ съ ними быть, то пусть и кладутъ его къ нимъ; но къ нему, на лучшее аристократическое мѣсто въ Волковомъ кладбищѣ, тащить Бѣлинскаго или Добролюбова—этого я не понимаю. Добролюбовъ и Бѣлинскій—демократы, и около нихъ лежатъ такіе же бѣдняки, довольные тѣмъ, что на этомъ свѣтѣ они были за одно, и мертвые находятся рядомъ; въ этомъ духѣ писалъ протестъ и Антоновичъ Пыпину. А тутъ какой-то офранцузившійся русскій баринъ выхватываетъ изъ ихъ среды лучшихъ людей и говоритъ: «пойдемте въ пантеонъ со мной. Мѣсто стоитъ 1.500 рублей... Тутъ грязно, со мною будетъ чище». Мы привыкли видѣть, что истинные патріоты жертвуютъ родинѣ и талантомъ, и состояніемъ, иногда жизнью. Тургеневъ, все время проживавшій и жизнь и огромное состояніе за границей, даже передъ смертью не подумалъ ни о стипендіи кому либо, ни о бѣдствующихъ литераторахъ. Все свое состояніе онъ завѣщалъ женщинѣ (Віардо), которая и закрыла его умирающіе глаза. Вообще, что за человѣкъ Тургеневъ,—видно изъ тѣхъ комментаріевъ, которые были сдѣланы по поводу тургеневской субсидіи въ 500 франковъ г. Лаврову. Комментаріи сводятъ эти субсидіи на подачку и на «карманныя деньги» г. Лаврову. Иванъ Сергѣевичъ всегда въ такой обидной формѣ являлся благодѣтелемъ то Бѣлинскому, то Лаврову, то Бакунину и многимъ другимъ. Вдова Бѣлинскаго никогда не любила его и первая запротестовала противъ его духовнаго завѣщанія. Мое личное знакомство съ Тургеневымъ весьма характерно. Я уже былъ настроенъ противъ него, когда случай столкнулъ насъ вмѣстѣ.

— Я былъ распорядителемъ въ художественномъ клубѣ, куда хотѣлъ пріѣхать Тургеневъ. Дѣйствительно, вижу, бѣжитъ его пріятель, Топорковъ, и кричитъ мнѣ:

— А. К., гдѣ повѣсить шубу Тургенева?—въ рукахъ у него, смотрю, шуба.

— Въ передней много вѣшалокъ, отвѣчаю.

— Ну, какъ же это? Въ общей раздѣвальной.

— Въ залахъ у насъ нѣтъ вѣшалокъ для шубы Ивана Сергѣевича.

Едва уладилось обстоятельство съ шубою, вижу, опять бѣжитъ ко мнѣ тотъ же Топорковъ.

— А. К., гдѣ кресло Ивана Сергѣевича?

— Касса вамъ извѣстна, указываю я. Билетовъ очень еще много.

— Да что вы!.. Отдѣльнаго кресла нѣтъ ли?

— Нѣтъ... Но если Тургеневу не хочется заплатить за билетъ, то возьмите мой стулъ. Вонъ сбоку стоитъ.

Часа черезъ два Топорковъ опять бѣжитъ ко мнѣ и докладываетъ:

— Иванъ Сергѣевичъ никакъ не могъ выбрать время познакомиться съ вами. Онъ проситъ васъ завтра пожаловать къ нему въ отель въ одиннадцать часовъ.

— Позвольте, зачѣмъ я къ нему пойду? Если онъ желаетъ со мною познакомиться, то сообщите ему мой адресъ. Самъ я не имѣю ни малѣйшаго желанія ѣхать къ нему представляться.

Во весь вечеръ Тургеневъ, проходя нѣсколько разъ мимо меня, не пожелалъ и обернуться въ мою сторону, хотя въ лицо онъ меня зналъ отлично и впослѣдствіи заискивалъ предо мною и Благовѣщенскимъ, увѣряя насъ, что онъ не думалъ шельмовать Базарова и всегда горячо стоитъ за интересы молодого поколѣнія. Это послѣ Кукшиныхъ и Ситниковыхъ онъ не стыдился ратовать за молодое поколѣніе! Вѣдь онъ первый подалъ примѣръ шельмовать молодежь за направленіе. Множество его друзей, когда заглянули поглубже въ его душу, отшатнулись отъ него. Сами французы послѣ смерти Тургенева рады-радехоньки были сбыть его на руки русскимъ.

Шеллеръ съ особеннымъ удовольствіемъ цитировалъ, помню, статью о Тургеневѣ какого-то К. М. Григорьева, помѣщенную въ «Дѣлѣ» за 1884 годъ, № 1. Въ этой грубой и невѣжественной статьѣ авторъ доказываетъ, что Тургеневъ былъ популяренъ потому, что, по умственному развитію и симпатіямъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ обществомъ; изображаетъ образы «изящные», что публикѣ нравится, и наконецъ его талантъ не психологическій, а пластическій, изумительно вѣрный въ передачѣ внѣшняго чувства. Онъ скорѣе живописецъ и скульпторъ, чѣмъ художникъ слова, и, конечно, онъ плохой истолкователь трехъ поколѣній (Рудинъ, Базаровъ, Неждановъ). Онъ рисовалъ внѣшній видъ поколѣній; онъ наблюдать заставляетъ ихъ, а не жить съ ними.

Этотъ наборъ произвольныхъ утвержденій о Тургеневѣ Шеллеръ любилъ повторять, прикрашивая его собственными остроумными замѣчаніями и точно радуясь, что находятся недалекіе люди, поддакивающіе его глумленію надъ крупнымъ бытописателемъ и истолкователемъ назрѣвавшихъ направленій въ русскомъ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, въ его глубоко пристрастныхъ рѣчахъ о Турге-

невѣ мелькали не безынтересные факты изъ жизни послѣдняго, свидѣтельствующіе, однако, не болѣе того, что Тургеневъ былъ не только извѣстнымъ писателемъ, но также и человѣкомъ съ присущими человѣку слабостями и положительными недостатками. Интересно, что самъ Шеллеръ ненавидѣлъ въ другихъ привычку трактовать писателя съ точекъ соприкосновенія его съ порочной массой и, такимъ образомъ, принижать миссію литератора, какъ учителя общества и лучшаго выразителя его совѣсти. Къ чести Шеллера слѣдуетъ сказать, что онъ никогда не увлекался пристрастіемъ и непріязнью ко множеству писателей въ своихъ литературныхъ работахъ. Меня поражала, напримѣръ, его нелюбовь къ покойному поэту Плещееву, о которомъ онъ постоянно спрашивалъ: «можно ли прожить въ литературѣ 40 лѣтъ, написавши два томика жиденькихъ стихотвореній, и что надо думать о поэтѣ, когда, получивъ два милліона наслѣдства, онъ забылъ, чѣмъ онъ обязанъ литературѣ, и, ничего для нея не сдѣлавъ, поторопился уѣхать на берега Средиземнаго моря и умереть на чужбинѣ?» Въ немногихъ словахъ онъ умѣлъ причернить своего собрата до неузнаваемости, но всѣ друзья Шеллера знали въ немъ эту привычку къ злословію изъ любви къ искусству и были увѣрены, что въ глубинѣ своей души онъ знаетъ настоящую цѣну человѣка. Едва дѣйствительно умеръ Плещеевъ, какъ въ «Живописномъ Обозрѣніи» появилась о немъ замѣтка Шеллера съ перечисленіемъ литературныхъ заслугъ Плещеева, съ его несомнѣннымъ и благороднымъ вліяніемъ на молодежь 60-хъ—70-хъ годовъ и честнымъ образомъ жизни этого многострадавшаго труженика въ литературѣ. А эти злополучные два милліона тотчасъ же были Шеллеромъ забыты, потому что Плещеевъ никогда на нихъ не разсчитывалъ при жизни, никогда не думалъ о томъ, что ему дѣлать съ такими капиталами, когда они ему достались, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что первое время онъ уѣхалъ за границу, чтобы привести свои мысли въ порядокъ, а не умереть внезапно отъ кровоизліянія въ мозгъ...

Шеллеръ отлично понималъ дѣйствительные размѣры всякаго писателя, но чѣмъ выше кто изъ нихъ стоялъ, тѣмъ кончикъ его языка былъ для нихъ острѣе и пристрастнѣе. Самымъ безпощаднымъ образомъ онъ третировалъ Л. Н. Толстого, говоря по его адресу:

— Слава человѣка обусловлена деньгами... Если вы напишете плохую драму, но пустите ее въ продажу по карману публики, то васъ будутъ раскупать и хвалить. Почему «Власть тьмы» такъ быстро раскуплена? Потому, что въ этой драмѣ играетъ роль не талантъ, а имя и дешевка... «Дешевка» же и удесятеряетъ славу Л. Н. Толстого, особенно послѣ того, какъ вмѣсто 18 рублей за все изданіе его жена назначила за всѣ 12 томовъ 8 рублей. Дешевка и слава—это одно и то же.

Помню, одинъ изъ его гостей слабо ему возразилъ въ томъ смыслѣ, что на «Власть тьмы» соберется смотрѣть весь Петербургъ, когда ее поставятъ на сценѣ, и что критика уже признала эту драму замѣчательною вещью.

— Ахъ, Боже мой, что вы тутъ понимаете!—воскликнулъ Шеллеръ.—Ну, что такое наши критики и наша публика? Плохо вы ихъ знаете. Я знаю редакцію, гдѣ всѣ критическіе отзывы считаются безплатными на томъ основаніи, что всѣ они кумовскіе. А публика? Да, если бъ представить на сценѣ китайскаго мандарина, который себѣ одной рукой пузо распарывалъ кривымъ ножемъ, а другой кишки тянулъ наружу,—то успѣхъ былъ бы поразителенъ. Весь Петербургъ собрался бы въ Александринку, и даже Царицынъ лугъ опустѣлъ бы. Вотъ ваша публика. Радуйтесь за Л. Толстого, если на его «Тьму» соберется весь Петербургъ смотрѣть.

— Это правда,—поддакивали многіе Шеллеру:—мы любимъ все выходящее изъ ряда вонъ... Можно, пожалуй, будетъ радоваться, если «Власть тьмы» запретятъ ставить на сцену: одно чтеніе этой драмы огрубляетъ сердце, а не только представленіе ея.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Шеллеръ.—Нельзя безнаказанно рѣзать свои нервы деревянными ножницами. А во «Тьмѣ» есть сцены болѣе кровожаднаго свойства, чѣмъ моментъ, когда Грозный убиваетъ своего сына на картинѣ Рѣпина. Однимъ словомъ кумовская критика и умѣнье деревянными ножницами рѣзать публику по кусочкамъ—вотъ все, что требуется для современной славы любого изъ насъ.

V.

Тяжело бывало слушать Шеллера въ такія минуты озлобленнаго настроенія противъ своего брата писателя, но подъ этимъ настроеніемъ скрывалось множество фактовъ изъ литературнаго міра, которые Шеллеръ обобщалъ и могъ всегда швырнуть ихъ въ лицо противника.

— Эти писатели съ иностранными фамиліями,—разсыпалъ онъ сарказмы: — Грингмутъ, Окрейцъ, Липранди... Они у всѣхъ на глазахъ... Хотятъ быть болѣе русскими, чѣмъ сами русскіе. А эти «канатные плясуны» изъ либеральнаго міра — да не будутъ помянуты ихъ имена—вѣчно рисуются и позируютъ въ своихъ статьяхъ, «выбивая руками тактъ стиховъ на груди своей возлюбленной», по Гете. «Да, вы прежде всего сами будьте лучше», хочешь сказать имъ. Учите общество порядкамъ, а какъ сдѣлаетесь издателями и редакторами, такъ сами тотчасъ объясняетесь съ сотрудниками черезъ секретарей,— на письма не отвѣчаете, всѣмъ сотрудникамъ даете почувствовать ихъ батрацкое положеніе и въ сердцахъ посылаете ихъ заводить собственный журналъ, если они защищаютъ въ ре-

дакціи свою самостоятельность и достоинство... Не литературу вы любите и не литераторовъ, а литературное печатанье и шумъ о себѣ. Кто любитъ таланты и научныя знанія въ писателѣ, тотъ на вашемъ мѣстѣ пріѣхалъ бы къ такому писателю... такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ за границей!—и, скупивъ впередъ всѣ его произведенія, предложилъ бы ему приличный годовой окладъ съ условіемъ: «не торопитесь такъ много писать, какъ вы теперь пишете. Работайте не спѣша, не думайте о завтрашнемъ днѣ... Вы обезпечены. Вы дороги для меня... Печатайте меньше, но работайте старательнѣе и добросовѣстнѣе». Вотъ что сказалъ бы издатель-редакторъ, любящій литературу. А наши сумѣютъ споить талантливаго сотрудника, но не спасти его даже отъ «Родины» Каспари... Послѣ «Отечественныхъ Записокъ» С. Атава такъ и не выходилъ изъ консервативныхъ органовъ печати, къ чести его, всегда оставаясь самимъ собою... А еще эти маленькіе беллетристы, наполняющіе своимъ «печатаньемъ» газеты и журналы, вѣдь никто изъ нихъ даже не выработалъ себѣ должнаго «отношенія» къ жизни. Они все описываютъ «мелкій фактъ» и не понимаютъ разницы между разсказомъ А. Будищева и китайско-европейской войной. Чуткости ни на щепотку къ общественной жизни, а величія больше, чѣмъ у самого В. Гюго... Всѣ они, если послушать ихъ, не пишутъ, а священнодѣйствуютъ. Вы не можете курить папиросу въ комнатѣ, гдѣ они пишутъ или дѣлаютъ свои романы и стихи; они на столѣ держатъ духи и мандарины, чтобы нюхать для вдохновенія, а были и такіе, которые комнату обивали чернымъ сукномъ, зажигали восковыя свѣчи, распятіе Христа валялось въ ногахъ, такъ какъ Христосъ былъ униженъ, и надо всегда видѣть его униженнымъ, а сами они раздѣвались до гола, и писали стихи о прелестяхъ человѣческаго тѣла, и какъ они «сами собою восхищаются и сами собою забавляются...». На самомъ дѣлѣ для меня «Дафнисъ и Хлоя» изъ древне-греческаго романа Лонгуса—тотъ же нигилизмъ безъ общественныхъ цѣлей, а вонъ для Мережковскаго — древне-греческій пастушекъ и его снѣгурочка среди козловъ и овечекъ — «новое братство между человѣкомъ и животнымъ», «возвращеніе къ первобытному здоровью отъ болѣзни, называемой культурой» — и торжество эллинства надъ сентиментализмомъ и мрачностью христіанства... Для меня первобытность чувствъ и ихъ свобода напоминаютъ Мефистофеля въ Вальпургіеву ночь со старухой, когда онъ признается, что березовый пень, хотя просторенъ и черенъ, но въ эстазахъ души можетъ понравиться, если не трусить... А поклонники «Дафниса и Хлои» цѣнятъ эти экстазы души выше культуры и разума. Такъ-таки и захлебываются эти декаденты отъ восторга возможностью возвращенія язычества въ наши дни... И всѣ они, и беллетристы и философы, засыпаны, по ихъ словамъ, письмами изъ публики... Но вѣрить этому

не слѣдуетъ. Россія довольно лѣнива, чтобы замѣчать, что у нея нѣтъ за послѣдніе годы литературы, а тѣмъ болѣе восхищаться тѣмъ, что въ одной повѣсти какой-то образованный господинъ сошелся съ модисткой и сталъ погибать отъ того, что она начала приносить ему дѣтей; въ другой повѣсти—отецъ обѣщалъ дочери приданое и не далъ его, несмотря на разоблаченіе зятя шуриномъ въ газетахъ и т. д. Такую литературу будутъ читать только дѣти самого писателя... Да и то этимъ разовьешь въ нихъ, съ этихъ-то поръ, такое неуваженіе къ литературѣ, какое трудно себѣ представить. Если юноша пріучится, прежде чѣмъ любить литературу, ругать и критиковать ее, то такому юношѣ литература не дастъ ничего святого... Боюсь я, что современная литература давно уже не даетъ ничего святого цѣлому обществу. «Римъ палъ, потому что администрація въ немъ пала»,—кричитъ мнѣ М. П. Соловьевъ; «народами можно управлять только терроромъ», проповѣдуетъ Мещерскій, забывая, что наступаетъ XX вѣкъ; «да здравствуетъ жизнерадостный Олимпъ надъ печальнымъ христіанствомъ... Дорогу овцамъ передъ культурными людьми!»—благовѣститъ Мережковскій. Поэты пишутъ о томъ, какъ луна влюбилась въ липу; переводчики облюбовали Монассана, потому что по послѣднимъ его двумъ строкамъ можно возстановить весь его разсказъ и, если зачеркнуть эти двѣ строки, то отъ разсказа ничего не останется... Публикѣ нравится этотъ успѣхъ неожиданности въ концѣ и острое словцо въ началѣ. Это нравится и нашимъ измопассанившимся беллетристамъ, проповѣдующимъ дѣлать все, что нравится. «Ничего нѣтъ гадкаго въ жизни... А если и есть грязь въ духѣ запрещенныхъ сказокъ Аѳанасьева, то грязь такъ исключительна, что можно даже съ нею отдыхать отъ чистоплотной прозы жизни...». Вотъ вѣдь что проповѣдуютъ эти нищіе умомъ и богатые духомъ новые беллетристы.

Помню, одинъ изъ литераторовъ за ужиномъ у Шеллера распространился о томъ, что только Пушкинъ да Бѣлинскій понимали поэзію, и что ихъ общественные идеалы гораздо крупнѣе, чѣмъ у Добролюбова и Чернышевскаго.

— О какомъ томѣ Бѣлинскаго вы изволите говорить? — воскликнулъ вдругъ Шеллеръ, все время молчавшій.

— Какъ о какомъ томѣ? Я все въ немъ хвалю...

— Однако? Что же именно все вы хвалите въ немъ?

— Рѣшительно все...

— Ну, этого быть не можетъ, если вы читали его! Въ первыхъ томахъ Бѣлинскій стоитъ на сторонѣ Шевырева и Погодина, въ восьмомъ томѣ онъ ратуетъ за Пушкина, а въ двѣнадцатомъ онъ соціалистъ во вкусѣ Пьера Леру. Всѣ эти направленія соединены между собою зигзагами и въ настоящее время одними давно усвоены, другими отвергнуты. Почему же только Бѣлинскій мо-

жетъ поучать насъ новому, и чему такому?—спрошу я. Вотъ вы не можете отвѣтить на такой простой вопросъ, а ругнуть лучшихъ шестидесятниковъ вамъ не по чемъ.

Я невольно напомнилъ Шеллеру случай, когда отецъ одного изъ нынѣ пишущихъ поэтовъ пришелъ къ Достоевскому, чтобы тотъ сказалъ ему о достоинствахъ стиховъ сына, и стоитъ ли послѣднему заниматься ими.

Достоевскій, прослушавъ стихи, сказалъ:

— Зачѣмъ это все пишется? Для того, чтобы быть писателемъ, надо прежде всего страдать, во-вторыхъ, быть готовымъ къ тому, что вмѣсто славы тебя оклевещутъ и не оцѣнятъ, а вмѣсто обезпеченія—встрѣтятъ бѣдность и униженія...

— О, если такъ много надо для того, чтобы быть писателемъ, то лучше не быть имъ...

— Лучше не быть!—перебилъ Достоевскій.—Кто не страдалъ и не хочетъ страдать, тому лучше не быть писателемъ.

— Объ этомъ совсѣмъ забыли въ наше время,—перебилъ меня Шеллеръ.—Исторія русской литературы до сихъ поръ была исторіей страданій русскихъ писателей, но только не въ «Очеркахъ новѣйшей литературы» г. Скабичевскаго.

— Правда,—согласился я.—Не говорю о Чернышевскомъ, но даже замученный клеветой Лѣсковъ не былъ консерваторомъ и тогда, когда писалъ противъ крайностей Чернышевскаго и находилъ Россію не подготовленной къ снамъ Вѣры Карловны Лопуховой; и тогда, когда позднѣе писалъ противъ Перъ-Жана въ «Полунощникахъ»... А сколько онъ принялъ страданій за свой мнимый консерватизмъ!

— Сгущенныхъ красокъ у него было много и тамъ, и тутъ,—произнесъ Шеллеръ,—но писателемъ онъ былъ внѣ партіи, несмотря на боевую позицію. Его опредѣленность симпатіи была свободной, и я не могу забыть, какъ онъ передавалъ мнѣ свой споръ съ редакторомъ «Нивы», Клюшниковымъ, за однимъ литературнымъ обѣдомъ.

— Это интересно... Разскажи,—попросилъ я.

— Произошло слѣдующее:—началъ Шеллеръ:—Лѣсковъ замѣтилъ, что весьма нецѣломудренно со стороны редакціи «Русскаго Обозрѣнія» печатать цѣлый рядъ графовъ и высокопоставленныхъ именъ, рядомъ съ Л. Тихомировымъ. Одни яснаго направленія и искренни, а второй какой-то перебѣжчикъ. Чуткость редактора должна бы подсказать, что этого нельзя въ одной и той же книжкѣ допускать. Нельзя съ бывшимъ вчера врагомъ сегодня обниматься и приглашать къ тому же и своихъ гостей.

— Вотъ ужъ не ожидалъ отъ васъ,—отвѣтилъ Клюшниковъ:—Тургеневъ бы еще могъ это сказать. У того всегда къ литературѣ примѣшивались и постороннія цѣли. А для меня въ литературѣ нужны только дарованія; литература сама въ себѣ живетъ...

— Да, для чего же это,—воскликнулъ Лѣсковъ:—если литература не служитъ извѣстнымъ цѣлямъ, и если вамъ безразлично, кто ее составляетъ?

— Настоящій литераторъ не долженъ имѣть никакихъ чувствъ.

— А для меня безъ этихъ чувствъ не нужна и литература.

— А таланты?

— Чѣмъ талантливѣе писатель, тѣмъ хуже, если въ немъ нѣтъ общественныхъ чувствъ и сознанія того, во имя чего онъ работаетъ и съ кѣмъ работаетъ. Безчувственные, безкровные писатели— эти жрецы безпринципности—представляютъ упадокъ литературы, и чѣмъ они талантливѣе, тѣмъ хуже. Пропади и сама литература, если такъ. Стоитъ ли ею дорожить послѣ этого? Мнѣ важно, что въ книгѣ, а не самая книга: въ какомъ году она напечатана, въ какой типографіи и т. д. Оттого всѣ библіографы мнѣ противны... Имъ, да и вамъ, нужно литературное искусство, а мнѣ люди и ихъ интересы. Безъ этого пропадай сама литература. На кой же она чортъ существуетъ, если писатель не долженъ имѣть никакихъ чувствъ!

Разсказывая этотъ случай изъ жизни Н. С. Лѣскова, Шеллеръ обращался къ современнымъ писателямъ и находилъ, что всѣ они залѣзли на шкапы и считаютъ себя выше «шестидесятниковъ».

— Одинъ Горькій на литературномъ обѣдѣ сознался о себѣ, что на безрыбьѣ и ракъ рыба, на безлюдьѣ и Ѳома дворянинъ, а всѣ прочіе изъ молодыхъ знаменитостей убѣждены, что они заслужили славы и денегъ, если не страданіями за идеи, то своими талантами. Даже бездарности, въ родѣ «желѣзныхъ просфиръ» изъ духовныхъ академій, возведенныхъ въ званіе «заредакторовъ», съ отвратительной точки зрѣнія трактуютъ о хорошихъ вещахъ, требуя отъ властей и общества не человѣколюбія, а патріотизма... Литература давно утратила raison d'être для своего существованія. Серьезный журналъ «Вѣстникъ Европы» дальше своихъ традиціонныхъ 6.000 подписчиковъ нейдетъ. Слѣдовательно, общество не доразвилось до литературнаго серьезнаго чтенія. И дѣйствительно: на западѣ писатели расходятся въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземплярахъ, наживаютъ себѣ состоянія, виллы и яхты (Монассанъ, Золя и т. д.). У насъ издаютъ сочиненія въ 2—3 тысячахъ экземпляровъ, и расходятся они медленно. Все другое идетъ бойче и поддерживается обществомъ и правительствомъ, а литература — нѣтъ. Художники имѣютъ свою академію, гдѣ они обучаются; а литература ничего не имѣетъ, и никто ея не поддерживаетъ. Нигдѣ, однако, такъ легко не живется легкимъ людямъ, какъ въ литературѣ. Писателю по призванію дышать нечѣмъ... А ремесленникамъ всего лучше въ современной литературѣ. Самый легкій трудъ, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія, что всякій трудъ дѣлается за деньги. Для образованнаго идейнаго писателя литература мало даетъ

денегъ, но для лѣнтяевъ и безпечныхъ людей—она лучше оплачиваетъ ихъ, чѣмъ всякая иная служба. Оттого въ литературу только лѣнивый не лѣзетъ, особенно если ему некуда болѣе пристроиться. Человѣкъ, не способный ни на что другое, какъ только компилировать чужія книжки и излагать болѣе скучно чужія мысли—оказывается публицистомъ; усвоившій Пушкинскую форму—поэтомъ и беллетристомъ и т. д... Что касается ихъ направленія, то они давно провозгласили «анархію въ искусствѣ». Что это такое? спрашиваю. Что означаетъ это направленіе? Рисовать въ живописи человѣка вверхъ ногами, что ли? Я не знаю, до чего дойдетъ литература, если она не хочетъ имѣть дѣло съ общественными нуждами, а ищетъ истину въ началахъ всѣхъ началъ и красоту въ красивой лентѣ изъ пасти дракона. Тяжело умирать и сознавать, что даже твое маленькое мѣсто некому занять, а умретъ Толстой—уже никто въ Европѣ не будетъ говорить о современной русской литературѣ...

VI.

Просматривая свои воспоминанія объ А. К. Шеллерѣ, мнѣ хочется думать, что множество фактовъ и эпизодовъ изъ его жизни приведены мною въ доказательство неровности его характера одновременно съ признаніемъ его большого ума, трудолюбія и общественныхъ заслугъ. Я не могъ ограничиться перечисленіемъ исключительно положительныхъ его сторонъ. Тогда характеристика Шеллера была бы односторонняя, равно какъ и въ томъ случаѣ, если бы кто сосредоточилъ вниманіе исключительно на его отрицательныхъ сторонахъ. Къ моему удовольствію, отрицательныя стороны Шеллера, которыя я помнилъ, являются больше его литературными фразами, а не черными поступками. Появляясь, такъ сказать, всегда на философской почвѣ, онѣ проявляются только въ томъ, что Шеллеръ былъ рѣзокъ въ спорахъ, легко обижался и раздражался, имѣлъ несчастную привычку сводить всѣ разговоры къ своей личности и любилъ иногда играть «страшными словами», доказывая, напримѣръ, что онъ эгоистъ, и что всѣ нравственные герои также эгоисты, если только не фразеры и т. д. Но всѣ эти патологическія настроенія въ феноменологіи его духа были мимолетными и почти безвредными. Многихъ онѣ отталкивали отъ него, но кто хорошо зналъ Шеллера, тотъ видѣлъ за недостатками рядъ крупныхъ его достоинствъ и былъ къ нему расположенъ. По-настоящему, неизмѣнная дружба между людьми начинается съ того момента, когда она созрѣла не съ закрытыми глазами другъ на друга, но съ яснымъ разумѣніемъ всѣхъ сторонъ характера. Чѣмъ крупнѣе были достоинства Шеллера, тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ чувствовались и его отрицательныя черты, но всѣ онѣ вытекали изъ

литературныхъ побужденій, изъ-за горячихъ споровъ въ артистическомъ азартѣ капризнаго ума писателя. Больше было страшныхъ словъ, чѣмъ дѣйствительныхъ проступковъ въ сарказмахъ Шеллера. Но если феноменологія духа у Шеллера была продуктомъ семейныхъ, литературныхъ или общественныхъ условій, то все-таки нельзя также совершенно освобождать и самого человѣка отъ отвѣтственности за свой характеръ. У Шеллера, несомнѣнно, были свои органическія особенности, съ которыми онъ совсѣмъ не боролся, и которыя также играли нѣкоторую роль въ его трагизмѣ. Въ натурѣ Шеллера лежали, несомнѣнно, какія-то тезы и антитезы, обусловливающія кореннымъ образомъ его дальнѣйшій трагизмъ. Въ литературу онъ вносилъ ровное міросозерцаніе, благодаря тому, что въ спокойномъ состояніи духа онъ выработывалъ стройный синтезъ въ своихъ произведеніяхъ. Но у себя въ гостиной или столовой онъ чрезвычайно быстро поддавался впечатлѣніямъ, и надо было ходить около него на цыпочкахъ, чтобы не разбудить въ его душѣ какого нибудь «бѣса противорѣчія». Стоило не во время похвалить женскій трудъ, какъ онъ начиналъ доказывать, что женщина ничтожество, и что если бы также у мужчинъ три четверти жизни уходили на роды и кормленіе дѣтей, то среди насъ не было бы ни одного генія; стоило тутъ же кому нибудь зло посмѣяться надъ трудящейся женщиной, Шеллеръ уже начиналъ кричать: «куда вы пришли?! Вы не знаете, гдѣ и что нужно говорить!».

Эта антитеза всему и всѣмъ въ его натурѣ еще рѣзче выражалась въ отношеніи къ своему происхожденію. Свободный отъ религіозныхъ и политическихъ предразсудковъ, онъ постоянно упоминалъ о своихъ аристократическихъ родственникахъ; гостепріимный и любезный, онъ въ то же время жаловался гостямъ на гостей же, и каждый могъ думать, что по уходѣ любого изъ нихъ хозяинъ продернетъ и его острымъ словечкомъ. Всѣ принимаютъ гостей и считаютъ за честь, если они отобѣдаютъ у хозяина, а Шеллеръ способенъ былъ сказать и говорилъ: «Отчего я прекратилъ свои четверги? Меня литераторы заставили... Какъ же, приходятъ однажды двое и говорятъ мнѣ же: «какъ отлично мы эту недѣлю прожили: не надо было обѣдать у себя дома, всю недѣлю Христа славили: въ четвергъ у тебя ужинъ, въ пятницу у Полонскаго, въ субботу у такого-то, во вторникъ у Чуйки и т. д.». Чортъ васъ возьми, думаю, и ко мнѣ, можетъ быть, ходятъ Христа славить».

Отзывы Шеллера о людяхъ и его образный языкъ часто перетолковывались людьми крайне произвольно и вооружали его знакомыхъ противъ него. Не могу не вспомнить самый свѣжій объ этомъ эпизодъ. Ухаживая цѣлыми ночами за умирающимъ Шеллеромъ, я былъ очень тронутъ, когда онъ благодарилъ меня со слезами на глазахъ:

— Спасибо тебѣ! Не долго уже осталось тебѣ покараулить

меня... Не сегодня—завтра умру. Еще нѣсколько часовъ осталось всѣмъ моимъ друзьямъ послѣдить со мною и покараулить мою смерть. Только въ тяжелыя минуты узнаешь истинныхъ друзей... Сегодня ночью будетъ ночевать твоя жена?

— Да... Она хотѣла смѣнить меня.

— Спасибо...

По лицу Шеллера прокатилась слеза.

Разсказывая эту трогательную сцену среди знакомымъ, я уже, конечно, никакъ не думалъ, что изъ этого выдетъ хамская сплетня о томъ, что Шеллеръ понималъ, что мои безсонныя ночи около него нужны были для составленія біографіи о немъ и не свидѣтельствуютъ моего къ нему расположенія. Многочисленныя недоразумѣнія часто возникали между друзьями Шеллера, особенно, если самъ Шеллеръ могъ при этомъ щегольнуть необдуманной фразой или словомъ.

Слушаешь, бывало, въ такія минуты Шеллера, удивляешься, а пройдетъ время—вспомнишь его крупныя достоинства, и они опять перевѣсятъ всѣ его словесные недостатки и патологическія настроенія. Опять потянетъ къ себѣ его крупная и оригинальная личность, и опять увидишь, какъ онъ могъ быть къ кому либо необыкновенно добрымъ и въ то же время по самому ничтожному поводу перейти въ озлобленный на него тонъ, говоря за часъ тому назадъ совсѣмъ о немъ другое. Онъ могъ быть смѣлымъ апостоломъ, призывающимъ людей къ самопожертвованію, и тутъ же смѣяться надъ страдальцами міра, доказывая, что они— дождевая капля воды въ горько-соленомъ морѣ, и, кромѣ того, можно сомнѣваться и въ самой каплѣ: чѣмъ она лучше морской воды?

— Хирургъ-профессоръ, — говорилъ онъ, — спасшій негодяя-купца отъ смерти, едва ли такъ великъ, какъ принято думать о докторахъ; адвокатъ, распинающійся за психопата-преступника, или земскій врачъ, лѣчащій оскотинившееся крестьянство, и т. д., ничѣмъ не лучше обыкновенной толпы смертныхъ. Лучше остаться въ этой толпѣ, чѣмъ стремиться жертвовать собой для миража и мечты.

Что это?! Да все то же, что и ранѣе... Вѣдь въ этихъ страшныхъ словахъ—кто зналъ Шеллера—чувствовались ненависть къ «купцу-негодяю», призывъ къ возрожденію «оскотинившагося крестьянства» и даже въ «христославахъ» — всегдашняя непріязнь Шеллера къ литературной богемѣ и ея бездомничеству. Ничего другого въ «страшныхъ словахъ» Шеллера не заключается при психологическомъ анализѣ и хорошемъ знаніи самого Шеллера. Попробуй другой развивать, напримѣръ, идею отрицанія нравственнаго героизма безъ благородныхъ придатковъ—Шеллеръ возмутился бы первымъ. Но не каждый понималъ въ немъ это противорѣчіе и его чистый источникъ. Если даже онъ говорилъ скептически объ отдѣльныхъ герояхъ, то исключительно потому, что

хотѣлъ видѣть толпу на высотѣ, и чтобы дѣйствительность не была блѣднѣе нашихъ мечтаній. Вотъ именно эта тайная и весьма сложная антитеза и составляла сущность характера А. К. Шеллера и иногда источникъ многихъ недоразумѣній и кривотолковъ о немъ.

Онъ самъ о себѣ отзывался уморительнымъ образомъ, когда, напримѣръ, кто замѣчалъ, что занятія надъ книгами согнули его.

— Нѣтъ!—возражалъ онъ.—Меня горбатымъ сдѣлала мать. Она всегда мнѣ говорила, гуляя со мной: «посмотри, какой идетъ миленькій мальчикъ... Какъ прямо держится. Пріятно смотрѣть. А ты горбишься, какъ старикъ». Я еще болѣе гнулся, такъ какъ всего болѣе боялся походить на кого нибудь, и чтобы кто нибудь и меня не назвалъ «миленькимъ мальчикомъ». Я всегда хотѣлъ быть взрослымъ человѣкомъ и теперь радъ, что я литераторъ, но согнувшійся и кривой, а не какъ всѣ.

Эта искренняя потребность натуры быть «не какъ всѣ» заключаетъ и разгадку многихъ странностей въ характерѣ Шеллера.

Теперь, когда Шеллеръ «скрылся за вѣками», можно безошибочно сказать, что игра въ страшныя слова и цѣлыя стройныя изъ нихъ системы вытекали у него изъ потребности быть «не какъ всѣ», изъ антитезы ко всѣмъ и ко всему. Эта органическая потребность быть вездѣ «Шеллеромъ» поощрялась женскимъ воспитаніемъ въ семьѣ, литературной славой и постепеннымъ увяданіемъ ея за послѣдніе годы вмѣстѣ съ общественными прогрессивными идеалами. Мнѣ дороги въ моихъ воспоминаніяхъ и всѣ мелочи, если только онѣ иллюстрируютъ «трагизмъ» Шеллера, изъ двойного его воспитанія въ семьѣ, изъ литературной неудовлетворенности, изъ соціально-бытового неустройства позднѣйшей эпохи и «антитезы» въ натурѣ Шеллера. Безъ нихъ былъ бы неполонъ мой очеркъ о немъ, и, несмотря на непривлекательность многихъ изъ нихъ, я мирюсь на томъ, что всѣ эти «противорѣчія» въ Шеллерѣ выросли на умственной почвѣ и свободны отъ корыстныхъ мотивовъ. А его духовныя силы, отданныя на служеніе обществу; его личная аскетическая жизнь, рѣдкая по трудолюбію и принципіальности,—такъ значительны, что невольно опускаешь голову въ смущеніи, что, можетъ быть, я мѣстами неумѣло помянулъ усопшаго писателя и не доросъ до пониманія его сложной натуры... Значительнымъ успокоеніемъ, впрочемъ, служатъ мнѣ письма нѣкоторыхъ друзей Шеллера изъ литературнаго міра, приславшихъ мнѣ свои впечатлѣнія послѣ прочтенія моей книги о немъ [1]). Въ особенности мнѣ дорого письмо поэта Ф. А. Червинскаго, дополняющаго такъ умѣло нѣсколькими штрихами характеристику усопшаго писателя. Онъ пишетъ отъ 11-го марта слѣдующее:

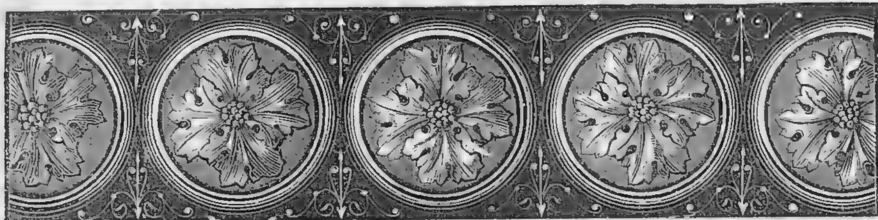
[1]) См. недавно вышедшія мои о немъ воспоминанія: «Александръ Константиновичъ Шеллеръ».

«Воспроизвести всесторонне образъ Шеллера—задача трудная, требующая не только такта, но и художественнаго чутья. Мы всѣ часто бесѣдовали съ Шеллеромъ, но что, кромѣ великаго сумбура, вышло бы изъ стенографическаго возстановленія тѣхъ его репликъ, которыя являлись результатомъ раздраженья или огорченья? Человѣкъ—жестокій на словахъ и мягкій въ дѣйствительности; свѣтлый умъ, казавшійся иногда «непосвященнымъ» узкимъ и парадоксальнымъ; широкая душа, казавшаяся иногда мелочной; богато одаренная натура, сотканная изъ рѣзкихъ противорѣчій—непонятныхъ и «примиримыхъ» только для лицъ, хорошо знавшихъ его—какъ обрисовать его, не выходя изъ границъ безпристрастья, не сгустивъ невольно красокъ—свѣтлыхъ и темныхъ?».

Мнѣ пріятно было читать признаніе Червинскаго, хорошо знавшаго Шеллера, о томъ, что, отбросивъ балластъ, я изобразилъ «то существенное, то единственно главное, что дѣйствительно характеризуетъ этого крупнаго человѣка, и даже тѣ немногія мелочи,—которыя включены въ воспоминанія въ цѣляхъ наиболѣе полной характеристики,—дѣйствительно дорисовываютъ памятный образъ нашего незабвеннаго Александра Константиновича».

А. Фаресовъ.

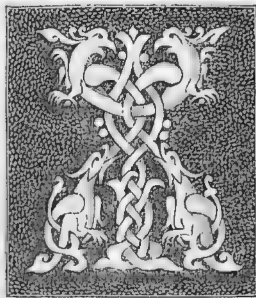

ТѢЛОХРАНИТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

(Посвящается родному «Тихому Дону»).

Пора снять съ памяти вѣрныхъ слугъ Государевыхъ безчестье государственнаго преступленія.
Feci quod potui; faciant meliora potentes.

ИВО помню я холодную, лунную осеннюю ночь наканунѣ достопамятнаго боя при Горномъ Дубнякѣ, когда мнѣ впервые привелось слышать о страшныхъ дѣлахъ, совершавшихся сто лѣтъ назадъ въ Старочеркасскѣ... [1]). Вся странная, дикая, фантастическая обстановка до сихъ поръ у меня, какъ предъ глазами... Полная, свѣтлая луна обливала густымъ серебрянымъ блескомъ мутныя струи рѣки Вида, обрывистый, скалистый лѣвый берегъ его, небольшую полянку, усѣянную кустарникомъ и копичками сѣна, расположенную на ней донскую полусотню и окружавшій насъ густой высокій лѣсъ. Хотя прошло уже почти двадцать три года, но до сихъ поръ воспоминанія объ этой ночи рисуютъ въ моемъ воображеніи въ совершенно опредѣленныхъ очертаніяхъ рядъ страшныхъ, давно потухшихъ, картинъ изъ мрачнаго прошлаго родного «Тихаго Дона» и невольно вызываютъ слезу... Мнѣ совершенно ясно представляется высокій, статный, блѣдный, какъ

---

[1]) Назывался тогда Черкасскомъ.

смерть, свитскій гвардейскій донской полковникъ, съ правильными благородными чертами лица, гордою поступью всходящій, погромыхивая тяжелыми кандалами, на высокій эшафотъ.

Но... разскажу все по порядку...

Просидѣвъ, по прибытіи въ дѣйствующую армію, безъ всякаго дѣла около двухъ недѣль въ главной квартирѣ [1]) и больше мѣсяца подъ Плевной, я попалъ въ партизанскій отрядъ полковника Н. и двинулся съ нимъ изъ деревни Калиника на Огорчинъ къ Аглену. Согласно желанія генерала Гурко, предпринимавшаго атаку Горнаго Дубняка, мы должны были демонстрировать къ Телишу со стороны Радомирцъ.

Основываясь на показаніяхъ болгаръ, можно было ожидать стычки въ Агленѣ съ грабившими жителей черкесами и башибузуками. Приближаясь къ этой деревнѣ, мы увидѣли горящія въ разныхъ мѣстахъ избы, но грабителей въ ней уже не было; только нѣсколько всадниковъ, спѣшившихъ скрыться по направленію къ Чурикову, указали намъ взятое непріятельской партіей направленіе.

Не знаю, въ виду какихъ именно соображеній полковникъ Н... чрезъ часъ послѣ того, какъ отрядъ нашъ расположился бивуакомъ западнѣе Аглена, приказалъ выставить подъ моимъ начальствомъ свободную, отборную полусотню въ оборонительную заставу, приблизительно въ полуверстѣ отъ праваго фланга сторожевой цѣпи, примыкавшей къ лѣвому берегу рѣки Вида, вдоль котораго шла широкая лѣсная дорога на деревню Чуриково. Мнѣ пришлось расположиться въ такой трущобѣ, гдѣ, надо полагать, даже и въ самый ясный день была тьма, словно въ сумеркахъ. Насъ окружалъ густой, высокій, чуть не дѣвственный лѣсъ, оголенные корни деревъ котораго мѣстами такъ переплелись между собою, что казаки ежеминутно рисковали сломать себѣ шеи.

Едва только успѣлъ я отдать соотвѣтствующія распоряженія и уже хотѣлъ выслать разъѣзды, какъ бравый, украшенный двумя георгіями, урядникъ доложилъ мнѣ, что, по словамъ казаковъ, шагахъ въ трехстахъ впереди и ближе къ рѣкѣ есть очень удобная для расположенія заставы полянка съ запасомъ свѣжаго сѣна. Послѣдній доводъ главнымъ образомъ и заставилъ меня, вопреки приказанія начальника отряда, перемѣнить мѣсто: запасъ сѣна имѣлъ для насъ огромное значеніе, такъ какъ у казаковъ оставалось въ сумахъ только небольшое количество кукурузы и ячменя, а между тѣмъ намъ предстояло, послѣ тяжелой ночной службы въ заставѣ, порядочное передвиженіе къ Радомирцамъ, а, можетъ, и участіе въ бою.

Дѣйствительно, мѣсто отысканное нашими незамѣнимыми въ

---

[1]) Горный Студень.

походѣ пщейками, оказалось весьма удобнымъ, какъ для расположенія лошадей и людей, такъ и на случай обороны. Небольшая полянка шаговъ въ сто длиной и такой же почти ширины, усѣянная кустарникомъ и копичками свѣжаго душистаго сѣна, была защищена съ сѣвера и запада обрывистыми скалами, представлявшими прекрасныя закрытія для стрѣлковъ. Съ западной стороны въ расщелинѣ известковаго обрыва оказалось четыреугольное отверстіе почти въ два квадратныхъ аршина, ведущее въ чистую, съ большой щелью вверху, и настолько просторную камеру, что въ ней свободно можно было расположить въ-повалку, по крайней мѣрѣ, треть команды. Пещерка эта для насъ была чистая находка, такъ какъ тутъ прозябшіе казаки могли укрыться отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра и по очереди хоть немного отдохнуть.

Сдѣлавъ нарядъ и выславъ разъѣзды, я приказалъ задать лошадямъ сѣна, а затѣмъ закутался въ бурку и легъ на копну, стоявшую близъ входа въ пещерку, гдѣ уже нѣсколько бородатыхъ станичниковъ устраивались на ночлегъ: втаскивали сумы и умащивали сѣно.

Я хорошо помню эти минуты. Кругомъ царилъ полумракъ, придававшій всей, и безъ того дикой, картинѣ какой-то фантастическій видъ. Издали, со стороны, стоявшаго бивуакомъ, отряда, доносились неясные звуки ночного гула. Становилось все холоднѣе. Хотя насъ и защищали скалы и густой лѣсъ, но рѣзкій пронзительный вѣтеръ прохватывалъ насквозь и не давалъ уснуть. Какъ я ни кутался въ бурку, но все-таки масса холоднаго воздуха безпрестанно забиралась въ рукава, расходилась по всему тѣлу, и непріятная дрожь пробѣгала до самыхъ пятъ. Промучившись съ четверть часа, я поднялся съ копны, разрылъ среди ея глубокое логовище, завернулся плотнѣе въ бурку и, улегшись, закрылъ глаза. Но сонъ бѣжалъ отъ меня. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась дрожь, и кровь стучала въ вискахъ. Я думалъ о предстоящемъ днѣ, томился отъ нетерпѣнія «скорѣе понюхать пороху», извѣдать сильныя ощущенія, испытать свои силы, показать себя молодцомъ и... получить знакъ отличія военнаго ордена... Юношескія мечты занесли меня далеко, какъ вдругъ чей-то тревожный окликъ заставилъ меня сразу вернуться къ дѣйствительности.

— Господинъ пратупей-юнкарь! А, господинъ юнкарь!—громко говорилъ кто-то, полагая, вѣроятно, что я сплю.

Я открылъ глаза и вскочилъ на ноги.

Предо мной стоялъ маленькій, кривоногій, закутанный въ грязную рваную попону, казакъ. Показавшаяся въ это мгновеніе на минуту изъ-за тучъ свѣтлая, словно электрическій фонарь, полная луна озарила его непріятное, изрытое оспой, лицо съ черными, плутовскими бѣгающими глазами.

— Что ты?—спросилъ я.

— Да дозволенія прошу на таю сторону рѣчки перейтить...

— Это зачѣмъ же?

— Да тамъ пронюхали наши, что, кубыть, турецкія свинки есть... Такъ вотъ бы намъ одну штучкю... Мы бы въ мигъ смотались... вплавь... Уся команда проситъ... Дозвольте... Живо приволокемъ сюда одну...

— Да что вы съ ней дѣлать-то будете?

— Какъ что?—дерзко сказалъ казакъ...—Да мы ее заразъ же и сваримъ.

— Да ты, кажется, съ ума спятилъ? Гдѣ же тутъ варкой заниматься? Впереди цѣпи... подъ носомъ у непріятеля... и разводить огонь!.. Да что ты?..

— А мы въ пещеркѣ...

— Нѣтъ-нѣтъ!.. Нельзя!.. Ступай!.. Вотъ еще выдумалъ!

Казакъ, повидимому, очень огорченный моимъ отказомъ, направился къ пещеркѣ, у входа въ которую виднѣлась высокая фигура. Я завернулся опять въ бурку и улегся на своемъ мѣстѣ.

— Ну, что?—услышалъ я чей-то повелительный грубый голосъ.

— Да ничаво,—досадливо отвѣтилъ рябой казакъ.—Я же табѣ говорилъ, что лучше не замать его... не будить... Вотъ на мое и вышло!.. Онъ бы спалъ сабѣ, а мы бы, покеля что, все дѣльцо и оборудовали бы... «Нельзя», говоритъ, да и только... Вотъ табѣ и все!..

— Ну, да какъ же было знать-то!.. Такъ съ виду покладистымъ выглядитъ... совсѣмъ овечкой... А, вонъ, поди жъ ты, какимъ себя до разу оказалъ... Настойчивъ, видно, все одно, какъ и нашъ «дѣдъ».

— Такъ я же, все-таки, пойду—а?—спросилъ рябой казакъ.

— Ну, иди...

— Упрежу Орлова и Дронова, чтобы, значить, того... помаленьку... тихохонько... А самъ оттелева зайду... а?

— Ступай-ступай!.. Да, смотри только, чтобы «обдѣлать дѣло подъ орѣхъ»... Чтобъ и не пикнула!.. Вразъ придушите ей глотку!.. А Орлова, какъ усе наладите, посылай сюда... Я пошлю другого въ подмогу съ ентой стороны...

Послышались шаги, и вскорѣ мимо меня быстро прошелъ рябой казакъ, направляясь къ рѣкѣ. Не могло быть никакого сомнѣнія, что онъ, несмотря на мое запрещеніе, спѣшилъ къ ожидавшимъ его товарищамъ, назначеннымъ въ экспедицію на стадо свиней; но я, заинтересовавшись, чѣмъ это кончится, рѣшилъ уже имъ не мѣшать и потому лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами, пока мимо меня спѣшно проходили къ рѣкѣ и обратно какіе-то казаки.

Прошло около пяти-шести минутъ...

— Ну, что же? — послышался опять тотъ же грубый повелительный голосъ... Наладили что ли?

— Готово,—отвѣтилъ чистый пріятный голосъ.—Вотъ пусть только луна спрячется за тучи... Заразъ и начнутъ... Обойдемся и безъ евонаго позволенія... Ничего и знать-то не будетъ... Пусть сабѣ спитъ...

— Да онъ-то еще ничего... Уломали бы какъ нѐбудь... А вотъ если «дѣдъ» узнаетъ!.. Ну, тогда бѣда!.. Влетитъ и мнѣ, да и всѣмъ... Этотъ ужъ спуску не дастъ... Ужъ это вѣрно... А особливо теперича... Серчаетъ онъ больно что-то вотъ уже второй, почитай, мѣсяцъ... Чортъ и што съ имъ сталось такое?.. Такъ думаю, что ужъ не завидуетъ ли онъ сродственнику Пугача Филаретичу и Петровичу, что ихъ обѣхъ бѣлыми крестиками наградили. А тутъ еще и Тарасовъ вразъ уйму крестовъ нахваталъ. А онъ, сердечный, все только покеля съ двумя солдатскими щеголяетъ, что за Шамиля еще годовъ шастнадцать назадъ заслужилъ... Ну, извѣстно, обидно...

— Ну, плохо же ты, братъ, знаешь «дѣда», если такъ думаешь... Не таковскій онъ человѣкъ, чтобы сталъ кому завидывать...

— Такъ тады съ чего жъ онъ такой сталъ-то?.. Ажъ смотрѣть боязно на него... Право... Ну, вотъ, ровно бы, онъ дохлаго пса проглотилъ!.. Ей-ей!.. И вотъ ужъ, кажись, что шастая недѣля пошла, какъ онъ усё такой... И не подступайся къ нему... Такъ и окрысится!.. А то ли было прежде?.. Гдѣ бывалочи веселье?.. Въ дѣдиной сотнѣ... Кажинный вечеръ, почитай, гремѣли бубны... наяривали скрипки да гармоники... разносились по долинамъ и горамъ болгарскимъ разудалыя донскія пѣсни!.. Земля, бывалочи, тряслась и ходуномъ ходила отъ казачьей пляски!.. Любо смотрѣть было на него... Самъ, бывалочи, и баранчиковъ молоденькихъ на вертелѣ поджаривалъ, самъ и почтовалъ станичниковъ ракійкой, а то и винцомъ виноградньмъ... красненькимъ... Ничего не жалѣлъ для нашего брата... Послѣдняя копейка шла ребромъ у него... Любилъ повеселиться... Смотритъ, бывало, смотритъ, какъ наши молодчики отхватываютъ, а самого, видно, такъ и подмываетъ, такъ и подмываетъ!.. Такъ и поводитъ, бывало, усе въ такту плечами, да притопываетъ... Смотритъ, бывало, смотритъ, поглаживаетъ бороду, ухмыляется, да и не выдержитъ: крякнетъ это, оправится, сдвинетъ свою попашищу на затылокъ, да какъ пустится, такъ куды за нимъ нашимъ!.. По-старинному пляшетъ, да еще и на капказскій манеръ малость... А ужъ если, бывало, дюже разойдется, такъ тутъ ему и удержу нѣтъ... Не скоро ужъ тады уймется... Заразъ это игры разныя затѣетъ, али джигитовку... Швыряетъ, бывало, намъ цѣлковенькіе... Только поднимай съ земли зубами на всемъ скаку... И идетъ, бывало, у насъ пиршество чуть не до свѣту... А таперича совсѣмъ не тотъ сталъ... Чортъ и што съ имъ приключилось?.. Настоящій отецъ-командеръ былъ... Бывалочи, если горе, бѣда, али такъ нужда какая, прямо безо всякой опаски

прёшь къ ему на фатеру, али въ палатку... Ни въ жисть не откажетъ... Безпремѣнно кажинному казаку поможетъ... Послѣднюю сорочку сниметъ, а изъ бѣды выручитъ станичника... А теперь-то что?.. Ишь ты, что завидуха-то съ людьми хорошими дѣлаетъ...

— Да какая же тутъ завидуха?.. Вѣдь выдумалъ же!.. Говорю же я табѣ, что не таковскій онъ человѣкъ... Никому онъ и не завидуетъ никады и никому зла не желаетъ...

— Такъ тады что же съ имъ? Что случилось-то?..

— Да ничего и не случилось... А такъ... находитъ на него осенью... вотъ въ это самое время... Кажинный годъ это съ имъ бываетъ...

— Ну?.. Что такъ?.. Болѣзть это, али сглазъ?..

— Ни болѣзти, ни сглазу нѣтъ, а такъ... тоскуетъ... и все...

— Скажи, пожалуйста!.. Тоскуетъ?.. И съ чего же это съ имъ?..

— Да такъ, говорятъ, да я тоже думаю, что горюетъ онъ по своему сродственнику... по дядюшкѣ Евграфу Осиповичу... Кажинную осень... Какъ вспомянетъ о немъ, такъ и найдетъ эта самая тоска на него...

— А что же съ имъ-то... съ дядюшкой?..

— Какъ что?.. Рази, не знаешь?..

— Не знаю, братуша... Ничего не знаю... А что?..

— Да, вѣдь, его же засѣкли до смерти въ Старомъ градѣ на площади...

— Да что ты говоришь?.. Вотъ такъ штука!.. Въ первой разъ, братецъ ты мой, слышу... Кады же это? Кто засѣкъ? За что?..

— Давно это было... Больше ужъ семидесяти годовъ прошло... А я думалъ, что ты знаешь: ближающіе же вы Старому граду-то...

— Нѣ-нѣ!.. А ты-то откедова же знаешь?

— Вона!.. Мнѣ-то не знать!.. Да моя же бабка тамошняя... черкасская... Она сродственница атаманши Меланьи Карповны Ефремовой [1]).

— Вона что!..

— А какже!.. Ей тады... въ восьмисотомъ году, кады это самое случилось съ Евграфомъ, двѣнадцать годовъ только минуло... Таперича, вишь, ей ужъ девятидесятый пошелъ... А помнитъ она

[1]) Жена атамана Степана Даниловича Ефремова, бывшаго атаманомъ съ 1753 года по 1772 годъ. Онъ былъ взятъ силою, посаженъ въ крѣпость св. Димитрія (теперешній Ростовъ-на-Дону) и вскорѣ отправленъ комендантомъ крѣпости Хомутовымъ (дѣдомъ Михаила Григорьевича Хомутова, генерала отъ кавалеріи, бывшаго атаманомъ Донского войска) въ Петербургъ. Онъ похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ. На его памятникѣ сохранилась до сего времени слѣдующая надпись: «Сей преставившійся Степанъ Даниловичъ Ефремовъ былъ сынъ тайнаго совѣтника и Донскихъ войскъ атамана Данилы Ефремова, родился 1715 года, іюля 27-го дня, а тезоименитство его августа 2-го; войсковымъ атаманомъ былъ 19 лѣтъ (1753—1772 г.г.), скончался 1784 года марта 15-го. А всего житія его было 69 лѣтъ».

усе до чиста, ну, вотъ, ровно бы это учера только было... Усе разсказываетъ, какъ и что... Въ таю пору, говоритъ, много народа пострадало [1])... Священника, отца Хведора Петровскаго, выдрали за что-сь-то кнутами, а опосля вырвали ему ноздри, заклеймили лобъ, да и выслали въ Ермака Тимоѳеевича земельку... Съ нимъ же и дѣдъ Васьки Голушкина клейменымъ пошелъ, да еще четыре человѣка... Всѣхъ ихъ отодрали, заклеймили, да и маршъ въ Сибирь!.. Дѣдъ-то Васькинъ сотникомъ, али чуть ли не есауломъ ли былъ... Въ таю же пору, сказываетъ бабка, отрубили голову сродственнику командера сотни 30-го полка, войсковому старшинѣ Аѳанасьеву, и еще тремъ гвардейцамъ нашей Луганьской станицы: Попову, Колесникову и Касмынину... Они, вишь ты, всѣ тоже, кубыть, замѣшаны были въ Евграфовскомъ дѣлѣ... Тады же и брату его подполковнику Петру Романовичу сто двадцать пять ударовъ кнутомъ дали, хоша у него на груди и бѣленькій егорій болтался... акромя другихъ крестовъ...

— Вотъ страсти какія! И бабка твоя все это видѣла?

— Все все! Она, вишь ты, Евграфу-то не чужая была и вхожа въ ихъ домъ. Старикъ-то, Осипъ Романовичъ, отецъ-то Евграфа... отъ купели пріймалъ ее... и любилъ ее... баловалъ свою крестницу...

— Вотъ оно что! Ну-ну! Такъ какъ же? Это, братецъ ты мой, оченно антиресно... Разскажи-ка, разскажи...

— Ужъ не знаю, антиресно ли покажется табѣ... Должно такъ, что разовъ двадцать, а то и болѣ, слыхалъ я про это отъ бабки и, вѣришь ли, кажинный разъ слеза прошибала меня во-какъ!.. Ужъ больно его, бѣднягу, долго мучили... Съ восхода солнца часовъ шесть сѣкли... Три палача отказались... Кровь такъ и лила... Усю спину до самыхъ костей въ клочья избили...

— Да за что же такъ?

— А за то, братецъ ты мой, говоритъ бабка, что ужъ больно крѣпко любилъ онъ царя-батюшку Павла Петровича... За то, что берегъ его... стерегъ, словно песъ вѣрный...

— Да что ты? Рази-жъ за это сѣкутъ людей? Что ты!.. На-

---

[1]) А. А. Карасевъ (отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Обозрѣнія» 1896 года), стр. 41: «Въ тѣ поры ходило по рукамъ пикантное четверостишье, неизвѣстно кѣмъ составленное. Одинъ экземпляръ его мѣстный священникъ случайно нашелъ у своего товарища, священника же, и, несмотря на мольбы послѣдняго, представилъ въ войсковую канцелярію. Результатомъ этого поступка было то, что почтенный іерей, у котораго найденъ этотъ пасквиль, и два бывшіе у него въ то время канцеляриста, были высѣчены кнутомъ, потеряли ноздри и сосланы въ Сибирь. Четверостишіе такое:

При императрицѣ
Ѣли поляницы,
А у царя
Нѣтъ и сухаря.

граждать бы надоть... Что-то, братъ, не такъ... Бабка-то твоя, видно, что нибудь, по старости, спутала...

— Ничего не спутала... Говоритъ она только то, что за вѣрное знаетъ... Тады-то и она точно не знала, за что замучили его; и вотъ года три али четыре назадъ ей одинъ человѣчекъ объяснилъ... Онъ, вишь ты, вычиталъ гдѣ-то... въ бумажкахъ старыхъ рваныхъ и въ книгахъ. А тады, говоритъ, много разныхъ разностевъ про Евграфа болтали. Говорили, что, кубыть, онъ идѣ-то похвалялся, подъ хмелькомъ, что безпремѣнно пройдетъ съ низовыми казаками сюда... въ Туретчину, что сгонитъ султана и возсядетъ на тронъ; что, кубыть, грозился, опосля того, какъ устроитъ свое царство, повести на Россію тьму тьмущую войска, разгромить Москву и короноваться въ ей...

— Ну... это-то и я, хоть и не письменный человѣкъ, а до разу вижу, что бабьи сказки. Удивленное дѣло, какъ могли дать вѣру имъ...

— Да ужъ такъ ловко подвели... Свои же... донскіе же писульки... чинушки поганыя сгубили его, бѣднягу. Атаманомъ-то былъ тады сродственникъ нашего отряднаго, Василій Петровичъ [1]). Чуть ли не дѣдъ его. Человѣкъ-то онъ ничего себѣ былъ, а тутъ не ладно какъ-то распорядился. Онъ, видно, такъ думалъ, что цареву волю сполняетъ, анъ вышло-то, что вороговъ его...

— Скажи, пожалуйста! Да какъ же это такъ?

— Да такъ ужъ случилось... Евграфъ Осиповичъ, вишь ты, почти что съ мальства при емъ состоялъ, кады онъ еще наслѣдникомъ престола россейскаго былъ... При емъ, вишь ты, сказываетъ бабка, какъ и при царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, гвардейская донская команда была [2]). Вотъ въ эту-то самую команду и попалъ Евграфъ. Да и какъ было не попасть ему! Туда, вѣдь, выбирали самыхъ что ни на есть виднѣющихъ, рослыхъ да краси-

---

[1]) Полковникъ Василій Петровичъ Орловъ былъ первымъ командиромъ Донской придворной команды, сформированной въ ноябрѣ 1774 года, по предложенію князя Потемкина, войсковымъ атаманомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Иловайскомъ изъ 65 казаковъ знатнѣйшихъ фамилій. Команда эта при императорѣ Павлѣ послужила основаніемъ къ образованію нынѣшняго л.-гв. казачьяго его величества полка. По смерти Иловайскаго императоръ Павелъ хотѣлъ назначить на его мѣсто заслуженнаго, извѣстнаго храбреца графа Ѳеодора Петровича Денисова, но послѣдній, ссылаясь на старость и болѣзни, просилъ назначить атаманомъ своего зятя Василія Петровича Орлова. Къ сыну Орлова, Василію Васильевичу, перешло графское достоинство, и онъ сталъ писаться графомъ Орловымъ-Денисовымъ.

Подъ командой Василія Петровича Орлова въ февралѣ 1801 года тронулось съ Дона все войско (41 полкъ и 2 артиллерійскія роты, всего 22.507 казаковъ съ 45.000 коней) въ походъ на Индію. Въ два мѣсяца самаго неблагопріятнаго времени казаки прошли 1.500 верстъ, до верховьевъ р. Иргиза, и возвращены оттуда по восшествіи на престолъ императора Александра I.

[2]) Изъ этихъ придворныхъ казачьихъ командъ впослѣдствіи составленъ былъ л.-гв. казачій полкъ.

выхъ казаковъ. А ужъ такого-то красавца, сказываетъ бабка, какъ былъ покойный Евграфъ Осиповичъ, днемъ съ фонаремъ на всемъ «Тихомъ Дону» не сыскать было. Одно слово писанный! Высоченный, стройный, а грудь—во! И походка, и взглядъ, и голосъ, сказываетъ бабка, какъ есть царскіе были у его. Видалъ ты, аль нѣтъ, патретъ государя Николая Павловича?

— Видалъ, видалъ! У насъ у станичномъ правленіи виситъ, а то еще и на почтовой станціи. Такъ что же?

— Такъ вотъ,—сказываетъ бабка,—что на него Евграфъ больно смахивалъ лицомъ и усѣмъ видомъ, только еще погрознѣй взглядъ былъ у его, кады осерчаетъ.

— Скажи, пожалуйста?

— Да, да. А силища, сказываетъ, у его такая была, что, бывалочи, возьметъ кочергу, да вразъ и свяжетъ ее узелкомъ. Вокакъ! А голосъ такой, что на усю станицу, бывалочи, слыхать, кады заговоритъ на сходѣ. Ну, вотъ, какъ прибылъ онъ у Питербурхъ, наслѣдникъ-то его до разу и облюбовалъ, да и пристроилъ къ себѣ. И пошелъ, братецъ ты мой, съ таей поры нашъ Евграфъ Осиповичъ шибко въ гору. Въ осьмисотомъ году, кады Павелъ Петровичъ царствовалъ, онъ уже полковникомъ во гвардіи былъ и въ свитѣ его состоялъ. Вотъ такъ же, какъ и командеры нашихъ гвардейскихъ полковъ, Мартиновъ и Жеребокъ. Ляксебанты и вензеля тоже носилъ. Ужъ больно онъ царю по сердцу пришелся. Шагу, бывалочи, безъ Евграфа онъ не дѣлалъ. Ѣдетъ ли куда, али на прогулку идетъ, завсегды, бывалочи, Евграфа съ собой беретъ. Спать даже безъ его не могъ. Завсегды у сосѣдней горницѣ его клалъ, а иной разъ, кады не спалось, и въ свою опочивальню призывалъ. И ложился Евграфъ у его ногъ во всемъ одѣяніи съ пистолетами и саблей. Берегъ царя, словно песъ вѣрный. Ну, и жаловалъ же его Павелъ Петровичъ по-царски. Чины и кресты такъ и сыпались... такъ и сыпались!.. И землями и крестьянами награждалъ. Слухъ ходилъ на Дону, сказываетъ бабка, что ужъ хотѣлъ онъ его первѣющимъ генераломъ сдѣлать и даже въ графья произвесть. Но вотъ тутъ-то вороги злые и подкопались подъ сердечнаго и оклеветали предъ царемъ. Вдругъ, сказываетъ бабка, нежданно-негаданно Евграфъ въ Черкасковъ прикатилъ. Усѣ, говоритъ бабка, просто диву дались! Какъ же такъ? Что за причта? То говорили, что царь и жить-то безъ него не могётъ, что шагу безъ его не дѣлаетъ, что обо всемъ съ Евграфомъ совѣщается, а тутъ, на-поди, отпустилъ... вдругъ! Что за диво? Ну, и пошли, извѣстно, заразъ же по Черкаскову толки да пересуды. Кто говорилъ, что въ опалѣ онъ у царя, что прогналъ онъ его, и запретилъ даже и на глаза показываться, а другіе и такъ думали, что безпремѣнно прислалъ онъ его, чтобы, значитъ, провѣдать, какъ и что на Дону, да и отписывать ему обо всемъ. Ну, хорошо.

Посудачили-посудачили, да и умолкли. Прошло этакъ примѣрно опосля того съ годъ, какъ прошелъ вдругъ слухъ, что и братъ его младшій Петруша вернулся изъ Питера, и что и его царь прогналъ и поотнималъ чины и кресты. А тамъ, глядь, еще чрезъ мѣсяцъ, ужъ оба брата были закованы и посажены въ тюрягѣ на цѣпяхъ, ровно звѣри дикіе. И вотъ, братецъ ты мой, съ этой-то самой поры и начались муки бѣднаго Евграфа. Понаѣхали какіе-сь-то генералы да чинушки и стали чуть не кажинный день допросъ снимать съ его. Сказываетъ бабка, что его и голодомъ морили, и плетьми били, и сѣркой тѣло поджигали. Нарочито, бывалочи, давали одну соленую рыбу, а водицы ни-ни-ни!.. ни капельки!.. Вотъ, дьяволы, какъ мучили!.. Ну, одначе, какъ ни бились съ имъ, а ничего вывѣдать отъ его не могли. Никого онъ не оговаривалъ, никого не впуталъ. Имъ, вишь ты, все хотѣлось, чтобы принялъ онъ вину на себя, чтобы, значитъ, признался, что злоумышлялъ на царя, что хотѣлъ свое царство издѣся у Турціи устроить и Россею покорить, и чтобы, значитъ, указалъ на товарищевъ своихъ. А онъ, сердечный, только одно и отвѣчалъ своимъ мучителямъ: «покеля не снимите кандаловъ съ меня, говорить не стану; да и отвѣчать-то мнѣ нечего на ваши вопросы глупые; никады я и въ мысляхъ того не имѣлъ, въ чемъ обвинить вы задумали меня; и товарищевъ никакихъ у меня нѣту-ти; ослобоните меня и отпустите къ царю-батюшкѣ; онъ до разу пойметъ, что не повиненъ я». Такъ нѣтъ, думали они, заговоришь ты у насъ не то! И почали его бѣднаго еще болѣе терзать. Мучили-мучили, да и присудили его запороть до смерти. И вотъ съ зари 5-го сентября осьмисотаго года поднялась у Черкасковомъ страшенная тревога: забѣгала по дворамъ полиція, стала врываться въ дома и гнать народъ... и стараго и малаго на Базарную сѣнную площадь, чтобы смотрѣть, значитъ, на Евграфовы муки. Поднялось такое по Черкаскову, что страсть! Спужался народъ до смерти, какъ услыхали крики: думали, что ужъ не татарва ли, али черкесня, опять налетѣла. Стали запираться. А полиція ломится, ломаетъ ворота, бьетъ ставни. Плачъ и вой поднялси. Кто не шелъ, того плетьми и палками били. Бабка не хотѣла иттить и заховалась на сѣноналъ. Такъ что-жъ ты думаешь? Нашелъ ее тамъ одинъ изъ питерскихъ чинушекъ, отстегалъ, подлецъ, до крови палкой, да чуть ей ухо не оторвалъ, покеля дотащилъ до площади, идѣ уже много народу согнано было. Отошла она мало-маля, оглядѣлась и видитъ, посреди площади высоченный помостъ стоитъ, а на немъ кверху полозьями большія розвальни лежатъ... А по угламъ, видитъ, пушки и, должно, заряженныя, потому тутъ же и пушкари были съ зажженными фитилями...

— Пушки-то на что?

— А чтобы народъ пужать; чтобы, значитъ, не задумалъ кто ослобонить Евграфа. Атаманъ-то, вѣдь, зналъ, что за него не то

что черкасцы, а и весь округъ... и рядовые казаки, и чиновные, и старшины знатные... Ну, вотъ и опасались, чтобы не вышло, значитъ, какое нибудь смутьянство...

— Ну, что?—перебилъ разсказчика повелительный грубый голосъ.—Наладили что-ль?

— Наладили, наладили!—отвѣтило нѣсколько человѣкъ.—Вотъ только, дай, луна спрячется...

— Это что несете вы?

— А хворостъ...

— Ну, пролазьте сюда и разводите. Вотъ нате вамъ сѣрнички. А другой, пусть Епифановъ разведетъ тамъ поправѣе у скалы. Оттеля тоже, какъ и здѣся, ни турки, ни наши ничего не заприметятъ. Мѣсто способное. Разводи, разводи и ставь котелки. Да ракію давайте сюда. Ну, братуша, — продолжалъ тотъ же голосъ, измѣнивъ строгій начальническій тонъ на мягкій, дружескій.

— Ну, такъ что же дальше-то? Увидала, говоришь, бабка сани на помостѣ и пушки по угламъ. Ну?..

Послышался легкій стукъ шашекъ, трескъ ломающагося сырого дерева и шипѣніе его въ огнѣ. На меня пахнуло дымкомъ.

Я осторожно выбрался изъ своего логовища и приподнялся настолько, чтобы разсмотрѣть казаковъ и не быть замѣченнымъ. То, что увидѣлъ я, было достойно кисти художника. Въ просторной пещерѣ вокругъ дымившаго и горѣвшаго длиннымъ краснымъ пламенемъ костра сидѣли закутанные въ бурки и попоны свирѣпые, бородатые донцы, подбрасывали въ огонь сухія вѣтви, потягивали изъ флягъ ракію, чѣмъ-то аппетитно закусывали и вели оживленную бесѣду. Картина при двойномъ освѣщеніи была очень эффектная.

— Ну, такъ что же дальше-то?—допытывался старшій бородатый урядникъ, украшенный двумя георгіями.

— Постой, Филаретьичъ!—отвѣтилъ разсказчикъ, красивый казакъ лѣтъ тридцати, сидѣвшій бокомъ около самаго входа въ пещеру.—Дай сперва закусить, а то такъ и жжетъ усе нутро проклятая болгарская ракія... Не въ то горло прошла...

— Такъ вотъ, братецъ ты мой, — продожалъ онъ, прожевавъ сухарь:—не успѣла бабка и оглядѣться, какъ послышались крики: ѣдутъ! ѣдутъ!.. И въ таю же минуту увидала она атамана и всѣхъ генеральевъ и полковниковъ... Шибко прискакали они, соскочили съ коней и стали по близости отъ помоста. И заразъ же увидала она и Евграфа... Шелъ онъ, сердечный, отъ церкви въ кандалахъ со связанными назадъ руками... И кругомъ его казаки съ вынутыми саблюками... Тишь, говоритъ, такая настала, что, кубыть, на площади ни души... Замеръ народъ... Взошелъ Евграфъ на помостъ важно, смѣло, окинулъ всѣхъ станичниковъ ласковымъ взглядомъ, а опосля бросилъ взоръ на своихъ мучителей... Да

такъ взглянулъ, что и самъ атаманъ Василій Петровичъ, и всѣ генералья, и полицейскіе, и судейскіе крючки такъ и затряслись отъ страха и понурили головы... И вотъ тады заразъ же, по знаку атамана, выскочилъ упередъ съ бумагой въ рукѣ одинъ крючокъ жидовской породы, по прозвищу Іудинъ, и началъ читать приговоръ... Чего-чего они тамъ не написали!.. Что, кубыть, Евграфъ бунтовалъ тѣхъ самыхъ крестьянъ, что царь ему пожаловалъ, что, кубыть, ругалъ царя и грозился убить его, что похвалялся тряхнуть Россеей почище Стеньки Разина и Емельки Пугача... Чортъ и што сочинили!.. Ну, опосля, кады кончилъ Іюда, переломили надъ головой Евграфа саблю, сняли съ его кандалы, развязали руки, сняли мундеръ сы крестами, повалили да и привязали руки и ноги его толстенными бичевками къ полозьямъ... Подошелъ тады здоровенный, краснорылый, рыжій катъ съ кнутомъ изъ воловьихъ жилъ въ правой рукѣ; разгладилъ онъ, расправилъ этотъ самый кнутъ, да какъ дастъ!.. Такъ-такъ-таки и полетѣли въ народъ шматки мяса!.. Такъ и ахнули всѣ кругомъ!

Раздавшійся въ этотъ моментъ ужаснѣйшій визгъ, хрюканье и крики: Держи ее! Да рѣжь ей, стерьвѣ, глотку!.. Души ее!.. помѣшалъ мнѣ дослушать разсказъ о казни Евграфа Осиповича. Я бросился вправо къ рѣкѣ Виду. Очевидно было, что нечаянное тайное нападеніе на свиней не удалось казакамъ.

— Эко, паршивцы!— услышалъ я голосъ урядника: — и этова даже не смогли толкомъ сдѣлать!.. Ну, таперича влетитъ намъ... Вонъ онъ побёгъ туда!.. Глядитъ!..

II.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ описаннаго, отрядъ полковника Н... былъ расформированъ, и сотни наши ушли въ Балканы.

Въ одинъ изъ прохладныхъ октябрьскихъ вечеровъ я сидѣлъ на каменной скамьѣ вблизи развалинъ древняго замка, расположеннаго на одной изъ высотъ, окаймлявшихъ старинный монастырь.

Послѣдніе солнечные лучи еще обливали пурпуромъ черепичныя крыши монастыря и вершины громадныхъ деревъ, окружавшихъ его.

Кругомъ царила полная тишина, и только легкое журчанье небольшой горной рѣчки, протекавшей по узкому руслу въ глубинѣ долины, доходило до слуха моего.

Прозрачной сѣрой дымкой стлался по землѣ вечерній туманъ. Ночь медленно спускалась...

Уже болѣе получаса поджидалъ я тутъ со стороны Балканъ извѣстнаго героя Шипки П....а, при содѣйствіи котораго я надѣялся провѣрить разсказъ о Евграфѣ Осиповичѣ.

Неожиданно раздавшійся шумъ шаговъ въ аллеѣ, ведшей отъ монастыря къ развалинамъ, вывелъ меня изъ задумчивости. Я выпрямился и громко спросилъ:

— Кто это?

Не получая отвѣта, я всталъ, прямо пошелъ по тому направленію, откуда раздавался шумъ и, всматриваясь въ окутанную уже сѣроватыми сумерками, даль аллеи, замѣтилъ приближающагося ко мнѣ стройнаго, широкоплечаго, средняго роста офицера, одѣтаго въ длиннополый свѣтло-синій чекмень, высокіе сапоги и мохнатую папаху огромныхъ размѣровъ. На красивомъ, съ тонкими чертами, обрамленномъ русою бородкою, полномъ энергіи, лицѣ его замѣтно было напряженное теченіе мысли. Это былъ нашъ общій полковой любимецъ, есаулъ С . . . . . ъ, больше извѣстный среди офицеровъ и нижнихъ чиновъ подъ именемъ «дѣда». Послѣдніе впрочемъ называли его чаще «роднымъ отцомъ» и «отцомъ-командеромъ»; и, по истинѣ, эпитеты эти онъ болѣе чѣмъ заслуживалъ, такъ какъ, дѣйствительно, былъ для своихъ станичниковъ горячо любящимъ отцомъ, всегда принимавшимъ весьма близко къ сердцу всѣ ихъ нужды, ихъ огорченія и радости. И всякій казакъ, зная это, смѣло шелъ къ нему прямо, чтобы излить «отцу» свое горе. Вообще, онъ былъ человѣкъ замѣчательный и глубоко симпатичный: радушный хозяинъ хлѣбосолъ, весельчакъ товарищъ, отличный стрѣлокъ, лихой джигитъ и наѣздникъ, безоглядно-отважный рубака, совершенно не понимавшій чувства страха и считавшій всякое военное предпріятіе легко выполнимымъ. Онъ всегда смѣло смотрѣлъ въ глаза опасностямъ и переносилъ всѣ лишенія бодро, весело и какъ бы шутя. Во времена затишій боевыхъ операцій въ районѣ нашего отряда онъ, видимо, сильно скучалъ, тяготясь сравнительно покойной полумирной жизнью, и нерѣдко подбивалъ товарищей на какое нибудь рискованное движеніе въ сторону противника. Происходилъ онъ, по его словамъ, изъ знатной, княжеской, громкой въ военныхъ лѣтописяхъ, грузинской фамиліи, о чемъ онъ съ гордостью нерѣдко говорилъ. Всю службу свою съ юныхъ лѣтъ онъ провелъ на Кавказѣ подъ начальствомъ знаменитаго донского генерала Якова Петровича Бакланова, и разсказы его объ этомъ боевомъ времени были полны набюдательности и интереса. Объ этомъ чудномъ человѣкѣ я навсегда сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія и никогда не забуду его ласку, дружескій радушный пріемъ и нравственную поддержку, которыя я находилъ подъ его кровомъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь, кардашъ [1]), у сей руины грустной, мрачной?—спросилъ онъ меня, дружески похлопывая по плечу.—

[1]) Другъ.

Мечтаешь что ли все о ней—о душѣ-дѣвицѣ прекрасной? Ну, сознавайся жъ мнѣ скорѣй?

— Вы жестоко ошиблись,—отвѣтилъ я.—Не о дѣвицѣ думалъ я, а о добромъ молодцѣ...

— Ой, не надуть тебѣ меня! Я вижу, вѣдь, насквозь тебя...

— Увѣряю васъ...

— Ну, вѣрю, другъ... Кто жъ онъ такой? Сипа, аль нашъ казакъ донской? Товарищъ, другъ, али родной, аль собутыльникъ дорогой?..

— Казакъ онъ, другъ и собутыльникъ, и дорогъ мнѣ онъ, какъ родной.

— Но кто же это?

— Это вы...

— Вотъ оно что!.. Спасибо, другъ... Здѣсь на чужбинѣ добро слово (вдали отъ близкихъ и родныхъ) отрадно слышать отъ чужого... Повѣрь и мнѣ же, милый мой, что милъ и ты мнѣ, какъ родной, такъ какъ ты честный и простой хорошій малый... А душой и сердцемъ ты казакъ донской... Къ тому же еще ты и лихой... А? Каково я риѳму-то подобралъ? — продолжалъ «дѣдъ», посмѣиваясь.—А? Куда до меня Александру Сергѣевичу Пушкину, а? ха-ха-ха-ха!..

Я слышалъ отъ товарищей, что «дѣдъ», бывая только въ «полномъ благодушіи», любилъ говорить стишками. Спѣша воспользоваться таковымъ настроеніемъ его, я рѣшился, не прибѣгая къ содѣйствію П . . . . а, прямо возбудить интересовавшій меня вопросъ.

— Знаете, о чемъ я думалъ?—сказалъ я заискивающе.

— Ты же сказалъ, что обо мнѣ...

— Да-да, о васъ... и о вашемъ несчастномъ родственникѣ, погибшемъ... на эшафотѣ... о Евграфѣ Осиповичѣ...

«Дѣдъ» вздрогнулъ, выпрямился, нѣсколько отвернулся отъ меня, устремилъ свои умные глаза въ даль, уже окутанную ночной тѣнью, и задумался. Красивое лицо его вдругъ сдѣлалось серіознымъ, густыя брови нахмурились... Я угадывалъ, что совершалось въ нѣдрахъ чудной души его, и жалѣлъ о своемъ неумѣніи владѣть кистью: «дѣдъ» такъ и просился на картину.

Послѣ минутнаго молчанія, онъ вдругъ обмахнулся, повернулъ ко мнѣ голову и страннымъ тономъ, въ которомъ слышался упрекъ, хрипло произнесъ:

— И ты хочешь вытянуть у меня... вытянуть изъ души моей... узнать истину объ этомъ подломъ, страшномъ дѣлѣ, лежащемъ до сихъ поръ черным пятномъ на памяти несчастныхъ родныхъ моихъ..., неповинно пострадавшихъ?

— Я вижу,—сказалъ я,—что напоминаніемъ объ Евграфѣ Осиповичѣ огорчилъ васъ... Простите... Но не спѣшите осуждать меня...

Не простое любопытство руководитъ мною... Покойникъ мученикъ приходится и мнѣ не совсѣмъ чужимъ... какъ и вамъ... по женской линіи... Моя прапрабабка была изъ этого же рода...

— Неужто?— воскликнулъ «дѣдъ».—Мы съ тобой въ родствѣ? То-то меня къ тебѣ тянуло...

Онъ взялъ меня за руку и, тяжело вздыхая, молча повелъ сквозь сгущающійся мракъ монастырскаго сада.

Мы вмѣстѣ переступили порогъ средняго большого зданія и вошли въ большую полутемную прихожую, у противоположнаго конца которой я увидѣлъ въ глубинѣ первыя ступени узкой лѣстницы.

— Иди за мной,—сказалъ «дѣдъ».—Да смотри осторожнѣй... не сорвись... Круто и дыры есть...

Минуту спустя, мы достигли большой площадки верхняго этажа и вошли чрезъ полуотворенную дверь въ маленькую комнату, слабо освѣщенную, падавшимъ въ окошечко, свѣтомъ отъ фонаря. Предметы, окружавшіе насъ, неясно обрисовывались.

Въ глубинѣ комнаты стояла широкая тахта, а противъ нея простой, покрытый зеленою клеенкой, письменный столъ. Стѣны были увѣшаны картинами.

«Дѣдъ» подошелъ къ столу, повернулъ ключъ и, пошаривъ въ ящикѣ, досталъ изъ него небольшой пакетъ. Вручая мнѣ его, онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Вотъ... возьми... Зажги свѣчу и читай... Читай внимательно и поймешь, что безчестье государственнаго преступленія не должно лежать на памяти Евграфа... Никому я не давалъ этихъ записокъ и никогда съ ними не разставался... Онѣ достались мнѣ отъ прадѣда Ильи Романовича... Тутъ ты все найдешь: какъ они, злодѣи окаянные, ловко обошли царя, убѣдили его, что Евграфъ покушается на его жизнь; какъ онъ отправилъ его отъ себя на «Тихій Донъ», яко-бы, для свиданія съ родственниками... Какъ они убѣдили отставить отъ службы преданнѣйшаго человѣка, 64-хъ-лѣтняго, закаленнаго въ бояхъ, командира лейбъ-гвардіи Уральской сотни Максима Леонтьевича Севрюгина и его сына... друга Евграфа... Все тутъ... Какъ они ловко обманули въ ту ночь пѣхотный караулъ. и какъ услали отъ него въ эту ночь на Гатчину Уральскій конвой... Казаки думали, что сопровождаютъ царя, а какъ заглянули въ карету, а тамъ пусто... Ну, тогда скорѣй назадъ... Прискакали, а тамъ ужъ объявляютъ, что царь скоропостижно въ Бозѣ почилъ... Будь Евграфъ при немъ, или хоть Севрюгинъ, не случилось бы этого... Все, все тутъ... Какъ онъ страдалъ и дома, и въ тюрьмѣ, и на эшафотѣ... Изрубили ему кнутами всю спину въ котлету... А онъ, сердечный, даже не охнулъ ни разу, а только послѣ каждаго удара говорилъ: «Господи, помилуй...». Сгубили его, а тамъ... за нимъ... въ скорости и... царь... скончался... Добились,

ндолы, своего... Тутъ все узнаешь... Прочитай... А я говорить не въ силахъ больше...

«Дѣдъ» умолкъ, смахнулъ рукавомъ набѣжавшія слезы и быстро вышелъ изъ комнаты.

Я зажегъ свѣчу, развязалъ пакетъ, развернулъ плотную кожаную оболочку и вынулъ связку толстыхъ пожелтѣвшихъ листовъ, исписанныхъ давно истлѣвшей рукой родного дяди несчастнаго Евграфа... Дрожащими руками разбиралъ я эти листки, а духъ мой уносился въ далекое мрачное прошлое родного «Тихаго Дона». Страшныя, давно потухшія, картины проносились въ моемъ воображеніи въ совершенно опредѣленныхъ очертаніяхъ.

Къ сожалѣнію, эти драгоцѣнныя священныя воспоминанія болѣе не существуютъ. Они остались вмѣстѣ съ вьюками въ рукахъ башибузуковъ, напавшихъ на наши двѣ сотни въ Родопскихъ горахъ.

III.

Прошло около двадцати лѣтъ.

Занимаясь составленіемъ общедоступныхъ разсказовъ для юныхъ донцевъ, не изучавшихъ военныя науки, съ цѣлью познакомить ихъ съ славной боевой дѣятельностью ихъ предковъ во время великой исторической борьбы съ Бонапартомъ, я, между прочимъ, долженъ былъ просмотрѣть и «Исторію лейбъ-гвардіи казачьяго его величества полка».

На второй страницѣ «Списка генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, служившимъ въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку», послѣ краткихъ свѣдѣній о службѣ знаменитаго графа Ѳедора Петровича Денисова, напечатано:

	Годъ.	Мѣс.	Число.	
Грузиновъ I-й, Евграфъ Осиповичъ, полковникъ	1798	янв.	24	Переведенъ изъ л.-гв. гусарскаго казачьяго полка; 17-го сентября 1798 г., состоя въ свитѣ его императорскаго величества, исключенъ изъ службы за ложное рапортованіе себя больнымъ. Умеръ 1800 г. на эшафотѣ, въ городѣ Черкасскѣ.
Грузиновъ 2-й, Петръ Осиповичъ, подполковникъ	—	—	—	Переведенъ изъ л.-гв. Гусарскаго казачьяго полка, 24-го апрѣля 1798 г. исключенъ изъ списковъ, 29 іюня 1798 г. всемилостивѣйше прощенъ. Умеръ 1802 г.

Просмотрѣвъ затѣмъ страницы этой книги, гдѣ говорится объ основаніи полка, я убѣдился, что Евграфъ Осиповичъ, дѣйствительно, какъ говорилъ въ Агленѣ казакъ, служилъ сперва при дворѣ наслѣдника великаго князя Павла Петровича въ «Донской казачьей командѣ», входившей въ составъ отдѣльнаго корпуса, извѣстнаго

подъ названіемъ «Гатчинскаго гарнизона» [1]). Команда эта въ 1793 году состояла изъ 50-ти казаковъ, 7-ми унтеръ-офицеровъ, 5-ти оберъ-офицеровъ [2]) и 1-го штабъ-офицера и была ввѣрена Евграфу Осиповичу, бывшему тогда въ чинѣ подполковника; а въ 1796 году она была соединена съ таковой же командой, бывшей въ Петербургѣ при императрицѣ Екатеринѣ II, а затѣмъ вошла въ составъ л.-гв. Гусарскаго казачьяго полка [3]), вмѣстѣ съ Чугуевской командой.

«Казачьихъ эскадроновъ,—говорится въ «Исторіи л.-гв. казачьяго полка,—было въ этомъ полку два. Назначенный командиромъ этихъ двухъ казачьихъ эскадроновъ [4]) подполковникъ Грузиновъ 1-й пользовался особымъ благорасположеніемъ къ нему государя». Далѣе видно, что Грузиновъ 1-й, состоя въ свитѣ его величества, въ чинѣ полковника, въ 1798 году, командовалъ во вновь образованномъ л.-гв. казачьемъ полку 2-мъ эскадрономъ своего имени; и въ томъ же году приказомъ отъ 17-го сентября «за ложное рапортованіе больнымъ» исключенъ изъ полка и сосланъ на Донъ съ фельдъегеремъ [5]).

«Приказъ этотъ,—говорится въ «Исторіи полка»,—наводитъ на размышленія, какимъ образомъ человѣкъ, всегда бывшій у государя на самомъ лучшемъ счету, пользовавшійся монаршими ми-

---

[1]) На 3-й стр. Грузиновъ 3-й Романъ Осиповичъ, ротмистръ; переведенъ 24 января 1798 г. изъ л.-гв. гусарскаго казачьяго полка; 13 октября 1799 г. уволенъ отъ службы майоромъ.

На 4-й стр. Грузиновъ 4-й, Аѳанасій Осиповичъ, корнетъ. Переведенъ 24 января 1798 г. изъ л.-гв. гусарскаго казачьяго полка; 22 сентября 1800 г. въ чинѣ поручика уволенъ отъ службы; 29 марта 1801 г. вновь опредѣленъ въ полкъ; 7 октября 1802 г. уволенъ отъ службы штабсъ-ротмистромъ.

[2]) Въ числѣ ихъ былъ поручикъ Романъ Грузиновъ.

[3]) Конвойная команда казаковъ стояла въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ лейбъ-гусарами, съ 1775 года за Александро-Невскимъ монастыремъ (на Рожкѣ) въ старыхъ кирасирскихъ свѣтлицахъ и конюшняхъ. До 1777 года казаки и гусары состояли въ вѣдѣніи Потемкина, а потомъ до 1785 г. подъ командой серба полковника Семена Гавриловича Зорича (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ Екатерины II, основатель кадетскаго корпуса въ Шкловѣ, переведеннаго потомъ въ Москву) и съ 1785 по 1796 г. подъ командой генерала Николая Алексѣевича Татищева.

[4]) Одинъ казачій эскадронъ новаго лейбъ-гусарскаго казачьяго полка получилъ названіе эскадрона его величества, а другой подполковника, впослѣдствіи полковника, Грузинова I.

Новый полкъ, лейбъ-гусарскій казачій, является въ первый разъ предъ своимъ монархомъ во время совершившейся 2 декабря 1796 года церемоніи перенесенія тѣла императора Петра III изъ Александро-Невской лавры въ Зимній дворецъ. Полкъ былъ выстроенъ по Невскому проспекту развернутымъ фронтомъ, начиная отъ стѣнъ монастыря.

[5]) Приказъ 17 сентября 1798 года.

Свиты его величества полковникъ, Грузиновъ I, за ложное рапортованіе больнымъ чрезъ 6 недѣль, исключается изъ полка и посылается на Донъ, съ фельдъегеремъ.

лостями, еще недавно повышенный чиномъ и принятый въ свиту его величества, всегда исправный по службѣ, что было не разъ засвидѣтельствовано въ приказахъ, изъявлявшихъ ему высочайшую благодарность,—какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ такъ неожиданно навлечь на себя монаршій гнѣвъ и, притомъ, непонятною виною—уклоненіемъ отъ служебныхъ обязанностей?.. Съ другой стороны, чѣмъ можетъ быть объяснена быстрая высылка его на родину съ фельдъегеремъ?.. Вопросы эти становятся еще болѣе затруднительными, если, на ряду съ приказомъ объ исключеніи Евграфа Осиповича, сопоставятся два другихъ приказа императора, отъ 24 апрѣля и 29 іюня того же 1798 года. Первый: «Лейбъ-казачьяго полку подполковникъ Грузиновъ 2-й исключается изъ списковъ». Второй: «Бывшій лейбъ-казачьяго полку подполковникъ Грузиновъ 2-й всемилостивѣйше прощается».

За что былъ уволенъ отъ службы Грузиновъ 2-й?

Два брата, оба пользовавшіяся хорошею репутаціею и постоянно получавшіе повышенія, вдругъ въ теченіе одного полугодія навлекаютъ на себя неудовольствіе монарха и удаляются отъ службы [1])... Чѣмъ разъяснить причину такого рѣзкаго переворота?..

Очевидно, что въ настоящемъ случаѣ что-то осталось недоговореннымъ... Это недоговоренное начинаетъ выясняться только теперь, хотя и не вполнѣ...

Въ замѣткѣ [2]), на которую сдѣлана ссылка въ «Исторіи л.-гв. казачьяго его величества полка», говорится, что Евграфъ Осиповичъ «былъ однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ и любимѣйшихъ приближенныхъ императора Павла [3]), сопровождалъ его во всѣхъ прогулкахъ, исполнялъ всѣ секретныя порученія и даже спалъ въ кабинетѣ. Сановники, недовольные государемъ, и злоумышленники видѣли въ Грузиновѣ, для исполненія своего намѣренія, очень важное препятствіе, а потому рѣшились удалить Грузинова отъ государя». Они употребили всѣ усилія, чтобы очернить любимца, стараясь даже оклеветать его въ измѣнѣ. Но долго всѣ старанія

---

[1]) По исключеніи Грузинова I изъ списковъ л.-гв. казачьяго полка, 2-й эскадронъ его имени сталъ называться эскадрономъ генерала Денисова, т. е. по имени бывшаго въ то время полкового командира.

[2]) «Русск. Старина», книга IV, 1873 г., стр. 573 и 574: «Казнь братьевъ Грузиновыхъ».

[3]) См. письма Павла I къ Аракчееву и «Русск. Стар.» 1873 г., т. VII, стр. 483 и 484:

I) Полученное 23-го января 1796 г.: «Возвращаю вамъ Грузинова рапортъ. Прошу узнать, что слышно о сихъ движеніяхъ войскъ, даже что и врутъ, а при томъ гдѣ и какъ долго стоять будутъ. Павелъ».

II) Полученное 30 января 1796 г.: «Здѣсь пріобщаю обратно письмо Грузинова. Я весьма доволенъ точностію и расторопностію его и его донесеніемъ. Пошлите сію записку къ нему въ оригиналѣ, чтобъ онъ ее прочелъ и видѣлъ мое удовольствіе. Павелъ».

ихъ не могли возбудить въ императорѣ искру подозрѣнія. Тогда злоумышленники прибѣгли къ слѣдующему: они убѣдили государя испытать Грузинова, а для этого отпустить его на Донъ, подъ предлогомъ повидаться съ родными, объясняя, что на свободѣ Грузиновъ, по всей вѣроятности, вскорѣ обнаружитъ свои дерзкіе замыслы противъ своего благодѣтеля. Подозрительный царь склонился на эту хитрость и отправилъ своего вѣрнаго тѣлохранителя. Этого только и нужно было злоумышленникамъ: они отыскали какія-то улики, успѣли истолковать государю въ превратномъ видѣ дѣйствія Грузинова и довели до того, что царь далъ повелѣніе заковать его въ кандалы и произвесть строжайшее изслѣдованіе. По настоянію присланныхъ изъ Петербурга генераловъ Кожина и Рѣпина, слѣдствіе и судъ окончены были самымъ поспѣшнымъ образомъ, и вскорѣ послѣдовала казнь Евграфа Осиповича, обвиненнаго въ самыхъ невѣроятныхъ и неправдоподобныхъ преступленіяхъ. Не извѣстно, была ли на то конфирмація государя; извѣстно только, что черкасскій прокуроръ, Миклашевичъ, протестовалъ, и государь послалъ указъ о помилованіи; но, благодаря людямъ, стремившимся погубить вѣрнаго слугу царскаго, указъ этотъ былъ объявленъ уже послѣ казни.

Императоръ Павелъ, узнавъ объ этомъ, воспылалъ гнѣвомъ на Кожина и Рѣпина и повелѣлъ судить ихъ... Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и его не стало.

О казняхъ на Дону въ 1800 году есть нѣсколько строкъ въ «Донскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ» 1860 года (№ 5, стр. 10), гдѣ говорится слѣдующее: «Городъ Старочеркасскъ, какъ извѣстно, первоначально состоялъ изъ нѣсколькихъ станицъ, давно уже слившихся въ одно цѣлое. Въ одной изъ нихъ, Прибылянской, между нынѣшними Сиротинымъ и Старухинымъ домами, былъ сѣнной базаръ. Въ 1800 году на этомъ базарѣ совершились страшныя дѣла. Въ вечеру, подъ 27 число сентября, на этой площади былъ устроенъ изъ брусьевъ высокій эшафотъ. Во время ночи къ нему привезены были пушки и разставлена стража. Противъ каждаго угла эшафота вырыты были могильныя ямы. При разсвѣтѣ, на площади явилось огромное собраніе народа. Эшафотъ закрытъ былъ артиллеріею; на немъ стоялъ, съ роковымъ топоромъ въ рукахъ, палачъ... Вдругъ среди народа сдѣлалось движеніе, взоры всѣхъ были прикованы къ черному катафалку, на которомъ въ страшныхъ колпакахъ, опущенныхъ по самую землю, были привезены къ эшафоту войсковой старшина Иванъ Аѳанасьевичъ Апанасовъ и три гвардейскихъ казака. Генералы Кожинъ и Рѣпинъ велѣли читать смертное опредѣленіе несчастнымъ; народъ, съ трепетомъ и притая дыханіе, вслушивался въ каждое слово. Сдѣлалось такъ тихо, какъ будто бы никого не было. Опредѣленіе прочитано; весь народъ, въ ожиданіи чего-то ужаснаго, замеръ... Вдругъ, палачъ съ

страшною силою схватываетъ Апанасова и въ смертной сорочкѣ повергаетъ его на плаху; потомъ, увязавши его и трехъ товарищей гвардейцевъ, сталъ, какъ изумленный, и нѣсколько времени смотрѣлъ на жертвы... Ему напомнили о его обязанности; онъ поднялъ ужасный топоръ, лежавшій у головы Апанасова... И, вмигъ, по знаку бѣлаго платка, топоръ блеснулъ, и у несчастнаго не стало головы... Послѣ Апанасова и у прочихъ казаковъ были отсѣчены головы и вмѣстѣ съ тѣлами брошены въ приготовленныя для нихъ ямы. Холодная земля скрыла трупы отъ любопытныхъ взоровъ».

На этомъ же мѣстѣ и въ томъ же году, 26-го апрѣля [1]), былъ наказанъ кнутомъ гвардіи поручикъ Петръ Осиповичъ Грузиновъ; а 5-го сентября того же 1800 года понесъ наказаніе родной братъ его, гвардіи полковникъ Евграфъ Осиповичъ Грузиновъ [2]), которому, по прочтеніи рѣшенія, сломили на головѣ саблю и начали нещадно бить кнутомъ. Эта страшная казнь началась при восхожденіи солнца и продолжалась до двухъ часовъ пополудни. Говорятъ, что несчастный страдалецъ за каждымъ ударомъ повторялъ: «Господи, помилуй!» Когда же сталъ умирать, его сняли и, положивъ на лицѣ клейма, отослали въ пороховой погребъ, находившійся близъ мѣста казни. Въ этомъ погребѣ, несчастный полковникъ, плавая въ крови, испустилъ духъ.

«Здѣсь же, на этомъ сѣнномъ базарѣ, за «сочиненіе критическихъ стиховъ», наказывали кнутомъ двухъ канцеляристовъ Дмитрія Баранова и Ѳедора Щербакова; вмѣстѣ съ ними пострадалъ, тою же казнію, и священникъ Ѳедоръ Петровъ [3]), пострадалъ соб-

---

[1]) Тутъ, очевидно, ошибка: его судили одновременно съ Евграфомъ; слѣдовательно, и не могли раньше казнить. Петръ былъ наказанъ кнутомъ 26-го октября, что доказываютъ записки есаула гор. Черкасска Степана Григорьевича Капацынова (журналъ «Донъ» 1887 г., № 5, стр. 32): «1800 г., октября 26, была экзекуція Петру Грузинову: сломили саблю и бить кнутомъ жестоко и положены на лицѣ знаки и ноздри вырваны».

[2]) Въ запискахъ С. Г. Капацынова о казни Евграфа Осиповича и Аѳанасьева сказано слѣдующее:

«1800 г., сентября 5-го дня, была экзекуція полковнику Евграфу Грузинову: на кофатѣ (вѣроятно, эшафотѣ) сломили на головѣ его шпагу и бить кнутомъ жестоко и чрезъ одинъ часъ помре и похороненъ за палисадомъ противъ пороховой казны.

«1800 года сентября 27 была экзекуція старшинѣ Ивану Аѳанасьевичу и 3-мъ казакамъ головы отрубили».

[3]) Въ № 6 журнала «Донъ» за 1887 г. (стр. 27 и 28) объ этихъ казняхъ помѣщена Ив. Поповымъ слѣдующая рукопись урядника Старочеркасской станицы Петра Ѳедоровича Панкова, записавшаго разсказъ со словъ очевидицы старой старухи:

«Нѣсколько лѣтъ назадъ пришлось мнѣ быть у бабушки Ивовчихи, которой было тогда около ста лѣтъ. Много она разсказывала о старинѣ. «Когда переселялась станица, говорила она, въ то время было мое замужество. А когда ру-

ственно за то, что въ его домѣ найдены были упомянутые стихи. Всѣ же они, вмѣстѣ съ сотникомъ Галушкинымъ, были заклеймены и съ вырванными ноздрями сосланы въ Сибирь. Съ ними сосланы и два повытчика, Андрей Альбаковъ и Семенъ Лѣнивовъ,

---

били головы четыремъ и сѣкли графа (такъ называла она полковника Евграфа Грузинова), тогда мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Жила я у Өедора Ивановича Зубкова. Въ понедѣльникъ пошла я на базаръ купить раковъ да секретиковъ (родъ судака или сулы). Когда я дошла до того мѣста, гдѣ рубили головы, я испугалась и съ крикомъ побѣжала назадъ. Фамилію одного изъ нихъ я вспоминаю—Апанасовъ (Аөанасьевъ), а другихъ не знаю. Помню и еще страшное время: на базарѣ противъ лавокъ много народу наказывали кнутомъ, тамъ были и старые, были и малолѣтніе. Ихъ привязывали на сани, били кнутомъ, потомъ смазывали спину бараньимъ жиромъ и клали затѣмъ вверхъ лицомъ. Послѣ наказанія ихъ ссылали въ Сибирь. (Это, вѣроятно, старуха вспоминала наказанія казаковъ, бунтовавшихъ вслѣдствіе переселенія ихъ на Кубань въ 1792 и 1793 гг. Однихъ наказывали кнутомъ и ссылали, а другихъ били кошками и отправляли въ полки). Помню еще, какъ наказывали священника Петровскаго съ тремя учениками (?); послѣ наказанія имъ рвали ноздри и клеймили. Отъ этого клейма у священника видны были на лицѣ синіе знаки, пока онъ и умеръ. Преступленіе его состояло въ томъ, что ученики его сочинили глупые стишки».

Тамъ же Ивановъ Поповымъ на стр. 29 приводится слѣдующій разсказъ восьмидесятилѣтняго старочеркасскаго казака Диченкова:

«Было это давно: еще ранѣе 12 года. Дьяконъ Өедоръ Петровсковъ устроилъ у себя обѣдъ или по случаю поставленія его во священники, или по случаю именинъ,—хорошо не помню этого. Ранѣе всѣхъ пришли къ нему два его пріятеля канцеляристы и принесли съ собой бумагу, въ которой сочинили про царя стихи. Какъ прочитали они ему эти стихи, онъ испугался, схватилъ бумагу и скорѣе сунулъ ее за зеркало, а самъ сталъ дѣлать приготовленія, чтобъ принять приглашенныхъ гостей. Въ числѣ ихъ былъ и священникъ Чикилевъ, которому не по сердцу было посвященіе Петровскаго. Онъ явился въ гости позже канцеляристовъ и, какъ только вошелъ, сейчасъ же замѣтилъ свертокъ бумаги за зеркаломъ. Что это у тебя?—спросилъ онъ у Петровскаго, взявъ бумагу. Петровсковъ растерялся и не зналъ, что отвѣчать; а Чикилевъ прочиталъ стихи, сложилъ бумагу, положилъ ее въ карманъ и отправился донести прямо въ войсковую канцелярію. Петровсковъ сначала пытался задержать Чикилева, просилъ, умолялъ его, но все было напрасно: Чикилевъ задумалъ погубить его. Говорятъ, Петровсковъ до самой канцеляріи все шелъ за Чикилевымъ и падалъ ему въ ноги, умоляя о пощадѣ. Когда они пришли въ канцелярію, отецъ Чикилева, служившій тамъ, убѣждалъ сына не доносить и примириться съ Петровскимъ. Но Чикилевъ былъ неумолимъ: онъ оттолкнулъ отца, вошелъ въ канцелярію и подалъ бумагу генераламъ Кожину и Рѣпину, которые тогда были присланы на Донъ. Петровскаго и канцеляристовъ сейчасъ же арестовали, наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь. Потомъ, какъ взошелъ на престолъ царь Александръ, ихъ воротили изъ Сибири. Мать одного изъ канцеляристовъ, какъ ихъ сослали, рѣшилась сама итти въ Петербургъ пѣшкомъ и просить новаго царя о помилованіи ея сына. «Пойду, говорила она, къ царю, все равно, пусть и меня казнитъ или выслушаетъ мою просьбу». Какъ допустили ее къ государю, она упала въ ноги и подала ему просьбу. А въ то время ссыльные возвращались изъ Сибири на Донъ по манифесту. Государь принялъ просьбу, поднялъ старуху, обласкалъ ее и сказалъ, что сынъ ея уже возвращается. Впослѣдствіи отецъ Өедоръ былъ ктитаремъ въ Кривянкѣ. Чикилевъ же умеръ вскорѣ послѣ доноса, и полуразвалившееся подворье его отдали Василію Петровскому, брату Өедора».

у которыхъ служили въ повытіяхъ упомянутые канцеляристы. Въ 1801 году, по смерти Павла Петровича, манифестомъ Александра I всѣ они прощены и возвращены на Донъ».

Изъ вышеприведеннаго видно, что старушка казачка разсказывала своимъ внукамъ объ этихъ ужасныхъ событіяхъ одну истину.

IV.

Въ началѣ послѣдняго мѣсяца XIX вѣка я просматривалъ изложенное въ первыхъ главахъ, принятыхъ въ «Историческій Вѣстникъ», собираясь отослать рукопись въ редакцію, какъ вошедшій въ пріемную казакъ доложилъ, что меня желаетъ видѣть господинъ Карасевъ.

Я вышелъ въ прихожую и увидѣлъ высокаго, сѣдого, но еще вполнѣ бодраго и стройнаго почтеннаго красиваго старика. Я узналъ его сразу, хотя видѣлъ послѣдній разъ четверть вѣка назадъ, въ то время, когда всколыхнувшійся «православный Тихій Донъ», сочувствуя «братушкамъ»—сербамъ, формировалъ отряды добровольцевъ, собиралъ различныя пожертвованія, устраивалъ въ пользу поднявшихся славянъ концерты, любительскіе спектакли, живыя картины и спѣшно отправлялъ помощь въ распоряженіе Михаила Григорьевича Черняева.

— Алексѣй Алексѣевичъ!—воскликнулъ я, обрадовавшись ему, какъ самому близкому родному.—Вотъ не ожидалъ-то!.. Давно ли пріѣхали? Гдѣ остановились? У Мити... у сына?—забросалъ я его вопросами.

— У него... у него... Всего три дня, какъ пріѣхалъ,—отвѣчалъ старикъ чистымъ пріятнымъ голосомъ, посматривая на меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Онъ, видимо, былъ немало удивленъ, что я встрѣчаю его, словно стараго знакомаго.

Догадавшись, что онъ меня совершенно не узнаетъ, я рѣшился напомнить ему, что «имѣлъ честь быть ему представленнымъ въ 1876 году»...

— Простите... не помню,—отвѣтилъ онъ, входя со мной въ пріемную комнату.—Такъ много лѣтъ прошло... Простите... А я вотъ къ вамъ пріѣхалъ... Ожидалъ встрѣтить—въ Собраніи арміи и флота... на донскомъ вечерѣ, но вы не были... Такъ я и рѣшилъ разыскать... Съ трудомъ нашелъ въ этихъ старинныхъ Елизаветинскихъ казармахъ... Водили-водили меня туда и сюда... Спасибо,—солдатикъ толковый попался, указалъ дворъ и подъѣздъ... Хотѣлось познакомиться... поблагодарить за присланные чрезъ сына труды ваши... И вотъ прошу принять на добрую память мою работу о Грузиновѣ... Сынъ Митя говорилъ, что вы интересуетесь этимъ вопросомъ... Моя замѣтка о немъ была помѣщена въ «Рус-

ской Старинѣ» 1873 года, а это разсказъ, составленный, въ главныхъ чертахъ, со словъ очевидцевъ; существо же отвѣтовъ несчастнаго Евграфа и свидѣтельскихъ показаній взято изъ обрывковъ копіи съ Грузиновскаго дѣла, найденныхъ на улицѣ во время большого пожара въ Новочеркасскѣ 1858 года, когда сгорѣлъ войсковой архивъ...

— Сердечно благодаренъ вамъ, глубокоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ, за ваше лестное вниманіе,—сказалъ я, съ чувствомъ пожимая ему руку и принимая тоненькую книгу, въ голубой обложкѣ, на которой крупными буквами напечатано: «Полковникъ Грузиновъ».—Скажите, пожалуйста, — продолжалъ я: — вы лично знали очевидцевъ и слышали отъ нихъ... о слѣдствіи... казни?..

— Какъ же... какъ же!.. Я отлично помню, хотя былъ тогда еще ребенкомъ, высокаго и худого, нѣсколько сгорбленнаго, старика, съ добродушнымъ выраженіемъ лица, Ивана Ѳедоровича Шумкова, бывшаго секретаря черкасскаго прокурора Миклашевича въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка... Онъ умеръ въ сороковыхъ годахъ... Разсказы его о грузиновскомъ дѣлѣ, о казняхъ... передавалъ мнѣ его сынъ... Еще я хорошо зналъ старушку Вѣру Васильевну Свѣчникову, урожденную Персіянову, которая присутствовала при истязаніяхъ Евграфа Осиповича... Ей тогда было около 14-ти лѣтъ... Умерла она не такъ давно... въ восьмидесятомъ году... 94-хъ лѣтъ...

— Не позволите ли, Алексѣй Алексѣевичъ, воспользоваться матеріаломъ изъ вашей книги?—спросилъ я.

— Да, сдѣлайте милость... пожалуйста... Тутъ вы найдете не много, но есть интересные документы... Такъ, напримѣръ, грамота войска отъ 6-го сентября 1800 года, въ которой атаманъ Василій Петровичъ Орловъ, сознавая, что Донская земля пошлетъ ему за это дѣло хоть небольшое проклятіе, старается выставить предъ казаками покойнаго мученика Грузинова величайшимъ злодѣемъ... извергомъ...

Побесѣдовавъ еще нѣсколько минутъ, Алексѣй Алексѣевичъ распрощался со мной.

Какъ только онъ ушелъ, я принялся за чтеніе его разсказа, гдѣ въ первыхъ четырехъ главахъ прекрасно и въ высшей степени интересно описаны: послѣдняя ночь, проведенная Евграфомъ Осиповичемъ у постели императора Павла, безповоротно рѣшившагося, по совѣту Ливена, отправить своего любимца и вѣрнаго тѣлохранителя на Донъ, яко бы для свиданія съ родными, трогательное прощаніе ихъ, пребываніе Грузинова въ родительскомъ домѣ у разбитаго параличемъ, честнаго, разумнаго, прямодушнаго, гордаго своимъ званіемъ, старика-отца, до глубины души возмущавшагося строгими порядками, заведенными царемъ, не всегда справедливымъ отношеніемъ правительства къ войску, служившему

вѣрой и правдой матушкѣ-Россіи, и черезчуръ крутыми мѣрами его во времена случавшихся на Дону недоразумѣній; какъ у Евграфа Осиповича закралась мысль, что за нимъ слѣдятъ (онъ замѣтилъ ночью у окна человѣка, въ которомъ призналъ выгнаннаго имъ изъ дома негодяя-кабатчика), какъ ему стало казаться, что родственники и добрые знакомые стали сторониться отъ него, и какъ, наконецъ, больное воображеніе дошло до того, что начало рисовать ему въ числѣ шпіоновъ и прислугу, и даже отца, какъ съ пріѣздомъ изъ Петербурга брата его Петра, исключеннаго изъ гвардіи неизвѣстно за какія провинности, вслѣдствіе мрачнаго настроенія брата и его несообщительности, а также благодаря страннымъ глухимъ вѣстямъ, высокомѣрному поведенію атамана Василія Петровича Орлова, выслѣживаньямъ и прозрачнымъ намекамъ нѣкоторыхъ знакомыхъ и родственниковъ, укрѣпилось въ больной душѣ изгнанника сознаніе, что его пѣсня спѣта, и что уже никогда болѣе не вернуться ему въ Петербургъ ко двору императора Павла. Не чувствуя, однако, за собой никакой вины, онъ постепенно доходитъ до полнаго разочарованія во всемъ, что ему было дорого, чему онъ готовъ былъ отдать свою жизнь, и вскорѣ въ его сердцѣ зародилось и окрѣпло непріязненное чувство къ императору Павлу. Узнавъ же отъ брата Петра, высказавшагося, наконецъ, откровенно, подъ вліяніемъ выпитаго вина, что ему грозитъ опасность попасть въ тюрьму, Евграфъ рѣшился бѣжать изъ родного города.

Бѣгство, однако, не удалось... За нѣсколько дней до заговѣнья, передъ Спасовымъ постомъ, прибыли въ Черкасскъ, командированные изъ Петербурга, генералы Кожинъ и Рѣпинъ, а на другой день утромъ Евграфъ Осиповичъ и братъ его Петръ были схвачены и препровождены въ тюрьму. Старикъ отецъ отъ огорченія лишился языка.

Прочитавъ затѣмъ съ захватывающимъ интересомъ послѣднія двѣ главы, я пришелъ къ убѣжденію, что въ нихъ есть страницы, могущія послужить прекраснѣйшимъ дополненіемъ къ моему скромному труду о Грузиновѣ, и я, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ Алексѣя Алексѣевича, рѣшилъ взять изъ нихъ все, относящееся къ этому интересному дѣлу.

Ордеромъ войскового атамана составлено было двѣ военносудныхъ коммиссіи: одна для Евграфа, другая для Петра Грузиновыхъ.

«Коммиссію надъ Грузиновымъ I, то-есть, Евграфомъ, составляли: презусъ генералъ-майоръ Родіоновъ I, ассесоры: полковникъ Агѣевъ, полковникъ Слюсаревъ, подполковникъ Иловайскій, подполковникъ Леоновъ, войсковой старшина Щедровъ, войсковой старшина Чикилевъ. Аудиторскія обязанности исполнялъ войсковой есаулъ Юдинъ.

Вторая военно-судная коммиссія, на съѣденіе которой отданъ

былъ Петръ Грузиновъ, состояла изъ презуса, генералъ-майора Поздѣева I, и ассесоровъ: полковника Иловайскаго, полковника Мѣшкова, подполковника Чернозубова, подполковника Ребрикова, войскового старшины Гнилозубова и войскового старшины Персіянова. Аудиторомъ былъ квартермистръ Номикосовъ.

Зала войсковой канцеляріи назначена была мѣстомъ для засѣданій военно-судной комиссіи надъ Евграфомъ Грузиновымъ, что же касается до второй комиссіи, имѣвшей своей задачей судить Петра, то она собиралась всего одинъ разъ, въ одной изъ экспедицій войсковой канцеляріи, и только для того, чтобы постановить приговоръ надъ этимъ «невиннымъ изъ невинныхъ».

Открытіе дѣйствій первой комиссіи послѣдовало 14-го августа 1800 года. Рано утромъ въ названной залѣ собрались: презусъ, ассесоры и аудиторъ Юдинъ. Ни атаманъ, ни пріѣзжіе генералы на торжество открытія не явились, съ цѣлью не имѣть де давленія на судей, хотя сіи послѣдніе наканунѣ этого дня были въ домѣ атамана и въ присутствіи генераловъ «всячески» увѣщеваемы чрезъ приказанія и даже угрозы. Когда съ зерцала былъ снятъ покровъ, и весь составъ комиссіи усѣлся на мѣста, въ залу вошелъ протоіерей Волошеневскій [1]), а за нимъ, гремя кандалами, Евграфъ Грузиновъ, блѣдный, съ блистающими глазами и съ начинавшею обростать бородой. Около него помѣстились два казака съ саблями наголо. По приказанію презуса Родіонова, аудиторъ Юдинъ громко прочелъ, основанный на высочайшемъ повелѣніи, ордеръ атамана Орлова, гласящій о винахъ «изверга» Грузинова и оканчивающійся приказаніемъ «заключить свою сентенцію какъ можно наискорѣе». По знаку того же лица, протоіерей Волошеневскій обратился къ Евграфу Осиповичу со словомъ увѣщанія «о показаніи всей истины, въ чемъ онъ спрашиванъ будетъ», причемъ служитель алтаря, держа въ рукахъ крестъ, распространялся о царскомъ смягченіи на случай сознанія и объ увеличеніи кары за «упорность запирательства», а также объ ужасахъ ада въ будущей жизни. Грузиновъ выслушалъ это увѣщаніе съ горькой усмѣшкой на устахъ, не глядя ни на увѣщателя, ни на судей. Волошеневскій, низко поклонившись собранію и перекрестившись, вышелъ изъ залы. Аудиторъ подалъ презусу толстое дѣло, глядя въ которое генералъ Родіоновъ началъ свою рѣчь громкимъ не безъ нѣкотораго дрожанія голосомъ, объяснивъ въ ней кратко всѣ вины преступника и призывая его къ сознанію. Грузиновъ остался недвижимъ и съ тѣмъ же выраженіемъ лица. Но вотъ поднимается Юдинъ и громко начинаетъ читать вопросные пункты: на первые изъ нихъ о лѣтахъ, вѣроисповѣданіи и о томъ, не бывалъ ли

---

[1]) Главный въ ту пору начальникъ духовенства въ войскѣ Донскомъ, которое, въ церковномъ отношеніи, составляло часть Воронежской епархіи.

Грузиновъ подъ кригсгерихтами, послѣдній отвѣчалъ спокойно, но на вопросъ, «какъ и гдѣ службу проходилъ», Евграфъ Осиповичъ въ первый разъ взглянулъ на большой портретъ императора Павла, висѣвшій на стѣнѣ за спиной презуса, и разсѣянно, какъ бы забывъ горечь настоящей минуты, отвѣчалъ, придавъ радостное выраженіе истомленному лицу:

— При государѣ служилъ, при немъ...

И, не сводя глазъ съ портрета, указалъ на него и лицомъ и правою рукою. Ассесоръ Щедровъ велъ протоколъ. Родіоновъ обратился къ послѣднему и громко приказалъ:

— Пишите: служилъ при священной особѣ его императорскаго величества.

Затѣмъ аудиторъ, глядя въ бумагу, продолжалъ:

— Мнилъ ли ты назваться атаманомъ, набрать до двухсотъ тысячъ ратменовъ, и, что слово сіе значитъ, производить завоеванія и овладѣть Стамбуломъ, утвердить тамъ столицу, завладѣть островами и какими именно, принести великую жертву, и въ чемъ она заключается, учредить сенатъ и законъ для всѣхъ неизмѣнный; въ какомъ мѣстѣ и гдѣ именно намѣревался населить городъ разныхъ вѣръ людьми, откуда надѣялся оныхъ брать, то-жъ какому казацкому войску и какимъ татарамъ, грекамъ и черкесамъ думалъ внушить возвести себя и гдѣ въ начальники, и кто съ тобой соучастники были во всѣхъ твоихъ продерзкихъ замыслахъ?

Грузиновъ, отведя глаза отъ портрета, обвелъ ими все собраніе и, усмѣхнувшись, грубымъ голосомъ и энергично взмахнувъ правою рукою, произнесъ:

— Велите меня вывести и задушить, а говорить я не буду. Не могу быть судимъ воинскимъ и гражданскимъ судомъ!.. А на эти дурачества, что вы спрашиваете, мнѣ стыдно отвѣтъ давать: вы выкрали изъ моей книжки... изъ моей души...

Сказавъ это, Евграфъ Осиповичъ снова вперилъ свой взоръ въ портретъ, какъ бы указуя на единственнаго человѣка, который можетъ быть его судьей. Показаніе Грузинова было записано слово въ слово, при чемъ прибавлено, что подсудимый давалъ его «въ большой грубостнѣ, пренебрегая судъ и не внимая присутствующихъ членовъ довольному увѣщанію и внушенію о учиненіи должнаго отвѣта».

Когда Грузинова вывели изъ залы, комиссія, подписавъ протоколъ, немедленно сообщила о его содержаніи атаману и разошлась въ полномъ безмолвіи. Орловъ получилъ эту бумагу въ то время, когда у него сидѣлъ Кожинъ. Показавъ послѣднему это важное сообщеніе, Василій Петровичъ спросилъ у него совѣта, какъ поступать далѣе, ибо ничего иного къ уличенію «изверга», кромѣ записной его книжки да дурацкихъ разглагольствованій кабатчика, не имѣлось. Кожинъ задумался...

На другой день, еще до восхода солнца, вся тюрьма пришла въ движеніе: подметали, чистили, усыпали; Евграфа Грузинова привели въ смотрительскую конуру съ однимъ грязнымъ и разбитымъ окномъ. Явился Кожинъ и, по приказанію его, удалили изъ этой комнаты часовыхъ. Осталось только два собесѣдника: одинъ въ генералъ-адъютантскихъ шнурахъ,—другой въ кандалахъ ножныхъ и ручныхъ. Бесѣда продолжалась около двухъ часовъ. Возвратясь на квартиру, Кожинъ немедленно написалъ атаману, а Орловъ въ тотъ же день, при особомъ ордерѣ, переслалъ въ комиссію бумагу, гдѣ Кожинъ, сообщая о «фамильярныхъ» [1]) съ узникомъ разговорахъ, упоминаетъ о Котломинѣ, котораго рекомендуетъ вызвать и допросить. Изъ допросовъ Котломина выяснилось, что Евграфа Грузинова посѣщали: Рубашкинъ, Шапошниковъ, Илья Грузиновъ (дядя подсудимаго), старшина Аѳанасьевъ и три казака: Поповъ, Колесниковъ и Космынинъ. Кромѣ того, сочтено нужнымъ сдѣлать допросъ отцу подсудимыхъ, разбитому параличемъ старшинѣ Осипу Романовичу Грузинову, и даже девятилѣтнему хохленку Ѳедоту, бывшему въ услугахъ у Петра Грузинова.

Дѣло закипѣло, и вскорѣ отъ извѣтовъ Шапошникова, а особенно казака Космынина, невинность Евграфа Грузинова въ этомъ дѣлѣ съ формальной стороны сильно поколебалась. Этотъ питомецъ Луганской станицы развилъ предъ комиссіей цѣлую вереницу преступленій Грузинона.

— Когда я, вмѣстѣ съ Поповымъ и Колесниковымъ, приходилъ къ Грузинову просить объ уплатѣ долга,—заявилъ въ комиссіи Космынинъ,—то полковникъ на замѣчаніе, что ему легко заплатить деньги, такъ какъ можно обложить оброкомъ, пожалованныхъ ему государемъ, крестьянъ, началъ азартно выговаривать такія слова: «пущай государь отберетъ отъ меня крестьянъ! Знаешь ли, кто Донъ заслужилъ? Ермакъ; а теперь отнимаютъ и населили грековъ и армянъ... Вступился было за отечество Пугачевъ—его спалили, вступились было также Фока и Рубцовъ, но ихъ высѣкли». Когда же я сталъ напоминать Грузинову, что это говорить не надобно, то онъ съ запальчивостью продолжалъ: «Я де не такъ, какъ Пугачъ, но еще лучше сдѣлаю, ежели возьмусь за мечъ—вся Россія затресется... Про меня де говорятъ, что я полоумный... Нѣтъ, я не полоумный». Когда же я, продолжалъ тотъ же свидѣтель, снова сталъ просить объ уплатѣ денегъ, то полковникъ закричалъ: «Ты де хотѣлъ ѣхать и просить на

[1]) Крестьянъ мнѣ не надо, говорилъ Евграфъ Осиповичъ. Не обычное это казаку дѣло... Лучше землю отдалъ бы государь войску, что греками да армянами заселили... А земля наша... отцы и дѣды завоевали ее... кровь свою лили... Какъ бы въ губерніяхъ... такъ... А здѣсь земля не казенная... земля наша, и мы только располагать ею можемъ. Мы добровольные подданные, а не исконные... Всѣ казаки такъ думаютъ...

меня у государя—и ѣзжай», и при этомъ съ крайней запальчивостью употребилъ ругательныя на высочайшую его императорскаго величества особу и на государыню императрицу изреченія». Это показаніе, послѣ очныхъ ставокъ, вяло подтвердили: безпамятный Колесниковъ и Поповъ, казаки изъ одной съ Космынинымъ станицы, заявившіе при первомъ допросѣ, что отъ полковника Грузинова они никакихъ предосудительныхъ словъ не слышали. На эти поклепы Грузиновъ не отвѣчалъ ни слова, несмотря на трижды предъявленныя къ нему требованія презуса. Остальные свидѣтели допрашивались тотчасъ по ихъ поимкѣ и доставленіи въ Черкасскъ. Отецъ Грузиновыхъ не могъ говорить по причинѣ отбитія параличомъ языка. Его препроводили въ больницу на испытаніе. Чрезъ нѣсколько времени особый посланецъ атамана, хорунжій Грековъ, доставилъ въ Черкасскъ войскового старшину Аѳанасьева, схваченнаго этимъ офицеромъ въ Казанской станицѣ. Въ концѣ рапорта, при которомъ представленъ былъ этотъ свидѣтель, значилось, что «на него дорогой напалъ такой ужасъ, что ему представлялись разныя видѣнія, съ коими онъ велъ разговоры, что его тошнило и въ дорогѣ и по пріѣздѣ въ Черкасскъ». Этотъ свидѣтель также поступилъ въ больницу на испытаніе. И вотъ, къ одному изъ засѣданій комиссіи, подоспѣло трое: отецъ подсудимыхъ—Осипъ Романовичъ Грузиновъ, войсковой старшина Аѳанасьевъ съ двумя доставившими ихъ изъ больницъ медиками—Вильфингомъ и Ягоднымъ, и чуть не младенецъ хохленокъ Ѳедотъ. Первымъ не введенъ, а внесенъ, былъ въ залу войсковой старшина Осипъ Романовичъ Грузиновъ и посаженъ на стулъ служителями и медикомъ Ягоднымъ, которые и поддерживали его во время допроса. Формальности объ имени, вѣроисповѣданіи и о прохожденіи службы вписаны въ протоколъ изъ особаго сообщенія станичнаго правленія, и затѣмъ приступлено было прямо къ существу дѣла. На предложенный презусомъ извѣстный вопросъ о виновности сына Евграфа въ томъ, въ чемъ онъ обвиняется, сѣдой, съ лицомъ багрово-синяго цвѣта, полутрупъ сначала замычалъ, потомъ зашипѣлъ, дѣлая безобразныя усилія губами и помахивая здоровою рукой—другая висѣла, какъ плеть,—но ни единаго слова изъ устъ его не вышло. По распоряженію презуса старикъ былъ вынесенъ въ переднюю.

Введенный затѣмъ въ присутствіе ребенокъ Ѳедотъ, боязно окинувъ взоромъ все чиновное собраніе, зерцало и царскій портретъ, приготовился заплакать, но генералъ Родіоновъ подошелъ къ нему, погладилъ его по головѣ и сталъ предлагать вопросы. Ѳедотъ разсказалъ, что онъ былъ въ услугахъ у Грузиновыхъ, приносилъ имъ иногда водки; что они верхомъ ѣздили въ Аксай, Качеванъ (Нахичевань), въ крѣпость св. Димитрія (нынѣ Ростовъ), а кто къ нимъ ходилъ—тѣхъ людей онъ по имени не знаетъ, а тѣмъ болѣе

неизвѣстно ему, о чемъ Грузиновы дома съ гостями разговаривали. Послѣднимъ въ этомъ засѣданіи предсталъ войсковой старшина Аѳанасьевъ, доставленный изъ госпиталя подъ ближайшимъ наблюденіемъ медика Вильфинга, родомъ нѣмца, недавно зачисленнаго въ казачье сословіе по обществу одной изъ черкасскихъ станицъ. Вильфингъ, выговаривавшій русскія слова, какъ истый нѣмецъ, въ первый разъ появился въ казачьемъ чекменѣ и неуклюжестью своею возбудилъ къ себѣ общее вниманіе комиссіи. Даже подсудимый Грузиновъ, взглянувъ на него, улыбнулся. Свидѣтель Аѳанасьевъ, поглядѣвъ со страхомъ въ лицѣ на скованнаго Евграфа Осиповича, судей, царскій портретъ и всю обстановку, ухватился за руку Вильфинга, обнаруживъ признаки подступающей рвоты.

Служитель принесъ мѣдный тазъ и поставилъ его около Аѳанасьева.

Послѣ обычнаго предварительнаго опроса приступили къ существу. Аѳанасьевъ, трясясь всѣмъ тѣломъ и по временамъ прикладывая руку то къ груди, то къ горлу, какъ бы для удержанія рвоты, разсказалъ между прочимъ слѣдующее. Когда онъ пришелъ однажды къ племяннику (подсудимому) и изъ сожалѣнія спросилъ у него, почему онъ, будучи въ знатнѣйшемъ мѣстѣ, дошелъ до такого случая, что лишенъ высочайшихъ милостей и уволенъ, то Евграфъ Грузиновъ, «съ разгоряченіемъ относя вину на государя, выговорилъ, что онъ»...

Аѳанасьевъ остановился, ухватясь одною рукою за горло, а другою за Вильфинга, который, заботливо указавъ на тазъ, сказалъ:

— Тази, тази, пошалуйстъ... На мой шекмень надо нѣтъ... тази бливайтъ...

— Что выговорилъ?—громко спросилъ Аѳанасьева Родіоновъ.

— Что... что... ду... ракъ... упавшимъ голосомъ сказалъ свидѣтель и прибавилъ:

— Послушался де генерала Ливена...

На Грузиновѣ забряцали цѣпи. Аѳанасьевъ наклонился къ тазу, Вильфингъ поддержалъ ему голову. Свидѣтеля вырвало какою-то зеленою слизью...

— Что ты на сіе отвѣтишь?—обратился презусъ къ подсудимому.

Молчаніемъ отвѣтилъ Грузиновъ, и засѣданіе было закрыто.

Атаманъ Орловъ, получивъ донесеніе о происшедшемъ въ комиссіи, на другой день пригласилъ Кожина и Рѣпина на совѣщаніе. Порѣшено было дать очистительную присягу старшинѣ Котломину, сотнику Ильѣ Грузинову и хорунжему Шапошникову, а подсудимому Грузинову—сдѣлать другое священническое увѣщаніе съ тѣмъ, чтобы атаманъ съ генералами и всею комиссіею на это время помѣстился въ сосѣдней комнатѣ и слушалъ бесѣду Грузинова съ протоіереемъ Волошеневскимъ. Что же касается Аѳа-

насьева, то его привлечь къ суду за позднее обнаруженіе дерзкихъ и хулительныхъ словъ противъ персоны императора. Въ такомъ смыслѣ отъ Орлова составленъ и посланъ въ комиссію ордеръ, въ концѣ котораго значилось, что вся компанія, во время священническаго увѣщанія, будетъ находиться въ сосѣдней горницѣ «при закрытыхъ дому тому дверяхъ».

На слѣдующій день, въ необычайное время раздались звуки большого соборнаго колокола, благовѣстившаго точно по душѣ.

Праздный людъ устремился въ храмъ, куда были приведены Котломинъ, Илья Грузиновъ и Шапошниковъ. Протоіерей Волошеневскій вышелъ изъ алтаря съ крестомъ и евангеліемъ и послѣ продолжительнаго увѣщанія свидѣтелей, состоящаго въ томъ, что они сею присягою должны подтвердить истину сдѣланныхъ ими при допросѣ показаній и удостовѣрить, что болѣе ничего относящагося къ дѣлу не знаютъ, а также угрозъ, что за ложную присягу имъ предстоятъ вѣчныя мученія въ будущей жизни, началъ читать текстъ очистительной присяги, которую, поднявъ вверхъ правыя свои руки, повторяли названные свидѣтели. Комиссія въ полномъ составѣ стояла вокругъ свидѣтелей. Когда служитель алтаря дошелъ до слѣдующаго мѣста: «ежели я о семъ клянусь ложно, то да буду отлученъ отъ Святыя Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы и въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ не иму прощенія, да трясусь, яко древній Каинъ, и разверзнувшись земля да пожретъ меня, яко Іофана и Аверона, и да воспріиму проказу Гіезіеву и удавленіе Іудино и смерть Ананія и жены его Сапфиры и часть моя будетъ съ проклятыми дьяволы», то Шапошниковъ закачался и опустилъ правую руку, но былъ поддержанъ однимъ изъ близъ стоявшихъ ассесоровъ комиссіи, а по церкви пошелъ довольно ясный гулъ, среди котораго слышались бабьи восклицанія: «Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ», «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ» и другія причитанія, порожденныя ужасомъ отъ страшныхъ словъ клятвы. Свидѣтели, по исполненіи этого обряда, также при колокольномъ звонѣ, вмѣстѣ съ комиссіей, возвратились въ войсковую канцелярію, въ одной изъ экспедицій которой подписали присяжный листъ, приложенный затѣмъ къ дѣлу. Протоіерей Волошеневскій поспѣшилъ въ присутственную комнату, гдѣ его ожидалъ Евграфъ Грузиновъ, котому назначено второе увѣщаніе наединѣ съ о. протопопомъ. Члены комиссіи съ атаманомъ Орловымъ и пріѣзжими генералами помѣстились въ сосѣдней комнатѣ, куда двери были прикрыты. Увѣщаніе началось [1])...

---

[1]) «Ты, отецъ, вотще хлопочешь,—говорилъ Волошеневскому Грузиновъ—Я того сказалъ, что никакихъ за собой преступныхъ дѣлъ не знаю и не грѣшенъ, прежъ а слѣдственно и покаяніе мнѣ приносить не о чемъ... Я помню его (императора Павла) благодѣянія, и онъ знаетъ мою службу, а что теперь, такъ на то его воля... Какія мои вины такія? Вѣчной присягой я ему не обязанъ, а только служ-

Когда протопопъ (по окончаніи увѣщанія) сталъ убирать крестъ и евангеліе, изъ внезапно открывшейся двери вышла военно-судная коммиссія въ полномъ составѣ; атаманъ и генералы прошли на улицу другимъ ходомъ. Волошеневскій, увидѣвъ, что презусъ и члены заняли свои мѣста, удалился изъ залы, пришелъ домой и, думая, что находившійся за прикрытой дверью атаманъ всего не слышалъ, сочинилъ ему «всепочтенно-почтеннѣйшее донесеніе», въ заключеніе котораго сказалъ, что «ни въ очахъ изверга сего, ни въ лицѣ должнаго по крайней мѣрѣ зазрѣнія или остыдѣнія не оказываетъ себѣ во всей ожесточенности, свойственной однимъ злобнымъ съ гордынею соединеннымъ тварямъ».

Вскорѣ, по уходѣ протопопа, презусъ обратился къ подсудимому съ новымъ приглашеніемъ открыть истину и назвать сообщниковъ, при чемъ поименовалъ и брата его Петра.

— Будучи закованъ въ кандалы, ни я, ни братъ мой ничего не скажемъ, да и сказать-то нечего!—громко сказалъ Евграфъ Осиповичъ.—Воля духа требуетъ того, что никто не можетъ поставлять ей границъ...

Этимъ и кончилось судьбище, а на другой день коммиссія приступила къ постановленію окончательной «сентенціи».

Въ 25-й день августа назначенъ былъ «нещадный кнутъ» для Грузинова Евграфа и таковой же «простой» для Петра, а особое совѣщаніе двухъ коммиссій приговорило свидѣтеля Аѳанасьева за несвоевременное донесеніе о хулительныхъ словахъ на высочайшую персону къ отрубленію головы [1]).

Копія съ сентенціи по утвержденіи ея атаманомъ немедленно препровождена была къ войсковому прокурору.

Рѣшенія были до того единогласны, что Кожинъ и Рѣпинъ, за нѣсколько дней до ихъ произнесенія, послали о существѣ ихъ рапортъ въ Петербургъ съ особымъ курьеромъ. Иначе нельзя объяснить страннаго совпаденія: указъ императора о наказаніи Евграфа Грузинова «нещадно» кнутомъ былъ помѣченъ 26-мъ числомъ [2]), а сентенція коммиссіи о томъ же самомъ составлена нака-

---

бою временною... Служилъ я вѣрой и правдой, а заслужилъ тюрьму да кандалы... Ты, отецъ, вотъ что: прекрати ты эту рацею и вели отвесть меня. Я больше съ тобой трактовать не охотенъ»...

[1]) Стр. 84. «Палачъ Аѳанасьева ошибся, ударивъ своего кліента топоромъ вмѣсто шеи по плечу, кровь хлынула фонтаномъ, жертва застонала, толпа рявкнула, и палачъ другимъ ударомъ поторопился докончить».

[2]) «Рус. Стар.» 1873 г., т. VII, стр. 629, § 21. Именной указъ, отъ 26 августа, данный канцеляріи войска донскаго:

«Исключеннаго изъ службы полковника Грузинова, за измѣну противъ насъ государя, повелѣваемъ, лиша чиновъ и дворянства, наказать нещадно кнутомъ и отправить его къ нашему генералъ-прокурору, а имѣніе его описать въ казну». (указъ сената 29 августа).

нунѣ этого дня. Даже современные намъ скорые суды могутъ позавидовать быстротѣ, съ какою прошло Грузиновское дѣло: длинные-предлинные допросы, такія же очныя ставки, неоднократныя увѣщанія и испытанія больныхъ свидѣтелей, отыскиваніе сихъ послѣднихъ въ отдаленныхъ отъ Черкасска мѣстахъ и доставка ихъ къ суду, безконечное писаніе, составившее изъ себя чуть не аршинный сшивъ,—все это произведено въ одиннадцать-двѣнадцать дней [1]). Просвѣщенному содѣйствію пріѣзжихъ генераловъ, а ничему другому, обязаны были подсудимые тѣмъ, что ихъ не томили судомъ. Что же касается до правды и милости, то эти двѣ сестрицы въ тѣ поры еще не были видны нелицепріятнымъ судьямъ, такъ какъ находились отъ нихъ на разстояніи слишкомъ 60-ти лѣтъ.

Въ 6-й и послѣдней главѣ говорится, что черкасскій прокуроръ Миклашевичъ, признавъ сентенцію военно-судной комиссіи незаконной, рѣшился послать ей и главному прокурору протестъ [2]).

Кожинъ и Рѣпинъ, узнавъ отъ Юдина 4-го сентября о намѣреніяхъ Миклашевича, и потому опасаясь, что полученный въ комиссіи протестъ, пожалуй, можетъ остановить исполненіе сентенціи, уговорили Орлова произвести экзекуцію на слѣдующій день. Соотвѣтствующія приказанія были отданы атаманомъ полицеймейстеру.

Далѣе идетъ описаніе казни.

Рано утромъ, 5-го сентября, въ торжественный день тезоименитства государыни цесаревны Елисаветы Алексѣевны, когда Иванъ Ѳедоровичъ Шумковъ, сдавъ на почтѣ пакетъ съ протестомъ на имя главнаго прокурора, явился въ канцелярію, для врученія такового же презусу генералу Родіонову, атаманъ, генералы, всѣ члены комиссіи и масса народа находились на базарной площади, около устроеннаго ночью эшафота, вокругъ котораго была живая

---

1) «Русск. Стар.», т. VII, 1873 г.

Изъ слѣдующаго указа сената, основаннаго на вѣдѣніи синода отъ 3-го января 1801 г., видно, что Рѣпинъ былъ въ отсутствіи (вѣроятно, по Грузиновскому дѣлу) больше года: «По поднесенной его императорскому величеству, отъ генерала отъ кавалеріи Рѣпина, жалобы на жену въ распутствѣ и въ прижитіи ею по разлученіи съ нимъ чрезъ 14 мѣсяцевъ младенца, изслѣдованіе поручено преосвященному Іоаникію, епископу подольскому, которому велѣно, истребовавъ означенную жену его, Рѣпина, черезъ гражданское начальство въ консисторію, взять отъ нея противъ той жалобы письменное показаніе, потомъ, ежели нужно будетъ, учиня надлежащее распоряженіе, сіе дѣло рѣшить по правиламъ духовнымъ».

2) Протестъ составлялъ прокурорскій секретарь Иванъ Ѳедоровичъ Шумковъ.

Въ виду высочайшей грамоты императрицы Елисаветы и манифеста Екатерины II, дворянъ можно было приговаривать къ тѣлесному наказанію только въ томъ случаѣ, если на это было особое высочайшее повелѣніе. Повелѣнія такого въ данномъ случаѣ не было. Еслибъ оно было, то объ этомъ должно было быть сказано въ сентенціи.

огорожа изъ полицейскихъ съ оружіемъ въ рукахъ, а по угламъ стояло четыре пушки, въ народъ направленныя, и при нихъ пушкари съ дымящимися пальниками. По знаку атамана, привели Евграфа Осиповича. До снятія кандаловъ и одежды, надъ головой его переломили саблю, затѣмъ уложили несчастнаго на опрокинутыя на эшафотѣ сани и привязали руки къ полозьямъ толстыми ремнями. Палачъ сталъ складывать, а потомъ расправлять кнутъ изъ бычачьихъ жилъ. По толпѣ пролетѣлъ глухой ропотъ, смолкнувшій послѣ перваго удара. Первая красная линія по бѣлому полю прошла какъ-то неправильно; видимо, палачъ былъ или не знатокъ своего дѣла, или потерялся: линія прошла не параллельно спинному хребту, захвативъ шею. Толпа услыхала внятный возгласъ мученика: «Господи, помилуй!» Послѣ обычнаго въ такихъ случаяхъ «берегись» раздался «шлепъ» новаго удара; линія была правильнѣе и дѣйствительнѣе, ибо пришлась параллельно хребту, а въ стороны полетѣло что-то, кровь ли, мясо ли, — неизвѣстно. Новое «Господи, помилуй» — и такъ далѣе, пока, чрезъ нѣсколько десятковъ добрыхъ прикосновеній, не зашатался палачъ и, какъ снопъ, не повалился у саней. Его мгновенно убрали и поставили другого, видимо оробѣвшаго. Удары посыпались частые, безъ метода, даже безъ предупрежденія и какъ-то наискось. «Господи, помилуй», такимъ образомъ, стало слышаться чаще и все изъ той же груди и чуть ли не громче, чѣмъ въ началѣ. Спина Евграфа Осиповича уже походила на рѣшетку, отъ многихъ линій которой по бокамъ къ поясницѣ спускались красныя струйки. Чрезъ нѣсколько минутъ, отъ частыхъ и довольно сильныхъ ударовъ, спина стала представлять изъ себя нѣчто въ родѣ котлеты, вида которой, вѣроятно, не выдержалъ второй палачъ. Онъ зашатался и уронилъ кнутъ. Близъ стоявшій полицейскій поднялъ инструментъ и подалъ его палачу, но послѣдній, закрывъ лицо руками, кнута не принялъ. Его свели съ эшафота. Произошла довольно большая заминка... Прошла минута и третьяго палача не находилось. По обычаю, аудиторъ обратился къ близъ стоявшимъ свидѣтелямъ казни и предложилъ имъ докончить назначенное число ударовъ. Вызвался одинъ полстовалъ изъ пришлыхъ великороссовъ, но только что онъ подступилъ съ этимъ намѣреніемъ къ эшафоту, какъ послышался внятный гулъ толпы: «Воля Божья, воля Божья, не ходи, не ходи!» Полстовалъ остановился въ нерѣшительности, глядя на начальство. Порѣшено было кончить сѣченіе...

Мученика провели по узкой тропѣ, сдѣланной разступившимся народомъ, подъ колокольню. Какъ только его усадили на какой-то боченокъ, сбрызнули водкой спину и надѣли сорочку, Евграфъ Осиповичъ попросилъ воды. Кожинъ поспѣшилъ разрѣшить, приказавъ подать похолоднѣе. Услужливая полиція принесла полную кружку со льдомъ и подала страдальцу. Грузиновъ, трясясь всѣмъ тѣломъ,

жадно выпилъ всю воду и уронилъ кружку. Кожинъ схватилъ ее и въ ту же пору замѣтилъ, что жертва его валится на полъ. Казаки поддержали Грузинова и, поставъ грязныя тряпки, уложили на нихъ полковника. Чрезъ нѣсколько минутъ наступили какія-то подергиванія во всемъ тѣлѣ засѣченнаго, кончившіяся очень легкою смертью. Грузиновъ какъ-то скосилъ глаза, икнулъ два-три раза и вытянулся.

Генералъ-адъютантъ Кожинъ не былъ медикомъ, но хорошо понималъ, что въ такихъ случаяхъ холодная вода съ большимъ успѣхомъ замѣняетъ самыхъ искусныхъ мастеровъ заплечнаго дѣла.

Похолодѣвшій трупъ Евграфа Осиповича лежалъ подъ колокольней... Полиція распорядилась вырыть яму недалеко отъ пороховой казны, куда и помѣстила на вѣчное жительство останки Евграфа Осиповича въ наскоро сколоченномъ гробѣ.

Далѣе, на стр. 86, говорится, что «ко дню казни (Евграфа Осиповича) изъ Петербурга пріѣхалъ въ Черкасскъ князь Горчаковъ [1]) съ какими-то порученіями къ генераламъ», и что полицеймейстеръ пригласилъ его присутствовать при совершеніи казни.

Тутъ, надо полагать, у А. А. Карасева вкралась ошибка. Князь Горчаковъ едва ли могъ быть въ Черкасскѣ 5-го сентября; вѣроятнѣе, что онъ пріѣхалъ къ казни Аѳанасьева, Попова, Космынина и Колесникова, которымъ отрубили головы 27-го сентября, или же къ 26-му октября, когда истязали кнутомъ Петра Грузинова [2]). Это заставляютъ полагать записки барона В. И. Штенгеля [3]),

---

[1]) Василій Николаевичъ, любимецъ императора Павла, бывшій въ 1800 г. военнымъ губернаторомъ въ Ревелѣ, лишенный при Александрѣ I за подлогъ чиновъ и сосланный на поселеніе въ Сибирь.

[2]) Возможно, что онъ пріѣхалъ ко дню наказанія священника Ѳедора Петрова, канцеляристовъ и повытчиковъ или къ какой либо другой казни.

[3]) Стр. 444 майской книги за 1900 г. «Историческаго Вѣстника».

«Однажды, когда онъ (Горчаковъ) распоряжался, какой дать балъ, что онъ дѣлалъ часто, прискакалъ вдругъ фельдъегерь съ повелѣніемъ немедленно отправиться на Донъ и произвесть изслѣдованіе о произведенной тамъ казни надъ двумя братьями Грузиновыми. Собравшись тотчасъ въ дорогу, онъ рѣшился заѣхать въ Гатчину, гдѣ государь тогда находился, чтобъ принять изустно его наставленія. Какъ скоро явился во дворецъ, тотчасъ его позвали въ кабинетъ; только что вошелъ въ двери, какъ государь, ожидавшій его у самой двери съ лѣвой стороны, схвативъ его за руки и подведя къ образу, сказалъ: «Вотъ тебѣ Матерь Божія свидѣтельница, я не виновенъ; защити меня». Дѣло было въ томъ, какъ государь объяснялъ ему, что Грузиновы судились за оскорбленіе величества, и наказной атаманъ Рѣпинъ и, кажется, Денисовъ (настоящій) (баронъ Штенгель спуталъ: атаманомъ былъ Орловъ, а Рѣпинъ былъ командированъ на Донъ) представили дѣло прямо къ государю, когда бы слѣдовало представить въ аудиторіатъ. Государь, заглянувъ въ приговоръ, чтобы вразумить ихъ, съ негодованіемъ написалъ карандашемъ: «поступить по законамъ», и велѣлъ возвратить имъ на ихъ счетъ. Тѣ, по недоумѣнію и по недовѣрію къ войсковому прокурору, который ихъ останавливалъ, сочли это за утвержденіе сентенціи, назначили на утро казнь, отрубили головы (это не вѣрно) и донесли государю.

изъ копхъ видно, что императоръ Павелъ, узнавъ о казни Евграфа Осиповича, повелѣлъ Горчакову «немедленно отправиться на Донъ и произвесть изслѣдованіе».

На той же 86 стр. А. А. Карасевъ пишетъ слѣдующее: «Атаманъ Орловъ былъ увѣренъ, что Донская земля пошлетъ ему за это дѣло (за казнь Евграфа Осиповича) хоть небольшое проклятіе. Онъ сознавалъ, что оставить эту исторію подъ сурдинкой было невозможно—шила въ мѣшкѣ не утаишь, а особенно въ казачьей средѣ, а потому «порѣшилъ сдѣлать опубликованіе по всѣмъ начальствамъ (округамъ) Донского войска, въ которомъ выставить покойнаго Грузинова величайшимъ изъ величайшихъ злодѣевъ въ мірѣ». По его приказанію опубликованіе это было составлено дьяками Номикосовымъ и Юдинымъ. Приложивъ къ опубликованію войсковую сургучную печать, Орловъ приказалъ дьякамъ записать въ журналѣ войсковой канцеляріи только номеръ бумаги, безъ означенія содержанія оной, и отправить по начальству.

Дѣло, значитъ, сдѣлано. А сдѣлано оно такъ. Исходящій номеръ войсковой грамоты (опубликованія) былъ 15.075-й, а помѣченъ отъ 6-го сентября 1800 года. Гласитъ этотъ несчастный документъ, отъ слова до слова, съ сохраненіемъ орѳографіи, слѣдующее: «Грамота войска Донского изъ войсковой канцеляріи внижнее хоперское сыскное начальство по всевысочайшему его императорскаго величества имянному указу отъ 25-го августа пущенному, а настоящаго мѣсяца 4-го числа въ 8 часовъ пополудни сею канцеляріею полученному изъ ключенный изслужбы полковникъ Грузиновъ 1-й за измѣну противу высочайшей освященнѣйшей его императорскаго величества особы и государства вчерашняго дни въ 9 часовъ пополудни на публичномъ мѣстѣ вчеркаске по лишеніи чиновъ и дворянства наказанъ нещадно кнутомъ, послѣ оной извергъ Грузиновъ черезъ два часа лишился жизни; тысяча душъ крестьянъ всемилостивѣйше ему пожалованныхъ описаны вказну и такъ погибъ величайшій виновникъ золъ, и вместе съ нимъ хотя изчезло поносное имя его, но чтобы все верноподданныя его императорскому величеству и любители своего государства могли показать къ мерскому тленію его свое прѣзреніе (было написано «при», но буква «и», видимо, исправлена на «ѣ») во всехъ станицахъ онаго начальства распубликовать».

Предъ внимательнымъ наблюдателемъ приведенная войсковая грамота поднимаетъ два вопроса, изъ которыхъ одинъ свойства трагическаго, а другой комическаго. Если существовалъ именной

«Князь Горчаковъ разыскалъ все какъ слѣдуетъ; атаманы (?) были выключены изъ службы (Орлову былъ объявленъ выговоръ); третьему оставшемуся (?) брату Грузиновыхъ было пожаловано (?) 1000 душъ, а князь Горчаковъ назначенъ инспекторомъ всей кавалеріи».

указъ, отъ 25-го августа «пущенный», относительно истязанія тѣла Грузинова кнутомъ, то чѣмъ объяснить другой фактъ, гласящій, что генералы Кожинъ и Рѣпинъ, по полученіи извѣстія о смерти Грузинова, были отданы подъ судъ? Затѣмъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ 9-ть часовъ пополудни, уже ничего не видно, ибо въ 6-ть часовъ солнце заходитъ; естественно также, что искусственнаго тогда освѣщенія въ Черкасскѣ не было. Выходитъ, что истязаніе происходило на большой площади ночью, можетъ быть, при слабомъ свѣтѣ луны... Не существовалъ ли въ тѣ поры особый счетъ времени? Не слишкомъ ли спѣшили войсковые часы? Не сознательно ли сдѣлана ошибка составителей грамоты, что вмѣсто «пополуночи» въ ней написано «пополудни»? На эти вопросы устное преданіе отвѣчать не въ силахъ. Ихъ разрѣшитъ исторія.

Какъ только дошла до государя вѣсть о произведенной казни, Кожинъ и Рѣпинъ были отданы подъ судъ [1]), а атаману Орлову [2]) присланъ выговоръ. Наступила зима, въ концѣ которой предпринятъ былъ извѣстный «Оренбургскій» походъ.

Ни судъ надъ генералами, ни походъ на Индію не окончились, какъ слѣдуетъ, по причинѣ внезапной смерти императора Павла въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года. Юный царь Александръ I прекратилъ не начавшуюся войну съ Англіей, отмѣнилъ судъ надъ генералами и конфискованное имѣніе страдальца Грузинова возвратилъ его наслѣдникамъ [3]).

Приведенныя въ III главѣ замѣтки, а также и выборки изъ труда Алексѣя Алексѣевича Карасева подтверждаютъ все слышанное мною около деревни Агленъ и прочитанное въ запискахъ Ильи Романовича и, кажется, достаточно доказываютъ, что Евграфъ Грузиновъ погибъ ни за что.

Я надѣюсь, ознакомившись болѣе подробно съ подлиннымъ Грузиновскимъ дѣломъ, хранящимся въ архивѣ правительствующаго сената, вполнѣ раскрыть эту печальную исторію изъ мрачнаго прошлаго, родного мнѣ «тихаго Дона», и тѣмъ окончательно доказать, къ чести всѣхъ донцовъ вообще и особенно къ чести ихъ представителей гвардейскихъ казаковъ его величества, совершенную невинность братьевъ Грузиновыхъ и ихъ товарищей.

---

[1]) «Русск. Стар.», 1873 г., т. VII, стр. 630.

Именной указъ сенату отъ 13 октября 1800 г.

«Генералъ отъ кавалеріи Рѣпинъ исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ за приведеніе въ исполненіе сентенцій смертной казни на Дону вмѣсто замѣняющаго оную наказанія, положеннаго моею конфирмаціею».

[2]) Атаманъ Орловъ, заболѣвшій отъ царскаго гнѣва и отъ угрызеній незасыпавшей совѣсти, скончался 30-го іюля того же года, очистивъ свое мѣсто для извѣстнаго генерала, впослѣдствіи графа Матвѣя Ивановича Платова.

[3]) Акты, относящіеся къ исторіи войска Донского, собранные генералъ-майоромъ Лишинымъ, т. III, 1894 г., стр. 422, № 1136

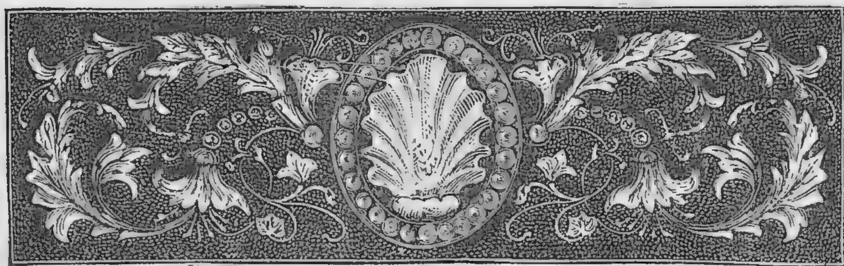
5-го сентября минувшаго года исполнилось сто лѣтъ со дня мученической кончины Евграфа Осиповича.

Не время ли славнымъ лейбъ-казакамъ вспомнить своего товарища—вѣрнаго слугу государева?

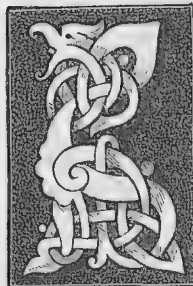
Да будетъ же тебѣ вѣчная память отъ всѣхъ насъ, твоихъ, скорбящихъ о тебѣ, соотчичей, доблестный мужъ «великаго Донского войска»!

В. М. Шаховской.

ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ ОРЕНБУРГѢ.

Ъ АВГУСТѢ мѣсяцѣ 1837 года, Оренбургъ удостоился посѣщенія покойнаго государя императора Александра Николаевича, бывшаго въ то время наслѣдникомъ цесаревичемъ. Объ этомъ событіи въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1891 г., октябрь) была помѣщена статья г. Юдина. Считаю не лишнимъ сообщить слѣдующія къ ней дополненія. Недавно я познакомился съ урядникомъ Оренбургскаго казачьяго войска 75-лѣтнимъ почтеннымъ старикомъ, сохранившимъ до сихъ поръ отличную память, превосходное зрѣніе и только потерявшимъ слухъ, что не мѣшаетъ ему работать превосходно по письменной части и затрудняетъ только бесѣдующихъ съ нимъ, такъ какъ при разговорѣ приходится значительно усиливать голосъ.

— А что, Иванъ Борисовичъ,—спросилъ я какъ-то:—помните ли вы, какъ пріѣзжалъ въ Оренбургъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ?

— Помню даже очень хорошо и могу разсказать во всей подробности. Это было въ 1837 году. Какъ теперь, вижу я передъ собою этотъ радостный день. Городъ Оренбургъ былъ въ то время еще не великъ, и населеніе въ немъ было не большое, всего съ войсками не болѣе 10.000 человѣкъ. Молва о пріѣздѣ наслѣдника цесаревича быстро разнеслась, и вотъ городъ почистился,

принарядился, по дворамъ бѣгали хожалые, а на улицахъ цѣлыми днями работали подъ конвоемъ арестанты и выметали все подъ метелочку. Когда насталъ желанный день, не помню ужъ котораго числа, а было это въ августѣ мѣсяцѣ, всѣ приформились и стали съ радостнымъ чувствомъ ожидать прибытія дорогого гостя. День былъ очень жаркій, но, несмотря на это, съ ранняго утра народъ столпился въ огромномъ количествѣ на главной улицѣ города, называемой Большою (нынѣ Николаевская), близъ церкви Вознесенія Господня, противъ дома командующаго оренбургскимъ казачьимъ войскомъ генерала Тимашева (отца генералъ-адъютанта Александра Егоровича Тимашева), гдѣ въ то время жилъ военный губернаторъ Василій Алексѣевичъ Перовскій[1]). На всемъ пути ожидаемаго проѣзда его высочества было также много народа, пріѣхавшаго изъ станицъ и изъ ближайшихъ селеній. Г. Оренбургъ былъ еще въ то время крѣпостью и, окруженный высокимъ землянымъ валомъ, съ глубокимъ рвомъ впереди, имѣлъ четверо желѣзныхъ воротъ для выѣзда, носившихъ названія: Чернорѣченскихъ, Сакмарскихъ, Орскихъ и Водяныхъ. Первыя трое получили свое наименованіе отъ казачьихъ станицъ того же наименованія, къ которымъ лежалъ отъ нихъ путь, а четвертыя ворота назывались Водяными, потому что выходили на дорогу къ постоянному мосту черезъ рѣку Уралъ.

Въ 3 часа пополудни на Орской дорогѣ показалась коляска Василія Алексѣевича Перовскаго, запряженная шестеркою, съ форейторомъ, и въ ней сидѣлъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ генералъ-адъютантомъ В. А. Перовскимъ. При въѣздѣ въ предмѣстье г. Оренбурга—Казачій Форштадтъ, государя наслѣдника встрѣтилъ столѣтній старецъ, сотникъ Оренбургскаго казачьяго войска Соколовъ, и поднесъ его высочеству хлѣбъ-соль. Наслѣдникъ цесаревичъ милостиво бесѣдовалъ съ сотникомъ Соколовымъ и разспрашивалъ его о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, а послѣ того престарѣлый казакъ Кармановъ поднесъ наслѣднику цесаревичу хлѣбъ-соль и серебряную солонку. Принявъ милостиво это подношеніе, его высочество изволилъ обратить вниманіе на то, что у казака Карманова былъ орденъ на груди въ видѣ серебрянаго столбика съ короною, при чемъ оказалось, что орденъ этотъ Кармановъ получилъ за военныя отличія въ дѣлахъ противъ шведовъ. Какъ сейчасъ, помню я,—разсказывалъ Иванъ Борисовичъ,—высокую и статную фигуру особы наслѣдника цесаревича, въ то время худощаваго и красиваго молодого человѣка, милостиво бесѣдовавшаго съ сотникомъ Соколовымъ и казакомъ

[1]) Домъ Тимашева на Николаевской улицѣ, въ которомъ останавливался въ 1837 году наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, принадлежитъ теперь купцу Ивану Ладыгину.

Кармановымъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Изъ Казачьяго Форштадта наслѣдникъ цесаревичъ въѣхалъ въ городъ Оренбургъ въ Орскія ворота. По въѣздѣ въ городъ при восторженныхъ крикахъ «ура» наслѣдникъ цесаревичъ вмѣстѣ съ В. А. Перовскимъ изволилъ отправиться въ каѳедральный Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ его высочество былъ встрѣченъ старѣйшимъ соборнымъ протоіереемъ Челноковымъ и священникомъ Розоновымъ съ крестомъ и святой водою. Послѣ молебствія, приложившись къ святымъ иконамъ, наслѣдникъ цесаревичъ быстро проѣхалъ по городу въ коляскѣ и изволилъ остановиться у крыльца дома, занимаемаго военнымъ губернаторомъ В. А. Перовскимъ, и восторженные клики «ура» встрѣчали и провожали повсюду его высочество.

Послѣ небольшого отдыха и завтрака, наслѣдникъ цесаревичъ въ сопровожденіи В. А. Перовскаго изволилъ отправиться на плацъ-парадное мѣсто, находящееся въ городѣ противъ зданія городского магистрата (гдѣ нынѣ Александровскій скверъ), и гдѣ выстроились для парада войска Оренбургскаго гарнизона, а именно: части войскъ отъ квартировавшихъ въ г. Оренбургѣ двухъ линейныхъ баталіоновъ 23 пѣхотной дивизіи, отъ крѣпостной пѣшей артиллеріи, отъ конно-казачьихъ артиллерійскихъ батарей, отъ казачьихъ конныхъ полковъ, отъ 1-го и 2-го эскадроновъ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса и отъ школы военныхъ кантонистовъ и образцовой земледѣльческой казачьей фермы.

Государь наслѣдникъ милостиво поздоровался съ кадетами и нижними чинами парадирующихъ частей войскъ, и восторженное «ура» войска и народа радостно привѣтствовало царскаго сына, а хоръ военной музыки штаба 23-й пѣхотной дивизіи исполнилъ народный гимнъ «Боже, Царя храни». Обойдя вмѣстѣ съ командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и военнымъ губернаторомъ В. А. Перовскимъ парадирующія войска, наслѣдникъ цесаревичъ остановился посерединѣ площади.

Какъ сейчасъ, вижу его передъ собою въ казачьемъ мундирѣ съ лентою черезъ плечо и въ казачьемъ киверѣ съ огромнымъ бѣлымъ султаномъ, въ которомъ при лучахъ яркаго солнца игра бриллiантовъ переливалась разноцвѣтными огнями.

Начальникомъ корпуснаго штаба былъ въ то время генералъ Ракосовскій, начальникомъ инженеровъ Бекъ-Булатовъ (изъ татаръ), и такъ какъ этотъ 90-лѣтній старецъ не могъ по пріѣздѣ на парадъ вылѣзть изъ кареты, будучи подагрикомъ, то наслѣдникъ цесаревичъ и В. А. Перовскій помогли ему, взявъ его подъ руки.

Его высочество изволилъ милостиво бесѣдовать съ генераломъ Бекъ-Булатовымъ и спросилъ его, какого онъ вѣроисповѣданія.

— Магометанскаго, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ генералъ,—а жена моя лютеранскаго исповѣданія, сынъ православный, а дочь лютеранка, такъ что мы всѣ молимся въ разныхъ церквахъ.

Начальникомъ 23-й пѣхотной дивизіи былъ тогда генералъ Жемчужниковъ, котораго солдаты очень любили, выражаясь про него, что онъ хотя и строгъ, но справедливъ; начальникомъ крѣпостной артиллеріи былъ генералъ Чарторижскій, бригаднымъ генераломъ конноказачьей артиллерійской бригады—генералъ Кузьминскій. Онъ былъ такой толстый, что на смотрахъ три раза пересаживался съ лошади на лошадь, такъ какъ самыя крѣпкія не могли его долго носить на своихъ спинахъ. Въ семейной жизни онъ также былъ тяжелый человѣкъ, и когда два жениха разомъ посватались за его дочерей, то онъ отдалъ за того, который сваталъ младшую, старшую свою дочь, а за другого—младшую, ссылаясь на то, что браки по любви бываютъ всегда несчастливы.

Въ то время киргизы Средней и Малой орды управлялись пограничной коммиссіей, предсѣдателемъ которой былъ генералъ Гейнцъ. Башкирское войско было на парадѣ въ конномъ строю. На башкирахъ были длинные бѣлые суконные халаты, подбитые краснымъ сукномъ, на головахъ подбитыя мѣхомъ остроконечныя высокія шапки, отороченныя галуномъ. Они были вооружены колчанами, изъ которыхъ очень мѣтко пускали стрѣлы: не даромъ французы въ кампанію 1812 года прозвали ихъ сѣверными амурами. На парадѣ они превосходно джигитовали, и начальникъ ихъ генералъ Ціолковскій удостоился за это благодарности его высочества.

Во время своего пребыванія въ г. Оренбургѣ наслѣдникъ цесаревичъ посѣщалъ учебныя заведенія—кадетскій корпусъ и школу военныхъ кантонистовъ, казармы, городскую тюрьму и военный госпиталь, а на второй день своего августѣйшаго пребыванія наслѣдникъ цесаревичъ изволилъ отправиться вмѣстѣ съ В. А. Перовскимъ въ Илецкую соляную защиту, находящуюся въ разстояніи 65 верстъ отъ Оренбурга. Въ Илецкой защитѣ наслѣдникъ цесаревичъ изволилъ осматривать добычу Илецкой каменной соли, производившуюся въ то время сосланными въ Илецкъ каторжными арестантами. При осмотрѣ соляныхъ копей В. А. Перовскій доложилъ его высочеству, что по расчисленію знаменитаго естествоиспытателя Гумбольдта залежи соли такъ богаты, что если солью этою довольствовалось бы все населеніе Европы, то ея достало бы на 10.000 лѣтъ. Въ то время соляная разработка производилась не шахтами, какъ теперь, а простѣйшимъ способомъ изъ ямы на глубинѣ 30 саженъ, при чемъ каменная соль вырубалась топорами и мотыгами, а вывозилась изъ ямы по доскамъ въ тачкахъ. Случалось, что вода заливала внезапно яму, и тогда рабочіе погибали.

Въ Илецкой защитѣ наслѣднику цесаревичу было поднесены сдѣланныя изъ сердцевины соли разныя мелкія вещи: модели крестовъ, памятника Александру I, воздвигнутаго въ г. Оренбургѣ въ память освобожденія этого города отъ воинскаго постоя, модели

рабочихъ домиковъ, солонокъ, чернильницъ и другихъ предметовъ, а также соляной кристалъ, въ видѣ шара, въ срединѣ котораго была живая капля воды, переливавшаяся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги.

По возвращеніи изъ Илецкой соляной защиты, въ честь его императорскаго высочества было устроено въ окрестностяхъ Оренбурга, на Суланѣ, за рѣкою Ураломъ, близъ Мѣнового двора народное празднество. Для этой цѣли былъ построенъ большой досчатый павильонъ съ крышею, и внутренность его разукрашена цвѣтами и дорогими оранжерейными растеніями. Празднество началось скачкою киргизовъ на верблюдахъ, при чемъ башкиры старались обогнать ихъ на лошадяхъ, но чаще верблюдъ, бѣжавшій рысью, обгонялъ лихого скакуна, дѣлая огромные размашистые шаги. Послѣ того маленькіе киргизята и башкирята скакали въ кругу на большую дистанцію и получали въ видѣ призовъ деньги, серебряные часы и шелковые халаты. Наслѣднику цесаревичу очень понравился этотъ спортъ, и киргизами былъ поднесенъ въ даръ его высочеству превосходный бѣлый аргамакъ—легкій скакунъ, который и былъ принятъ его высочествомъ и отосланъ въ Петербургъ.

Вечеръ былъ законченъ баломъ, на которомъ наслѣдникъ цесаревичъ изволилъ танцовать съ дочерью послѣдняго киргизскаго Искендеръ-хана и милостиво изволилъ бесѣдовать съ дамами и дѣвицами, присутствовавшими на этомъ балѣ. Изъ Оренбурга его императорское высочество изволилъ отбыть вмѣстѣ съ В. А. Перовскимъ въ г. Уральскъ.

А. Жакмонъ.

МѢСТА ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ПОГРЕБЕНІЯ ФЕЛЬДМАРШАЛА, ГРАФА И. И. ДИБИЧА-ЗАБАЛКАНСКАГО.

ВАДЦАТЬ девятаго мая, 1831 года, изъ деревни Клешево подъ Пултускомъ, графъ Толь, начальникъ штаба арміи, дѣйствовавшей противъ поляковъ, доносилъ государю Николаю Павловичу:

«Съ сокрушеннымъ сердцемъ я вижу себя въ обязанности донести вашему императорскому величеству о горестной внезапной кончинѣ г. главнокомандующаго, графа Дибича-Забалканскаго, умершаго нынѣ, въ 12-мъ часу пополудни, отъ припадка холеры въ одной изъ высшихъ ея степеней».

Описавъ далѣе подробно ходъ болѣзни Дибича съ самаго ея начала (28 мая) до послѣдняго момента, когда «взглядъ (фельдмаршала) совершенно потухъ, и въ 11¹/₄ часовъ невозвратная потеря свершилась, и Всевышнему Промыслу угодно было лишить армію достойнаго ея предводителя», генералъ-адъютантъ, графъ Толь, говоритъ въ заключеніе своего донесенія:

«Тѣло покойнаго будетъ вскрыто и бальзамировано и до времени сложено въ Ломзѣ [1]), а буде возможнымъ окажется, то въ

---

[1]) Т. е. въ Ломжѣ, въ то время уѣздномъ городѣ Сувалкской губ. (нынѣ — съ 1867 г.—губернскій городъ).

Костелъ св. Креста въ Пултускѣ.

Пруссіи. Насчетъ дальнѣйшаго отправленія я испрашиваю повелѣнія вашего императорскаго величества» [1]).

Смерть Дибича послѣдовала недалеко отъ Пултуска [2]), въ деревнѣ Клешево, отстоящей отъ этого города въ пяти верстахъ.

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе гр. Толя отъ 29 мая 1831 г. Напечатано Н. К. Шильдеромъ въ «Русской Старинѣ», т. LXX, 499—500.

[2]) Теперь уѣздный городъ Варшавской губ.

Долгое время указывали избу, въ которой умеръ фельдмаршалъ. Только недавно она разобрана, по причинѣ ветхости, владѣльцемъ имѣнія Клешево, г. Эмиліемъ Рава.

Предположеніе «сложить до времени» тѣло Дибича въ Ломжѣ не осуществилось.

Его сложили въ Пултускѣ, очевидно, «по важности настигшихъ насъ обстоятельствъ» [1]).

На самой окраинѣ Пултуска, по шоссе въ Клешево, на берегу одного изъ притоковъ Нарева, расположилось городское католическое кладбище.

Въ центрѣ его возвышается небольшой красивый каменный костелъ въ романскомъ стилѣ, во имя св. Креста (Św. Krzyża). По актамъ мѣстнаго капитула первоначальными фундаторами кладбищенскаго костела считаются плоцкіе епископы Андрей Кржицкій и его суфраганъ — Николай Брилль (оба въ 1-й полов. XVI ст.). Плоцкій епископъ Онуфрій Шембекъ [2]) перестроилъ и отреставрировалъ костелъ, а также устроилъ въ немъ для своего предшественника, еп. Гилярія Шембека († 1797) и для себя самого надгробіе изъ чернаго мрамора. Съ 1804 г., по распоряженію прусскаго правительства, которому въ то время принадлежалъ Пултускъ, при костелѣ св. Креста начали хоронить умершихъ [3]).

Вотъ въ этомъ-то самомъ костелѣ, по правую сторону отъ алтаря праваго крыла зданія (послѣднее имѣетъ форму креста), помѣщена въ стѣнѣ, въ широкой рамѣ изъ сѣраго мрамора, бронзовая, вызолоченная, доска съ надписью слѣдующаго содержанія:

«Здѣсь часть бренныхъ останковъ,
«Въ С.-Петербургѣ тѣло
«Генералъ-фельдмаршала, графа Ивана Ивановича
«Дибича-Забалканскаго,
«предводительствовавшаго
«Россійско-Императорскою Арміею
«противъ турокъ въ 1829 и противъ польскихъ мятежниковъ въ
«1831 годахъ, скончавшагося отъ холеры въ селѣ Клешевѣ 29 мая
«1831 года, на 49 году своей жизни,

«вскорѣ послѣ одержанной имъ побѣды при гор. Остроленкѣ».

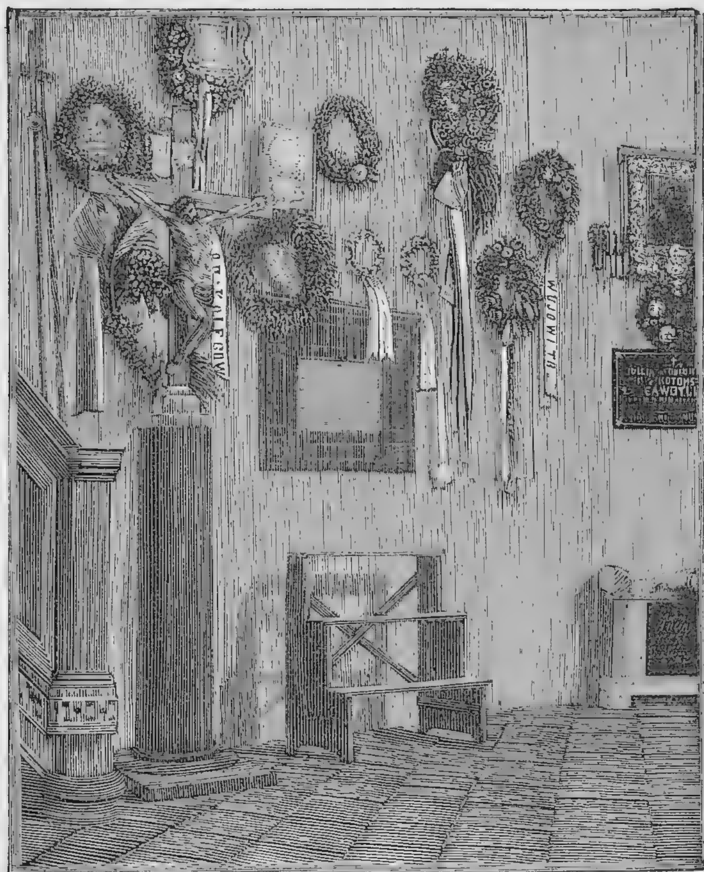
Такимъ образомъ, текстъ приведенной надписи свидѣтельствуетъ, что здѣсь, въ костелѣ, находится только «часть бренныхъ останковъ» Дибича.

---

1) Выраженіе гр. Толя во всеподд. рапортѣ.

2) Онуфрій-Каетанъ Шембекъ былъ епископомъ плоцкимъ съ 1798 г. по 1808 г. Онъ послѣдній носилъ титулъ князя пултускаго.

3) Въ 1889 г. стараніями мѣстнаго прелата, о. Бонавентуры Грабовскаго, кладбище значительно расширено. Г. В.

Доска, обозначающая мѣсто погребенія «части бренныхъ останковъ» фельдмаршала графа Дибича въ костелѣ св. Креста, въ Пултускѣ.

Какая именно — неизвѣстно.

Въ средѣ мѣстнаго населенія утвердилось преданіе будто здѣсь погребено сердце фельдмаршала. Но на чемъ это преданіе зиждется,— намъ такъ и не удалось добиться.

Прахъ гр. Дибича не остался въ Пултускѣ, но и не былъ сразу перевезенъ въ Петербургъ, какъ гласитъ надпись. Его прежде нашли возможнымъ перевезти на родину графа, въ Пруссію [1]).

---

[1]) Гр. Іоганнъ-Карлъ-Фридрихъ (по-русски Ив. Ив.) фонъ-Дибичъ происходилъ изъ фамиліи бароновъ von Diebitsch und Narden. Род. въ 1785 г. Отецъ его былъ прусскій офицеръ, впослѣдствіи ген.-майоръ русской службы—Іог. Дибичъ. Образованіе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ въ Берлинѣ. На русскую службу поступилъ въ 1801 г. прапорщикомъ л.-гв. Семеновскаго полка. Дѣятельность его въ рядахъ нашей арміи въ общихъ чертахъ извѣстна.

Новое мѣсто упокоенія гр. Дибича-Забалканскаго находится не далеко отъ нашей государственной границы.

Направляясь изъ прусскаго городка Іоганнисбурга (древній польскій Iansborg) къ русской Винцентской таможнѣ, не доѣзжая послѣдней версты полторы, встрѣчаете небольшую прусскую деревушку Длоттовенъ (Dlottowen, по-польски Длутово). Около этой де-

Мѣсто погребенія графа Дибича близъ Длутова (въ Восточной Пруссіи).

ревни, въ разстояніи 1/4—много 1/2—версты, въ сторону отъ шоссе, на горкѣ, покрытой лѣсомъ, показываютъ «могилу Дибича» [1]).

Отъ шоссе идетъ сначала тропинка черезъ пахотное поле. Двигаясь по ней, вы подниметесь въ гору. Отсюда прямая, въ настоящее время заросшая травою, со слѣдами когда-то существовавшихъ здѣсь скамеекъ, аллея приведетъ васъ къ обширной площадкѣ, окруженной съ четырехъ сторонъ канавою и деревьями.

[1]) Нѣмцы называютъ это мѣсто Diebitszch-Plat.

Средину площадки занимаетъ насыпь, тоже четырехугольной формы, высотою до 2-хъ аршинъ. Разстояніе между границами площадки и каждою изъ сторонъ, находящейся посрединѣ ея насыпи, достигаетъ 1 сажени. На верхъ насыпи ведетъ дорожка. Здѣсь, въ травѣ, можно еще различить остатки цвѣточныхъ клумбъ. Слѣдовъ могилы никакихъ уже не сохранилось.

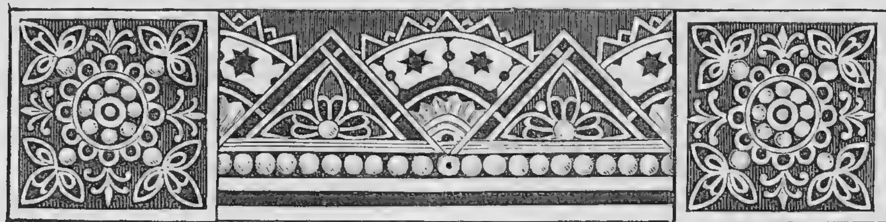
Хотя лѣса въ Пруссіи содержатся вообще въ большомъ порядкѣ, и длоттовенскій лѣсъ въ данномъ случаѣ не представляетъ исключенія, но все же бывшее мѣсто погребенія Дибича заслуживаетъ бо̀льшаго къ себѣ вниманія. Особенно, если принять во вниманіе слышанное нами въ Іоганнисбургѣ и въ Длоттовенѣ, будто русское правительство до сихъ поръ еще уплачиваетъ настоящему владѣльцу этого кусочка земли, іоганнисбургскому купцу (еврею) г. Шенману, ежегодно по 200 марокъ. Если это дѣйствительно такъ, то мы вправѣ ожидать видѣть на мѣстѣ бывшей могилы забалканскаго героя хотя бы простой камень или плиту съ коротенькою надписью, что здѣсь де тогда-то былъ погребенъ такой-то...

Тѣло Дибича, по разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, оставалось тутъ годъ съ небольшимъ. Въ 1833 г. оно было перевезено въ Мемель и оттуда доставлено морскимъ путемъ, на бригѣ «Ольга», черезъ Кронштадтъ въ Петербургъ.

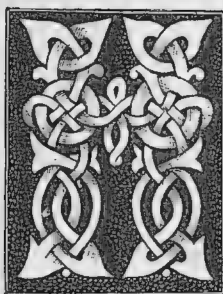
Въ настоящее время останки фельдмаршала покоятся на петербургскомъ Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою его жены—графини Женни Дибичъ, урожденной баронессы фонъ-Турнау, племянницы героя Отечественной войны, кн. М. Б. Барклая-де-Толли.

Г. А. Воробьевъ.

ПОДМОСКОВНОЕ СЕЛО ФИЛИ-ПОКРОВСКОЕ.

ЕДАЛЕКО отъ Москвы, въ трехъ верстахъ за Дорогомиловской заставой, по можайскому шоссе, высится очень красивая по своей архитектурѣ церковь; это—историческое село Фили, такъ памятное всякому русскому по 1812-му году. Здѣсь, 1-го сентября 1812 года, въ простой деревенской избѣ, принадлежавшей въ то время крестьянину Фролову, рѣшено было на военномъ совѣтѣ отступить и отдать Москву безъ боя непріятелю. Это былъ величайшій моментъ въ новой исторіи нашего отечества. Отечество было спасено, и слава русскаго оружія прогремѣла по всей Европѣ,—отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до самаго Парижа, водворяя миръ среди европейскихъ народовъ. Съ этого времени неизвѣстная дотолѣ изба крестьянина Фролова дѣлается священнымъ памятникомъ для каждаго русскаго человѣка, благодаря чему и самое село Фили пріобрѣтаетъ характеръ исторической мѣстности.

Первоначальная исторія этого села представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Нѣкогда Фили [1]) составляли главную часть такъ называемой

---

[1]) Первоначальное названіе села было не Фили, а Хвили—дано оно было, очевидно, по характеру мѣстности, изобиловавшей нѣкогда болотами, благодаря чему мѣсто было хвилое, не здоровое. Теперешнее двойное названіе Фили-Покровское село получило отъ находящейся въ немъ церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Кунцевской вотчины, въ составъ которой входили, кромѣ Филей, деревни Волынская (теперь село), Мазилово, Троицкое и др. Въ 1526 году она была подарена великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ III своему ближнему боярину, князю Ѳедору Михайловичу Мстиславскому. Случилось это, по всей вѣроятности, въ то время, когда князь Ѳедоръ пріѣхалъ изъ Литвы въ Москву на службу къ великому князю. Принятый въ Москвѣ съ большимъ радушіемъ, князь Ѳедоръ былъ пожалованъ Василіемъ III многими вотчинами, въ числѣ которыхъ были даже и города—Малый Ярославецъ и Кашира. Въ числѣ пожалованныхъ вотчинъ находилась, нужно думать, и Кунцевская. Хотя точныхъ историческихъ свѣдѣній на этотъ счетъ и не имѣется, тѣмъ не менѣе нѣтъ повода сомнѣваться въ этомъ, такъ какъ Кунцевская вотчина называлась всегда старинною вотчиною князей Мстиславскихъ [1]. Родъ князей Мстиславскихъ владѣлъ ею съ небольшимъ сто лѣтъ. Въ 1622 году, по смерти послѣдняго изъ князей Мстиславскихъ, боярина Ѳедора Ивановича, вотчина съ селомъ Филями, деревнями и пустошами, перешла по изволенію царя Михаила Ѳеодоровича во владѣніе сестры боярина, старицы Ирины Ивановны Мстиславской, скромной инокини Московскаго Вознесенскаго монастыря. Въ это время Фили уже были резиденціей княжеской вотчины. Расположенное при устьѣ рѣчки Фильки, недалеко отъ мѣста впаденія ея въ Москву-рѣку, на широко раскинутомъ мѣстѣ, окруженномъ частыми лѣсами, село было очень красиво. Въ селѣ была церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, съ придѣломъ зачатія св. Анны, деревянная, строенная «по-клѣтски», т. е. такъ, какъ изба-клѣть. Въ самомъ селѣ было тогда всего на всего пять крестьянскихъ дворовъ да три бобыльскихъ, съ 18 душами. Все группировалось на маленькомъ пространствѣ, отрѣзанномъ отъ прочаго міра могучими дубравами, изобиловавшими дикими звѣрями и прорѣзанными частыми болотами. Здѣсь было одно изъ любимыхъ мѣстъ княжеской охоты, съ рогатиною на дикаго звѣря или съ соколомъ и кречетомъ на полевую и болотную дичь. Вотъ тѣ свѣдѣнія, какія мы могли найти въ лѣтописяхъ о первоначальной исторіи этого села, ставшаго потомъ извѣстнымъ всей Россіи.

Въ 1630 году мирно скончалась благочестивая инокиня Ирина Ивановна Мстиславская. Послѣ ея смерти никого не оставалось изъ рода князей Мстиславскихъ, и поэтому Кунцевская вотчина, какъ выморочная, перешла, въ полномъ своемъ составѣ, въ дворцовое вѣдомство. Въ 1649 году мы уже видимъ въ Кунцевской вотчинѣ новыхъ владѣльцевъ. Царь Алексѣй Михайловичъ дарить ее своему тестю, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому, ранѣе не имѣвшему ни одной подмосковной вотчины, жалуетъ по обычаю,

---

[1] Кунцово и Сѣтунскій станъ, Забѣлина, стр. 144—145.

по которому считалось необходимымъ для каждаго близкаго къ государю человѣка имѣть подмосковное помѣстье. Но недолго ею владѣли Милославскіе. Пока былъ живъ царь, они пользовались своимъ привилегированнымъ положеніемъ, которое со смертью царя, какъ извѣстно, во многомъ измѣнилось. Милославскіе владѣли Филями болѣе сорока лѣтъ. Въ 1689 году на Филяхъ уже является новый помѣщикъ, родной дядя по матери Петру I, бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, строитель нынѣшней знаменитой своей архитектурой церкви. Щедро былъ пожалованъ царемъ его родичъ. Къ прежнему составу Кунцевской вотчины было еще вновь причислено три деревни и прирѣзано восемь пустошей [1]). Вступивъ въ управленіе вотчиной, Левъ Кирилловичъ перевелъ крестьянское населеніе Филей на большую Можайскую дорогу и поставилъ тамъ новую деревню Фили, въ которой въ 1704 году числилось 22 двора и 99 человѣкъ крестьянъ. Съ этого времени Фили перестали называться селомъ, а деревней; село же стало называться Ново-Покровское или Покровскимъ-Филями, по церкви Покрова Пресвятой Богородицы, и съ этихъ же поръ село Покровское стало считаться резиденціею владѣльца Кунцевской вотчины.

Новому помѣщику полюбилась его вотчина. Дѣйствительно, прекрасное мѣстоположеніе, обиліе лѣсовъ и воды, близость къ Москвѣ— все говорило въ ея пользу, и Левъ Кирилловичъ рѣшилъ устроить въ ней постоянное свое мѣстопребываніе. Былъ выстроенъ прекрасный домъ, въ стилѣ тогдашнихъ петровскихъ построекъ, разбитъ былъ огромный и прекрасный паркъ, выкопаны были вновь пруды, заведены были большія конюшни и охоты,—и жизнь забила ключемъ, во всю ширь тогдашняго шумнаго и обезпеченнаго барства. Близость къ царю, открытый и симпатичный характеръ новаго владѣльца сдѣлали домъ его мѣстомъ, куда съѣзжалась вся Москва, веселилась и угощалась радушнымъ и гостепріимнымъ бояриномъ. Любилъ посѣщать Фили самъ царь Петръ I. Въ посмертномъ сочиненіи М. П. Погодина о первыхъ годахъ самодержавія Петра I (1689—1694) приводится нѣсколько краткихъ выписокъ изъ дневника Петра Ивановича Гордона о посѣщеніи Петромъ села Покровскаго-Филей. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ записей.

«1690 года, 20 февраля. Провожали царя на Фили, обѣдали и ужинали тамъ у Льва Кирилловича Нарышкина и воротились домой въ 3-мъ часу по утру».

---

[1]) Кромѣ деревни Волынской, Троицкой и Мазилова, входившихъ первоначально въ составъ Кунцевской вотчины, въ нее вошли деревни: Гусарово—на Москвѣ рѣкѣ (нынѣ не существующая), Иское—на Москвѣ рѣкѣ (тоже не существующая) и самое Кунцево (нынѣ село), и восемь пустошей: Ветино, Шевелево, Шульгино, Игнатьево, Матренино, Якимово, Корелино и Петройково.

Храмъ во имя Спаса Нерукотвореннаго и Покрова Богородицы, на Филяхъ, построенный Л. К. Нарышкинымъ въ 1693 году.

«1690 года, 12 іюля. Былъ праздникъ у князя Михаила Ивановича Лыкова; вечеромъ все общество отправилось ко Льву Кирилловичу Нарышкину».

«1690 года 20 іюля. Были приглашены царемъ на Фили, гдѣ очень много веселились».

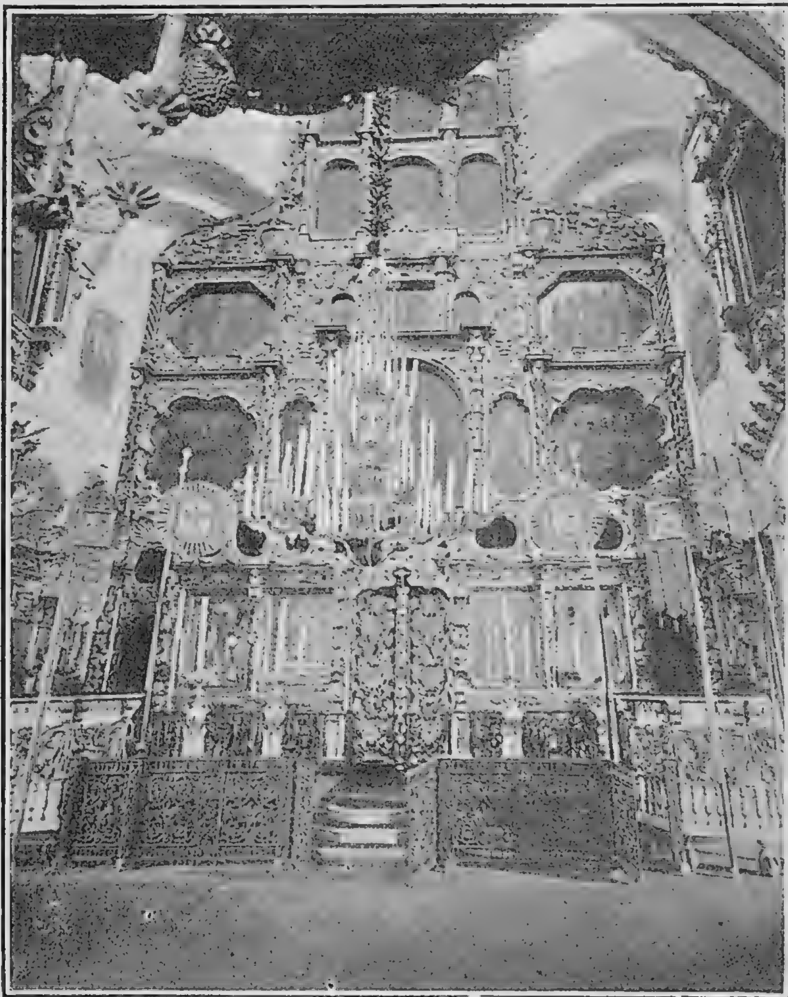
Были еще посѣщенія, и довольно частыя, но всѣ они носятъ одинаковый характеръ.

Одновременно съ устройствомъ своей резиденціи, новый владѣлецъ вотчины рѣшилъ выстроить въ ней величественный храмъ на мѣстѣ существовавшаго ранѣе деревяннаго, уже ветхаго храма. Въ памяти боярина еще живы были воспоминанія объ ужасахъ мятежнаго времени; еще не такъ давно жизнь его подвергалась опасности во время стрѣлецкихъ бунтовъ. Живо еще стояла предъ нимъ картина стрѣлецкаго разгрома въ царскомъ теремѣ, смерть брата его Ивана, упавшаго съ разсѣченной головой, чудесное его избавленіе отъ смерти въ то время, когда двери опочивальни уже ломились подъ ударами стрѣльцовъ, и онъ, потерявшій уже надежду на спасеніе, стоялъ на колѣнахъ передъ иконой Спаса. Безслѣдно это не могло пройти. И вотъ, движимый чувствомъ благодарности Богу за избавленіе отъ смерти, Левъ Кирилловичъ строитъ въ 1693 году у себя, на Филяхъ, чудной архитектуры храмъ, вызывающій собою восторгъ и доселѣ; ставитъ тамъ два престола: одинъ въ верхнемъ этажѣ, во имя Спаса Нерукотвореннаго, а въ нижнемъ—оставляетъ стародавній престолъ во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Храмъ построенъ въ стилѣ эпохи возрожденія. Храмъ весь въ орнаментахъ. Орнаментовка какъ снаружи, такъ и внутри поражаетъ правильностью своихъ архитектурныхъ линій, богатствомъ своей отдѣлки, безъ нарушенія, однако же, изящнаго вкуса и строгой гармоніи частей. Прочность и массивность постройки не мѣшаютъ красотѣ цѣлаго. Видимо, строитель не жалѣлъ ни средствъ, ни усилій, чтобы создать храмъ, достойный имени Божія. Церковь—двухъярусная. Въ верхній ярусъ ведетъ особый входъ по четыремъ лѣстницамъ и окружающей храмъ галлереѣ. Храмъ въ четыре пояса, съ колокольней въ трибунѣ. Второй поясъ увѣнчанъ четырьмя главами; одна изъ нихъ съ западной стороны (со стороны входа въ верхній храмъ) украшена двуглавнымъ орломъ; короною также увѣнчанъ крестъ на главной главѣ храма. Есть свѣдѣнія, что самъ Петръ жертвовалъ на устройство храма. Изъ дневника того же Гордона видно, что царемъ дано было между прочимъ 400 червонцевъ на украшеніе главъ и крестовъ. Царь любилъ бывать въ храмѣ. По своему обыкновенію, онъ становился на клиросъ, пѣлъ и читалъ; для семьи же было устроено особое царское мѣсто, увѣнчанное короною, сохранившееся доселѣ.

Въ верхней церкви, во имя Спаса Нерукотвореннаго, прекрасно сохранился и до настоящаго времени великолѣпный, исполненный въ стилѣ рококо, иконостасъ, досягающій своими восемью поясами самыхъ сводовъ храма и завершающійся Распятіемъ съ изображеніемъ Богоматери и св. Іоанна Богослова. Изъ достопримѣчательностей храма прежде всего обращаетъ на себя вниманіе храмовая

икона во имя Спаса Нерукотвореннаго. Это та самая икона, предъ которою молился Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ во время стрѣлецкаго погрома въ Московскомъ кремлѣ. По всей вѣроятности, этотъ храмъ и поставленная въ немъ комнатная икона Спасителя были обѣтнымъ приношеніемъ боярина Господу за свое избавленіе

Иконостасъ храма Спаса Нерукотвореннаго и Покрова Богородицы.

отъ смерти. Такого взгляда держится и мѣстная лѣтопись, которая гласитъ: «храмовая икона Спасителя, подобіе нерукотворенной, особо чтима была храмоздателемъ, бояриномъ Львомъ Кирилловичемъ, братъ котораго, Иванъ Кирилловичъ, былъ убитъ въ стрѣлецкій бунтъ, а онъ, Левъ Кирилловичъ, спасенъ былъ при упованіи на милосердіе Спасителя и чествованіе его нерукотворен-

наго образа, который образъ имъ же, Львомъ Кирилловичемъ, и пожертвованъ въ церковь». Образъ стариннаго греческаго письма. На немъ греческая же надпись: τὸ ἅμον μαντόγιον», а внизу-стихи, написанные по-славянски:

Іисусе, Сыне живота Бога,
Милосердія пучина премнога!
Вѣмы, яко на Тя кто уповаетъ,
Отъ всѣхъ злыхъ спасенъ бываетъ.
Авгарь князь на Тя надежду имяше,
Симъ Твоимъ зракомъ съ домомъ спасенъ бяше.
И нынѣ зрящимъ, Христе, на образъ Твой,
Въ молитвѣ приносящимъ къ Тебѣ гласъ свой,
Льву, вѣрну рабу своему,
Милость Свою подаждь и дому всему,
Немятежное даруй благоденство;
По семъ на небеси вѣчное блаженство».

Стихи эти неизвѣстнаго автора. Самая икона вышиною 8, а шириною 7 вершковъ; украшена брилльянтами, изумрудами, рубинами, алмазами и другими драгоцѣнными камнями, въ золотой ризѣ. Мѣстныя иконы: Успенія Божіей Матери, св. апостоловъ Петра и Павла, свв. мучениковъ Адріана и Наталіи, св. Льва, папы римскаго, и св. муч. Параскевы—соименны семейству царя Алексѣя Михайловича и Нарышкиныхъ и писаны знаменитымъ иконописцемъ XVII вѣка Карпомъ Золотаревымъ. Существуетъ предположеніе, что лики на нѣкоторыхъ изъ иконъ списаны съ живыхъ оригиналовъ изъ семьи Нарышкиныхъ.

Кромѣ этого, заслуживаютъ вниманія: а) три евангелія, изъ которыхъ одно въ мѣдномъ окладѣ, изд. 1681 года; другое безъ оклада, напечатанное въ 1688 г., въ листъ на бѣлой бумагѣ, и третье, изд. 1689 г., на бѣлой полуалександрійской бумагѣ, вышиною въ доскахъ одинъ аршинъ безъ $^3/_8$ в. и шириною въ 10 $^1/_2$ в., въ чеканномъ вызолоченномъ серебряномъ окладѣ; в) старинный напрестольный серебряный вызолоченный крестъ вышиною въ $9^1/_2$ в., внутри коего древо со св. мощами разныхъ угодниковъ Божіихъ. По преданію, окладъ для Евангелія 1689 года былъ пожертвованъ Петромъ I, а напрестольный крестъ царицею Натальею Кирилловною Нарышкиной; с) пара старинныхъ вызолоченныхъ кадилъ, ковши, кубки, шелковое полотенце, вышитое собственноручно Натальею Кирилловной. Кромѣ этихъ предметовъ, заслуживающихъ вниманія по своей старинѣ и исторіи своего происхожденія, интересны также хранящіяся въ ризницѣ аксамитовыя древнія облаченія съ тремя таковыми же покровами для св. Даровъ. На покровахъ кресты крупнаго жемчуга.

Есть еще въ этой церкви древности, которыя обращаютъ на себя вниманіе своею оригинальностью, это—старинныя стекла съ

Евангеліе 1689 года и напрестольный крестъ, пожертвованный царицею Натальей Кирилловной.

художественно выполненными на нихъ рисунками. Ихъ хранится сейчасъ въ церковной ризницѣ 84 штуки. Ранѣе ихъ было гораздо болѣе. До 1812 года стекла эти помѣщались въ оконницахъ верхней церкви. Въ этотъ годъ, когда церковь была занята французами, рамы были всѣ расхищены, и только одна изъ нихъ была впослѣдствіи найдена въ канавѣ, на мѣстѣ бывшей стоянки фран-

цузскаго лагеря. Цвѣтъ стеколъ зеленоватый; длина ихъ 3 вершка, ширина 2 вершка. Есть преданіе, о чемъ говоритъ мѣстная лѣтопись, что стекла эти были вывезены Петромъ I изъ покоренной имъ Нарвы. Происхожденіе ихъ несомнѣнно изъ Прибалтійскаго края, ибо на нѣкоторыхъ изъ нихъ изображены гербы прибалтійскихъ дворянъ, и даты указываютъ на петровское время. Всѣ они имѣютъ подъ гербами подписи на нѣмецкомъ языкѣ, латинскими буквами. Считаемъ далеко нелишнимъ помѣстить описаніе ихъ, въ виду значенія ихъ для геральдики дворянскихъ остзейскихъ родовъ. Стекла эти не разъ обращали на себя вниманіе. По словамъ настоятеля церкви, протоіерея В. П. Гурьева, любезно предложившаго намъ осмотрѣть всѣ достопримѣчательности храма, въ томъ числѣ и эти стекла, къ нему не разъ обращались съ просьбой пожертвовать ихъ въ Рижскій музей. Въ 1892 году два раза осматривала ихъ спеціально пріѣзжавшая въ Фили группа офицеровъ конногвардіи, принадлежавшихъ къ титулованнымъ родамъ Отзейскаго края. По ихъ словамъ, изображенные на стеклахъ гербы, дѣйствительно, гербы прибалтійскихъ владѣтельныхъ особъ. Такихъ стеколъ 25 штукъ. Вотъ подробное описаніе ихъ.

1) Гербъ, на верху котораго орелъ; въ серединѣ справа изображеніе полуорла, слѣва къ этому изображенію примыкаютъ три изсѣченныхъ конуса, положенные горизонтально одинъ на другой. Внизу, подъ гербомъ, надпись: H. Henrich Pieper Königl. Stadthalter in Narva. Года нѣтъ.

2) Гербъ, вверху котораго подобіе лиры безъ струнъ; среди герба нарисована птица, сидящая на вѣткѣ. Внизу подписано: H. Iohann Lahrson Mether. Года тоже нѣтъ.

3) Вверху герба нарисованъ человѣкъ въ средневѣковомъ одѣяніи, въ лѣвой рукѣ держитъ обнаженный мечъ. Въ серединѣ герба нарисовано дерево, стоящее въ водѣ; подъ деревомъ плаваютъ два лебедя; вверху вьются птицы. Внизу подпись: Iohann Böökman. Anno 1691.

4) Вверху среди крыльевъ какой-то значекъ; въ срединѣ герба бѣгущая лисица; надъ нею три такихъ же значка, какъ и вверху; надпись: Christian Volff. Anno 1688.

5) Вверху герба изображенъ рыцарь; въ лѣвой рукѣ его жезлъ съ двумя змѣиными головами вверху; подъ нимъ бюстъ рыцаря, на шеѣ котораго орденъ въ видѣ креста; посрединѣ герба положены крестомъ двѣ пушки; вокругъ нихъ ядра. Внизу герба подпись: Ionas Hallberg Stuck Inneker. Anno 1691. Первое слово можно читать и Ionas и Iohas.

6) Вверху герба звѣзда, подъ нею бюстъ. Посрединѣ лебедь, а внизу подпись: Nicolaus Vitte. Anno 1688.

7) Вверху герба утка; въ срединѣ семь крупныхъ звѣздъ. Внизу подпись: Hinrich Iohan Men Schier Leütenant. Года нѣтъ.

Древнія кадила, ковши, кубки и блюда. Шелковое полотенце, вышитое шелками, серебряными и золотыми нитками царицей Натальей Кирилловной.

8) Вверху герба вѣеръ изъ павлиныхъ перьевъ; посрединѣ герба поставлено пять копій, остріемъ вверхъ. Внизу подпись: Iohn Täylor. Anno 1687.

9) Вверху герба вѣтвь; по срединѣ двѣ перекрещенныя вѣтви; внизу подпись: Samuel Vichlerus. Anno 1691.

10) Вверху — бѣгущій конь; посрединѣ герба два перекрещенныхъ трезубца, оперенные внизу; подъ ними подпись: Thomas Herbers. Года нѣтъ.

11) Вверху герба три розы; среди герба воловья голова. Внизу подпись: Niclas Tiecher. Года нѣтъ.

12) Вверху герба гроздья винограда; посрединѣ перекрещены двѣ косы; вверху и внизу, въ образуемыхъ ими углахъ, по звѣздѣ, а съ боковъ маски, помѣщенныя въ полумѣсяцахъ. Внизу герба подпись: Rudolpt Steffens. Даты нѣтъ.

13) Вверху герба — нагой человѣкъ, съ вѣнкомъ на головѣ и держитъ въ рукахъ вѣтвь; въ срединѣ герба распустившійся цвѣтокъ. Внизу подпись: Margareta Iacobi. Anno 1691.

14) Вверху герба гроздья винограда; въ срединѣ левъ, держащій въ лапахъ молотъ. А внизу подпись: Christian Serlin. Anno 1691.

15) Вверху герба рука, держащая кисть винограда; въ основаніи руки рыцарскій бюстъ съ орденомъ на шеѣ; въ срединѣ герба помѣщенъ орелъ, парящій среди звѣздъ. Внизу подпись: Fridrich Schvengel. Anno 1689.

76) Вверху герба рука съ крыльями, держащая плодъ съ цвѣтами; ниже рыцарскій бюстъ съ орденомъ на шеѣ; въ срединѣ изображена пантера, подъ ногами которой три рыбы, а внизу подпись: K. Barbara Möller. Года нѣтъ.

17) Вверху подобіе орла; среди герба нарисовано дерево, а внизу подпись: Oloff Iönson Seck. Anno 1691.

18) Вверху три розы, исходящія изъ бюста рыцаря, у котораго нѣтъ головы; по срединѣ герба изображено дерево съ листьями. Внизу герба подпись: Eriens Alboyns. Anno 1692.

19) Вверху рыцарь въ полномъ вооруженіи; въ лѣвой его рукѣ обнаженная сабля; въ срединѣ герба на лентѣ, положенной съ угла на уголъ, нарисованы три крупныя звѣзды, а подъ ними подписано: Carel Molm Fenderich. Года нѣтъ.

20) Одинъ изъ угловъ стекла отбитъ; вверху виднѣется, какъ будто, рука; въ срединѣ помѣщена рука съ дымящимся пистолетомъ. Внизу подпись: Christofer Vilgelm Armfeld Fendrich. Anno 1689.

21) Сохранилась только половина стекла; въ срединѣ герба дерево; подъ нимъ пирамида ядеръ, которыя воспламеняетъ трезубцемъ человѣкъ въ костюмѣ XVII вѣка.

22) Сохранилась только часть стекла съ подписью: Nicolaus Kohl. Даты нѣтъ.

23) Верхняя часть герба отбита; въ срединѣ его яблочная вѣтвь съ плодами, внизу же подпись: H. Iohann Christoffer Schvart Bürgermeister. Года нѣтъ.

24) Сохранилась только нижняя часть стекла; среди герба, какъ можно судить по остатку рисунка, поставлена монограмма изъ двухъ M, внизу подпись: Iohan Hinrichson Kors Büessalter. Anno 1668; по бокамъ подписи по одному ангелу.

25) Сохранилась половина стекла; среди герба три крупныя звѣзды, а внизу подпись: Peter Rode. Anno 1688.

Остальныя стекла имѣютъ на себѣ изображенія библейскихъ событій, библейскихъ лицъ, ангеловъ, цвѣтовъ, вѣтвей и простыхъ узоровъ. На одномъ стеклѣ, напримѣръ, нарисованъ Ной, спящій въ виноградникѣ; на другомъ исполнено въ нѣсколько красокъ жертвоприношеніе Исаака; на третьемъ—убійство Авеля Каиномъ; на четвертомъ изображенъ Іоаннъ Креститель, въ видѣ мальчика, съ посохомъ—крестомъ въ рукахъ, и около него агнецъ; рисунокъ этотъ въ нѣсколько красокъ; другой, точно такой же, рисунокъ

Кутузовская изба въ Филяхъ.

исполненъ въ одну краску—черную. Также двояко исполнено изображеніе Христа, въ видѣ отрока, съ благословляющей десницею и съ державой въ шуйцѣ. Есть еще изображеніе Давида съ гуслями въ одной рукѣ и псалтирью—въ другой.

На всякаго, бывающаго въ Филяхъ, церковь производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Чѣмъ больше глядишь на нее, тѣмъ больше она нравится стройностью своей формы и легкостью своихъ архитектурныхъ линій. Внутри ея—обиліе свѣта, прекрасной работы иконостасъ, драгоцѣнная утварь, великолѣпно писанныя иконы въ богатѣйшихъ окладахъ, художественной работы подсвѣчники, паникадила знаменитаго мастера Полтавцева и т. д. Все это дѣлаетъ

церковь однимъ изъ прекраснѣйшихъ московскихъ храмовъ. Непріятельскій разгромъ 1812 года почти не коснулся ея, хотя попытки, несомнѣнно, и были. За цѣлость церковнаго имущества и священной утвари достоинъ благодарной памяти священникъ Григорій Гавриловичъ Котловъ, бывшій свидѣтелемъ 1812 года. Объ этомъ въ мѣстной лѣтописи говорится такъ: «вся священная утварь и прочее имущество церковное въ 1812 году спасены отъ непріятелей въ сѣверной главѣ церкви пробитіемъ во внутренность оной изъ входа на колокольню противъ самаго царскаго мѣста стѣны, которая, по положеніи въ главу церковнаго имущества, такъ была искусно задѣлана, что непріятели никакъ не могли примѣтить. Для сохраненія носили церковное имущество мѣстный священникъ съ причетниками и старостою церковнымъ секретно отъ прочихъ. Работники-каменщики были приглашены извѣстные своею доброю нравственностью, которые, по задѣланіи стѣны, забѣливъ оную подъ старую, отправились немедленно въ свою сторону отъ непріятелей, во Владимирскую губернію. Вѣчная память бывшему тогда настоятелю Григорію Гавриловичу Котлову и ктитору церковному купцу Андрею Прохоровичу Кашину, по благоразумному распоряженію коихъ промысломъ Божіимъ, подъ покровомъ Божіей Матери, соблюдена вся священная драгоцѣнная утварь». Достойный пастырь скончался въ 1825 году, переживъ на себѣ всѣ ужасы войны 1812 года. Между прочимъ, о. Григорію выпало счастіе встрѣчать государя Александра Павловича. Это было послѣ посѣщенія государемъ Москвы въ ночь на 11-е іюня, когда онъ проѣзжалъ по Можайскому тракту, близъ села Филей. Картина была поразительная. При свѣтѣ факеловъ и свѣчей, съ крестомъ въ рукахъ, отецъ Григорій встрѣтилъ государя и благословилъ его при словахъ: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его». Государь, сдѣлавъ земной поклонъ, съ глубокимъ вздохомъ приложился къ кресту.

Строитель церкви, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, умеръ въ 1705 г., 28 января. Послѣ его смерти осталось трое сыновей: Александръ, Иванъ и Евграфъ Львовичи. Вотчины, отказанныя имъ отцемъ (по 1604 двора каждому), въ томъ числѣ Покровское-Фили, не были раздѣлены между ними за ихъ малолѣтствомъ и долго оставались въ общемъ владѣніи. По смерти Евграфа, Иванъ и Александръ Львовичи раздѣлились, при чемъ извѣстно, что Кунцово досталось Александру, а были ли отдѣлены Фили для Ивана—неизвѣстно. Можно думать, что они такъ и остались за Александромъ. Скончался онъ въ 1742 г., 25 января. Послѣ Александра остались сыновья Александръ и Левъ. Фили перешли къ первому.

Изъ жизни этого помѣщика нелишнимъ считаемъ отмѣтить посѣщеніе его въ 1763 году, въ Филяхъ, императрицею Екатериною II. Оказывая свое всемилостивое благоволеніе къ оберъ-шенку Александру Александровичу и шталмейстеру Льву Александровичу, го-

сударыня изволила удостоить своимъ посѣщеніемъ ихъ подмосковные дома съ придворною свитою. Это случилось въ годъ коронаціи, лѣтомъ 1763 г., 7 іюня, въ субботу. Изъ Москвы до перевоза черезъ Москву рѣку (около деревни Шелепихи) императрица ѣхала въ каретѣ, а черезъ рѣку переправлялась на великолѣпно убранномъ паромѣ А. Нарышкина. Поѣздъ направился прежде въ село Покровское-Фили и встрѣченъ былъ при колокольномъ звонѣ священникомъ села съ крестомъ, при чемъ производилась пушечная пальба. Государыня, приложившись къ кресту, изволила пройти въ

Походный экипажъ Кутузова въ 1812—1813 годахъ.

церковь, гдѣ совершено было молебствіе, потомъ въ покои хозяина, гдѣ былъ приготовленъ роскошный столъ. Во время его, при пушечной пальбѣ, было пито за здоровье ея величества, потомъ цесаревича, затѣмъ за всѣхъ вѣрныхъ рабовъ ея величества и, наконецъ, за здоровье домохозяина съ его фамиліею. По окончаніи обѣда, государыня гуляла въ паркѣ и оттуда проходила смотрѣть яхту, которая была сдѣлана до начатія россійскаго флота и хранилась въ нарочито устроенномъ мѣстѣ. Изъ Покровскаго императрица съ своею свитою поѣхала въ стоявшій гдѣ-то вблизи лагерь армейскихъ полковъ, а затѣмъ въ Кунцево. Изъ Кунцева, при пушечной пальбѣ, возвратилась въ Москву, трактомъ черезъ Покров-

ское, гдѣ церковь, и домъ помѣщика, и вся дорога до перевоза пребогато были иллюминованы [1]).

Послѣ смерти Александра Александровича, Покровское оставалось въ родѣ Нарышкиныхъ до 1868 года. Послѣднимъ помѣщикомъ былъ оберъ-камергеръ Эммануилъ Дмитріевичъ Нарышкинъ, которымъ одна часть земли была отдана въ вѣчное владѣніе бывшимъ у него управляющимъ гг. Гурьеву, Бранову и Гундыреву, а другая была продана потомственному почетному гражданину П. Г. Шелапутину.

Драгоцѣнный памятникъ войны 1812-го года, Кутузовская изба, свидѣтельница военнаго совѣта героевъ отечественной войны, стоитъ на большой Можайской дорогѣ, въ двухъ верстахъ отъ Москвы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится поворотъ съ шоссе на дорогу къ Филямъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ Кутузовская изба представляетъ собою копію съ прежней, сгорѣвшей въ 1868 г., 7-го іюля. Принадлежала она крестьянину Фролову. Одному изъ любителей московской старины и библіографу А. А. Астапову удалось видѣть Кутузовскую избу въ первоначальномъ видѣ, до пожара. По его словамъ, въ избѣ еще былъ цѣлъ дубовый столъ, за которымъ засѣдали члены военнаго совѣта. Край его былъ расщепленъ. Ветеранъ-гвардеецъ разсказывалъ А. А. Астапову, что Кутузовъ, слушая оживленные споры генераловъ, всталъ съ своего кресла и при словахъ: «приказываю отступать», такъ сильно ударилъ по столу, что столъ на углу треснулъ. Къ сожалѣнію, столъ этотъ сгорѣлъ. До пожара сохранялась въ избѣ вся обстановка военнаго совѣта: скамьи, кресло, знаменитая чернильница и проч. На стѣнахъ были портреты засѣдавшихъ на совѣтѣ генераловъ; хранилась въ избѣ также книга для записи лицъ, посѣщавшихъ ее. Въ 1826 году, между прочимъ, ночевалъ въ ней великій князь Константинъ Павловичъ, ѣхавшій въ Москву на коронацію императора Николая Павловича. Во время пожара успѣли вынести только иконы, портреты, да большую сосновую скамью, стоявшую у стола, въ переднемъ углу [2]); остальное же стало жертвою пламени. Мѣсто, гдѣ стояла изба, принадлежало владѣльцу Филей Э. Д. Нарышкину, который послѣ пожара предложилъ Московской думѣ взять его для устройства на немъ памятника; но дума, не желая почему-то взять его даромъ, заплатила Нарышкину за него 200 рублей. Г. Нарышкинъ возвратилъ ихъ думѣ для устройства на этомъ мѣстѣ памятника фельдмаршалу Кутузову. Остатки сгорѣвшей избы были проданы думой за 40 рублей. До 1883 г. здѣсь ничто не напоминало о существованіи исторической избы. Въ этотъ годъ, послѣ коронаціи покойнаго императора Александра III, офицеры гренадер-

---

[1]) «Кунцево и Сѣтунскій станъ», Забѣлина, стр. 205.

[2]) Одна изъ трехъ, на которыхъ засѣдали члены военнаго совѣта.

скаго корпуса, желая увѣковѣчить историческое мѣсто совѣта 1812 г., возбудили ходатайство объ устройствѣ памятника на мѣстѣ сгорѣвшей избы. На собранныя ими средства были поставлены двѣ мраморныя доски на верстовомъ столбѣ, стоявшемъ на дорогѣ, вблизи избы, съ слѣдующими надписями: 1) «На мѣстѣ этомъ находилась изба, принадлежащая крестьянину деревни Филей, Фролову, гдѣ 1-го сентября 1812 года былъ военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ князя Кутузова, рѣшившаго участь Москвы и спасеніе Россіи. Изба сгорѣла 7-го іюня 1868 г. Офицеры гренадерскаго корпуса, бывшіе на военной прогулкѣ въ 1883 г. въ окрестностяхъ Москвы, проникнувшись благоговѣніемъ къ историческому мѣсту, возымѣли желаніе увѣковѣчить это мѣсто камнемъ и обнести его оградой, что̀ и исполнено заботами и усердіемъ чиновъ гренадерскаго корпуса 8-го ноября 1883 г.» 2) На другой доскѣ надпись такого содержанія: «На совѣтѣ фельдмаршалъ высказалъ, что «съ потерею Москвы еще не потеряна Россія. Поставляю въ обязанность сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель, и потому намѣренъ, пройдя въ Москву, отступить по Рязанской дорогѣ». Закончилъ онъ совѣтъ такъ: «Мнѣ придется поплатиться за все; пожертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать». Эти двѣ надписи и до сихъ поръ цѣлы; онѣ находятся во дворѣ противъ самаго фасада Кутузовской избы. Такимъ образомъ, послѣ сгорѣвшей избы однѣ лишь надписи на мраморныхъ доскахъ служили напоминаніемъ о бывшемъ въ 1812 году совѣтѣ. Въ 1887 году общество хоругвеносцевъ Московскаго собора Христа Спасителя исходатайствовало черезъ московскаго генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукова, дозволеніе возобновить на свой счетъ историческую избу по первоначальному ея плану, и въ тотъ же годъ, ровно черезъ 75 лѣтъ, послѣ того какъ русскія войска бились съ французами подъ Смоленскомъ, была освящена Кутузовская изба.

Изба построена по типу обыкновенныхъ деревенскихъ избъ, изъ сосноваго лѣсу; крыша покрыта, вѣроятно, въ подражаніе сгорѣвшей избѣ, соломою подъ гребенку. Въ избу ведетъ крылечко, раздѣляющее ее на двѣ половины: одну изъ нихъ занимаетъ собственно изба, а другая отведена подъ помѣщеніе призрѣваемыхъ ветерановъ. На избѣ надписи: «Изба военнаго совѣта, бывшаго 1-го сентября 1812 г.» и «Возобновлена высочайше утвержденнымъ обществомъ хоругвеносцевъ Московскаго каѳедральнаго Христа Спасителя собора въ 1887 г.». Постройка ея производилась подъ наблюденіемъ архитектора Н. Р. Струкова, а внутреннее размѣщеніе подъ руководствомъ художника Р. М. Струкова.

Новая «Кутузовская изба» представляетъ собою довольно большое помѣщеніе. Въ переднемъ углу находится божница и большой простой столъ, уставленный скамьями, изъ которыхъ одна та самая,

на которой сидѣли члены военнаго совѣта. Ближайшій къ божницѣ простѣнокъ занятъ портретами Кутузова и участвовавшихъ въ совѣтѣ генераловъ: Барклай-де-Толли, Беннигсена, Дохтурова, Уварова, Ермолова, Коновницына и Раевскаго. Въ окнѣ, между простѣнками, поставленъ гипсовый бюстъ Кутузова, принесенный въ даръ правнукомъ князя, С. Н. Розановымъ. Бюстъ сдѣланъ по гипсовой маскѣ, снятой съ лица, и переходилъ изъ рода въ родъ.

Тутъ же стоитъ бронзовая модель памятника, поставленнаго Кутузову королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ Германіи, въ городѣ Юнгъ-Бунцлау, гдѣ скончался Кутузовъ. На другихъ трехъ стѣнахъ избы находятся портреты въ бозѣ почивающихъ императоровъ: Александра I, Николая I, Александра II и Александра III и нынѣ царствующаго Николая II. Тутъ же портретъ и Наполеона I въ натуральный ростъ, сидящаго въ креслѣ. Кромѣ того, на стѣнахъ виситъ много картинъ, изображающихъ различные эпизоды изъ войны 1812 года, начиная съ битвы подъ Бородинымъ и кончая разбитіемъ французской арміи подъ Березиной; среди ихъ картина военнаго совѣта, копія съ извѣстной картины художника Кившенко. Много портретовъ Кутузова, картинъ и гравюръ изъ его жизни. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ прекрасно исполненная гравюра, изображающая предсмертныя минуты Кутузова, надъ которымъ священникъ читаетъ отходную молитву. Подъ гравюрой надпись на французскомъ языкѣ, объясняющая, что она исполнена съ натуры полковникомъ Ефимовичемъ, 16-го апрѣля 1813 года, слѣдовательно, наканунѣ смерти Кутузова. Для біографовъ Кутузова это—драгоцѣннѣйшая картина, такъ какъ она передаетъ и портреты всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя присутствовали при кончинѣ нашего безсмертнаго фельдмаршала, и самую залу, въ которой онъ скончался. Не менѣе также интересна и старинная раскрашенная гравюра, изображающая ввезеніе въ Петербургъ тѣла Кутузова, 11-го іюня 1813 года. Видъ снятъ у Петергофской заставы.

Между прочимъ, въ избѣ хранится очень интересная юмористическая азбука съ каррикатурами на Наполеона и его генераловъ, рисованными академикомъ Теребеневымъ, изд. 1813 года. Рисунки хранятся подъ стекломъ. Изданіе это подарено сенаторомъ Ровинскимъ ко дню освященія избы.

Наконецъ, для увѣковѣченія памяти героя недавно принесенъ былъ въ даръ Кутузовской избѣ его походный экипажъ, въ которомъ ѣздилъ фельдмаршалъ въ 1812 — 1812 гг.

Этотъ даръ принесенъ правнукомъ Кутузова, егермейстеромъ высочайшаго двора Павломъ Павловичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ-Толстымъ, къ которому онъ перешелъ по наслѣдству. Экипажъ этотъ, нѣсколько похожій на коляску, находился въ имѣніи Кутузова, деревнѣ Мочь, при с. Вороновѣ, по старой Калужской дорогѣ,

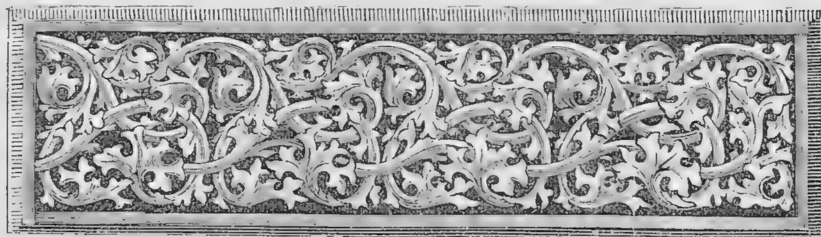
Подольскаго у., Московской губ., въ 40 верстахъ отъ Москвы. Для него хоругвеносцы храма Христа Спасителя выстроили особенное каменное помѣщеніе тутъ же около избы.

Москвичи очень охотно посѣщаютъ Кутузовскую избу. Тысячи подписей въ шнуровой книгѣ свидѣтельствуютъ объ этихъ посѣщеніяхъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются подписи высочайшихъ особъ. Есть подписи иностранцевъ. Въ общемъ, послѣдовательно изъ года въ годъ, начиная съ года освященія избы, перебывало въ ней 5.448 человѣкъ.

Нельзя не выразить чувства признательности Московскому обществу хоругвеносцевъ храма Христа Спасителя, возстановившихъ на свои средства этотъ драгоцѣнный для Россіи памятникъ и заботливо поддерживающихъ его и доселѣ. Ими же устроенъ при избѣ пріютъ для престарѣлыхъ ветерановъ, содержащійся на ихъ же счетъ. Благодаря имъ же, ежегодно, каждое 1-ое сентября, совершаются въ мѣстномъ храмѣ архіерейская служба и крестный ходъ въ избу.

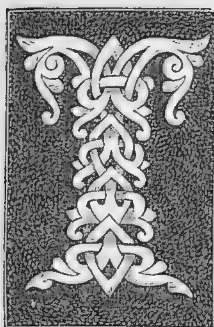
Свящ. Ѳ. Никольскій.

ВЪ ТАВРІЮ ЗА ВОЛЕЙ.

(Воспоминанія очевидца).

ОЛЬКО что окончившееся XIX-е столѣтіе было въ Россіи чрезвычайно богато событіями, какъ во внѣшнихъ международныхъ ея отношеніяхъ, такъ и въ перестройкахъ, ломкахъ, реформахъ и перемѣнахъ во внутренней государственной ея жизни.

Поколѣніе русскихъ людей, составлявшее преобладающее большинство дѣятелей и непосредственныхъ участниковъ крестьянской реформы 1861 года, теперь глубокіе старики или приближающіяся къ этому возрасту лица, были свидѣтелями многаго интереснаго и многое кое-что могутъ вспомнить, какъ очевидцы, разсказать и придать вѣрное освѣщеніе фактамъ великихъ событій ломки государственной жизни Россіи во второй половинѣ XIX столѣтія.

Многое уже разсказано и освѣщено въ русской литературѣ, но далеко не всѣ подробности этихъ событій исчерпаны, и много остается еще разсказать, хотя мѣстныхъ и относительно мелкихъ, но крайне характерныхъ эпизодовъ, предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за крупнымъ событіемъ второй половины этого столѣтія, освобожденіемъ крестьянскаго населенія отъ крѣпостной зависимости.

Одинъ такой, тоже мелкій и совершенно мѣстный, но надѣлавшій въ свое время большого переполоха случай произошолъ въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ въ 1856 году, то-есть

почти за годъ до высочайшаго манифеста объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи.

Крестьяне Екатеринославскаго и Верхнеднѣпровскаго уѣздовъ Екатеринославской губерніи и Херсонскаго, Бобронецкаго, Александровскаго и части Елисаветградскаго уѣздовъ Херсонской губерніи, подбиваемые и научаемые, въ тиши и тайнѣ, злонамѣренными ненавистниками Россіи, почти поголовно, со всѣмъ своимъ имуществомъ и хозяйствомъ, поднялись съ насиженныхъ своихъ мѣстъ и пошли за волей въ Крымъ, гдѣ въ Перекопѣ, какъ увѣрили крестьянъ эти злонамѣренные сѣятели смутъ и безпорядковъ, «въ золотой палаткѣ сидитъ царь и всѣмъ пришедшимъ раздаетъ волю, а неявившіеся или опоздавшие остаются попрежнему въ панской неволѣ».

Большой былъ переполохъ и суматоха, и почти все населеніе этихъ уѣздовъ, въ косовицу передъ самыми жнивами, въ самую рабочую пору года, поднявшись кое-какъ и побросавши все, чего не могло взять съ собой, двинулось пѣшкомъ, на лошадяхъ и воловыхъ подводахъ въ Крымъ.

Желая разсказать, какъ очевидецъ, о ходѣ въ предѣлахъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи и Херсонскаго уѣзда Херсонской губерніи этого довольно характернаго происшествія, я вынужденъ, для послѣдовательности и ясности разсказа, сказать нѣсколько словъ о себѣ и тѣхъ отношеніяхъ, которыя я лично имѣлъ ко всему происшедшему.

Прежде всего долженъ сказать, что 1856 годъ описываемаго происшествія, предшествовавшій году, въ которомъ объявленъ былъ высочайшій манифестъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости крестьянъ въ Россіи, былъ какой-то неспокойный годъ, и общество само, не зная почему, волновалось и было постоянно въ ожиданіи чего-то, что неизбѣжно должно было произойти.

Хотя подъемъ духа, объявшій всю Россію во время славной защиты Севастополя, все еще продолжался, старъ и малъ распѣвали еще извѣстную тогда патріотическую пѣсню:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ»,—

и взбунтовавшееся войной съ Турціей и ея союзниками море русской жизни входило мало-по-малу въ свои берега, а общество, видимо успокоившееся, бралось за свои дѣла, дѣлало подсчеты и подводило итоги, но, несмотря на все это кажущееся спокойствіе, всѣми чувствовалась какая-то безпричинная и необъяснимая тревога, и старые люди тогдашняго времени таинственно шушукались по угламъ комнатъ.

Шестнадцатилѣтній юноша, свободный отъ тревогъ и какихъ бы то ни было предчувствій, здоровый, жизнерадостный и полный надеждъ, я оканчивалъ въ это время семиклассный курсъ Екатеринославской гимназіи и держалъ выпускные экзамены; окончивъ ихъ, я вышелъ, 23 іюня 1856 года, радостнымъ и довольнымъ, изъ воротъ екатеринославской гимназіи съ аттестатомъ не зрѣлости, потому что тогда не вѣрили еще зрѣлости, даже ученической, шестнадцатилѣтняго юноши, а съ аттестатомъ объ окончаніи семиклассного курса екатеринославской гимназіи въ рукахъ.

Окончаніе курса гимназіи было для меня чрезвычайно радостнымъ событіемъ, такъ какъ приближало исполненіе завѣтной моей мечты, поступленіе въ университетъ, и давало мнѣ право уѣхать въ деревню, въ село «Недай-воды», находящееся въ Екатеринославской губерніи въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, куда покойная мать моя съ покойными же сестрами и братомъ моими давно уже на все лѣто переѣхала, и куда я стремился всей душой, чтобы, все время, оставшееся до поступленія моего въ университетъ, предаться любимымъ своимъ занятіямъ—охотѣ съ ружьемъ и собакой и рыбной ловлѣ.

Веселымъ и радостнымъ пришелъ я домой и не заходя въ комнаты, пошелъ прямо во дворъ дома, въ сарай, гдѣ находился открытый фургонъ съ парою лошадей, присланный ко дню послѣдняго моего экзамена матерью моею изъ деревни за мной, чтобы распорядиться запрягать и поспѣшить ѣхать, но на первыхъ же порахъ своей, какъ я считалъ, самостоятельной жизни, былъ огорченъ извѣстіемъ, что состоявшій при мнѣ, по обычаю тогдашняго времени, камердинеромъ, однихъ лѣтъ со мною, деревенскій мальчикъ Петрушка утромъ, во время моего отсутствія, не тронувши ничего чужого и не сдѣлавъ никому никакого вреда, забравъ лишь все свое платье, безслѣдно куда-то исчезъ.

Извѣстіе это было мнѣ крайне непріятно потому, что отсутствіе Петрушки, бывшаго мнѣ скорѣе товарищемъ и сподвижникомъ въ моихъ охотничьихъ экскурсіяхъ, чѣмъ слугой, заставляло меня отложить поѣздку въ деревню и ожидать его возвращенія.

Разстроеннымъ, грустнымъ, пришолъ я въ комнаты и обратился къ бывшей нянюшкѣ своей, Авдотьѣ Ивановнѣ, исправлявшей у насъ въ домѣ обязанности домоправительницы и хозяйки, съ вопросомъ:

— Ну куда онъ могъ уйти? Развѣ онъ не знаетъ, что мы должны сегодня ѣхать?—жаловался я нянѣ Авдотьѣ Ивановнѣ.

— Извѣстно куда—пошелъ за волей, и тебѣ его не дождаться; совѣтую тебѣ, не ожидая его, ѣхать,— отвѣчала няня.

— За какой волей? — недоумѣвающе спросилъ я.

— Нечего тебѣ меня разспрашивать, ничего больше я не скажу тебѣ, рано тебѣ еще все знать, а лучше слушайся меня и уѣзжай

себѣ съ Богомъ въ деревню,—сердито отвѣчала мнѣ няня Авдотья Ивановна.

По привычкѣ ли во всемъ слушаться своей старухи няни, или потому, что дѣйствительно мнѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ ѣхать, не ожидая возвращенія Петрушки, но только къ вечеру того же дня, я былъ уже на пути въ деревню и на третій день со дня моего выѣзда, такъ какъ деревня находилась отъ города въ разстояніи не менѣе 150 верстъ, а ѣхалъ я на своихъ лошадяхъ, съ неизбѣжными кормежками лошадей и ночлегами на постоялыхъ дворахъ, къ десяти часамъ дня, былъ уже на длинной плотинѣ деревенскаго пруда, находящейся недалеко отъ воротъ экономической усадьбы.

При въѣздѣ во дворъ я увидѣлъ огромную толпу крестьянъ, стоящихъ безъ шапокъ возлѣ крыльца дома, на которомъ покойная мать моя, тоже съ непокрытой головой, стояла и горячо о чемъ-то съ ними разговаривала.

Не понимая, въ чемъ дѣло, я остановился середи двора усадьбы, слѣзъ съ своего фургона и, подойдя къ толпѣ народа, обратился къ одному изъ крестьянъ, стоявшему съ краю толпы, съ вопросомъ:

— Что тутъ такое? Чего громада пришла къ барынѣ?

— Уходемо за волею въ Таврію, панычу, такъ пришли прощаться съ барынею,—отвѣчалъ мнѣ хохолъ крестьянинъ.

Не уяснивъ себѣ нисколько изъ этого отвѣта, за какой волей уходятъ они, и для чего понадобилось имъ итти за ней въ Таврическую губернію, я не сталъ больше разспрашивать, а съ трудомъ пробравшись сквозь стоящую у крыльца дома густую толпу народа, незамѣченный своею покойной матерью, горячо о чемъ-то разговаривавшей съ крестьянами, взошелъ на крыльцо и началъ внимательно прислушиваться къ разговору ея съ ними.

— Прощайте, друзья мои, прощайте,—говорила покойная мать моя, обращаясь къ стоящей передъ нею толпѣ крестьянъ,—но, право, лучше послушайтесь меня, выберите изъ себя толковыхъ людей, я дамъ вамъ конную подводу, и пусть ѣдутъ въ станъ освѣдомиться о волѣ; говорю вамъ, что не можетъ этого быть, чтобы начальство скрывало отъ васъ данную вамъ царемъ волю; боюсь я, чтобы не вышло изъ этого какой бѣды для васъ; послушайтесь лучше моего совѣта.

— Ни, сударыня, много довольны вашею милостью, но намъ нечего уже справляться, мы вѣрно усё знаемо, и дорога въ Таврію намъ довольно извѣстна; да, почитай, каждый изъ насъ знаетъ, какъ дойти до Перекопу; тутъ прямая дорога, а бѣда намъ будетъ, если не пойдемъ до Перекопу, или, бува, опиздныася туды,—говорили крестьяне, низко кланяясь стоящей на крыльцѣ покойной матери моей.

— Пришли мы попрощаться съ вами, сударыня,—продолжали

крестьяне,—поблагодарить васъ за ласку вашу къ намъ и сказать, что оставляемъ для васъ большую карету, новую коляску и крытыя дрожки, да четверикъ вороныхъ лошадей и пару гнѣдыхъ, бува̀, захотите поѣхать когда на степь, или до церкви; для панычa оставляемо его трое коней, щобъ було на чимъ бигаты ему по степу, а остальные экипажи и лошадей на схожихъ и рабочихъ и сбрую всю, забираемъ съ собой, шобъ було на чимъ дитямъ нашимъ пихаты, а то, бува̀, шобъ ны опиздныться намъ ча̀сомъ,— говорили крестьяне, опять низко кланяясь покойной матери моей.

— Прощайте, братцы, прощайте; но, право, лучше бы освѣдомиться вамъ хорошенько,—говорила покойная мать моя.

— Ни, барыня, мы усѐ хорошо уже знаемо и нѐчего намъ уже разспрашиваться. Счастливо оставаться! Бувайте здоровы!—говорили крестьяне, низко кланяясь и уходя по направленію воротъ усадьбы.

— Бѣдный, несчастный народъ! Какіе темные люди! Какъ могли они повѣрить, что въ Перекопѣ даютъ имъ какую-то волю, и что начальство скрываетъ это отъ нихъ? Отчего сосѣдніе крестьяне спокойно сидятъ дома и работаютъ, а одни только недайводцы бунтуютъ и уходятъ въ Перекопъ за какой-то волей? Какія ужасныя послѣдствія могутъ быть для нихъ изъ-за этого бунта! Что мнѣ дѣлать съ ними и какъ вразумить ихъ? Ахъ! Бѣдные люди!—сѣтовала покойная мать моя, когда дворъ нашъ совершенно опустѣлъ и мы съ матерью остались почти одни во дворѣ усадьбы, такъ какъ и многочисленные дворовые, побросавъ всѣ свои обязанности и работы, поспѣшили уйти на деревню и принять участіе въ общемъ уходѣ крестьянъ въ Перекопъ.

Не долго, впрочемъ, продолжалась увѣренность наша въ томъ, что одни только недайводцы бунтуютъ и уходятъ въ Таврическую губернію за волей, а всѣ сосѣдніе крестьяне спокойно работаютъ себѣ по домамъ, такъ какъ не далѣе, какъ къ вечеру того же дня, многотысячная толпа крестьянъ двухъ сосѣднихъ селъ, Анновки и Искровки, принадлежащихъ князю Кочубею, со всѣмъ своимъ огромнымъ обозомъ, совершенно покрыла плотину недайводскаго пруда и прилегающія къ ней дорогу и площадь, находящіяся между дворомъ усадьбы и крестьянскими избами, и слившись въ одно съ недайводскими крестьянами и ихъ обозомъ, двинулась большой дорогой, по направленію къ военному поселенію Херсонской губерніи и уѣзда, селу «Кривой Рогъ».

Посланный матерью моею, утромъ слѣдующаго дня, въ сосѣднія села «Веселые Терны» и «Новопавловку», принадлежавшія помѣщикамъ Шляхтинымъ, за свѣдѣніями объ уходѣ крестьянъ въ Перекопъ, недайводскій управляющій Овчинниковъ, къ вечеру того же дня возвратился съ извѣстіями, что не только крестьяне этихъ двухъ большихъ помѣщичьихъ селъ, но и всѣхъ окружающихъ

ихъ маленькихъ деревень, еще утромъ того же дня, забравъ у помѣщиковъ своихъ всѣ имѣющіеся у нихъ экипажи, фургоны, тѣлѣги и всѣхъ лошадей, ушли со всѣмъ своимъ обозомъ по направленію къ тому же казенному селу «Кривой Рогъ».

Разсказывалъ онъ еще, что, когда выѣхалъ на гору, находящуюся за селомъ «Веселые Терны», откуда видны окружающія степи на далекое разстояніе, то ясно видѣлъ всѣ большія и проселочныя дороги, сколько можно было только видѣть, покрытыми густыми толпами крестьянъ, двигающимися со своими обозами, изъ глубины екатеринославскихъ степей, по направленію къ казенному селу «Софіевка», находящемуся на большой дорогѣ въ Таврическую губернію. По всему видно было, что это не единичный уходъ крестьянъ одного какого нибудь помѣщичьяго села, какъ думала покойная мать моя о своихъ недайводцахъ, а общее движеніе населенія, по крайней мѣрѣ, всего Верхнеднѣпровскаго уѣзда.

Утромъ, на другой день возвращенія управляющаго Овчинникова, пріѣхалъ извѣстный всѣмъ въ нашей мѣстности письмоводитель станового пристава изъ стана, находящагося въ казенномъ селѣ «Саксагань», Фролъ Ивановичъ Демьяновскій, и привезъ новыя извѣстія о движеніи крестьянъ въ Таврическую губернію: онъ разсказывалъ, что уходятъ почти поголовно крестьяне Екатеринославскаго и Верхнеднѣпровскаго уѣздовъ, и что, такъ какъ почти всѣ они двигаются черезъ Херсонскій уѣздъ, смежный съ Екатеринославской губерніей, въ которомъ много военныхъ поселеній, съ расположенными въ нихъ разнаго рода оружія войсками, то высшее начальство сдѣлало уже распоряженіе двинуть войска къ границѣ Таврической губерніи, расположивъ ихъ по границѣ ея съ Херсонской губерніей, и чтобы они даже силою, если это будетъ необходимо, вернули уходящихъ крестьянъ и водворили ихъ на прежнія мѣста ихъ жительства.

Новости эти, переданныя Демьяновскимъ, въ видѣ утѣшенія, покойной матери моей, совсѣмъ не успокоили ея, а напротивъ привели еще въ большее смущеніе, такъ какъ нетрудно было предугадать, какія репрессивныя мѣры будутъ приняты противъ несчастныхъ, упорствующихъ въ своей увѣренности въ полученіи воли въ Перекопѣ крестьянъ, и какія бѣдствія обрушатся, при встрѣчѣ съ войсками, на бѣдный темный народъ.

Фролъ Ивановичъ тоже не одобрялъ сдѣланныхъ начальствомъ распоряженій и находилъ, что для этого не стоило трогать войска съ мѣстъ ихъ расположенія, что создастъ большія хлопоты и будетъ, пожалуй, дорого стоить, а что крестьянъ можно вернуть силою одной уѣздной полицейской власти, за что онъ берется и отвѣчаетъ, и что если покойная мать моя дастъ ему лошадей, чтобы, какъ сказалъ онъ, «перенять крестьянъ», то онъ не допуститъ ихъ до встрѣчи съ войсками, а самъ задастъ имъ такого «холоду»,

какъ онъ выразился, что они сами вернутся на свои мѣста и примутся за исполненіе своихъ обязанностей.

Покойная мать моя съ удовольствіемъ согласилась на его предложеніе, и такъ какъ почти всѣ дворовые ушли за волей въ Перекопъ, и во дворѣ не осталось никого, чтобы везти Демьяновскаго вслѣдъ за уходившими крестьянами, то я, съ разрѣшенія покойной матери моей, запрягъ тройку, оставленныхъ мнѣ ушедшими крестьянами, моихъ охотничьихъ лошадей, въ свою охотничью бричку и, взявъ лишь свое ружье и охотничьи принадлежности, правя самъ лошадьми вмѣсто кучера, повезъ его «навперейми», какъ говорилъ онъ, ушедшихъ крестьянъ.

Всѣмъ извѣстно, какую небольшую административную единицу представляетъ изъ себя становой приставъ, и легко, послѣ этого, понять, какое значеніе въ административномъ мірѣ можетъ имѣть письмоводитель его. Письмоводитель не штатный, а частный служащій, который и по прямымъ обязанностямъ своимъ долженъ вѣдать только письмоводство его канцеляріи, составленіе отношеній, описей и актовъ производимыхъ дѣлъ, но никакъ не активную часть обязанностей станового пристава, не принятіе мѣръ къ пресѣченію преступленій, не дознаніе и слѣдствіе о нихъ, водвореніе порядка, разныя взысканія и прочія кропотливыя обязанности его, но Демьяновскій, будучи лишь письмоводителемъ станового пристава, по врожденной своей энергіи, по призванію своему къ дѣятельности полицейскаго чиновника и, наконецъ, по чистой любви къ этому дѣлу, безвозмездно взялъ на себя всю опасность, весь рискъ исполненія обязанностей полицейскаго дѣятеля и, за тридцать лѣтъ службы своей по полицейской части и письмоводителемъ при разныхъ смѣняющихся становыхъ приставахъ, сдѣлался извѣстностью своего участка, уѣзда и даже губерніи.

О его разнообразной дѣятельности на этомъ поприщѣ существовали въ то время цѣлые разсказы, цѣлыя легенды; онъ былъ чрезвычайно популяренъ между крестьянскимъ населеніемъ и пользовался извѣстностью далеко за предѣлами своего стана.

Бывшее въ то время свободнымъ и безпрепятственнымъ броженіе по всему югу Россіи кочующихъ цыганъ порождало въ неимовѣрныхъ размѣрахъ конокрадство, но онъ энергіей и дѣятельностью своими положительно освободилъ наши мѣста отъ этого своеобразнаго зла. Цыганы чувствовали передъ нимъ какой-то сверхъестественный страхъ и разсказывали о немъ, что «когда въ ночной тишинѣ берешься съ одной стороны за поводъ украдываемаго коня, то можешь ужъ быть увѣреннымъ, что съ другой стороны за тотъ же поводъ держится рука Фрола Ивановича, а другая его рука протягивается уже, чтобы взять тебя за шиворотъ и поймать съ поличнымъ».

Насколько я помню Демьяновскаго, то онъ представлялъ собою крѣпкую, коренастую фигуру человѣка лѣтъ пятидесяти отъ роду, совсѣмъ не нѣжнаго наружнаго вида, съ сильною зарослью сѣдыхъ, какъ-то всклоченныхъ, волосъ на головѣ и лицѣ и съ совершенно своеобразною рѣчью и манерой говорить.

Прибавивъ къ этому, что онъ обладалъ необыкновенною физической силой, былъ ловокъ, изобрѣтателенъ, отваженъ и предпріимчивъ до дерзости въ преслѣдованіи и поимкѣ воровъ и разнаго рода мошенниковъ, мы будемъ имѣть почти полную его характеристику.

Такова была личность представителя силы земской полиціи, которую я повезъ, вечеромъ того же дня, вслѣдъ за ушедшими крестьянами, нимало не думая о возможности какой нибудь опасности для насъ со стороны упорствующихъ въ увѣренности въ полученіи воли въ Перекопѣ крестьянъ, которыхъ мы, несмотря на то, что насъ было только двое противъ многихъ тысячъ, собирались возвратить на прежнія мѣста ихъ осѣдлости, при чемъ увѣренность у всѣхъ въ ловкости и умѣніи Фрола Ивановича водворять порядокъ вездѣ, гдѣ бы онъ ни появлялся, была такая, что рѣшительно никто не сомнѣвался въ удачѣ нашихъ предпріятій.

Выѣхавъ изъ дома по большой дорогѣ на мѣстечко «Кривой Рогъ» поздно вечеромъ и проѣхавъ, почти нигдѣ не отдыхая, всю короткую лѣтнюю ночь, мы на разсвѣтѣ слѣдующаго дня увидѣли издали, по дорогѣ между казенными селами «Широкимъ» и «Шестерней», первую огромную валку уходящихъ въ Перекопъ крестьянъ, спѣшно двигающихся, со своими обозами, по большой дорогѣ въ казенное село «Шестерню», и, сдѣлавъ безъ дороги по распоряженію Фрола Ивановича огромный кругъ и выѣхавъ, уже между селомъ «Шестерней» и крестьянскими обозами, опять на дорогу, повернули лошадей и поѣхали прямо на встрѣчу двигающимся по дорогѣ крестьянамъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ десятковъ шаговъ до крестьянскихъ обозовъ, Фролъ Ивановичъ слѣзъ съ брички и пошелъ мѣрнымъ шагомъ на встрѣчу имъ, а я, правя лошадьми, ѣхалъ за нимъ и былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ сценъ, происшедшихъ между Демьяновскимъ и крестьянами.

— «Здорово, хлопци»,— близко подойдя къ крестьянамъ, приподнимая свой, съ кокардой, форменный картузъ и привѣтливо кланяясь имъ, ласково сказалъ Фролъ Ивановичъ:—«куды це вы спозаранку собралысь?»

— «Здоровы булы, Хролъ Иванычъ! Та це, ба̀чыте, идемо до Перекопу», — отвѣчалъ стоящій, не скидая шапки, впереди, замѣтно смутившійся отъ неожиданной встрѣчи, среднихъ лѣтъ крестьянинъ.

— «А шо тамъ позабулы, або чого тамъ шукаете, хлопци?»— продолжалъ, будто ласково, спрашивать Фролъ Ивановичъ.

— «Та, мовлялы, его царское величество роздае усякому, кто прыйде до Перекопу, волю», — смущенно какъ-то отвѣчалъ, все-таки не снимая шапки, тотъ же крестьянинъ.

— «О? Шожъ це я нычо̀го ны чувъ и нычо̀го ны знаю? Оце такъ! Яжъ бы то ны абы якій здався!»—будто простодушно спросилъ Фролъ Ивановичъ.

— «Та вы мо̀же и добре зна̀ете, тильно мовчыте̇ соби и ны ка̀жете ныко̀му!» — дерзко вызывающе, подбоченясь и не скидая шапки, сказалъ рядомъ стоящій крестьянинъ.

Здоровый ударъ кулакомъ по лицу сказавшаго это крестьянина, отъ котораго не только шапка слѣтѣла съ его головы, но и самъ онъ подался на бокъ, былъ отвѣтомъ Фрола Ивановича на эти слова, и онъ, подымая оба кулака вверхъ, неистовымъ голосомъ закричалъ:

— «Такъ ось якъ? Ны казавъ вамъ! Мовчавъ! Ахъ, вы таки-сяки!» — Тутъ изъ устъ Фрола Ивановича полилась самая отборная грубая брань, по адресу стоящихъ уже безъ шапокъ передъ нимъ крестьянъ.

— «Эй! А ну, лышень, сюды! Мыкыта, Трохымъ, Панасъ, Василь, Петро!»—началъ перечислять, отыскивая глазами въ толпѣ стоящихъ передъ нимъ крестьянъ, хорошо извѣстныхъ ему, членовъ сельской полиціи, десятниковъ и сотниковъ, и когда тѣ безпрекословно вышли изъ толпы и стали вокругъ его, то, схвативши обѣими руками за грудь, послѣднимъ говорившаго съ нимъ, крестьянина, заоралъ не своимъ голосомъ:

— «А ну̀те, хло̀пци, бири̇ть его, поклади̇ть, да всыпьте ему штукъ тридцать горячихъ канчукивъ, шобъ меньше чу̀въ и ба̀чивъ!»

— «Такъ ны казавъ, такый-сякый! Мовчавъ!»—ревѣлъ во все горло Фролъ Ивановичъ во время совершенія экзекуціи и, когда нашелъ, что тотъ получилъ достаточное количество ударовъ кнутами сотскихъ, то закричалъ:

— «Го̀ди! Буде съ нёго! Подымись!»

И наградивъ его, послѣ всего этого, ошеломляющимъ ударомъ кулака по лицу, снова не своимъ голосомъ заоралъ: «ну, теперь осёго! кладить!»—указывая на перваго, разговаривавшаго съ нимъ крестьянина, и перепоровъ такимъ же образомъ еще съ десятокъ, по своему выбору, крестьянъ, онъ заоралъ снова на нихъ:

— «А нужъ, хлопци, вертайтесь швиде̇нько до дому, шобъ поки я прыиду до васъ, а прыиду я ны забарясь, вы булы уже на роботи!» — И смущенные крестьяне, безропотно и торопясь, повернули обозъ свой назадъ и двинулись поспѣшно по дорогѣ домой.

— «Эй вы! Десятныки! Сотныки! Глядить! Я и до васъ доберусь!» — гаркнулъ снова Фролъ Ивановичъ вслѣдъ возвращающимся къ себѣ по домамъ крестьянамъ и, подошедши къ бричкѣ,

стоящей со мной нѣсколько въ сторонѣ отъ всего происходящаго, сѣлъ въ нее и сказалъ мнѣ ѣхать безъ дороги налѣво, въ сторону казеннаго села «Софіевки».

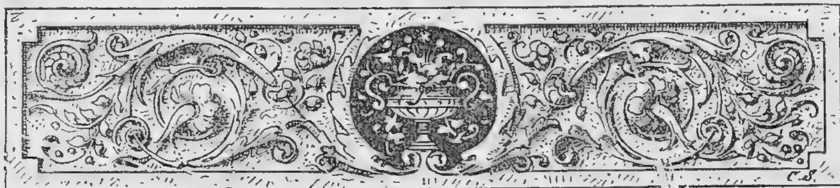
Исколесивъ за трое сутокъ по всѣмъ направленіямъ, безъ дорогъ и вдоль и поперекъ, все огромное пространство сѣнокосовъ, оранныхъ полей, балокъ, выгоновъ, толокъ и межъ, лежащихъ между селами «Софіевкой» и «Шестерней», заѣхавъ, для полученія свѣдѣній объ уходящихъ крестьянахъ, во всѣ лежащіе по пути кабаки, пасѣки, бахчи и овечьи хутора, встрѣтивъ и вернувъ назадъ болѣе десяти валокъ, уходящихъ въ Перекопъ, крестьянъ, при чемъ Фролъ Ивановичъ употреблялъ, съ небольшими измѣненіями, почти тѣ же пріемы, и наконецъ перепоровъ, при этомъ, болѣе ста человѣкъ изъ встрѣченныхъ нами крестьянъ, Фролъ Ивановичъ просилъ меня заѣхать въ недалеко-лежащее село «Веселые Терны».

Заѣхавъ покормить лошадей и разспросить объ уходящихъ въ Перекопъ крестьянахъ на постоялый дворъ села «Веселые Терны», мы впервые услышали, что по дорогѣ на «Никополь» многія партіи уходящихъ въ Перекопъ крестьянъ встрѣтились съ войсками, что, при этомъ, происходили настоящія сраженія, со многими убитыми изъ нихъ и ранеными, что войска, остановивъ крестьянъ и заставивъ ихъ возвратиться, по направленію къ ихъ селамъ, назадъ, окружали ихъ и, въ видѣ наказаній, производили жесточайшія экзекуціи, результатомъ которыхъ была отправка многихъ изъ бѣдныхъ темныхъ крестьянъ въ военные госпитали на излѣченіе.

Принимая во вниманіе всѣ бѣдствія, обрушившіяся, при встрѣчѣ съ войсками, на обманутый бѣдный, темный, народъ, нельзя не признать серьезныхъ заслугъ за энергичнымъ Фроломъ Ивановичемъ Демьяновскимъ, который, хотя и совершенно изъ любви къ расправамъ съ ослушниками начальства и, притомъ, довольно крутыми мѣрами, но, все-таки, спасъ многія тысячи бѣдныхъ темныхъ крестьянъ отъ бѣдствій встрѣчи съ войсками, чему подверглись только тѣ изъ партій уходящихъ въ Перекопъ крестьянъ, которыя онъ не успѣлъ почему либо, по его выраженію, «перенять».

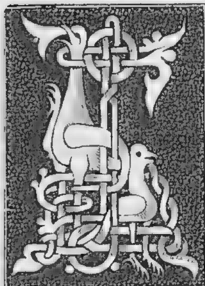
А. А. Романовъ.

ОБЩЕСТВО ЭКВИЛИБРИСТОВЪ.

(Картинка изъ исторіи развлеченій XVIII вѣка).

ЛЕСТЯЩІЙ дворъ императрицы Екатерины и колоссальныя богатства тогдашняго русскаго барства привлекали въ Петербургъ цѣлыя тучи иностранцевъ, представителей самыхъ разнообразныхъ профессій. Они содержали пансіоны и просто учили, учителя танцевъ и парикмахеры ужъ обязательно были французы, а, кромѣ того, массами водворялись повивальныя бабки и доктора, выдерживавшіе въ Россіи установленный экзаменъ. Но особенно много пріѣзжало въ Петербургъ разныхъ жонглеровъ, «кунстберейторовъ», «механиковъ», «эквилибристовъ» и прочей братіи, потѣшавшей русскую публику. Публикаціи «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» того времени такъ и пестрятъ приглашеніями этихъ артистовъ, обѣщающихъ публикѣ «показывать свое искусство». Всѣ они великолѣпно были наслышаны относительно щедрости или вѣрнѣе расточительности русскаго общества и въ расчетѣ на него придумали своеобразный пріемъ взиманія платы, именно для знати они ея вовсе не установляли. Это выражалось разными оборотами: «каждая знатная особа платить имѣетъ по своему благоразсужденію, а простые по 10 к.» или «каждая персона платить имѣетъ по 25 к.; знатнымъ особамъ ничего не предписывается, но оставляется на ихъ волю». Само собой разумѣется, при такихъ условіяхъ, знать считала своимъ долгомъ швырять деньги, далеко превышавшія 10 и 25 коп. Да, вѣроятно, и у многихъ людей попроще и побѣднѣе являлось желаніе сойти за знать, и они тоже давали «по благоразсужденію».

Нужно думать, что этотъ бродячій народъ пользовался большимъ успѣхомъ въ Петербургѣ, потому что слишкомъ ужъ много труппъ бывало одновременно въ русской столицѣ, засиживались подолгу, да еще иногда и во второй разъ возвращались. Но, кажется, больше всего нравились эквилибристы, или «еквилибристы», какъ тогда писали. Это уже видно изъ того, какія они публикаціи закатывали въ «газетахъ». Единственныя въ то время «Санктпетербургскія Вѣдомости» чаще назывались «газетами». Даже сами «Вѣдомости» о себѣ писали: «какъ было объявлено въ газетахъ», и на обложкѣ старыхъ переплетовъ часто стоятъ: «газеты» за такой-то годъ.

Особенно интересными, и сами по себѣ и для характеристики развлеченій того времени, являются три общества эквилибристовъ, подвизавшихся съ 1772 по 1774 г. И раньше появлялись на петербургскомъ горизонтѣ эквилибристы, но они какъ-то быстро тонули въ лету. Такъ еще въ 1767 г., «славной аглинской еквилибристъ Мэкомъ Медоксъ» «почтеннѣйше» приглашалъ публику посмотрѣть, какъ онъ «на деревянномъ зимнемъ театрѣ, что при деревянномъ Зимнемъ дворцѣ, искусство свое показывать будетъ». Слово «почтеннѣйше» въ смыслѣ почтительнѣйше въ тѣ поры пользовалось полнымъ правомъ гражданства, и даже «академія трехъ знатнѣйшихъ художествъ» употребляетъ его, приглашая публику на свои выставки. Далѣе въ 1771 г. промелькнули «итальянцы, въ числѣ которыхъ находится осьмилѣтній мальчикъ и шестилѣтняя дѣвочка». Они обѣщали «показывать за деньги особливое свое искусство въ прыганьѣ по проволокѣ».

Совсѣмъ не то послѣдующіе эквилибристы: они и въ театрѣ настоящемъ играли, и цѣны у нихъ были опредѣленныя, и главное они такъ рекламировались, какъ и въ настоящее время рѣдко случается. Театръ ихъ находился на мѣстѣ нынѣшняго почтамта «въ новой Исакіевской въ домѣ его сіятельства графа Ягужинскаго». Домъ этотъ въ 1781 г. былъ купленъ канцлеромъ Безбородко для возникавшаго въ то время почтамта за 30.000 рублей. Въ 1772—1774 г. въ этомъ театрѣ послѣдовательно играли «славной еквилибристъ» Сандерсъ, затѣмъ «еквилибристы и волтижеристы подъ управленіемъ славнаго гишпанца Трони» [1]) и наконецъ общество эквилибристовъ [2]), пріѣхавшихъ изъ Италіи «подъ предводительствомъ директоровъ Брамбилла и Поморы». Что касается до Сандерса, то онъ игралъ въ Петербургѣ съ сентября до конца декабря 1772 г., затѣмъ уѣхалъ въ Москву, возвратился въ Петербургъ въ августѣ 1773 г. и игралъ сначала самъ, а затѣмъ съ обществомъ Трони. Наконецъ онъ снова появился въ Петербургѣ въ октябрѣ 1776 г.

1) Съ мая по сентябрь 1773 г.
2) Съ октября 1773 г. по февраль 1774 г.

и пробылъ въ немъ три мѣсяца,—должно быть, выгодно ему было работать въ Сѣверной Пальмирѣ!..

Играли эти эквилибристы, какъ уже сказано, въ театрѣ графа Ягужинскаго и брали за мѣста въ ложахъ по 1 р., въ партерѣ по 50 к. и на галлереѣ 25 к. Только они долго не могли сладить съ названіями мѣстъ. Сандерсъ написалъ было «ложе 1 р., а въ портирахъ 50 к.», однако, вѣроятно, нашелъ это очень мудренымъ и дальше писалъ: первое и второе мѣсто. У общества Трони мѣста назывались ложи, партеръ и верхъ, а Брамбиллино общество верхъ переименовало въ «галерію». Кромѣ этого, оно предлагало желающимъ брать и особыя ложи, по соглашенію съ директоромъ. Главной особенностью этого общества было то, что оно впервые познакомило петербургскую публику съ итальянской пантомимой, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ ея успѣха вскорѣ появились переводы на русскій языкъ пантомимъ: «Арлекиново чародѣйство» въ 4-хъ дѣйствіяхъ и «Арлекинъ шкелетъ» въ 3-хъ дѣйствіяхъ; обѣ продавались по 10 к.

Нужно, кромѣ того, сказать, что Брамбиллино общество познакомило петербуржцевъ и съ рекламой. Положимъ, и Сандерсъ рекламировался, но это былъ сравнительно «мальчишка и щенокъ». Онъ устроилъ продажу билетовъ въ трактирѣ Гейдейрейха «Лондонъ», а въ этомъ трактирѣ «недавно стояли изъ Москвы сюда пріѣзжій королевскій датскій посланникъ и изъ Архипелага сюда прибывшій патріархъ константинопольскій и также за нѣсколько дней его свѣтлость наслѣдный принцъ гессендармштадтскій въ проѣздѣ его изъ Москвы въ нѣмецкую землю, и при отъѣздѣ ихъ милостивое удовольствіе, какъ въ квартирѣ, такъ и въ угощеніи оказали». Словомъ, трактиръ былъ первостепенный, въ которомъ было выгодно продавать билеты. Далѣе Сандерсъ постоянно называетъ себя «славнымъ», начинаетъ свои дѣйствія «по высочайшему позволенію», обѣщаетъ «показывать свое искусство, которое онъ уже при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ съ великою похвалою представлять честь имѣлъ» и затѣмъ обѣщаетъ тѣ «дѣйствія», «которыя имъ представлены были только при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ».

Одно изъ нихъ «почитается за превосходнѣйшее предъ другими дѣйствіями», а другое «есть большое доказательство его искусства, которое сверхъ чаянія приведетъ зрителей въ удивленіе».

Можетъ быть, и это обратило вниманіе на Сандерса, но что касается до Брамбиллина общества, то, несомнѣнно, оно своей рекламой сильно раздуло успѣхъ. Оно уже начинаетъ съ такого объявленія: «объ нихъ (эквилибристахъ) по самой справедливости сказать можно, что они первѣйшіе изъ всѣхъ сего роду людей въ Европѣ и могутъ представить то въ одинъ разъ, что многіе другіе порознь показать не могутъ».

Но главную рекламу общество приберегало къ бенефисамъ: у

него не въ примѣръ всѣмъ до него бывшимъ обществамъ существовали бенефисы. Первый бенефисъ данъ былъ акробату труппы, «маленькому агличанину», и вотъ какъ объ этомъ объявлялось: «весь сборъ денегъ будущій четвертокъ уступленъ будетъ маленькому славному агличанину. Сей маленькій агличанинъ въ оный день оказать себя почтится особливо, чтобъ той похвалы, которую уже онъ заслужилъ отъ публики, наивящше учинить себя достойнымъ». Второй бенефисъ—одного изъ директоровъ, Номоры: «въ будущій четвертокъ поручено играть одному Номорѣ, и потому сколько собрано будетъ денегъ, все опредѣлено ему въ награду. Симъ онъ почтенной публикѣ за приписываемую отъ нея поднесь похвалу принесетъ достодолжное свое благодареніе. Итакъ, онъ, нетерпѣливо желая заслужить ея благоволеніе, во все своего здѣсь пребыванія время безпрестано упражнялся въ хожденіи по проволокѣ безъ равновѣснаго шеста и въ помянутой день будетъ показывать невидимую никогда вещь». Дѣвица Розалія въ свой бенефисъ тоже «благосклонной публикѣ за приписываемую поднесь похвалу приноситъ свое благодареніе и притомъ проситъ о многолюднѣйшемъ этой публики собранія, дабы скопить довольное число денегъ на булавки и завязки. Всякихъ она не упуститъ средствъ означенной день учинить по мѣрѣ силъ пріятнымъ».

По особенно зазывательнаго свойства была реклама на бенефисъ Брамбиллы, который игралъ въ пантомимахъ арлекина, а потому въ своемъ обращеніи къ публикѣ называетъ себя Паячи. Вотъ это удивительное обращеніе: «Высокопочтенные господа доброжелатели! мы имѣли честь показывать вамъ наши удивительныя дѣйствія, и вы, насъ похваляя, дарили насъ по возможности, за что мы покорно благодарствуемъ. Но какъ уже приближается время къ нашему отъѣзду, то я, Паячи, не могу безъ того отъѣхать, чтобы напередъ не проститься и благосклонную публику еще разъ не повеселить. И такъ я имѣю честь просить для зрѣнія пантомины; и какъ я, такъ и всѣ другія дѣйствующія лица всячески будутъ стараться, чтобы представить оную наилучшимъ образомъ. Но какъ сія пантомина отъ всего общества назначена для Паячи, то онъ покорно проситъ, чтобы число зрителей было больше, дабы ему тѣмъ больше можно было собрать денегъ. Притомъ же вамъ извѣстно, какъ бѣдный Паячи долженъ дрожать на веревкѣ (намекъ на пантомину «Арлекинъ Воскрешенный») и отъ страху чувствовать въ себѣ то жаръ, то холодъ; какъ онъ нравился, когда также долженъ былъ прыгать, какъ Номора. По сіе время Паячи не излѣчивалъ болѣзни, но нынѣ она становится чувствительнѣе и бываетъ тому причиною, что онъ иногда забавляется виномъ для прогнанія болѣзни. За ваше здоровье, почтенные господа, выпью еще нѣсколько полныхъ рюмокъ и при всякой проглатываемой каплѣ буду желать вамъ всякаго благополучія. Я увѣренъ, что и вы, высокопочтенные

доброжелатели, будете желать Паячи всякаго добра. По пути до самой Москвы буду пить за ваше здоровье. Живите потомъ благополучно».

Посмотримъ же, чѣмъ потѣшали петербуржцевъ эти фокусники. Во всякомъ случаѣ нужно сознаться, что акробатизмъ въ то время стоялъ не ниже теперешняго. Сандерсъ балансируетъ на двухъ проволокахъ, отстоящихъ одна отъ другой на 4 фута; во время балансированія бьетъ въ барабанъ «пріятную слуху шотландскую тревогу». Далѣе онъ качается и бѣгаетъ по веревкѣ въ обручѣ и балансируетъ на веревкѣ съ лѣсенкой, на которой стоитъ 24 рюмки съ виномъ и столько же восковыхъ свѣчъ. Наконецъ, Сандерсъ сидитъ на веревкѣ на стулѣ, держитъ предъ собой столъ, на немъ стоитъ вино, которое и пьетъ Сандерсъ, балансируя притомъ трубкой на носу. Въ заключеніе спектакля Сандерсъ обнаруживалъ и балетныя способности: танцовалъ «англійской матроской танецъ».

Объ искусствѣ Трони сохранилось меньше свѣдѣній. Былъ не только Трони, но и женщина Трони. О послѣдней извѣстно только, что она представляла «разныя на веревкѣ вещи». Самъ же Трони «по веревкѣ плясалъ, ломался, прыгалъ и порхалъ», а, кромѣ того, «прыгалъ на веревкѣ, имѣя у одной ноги двухъ привязанныхъ мальчиковъ, а третьяго, стоящаго на плечахъ».

Что касается на Брамбиллина общества, то оно въ своихъ объявленіяхъ распространялось главнымъ образомъ о пантомимахъ, и только изъ бенефисныхъ рекламъ мы узнаемъ объ особо «искусныхъ дѣйствіяхъ» его членовъ. Такъ «маленькой агличанинъ» обѣщаетъ показать «вещь», которую «онъ во всѣхъ городахъ не болѣе, какъ пооднажды показывалъ». Брамбилла беретъ въ ротъ рюмку и ставитъ на нее шпагу, а «маленькой агличанинъ» балансируетъ на ея концѣ. У Номоры кунстштюкъ тоже начинается съ рюмки. Онъ беретъ ее въ ротъ, ставитъ на ея конецъ соломинку, а на соломинку яйцо и балансируетъ этимъ хрупкимъ сооруженіемъ. У дѣвицы Розаліи два кунстштюка: первый—«дѣйствовать она будетъ на веревкѣ двумя значками и оными столь проворно вертѣть, что отъ скорости ея самой не видно будетъ». Второй кунстштюкъ еще лучше: «беретъ она пирамиду съ 32 рюмками, ставитъ оную на лобъ и съ нею на столѣ качается и дѣлаетъ многія хитрости. Во время качанія пирамиды, она проходитъ сквозь обручи, не теряя равновѣсія съ пирамидой».

Какъ уже сказано, Брамбиллино общество рекламировало главнымъ образомъ свои пантомимы. Дѣйствующія въ нихъ лица—знакомые Панталоне, Коломбина и Арлекинъ. Играли ихъ всегда одни и тѣ же актеры. Панталонъ (придерживаясь ороографіи «Спб. Вѣд»)—Номора, Пиротъ—Заменцато, Арлекинъ—Брамбилла. Съ Коломбиной вышелъ казусъ. Играла ее жена Брамбиллы, и общество долго не могло придумать, какъ ее именовать. Въ первый

разъ назвали «Брамбилла женщина», во второй—«Брамбиллина жена и наконецъ остановились на «Брамбильшѣ»,—послѣднее наиболѣе правильно по тогдашнему русскому языку; тогда всегда писали съ такимъ окончаніемъ иностранныя фамилія, если онѣ принадлежали женщинамъ: Брумбергша, Шмитша, Брукша...

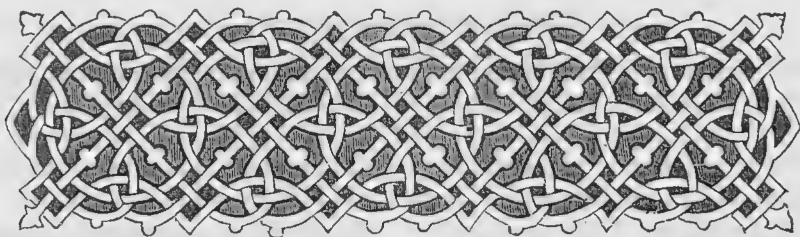
Обществомъ былъ поставленъ цѣлый рядъ пантомимъ; первой была «Очарованная пастушка». О ней сообщалось, что «при сей пантомимѣ многіе видимы будутъ превращенія и двѣ пѣты будутъ аріи». Что понималось подъ этими превращеніями, мы узнаемъ изъ объявленія общества, когда «обвороженная пастушка» шла во второй разъ: дерево «превратится въ Коломбину; басъ и цитра въ два мужика, которые будутъ плясать; Коломбининъ столъ превратится въ портшезу; арлекинъ превратится въ солдата, который будетъ пѣть арію; солдатъ превратится въ такого человѣка, который будетъ играть знаменемъ и пѣть; потомъ въ барабанщика, который бьетъ въ барабанъ по такту. Арлекинъ проскочитъ сквозь зеркало. Пиротъ, желая тоже проскочить, превратится въ женщину. Гора превратится въ торжественную колесницу».

Далѣе обществомъ были представлены пантомимы «Арлекинъ, по случаю сдѣлавшійся стражникомъ и чеботаремъ», «Чародѣйное кольцо, или Арлекинъ страшилище и Пиротъ דуракъ» и «Арлекинъ, умерщвленный и волшебной силой оживленный, или Арлекиново сѣдалище». Въ послѣдней пантомимѣ «превращеній» оказывается очень много, и изъ ихъ описанія мы можемъ судить и о содержаніи пантомимы. «Театръ представляетъ могилу, арлекинъ сидѣть будетъ на сѣдалищѣ въ саванѣ; театръ превратится въ лѣсъ, и арлекинъ въ живого человѣка и въ другое платье; арлекинъ посреди выйдетъ театра, влѣзетъ въ мѣшокъ и пока вылѣзетъ въ женскомъ платьѣ, арлекинъ влѣзетъ въ бомбу, Пиротъ выпалитъ изъ бомбы, и арлекинъ вздымется вверхъ надъ театромъ. Арлекинъ превратится въ висѣлицу, на которой онъ самъ висѣть будетъ. Пиротъ, смотря на сіе, будетъ смѣяться, а арлекинъ между тѣмъ частями будетъ падать на одръ и превратится въ живого мандарина съ одромъ. Арлекинъ и Коломбина превратятся въ исполиновъ. Оба исполина превратятся въ 4 китайскіе ключи, изъ которыхъ родится множество огненныхъ лилей».

Эти «еквилибристы» только одинъ уголокъ обширнаго увеселительнаго царства. Десятки увеселителей другихъ спеціальностей наѣзжали въ Петербургъ и пестрили своими объявленіями страницы «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей».

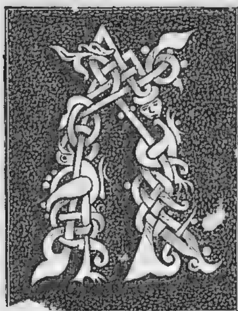
Ив. Иноземцевъ.

НАСЛѢДСТВО ПЕТРА ВЕЛИКАГО [1].

IV.

ИЧНОСТЬ г. Валишевскаго, какъ автора трудовъ по новой русской исторіи, освѣщена, кажется, достаточно въ первой статьѣ нашей о его книгѣ: «L'héritage de Pierre le Grand». Переходя къ дальнѣйшему ея разбору, мы попрежнему увольняемъ и себя, и нашихъ читателей, отъ пересказа излюбленной нашимъ авторомъ анекдотической стороны событій и остановимся, хотя вкратцѣ, на его взглядахъ на ходъ исторической жизни русскаго народа. Мы сдѣлаемъ это не потому, чтобы взгляды эти, сами по себѣ, стоили опроверженія, а потому, что для нѣкоторой части нашего общества, покланяющейся «Европѣ», они могутъ показаться чуть ли не послѣднимъ словомъ «свободной» и «просвѣщенной» критики русской исторіи.

Презрѣніе г. Валишевскаго къ русскому народу, не имѣющему будто бы въ своей исторіи ничего за душой въ культурномъ смыслѣ, идетъ crescendo въ его изложеніи событій, пережитыхъ Россіей послѣ смерти Петра. Критеріемъ культурности народа является для него исключительно воспріимчивость его къ усвоенію западныхъ политическихъ и экономическихъ доктринъ и формъ жизни; за «некультурность» въ этомъ отношеніи народъ этотъ, т. е. русскій, надѣляется сравненіемъ съ дѣтьми и

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXXIII, стр. 679.

моллюскомъ [1]). Самые очевидные факты, противорѣчащіе этому основному взгляду автора, не смущаютъ его ни на одну минуту: съ несокрушимою увѣренностію и завиднымъ спокойствіемъ духа онъ проходитъ мимо нихъ, бросивъ лишь нѣсколько фразъ объ эксцентричности хода русской исторіи, и затѣмъ съ неменьшимъ спокойствіемъ и увѣренностью пользуется этими же фактами, какъ законнымъ своимъ достояніемъ, если они совпадаютъ въ томъ или другомъ отношеніи съ его quasi-историческими воззрѣніями. Особенно интересенъ въ этомъ смыслѣ разсказъ г. Валишевскаго о борьбѣ «птенцовъ Петровыхъ» съ представителями «старой русской партіи» при Петрѣ II и въ началѣ царствованія Анны Іоанновны. «Старые русскіе»: Голицыны и Долгорукіе увлекаютъ царя-отрока въ Москву, Петербургъ пустѣетъ, флотъ приходитъ въ упадокъ, и, по мнѣнію г. Валишевскаго, дѣло преобразованія гибнетъ, несмотря на совѣты и противодѣйствіе Остермана и других иностранцевъ. Правда, Соловьевъ, изучавшій царствованіе Петра II по архивнымъ документамъ, пришелъ къ другому нѣсколько выводу. «Если, говоритъ онъ, поддержка арміи и флота въ томъ состояніи, въ какомъ они находились при Петрѣ Великомъ, встрѣчала сильное препятствіе въ самомъ второмъ императорѣ, который ни по лѣтамъ, ни по привычкамъ не былъ способенъ даже играть въ солдаты и корабли,— то остальныя дѣла преобразователя, которыя не шли въ разрѣзъ склонностямъ государя и интересамъ вельможъ, поддерживались и развивались, ибо сознательнаго, преднамѣреннаго противодѣйствія дѣлу преобразованія мы не замѣчаемъ ни въ комъ изъ русскихъ людей, стоявшихъ въ это время на верху» [2]). Но этотъ выводъ Соловьева г. Валишевскій обходитъ легкимъ замѣчаніемъ, что «нѣкоторые (sic) русскіе историки: Соловьевъ, а ранѣе Ведемейеръ (!), увлеклись панегирикомъ Манштейна (!)», и что на первомъ планѣ должны быть поставлены для изученія вопроса донесенія иностранныхъ посланниковъ [3]). Между тѣмъ, даже по этимъ донесеніямъ оказывается, что эти «старые русскіе» были, по своему образованію и вкусамъ, чистыми европейцами. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ получилъ образованіе въ Италіи, а въ своей подмосковной, Архангельскомъ, собралъ библіотеку въ 6.000 томовъ, въ томъ числѣ сочиненія Локка, Маккіавелли, Пуфендорфа; въ 1701 г. былъ посломъ въ Константинополѣ и, управляя съ 1708 по 1721 г. Малороссіей, всячески заботился о распространеніи въ ней просвѣщенія. Братъ Дмитрія, Михаилъ Михайловичъ, фельдмаршалъ, пользовался особымъ уваженіемъ иностранцевъ: «во всякой странѣ, менѣе варварской, писалъ о немъ Лиріа, онъ былъ бы великимъ человѣкомъ. «Васи-

[1]) «L'héritage» etc., 113.
[2]) «Исторія Россіи», XIX, кн. IV (изд. Тов. Общ. Польза), стр. 1096.
[3]) «L'héritage» etc., 112.

лій Лукичъ Долгорукій началъ свою дипломатическую карьеру при дворѣ Людовика XIV и жилъ въ Парижѣ четырнадцать лѣтъ, вступилъ тамъ въ сношенія съ іезуитами и затѣмъ былъ русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ; по отзыву Бассевича, это былъ «самый любезный и обходительный человѣкъ изъ всѣхъ русскихъ». Г. Валишевскій вспоминаетъ объ этомъ лишь при разсказѣ о томъ, какъ послѣ паденія Меншикова начали обозначаться олигархическія тенденціи Верховнаго Тайнаго Совѣта, и тогда представители «старорусской» партіи постепенно превращаются у него въ «верховниковъ», создающихъ «конституціонную хартію»—вѣнецъ политическихъ идеаловъ автора «по западно-европейскимъ теоріямъ»; тогда тѣ же Голицыны и Долгорукіе являются для автора носителями европейской культуры, хотя онъ и не сочувствуетъ ихъ олигархическимъ тенденціямъ. Понять путаницу автора, однако, довольно легко. Долгорукіе и Голицыны были въ дѣйствительности не «старо-русскими», а просто русскими людьми, цѣнившими западную культуру, но вѣрившими въ силы своего народа и не думавшими, что нужно искать спасенія въ нѣмцахъ; они въ сущности выражали взглядъ самого Петра В., который говорилъ, что, воспринявъ плоды западно-европейской цивилизаціи, Россія можетъ въ ближайшемъ будущемъ повернуться къ Европѣ задомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они не забыли традицій старыхъ боярскихъ родовъ, искони боровшихся съ самодержавной властью, не забыли «семибоярщины», а между тѣмъ именно въ этомъ отношеніи признаны г. Валишевскимъ за чистыхъ европейцевъ, и потому Остерманъ, Левенвольде, Биронъ, вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, должны, по взгляду автора, стать на ряду съ врагами западной культуры, потому что они сдѣлались противниками верховниковъ. Безпорядки въ управленіи при Петрѣ II, вопреки автору, также нельзя ставить въ вину «русской» партіи: они существовали потому лишь, что царь-отрокъ былъ въ рукахъ людей, преслѣдовавшихъ свои частные интересы, независимо отъ того, къ какой бы партіи они ни принадлежали.

Неудачу замысловъ верховниковъ г. Валишевскій приписываетъ низшему дворянству, которое наполняло ряды гвардіи и которое будто бы исключительно въ самодержавіи видѣло охрану крѣпостного права: авторъ, очевидно, забылъ о Польшѣ, гдѣ олигархія магнатовъ, при массѣ мелкопомѣстной и безземельной шляхты, умѣла поддерживать рабовладѣльческія вожделѣнія болѣе, чѣмъ это было гдѣ либо; на самомъ дѣлѣ дворянство, какъ и весь народъ русскій, видѣло въ самодержавіи залогъ единства и крѣпости русскаго государства и берегло его. Авторъ скорбитъ, что въ комиссіи о сочиненіи новаго уложенія при Екатеринѣ II сказалось гораздо меньше свободолюбивыхъ стремленій среди дворянства, чѣмъ въ 1730 году, приписывая это развившемуся въ немъ «сервилизму», и забываетъ, что именно въ этой комиссіи сама самодержица возбудила вопросъ объ

ограниченіи крѣпостнаго права; авторъ затѣмъ насмѣшливо замѣчаетъ, что «сервилизмъ» дворянъ вознагражденъ былъ въ «концѣ XVIII вѣка» освобожденіемъ дворянства отъ обязательной службы государству, но при этомъ, очевидно, вовсе забываетъ, что это освобожденіе было не «въ концѣ вѣка», а въ 1762 г., въ царствованіе Петра III, за пять лѣтъ до созыва Екатериной комиссіи для сочиненія новаго уложенія. Но верхомъ сознательной наивности г. Валишевскаго въ разсужденіи объ исходѣ попытки верховниковъ въ 1730 г. ограничить самодержавіе является меланхолическое его заключеніе объ упадкѣ вольномыслія среди русскаго народа. «Сто лѣтъ спустя послѣ событій 1730 г. русскіе солдаты, посланные для подавленія польскаго возстанія, никакъ не могли понять основной причины этой неравной борьбы. Имъ сказали, что возставшіе сражаются за свою конституцію, а они вообразили, что Конституція было имя супруги великаго князя Константина, который женатъ былъ на полькѣ. Вотъ къ чему пришло, въ теченіе столѣтняго промежутка времени, въ народныхъ массахъ движеніе идей, которыя агитаторы XVIII вѣка надѣялись сдѣлать доступными для всѣхъ классовъ народа!» [1]). Мы не будемъ спорить съ г. Валишевскимъ, о томъ, что̀ именно думали русскіе солдаты, усмиряя польское возстаніе, но напомнимъ ему, что конституція, какъ супруга великаго князя Константина Павловича, измышлена была декабристами, когда они убѣждали совращенныхъ ими солдатъ кричать: «да здравствуетъ конституція!».

Торжество нѣмецкой партіи въ Россіи, съ Бирономъ, Минихомъ и Остерманомъ во главѣ, было непосредственнымъ послѣдствіемъ «затѣйки» верховниковъ, принадлежавшихъ къ родовитой русской знати: для императрицы Анны Іоанновны, послѣ Голицыныхъ и Долгорукихъ, русскіе вельможи сдѣлались подозрительны, точно такъ же, какъ сто лѣтъ спустя, при императорѣ Николаѣ I, послѣ декабрьскихъ смутъ, захватившихъ многихъ представителей русской аристократіи, въ высшемъ государственномъ управленіи получили особое значеніе остзейскіе нѣмцы и разные выходцы,

Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ.

Г. Валишевскій держится, однако, другого мнѣнія о значеніи нѣмецкой партіи для Россіи: онъ примыкаетъ къ мнѣнію, что собственно русскаго дворянства никогда не существовало, такъ какъ, по показаніямъ Бархатной книги, родоначальники большинства дворянскихъ фамилій были де знатными выходцами изъ Польши, Швеціи, Германіи, Италіи и т. д., и такимъ образомъ русскіе дворяне искони были «нѣмцами». Приливъ иностранцевъ въ Россію со

---

[1]) «L'hèritape» etc., 153—154.

временъ Петра Великаго былъ, по его мнѣнію, лишь естественнымъ продолженіемъ ранѣе существовавшаго явленія, такъ что въ сущности о борьбѣ нѣмцевъ и русскихъ при Аннѣ Іоанновнѣ можно сказать, что «своя своихъ не познаша». Не будемъ останавливаться на разборѣ этого мнѣнія: оно само говоритъ за себя. Мы замѣтимъ, однако, что показанія Бархатной книги, основанныя на суетномъ желаніи русскихъ дружинниковъ произвести свой родъ отъ западныхъ графовъ, маркграфовъ и т. д., уже давно не возбуждаютъ довѣрія, какъ не возбуждали никогда довѣрія стремленія Грознаго вывести родъ свой отъ римскихъ кесарей и усилія Бирона связать свою фамилію съ фамиліей французскихъ Бироновъ.

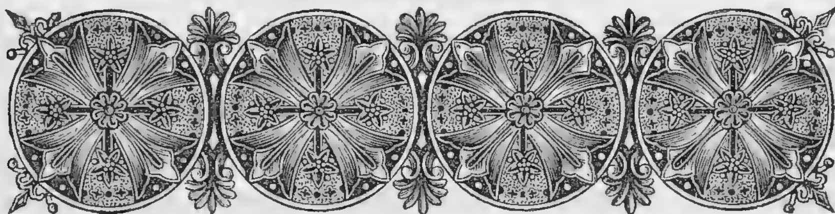
Печальное время Бироновщины разсказано г. Валишевскимъ съ внѣшней стороны подробно, хотя и односторонне, но чѣмъ оно было для русскаго народа,—изъ его труда нельзя составить себѣ даже приблизительнаго понятія. Авторъ признаетъ, напримѣръ, что дѣло Волынскаго было въ сущности выраженіемъ борьбы между нѣмецкой и русской партіями, что самъ Волынскій, при всѣхъ личныхъ своихъ недостаткахъ, былъ средоточіемъ огромнаго числа недовольныхъ Бирономъ и нѣмцами, и что казнь его, возбудившая негодованіе и современниковъ, и потомства, рѣзко осужденная самой императрицей Екатериной II,—была личнымъ дѣломъ фаворита, стремившагося незадолго до кончины Анны Іоанновны уничтожить выдающихся представителей русской партіи и почти одновременно съ Волынскимъ казнившаго несчастныхъ Долгорукихъ, томившихся дотолѣ въ ссылкѣ. Но, по мнѣнію г. Валишевскаго, съ русскими и поступать иначе не стоило, потому что высшая правда была на сторонѣ Бирона. «Въ сущности, говоритъ онъ, Волынскаго и его конфидентовъ въ борьбу съ нѣмцами привелъ духъ порядка, метода, который эти иностранцы принесли съ собою, ихъ болѣе культурные нравы, болѣе развитое просвѣщеніе, и мнѣ кажется, что ненависть къ Бироновщинѣ, распространенная въ массѣ народа и даже русскаго общества (public), происходитъ главнымъ образомъ изъ того же источника» [1]...

Думаемъ, что послѣ этой аттестаціи русскаго общества дальнѣйшихъ выписокъ изъ труда г. Валишевскаго приводить уже не стоитъ: мы знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Неужели въ самомъ дѣлѣ польско-французскій авторъ русской исторіи думаетъ, что русское общество, происходя, по его мнѣнію, отъ нѣмцевъ, до сихъ поръ остается не русскимъ? Или, быть можетъ, онъ встрѣчалъ за границей русскихъ преимущественно еврейскаго происхожденія, которыхъ въ Западной Европѣ видимо-невидимо, и которые выдаютъ себя за кровныхъ русскихъ, представителей русскаго общественнаго мнѣнія?

Евгеній Шумигорскій.

---

[1] «L'hèritage» etc., 230.

ЮБИЛЕЙ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

(1876—1901 г.).

ЕДАКЦІЯ «Новаго Времени» праздновала 28 февраля двадцатипятилѣтній юбилей издательства газеты Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ. Въ этотъ день, утромъ, заѣзжали поздравить юбиляра министры: финансовъ — С. Ю. Витте, иностранныхъ дѣлъ—графъ В. Н. Ламздорфъ, юстиціи—Н. В. Муравьевъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ—А. Е. Ермоловъ, путей сообщенія—князь М. И. Хилковъ и отъ имени военнаго министра А. Н. Куропаткина адъютантъ его — баронъ В. Ѳ. Остенъ-Сакенъ; товарищи министровъ: финансовъ—В. И. Ковалевскій, юстиціи — С. С. Манухинъ, товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода—В. К. Саблеръ; товарищъ министра народнаго просвѣщенія Н. А. Звѣревъ прислалъ привѣтственную телеграмму.

Сотрудники поднесли Алексѣю Сергѣевичу Суворину, собранные ими между собою, 7.500 рублей, которые предоставили въ его распоряженіе на какое либо дѣло, полезное русскому просвѣщенію. Книжный магазинъ «Новаго Времени», контора и типографія газеты поднесли роскошные альбомы, съ фотографическими видами внутреннихъ помѣщеній этихъ заведеній и группами служащихъ въ нихъ. Кромѣ того, многіе почитатели юбиляра прислали разнообразные подарки: такъ, между прочимъ, извѣстный пѣвецъ Мазини прислалъ изъ Италіи художественной работы эмальированный ковшъ на серебряномъ, вызолоченномъ подносѣ; А. А. Титовъ, изъ

Ростова, изящный складень съ превосходно нарисованными на фарфорѣ образами и т. д.

Въ два часа дня, въ квартирѣ Алексѣя Сергѣевича Суворина было совершено молебствіе. Большой залъ и прилегающій къ нему кабинетъ едва могли вмѣстить многочисленныхъ гостей, пожелавшихъ лично поздравить юбиляра. Кромѣ сотрудниковъ въ полномъ составѣ, здѣсь находились представители высшей администраціи, литераторы, издатели многихъ петербургскихъ и провинціальныхъ газетъ, художники и артисты. Перечислить всѣхъ нѣтъ возможности; назовемъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ: предсѣдатель комитета министровъ И. Н. Дурново, члены государственнаго совѣта М. Н. Галкинъ-Врасскій и В. П. Череванскій, товарищъ министра путей сообщенія В. А. Мясоѣдовъ-Ивановъ, товарищъ государственнаго контролера А. И. Иващенковъ, начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ Н. И. Петровъ, директоръ императорскаго эрмитажа оберъ-гофмейстеръ И. А. Всеволожскій, директоръ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ Н. Г. Гартвигъ, директоръ императорской Публичной библіотеки Н. К. Шильдеръ, сенаторъ А. Л. Боровиковскій, генералъ-отъ-артиллеріи Демьяненковъ, генералъ-отъ-кавалеріи А. П. Струковъ, князь П. Д. Львовъ, петербургскій городской голова П. И. Леляновъ, череповецкій городской голова И. А. Милютинъ, князь В. П. Мещерскій, А. А. Потѣхинъ, С. В. Максимовъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, І. І. Ясинскій, П. П. Гнѣдичъ, В. Г. Авсѣенко, В. В. Комаровъ, С. Н. Худековъ, Н. Н. Каразинъ, профессоръ Н. Л. Бѣлелюбскій, профессоръ Ѳ. И. Пастернацкій, художники В. Е. и К. Е. Маковскіе, Л. Ф. Лагоріо, Н. А. Кошелевъ, композиторы Н. Ѳ. Соловьевъ и Г. А. Ларошъ, артисты Н. Ѳ. Сазоновъ, М. И. Писаревъ, артистки г-жа Ксешинская, Петипа, Жулева, Потоцкая и др.

Послѣ молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія Алексѣю Сергѣевичу Суворину, его семьѣ и сотрудникамъ «Новаго Времени», а также и присутствовавшимъ, началось чтеніе адресовъ и привѣтствій. Первымъ былъ прочитанъ А. П. Никольскимъ слѣдующій адресъ отъ сотрудниковъ:

«Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ!

«Привѣтствуя васъ въ день 25-лѣтняго юбилея вашей блестящей литературно-журнальной дѣятельности во главѣ всѣмъ намъ родного «Новаго Времени», поставленнаго вами на высоту первой русской газеты, мы, счастливые и гордые своимъ сотрудничествомъ въ «Новомъ Времени», просимъ васъ принять слабое выраженіе нашихъ горячихъ, глубокихъ къ вамъ симпатій въ видѣ собранной нами суммы на какое либо, по вашему усмотрѣнію, полезное русскому просвѣщенію дѣло, чтобы оно было почетнымъ хранителемъ вашего заслуженнаго имени въ потомствѣ.

«Мы выбрали этотъ способъ выраженія нашихъ къ вамъ симпатій, зная, какъ близки вашему сердцу нужды отечественнаго просвѣщенія, и какъ высоко ставите вы просвѣтительную дѣятельность въ нашей еще столь бѣдной образованіемъ странѣ. Съ первыхъ шаговъ на жизненномъ поприщѣ, которое вы не даромъ начали учительствомъ въ школѣ, вы всецѣло отдали этой дѣятельности вашъ яркій, многогранный талантъ, ваши богатыя силы ума и сердца и вашу изумительную трудовую энергію.

«Вся ваша разностороннняя дѣятельность,—напряженная, не знающая устали и отдыха, всегда отмѣченная печатью таланта, согрѣтая искренностью, всегда блещущая искрами остроумія и оригинальности,—цѣликомъ посвящена просвѣтительнымъ задачамъ. Въ газетѣ такъ же, какъ и въ книгоиздательствѣ, и въ книготорговлѣ, и въ театрѣ, и въ разныхъ литературно-общественныхъ учрежденіяхъ, вы прежде всего искали способовъ внести какъ можно больше свѣта въ обиходъ русской жизни, потому что вы, одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ самородковъ, превыше всего ставите просвѣщеніе русскаго человѣка, потому что вы преисполнены свѣтлой вѣрой въ даровитость, здравомысліе и великую духовную силу русскаго народа, дающую ему неотъемлемое право быть самимъ собой на міровой аренѣ. Ваша всегда яркая, нерѣдко пламенная рѣчь, идущая отъ сердца къ сердцу, съ первыхъ дней жизни «Новаго Времени» подъ вашимъ руководствомъ, привлекла къ вамъ симпатіи широкихъ русскихъ общественныхъ круговъ, и во все послѣдующее 25-лѣтіе ваша обширнѣйшая аудиторія неизмѣнно росла и распространялась, разнося во всѣ уголки русской земли здоровыя сѣмена будущей самобытной русской культуры, поднимая и укрѣпляя въ русскихъ людяхъ національное самосознаніе, вѣру въ свои силы и въ свое почетное историческое призваніе.

«Но, воздавая вамъ должное, какъ выдающемуся дѣятелю русскаго просвѣщенія, восхищаясь вашимъ несравненнымъ талантомъ, преклонясь передъ вашими вполнѣ заслуженными блестящими успѣхами въ русской журналистикѣ и въ русскомъ обществѣ, мы не сказали бы главнаго, что насъ сплотило съ вами въ одну крѣпкую семью—на всю жизнь, если бы не сказали, что мы не только высоко цѣнимъ и чтимъ васъ, но еще болѣе того—любимъ васъ!

«Нѣтъ человѣка между нами,—рано ли, поздно ли пришелъ онъ работать съ вами,—который не испыталъ бы на себѣ вашего счастливаго дара—затронуть деликатнѣйшія струны сердца, расшевелить лучшія чувства, поднять горячей волной искренность, одушевленіе, вѣру въ себя, въ свои силы. Въ радости и печали вы всегда были доступны каждому изъ насъ. Мы искали и находили у васъ не одни руководительныя указанія, а еще чаще находили нравственную опору и поддержку, дружеское участіе, неподдѣль-

ное сочувствіе ко всякому живому порыву, ко всякому проблеску дарованія. Вы никогда не замыкались передъ нами въ сухую оболочку офиціальности, а тѣмъ болѣе принудительнаго авторитета. Напротивъ, нерѣдко мы вмѣстѣ переживали столь обычныя въ газетной работѣ мучительныя минуты сомнѣній и колебаній. Но мы не падали духомъ, имѣя всегда передъ собой образецъ вашего трудового подвижничества и несокрушимой энергіи, которыхъ не страшили и не могли одолѣть никакія душевныя терзанія, волненія и заботы, неразлучныя съ нашей срочной, спѣшной и нервной работой. И за всѣ эти 25 лѣтъ такой совмѣстной работы, которой вы отдавались напряженнѣе и больше каждаго изъ насъ, мы сохранили лишь дорогія воспоминанія о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

«Привѣтъ вамъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, отъ глубины искренняго благодарнаго чувства, и дай Богъ намъ вмѣстѣ съ нашимъ юбиляромъ еще много лѣтъ также обильно черпать силы и бодрость въ соприкосновеніи съ вашимъ неувядающимъ талантомъ и вашимъ истинно благороднымъ сердцемъ!»

Второй адресъ, отъ женъ сотрудниковъ «Новаго Времени», прочитала жена редактора газеты, З. Н. Булгакова, далѣе слѣдовали адресы отъ типографіи, конторы и книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени», отъ подписчиковъ «нижегородцевъ», отъ труппы Малаго театра, отъ вспомогательной кассы наборщиковъ, отъ редакцій «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Русскаго Инвалида», «Свѣта», «Herold», «Виленскаго Вѣстника», «Кронштадтскаго Вѣстника», «Котлина», «Русскаго Листка», «Финляндской газеты», «Церковнаго Вѣстника» и др. Отъ общества русскихъ драматическихъ писателей привѣтствовалъ Алексѣя Сергѣевича Суворина П. М. Невѣжинъ, при чемъ вручилъ юбиляру золотой жетонъ общества. Городской голова П. И. Леляновъ въ своей рѣчи вспомнилъ, что «Новое Время» всегда стояло на стражѣ городскихъ интересовъ, и если лично къ нему, П. И. Лелянову, относилось критически, то это нисколько не мѣшаетъ ему пожелать успѣха «Новому Времени», какъ истинной русской газетѣ. К. К. Случевскій, В. С. Лихачевъ и К. М. Фофановъ прочитали свои стихотворенія. Приводимъ эти стихотворенія полностью, а изъ нѣкоторыхъ адресовъ выдержки:

Стихотвореніе К. К. Случевскаго.

Портретъ въ стихахъ.

(А. С. Суворину, 28 февраля 1901 г.).

Живой портретъ въ стихахъ! Сутуловатъ, нестроенъ,
И грудь не высока, но плечи широки;
Глаза не изъ большихъ; взглядъ часто не спокоенъ,
И сквозь стекло очковъ блистаютъ огоньки,

И не усидчивъ онъ! Порывисты движенья;
Не тщателенъ уходъ за длинной бородой;
Одежда широка, чтобъ не было стѣсненья;
Морщинъ достаточно; украшенъ сѣдиной.
Онъ безконечно добръ, язвителенъ нерѣдко,
Не знаютъ, какъ къ нему порою подойти;
Правдивъ всегда, клеймитъ остро и мѣтко,
И хвалитъ иногда, пожалуй, безъ пути.
Рѣчь очень неровна; въ ней часто «все-такое»,
Нерѣдко въ рѣчи той не отыскать его;
Порою, какъ дитя, играетъ на покоѣ,—
Порой глашатай думъ народа своего...
Но это жизнь сама! Въ немъ—лирика созданья,
Красотъ и слабостей обычный перебой,
Очарованье сновъ, несокрушимость знанья
И вѣра въ будущность всей пылкою душой.
Ему десятки лѣтъ давала жизнь уроки,
Но старый педагогъ не сбилъ ученика,
Живая льется мысль сквозь пламенныя строки,
Нѣтъ оскудѣнья въ ней, и нѣтъ въ ней старика!
Счастливый образецъ хорошаго закала!
Одинъ изъ могиканъ давнишнихъ милыхъ лѣтъ...
Но здѣсь, въ присутствіи, вблизи оригинала,
Блѣднѣетъ, какъ луна предъ солнцемъ, весь портретъ!
Но будетъ нѣкій день, насъ всѣхъ, кто здѣсь, не станетъ,
Забудутся черты, замретъ безслѣдно рѣчь...
Тогда, сквозь тьму годовъ, портретъ въ стихахъ проглянетъ,
Его ни потерять, ни разорвать, ни сжечь!
И подлѣ, вкругъ него, еще проступятъ лица:
Друзья, товарищи, почтенная семья!
Живая, рѣдкая, хорошая страница
Изъ нашихъ смутныхъ дней лихого бытія!

Стихотвореніе В. С. Лихачева.

Здравица.

Въ дни общаго сумбура
И общаго шатанія,
Когда и небо хмуро,
И почва безъ питанія,
Когда, свою породу
Чтобъ скрыть передъ сосѣдями,
Мы пляшемъ имъ въ угоду
Учеными медвѣдями,
Когда заморской пряжей
Мы сплошь себя уже заткали
И передъ силой вражьей
Все хвастаемся: гладко ли?

Когда отъ пять до выи
Въ насъ русское все сковано
И русскимъ быть въ Россіи
Едва ли не рискованно,—
На братскій судъ къ отвѣту
Мы требуемъ отвѣтчика:
За русскую газету!
За русскаго газетчика!

Стихотвореніе К. М. Фофанова.

Четверть вѣка.

Четверть вѣка! Четверть вѣка,—
Это возрастъ человѣка,
Лучшій возрастъ иногда;
Возрастъ гордаго расцвѣта,
Возрастъ смѣлаго труда,
Вольныхъ пѣсенъ—для поэта!
Четверть вѣка! Боже мой,
Это возрастъ молодой!
Дни, когда себя тревожимъ,
Ставимъ истину вверхъ дномъ;
Дни, когда мы выпить можемъ
Четвертную вчетверомъ.
Это—возрастъ, что смѣется...
Этотъ возрастъ, мнѣ сдается,
Въ «Новомъ Времени» всегда,
Возрастъ мысли и стремленья,
Возрастъ правды и гоненья
И упорнаго труда.
Время новое—отрада,
И для сока винограда
Вѣчно новые мѣхи...
Время новое цензурно
И для стараго Сатурна,
Что прощаетъ всѣ грѣхи!..

Адресъ «Кронштадтскаго Вѣстника».

«У насъ, на флотѣ, есть сигналъ—«слѣдовать движеніямъ адмирала». По этому сигналу всѣ корабли берутъ курсы и маневрируютъ сообразно дѣйствіямъ флагманскаго корабля, идущаго впереди другихъ.

«Примѣняя означенный терминъ къ трудящимся на литературномъ поприщѣ и къ руководителямъ газетъ, нельзя не признать, что вы, Алексѣй Сергѣевичъ, на своемъ поприщѣ также адмиралъ,

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ въ 1876 году.

а ваше почтенное изданіе—флагманскій корабль, движеніямъ котораго слѣдуютъ многіе органы печати.

«Въ теченіе четверти вѣка вы являлись искуснымъ кормчимъ, который умѣло велъ свой корабль чрезъ тѣ безчисленныя преграды и опасности, какими изобилуетъ наша общественная и политическая жизнь».

Адресъ «Русскаго Листка».

«Вашъ примѣръ вѣщаетъ младшимъ работникамъ на литературной нивѣ: къ добру направленный талантъ, упорный трудъ, желѣзная воля, служа вѣрнымъ залогомъ успѣха, преодолѣютъ всѣ препятствія. Вы умѣли затрогивать сокровеннѣйшія струны сердца рус-

скаго читателя, прозорливо опредѣлять жгучія язвы общественности, находить имъ правильное противодѣйствіе. Подъ вашимъ перомъ родная дѣйствительность со всѣми ея радостями и скорбями рисовалась въ истовомъ русскомъ духѣ. Глубина и самостоятельность вашихъ воззрѣній были оцѣнены и у насъ и на западѣ: за рубежомъ признали наконецъ существованіе частной русской печати и стали прислушиваться къ ея голосу. И такъ, русскія начала, русская газета торжествуютъ сегодня. Вотъ что особенно знаменательно и дорого, вотъ почему радость «Новаго Времени»—радость и русскаго литературнаго работника и русскаго читателя».

Рѣчь, сказанная редакторомъ «Финляндской Газеты», И. А. Баженовымъ.

«Я пріѣхалъ сюда изъ окраиннаго Гельсингфорса отъ имени первой тамъ русской «Финляндской Газеты» поздравить собственно ваше «Новое Время», потому что для него этотъ двадцатипятилѣтній періодъ является временемъ блестящаго развитія, роста и небывалаго въ исторіи русской журналистики вліянія, для него это дѣйствительно юбилей. Для васъ же, его руководителя и создателя этого блестящаго положенія, это не юбилей, а только двадцатипятиверстный, тяжелый, но завидный, перегонъ отъ бывшей работы къ будущей работѣ. Для николаевскаго солдата двадцать пять лѣтъ службы были важны, потому что обѣщали ему чистую отставку, а русскому публицисту, въ особенности въ томъ положеніи, какое вы создали для себя, нѣтъ ни отставки, ни смѣны. Пока есть силы, будь на стражѣ, да не стой, а иди впередъ, работай и мысли на пользу родной Русской земли, неси знамя, тобою поднятое. Вотъ для этой-то службы дай вамъ Богъ побольше силъ и бодрости».

Въ 9 часовъ вечера состоялся раутъ въ Маломъ театрѣ, который принялъ на этотъ вечеръ очень красивый видъ, благодаря художественнымъ декораціямъ, исполненнымъ г. Суворовымъ, и иллюминаціи зрительнаго зала, устроенной С. И. Сальвесономъ, царскосельскимъ электротехникомъ. Надъ сценой была помѣщена крупная надпись «Новое Время», исполненная въ стилѣ того шрифта, которымъ печатается названіе газеты въ заголовкѣ; буквы надписи были сдѣланы изъ искусственныхъ цвѣтовъ, въ которыхъ скрывались электрическіе лампіоны; въ серединѣ надписи находились такіе же инициалы «А. С.»; къ серединѣ потолка надъ люстрой зрительнаго зала были протянуты широкія голубыя ленты и гирлянды розъ съ электрическими лампочками; ложи были убраны такимъ же образомъ гирляндами изъ розъ съ лампіонами. Все это производило чрезвычайно эффектное впечатлѣніе. Въ фойе и прилегающихъ залахъ, украшенныхъ растеніями, были расположены открытые буфеты съ шампанскимъ, фруктами, конфетами и за-

кусками. На раутъ собралось до 600 человѣкъ; тутъ находились: министръ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ, товарищъ его В. А. Мясоѣдовъ-Ивановъ, товарищъ министра финансовъ В. И. Ковалевскій, товарищъ государственнаго контролера А. П. Иващенковъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати князь Н. В. Шаховской, В. С. Адикаевскій, П. М. Литвиновъ, редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» К. К. Случевскій, графъ А. Д. Шереметевъ, начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ генералъ-лейтенантъ Н. И. Петровъ, князь П. Д. Львовъ, пасторъ Гиллотъ, А. В. и Е. Н. Половцовы, профессора: А. А. Иностранцевъ, Трояновъ, академикъ В. И. Ламанскій, Н. В. Покровскій, Н. П. Кондаковъ, Д. П. Коноваловъ, П. И. Ковалевскій, С. П. Глазенапъ, А. В. Праховъ, художники: Александровскій, Лагоріо, Елиз. М. Бемъ, Кошелевъ, академики: И. И. Ждановъ, А. И. Сомовъ; баронъ Штакельбергъ, генералъ-лейтенанты: Е. В. Богдановичъ, Н. К. Шильдеръ, М. А. Сиверсъ, командиръ кронштадскаго порта адмиралъ С. О. Макаровъ, генералъ-майоры: Я. И. Павлиновъ, А. И. Золотаревъ, А. Р. Шуляченко, А. А. Поливановъ, Н. И. Кутеповъ, М. М. Бородкинъ, А. Э. Прескоттъ, полковникъ Ковалько, К. К. Эссенъ, представители литературы и журналистики, художники, артисты императорскихъ драматической, оперной, балетной и французскихъ труппъ, артисты Малаго театра и сотрудники «Новаго Времени». Много было дамъ, которымъ всѣмъ были поднесены букетики цвѣтовъ.

Раутъ сотрудниковъ «Новаго Времени» осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ его императорское высочество великій князь Владиміръ Александровичъ. Его высочество изволилъ прибыть въ началѣ одиннадцатаго часа въ сопровожденіи начальника штаба петербургскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанта Г. Р. Васмунда, и дежурнаго адъютанта. Его императорское высочество прибылъ въ срединѣ перваго концертнаго отдѣленія и присутствовалъ до его конца, а затѣмъ прослѣдовалъ въ фойе, гдѣ удостоилъ милостивымъ разговоромъ издателя «Новаго Времени» А. С. Суворина. Въ двѣнадцатомъ часу его императорское высочество отбылъ изъ Малаго театра.

Артистическая часть вечера началась фанфарами г. Римскаго-Корсакова, взятыми изъ различныхъ его сочиненій. Затѣмъ послѣдовалъ гимнъ, исполненный прекраснымъ оркестромъ и хоромъ графа А. Д. Шереметева, любезно предоставленными графомъ въ распоряженіе юбилейнаго комитета. Поднялся занавѣсъ, открывъ эффектно поставленную г. Каразинымъ живую картину «Слава печатному слову». Въ картинѣ участвовало около 150 лицъ, составлявшихъ группы, изъ которыхъ особенно привлекали вниманіе изображавшія распространеніе печатнаго слова въ разныхъ слояхъ населенія и касавшіяся главныхъ событій истекшаго 25-лѣтія:

франко-русскаго союза, войны въ Манчжуріи, буровъ, турецкой войны и т. д. Послѣ картины, Н. Ѳ. Сазоновъ и артистка Малаго театра г-жа А. Домашева живо и весело разыграли забавную сцену А. С. Суворина «Онъ и она». Авторъ былъ вызванъ единогласно всѣмъ заломъ. Затѣмъ была исполнена кантата «Привѣтствіе печатному слову» на текстъ В. С. Лихачова, написанная двумя композиторами гг. Ю. И. Блейхманомъ и С. В. Юферовымъ; послѣднему принадлежитъ теноровое соло, спѣтое г. М. Чупрынниковымъ. Кантата мелодична, звучна и эффектна; г. Блейхманъ прекрасно провелъ ея исполненіе. Въ первомъ отдѣленіи оркестръ сыгралъ еще «Коронаціонный маршъ» Чайковскаго, подъ прекраснымъ управленіемъ г. М. Владимирова, дирижера оркестра графа А. Д. Шереметева, а въ слѣдующемъ, тоже подъ его управленіемъ, — огненную увертюру къ «Руслану» и «Апоѳеозъ», сочиненіе г. Юферова (на слова В. Лихачова) для хора и оркестра.

Артисты Михайловскаго театра г. Поль-Рене, не пожелавшій нарушить программы, несмотря на свое нездоровье, и г-жа Барети прочли: первый—эффектное стихотвореніе Ростана, обращенное къ президенту Крюгеру, вторая—два комическихъ монолога, имѣвшихъ огромный успѣхъ. Перломъ вокальной части въ первомъ отдѣленіи явилась г-жа Боронатъ (графиня Ол. Ржевуская). Трудно передать впечатлѣніе, оставляемое ея идеально-законченнымъ исполненіемъ. Голосъ подобной красоты и задушевности, соединенный съ совершенствомъ школы, встрѣчается рѣдко. Все, что спѣла графиня Ржевусская: сцена изъ «Гамлета», вальсъ изъ «Мирейли», Nymphes et Sylvains», наконецъ «Соловей», очаровало слушателей.

Второе отдѣленіе началось прелестно поставленною К. Е. Маковскимъ живою картиною «Хмелемъ осыпаны». Горячій пріемъ публика устроила удивительной по своей талантливости и комизму г-жѣ Бетти Стоянъ. Она спѣла труднѣйшій и эффектный вальсъ Штрауса «Frühlingsstimmen», а на bis «Vogel im Wald», одну изъ любимѣйшихъ пьесъ Аделины Патти. Шумныхъ аплодисментовъ удостоились и всѣ другіе артисты, участвовавшіе во второмъ отдѣленіи концерта.

Изъ нѣсколькихъ сотъ телеграммъ, полученныхъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ въ день юбилея, приведемъ здѣсь слѣдующія:

От князя Николая Черногорскаго.

«Цетинье, 28 февраля (13 марта). Сердечно участвуемъ въ праздновании двадцатипятилѣтія успѣшной дѣятельности «Новаго Времени», которое показывало всегда черногорскому народу свои братскія симпатіи; въ знакъ того признаемъ и считаемъ священ-

нымъ долгомъ пожаловать вамъ орденъ св. Даніила второй степени, желая и на будущее время успѣховъ «Новому Времени» на преуспѣяніе братской намъ Россіи и ея народа. Николай».

От статсъ-секретаря В. К. Плеве:

«Въ двадцатипятилѣтіе вашей газеты шлю искреннія пожеланія ей дальнѣйшаго успѣха и процвѣтанія, вамъ душевный привѣтъ; сожалѣю, что не могу быть на молебнѣ».

Отъ пріамурскаго генералъ-губернатора Н. И. Гродекова изъ Харбина:

«Сожалѣю, что обстоятельства военнаго времени не позволили быть съ вами въ столь знаменательный день. Прошу принять мое сердечное поздравленіе и пожеланіе, чтобы служеніе газеты обществу продолжалось многія и многія лѣта».

Отъ финляндскаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова:

«Шлю сердечныя благопожеланія достойнѣйшему и талантливому Алексѣю Сергѣевичу дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія дѣла, трудами его уже достигшаго весьма важнаго общественнаго значенія».

Отъ начальника штаба варшавскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанта А. И. Пузыревскаго:

«Будучи четверть столѣтія вашимъ постояннымъ читателемъ и случайнымъ сотрудникомъ, душевно присоединяюсь ко всѣмъ чествующимъ сегодня вашу дѣятельность. Вашъ тонкій умъ, чуткое сердце и публицистическая прозорливость, искренность вашихъ чувствъ и художественная чуткость къ назрѣвающимъ требованіямъ жизни создали такой органъ печати, въ которомъ всегда бился пульсъ дѣйствительной жизни. Дай Богъ «Новому Времени» навсегда сохранить эти свойства, связывающія его сердечно съ читателями».

Отъ графа Е. А. Саліаса изъ Парижа.

«Шлю привѣтъ Алексѣю Сергѣевичу и искреннія пожеланія благоденствія его созданію, продиктованныя дружбой, имѣющей уже сорокалѣтнюю давность. Да здравствуетъ «Новое Время» до тѣхъ поръ, пока оно можетъ сдѣлаться старымъ, какъ самое время».

Отъ Е. Л. Маркова изъ Воронежа:

«Привѣтствую талантливаго публициста, драматурга и журналиста съ двадцатипятилѣтіемъ его родного дѣтища, сумѣвшаго сдѣлаться самымъ основательнымъ, интереснымъ и популярнымъ органомъ русской печати».

От С. А. Андреевскаго из Орла:

«Среди множества похвал примите мое искреннее привѣтствіе съ вашимъ блистательнымъ праздникомъ. Были у васъ горести и ошибки, но болѣе четверти вѣка вы привлекали общественное вниманіе. Желаю вѣчной молодости вашему интересному и яркому дарованію. Самая сложность и производительность этого дарованія уже доказываютъ его крупное значеніе. Будьте счастливы».

Изъ письменныхъ поздравленій приведемъ три: одно отъ извѣстнаго французскаго историка, академика и сенатора Альфреда Рамбо, который нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Россіи, изучилъ русскій языкъ и, между прочимъ, написалъ превосходныя изслѣдованія о русскомъ эпосѣ (La Russie epique) и о русской исторіи (Histoire de Russie), второе отъ редактора газеты «Россія» Г. П. Сазонова и третье отъ одного изъ постоянныхъ подписчиковъ «Новаго Времени» К. К. Толстого.

Письмо Альфреда Рамбо:

«Monsieur et très honoré confraire!

«J'ai vivement regretté que mes ocupations parlementaires et aussi la longue distance m'aient empeché de repondre à l'invitation du Comité d'organisation pour le vingt cinquieme anniversaire du «Новое Время».

«Je tiens à joindre mes voeux et mes souhaits qui auront été formulés en cette occasion pour le long avenir et la prosperité d'un journal qui a toujours soutenu toutes les bonnes causes, qui l'est placé au premier rang parmi les journaux non seulement de la Russie, mais du monde entier.

«Au journal j'associe de tout coeur, dans mes voeux de prosperitè, son illustre et vaillant directeur, que je prie de vouloir bien agreer l'assurance de mes sentiments de sympatie et d'admiration».

(Переводъ. Очень сожалѣю, что мои парламентскія занятія, а также далекое разстояніе, мнѣ помѣшали принять приглашеніе комитета по устройству празднованія двадцатипятилѣтія «Новаго Времени». Присоединяю свои поздравленія и пожеланія долголѣтняго будущаго и благоденствія газетѣ, которая всегда поддерживала всякое хорошее дѣло, благодаря чему заняла мѣсто въ первомъ ряду газетъ не только Россіи, но и всего свѣта. Въ своихъ пожеланіяхъ благоденствія я отъ всей души присоединяю къ газетѣ ея славнаго и энергичнаго руководителя, котораго прошу принять увѣренія въ моихъ симпатіи и уваженіи).

Письмо Г. П. Сазонова.

«Неожиданное обстоятельство воспрепятствовало лично привѣтствовать васъ съ столь рѣдкимъ въ литературѣ торжествомъ. А по-

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ въ 1901 году.

тому этими наскоро набросанными нѣсколькими строками позволяю себѣ привѣтствовать васъ, какъ создателя и руководителя газеты, много и плодотворно поработавшей на пользу русскаго мужика, въ защиту его кровныхъ святыхъ интересовъ, памятуя, что простой народъ—это корни, при беззаботномъ отношеніи къ которымъ, при обстоятельствахъ, создающихъ ихъ порчу, гніеніе, погибаетъ само дерево, какъ бы ни былъ могучъ его стволъ, какъ бы ни роскошна была его крона, какою изумрудною зеленью ни блистали бы его листья. Искренно желаю вамъ на этомъ пути продолжать свое служеніе неуклонно и рѣшительно, памятуя великую истори-

ческую роль пахаря, создавшаго, сплотившаго могущественнѣйшее государство.

«Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть ваш бывшій сотрудникъ, редакторъ газеты «Россія» Георгій Сазоновъ».

Письмо К. К. Толстого:

«Curriculum vitae русскаго интеллигентнаго человѣка давно всѣмъ извѣстно. Сначала онъ бываетъ любознательнымъ юношей, потомъ — благосклоннымъ читателемъ и, наконецъ, — многоуважаемымъ писателемъ. Всѣ эти три фазы своего развитія онъ проводитъ, главнымъ образомъ, въ чтеніи. Любознательный юноша читаетъ—и даже не читаетъ, а съ вѣрою и страхомъ Божіимъ штудируетъ—преимущественно книги и толстые журналы, черпая изъ нихъ свое міровоззрѣніе. Благосклонный читатель сравнительно рѣдко берется за книгу, довольствуясь журналами и газетами, въ которыхъ ищетъ, главнымъ образомъ, художественнаго наслажденія, новостей, статей — разъясняющихъ злобы дня и вопросы, которые его почему нибудь особенно интересуютъ. Выборъ газетъ и журналовъ обусловливается для него личнымъ вкусомъ, въ свою очередь зависящимъ отъ того міровоззрѣнія, которое онъ себѣ составилъ, будучи любознательнымъ юношей, и затѣмъ видоизмѣнилъ согласно показаніямъ жизненнаго опыта. Многоуважаемый писатель, наконецъ, читаетъ и книги, и журналы, и газеты, но онъ читаетъ ихъ не для поученія, какъ юноша, и не для того, чтобы слѣдить за жизнью, какъ благосклонный читатель, а съ особой, спеціальной цѣлью—какъ экспертъ, оцѣнивающій доброкачественность товара, въ которомъ считаетъ себя знатокомъ, такъ какъ и самъ поставляетъ таковой же для публики.

«Любознательный юноша и благосклонный читатель ищутъ въ чтеніи общаго впечатлѣнія, соотвѣтствующаго ихъ вкусу. Что этому вкусу не удовлетворяетъ, того они и читать не станутъ. Для нихъ важенъ лѣсъ, а не отдѣльныя деревья. Для многоуважаемаго писателя, наоборотъ, только и важны эти послѣднія. Онъ—техникъ, его интересуетъ не впечатлѣніе, даваемое картиною, а то, какъ она выписана, согласно ли съ тѣми правилами искусства, которыхъ онъ самъ держится, или нѣтъ. Поэтому онъ и читаетъ преимущественно то, что ему не по вкусу. Чтеніе для него не развлеченіе, не отдыхъ, а работа. Читая, онъ ищетъ не чувства, не мысли, а ошибокъ, промаховъ, «неконсеквентностей», отступленій отъ излюбленнаго имъ камертона, который онъ, по слабости человѣческой, считаетъ единственнымъ «честнымъ» или единственнымъ «серіознымъ», единственнымъ правильнымъ. Короче—если юноша читаетъ простыми глазами и притомъ такими, для которыхъ еще «новы всѣ впечатлѣнія бытія» (почему самое послѣднее изъ нихъ и кажется ему самымъ сильнымъ), то благосклонный читатель чи-

таетъ сквозь присвоенныя его возрасту и опытности очки, а многоуважаемый писатель уже совсѣмъ не читаетъ, а разсматриваетъ читаемое въ микроскопъ, который у всякаго свой.

«Благодаря такому разному способу чтенія, и оцѣнка читаемаго бываетъ различна. То, что очень понравилось юношѣ, можетъ оттолкнуть своею банальностью или ходульностью опытнаго читателя; то, что понравилось послѣднему, можетъ оттолкнуть юношу своею сухостью, узостью или самобытностью—несоотвѣтствіемъ съ только что воспринятымъ самоновѣйшимъ міровоззрѣніемъ. Оба они, однако же, не вдаются въ подробный анализъ читаемаго. Многоуважаемый писатель оцѣниваетъ не такъ. Ни ходульность, ни банальность, ни сухость, ни узость, ни вообще все то, что вліяетъ на общее впечатлѣніе, его не занимаетъ. Въ этомъ общемъ впечатлѣніи ему важно лишь одно—соотвѣтствіе читаемаго съ вышеупомянутымъ камертономъ. Если таковое соотвѣтствіе имѣется, то онъ, пожалуй, и читать даннаго произведенія не станетъ (у многочитающихъ вырабатывается искусство только проглядывать книги), но за то, въ случаѣ нападокъ или вообще какой нибудь необходимости, станетъ распинаться за него, доказывая «консеквентность», «честность», «серіозность» каждой отдѣльной строки и фразы (мы вообще не любимъ «голословности» и стараемся подыскать математическія доказательства даже тому, что сахаръ сладокъ, а горчица горька). Но если въ произведеніи соотвѣтствія съ камертономъ не имѣется, то многоуважаемый писатель засядетъ за него вплотную, искрошитъ на отдѣльныя фразы, разсмотритъ каждую изъ нихъ въ микроскопъ, и, какъ дважды два, вполнѣ математически докажетъ, что онѣ не консеквентны, не честны, не серіозны, и что, стало быть, авторъ ихъ или глупъ и необразованъ или писалъ свое произведеніе съ какими нибудь задними цѣлями—изъ-за благъ земныхъ, изъ угодничества передъ кѣмъ нибудь, страха ради іудейска, и проч. и проч.

Я прошелъ всѣ три фазы развитія русскаго интеллигента, такъ какъ хотя и не могу назваться многоуважаемымъ писателемъ, а все-жъ таки пописываю (больше въ спеціальныхъ изданіяхъ, которыхъ никто не читаетъ). Но въ дѣлѣ чтенія я остановился на степени благосклоннаго читателя. Хотя у меня и есть, конечно, присвоенныя моему возрасту (весьма не юному) очки, но сужу я о прочитанномъ все-же таки по впечатлѣнію, а не на основаніи анализа. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, «консеквентна» ли данная статья[1]), соотвѣтствуетъ ли она тому, что ранѣе говорилъ ея авторъ, такъ какъ я, во-первыхъ, не считаю себя призваннымъ слѣдить за его пове-

---

[1]) Вполнѣ консеквентны, по-моему, только коломенскія версты: какъ ихъ поставила, кажется, еще матушка Екатерина, такъ онѣ и до сихъ поръ стоятъ, хотя давно уже стали ненужными, и все вокругъ нихъ измѣнилось.

деніемъ, и даже имени его въ большей части случаевъ не замѣчаю (если оно рѣдко встрѣчается), а, во-вторыхъ, по личному опыту и по свидѣтельству самого Эммануила Канта, знаю, что «консеквентнымъ» можетъ быть только тотъ, кто стоитъ все на одной и той же точкѣ зрѣнія, и если, вдобавокъ, наблюдаемый съ этой точки предметъ совсѣмъ не измѣняется.

«О «честности» статьи я сужу только по ея выполненію, то-есть по отсутствію видимыхъ натяжекъ, подтасовки фактовъ, по добросовѣстности доказательствъ и проч., такъ какъ о заднихъ мысляхъ и намѣреніяхъ автора ничего не знаю и знать не могу. Для этого нужно залѣзать къ нему въ душу (путемъ микроскопическаго анализа), чего я дѣлать не умѣю, да и не желаю, или жить въ кружкѣ литераторовъ и питаться ходящими въ немъ сплетнями, отъ чего меня Богъ избавилъ. Да истинно-талантливая статья, помоему, не можемъ быть не честной, то-есть не искренной. Таланта купить ни за какую цѣну нельзя. Онъ хотя и продаетъ свои произведенія «цѣною злата» (потому что кушать хочетъ), но создавать ихъ по заказу, на заданную тему, ни въ какомъ случаѣ не сможетъ. Публицистическіе Балалайкины, правда, могутъ одинаково хорошо писать и за и противъ чего угодно, но ихъ талантливость краденая, ихъ мысли, чувства, даже фразы понадерганы со стороны и только слѣплены болѣе или менѣе искусно. Такимъ винигретомъ можно обмануть юношу, а благосклоннаго читателя, просидѣвшаго за книгой полстолѣтія, на такой мякинѣ не проведешь.

«Однимъ словомъ—талантливость статьи есть, для меня, доказательство ея искренности, а искренность есть единственная честность, которой можно требовать отъ писателя.

«Больше всего я цѣню, въ писателѣ, самостоятельность, оригинальность мысли и чувства. Только то, по-моему, стоитъ и читать и писать, что еще не было ни написано, ни прочитано, хотя бы это были парадоксы. Больше всего я не выношу пережовыванія старыхъ истинъ, особенно въ ходульномъ патетическомъ тонѣ. Не люблю также подпѣванія общему хору, все равно—благонамѣренному или неблагонамѣренному, въ общепринятомъ значеніи этихъ словъ. Либерализмъ, во что бы то ни стало, и консерватизмъ, во что бы то ни стало, мнѣ одинаково противны. При встрѣчѣ со всякими «измами» (включая шовинизмъ), меня такъ и тянетъ выйти изъ оркестра и остаться при особомъ мнѣніи. И я считаю себя, въ данномъ случаѣ, вполнѣ правымъ. Всякія «направленія», особенно проведенныя вполнѣ «консеквентно», становятся узкими, тупыми, противожизненными.

Вслѣдъ за самостоятельностью мысли, я цѣню въ писателѣ искренность чувства, и тѣмъ болѣе, разумѣется, чѣмъ оно ближе

моей собственной душѣ. Затѣмъ, для меня важны талантливость изложенія, краткость, ясность и «литературность» языка. Терпѣть не могу общихъ фразъ, ходульности и напускного паѳоса, особенно по поводу выѣденныхъ яицъ.

«Съ такими «очками» читаю я уже лѣтъ пятьдесятъ, измѣняя, конечно, нумера ихъ стеколъ, соотвѣтственно измѣненію моего зрѣнія.

«Разъ у меня есть извѣстныя очки, то я, разумѣется, читаю не все подрядъ, а только то, что сквозь нихъ хорошо видно, остальное же только просматриваю. Такъ я поступаю и съ книгами и съ повременными изданіями и даже съ отдѣльными статьями въ послѣднихъ. Каюсь—отъ доски до доски я ничего не читаю (кромѣ нѣкоторыхъ книгъ, конечно). Дѣлая, такимъ образомъ, выборъ между повременными изданіями, я могу сказать, что просмотрѣлъ ихъ почти всѣ. Нѣтъ ни одного крупнаго журнала и ни одной газеты, особенно изъ старыхъ (теперь ихъ развелось столько, что всѣхъ и не просмотришь), книжка или листъ которыхъ не побывали бы у меня въ рукахъ. Многія я читалъ годами, многія видѣлъ одинъ разъ, во многихъ читалъ статьи только одного какого нибудь лица.

«Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ, между прочимъ, и Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. Я привыкъ читать его еще тогда, когда онъ былъ для всѣхъ «Незнакомцемъ», и не оставилъ этой привычки до настоящаго времени, когда имя его знаютъ чуть ли не всѣ грамотные люди. Я не знаю, «консеквентенъ» ли онъ или нѣтъ—никогда этимъ вопросомъ не занимался. Но еслибы онъ даже и оказался неконсеквентнымъ, то я все-таки продолжалъ бы его читать, какъ читаю Льва Толстого,—изъ поэтовъ семьи и православнаго обряда ставшаго ихъ отрицателемъ. Не знаю, какъ кто, а я могу читать «Дѣтство и отрочество» рядомъ съ «Воскресеніемъ», восхищаясь тѣмъ прекраснымъ, что есть въ обоихъ этихъ произведеніяхъ, и возмущаясь тѣмъ грубымъ, что есть (по слухамъ) въ послѣднемъ.

«Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ—талантъ, а потому несомнѣнно честенъ и искрененъ, хотя бы былъ тысячу разъ неконсеквентенъ. Въ его статьяхъ есть многое, что многимъ не нравится, но вѣдь на всѣхъ не угодишь. Есть въ нихъ, вѣроятно (не помню теперь, но навѣрное есть—единъ Богъ безъ грѣха), и такое, что ему самому теперь не нравится, и что никому не понравится, но вѣдь не падалъ только тотъ, кто ходить не пробовалъ, а ужъ особенно по такой скользкой почвѣ, какъ газетная литература вообще. Ходить по ней гоголемъ, ни разу не споткнувшись, можетъ только полная бездарность, заботящаяся, главнымъ образомъ, о консеквентности, а не о выраженіи дѣйствительной мысли, дѣйствительнаго

чувства. Изъ послѣднихъ бываютъ вѣдь и скоропроходящія, временныя; поспѣшишь ихъ вылить на бумагу—въ газетномъ дѣлѣ постоянно приходится спѣшить—а послѣ и самъ не радъ.

«Такъ вотъ, привыкнувъ читать Алексѣя Сергѣевича Суворина, я, конечно, тотчасъ же подписался и на «Новое Время», когда оно перешло въ его руки. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже 25 лѣтъ, я читаю его постоянно, не переставая просматривать и другія газеты разныхъ лагерей, иныя—рѣдко, другія весьма часто. Есть, между ними, у меня даже любимыя; однѣ—потому что тамъ пишутъ люди, которыхъ я читаю, гдѣ бы они ни писали; другія—потому что онѣ посвящаютъ много вниманія вопросамъ, меня интересующимъ; третьи—потому что встрѣчаю въ нихъ молодой задоръ, который, въ качествѣ старика, очень люблю. Но постоянно, изо дня въ день, я читаю только «Новое Время». Почему, спрашивается, я сдѣлалъ такой выборъ? Да вотъ именно потому, что оно болѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствуетъ моимъ очкамъ. Я не знаю, «консеквентно» ли оно, «честно» ли, «серіозно» ли—никогда этимъ вопросомъ не задавался, но я знаю, что оно талантливо составляется; я знаю, что тамъ я встрѣчу наиболѣе симпатичные мнѣ взгляды, наиболѣе интересующіе меня вопросы, наиболѣе точныя и подробныя свѣдѣнія, даже—вообразите себѣ—наиболѣе добросовѣстное отношеніе къ спору, къ полемикѣ. Серіозно! Какъ ни возьмешь въ руки какую нибудь полемическую статью въ другой газетѣ, особенно если дѣло идетъ о «Новомъ Времени», такъ сразу и видно, что она шита бѣлыми нитками то ли «благороднаго негодованія», то ли простой зависти. Натяжки, передержки, тонъ капризнаго ребенка (если не хуже)—на всякомъ шагу. Въ «Новомъ Времени» я этого не встрѣчаю; по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда, безъ микроскопическаго анализа, которымъ мнѣ вообще некогда заниматься.

«Я не скажу, чтобы вполнѣ былъ доволенъ «Новымъ Временемъ» и считалъ эту газету идеальной, — совершенствъ на свѣтѣ нѣтъ, да при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится наша печать, ни одна газета не можетъ быть идеальной. Въ иныхъ статьяхъ «Новаго Времени» я встрѣчаю тонъ, который мнѣ не нравится, то слишкомъ рѣзкій, то неумѣстно легкій; попадаются статьи скучныя, бездарныя. Но вѣдь въ другихъ-то газетахъ, по моему мнѣнію, такихъ статей большинство, а тутъ онѣ только попадаются.

«Зато я въ «Новомъ Времени» никогда не встрѣчаю статей, которыя бы оскорбляли мое чувство любви къ родинѣ, мое уваженіе къ религіи и мнѣніямъ, чьимъ бы то ни было, мои политическія убѣжденія, мое понятіе о справедливости. Я въ немъ никогда не встрѣчалъ такихъ выраженій (и соотвѣтствующаго

нмъ тона), какъ, напримѣръ: «святая скотина» — по отношенію къ русскому солдату, умиравшему на Шипкѣ, или: «позоръ передъ Европой» — по отношенію къ какому нибудь явленію, можетъ быть, и печальному, но не на европейскій образецъ. Не встрѣчалъ я въ немъ также пожеланій, чтобы французы, напримѣръ, отняли у насъ Крымъ, такъ какъ тогда «крымскія яблоки будутъ лучше и дешевле». Вообще я не встрѣчалъ въ немъ лакейства мысли (единственнаго настоящаго лакейства самоуслаждающагося), боязни сказать свое слово, хотя бы даже ошибочное, стремленія обставить себя не такъ, какъ хочется и какъ нужно, а «какъ въ лучшихъ домахъ». Наоборотъ, я встрѣчаю въ немъ попытки рѣшать всякіе вопросы своимъ умомъ, «русской мыслью», русскимъ чувствомъ, попытки «свое сужденіе имѣть», ходить на своихъ ногахъ, хотя бы и падать при этомъ. Такія попытки мнѣ въ высшей степени дороги. Кромѣ того, я встрѣчаю въ немъ весьма талантливую разработку тѣхъ идей, которыя всегда меня занимали; встрѣчаю прекрасныя корреспонденціи изъ тѣхъ мѣстъ, куда стоитъ посылать корреспондента; встрѣчаю весьма полный отдѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ новостей, а по временамъ, не дурную беллетристику, вѣрную, на мой взглядъ, критику. Все это заставляетъ меня предпочитать «Новое Время» другимъ газетамъ.

«Спрашивается теперь: зачѣмъ я говорю обо всемъ этомъ? Кому интересно знать, что я предпочитаю и чего не предпочитаю?

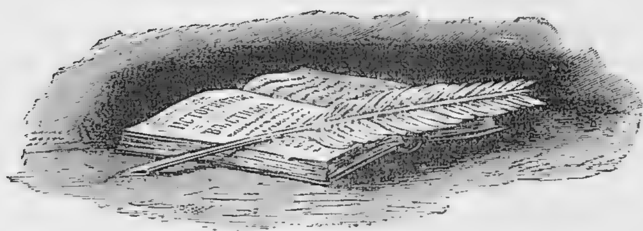
«Но я вѣдь, мнѣ кажется, могу служить образцомъ «благосклоннаго читателя». Мотивы и вкусы, мною руководившіе, руководятъ, должно быть, большинствомъ тѣхъ 50.000 подписчиковъ, которые, подобно мнѣ, предпочитаютъ «Новое Время» другимъ газетамъ — недаромъ же они его выписываютъ. Всѣ они, вѣроятно, дѣлаютъ оцѣнку читаемаго по впечатлѣнію, а не по микроскопическому анализу, по которому «Новое Время» иные могутъ признать «неконсеквентнымъ». Въ противовѣсъ этимъ «инымъ» должны же и мы сказать свое слово.

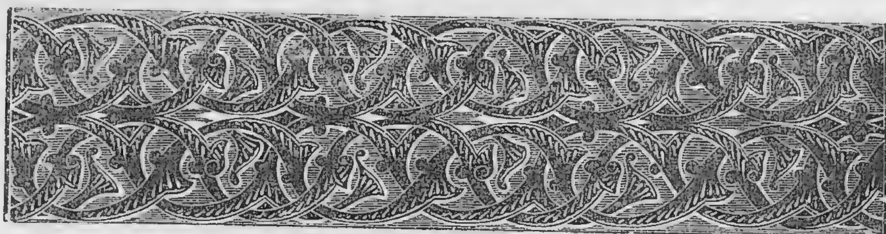
«Мой личный голосъ, конечно, ничего не прибавитъ къ привѣтствіямъ, раздававшимся въ день юбилея, но нельзя ли меня счесть представителемъ тѣхъ постоянныхъ подписчиковъ, которые въ этотъ день промолчали? Мы, русскіе, народъ, вообще, молчаливый и къ шумнымъ демонстраціямъ не склонный. Мода на такія демонстраціи перешла къ намъ съ Запада и привилась только къ интеллигенціи, къ народу она едва ли когда нибудь привьется.

«Но ходоки отъ «міра» у насъ всегда были. Нельзя ли меня счесть за такого ходока, хотя, въ данномъ случаѣ, и самозваннаго, но все же опирающагося на 50.000 молчаливыхъ подписчи-

ковъ «Новаго Времени», уже самой своей подпиской подающихъ голосъ за него?

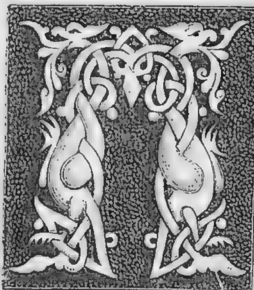
«Если можно, то прошу «Новое Время» принять нашъ привѣтъ и пожеланіе новыхъ силъ, на новую, кажется, еще болѣе тяжкую борьбу, которую ему придется выдержать въ ближайшемъ будущемъ. Пусть «русская мысль», русское чувство и полное безпристрастіе руководятъ имъ въ этой борьбѣ».

ПОСЛѢДНІЙ ОТПРЫСКЪ ГАННОВЕРСКАГО ДОМА [1].

V.

ЕРВЫЕ годы счастливой, брачной жизни Викторіи, именно 1840—1842, были полны событій. Прежде всего Англія едва не лишилась своей юной королевы при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 10 іюня она отправилась кататься, передъ обѣдомъ, съ принцемъ Альбертомъ въ Гайдъ-Паркъ, не сопровождаемая никѣмъ изъ свиты. Въ одной изъ аллей, неожиданно, подскочилъ съ правой стороны ландо, гдѣ сидѣла королева, молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати и, прицѣлившись въ упоръ, выстрѣлилъ въ нее. Второпяхъ онъ промахнулся, и пуля не задѣла королевы. Кучеръ, не понявъ, въ чемъ дѣло, остановилъ лошадей, но принцъ Альбертъ приказалъ ему продолжать путь. Радуясь, что королева такъ счастливо избѣжала смерти, онъ взялъ ее за руку, чтобы успокоить, и спросилъ, не испугалась ли она. Но Викторія, смотрѣвшая все время въ противоположную сторону и занятая размышленіемъ, даже не замѣтила происшедшаго. Только что экипажъ успѣлъ тронуться, какъ послышался голосъ: «У меня есть еще одна». И снова раздался выстрѣлъ.

На этотъ разъ принцъ Альбертъ замѣтилъ движеніе молодого человѣка и привлекъ къ себѣ королеву, пригнувъ ея голову. Толпа гулявшихъ бросилась на юношу и обезоружила его. Королева, чтобы успокоить публику и показать, что она не ранена, встала въ коляскѣ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. LXXXIII, стр. 1138.

и привѣтствовала народъ. Это былъ часъ, когда въ Гайдъ-Паркѣ собиралось многочисленное и самое избранное общество Лондона. Та же самая толпа, сдѣлавшая Викторіи враждебную манифестацію на Аскотскихъ скачкахъ, въ первое время ея царствованія, теперь радостно ее привѣтствовала. Безумный юноша послужилъ платою за популярность королевы.

Показавшись публикѣ, королева приказала кучеру тотчасъ же ѣхать къ герцогинѣ Кентской. Опасаясь, что мать узнаетъ изъ другихъ источниковъ о несчастномъ событіи, и, можетъ быть, въ искаженномъ видѣ, Викторія поспѣшила ее успокоить. Этотъ поступокъ королевы доказываетъ, что хотя она не любила, когда мать вмѣшивалась въ ея государственныя дѣла, вслѣдствіе чего произошло между ними охлажденіе, но ея уваженіе, любовь и благодарность къ герцогинѣ Кентской остались попрежнему искренни.

Преступника судили. Это былъ нѣкій Оксфордъ, служащій въ тавернѣ. По приговору суда, его должны были бы казнить за государственную измѣну, но Викторія отмѣнила наказаніе, замѣнивъ его пожизненными каторжными работами, и назначила ему потомъ ссылку въ Австралію.

Возвращаясь отъ герцогини Кентской, Викторія была предметомъ овацій, какихъ еще ей никогда не оказывали. Цѣлый эскортъ амазонокъ и кавалеровъ, составившійся изъ высшей аристократіи, ожидалъ ее при выходѣ на улицу и сопровождалъ до Букингамскаго дворца. Вечеромъ повсюду пѣли «God save the Queen»; а на другой день происходили благодарственныя службы, и парламентъ послалъ къ ней депутацію съ поздравленіемъ. Нѣсколько дней спустя, когда королева присутствовала въ оперѣ, толпа ей сдѣлала снова манифестацію и на этотъ разъ не враждебную, а съ выраженіемъ преданности. Положительно, послѣ этого неудавшагося преступленія, популярность Викторіи была установлена, для общества она являлась какъ будто новой королевой.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого печальнаго событія въ Виндзорскомъ дворцѣ происходила радостная тревога. 24 ноября королева Викторія подарила своему мужу дочь. Это былъ подарокъ, сдѣланный именно принцу Альберту, такъ какъ народъ ожидалъ иного подарка — наслѣдника. Маленькую принцессу назвали Викторія-Аделаида и окрестили въ Букингамскомъ замкѣ. Наканунѣ крещенія принцессы принцъ Альбертъ, катаясь на конькахъ по дворцовому озеру, провалился въ воду. Всѣ бросились, кто за веревками, кто за лѣстницами, но королева съ опасностью жизни спасла его сама.

Съ рожденіемъ принцессы Викторіи, будущей императрицы Германіи, парламентъ назначилъ на ея содержаніе двѣсти тысячъ франковъ. Будущему наслѣднику, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали, опредѣленъ былъ милліонъ франковъ ежегодно. Когда же онъ

будетъ совершеннолѣтнимъ и женится, то его женѣ лично рѣшено было выдавать двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ и на воспитаніе дѣтей девятьсотъ тысячъ франковъ. Въ случаѣ рожденія принцессъ у Викторіи назначили выдавать ежегодно на каждую по сто пятидесяти тысячъ франковъ, на второго принца шестьсотъ двадцать пять тысячъ франковъ, а на остальныхъ принцевъ по двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Принявъ во вниманіе содержаніе королевы, доходившее до 9.618.500 франковъ, ея матери и дальнихъ родственниковъ королевы, до двоюроднаго брата включительно, которымъ выдавалось отъ 300.000 до 120.000 франковъ на каждаго, можно себѣ представить, какъ дорого обходился Англіи престижъ конституціонной королевы, и почему парламентъ такъ безцеремонно торговался, когда вопросъ шелъ о содержаніи мужа королевы. Къ этому надо прибавить содержаніе традиціоннаго «рыцаря» королевы, должность котораго состояла въ томъ, что въ день ея коронованія, онъ заявлялъ публично, что подниметъ брошенную перчатку того, кто явится оспаривать права королевы на англійскій престолъ. Другая не менѣе миѳическая должность, кавалера «Чернаго жезла» (Блэкъ Родъ), на обязанности котораго было дѣлать три поклона, передъ тѣмъ какъ королева произносила тронную рѣчь. За эту мимическую комедію онъ получалъ не болѣе не менѣе, какъ 50.000 франковъ въ годъ. Поэтъ-лавреатъ получалъ за воспѣваніе доблестей королевы не много, ровно столько, сколько получалъ послѣдній придворный дантистъ. Изъ этого видно, что парламентъ не скупился только на декоративныя затраты.

Почти черезъ годъ, а именно 11 ноября 1841 года, королева обрадовала народъ, давъ ему наслѣдника престола, принца Уэльскаго. Радость королевы была тѣмъ сильнѣе, что появленіе наслѣдника упрочивало популярность принца Альберта. 28 января въ часовнѣ св. Георга, при Виндзорскомъ дворцѣ, состоялась пышная церемонія крещенія, при чемъ ему дали имя Альбертъ-Эдуардъ.

Когда королева совершенно оправилась послѣ рожденія сына, то удалилась въ свою любимую Шотландію, гдѣ отдыхала отъ всѣхъ треволненій и отъ надоѣдающаго ей этикета. Какъ и въ былые годы, Викторія взбиралась на горы, охотилась на кабановъ и ланей. Она любила шотландцевъ за ихъ прямодушную откровенность и честность. Тамъ она жила совершенно иной жизнью, которая нарушалась лишь, когда привозили изъ Лондона государственныя бумаги, что случалось ежедневно; но она удѣляла на разсмотрѣніе ихъ немного времени.

Казалось, что популярность королевы установилась окончательно, но новыя покушенія на ея жизнь возобновились. Однажды, въ воскресенье, она возвращалась изъ церкви съ принцемъ Альбертомъ, и на углу одной изъ глухихъ улицъ принцъ замѣтилъ человѣка, прицѣлившагося въ королеву, но, по счастію, пистолетъ далъ

осѣчку. И на этотъ разъ Викторія также ничего не замѣтила. Когда мужъ ей сказалъ объ этомъ, она рѣшила не оставаться подъ угрозой, а подвергнуться нападенію на другой же день.

Предупредивъ объ этомъ полицію, черезъ принца Альберта, она отправилась въ открытомъ экипажѣ въ то же самое мѣсто, гдѣ было покушеніе наканунѣ. По странной случайности, эта улица была недалеко отъ аллеи Гайдъ-Парка, гдѣ совершилось первое покушеніе въ 1840 году. Но теперь Гайдъ-Паркъ былъ немноголюденъ, такъ какъ въ этотъ часъ великосвѣтское общество Лондона еще не вышло на свою обычную прогулку. Только что показался ихъ экипажъ, какъ маленькая, заморенная фигура мужчины направила выстрѣлъ въ королеву. Принцъ Альбертъ узналъ въ немъ того же самаго человѣка, который покушался наканунѣ.

Одна изъ ея фрейлинъ, миссъ Лиддль, передавала: «Когда королева возвратилась во дворецъ, первое лицо, встрѣтившее ее, былъ сэръ Робертъ Пиль, уже снова ставшій министромъ. Онъ былъ очень взволнованъ и явился къ ней съ поздравленіемъ. Замѣтивъ меня, королева сказала, обращаясь ко мнѣ: «Не правда ли, Жоржета, вы были удивлены, что я не взяла васъ на дообѣденную прогулку? Но причина та, что я вчера подверглась выстрѣлу изъ пистолета и сегодня хотѣла повторить вчерашнюю опасность, думая, что злоумышленникъ снова возобновитъ попытку, а потому не хотѣла подвергать опасности другую жизнь, кромѣ своей».

Преступникъ, по имени Фрэнсисъ, попробовалъ во время процесса представиться героемъ-республиканцемъ, но не выдержалъ роли, и когда его приговорили къ смерти за государственную измѣну, онъ струсилъ и лишился чувствъ. Викторія и на этотъ разъ замѣнила смертную казнь пожизненной ссылкой.

Въ самый тотъ день, когда она объявила о своемъ милостивомъ рѣшеніи, на нее снова было сдѣлано покушеніе. На этотъ разъ преступникъ былъ маленькій горбунъ, по имени Беанъ. Онъ только что направилъ на королеву пистолетъ, какъ близко стоящій мужчина, замѣтивъ движеніе, выбилъ изъ его рукъ оружіе.

Теперь королевѣ пришла мысль судить его, не какъ политическаго убійцу, а какъ обыкновеннаго преступника, въ виду того, что подобныя убійства привлекаютъ слабые умы и раздражаютъ ихъ жажду къ кровопролитію, именно выдающеюся ролью. Она издала съ этого дня законъ о примѣненіи въ подобныхъ случаяхъ тѣлеснаго наказанія и заключенія въ тюрьму.

Беанъ былъ наказанъ и посаженъ на 18 мѣсяцевъ въ тюрьму. Съ тѣхъ поръ долго не было слышно о покушеніяхъ.

Послѣ этихъ треволненій, въ началѣ 1843 года, а именно 25-го апрѣля, у королевы родился третій ребенокъ—дочь Алиса-Модъ, будущая герцогиня Гессенская, мать русской императрицы, Александры Ѳеодоровны, которую она въ дѣтствѣ называла: «мое солнышко».

Прошло четыре мѣсяца послѣ рожденія дочери, и Викторія впервые выступила на политическую арену. До сихъ поръ она придерживалась правилъ лорда Мельбурна и принца Альберта, на счетъ конституціонной теоріи, что государь царитъ, но не управляетъ страною. Извѣстный историкъ Маколей говорилъ о ней: «въ королевѣ Викторіи ея подданные нашли вторую Елисавету, но болѣе нѣжную и счастливую. Ни одинъ монархъ не понималъ такъ ясно, какъ она, великой истины, что правительство пользуется властью отъ народа на вѣру». Но, исполняя основное правило конституціонной системы, она по совѣту своего мужа начала мало-по-малу принимать живое участіе во внутренней и внѣшней политикѣ. Ей докладывали обо всемъ, она знала все и всѣмъ интересовалась; особенно она занималась дипломатическими дѣлами, и каждая депеша, получаемая или посылаемая министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, не миновала ея рукъ. Ея дѣятельность сдѣлалась такъ обширна, что лордъ Мельбурнъ говорилъ: «Я справлюсь скорѣе съ двумя королями, чѣмъ съ одною королевой». Принцъ Альбертъ объяснялъ эту перемѣну въ Викторіи слѣдующимъ образомъ: «Отчего конституціонный государь не можетъ имѣть политическихъ мнѣній, основанныхъ на заботѣ, общественныхъ интересахъ и благѣ народовъ? Развѣ онъ не находится въ болѣе независимомъ положеніи, чѣмъ любой политическій дѣятель? Развѣ государь не естественный стражъ чести своей страны? Поэтому онъ, понятно, долженъ заниматься политикою». Такимъ образомъ, продолжая попрежнему быть образцовымъ конституціоннымъ государемъ и не вмѣшиваясь въ государственныя дѣла, она близко знакомилась съ ними и, когда нужно, съ согласія своихъ первыхъ министровъ, принимала въ нихъ самое горячее участіе.

Первое въ ея царствованіе министерство лорда Мельбурна было вполнѣ ей сочувственно, по его либеральнымъ принципамъ. Проводимыя имъ реформы почтовыя и школьныя вполнѣ ею раздѣлялись, и потому не удивительно, что, когда большинство въ палатѣ обратилось противъ министровъ, то королева, хотя и смѣнила ихъ торіями, но глубоко сожалѣла о потерѣ столь преданныхъ и сочувственныхъ ей совѣтниковъ. «Королева,—писалъ по ея приказанію секретарь одному изъ выходящихъ либеральныхъ министровъ, лорду Джону Росселю,—давно уже ожидала этого грустнаго событія, но, тѣмъ не менѣе, оно сильно ее поразило, ибо ей приходится разстаться съ людьми, которымъ она вполнѣ довѣряетъ».

Однако такъ сильно было въ ней уваженіе къ конституціоннымъ принципамъ, что она приняла вполнѣ прилично и любезно новыхъ министровъ, хотя еще недавно передъ тѣмъ говорила, что «торіи дѣлаютъ всевозможныя ей непріятности». Новый первый министръ, сэръ Робертъ Пиль, вступившій въ должность въ сентябрѣ 1841 года, писалъ одному своему пріятелю: «Мои отношенія

къ королевѣ самыя удовлетворительныя. Она обходится со мною не только, какъ требуетъ того преданность чести страны, но съ замѣчательной добротой и внимательностью». Несмотря на то, что она лично его не долюбливала за его нападки на принца Альберта и участіе въ юбочной революціи, но исполняла свои обязанности конституціоннаго государя вполнѣ добросовѣстно. Продолжая попрежнему искренно заниматься политикой, она рѣшилась даже помочь ему въ дипломатическихъ дѣлахъ, насколько это было прилично королевѣ.

Уже давно она задумала устроить сближеніе съ Франціей и уладить начавшееся недоразумѣніе по поводу испанскихъ браковъ. Еще королева бельгійская Клементина, дочь Луи-Филиппа, старалась устроить свиданіе отца съ королевой Викторіей и, пріѣхавъ къ Викторіи съ этою цѣлью, подала ей эту мысль. Когда же пріѣхали принцы съ приглашеніемъ отъ короля, то поѣздка была рѣшена. Королева держала въ секретѣ это рѣшеніе до 30-го августа, но сохранить тайну ей не удалось, такъ какъ лордъ Веллингтонъ началъ настаивать на томъ, чтобы королева во время своего отсутствія назначила регентство. Онъ ссылался на то, что всякій разъ, какъ уѣзжали короли Георги I, II или IV за границу, то оставляли совѣтъ регентства. Королева, въ свою очередь, указывала на Генриха VIII, отправлявшагося встрѣчать Франциска I въ Ардръ. Но упрямый старый воинъ стоялъ на своемъ, говоря, что въ то время Калэ принадлежалъ Англіи, и король едва переступалъ границу своихъ владѣній. Потерявъ терпѣніе въ спорѣ, Викторія должна была обратиться къ законовѣдамъ, и они подтвердили, что отсутствіе на нѣсколько дней королевы не требуетъ назначенія никакого регентства. Благодаря Веллингтону, пришлось выдать секретъ нѣсколькимъ лицамъ и выслушать протестъ противъ своего перваго самостоятельнаго шага.

Наконецъ, 31-го августа, новая королевская яхта «Викторія и Альбертъ» отплыла изъ Портсмута, лавируя между островами Уайтомъ и Девонширомъ. Второе недоразумѣніе ожидало королеву. Путешествіе прошло не гладко: экипажъ вздумалъ бунтовать, и вотъ по какой причинѣ. Королева, желая укрыться отъ вѣтра, сѣла противъ двери, ведущей въ буфетъ матросовъ. Послѣдніе, боясь, что ея присутствіе на этомъ мѣстѣ продолжится весь рейсъ, а, слѣдовательно, они будутъ лишены возможности входить въ буфетъ и выпивать виски, начали бунтовать. Замѣтивъ, что между ними нѣчто происходитъ, она подозвала капитана и спросила его о причинѣ безпокойства матросовъ. Капитанъ объяснилъ причину и попросилъ королеву выбрать другое мѣсто подальше отъ буфета, на что̀ она со своимъ хладнокровіемъ и находчивостью сказала:

— Хорошо, но съ условіемъ, что и я также получу капельку виски.

Ей подали маленькую рюмочку виски, которую она сразу выпила и сказала:

— Въ ней только есть одинъ недостатокъ: зачѣмъ она такая слабая?

Поступокъ и замѣчаніе королевы магически подѣйствовали на матросовъ и расположили ихъ въ ея пользу.

На другой день, 2-го сентября, они прибыли въ Трепоръ, гдѣ ихъ уже ожидалъ Луи-Филиппъ.

Встрѣча была самая радушная и даже веселая. Луи-Филиппъ съ отеческой нѣжностью снялъ на рукахъ королеву Викторію съ трапа и, поставивъ ее на ноги, расцѣловалъ въ обѣ щеки, къ крайнему изумленію принца Альберта, не допускавшаго мысли о такой фамильярности по отношенію къ его женѣ. Но король позволилъ себѣ подобную вольность на основаніи тѣсной дружбы, существовавшей между нимъ и герцогомъ Кентскимъ. Онъ не разъ игралъ съ маленькой Викторіей и не могъ привыкнуть къ мысли, что теперь передъ нимъ другая Викторія—королева. Затѣмъ они высадились на берегъ, гдѣ ихъ уже ожидали роскошные экипажи, и отправились въ замокъ Ё.

Это была первая поѣздка Викторіи, о которой она сохранила самыя разнообразныя, пріятныя и новыя впечатлѣнія. Въ продолженіе шести дней одно удовольствіе смѣнялось другимъ; балы слѣдовали за банкетами и сельскими праздниками. Послѣдніе въ особенности плѣнили королеву своею новизною, искреннимъ весельемъ и непринужденностью, которыя царили среди приглашенныхъ французскимъ королемъ гостей. Принцъ Альбертъ и лордъ Абердинъ были очень оживленны, и только одинъ англійскій посланникъ, лордъ Коулей, остававшійся все время въ присутствіи королевы натянутымъ и чопорнымъ, портилъ впечатлѣніе. Что же касается до самого Луи-Филиппа, то онъ скрывалъ въ себѣ неизсякаемый источникъ веселья.

Королева была въ восторгѣ отъ празднествъ, какъ она выражалась о нихъ, «такихъ красивыхъ, веселыхъ, полныхъ воодушевленія и въ то же время сельскихъ». Принцъ Альбертъ въ письмѣ къ своему другу барону Штокмару писалъ о своемъ короткомъ пребываніи во Франціи и сравнивалъ веселье французскихъ празднествъ съ нѣмецкимъ.

Луи-Филиппъ приготовилъ еще разнообразнѣе программу развлеченій, въ которую входила поѣздка въ Парижъ, о чемъ принцесса Клементина предупредила Викторію, и она не протестовала, но когда Луи-Филиппъ предложилъ ей отправиться, то она упорно отказывалась по какой-то причинѣ, которую не хотѣла объяснить.

Въ то время, какъ Викторія занималась развлеченіями, лордъ Абердинъ успѣлъ переговорить съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Гизо объ интересовавшемъ англійскую дипломатію вопросѣ.

Гизо увѣрилъ министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Абердина, что Францiя не допуститъ брака младшаго сына Луи-Филиппа, герцога Монпансье, съ инфантой Марiей-Луизой, сестрой королевы испанской; въ свою очередь лордъ Абердинъ далъ слово, что Англiя не согласится на бракъ королевы испанской съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ.

7-го сентября королевская яхта снялась съ якоря и удалилась изъ Францiи. Однако королева съ мужемъ не отправились въ Виндзоръ, а предприняли на этотъ разъ увеселительную поѣздку по Фландрiи. Оставшись нѣсколько дней въ Брайтонѣ на закрытiе купальнаго сезона, яхта снова отправилась въ море 12-го сентября, а 13-го вошла въ портъ Остэнде.

Король Леопольдъ приготовилъ для племянницы иного рода развлеченiя, чѣмъ Луи-Филиппъ. Викторiя посѣтила послѣдовательно Брюггэ, Гентъ, Брюссель и Антверпенъ, гдѣ ее встрѣчалъ народъ радушно и привѣтливо, а 21-го они возвратились въ Виндзоръ. Это путешествiо было не менѣе прiятное, чѣмъ во Францiю.

VI.

Въ 1844 году, Викторiи предстоялъ цѣлый рядъ прiемовъ, несмотря на ея нездоровье, такъ какъ королева была беременна. Перваго гостя, русскаго императора Николая I, ожидали въ началѣ мая и готовили ему торжественный прiемъ въ Букингамскомъ дворцѣ. По этому случаю былъ отдѣланъ заново большой залъ, за которымъ въ память этого событiя осталось названiе «44». Королева назначила цѣлый рядъ празднествъ и увеселенiй. Послѣ отъѣзда русскаго императора и небольшого перерыва, они должны были возобновиться, 1-го iюня, по случаю прiѣзда саксонскаго короля, котораго Викторiя ожидала съ большею радостью.

Но русскiй императоръ не прiѣхалъ въ назначенное время. Императоръ былъ извѣстенъ, какъ рыцарь вѣжливости, и его запоздалый на цѣлыхъ три недѣли визитъ былъ чисто дипломатическимъ маневромъ. Королева имѣла много причинъ быть недовольной неожиданнымъ запоздалымъ визитомъ Николая I, на который она уже болѣе не разсчитывала, слѣдствiемъ чего было ея дурное настроенiе. Отчасти женское чувство кокетства говорило въ ней; каждый лишнiй день въ ея «интересномъ положенiи» отзывался на здоровьѣ; она чувствовала себя утомленной, неграцiозной и очень некрасивой.

Но эта неожиданность произвела въ первый моментъ весьма непрiятное впечатлѣнiе не на одну королеву, а на все англiйское общество, не любящее сюрпризовъ; однако впослѣдствiи все это сгладилось, и императоръ очаровалъ всѣхъ, исключая королевы, хотя онъ, по словамъ княгини Ливенъ, предложилъ къ ея

услугамъ всѣхъ своихъ солдатъ, что онъ повторилъ многимъ англичанамъ. Недовольство королевы увеличивалось еще потому, что день пріѣзда императора совпалъ съ пріѣздомъ короля Саксонскаго, для котораго былъ устроенъ пышный пріемъ. Любовь королевы къ Кобургамъ была всѣмъ извѣстна; она боялась, что король не будетъ достаточно радушно принятъ народомъ, и его фигура стушуется передъ могуществомъ русскаго императора. По словамъ той же княгини Ливенъ, Викторію разсердили также расходы по пріему императора, которые она выплачивала изъ своего содержанія. Такъ какъ она задумала построить себѣ новый дворецъ, и откладывала экономію со своего королевскаго содержанія на его покупку, то очень вѣроятно, что эта причина была не изъ послѣднихъ. Мелкое невниманіе къ принцу Альберту во все время пребыванія императора проявлялось у народа, что̀ раздражало еще болѣе королеву. Чтобы досадить гостю чѣмъ нибудь, она принимала его въ траурномъ платьѣ, зная, какъ онъ ненавидитъ трауръ. Впрочемъ подробности его пребыванія въ Англіи были описаны въ статьѣ «Иностранцы о Россіи», въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Кончилось тѣмъ, что императоръ вмѣсто предполагаемыхъ 12-ти дней остался только 8-мь дней въ Англіи. Наканунѣ отъѣзда, дѣлая визитъ знакомой дамѣ, государь не стѣсняясь называлъ «дворъ Викторіи скучнымъ, а этикетъ смѣшнымъ». Эти разговоры достигли королевы и окончательно ее разсердили.

Два мѣсяца спустя послѣ неудачнаго визита императора, у королевы родился четвертый ребенокъ—сынъ Альфредъ-Александръ, герцогъ Эдинбургскій, великій герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, супругъ великой княжны Маріи Александровны. Послѣ его рожденія королева уѣхала отдыхать въ Шотландію, откуда возвратилась въ Виндзоръ 3-го октября, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ французскаго короля Луи-Филиппа. Принцъ Альбертъ и герцогъ Веллингтонъ выѣхали его встрѣчать въ Портсмутъ. Королева оставалась во дворцѣ и встрѣтила Луи-Филиппа на подъѣздѣ. Этой встрѣчей было положено начало французскому союзу, чему принцъ Альбертъ усердно помогалъ, стараясь всячески угодить дорогому гостю.

Луи-Филиппъ былъ въ восхищеніи. Обѣдъ прошелъ оживленно и весело.

На другой день въ Ватерлооской залѣ собрались всѣ члены королевскаго дома, кавалеры разныхъ орденовъ и проч. Луи-Филиппъ преклонилъ колѣно передъ Викторіей, сидящей на тронѣ, и она надѣла ему черезъ плечо ленту, а принцъ Альбертъ застегнулъ «Подвязку».

Хотя Викторія и отличалась большимъ тактомъ, но какъ въ пріемѣ императора Николая она его не выказала, такъ и при торжественной передачѣ ордена Луи-Филиппу. По ироніи судьбы Ва-

терлооскій залъ былъ наполненъ непріятными для души француза воспоминаніями, но по счастью Луи-Филиппъ былъ такъ очарованъ пріемомъ, что даже не замѣтилъ всѣхъ деталей.

По поводу этого пріема княгиня Ливенъ писала Баранту:

«Вашъ король уѣзжаетъ совершенно очарованнымъ. Въ Англіи всѣ довольны и польщены его визитомъ; онъ будетъ принятъ самымъ лучшимъ образомъ. Сегодня онъ пріѣдетъ въ Виндзоръ. Въ пятницу будетъ церемонія пожалованія ордена «Подвязки». Остальные дни пройдутъ спокойнѣе, въ семейномъ кругу королевы, въ обществѣ сэра Роберта Пиля, лорда Абердина, герцога Веллингтона и, можетъ быть, другихъ министровъ».

«Путешествіе короля удачно, со всѣхъ сторонъ выражается радушный энтузіазмъ. Королева очень весела. Газеты переполнены восторгами, народъ дружелюбно привѣтствуетъ его. Никогда еще такъ не принимали въ Англіи ни одного иностраннаго государя. Съ министрами король велъ благопріятные разговоры. Король и г. Гизо очень остались ими довольны. Послѣзавтра король разстанется съ Англіей».

Что касается до французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Гизо, то онъ пишетъ объ этой поѣздкѣ тому же Баранту:

«Я только что возвратился изъ прекраснаго и полезнаго путешествія. Впечатлѣніе отъ этой поѣздки великолѣпное. Нашъ народъ выражалъ повсюду свой восторгъ, по поводу возвращенія короля и пріема, сдѣланнаго намъ въ Англіи, а также спектакля, заданнаго всей Европѣ. Всѣ счастливы, что миръ закрѣпленъ. Намъ больше ничего не остается желать въ Англіи; расположеніе къ намъ совершенное, удовлетвореніе полное. Популярность короля среди англійскаго народа воздѣйствовала на кабинетъ, который хотя и расположенъ къ намъ, но въ то же время отличался безпокойствомъ и боязливостью».

Королева осталась въ восторгѣ отъ свиданія, а Луи-Филиппъ, по словамъ той же княгини Ливенъ, «даже помолодѣлъ, и его удовлетвореніе было очень замѣтно».

Черезъ два дня французскій король распрощался. Викторія и принцъ Альбертъ проводили его до Портсмута.

Во время этой прощальной поѣздки они проѣзжали мимо острова Уайта, и сэръ Робертъ Пиль, зная о страстномъ желаніи Викторіи выстроить собственный дворецъ, указалъ на этотъ островъ, какъ на спокойную, уединенную резиденцію.

Уже съ первыхъ дней царствованія Викторія мечтала объ этомъ. Она была какъ будто связана въ Букингамскомъ и Виндзорскомъ дворцахъ. Желаніе имѣть уголокъ, гдѣ можно скрываться отъ скучнаго этикета, пріемовъ и, по ея словамъ, «жестокаго свѣта», ведя хотя нѣкоторое время семейную жизнь, тѣмъ болѣе усиливалось, что принцъ Альбертъ со времени своего неудачнаго паденія въ

озеро сталъ хворать. Доктора совѣтовали ему продолжительное мѣстопребываніе на морскомъ берегу. Кромѣ этого, принцъ Альбертъ настаивалъ, чтобы дѣти росли въ здоровой обстановкѣ, на чистомъ воздухѣ, гдѣ онъ имѣлъ бы время заняться ихъ воспитаніемъ. Остановка была за деньгами, которыя королева еще недостаточно съэкономила для осуществленія своего желанія.

Наконецъ, въ 1845-мъ году, принцъ отправился со своимъ архитекторомъ Томасомъ Губи на островъ Уайтъ осмотрѣть старинное жилище Карла I-го, знаменитое по происходившей въ немъ борьбѣ между парламентомъ и королемъ. Убѣдившись, что его нельзя перестроить, и въ восторгѣ отъ парка, чуднаго вида на море, а главное отъ климата, принцъ Альбертъ рѣшился пріобрѣсть имѣнье, состоящее изъ 3.000 акровъ земли, и, сломавъ замокъ, построить на его мѣстѣ новый въ итальянскомъ стилѣ. Домъ долженъ былъ состоять изъ двухъ этажей и rez de chaussé съ двумя башнями, на крышахъ которыхъ могли быть устроены террасы, откуда открывался бы прекрасный видъ.

Принцъ самъ дѣлалъ планъ дома и рѣшилъ устроить его со всевозможнымъ комфортомъ; не были забыты даже запасныя дѣтскія для будущаго поколѣнія. Планъ состоялъ изъ цѣлаго ряда залъ, билліарда, библіотеки, кабинета принца и королевы, зала для тайнаго совѣта и помѣщенія для свиты. Оранжереи, теплицы, большія конюшни и образцовая ферма составляли хозяйство. Мебель было рѣшено выбрать удобную, но безъ кричащей роскоши. Произведеніямъ искусства отведено было много мѣста. Въ общемъ принцъ Альбертъ стремился устроить уютный домъ, располагающій къ тихой, семейной жизни, и во всемъ хотѣлъ сохранить изящную простоту. Даже названіе замокъ было замѣнено словомъ домъ. Его рѣшили назвать «Osborne-House» (Осборнскій домъ).

Викторія была очень рада, что наконецъ-то у нея будетъ уголокъ, гдѣ она можетъ жить семейной жизнью, полной радости и счастья, какъ жена и мать. Такъ какъ отдаленность мѣстности позволяла ей ускальзывать отъ обязанностей, присущихъ ея высокому положенію, то они рѣшили, что зиму будутъ проводить въ будущемъ новомъ дворцѣ. Въ это время года на островѣ Уайтѣ, гдѣ находится Osborne-House, благодаря гольфштрему, климатъ бываетъ настолько теплый, что деревья находятся въ цвѣту.

Въ августѣ мѣсяцѣ королева съ супругомъ отправилась снова путешествовать. Уже давно Викторія мечтала посмотрѣть завѣтное для нея мѣсто, гдѣ протекла юность дорогого ея Альберта. Она заранѣе выразила желаніе ночевать въ замкѣ Розенау, гдѣ родился Альбертъ, чтобы полюбоваться кушеткой, на которой онъ съ братомъ играя засыпалъ.

Въ Аахенѣ прусскій король встрѣтилъ ихъ и проводилъ въ Кельнъ. Вечеромъ для нихъ былъ устроенъ спектакль. Въ Бонѣ

они посѣтили университетъ, гдѣ принцъ Альбертъ блестяще окончилъ курсъ. Въ Готѣ былъ данъ оригинальный спектакль на открытомъ воздухѣ, въ которомъ принцевъ играли настоящіе принцы, а крестьянъ—подлинные крестьяне.

Викторія все время любовалась простымъ, не затѣйливымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно чистымъ костюмомъ женщинъ и дѣтей бѣднаго класса. Она невольно сравнивала съ ними бѣдныхъ англичанокъ въ ихъ дырявыхъ шаляхъ и потасканныхъ, помятыхъ, хотя шелковыхъ шляпахъ. По этому поводу она писала:

«Хорошо было бы, если бы наши англичанки бросили свои шали и шелковыя шляпы и удовлетворялись бы простыми, но чистыми платьями».

Викторія разсчитывала, что эта поѣздка будетъ для нея пріятнѣе, чѣмъ она оказалась.

Еще 11 іюля 1845 года княгиня Ливенъ писала Баранту:

«Прусскій король порядочно досадуетъ, что ему надо ѣхать встрѣчать англійскую королеву на Рейнъ. Рейнскія провинціи не очень-то къ нему расположены».

Позже, а именно 27 сентября, она писала:

«Путешествіе англійской королевы было необыкновенно. Ея угрюмость проявилась съ первой же минуты пріѣзда въ Кельнъ, когда великій герцогъ Фридрихъ пошелъ впереди ея мужа. Она сдѣлалась невѣжлива, угрюма и даже разгнѣванная. Наконецъ дѣло дошло до того, что прусскій король говорилъ о ней съ безпокойствомъ даже съ ея личнымъ докторомъ, спрашивая его, замѣтилъ ли онъ у королевы проявившіеся странные симптомы. Каковъ поступокъ со стороны короля? Такъ вотъ какъ: на Рейнѣ, говорятъ, была неучтива, въ Кобургѣ—довольна, но не очень вѣжлива; въ Ё—очаровательна».

Изъ этого письма видно, что королева была недовольна невниманіемъ, оказаннымъ ея любимому Альберту. Что же касается до прусскаго короля, то онъ, по словамъ принцессы Саганъ, вынесъ изъ этого свиданія «самое кислое» впечатлѣніе.

На возвратномъ пути Викторія и Альбертъ, какъ и обѣщали Луи-Филиппу, проѣхали въ замокъ Ё, куда прибыли 8-го августа. Здѣсь Викторія забыла всѣ свои огорченія, согрѣтая любезнымъ, предупредительнымъ пріемомъ. Во всемъ была видна забота Луи-Филиппа. Комната, приготовленная для нихъ, была украшена портретами ея и принца Альберта, другія картины изображали эпизоды изъ ея перваго пріѣзда въ замокъ Ё и посѣщеніе Луи-Филиппомъ Виндзорскаго замка. Король разсчитывалъ, что они останутся у него съ недѣлю, но Викторія уѣхала черезъ два дня, полюбовавшись спектаклемъ, устроеннымъ пріѣхавшими изъ Парижа артистами комической оперы.

На этотъ разъ Луи-Филиппъ лично увѣрилъ Викторію, что не

согласится на бракъ сына герцога Монпансье съ испанской инфантой, пока политическій вопросъ не будетъ устраненъ.

Послѣ этой поѣздки Викторія надолго отказалась отъ удовольствія посѣщать континентъ и ограничила свои путешествія Ирландіей и Шотландіей. Она не подозрѣвала, что слѣдующая встрѣча съ Луи-Филиппомъ будетъ не какъ съ королемъ, а какъ съ изгнанникомъ.

По возвращеніи королева занялась окончательнымъ устройствомъ Осборнскаго дома. Ея владѣнія были такъ обширны, что, катаясь по собственному парку, можно было сдѣлать хорошую прогулку. Не послѣдней заботой былъ паркъ, устраиваемый по плану Альберта, большого любителя садоводства. Многія деревья посажены собственноручно королевой и ея мужемъ.

Въ сосѣдней деревнѣ Виппингъ принцъ Альбертъ устроилъ церковь, которую королева посѣщала по воскресеньямъ. Простота царила полная въ Осборнскихъ обычаяхъ королевы, и только въ дни гонокъ она выѣзжала въ полупарадномъ экипажѣ.

1846—1853 годы опять были полны треволненій и событій, какъ личныхъ, такъ и политическихъ. 25 мая у королевы родилась дочь принцесса Елена-Августа, будущая принцесса Шлезвингъ-Голштинская. Послѣ ея рожденія едва королева успѣла оправиться, какъ начались политическія непріятности, близко касающіяся Викторіи. Союзъ съ Франціей сталъ колебаться. Несмотря на увѣренія Луи-Филиппа, сдѣланныя въ послѣднее свиданіе, онъ несчиталъ себя связаннымъ даннымъ обѣщаніемъ, и бракъ герцога Монпансье съ испанской инфантой все болѣе и болѣе принималъ опредѣленный характеръ. Вслѣдствіе этого Викторія была въ очень дурномъ настроеніи.

Извѣстно, какъ была привязана Викторія къ Кобургскому дому, и тѣмъ болѣе она досадовала, что Луи-Филиппъ взялъ обѣщаніе и слово, что Англія будетъ препятствовать браку принца Кобургскаго съ испанской королевой, а самъ этимъ временемъ нарушилъ свое обѣщаніе, несмотря на всѣ усилія Англіи помѣшать осуществленію его честолюбиваго плана.

13 ноября Барантъ писалъ сыну:

«Королева Викторія и король Леопольдъ въ глубинѣ души никогда не отказывались отъ мысли о бракѣ принца Кобургскаго съ испанской королевой. Безъ сомнѣнія, мы въ очень опасномъ и затруднительномъ положеніи. Нашихъ добрыхъ отношеній болѣе не существуетъ».

Пріятныя впечатлѣнія отъ ласковаго пріема Луи-Филиппа исчезли, какъ дымъ, оставивъ лишь горькій плодъ—коварную политику Луи-Филиппа.

Здоровье принца Альберта стало замѣтно ухудшаться. Его докторъ, Джемсъ Блэкъ, настаивалъ на горномъ воздухѣ, который былъ

необходимъ для его легкихъ, и указывалъ на Шотландію, какъ на подходящее мѣсто. Принцъ-супругъ часто предпринималъ съ Викторіей поѣздки въ любимую королевой Шотландію и наконецъ въ 1848 году, переговоривъ съ владѣльцемъ, лордомъ Абердиномъ, нанялъ его замокъ Бальмораль.

Онъ находился въ долинѣ, окруженной горами, черезъ которую протекала рѣка Ди, берущая свое начало изъ снѣжныхъ вершинъ трехъ самыхъ высокихъ горъ изъ цѣпи Грэмпьонъ.

Въ то время сообщеніе съ Бальмораломъ было моремъ, а затѣмъ на перекладныхъ, теперь же устроена желѣзная дорога до Бэлестера, находящагося въ восьми миляхъ отъ Бальмораля.

Осенью 1848 года, въ августѣ мѣсяцѣ, королевская семья отправилась въ Бальмораль. Королева сохранила всѣ даже мельчайшія воспоминанія о первомъ впечатлѣніи Бальмораля, которыя она записывала въ свой дневникъ.

«Мы пріѣхали въ Бальмораль безъ четверти въ три часа. Это очень красивенькій замокъ, украшенный живописной башней и построенный въ старинно-шотландскомъ стилѣ. Передъ замкомъ раздѣланъ садъ, въ концѣ котораго начинаются отлогости высокаго лѣсистаго холма. Сзади замка лѣсъ постепенно спускается къ рѣкѣ Ди; вокругъ горы какъ бы служатъ границей горизонту.

«Замокъ состоитъ изъ сѣней съ билліардной комнатой, рядомъ съ нею находится столовая. Поднявшись по широкой лѣстницѣ въ первый этажъ направо, входишь въ очень красивый залъ, устроенный надъ столовой и расположенный рядомъ съ нашей спальной, изъ которой ведетъ дверь въ уборную Альберта. Онъ присмотрѣлъ ее себѣ заранѣе. Съ другой стороны лѣстницы, три ступени ниже находятся спальни дѣтей и миссъ Хильдьяръ. Дамы живутъ внизу, а кавалеры наверху.

«По прибытіи мы завтракали, въ четыре съ половиной часа мы пошли гулять. По очень миленькой извилистой тропинкѣ мы взобрались на холмъ, съ котораго видны наши окна. Тамъ мы нашли небольшую пирамиду. Съ вершины холма нашъ домъ очарователенъ. На западѣ взоръ распространяется на холмы, окружающіе Лахъ-пэ-Геръ, а направо въ сторонѣ Баллатэре онъ обнимаетъ долину, по которой змѣится Ди, со своими красивыми, покрытыми лѣсомъ холмами, напоминающими намъ Тюрингенскіе лѣса. Какая тишина, какое уединеніе, какъ хорошо чувствуешь себя отъ этого вида, и какъ освѣжаетъ горный воздухъ! Кажется, что все дышитъ свободой и миромъ, и забываешь весь свѣтъ съ его суетой!

«Ландшафтъ дикъ, но не скучный: здѣсь кажется все болѣе процвѣтающимъ и обработаннымъ, чѣмъ въ Лаганѣ. Грунтъ пріятно сухъ. Затѣмъ мы спускаемся вдоль рѣки, протекающей совсѣмъ близко позади нашего дома; видъ на холмы по направленію къ Инверку необычайно красивъ.

«Когда я вернулась въ шесть часовъ съ половиной, Альбертъ вышелъ испытать счастье на кабановъ, живущихъ совсѣмъ недалеко отъ насъ въ лѣсу, но неудачно. По вечерамъ эти кабаны подходятъ совсѣмъ близко къ дому».

Изъ этого дневника видно, какъ понравился Викторіи Бальмораль. Съ перваго дня и до дня ея смерти это было самое любимое ея мѣстопребываніе, и нигдѣ она не была такъ счастлива, какъ въ немъ. Здѣсь она отдыхала отъ всѣхъ обидъ и треволненій, и съ нимъ у нея были связаны всѣ лучшія воспоминанія. Когда она уѣзжала въ Виндзоръ или Букингамъ, то навѣрно знала, что ее ожидали тамъ огорченія и обиды, направленныя противъ принца Альберта. Къ довершенію непріятностей, въ 1848 году на королеву было вновь сдѣлано покушеніе каменщикомъ Гамильтономъ, выстрѣлившимъ въ нее изъ пистолета, заряженнаго только порохомъ. Съ обычнымъ хладнокровіемъ Викторія спокойно продолжала говорить съ дѣтьми, бывшими съ нею въ экипажѣ, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ происшедшаго шума. Съ Гамильтономъ впослѣдствіи поступили такъ же, какъ съ Беаномъ.

Въ эту эпоху у королевы родилось еще трое дѣтей: принцесса Луиза—родившаяся 18 марта 1848 года, принцъ Артуръ, будущій герцогъ Конаутскій, и восьмой ребенокъ—принцъ Леопольдъ, будущій герцогъ Альбани, родившійся въ 1853 году.

Королева, несмотря на занятія государственными дѣлами и свѣтскими обязанностями, сама вмѣшивалась въ воспитаніе дѣтей, хотя имъ руководилъ впослѣдствіи принцъ Альбертъ. Гувернантка и воспитатели знали, что, гдѣ бы королева ни была, они всегда имѣли право безпокоить ее разрѣшеніемъ какого-либо вопроса, касавшагося дѣтей. Кромѣ того, она завела тетрадь, въ которую вписывала свои педагогическіе взгляды. Гувернантка могла заглядывать въ нее, такъ какъ именно съ этою цѣлью Викторія высказывала свои мысли. Между прочимъ, она писала въ ней: «Главнымъ принципомъ воспитанія должна быть простота; необходимо оставлять дѣтей какъ можно чаще съ родителями въ часы, свободные отъ занятій, чтобы они научились относиться къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ».

Безъ сомнѣнія, первое, что она внушала имъ, это безконечную преданность и почтеніе къ принцу Альберту, и не ея вина, если впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ не оказывали ему ни того ни другого.

Что же касается религіознаго воспитанія, они были, какъ и она, протестанты. Викторія не была строга относительно обрядности, придавая большее значеніе внутреннему смыслу религіи. Ее обвиняли не разъ за слишкомъ строгое и упорное отношеніе къ дѣтямъ въ вопросѣ научнаго образованія. Она настаивала на томъ, чтобы они изучали, кромѣ научныхъ предметовъ, и всѣ европейскіе

языки. Королева заранѣе рѣшила программу воспитанія, въ которую входило обязательное знаніе мальчиками всѣхъ колоній Англіи, и какъ только они оканчивали курсъ наукъ, то отправлялись на всѣ четыре стороны изучать свѣтъ. Но главное, она мечтала, чтобы одинъ изъ сыновей былъ во главѣ арміи, а другой — флота, что впослѣдствіи отчасти сбылось, такъ какъ герцогъ Конаутскій сдѣлался блестящимъ офицеромъ и былъ очень любимъ народомъ. Что касается флота, то въ немъ былъ герцогъ Эдинбургскій, не любимый народомъ. Въ 1893 году онъ сдѣлался великимъ герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ, и мѣсто во флотѣ занялъ герцогъ Кларентскій.

Помня систему своего личнаго воспитанія, Викторія пріучала дѣтей съ юныхъ дней къ гимнастикѣ и всевозможнымъ спортамъ, руководя сама ихъ первоначальными занятіями.

Принцъ Альбертъ подарилъ дѣтямъ въ Осборнѣ маленькій швейцарскій домъ, въ которомъ они устроили настоящій миніатюрный музей. Въ немъ сохранялись всѣ ихъ игрушки, а также и королевы Викторіи. Нижній этажъ принадлежалъ маленькимъ принцессамъ и былъ наполненъ кухонной посудой, въ которой онѣ приготовляли различныя кушанья. Очень часто къ королевскому столу подавались блюда, приготовленныя ими, и родители угощались дѣтской стряпней. Вокругъ дома были устроены садики, отдѣльно для каждаго ребенка. Принцъ Альбертъ былъ хорошій агрономъ и хотѣлъ, чтобы дѣти умѣли владѣть лопатой и граблями и изучали садоводство. По воскресеньямъ королева съ мужемъ посѣщали ихъ домикъ и слѣдили за сдѣланными въ продолженіе недѣли успѣхами. Тотъ, котораго успѣхъ былъ лучше другихъ, получалъ ихъ поздравленіе.

Впослѣдствіи, когда дѣти стали старше, воспитаніе мальчиковъ было передано лучшему другу принца Альберта, барону Штокмару, но начало положилъ самъ принцъ Альбертъ. Съ большею любовью онъ занимался со старшей дочерью, Викторіей, умной и способной дѣвочкой. Этотъ ребенокъ проявилъ рано свои богатыя умственныя способности. Едва ей исполнилось три года, какъ уже стало замѣтно, какимъ твердымъ и мужественнымъ она обладаетъ характеромъ. Это проявлялось, конечно, пока въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, когда ей представили француженку-гувернантку, которую она не желала имѣть, такъ какъ привыкла къ своей нянѣ, то она очень рѣшительно протестовала на своемъ дѣтскомъ языкѣ: «Vous n'approchez pas moi, moi veux pas vous» (Не подходите ко мнѣ, я не хочу васъ). Ея смышленность была замѣчательна. Однажды, въ ея присутствіи читали вслухъ Библію, и при фразѣ: «Богъ сотворилъ человѣка по подобію своему», она воскликнула: «Какого человѣка? Навѣрно, не доктора Преторіуса». Это былъ докторъ принца Альберта, очень некрасивый человѣкъ. Въ то же время

она проявляла свою волю и не легко поддавалась чужой. Такъ, напримѣръ, разговаривая съ другимъ докторомъ, Брауномъ, она ни за что не хотѣла прибавить къ имени Брауна слово «господинъ». Мать неоднократно дѣлала ей замѣчанія и, наконецъ, пригрозила тѣмъ, что ее пошлютъ спать, если она еще разъ обойдется такъ невѣжливо съ Брауномъ. Послѣ этой угрозы она все-таки поставила на своемъ, и когда, при слѣдующей встрѣчѣ, происшедшей въ присутствіи матери, она увидѣла доктора Брауна, то сказала ему: «Здравствуйте, Браунъ, а такъ же до свиданія, такъ какъ я иду спать!»

Принцъ Альбертъ очень любилъ свою старшую дочь и часто говорилъ: «У нея будетъ голова мужчины, а сердце женщины». Впослѣдствіи, когда ей было 15 лѣтъ, онъ изучалъ съ нею конституцію, и она была способной и воспріимчивой ученицей.

Принцъ Уэльскій воспитывался строже, чѣмъ другіе. Принцъ Эдинбургскій съ четырнадцати лѣтъ проходилъ курсъ морскихъ наукъ. Его первоначальнымъ воспитаніемъ руководилъ принцъ Альбертъ, а затѣмъ онъ учился въ Германіи, такъ какъ былъ наслѣдникомъ дяди, Саксенъ-Кобургъ-Готскаго принца, брата принца Альберта. Отецъ его прозвалъ «придворнымъ менестрелемъ» по причинѣ его любви къ игрѣ на скрипкѣ. Восемнадцати лѣтъ онъ отказался отъ греческаго престола и прослылъ очень скупымъ, качество, вѣроятно, доставшееся по наслѣдству отъ его дѣда, герцога Суссекскаго, извѣстнаго своей колоссальной скупостью.

Дочь Елена была впослѣдствіи замѣчательна своей толщиной, любовью къ сплетнямъ, чѣмъ отличался и ея братъ, принцъ Уэльскій, теперешній король Англіи, но въ то же время она была добра для бѣдныхъ. Впослѣдствіи она вышла замужъ за принца Шлезвигъ-Голштинскаго.

Шестой ребенокъ, дочь Луиза — болѣе всего безпокоила королеву и принца-супруга своимъ романическимъ характеромъ, который обѣщалъ въ будущемъ еще болѣе опасеній. Богато надѣленная художественными талантами, она впослѣдствіи сдѣлалась прекраснымъ скульпторомъ, благодаря урокамъ мистриссъ Торникрофтъ. Статуя королевы, украшающая Кенсингтонскій садъ,— ея произведеніе. Она—единственная изъ дочерей Викторіи, которая отличалась красотою. Злые языки говорили, что, благодаря ея романическому характеру, она завела интригу съ священникомъ, которая, по счастью, не имѣла послѣдствій. Принцесса вышла замужъ за герцога Аргайль.

Третій сынъ, седьмой по счету ребенокъ, Артуръ, будущій герцогъ Конаутскій, былъ очень хорошій музыкантъ и питалъ страсть къ барабану, на которомъ превосходно производилъ бурю. Онъ, впослѣдствіи, женился на принцессѣ Луизѣ-Маргаритѣ, младшей дочери принца Фридриха-Карла прусскаго.

Восьмой ребенокъ былъ принцъ Леопольдъ, родившійся въ 1853 году, очень болѣзненный и слабый, но блестяще окончившій впослѣдствіи курсъ наукъ въ Оксфордѣ и женившійся на принцессѣ Еленѣ-Вальдекъ-Пирмонъ.

Королева Викторія отличалась замѣчательной строгостью и взыскательностью въ отношеніи дѣтей. Прямая и искренняя, она не стѣснялась наказывать ихъ даже на глазахъ публики, и по этому поводу существуетъ множество анекдотовъ. Королева непремѣнно хотѣла, чтобы дѣти считали ее своимъ другомъ и не скрывали отъ нея своихъ радостей и огорченій, но она никогда не допускала себя силою узнавать ихъ маленькіе секреты, стремясь развить въ нихъ чувство личнаго достоинства.

Въ 1852 году Викторіи вновь пришлось испытать покушеніе или, вѣрнѣе, на этотъ разъ нападеніе. Въ то время, какъ она возвращалась отъ больного дяди, герцога Кэмбриджскаго, и только что выѣхала въ каретѣ изъ-за рѣшетки, окружающей его домъ, какой-то элегантный господинъ бросился въ карету съ поднятой палкой и нанесъ ей по лицу нѣсколько ударовъ. Но удары, вѣроятно, были не очень сильные, такъ какъ королева на другой же вечеръ присутствовала въ оперѣ. Этотъ господинъ оказался бывшимъ гусарскимъ офицеромъ, по имени Патъ. Съ нимъ поступили иначе, чѣмъ съ Беаномъ, засадивъ въ сумасшедшій домъ.

Въ этомъ же году, послѣ трехъ проведенныхъ сезоновъ въ Бальморалѣ, Викторія съ мужемъ такъ полюбили этотъ очаровательный уголокъ, что рѣшили купить его. Эта мысль не была приведена въ исполненіе ранѣе, такъ какъ покупка и постройка Осборна стоили дорого, а теперь они вновь съэкономили отъ выдаваемаго парламентомъ содержанія и купили Бальмораль за 31.500 фунтовъ стерлинговъ. На слѣдующій годъ принцъ Альбертъ, самъ изучившій архитектуру, съ помощью архитектора Вилльямса Смита, приступилъ къ постройкѣ замка, обошедшагося имъ въ 200.000 фунтовъ стерлинговъ. Первый камень заложила Викторія.

VII.

Хотя Викторія преимущественно занималась иностранными дѣлами и принимала даже личное участіе въ дипломатическихъ столкновеніяхъ, но она интересовалась и внутренними вопросами, которые въ правленіе сэра Роберта Пиля составляли заботу дня. Видя, что мало-по-малу изъ консерватора и торія онъ превращался въ горячаго защитника настоящихъ интересовъ народа, королева, какъ ярая либералка, вмѣсто враждебныхъ чувствъ стала питать къ нему теплое сочувствіе. Прежде всего она измѣнилась въ своихъ отношеніяхъ къ Пилю по вопросу объ Ирландіи. Она писала ему: «Королева увѣрена, что терпимость и снисхожденіе къ ирланд-

скому народу будутъ имѣть лучшее дѣйствіе на него». Поэтому, когда онъ сталъ открыто въ 1844 году выражать примирительную политику относительно ирландцевъ, то она вполнѣ одобрила его дѣйствія. Принцъ Альбертъ писалъ ему по порученію жены: «Я возвращаю вамъ частную, секретную записку по дѣлу о католическомъ Мейноцкомъ училищѣ и надѣюсь, что ваша разумная прибавка на содержаніе училища пройдетъ въ парламентѣ. Королева раздѣляетъ со мною надежду, что вамъ удастся побороть всѣ трудности».

Этотъ мейноцкій вопросъ поднялъ большой шумъ, и Пиль произнесъ при его обсужденіи такую краснорѣчивую рѣчь, что въ тотъ же вечеръ королева велѣла секретарю написать ему: «Королева не можетъ не выразить своего восторга сэру Роберту Пилю по поводу его рѣчи, которую она читала цѣлую ночь. Эта великолѣпная защита въ то же время произведетъ наилучшее впечатлѣніе въ Ирландіи». Послѣ долгихъ усилій Пилю удалось провести ирландскій билль черезъ обѣ палаты, и Викторія съ благодарностью писала ему: «Намъ сдѣлали особую овацію въ театрѣ и на улицахъ, и нигдѣ не слышался ни единый крикъ: «долой католиковъ!». Я очень рада, что протестанты видятъ, какъ нехорошо выражать мнѣнія, достойныя однихъ ханжей; и всѣмъ этимъ мы обязаны вамъ».

Еще болѣе симпатичною Викторіи была борьба Пиля противъ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ. Пламенно возставали противъ него даже его собственные сторонники, торіи, въ особенности Дизраэли. Королева поэтому возненавидѣла краснорѣчиваго оратора, не подозрѣвая, что ему суждено будетъ сдѣлаться ея любимцемъ подъ именемъ лорда Биконсфильда. Напротивъ, къ сэру Роберту Пилю она относилась самымъ сочувственнымъ образомъ и писала ему тогда: «Королева убѣждена, что дѣло кончится тѣмъ, что вся страна громко выразитъ ему свою благодарность. Это вознаградитъ его за многія непріятности, которыя онъ выноситъ отъ собственной партіи. Зато къ нему питаетъ довѣріе весь народъ, и королева считаетъ ненужнымъ повторить, что ему хорошо извѣстно объ ея искреннемъ довѣріи къ нему». Конечно, эти письма были вполнѣ секретныя, такъ какъ королева никогда въ жизни не выражала открыто своихъ мнѣній въ политическихъ дѣлахъ.

По этому случаю принцъ Альбертъ подвергся оскорбительнымъ публичнымъ выраженіямъ противниковъ сэра Роберта Пиля за то, что онъ присутствовалъ въ парламентѣ при произнесеніи знаменитой рѣчи перваго министра въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Эта выходка была такъ неприлична, особенно со стороны лорда Джорджа Бентинга, что принцъ Альбертъ далъ себѣ слово никогда не бывать въ палатѣ общинъ. Онъ сдержалъ свое слово до самой своей смерти.

Наконецъ, сэру Роберту Пилю удалось восторжествовать и провести столь благотворную для народа государственную мѣру. Но въ тотъ самый день, когда она удостоилась подписи королевы, его министерство пало, благодаря интригамъ Дизраэли, лорда Бентинга и другихъ отщепенцевъ его партіи. Какъ тяжело отставка Пиля подѣйствовала на королеву, видно изъ ея письма къ бельгійскому королю:

«Вчерашній день былъ для меня чрезвычайно тяжелый; мнѣ пришлось разстаться съ сэромъ Робертомъ Пилемъ и съ лордомъ Абердиномъ, что составляетъ невознаградимую потерю, какъ для насъ, такъ и для всей страны. Мы потеряли въ нихъ двухъ друзей, на которыхъ мы могли опереться. Они оба были такъ тронуты разставаніемъ съ нами, что я сама была глубоко потрясена. Никогда впродолженіе пяти лѣтъ, пока они были министрами, они ни разу не предложили мнѣ какой нибудь мѣры, которая была бы не на пользу нашу или всей страны». Такое лестное мнѣніе Викторіи о сэрѣ Робертѣ Пилѣ дѣлаетъ тѣмъ болѣе ей чести, что она вполнѣ забыла непріятное отношеніе къ ней и къ ея мужу, которое онъ выказывалъ въ началѣ ея царствованія.

Власть перешла къ вигамъ, которые, несмотря на все уваженіе свое къ финансовымъ мѣрамъ Пиля, содѣйствовали изъ интересовъ партіи его паденію. Первымъ министромъ сдѣлался лордъ Джонъ Россель, и королева предалась снова исключительно иностраннымъ дѣламъ, тѣмъ болѣе, что они отличались теперь самымъ жгучимъ интересомъ. Мало-по-малу подготовилась и наконецъ разразилать революція 1848 года. Движеніе охватило Италію, Германію и Францію. Первой жертвой сдѣлался Луи-Филиппъ, и онъ нашелъ пріютъ въ Англіи. Вслѣдъ за французской республикой объявлены были итальянскія народоправства и даже пошатнулись престолы австрійскій и прусскій.

Этимъ политическимъ водоворотомъ воспользовался ловкій интриганъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Пальмерстонъ, которому энергично помогала его жена, лэди Пальмерстонъ. Но онъ такъ увлекался своей искусной игрой, что совершенно пренебрегалъ и не обращалъ никакого вниманія на королеву. Онъ не только не показывалъ ей всѣхъ иностранныхъ депешъ, но самъ писалъ ноты, не доводя о томъ до свѣдѣнія королевы. Подобная «манера ха-ха», какъ справедливо называлъ ее Монктонъ-Минцъ, выводила изъ терпѣнія королеву и особенно пунктуальнаго принца Альберта, который настаивалъ, чтобы она всегда вела себя съ конституціонной пунктуальностью. Такъ однажды, получивъ отъ прусскаго короля секретное письмо на имя королевы черезъ прусскаго посланника, онъ позвалъ лорда Пальмерстона, и при немъ королева распечатала письмо и прочитала его. Наконецъ она вышла изъ терпѣнія, и въ 1850 году принцъ Альбертъ про-

тестовалъ противъ безцеремоннаго обращенія лорда Пальмерстона въ письмѣ къ министру лорду Джону Росселю. Пальмерстонъ обѣщалъ исправиться и передавать каждую депешу министру и королевѣ. Но онъ на словахъ говорилъ одно, а на дѣлѣ продолжалъ дѣлать другое. Тогда королева намекнула лорду Джону Росселю, что упрямаго и самовольнаго министра надо было уволить. Но Россель считалъ, что Пальмерстонъ былъ слишкомъ популярнымъ человѣкомъ, чтобы безъ уважительной причины его отставить, а потому не обратилъ вниманія на слова королевы.

Викторія выказала необычайную силу воли по этому случаю и написала лорду Росселю меморандумъ, въ которомъ точно и ясно объяснила, въ какихъ отношеніяхъ долженъ стоять къ ней министръ иностранныхъ дѣлъ. «Королева требуетъ,—говорила она:— 1) чтобы онъ всегда въ данномъ случаѣ говорилъ, какъ намѣренъ поступить, и чтобы королева такимъ образомъ могла знать, на что именно она давала свое высочайшее разрѣшеніе. 2) Королева требуетъ, чтобы, однажды получивъ королевскую санкцію, никакая мѣра не могла быть измѣнена министромъ. Она считаетъ, что подобное дѣйствіе составляетъ нарушеніе конституціи и влечетъ за собою удаленіе министровъ. Она ожидаетъ, что онъ сообщитъ ей всѣ свои разговоры съ иностранными министрами, прежде чѣмъ постановлено окончательное рѣшеніе по дѣлу. Она также требуетъ представленія во время иностранныхъ депешъ и одинаково своевременнаго доставленія всѣхъ актовъ, которые она должна подписать. Королева желаетъ, чтобы лордъ Джонъ Россель показалъ этотъ документъ лорду Пальмерстону».

Кромѣ того, принцъ Альбертъ, отъ имени королевы пригласилъ на личное объясненіе лорда Пальмерстона и повторилъ ему на словахъ желаніе королевы. Лордъ Пальмерстонъ совершенно измѣнилъ свой тонъ; по словамъ принца Альберта, «онъ былъ очень смущенъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, обнаруживалъ слезы въ глазахъ, и куда неизвѣстно пропала его вѣчная дерзкая улыбка». Онъ сказалъ, «что раскаивается во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и, конечно, не можетъ оскорбить королеву или оказать ей неуваженіе, такъ какъ въ подобномъ случаѣ онъ не былъ бы джентльменомъ и не заслуживалъ бы болѣе мѣста въ обществѣ».

Въ результатѣ этого выговора получилось исправленіе на время лорда Пальмерстона, и первый министръ сказалъ съ улыбкой: «Все это сдѣлаетъ ему большую пользу».

Однако прошло четыре съ половиной мѣсяца, и онъ нарушилъ данное имъ обѣщаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ конституцію, самымъ непростительнымъ образомъ. 2-го декабря 1853 года Людовикъ-Наполеонъ совершилъ государственный переворотъ, и королева, узнавъ объ этомъ только 4-го декабря, поспѣшила объявить первому министру насчетъ опоздалости извѣстія и заявила, что необходимо

поддержать въ этомъ отношеніи строгій нейтралитетъ, а потому въ этомъ духѣ увѣдомить англійскаго посланника въ Парижѣ, лорда Норманби. Первый министръ отвѣчалъ, что приказаніе ея величества будетъ исполнено. Но каково же было его удивленіе и неудовольствіе королевы, когда лордъ Норманби увѣдомилъ, что уже прямо отъ себя лордъ Пальмерстонъ приказалъ торжественно признать государственный переворотъ. Конечно, королева выразила лорду Росселю, что подобное дѣйствіе лорда Пальмерстона «нарушало достоинство правительства королевы и дѣлало его безчестнымъ въ глазахъ правительства».

Однако Пальмерстонъ не обратилъ никакого вниманія на это письмо королевы, посланное ему первымъ министромъ, и въ тотъ же день отправилъ новую депешу лорду Норманби, которой не показалъ ни королевѣ, ни первому министру и въ которой выражалъ полное одобреніе совершенному перевороту. Несмотря на всю мягкость лорда Росселя, онъ вышелъ изъ терпѣнія и удалилъ самовольнаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ своего мѣста.

Королева была вполнѣ удовлетворена этой неожиданной энергіей лорда Джона Росселя. Но такова была популярность лорда Пальмерстона и сила его интригъ, что черезъ два мѣсяца самъ лордъ Джонъ Россель былъ оставленъ въ меньшинствѣ парламентскимъ рѣшеніемъ. Пальмерстонъ по этому случаю писалъ одному своему пріятелю: «Я надняхъ доказалъ Джону Росселю, что нашла коса на камень, и прогналъ его изъ премьеровъ».

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ему наслѣдовало торійское министерство лорда Дерби, и потомъ образовалось коалиціонное министерство лорда Абердина. Мысль о коалиціи, т.-е. о соединеніи въ одномъ министерствѣ консервативныхъ и либеральныхъ государственныхъ дѣятелей, принадлежала самой королевѣ. Маколей говорилъ главамъ либеральной партіи по этому случаю: «Нельзя придумать лучшаго плана, чѣмъ королевинъ, онъ вполнѣ выражаетъ мои чувства». Въ составившемся кабинетѣ «всѣхъ талантовъ» засѣдали рядомъ, какъ первый министръ, лордъ Абердинъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ—лордъ Джонъ Россель, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ—Пальмерстонъ и, какъ министръ финансовъ—Гладстонъ.

Но недолго миролюбно занимался внутренними дѣлами лордъ Пальмерстонъ, и снова началъ интриговать противъ принца Альберта. Когда же онъ вышелъ въ отставку, по случаю проведенія слишкомъ либеральной реформы, то увѣрялъ даже, что главною причиной его удаленія изъ министерства была выдача принцемъ иностраннымъ государствамъ тайнъ. Газеты такъ переполошились, что даже увѣряли, будто принца посадили въ тюрьму. Королева была настолько опечалена этими нападками на мужа, что потребовала отъ правительства его офиціальной защиты. Лордъ Абер-

динъ и даже глава оппозиціи, лордъ Дерби, вступились за него и заявили, что онъ совершенно въ правѣ, какъ мужъ королевы, совѣтовать ей въ государственныхъ дѣлахъ. Королева была въ восторгѣ отъ счастливаго результата всѣхъ этихъ непріятностей и писала Штокмару: «Положеніе моего любимаго повелителя и господина разъ навсегда опредѣлено, и его достоинство всѣми партіями признано». Въ 1854 году объявлена война съ Россіей и союзъ съ Франціей, но въ слѣдующемъ году въ февралѣ мѣсяцѣ общественное мнѣніе, недовольное неудовлетворительнымъ веденіемъ войны, настояло на заявленіи парламентомъ неодобренія лорду Абердину. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ подать въ отставку, и королева съ большимъ сожалѣніемъ разсталась съ нимъ, такъ какъ питала къ нему большое довѣріе.

Первымъ министромъ сдѣлался лордъ Пальмерстонъ, и онъ началъ свою дѣятельность съ того, что энергично повелъ войну и усилилъ союзъ съ Наполеономъ III.

Уже давно онъ и его жена интриговали подъ сурдинку въ пользу Наполеона III и настолько успѣшно, что прежній образъ искателя приключеній, на который смотрѣли англичане со смѣхомъ и презрѣніемъ, замѣнился новымъ—романическимъ, загадочнымъ. Пальмерстонъ зналъ, что дѣлалъ. Могли ли думать тогда въ Европѣ, что крымская кампанія достигнетъ своего апогея, благодаря романическому расположенію такой королевы, которую считали самой спокойной и преданной женой? Впрочемъ она такой и осталась. Но, несмотря на свой практичный, здравый умъ, Викторія въ то же время была женщина если не со всѣми, то со многими присущими ея полу слабостями. Пальместронъ это угадалъ и построилъ на нихъ свой планъ.

Началось съ того, что королева, любившая страстно романическія исторіи и интересовавшаяся часто даже ничтожными похожденіями въ этой области, узнала о любви Наполеона къ двумъ, извѣстнымъ всему Лондону, дамамъ, одна изъ которыхъ была Гоуардъ. Когда Наполеонъ задумалъ жениться и сдѣлалъ предложеніе Каролинѣ-Стефаніи Вазасской, внучкѣ принцессы Баденской, и получилъ отказъ, то онъ обратился къ Викторіи, прося руку ея племянницы, принцессы Аделаиды Гогенлоэ. Посовѣтовавшись съ мужемъ и родными принцессы, Викторія отказала ему тоже. Отверженный женихъ ничего не нашелъ другаго, какъ предложить себя въ мужья Евгеніи Монтихо. Какъ только эта вѣсть распространилась, то сплетнямъ и разговорамъ не было конца въ Лондонѣ, гдѣ у будущей императрицы было множество пріятелей. Эти толки достигли Викторіи и сдѣлали свое дѣло. Она еще болѣе заинтересовалась Наполеономъ и, находя этотъ бракъ романическимъ, благосклонно отнеслась къ нему; самъ же Наполеонъ принялъ въ ея глазахъ

какую-то еще болѣе фантастическую окраску. Конечно, этому способствовали немало и его политическія перипетіи.

Послѣ 26 августа 1854 года она писала своему дядѣ, Леопольду, бельгійскому королю, съ которымъ дѣлилась своими радостями и горестями, что ей предстоитъ продолжительная разлука съ Альбертомъ, и она заранѣе страдаетъ потому, что принцъ уѣзжаетъ во Францію съ визитомъ къ Наполеону. 3-го сентября принцъ уѣхалъ изъ Осборна на большой парадъ въ Булонскій лагерь, гдѣ Наполеонъ принялъ его съ большимъ почетомъ.

Въ слѣдующемъ году министры обѣихъ державъ разсчитали, что Викторія попадется на романическую удочку, и порѣшили, что она одна можетъ уговорить Наполеона не рисковать жизнью и трономъ, а потому предложили ей пригласить Наполеона къ себѣ, какъ бы для переговоровъ объ отъѣздѣ въ Крымъ.

Такимъ-то сказочнымъ героемъ Наполеонъ явился съ императрицей и свитой въ Виндзоръ 14 апрѣля 1855 года. Проѣзжая съ принцемъ Альбертомъ во дворецъ, среди громкихъ народныхъ привѣтствій, Наполеонъ указалъ ему выразительнымъ жестомъ на окно, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи и нищетѣ. Императоръ вѣрно разсчиталъ жестъ: народъ понялъ, что онъ хотѣлъ сказать, и восторженные клики положительно оглушили ихъ. Продолжая очаровывать народъ, Наполеонъ, проѣзжая мимо конногвардейскихъ казармъ, всталъ во весь ростъ въ коляскѣ и отдалъ честь англійскому знамени. Этотъ поступокъ вызвалъ цѣлую бурю оваціи. Лондонъ былъ покоренъ и замагнитизированъ, а вслѣдъ за нимъ и сама королева.

Романически настроенная, Викторія приняла его съ энтузіазмомъ и восторгомъ, но въ то же время съ робостью и опасеніемъ, какъ бы преклоняясь передъ его сильной волей.

Она приблизилась. Императоръ поцѣловалъ ея руку. Викторія согласно этикету въ отвѣтъ поцѣловала его по два раза въ обѣ щеки. Молодая принцесса Викторія, теперь вдовствующая императрица германская, Фредерика, съ испуганными удивленными глазами привѣтствовала его глубокими придворными поклонами.

За обѣдомъ Викторія была развязнѣе. Наполеонъ окончательно ее очаровалъ. Онъ исполнилъ мастерски роль вѣнценоснаго героя, убаюкивая ее своимъ мягкимъ, сладкимъ, слегка глухимъ голосомъ и манерой вести бесѣду меланхолически-гордымъ, нѣсколько отрывистымъ тономъ.

Она приступила къ нему тихо, нѣжно, убѣждая его отказаться отъ поѣздки въ Крымъ, но онъ отвѣчалъ на ея неотступныя просьбы съ высоты своего величія, хотя мягко, но съ замѣтнымъ оттѣнкомъ снисхожденія, жалуясь, съ тономъ затаенной грусти, на ошибки генераловъ и объясняя ей, что если онъ не поѣдетъ, то случится бѣда.

Вечеромъ очарованная Викторія записала въ своемъ дневникѣ: «Я не могу выразить, какое необъяснимое волненіе охватило меня, и мнѣ кажется, что все это волшебный сонъ».

На слѣдующій день императоръ съ императрицей Евгеніей сдѣлали визитъ королевѣ. Споръ возобновился. Императрица, не заботясь о томъ, что Викторія совѣтовала наканунѣ ея мужу не ѣхать въ Крымъ, стала напротивъ торопить Наполеона отъѣздомъ, ссылаясь на то, что онъ будетъ тамъ безопаснѣе, чѣмъ въ Парижѣ.

Послѣ завтрака устроенъ былъ парадъ.

Во время обѣда между императоромъ и Викторіей завязался споръ о положеніи Австріи. Онъ называлъ ея политику реакціонной и невѣжественной. Вечеромъ въ Ватерлооской залѣ племянникъ Наполеона I танцовалъ съ Викторіей.

На другой день, въ парадной церемоніи, Наполеонъ былъ сдѣланъ кавалеромъ ордена «Подвязки», при чемъ пряжку застегивала сама Викторія съ помощью мужа, тогда какъ Луи-Филиппу въ 1843 году застегивалъ Альбертъ. Послѣ того, какъ она надѣла ему черезъ плечо ленту и пошла провожать его до его аппартаментовъ, Наполеонъ съ изысканной вѣжливостью сказалъ ей:

«Однѣми узами болѣе. Я принесъ теперь вашему величеству и вашей имперіи мой обѣтъ преданности».

Среди придворныхъ было много толковъ, что вмѣсто обыкновеннаго пожатія руки королевы Наполеонъ былъ осчастливленъ двумя поцѣлуями, чего ни одинъ изъ вновь произведенныхъ кавалеровъ не удостоивался.

Королева, находясь подъ его обаяніемъ, придавала значеніе каждому его слову, а потому, вечеромъ, она писала по поводу его вѣжливой фразы:

«Эти слова имѣютъ большое значеніе въ устахъ человѣка съ такой упорной волей и нещедраго на нихъ».

Вечеромъ былъ данъ великолѣпный банкетъ. Императоръ сидѣлъ между герцогиней Кентской и Викторіей, а императрица между принцемъ Альбертомъ и принцемъ Лейнингенскимъ. Послѣ празднества въ Виндзорѣ дворъ перебрался въ Лондонъ, гдѣ устроены были концерты, балъ въ Букингамскомъ дворцѣ и спектакль-gala.

19 апрѣля, императоръ съ императрицей посѣтили Сити. Когда они въѣзжали въ Сити, то народъ хотѣлъ отпрячь лошадей и везти экипажъ самъ. Всѣ были въ какомъ-то томленіи, а полиція сбилась съ ногъ. На самомъ дѣлѣ бояться было чего. Масса французскихъ эмигрантовъ переселилась въ Лондонъ, и опасались, чтобы кто изъ нихъ не отомстилъ ему за преступленіе 2 декабря. Но все обошлось благополучно. Сити задалъ банкетъ, на которомъ корпорація очень нетактично подала знаменитый хересъ, еще куплен-

ный Наполеономъ I и попавшій въ руки англичанъ. Вечеромъ шла опера «Фиделіо», и ему сдѣлали шумныя оваціи.

Наполеонъ совершенно забылъ, что 20 апрѣля день его рожденія и былъ смущенъ, когда королева поздравила его утромъ и поднесла маленькій подарокъ. Онъ молча ей поцѣловалъ руку и едва обернулся, какъ принцъ Артуръ (Конаутскій) поднесъ ему двѣ фіалки со словами: «цвѣтокъ Бонапарта».

Викторія во всемъ оказывала ему свое вниманіе и заботу, что она доказала въ тотъ же вечеръ, когда они отправились въ Хрустальный дворецъ. Обойдя всѣ залы свободно, безъ постороннихъ зрителей, они хотѣли полюбоваться съ балкона фонтанами, но съ досадой увидѣли цѣлую толпу любопытныхъ, ставшую двойной шпалерой на галлереѣ, гдѣ имъ надо было проходить. Императоръ, а также императрица выразили опасеніе, чтобы не сдѣлали на нихъ покушенія. Тогда Викторія, хотя вся дрожа, взяла Наполеона подъ руку, увѣренная, что этимъ его защититъ, и прошла сквозь цѣлый строй любопытныхъ. Впослѣдствіи она говорила, что хотя была сильно встревожена, но гордилась своимъ поступкомъ.

21 апрѣля Наполеонъ и Евгенія распростились. По поводу ихъ отъѣзда одинъ изъ министровъ писалъ въ своихъ мемуарахъ:

«Всѣ плакали при ихъ отъѣздѣ,—даже свита. Начиная съ дѣтей королевы... а придворныя дамы составляли хоръ».

Наполеонъ почти согласился не ѣхать въ Крымъ, что привело королеву въ восторгъ, такъ какъ она видѣла въ этомъ свой успѣхъ.

Разставаніе было самое рыцарски-любезное. Послѣднія слова Наполеона передъ отъѣздомъ были слѣдующія: «Я думаю, мнѣ принесетъ счастье, что я провелъ день моего рожденія съ вашимъ величествомъ, и также вашъ подарокъ».

Это окончательно покорило сердце Викторіи, и она, подъ вліяніемъ этихъ словъ, написала въ своемъ дневникѣ:

«Какъ я счастлива, что познакомилась съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ... Невозможно не любить его, если съ нимъ живешь, а еще невозможнѣе не восхищаться имъ».

Если допустить мысль, что такая спокойная преданная жена, какъ Викторія, и такъ сильно любящая своего мужа, что часъ разлуки съ нимъ для нея былъ мученіемъ, могла увлекаться и такъ сильно, то, конечно, единственная личность, которая вывела ее изъ ея безмятежнаго спокойствія, — былъ Наполеонъ. Какъ романическая натура, она не могла провести свои юные годы безъ увлеченія, но это было ранѣе. Увлеченіе герцогомъ Немурскимъ было еще до замужества. Пассивную роль въ увлеченіи ей, конечно, приходилось играть не разъ, начиная съ перваго дня вступленія на престолъ, когда О'Коннель хотѣлъ собрать для своей «обожаемой королевы» 500.000 храбрыхъ ирландцевъ, чтобы защитить ее отъ

герцога Кумберландскаго, и кончая итальянскимъ герцогомъ Джованни-ди-Каррино, умершимъ въ сумасшедшемъ домѣ, послѣ неудачнаго покушенія на жизнь принца Альберта. Существовала легенда, что императоръ Николай произвелъ сильное впечатлѣніе на Викторію своей мужественной красотой, но на это нѣтъ такихъ доказательствъ, какія находятся въ дневникѣ самой королевы относительно Наполеона. Это увлеченіе даже замѣтилъ самъ принцъ Альбертъ и не скрывалъ своего недовольства. По этому поводу Робертъ Вильсонъ говоритъ: «Принцъ значительно менѣе восхищается Наполеономъ III, чѣмъ королева»...

Теперь союзъ Франціи и Англіи былъ основанъ не на однихъ политическихъ интересахъ, но и на симпатіи двухъ государей. Викторія не только была увлечена Наполеономъ, но очень привязалась къ императрицѣ Евгеніи; даже герцогъ Паскье въ письмѣ къ Баранту пишетъ: «Говорятъ, что своей беременностью императрица обязана совѣтамъ королевы Викторіи и ея акушера». Визитъ Викторіи во Францію укрѣпилъ добрыя отношенія государей еще болѣе.

18 августа, въ субботу, на разсвѣтѣ, королева, принцъ Альбертъ, юная принцесса Викторія и принцъ Уэльскій отправились изъ Коза въ Булонь, куда прибыли въ тотъ же день, сопровождаемые ламаншской эскадрой. Ихъ привѣтствовали пушечными выстрѣлами, и Наполеонъ поспѣшилъ войти на яхту, гдѣ поцѣловалъ сначала руку королевы, а затѣмъ обѣ щеки. Королева съ семьей отправилась въ парадныхъ каретахъ, эскортированная Наполеономъ, маршаломъ Маньяномъ и почетнымъ карауломъ. Со времени Генриха VI, пріѣхавшаго короноваться въ Сенъ-Дени, Парижъ не видѣлъ англійскихъ королей. Народъ шумно привѣтствовалъ королеву. Отъ сѣвернаго вокзала до Сенъ-Клу были разставлены шпалерами 200.000 человѣкъ національной гвардіи. Такъ какъ наступили сумерки, то отъ тріумфальной арки зажгли факелы, чтобы освѣщать путь, а Парижъ затонулъ въ огняхъ иллюминаціи.

Никогда не видя пріемовъ при большихъ дворахъ и посѣщая мелкія нѣмецкія резиденціи, принцъ Альбертъ и Викторія положительно были ослѣплены роскошью. Онъ писалъ барону Штокмару, что пріемъ былъ восхитительный, блестящій и полный энтузіазма, а Викторія занесла въ свой дневникъ: «Я была ошеломлена, но очарована; все было такъ восхитительно, спокойно и царственно... Всѣ такъ добры»...

Въ замкѣ Сенъ-Клу существовала картина, изображающая этотъ пріѣздъ, но въ 1871 году она погибла въ пожарѣ замка. Прежде чѣмъ сжечь, ее изуродовалъ одинъ изъ прусскихъ солдатъ, вырѣзавъ голову принцессы Викторіи, жены прусскаго кронпринца.

Викторія, очарованная, находила все восхитительнымъ и писала: «Наша комната прелестна... аппартаменты очаровательны. Императоръ былъ очарователенъ и очень добръ. Генералъ Канроберъ сидѣлъ возлѣ меня за обѣдомъ, онъ меня очаровалъ; это прямой, искренній, добрый человѣкъ и такъ любитъ англичанъ».

Она нашла, что королевскій столъ сервированъ просто, но «все восхитительно».

На другой день она писала:

«Прелестное утро, воздухъ восхитительный, солнце блестящее, прекрасные брызжущіе фонтаны... Кофе превосходный. Кухня простая, но очень хорошая. Для завтрака намъ подали круглый столикъ, какъ у насъ. Слуги внимательны. Безъ четверти въ десять мы отправились въ Парижъ. У императора красивыя коляски, совершенно, какъ у насъ, въ шорахъ. Переѣзжая мостъ, откуда видно консьержери, императоръ сказалъ мнѣ, указывая на него: «Вотъ гдѣ я былъ заключенъ». Странная противоположность!» Этотъ день прошелъ въ посѣщеніи выставки картинъ и представленія въ Тюильри.

Днемъ Наполеонъ повезъ кататься принца Уэльскаго, при чемъ самъ управлялъ лошадьми.

Во вторникъ королева посѣтила Версаль и Тріанонъ, а вечеромъ парадный спектакль въ оперѣ, при чемъ по возвращеніи она записала.

«Въ Версалѣ все было очаровательно и поразительно... Парижская улица изъ нашихъ оконъ все еще безподобна. Воздухъ такой чистый и легкій. Вечеромъ въ оперѣ «God save the Queen» пѣли великолѣпно, и въ Лондонѣ не нашлось бы большаго энтузіазма. Когда мы возвращались, императоръ былъ очень веселъ. Онъ началъ пѣть разныя старинныя нѣмецкія пѣсни, и Альбертъ тоже спѣлъ ему одну изъ нихъ. Наполеонъ очень любитъ Германію, онъ болѣе нѣмецъ, и въ немъ почти нѣтъ ничего, что напоминало бы знатнаго француза».

22-го въ среду она писала: «Еще одинъ прекрасный день! Поистинѣ само небо благопріятствуетъ этому счастливому союзу!»

Утромъ они посѣтили промышленную выставку, затѣмъ Тюильри, о чемъ она пишетъ слѣдующее: «Императоръ провелъ насъ въ свои аппартаменты по маленькой лѣстницѣ. Въ его спальнѣ стоятъ бюсты отца и дяди и старый ларецъ, который былъ у него еще въ Англіи, наполненный всякаго рода реликвіями, дорогими его сердцу».

Днемъ Викторія пожелала проѣхаться по Парижу инкогнито, о чемъ вечеромъ писала: «Я, миссъ Бюльтель и дѣти отправились въ наемной каретѣ, въ обыкновенныхъ шляпахъ. Я надѣла черный вуаль и мантилью. Какъ только выѣхали за рѣшетку, толпа любопытныхъ стала заглядывать въ карету, при чемъ у насъ былъ очень сконфуженный видъ. Благодаря моему вуалю, я могла смотрѣть черезъ

окно въ продолженіе всей нашей долгой и восхитительной прогулки: улица Риволи, Кастильонъ, Вандомская площадь и такъ до Аустерлицкаго моста. Все мнѣ казалось такимъ веселымъ, горячимъ южнымъ: солдаты со своими блестящими мундирами, продавцы попугаевъ и народъ, сидящій и распивающій у дверей домовъ».

23 го она писала: «Сегодня дежурными были зуавы, еще издали я любовалась ихъ блестящей формой; она—прелестна... Здѣсь все такъ красиво!.. такъ красиво! Все имѣетъ такой процвѣтающій видъ. Императоръ кажется созданымъ для его роли, и въ то же время чувствуется, что его будущее не въ безопасности. Обѣдъ запросто съ императоромъ и императрицей прошелъ очень весело. Мы много смѣялись надъ старымъ императорскимъ кофейникомъ, который ни за что не хотѣлъ слушаться и не пропускалъ кофе, несмотря на всѣ усилія лакея. Иногда мнѣ кажется сновидѣніемъ, что мы находимся въ Тюильри съ императоромъ». Вечеромъ она приняла приглашеніе парижскаго муниципалитета на балъ въ ратушѣ, назначенный на пятницу 23-го.

Въ четвергъ Наполеонъ не безпокоилъ гостей, оставивъ Викторію въ ея семейной обстановкѣ. Вечеромъ былъ банкетъ на 80 кувертовъ, и королева серьезно разговаривала съ Наполеономъ о франко-англійскомъ союзѣ; Наполеонъ передалъ ей, что министръ Друэнъ-де-Люисъ говорилъ, будто Луи-Филиппъ обязанъ своею непопулярностью именно франко-англійскому союзу, на что Викторія отвѣтила, что причина непопулярности не англійскій союзъ, а измѣна ему.

Въ пятницу Викторія посѣтила Лувръ, а вечеромъ присутствовала на балу въ ратушѣ. Императорская кадриль состояла изъ королевы и принца Альберта, принцессы Матильды, принца Наполеона, лэди Каулэй, жены англійскаго посланника, принца Баварскаго и дочери префекта Сены Гаусмана. Королева вспоминала объ этомъ балѣ, какъ о какомъ-то «снѣ изъ тысяча и одной ночи».

На другой день былъ смотръ войскамъ, и королева сидѣла въ ложѣ между императрицей Евгеніей и принцессой Матильдой. По этому случаю она писала: «Красивые мундиры французскихъ солдатъ безконечно лучше, чѣмъ англійскихъ солдатъ, что меня очень раздосадовало».

Затѣмъ послѣ смотра она посѣтила домъ инвалидовъ и могилу Наполеона I, что ее очень взволновало. По поводу этого посѣщенія Викторія писала «Я, внучка короля, болѣе всѣхъ его ненавидѣвшаго и боровшагося противъ него, теперь стою рядомъ съ его племянникомъ, ставшимъ моимъ самымъ близкимъ и дорогимъ союзникомъ, и въ честь меня церковный органъ играетъ «God save the Queen».

Въ субботу Наполеонъ устроилъ въ ея честь охоту въ Сен-Жерменскомъ лѣсу, а вечеромъ былъ большой балъ въ Версальскомъ дворцѣ. Наполеонъ встрѣтилъ императрицу и королеву на верхней

площадкѣ большой лѣстницы, и первая фраза, которую онъ сказалъ женѣ, была: «Какъ ты прекрасна!» Викторія, разсказывая объ этомъ, прибавила: «правда, она была точно королева изъ волшебной сказки». Въ этотъ вечеръ ей представили Бисмарка, который въ то время былъ посланникомъ въ Франкфуртѣ.

Королева и принцесса Викторія остались ночевать во дворцѣ. На другое утро былъ день рожденія принца Альберта; они провели его семейно. Бесѣдуя въ этотъ день съ Наполеономъ, Викторія совѣтовала ему не преслѣдовать Орлеанскую семью и откровенно объяснила ему свои отношенія къ опальной династіи. Это былъ послѣдній вечеръ, проведенный во Франціи, такъ какъ на другое утро королева уѣзжала въ Англію, сопровождаемая императоромъ по Булонской желѣзной дорогѣ. Въ Булони королева посѣтила два лагеря. Затѣмъ она сѣла на яхту и отправилась въ Лондонъ. Наполеонъ кричалъ ей съ берега «до свиданія», на что Викторія очень граціозно отвѣтила: «я надѣюсь—до скораго».

Послѣ этой разлуки она писала, совершенно увлеченная имъ:

«Онъ такой безмятежный, простой и даже наивный и такъ счастливъ, когда его учишь тому, чего не знаетъ. Онъ такъ нѣженъ и тихъ, но въ то же время обладаетъ такимъ тактомъ, достоинствомъ и скромностью; съ такимъ уваженіемъ и предупредительностью относится къ намъ, ни однимъ словомъ, ни дѣйствіемъ не ставя меня въ неловкое положеніе или затрудненіе. Ни съ кѣмъ я не чувствовала себя такъ хорошо, такъ задушевно, что не боюсь ему сказать самыя сокровенныя мысли. Его общество необыкновенно пріятно; въ немъ есть что-то привлекательное, меланхолическое, подкупающее, обольстительное, что васъ притягиваетъ, вопреки всѣмъ предубѣжденіямъ, которыя имѣешь противъ него. Все это, конечно, безъ помощи какихъ либо внѣшнихъ преимуществъ, хотя я не могу сказать, что его лицо мнѣ не нравилось. Онъ обладаетъ необыкновеннымъ могуществомъ привлекать къ себѣ людей».

Изъ этого диѳирамба видно, насколько Викторія поддалась обаянію Наполеона, знавшаго до тонкости женское сердце и самый короткій путь, ведущій къ нему. Она не могла удержаться, чтобы не излить переполнившихъ ея сердце чувствъ, и по пріѣздѣ въ Лондонъ наединѣ сказала съ гордостью Кларендону:

«Удивительно, императору извѣстно все, что я когда либо дѣлала, какія мѣстности посѣщала съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Онъ помнитъ даже, какъ я была одѣта, и наконецъ онъ знаетъ такія мелочи, что непонятно, какъ онъ могъ ихъ замѣтить».

На это Кларендонъ замѣчаетъ: «Никогда еще она не была ни съ кѣмъ такъ близка. Императоръ сблизился съ нею съ безцеремонностью человѣка, стоявшаго не ниже ея, и съ знаніемъ женскаго сердца, которое онъ пріобрѣлъ въ обществѣ и внѣ его».

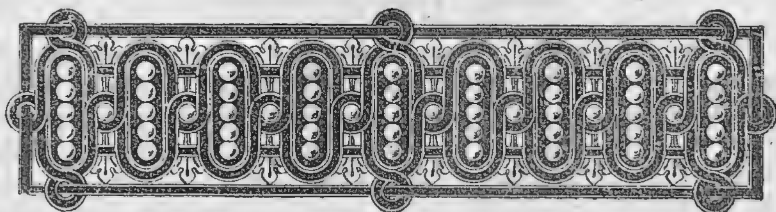
Отъ принца Альберта не могло ускользнуть расположеніе Вик-

торіи, все болѣе и болѣе усиливающееся, и онъ не говорилъ о Наполеонѣ иначе, какъ «о случайномъ политикѣ, дрожащемъ за каждую минуту изъ боязни заговоровъ». Но, несмотря на это, къ концу 1855 г. союзъ Франціи съ Англіей, котораго такъ желалъ Наполеонъ и который состряпалъ Пальмерстонъ, окончательно упрочился, благодаря искреннему восхищенію и увлеченію Викторіи императоромъ. Наполеонъ зналъ сердце не только Евгеніи Монтихо, но и такой образцовой семьянинки, какъ Викторія...

В. Т.

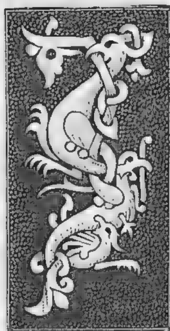
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Александръ Аннинскій. Исторія армянской церкви до XIX вѣка. Кишиневъ. 1900.

АДАЧЕЮ настоящаго труда, какъ видно изъ предисловія къ нему, служитъ болѣе или менѣе подробное изложеніе исторіи армянской церкви до XIX столѣтія, при чемъ авторъ задался цѣлью собрать, по возможности, изъ всѣхъ доступныхъ не армянину армянскихъ источниковъ вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія по исторіи этой церкви и дать собраннымъ фактамъ посильное истолкованіе и освѣщеніе, руководясь научно-историческимъ безпристрастіемъ. Такъ какъ церковно-историческія событія возникаютъ и проходятъ въ тѣсной связи съ событіями гражданскими, то авторъ и этимъ послѣднимъ удѣлилъ въ своей книгѣ надлежащую долю вниманія и мѣста. Наконецъ, предназначая свое сочиненіе, главнымъ образомъ, для лицъ, не принадлежащихъ къ составу армянской церкви, г. Аннинскій, въ обзорѣ исторической судьбы этой церкви, не входилъ въ узко-спеціальныя подробности, а старался ограничиться только тѣмъ, что имѣетъ общій интересъ.

Какъ же нашъ авторъ выполнилъ взятую имъ на себя задачу?

«Исторія армянской церкви» состоитъ изъ предисловія (стр. I—XI), въ которомъ намѣчается задача труда, и указываются его источники и пособія, и шести отдѣловъ; въ каждомъ изъ нихъ обозрѣвается особый періодъ изъ исторіи армянской церкви; каждый отдѣлъ, въ свою очередь, дѣлится на главы.

Въ отдѣлѣ первомъ (стр. 1—6) обозрѣвается періодъ предварительный изъ исторіи армянской церкви. Въ частности, здѣсь дается краткій

очеркъ языческой религіи армянъ, не отличавшейся оригинальностью и состоявшей первоначально въ поклоненіи богамъ ассиро-вавилонскимъ и персидскимъ, то-есть божествамъ тѣхъ народовъ, которые сначала владѣли армянами, а потомъ — греко-римскимъ, когда Арменія вошла въ составъ греко-римской имперіи. Во времена апостоловъ христіанство проникло и въ Арменію, но, вслѣдствіе гоненій со стороны армянскихъ царей, продержалось здѣсь недолго, такъ что къ четвертому вѣку въ странѣ не оставалось ни одной христіанской общины, ни одного епископа. Тѣмъ не менѣе почва для распространенія христіанства была уже въ Арменіи подготовлена.

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 7—64) обозрѣвается первый періодъ въ исторіи армянской церкви, обнимающій время отъ начала четвертаго вѣка до конца пятаго столѣтія, когда армяне были обращены въ христіанство, и въ ихъ странѣ возникла новая христіанская община, съ своеобразнымъ устройствомъ. Въ частности, здѣсь рѣчь идетъ о томъ, какъ первый просвѣтитель армянъ св. Григорій Пароянинъ занимался въ странѣ проповѣдью Христа и при содѣйствіи царя Тиридата III (302—314 гг.) обратилъ въ христіанство почти весь армянскій народъ. Григорій былъ признанъ духовнымъ руководителемъ народа, а потомъ сдѣланъ и первымъ армянскимъ епископомъ, получивъ посвященіе въ городѣ Кесаріи Каппадокійской, и приступилъ къ устройству армянской церкви. Онъ строилъ храмы, открывалъ школы, хиротонисалъ епископовъ, рукополагалъ священниковъ и т. п. Такимъ образомъ, возникла армянская церковь, находившаяся въ іерархической зависимости отъ Кесаріе-каппадокійской каѳедры. Около 344 года епископъ Григорій отказался отъ управленія церковью въ пользу своего сына, епископа Аристакеса. Но при этомъ епископѣ, а особенно при его преемникахъ, христіанская церковь въ Арменіи стали приходить въ упадокъ, такъ какъ здѣсь была еще сильна старая языческая партія, получившая доступъ и къ царскому двору, особенно при царѣ Тиранѣ (353—361 гг.). Поэтому во второй половинѣ IV вѣка въ Арменіи наблюдается возрожденіе язычества. Христіанство вновь окрѣпло при архіепископѣ Нерсесѣ I († 374 г.), который извѣстенъ и тѣмъ, что стремился усилить церковную власть армянскаго епископа въ ущербъ власти царской и получить независимость отъ греческой церкви. Но первыя стремленія Нерсеса оказались безплодными и даже стоили ему жизни, попытка же достигнуть независимости отъ кесаріе-каппадокійскаго епископа имѣла успѣхъ. Преемники Нерсеса уже не ѣздили для посвященія въ санъ епископа къ кесарійскому архіерею. Такъ началось отчужденіе армянской церкви отъ греческой. Оно значительно усилилось при архіепископѣ армянскомъ Исаакѣ Великомъ (397—448 гг.). Исаакъ былъ человѣкъ очень образованный и энергичный. Онъ считалъ армянскую церковь самостоятельною, подобно греческимъ автокефальнымъ церквамъ—константинопольской, александрійской, антіохійской и іерусалимской, поэтому не только порвалъ сношенія съ кесарійскимъ епископомъ, отъ котораго армянскіе іерархи получали хиротонію, но и въ отношеніи къ патріарху константинопольскому державшійся независимо. Во внутренней жизни армянской церкви католикосъ Исаакъ произвелъ большія реформы. При немъ монахъ Месропъ изобрѣлъ армянскую азбуку и, при содѣйствіи

патріарха, перевелъ на армянскій языкъ книги Священнаго Писанія и богослужебныя, а самъ Исаакъ распространилъ въ народѣ, посредствомъ птовъ, родную литературу, исправилъ церковный уставъ, календарь, церковные обряды, улучшилъ церковное управленіе. Занятый внутренними церковными дѣлами, Исаакъ оставлялъ въ сторонѣ дѣла общецерковныя и не участвовалъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ ни самъ, ни чрезъ посредство своихъ уполномоченныхъ епископовъ. По смерти Исаака, его преемникъ католикосъ Іосифъ не принималъ никакого участія въ четвертомъ вселенскомъ соборѣ въ Халкидонѣ (451 г.), опредѣленія коего имѣли роковое значеніе для армянской церкви и послужили главною причиной ея отдѣленія отъ церкви вселенской. Во второй половинѣ пятаго вѣка Арменія была мѣстомъ волненій, такъ какъ персидскій царь Іездигердъ принялъ мѣры къ совращенію армянъ въ огнепоклонство. Но онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны духовенства и народа и долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Въ концѣ отдѣла авторъ характеризуетъ внутреннюю жизнь армянской церкви за первый періодъ и находитъ,. что она развивалась въ согласіи съ вѣроученіемъ и жизнью церкви греческой, вселенской.

Слѣдующій отдѣлъ (стр. 65—136) обозрѣваетъ второй періодъ въ исторіи армянской церкви, продолжавшійся отъ времени отдѣленія этой церкви отъ вселенской послѣ четвертаго вселенскаго собора до конца девятаго вѣка. Главной причиной отдѣленія армянской церкви отъ вселенской было неправильное пониманіе армянами, вслѣдствіе незнанія греческаго языка, догматическихъ опредѣленій Халкидонскаго собора, повлекшее за собою нѣкоторыя неправильности въ вѣроученіи армянской церкви. Въ 491 году католикосъ Пабкенъ созвалъ соборъ въ Вагаршапатѣ, гдѣ соборъ халкидонскій былъ осужденъ, а въ 527 году на соборѣ въ городѣ Довинѣ, созванномъ католикосомъ Нерсесомъ II, было составлено вѣроученіе о Христѣ, извращавшее смыслъ ученія церкви вселенской, и было постановлено титуловать армянскаго католикоса патріархомъ, наравнѣ съ первоіерархами другихъ автокефальныхъ церквей. Но соборъ 527 года вызвалъ въ Арменіи раздѣленіе, которое современные армянскіе католикосы стремились всѣми мѣрами сгладить. Однако католикосъ Киронъ, управлявшій грузинскимъ народомъ, который находился въ церковномъ общеніи съ армянами, отдѣлился отъ армянской церкви (597 г.), а за нимъ послѣдовали и другіе епископы. Въ началѣ VII вѣка Арменія была покорена персидскимъ царемъ Хозроемъ, при которомъ православіе въ странѣ было совсѣмъ подавлено въ пользу монофизитства. Но когда Арменія вновь была присоединена къ Византіи при императорѣ Иракліи, то усиліями императора въ 629 году армянская церковь отказалась отъ монофизитства и приняла опредѣленія Халкидонскаго собора. Но въ послѣдующія времена унія была нарушена, и армянская церковь возвратилась къ прежнимъ заблужденіямъ. Въ концѣ VII вѣка Арменія была завоевана арабами. Это еще болѣе содѣйствовало отчужденію армянской церкви отъ греческой, чего и добивались арабы. Сначала жизнь армянъ подъ арабскимъ игомъ была спокойна, но въ IX вѣкѣ они возстали противъ своихъ поработителей и за это жестоко поплатились. Иконоборческіе споры, волновавшіе греческую церковь въ

VIII—IX вѣкахъ, въ Арменіи отразились слабо. И этотъ отдѣлъ заканчивается очеркомъ внутренней организаціи армянской церкви.

Въ 859 году Арменіи была дана автономія, и ея властитель Ашотъ Багратидъ получилъ отъ арабскаго халифа титулъ князя князей. Съ этого времени начался третій періодъ въ исторіи армянской церкви (стр. 136—173), продолжавшійся до средины XI столѣтія. Этотъ періодъ характеризуется стремленіемъ грековъ привлечь армянъ на свою сторону, чему противодѣйствовали арабы, и стремленіемъ самихъ армянъ достигнуть полной независимости. Но обѣ эти попытки не достигли цѣли: армянская церковь, въ лицѣ своихъ католикосовъ, вела въ этотъ періодъ оживленную переписку о догматическихъ разностяхъ съ византійскими богословами, но, вслѣдствіе упадка просвѣщенія и приверженности къ старинѣ, примиреніе церквей не состоялось; а, съ другой стороны, попытки армянъ эксплоатировать враждебныя отношенія византійцевъ и арабовъ въ пользу своей политической независимости оставались безуспѣшными вслѣдствіе внутреннихъ нестроеній въ странѣ и междоусобій армянскихъ князей. Этотъ періодъ характеризуется также упадкомъ церковной жизни и просвѣщенія въ странѣ.

Четвертый періодъ въ исторіи армянской церкви (стр. 173—255) продолжался съ половины XI до половины XV вѣка. Начальною его гранью служитъ завоеваніе Арменіи турками-сельджуками, сопровождавшееся страшнымъ разореніемъ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Арменіи установились новыя условія жизни. Тѣснимые врагами, армяне стали переселяться на Западъ—въ Малую Арменію, Каппадокію и Киликію. Церковная и общественная жизнь отлила изъ центра на окраину, резиденція католикоса была перенесена изъ Эчміадзина въ Джаментавъ, въ Малой Арменіи, и снова завязались сношенія армянъ съ греками. Въ пользу соединенія церквей много работалъ католикосъ Нерсесъ Благодатный, переписывавшійся по этому поводу съ византійскими императорами Алексѣемъ и Мануиломъ Комнинами, но его попытки разбились о фанатизмъ народа, хотя армянскій соборъ въ Хромклѣ (1179 г.) и высказался противъ монофизитскихъ его воззрѣній. Другою особенностью періода служатъ сношенія армянъ съ римскими папами съ цѣлью церковнаго единенія. Они были вызваны крестовыми походами и велись со стороны армянъ въ тонѣ униженно-заискивающемъ. Но они окончились неудачею, такъ какъ армяне скоро поняли коварную политику папства и его приспѣшниковъ-крестоносцевъ. Религіозно-нравственное состояніе армянскаго народа въ этотъ періодъ было очень печальное. Въ виду этого католикосъ Константинъ (1220—1267 г.) предпринялъ реформу общественной жизни и на соборѣ въ Сисѣ въ 1243 году выработалъ рядъ каноническихъ постановленій, направленныхъ противъ пороковъ народа. Католикосы XIV и XV вѣковъ, по примѣру прежнихъ церковныхъ дѣятелей, старались примирить армянъ съ греками и водворить въ странѣ православное ученіе о Христѣ, взамѣнъ господствовавшаго монофизитскаго, но опять безуспѣшно, хотя гражданская власть и сочувствовала этой примирительной политикѣ духовенства.

Наконецъ, пятый періодъ въ исторіи армянской церкви (стр. 256—306) начался со времени возвращенія каѳедры католикоса въ Эчміадзинъ, совер-

шившагося въ 1440 году, и продолжался до конца XVIII столѣтія. Этотъ періодъ былъ временемъ іерархическихъ смутъ въ нѣдрахъ армянской церкви и самой унизительной зависимости отъ османскихъ турокъ. На каѳедрѣ св. Григорія Просвѣтителя въ этотъ періодъ возсѣдали низкіе честолюбцы, заботившіеся о личномъ обогащеніи, а не о церкви, стремившіеся къ власти и деспотизму и считавшіе дозволенными для себя всѣ средства. Вѣра въ народѣ сильно охладѣла, церковная жизнь пришла въ упадокъ, образованіе находилось на низкой ступени, а нравственная распущенность народа достигла необычайнаго развитія; низшее духовенство выходило изъ подчиненія церковной власти. Въ то же время армянскій народъ и духовенство сильно страдали отъ деспотизма и произвола турокъ, которые грабили церкви и монастыри, разоряли города и села, мужчинъ убивали, а женщинъ и дѣтей уводили въ рабство. Армяне находились въ крайнемъ нравственномъ угнетеніи и экономическомъ разореніи и подвергались всѣмъ ужасамъ мусульманскаго вандализма. Г. Аннинскій подробно обозрѣваетъ разнообразныя бѣдствія пятаго періода, излагая ихъ по годамъ католикосовъ этого времени. Лишь при католикосѣ Мелкиседѣ, въ началѣ XVII столѣтія, наблюдался въ Арменіи нѣкоторый подъемъ нравственно-религіозной жизни народа, вызванный реформаторскою дѣятельностью духовенства и монаховъ. Но въ послѣдующее время нравственная распущенность опять водворилась среди армянъ. По смерти католикоса Гукаса (1780—1800 гг.), Россія впервые вмѣшалась въ избраніе эчміадзинскаго патріарха, выставляя своего кандидата, и съ этого момента начался новый періодъ въ исторіи армянской церкви, коего г. Аннинскій въ своей книгѣ не касается.

Въ приложеніи къ книгѣ (стр. I—V) помѣщенъ хронологическій каталогъ армянскихъ патріарховъ отъ Григорія Просвѣтителя до Гукаса включительно, съ указаніемъ ихъ мѣстопребыванія, и перечислены соборы, бывшіе въ Арменіи до и послѣ отдѣленія мѣстной церкви отъ православной греко-восточной.

Таково въ общихъ и главныхъ чертахъ содержаніе изслѣдованія г. Аннинскаго.

Изъ представленнаго обзора видно, что «Исторія армянской церкви» есть трудъ, составленный тщательно и умѣло. Авторъ изложилъ здѣсь всѣ важнѣйшіе періоды и событія многовѣковой судьбы армянской церкви, установилъ между ними генетическую связь и представилъ надлежащія научныя данныя въ пользу правильнаго усвоенія ихъ значенія и смысла. Онъ обозрѣлъ исторію армянской церкви въ послѣдовательной смѣнѣ ея патріарховъ, дѣятельность коихъ является главнымъ и основнымъ факторомъ въ созданіи характера и направленія церковно-общественной жизни въ Арменіи, и поставилъ труды этихъ передовыхъ дѣятелей въ связь съ политической судьбою ихъ родной страны. Къ своей работѣ авторъ приступилъ послѣ усерднаго изученія литературы предмета, въ коей онъ имѣлъ почти одни только источники, а не пособія. Въ частности, въ литературѣ русской нѣтъ цѣльнаго и систематическаго труда, посвященнаго исторіи армянской церкви, поэтому изслѣдованіе г. Аннинскаго является у насъ, безспорно, необходимымъ и по-

лезнымъ, хотя въ немъ не все изложено безукоризненно. Такъ, здѣсь не отмѣчено, что съ распространителемъ христіанства въ Арменіи, царемъ Тиридатомъ III, велъ войну Максиминъ, съ цѣлью побудить его отречься отъ христіанства, о чемъ говоритъ въ своей «Исторіи» Евсевій Кесарійскій (IX, 8),— не сказано, что на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ (325 г.) присутствовалъ, въ качествѣ представителя отъ армянской церкви, епископъ Аристакесъ, сынъ св. Григорія Просвѣтителя, а въ изложеніи обстоятельствъ жизни католикоса Нерсеса I не упомянуто о его заточеніи на островѣ Принкипо, въ Пропонтидѣ, коему подвергъ его императоръ Констанцій за несогласіе признать ересь Арія. Но наши замѣчанія не имѣютъ цѣлью умалить значеніе очень хорошей ученой работы г. Аннинскаго, уже зарекомендовавшаго себя въ области армяновѣдѣнія своимъ первымъ научнымъ трудомъ «Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники» (см. «Историческій Вѣстникъ» за 1900 г., апрѣль, стр. 311—313). Σ.

Исторія русской церкви подъ управленіемъ святѣйшаго синода. Томъ первый. Учрежденіе и первоначальное устройство святѣйшаго правительствующаго синода (1721—1725 гг.). Сочиненіе С. Г. Рункевича. Спб. 1900.

Какъ указываетъ самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, задуманный имъ трудъ по исторіи русской церкви долженъ охватить собою шесть крупныхъ отдѣловъ прошлаго нашего духовнаго управленія: учрежденіе и первоначальное устройство святѣйшаго синода, дѣла вѣры, образованіе и просвѣщеніе, епархіальную жизнь, церковныя имущества и духовный судъ. Обиліе никѣмъ еще не затронутаго матеріала заставило автора каждый отдѣлъ своего сочиненія обратить въ отдѣльный томъ монографическаго характера, при чемъ первоначальное устройство синода охватило первую часть предпринятой обширной работы.

Ближайшее ознакомленіе съ этой первой частью капитальнаго труда г. Рункевича свидѣтельствуетъ, что книга его представляетъ собою одно изъ почтеннѣйшихъ явленій современной литературы по исторіи высшаго управленія русской церкви. Что должно быть признано существеннѣйшимъ достоинствомъ книги, это—то обстоятельство, что написана она въ тонѣ полнѣйшей научной объективности. Авторъ не вступаетъ въ полемику внѣ рамокъ точнаго научнаго изслѣдованія, не задается цѣлями тайнаго или явнаго проведенія предвзятыхъ взглядовъ; отъ крайностей или одностороннихъ увлеченій его спасаетъ твердый установившійся взглядъ русскаго человѣка, прошедшаго суровую школу строгаго, послѣдовательнаго мышленія. Располагая громаднымъ архивнымъ матеріаломъ, собраннымъ въ архивахъ сената, синода, отдѣльныхъ низшихъ правительственныхъ установленій, тщательно ознакомившись съ полнымъ собраніемъ законовъ и литературой предмета, авторъ рисуетъ эпоху преобразованій Петра Великаго въ области церковнаго управленія, излагаетъ учрежденіе синода, его составъ, компетенцію, дѣлопроизводство, его отношеніе къ сенату и къ собственному оберъ-прокурору.

Обладая литературнымъ талантомъ, г. Рункевичъ придаетъ общій интересъ даже наиболѣе сухимъ частямъ своего труда, какъ, напримѣръ, отдѣлу синодскаго дѣлопроизводства, но, къ сожалѣнію, съ другой стороны, иногда какъ бы самъ подчиняется, подпадаетъ подъ власть имѣющагося у него богатаго матеріала и вдается въ крайность слишкомъ детальной разработки предмета. Этотъ недостатокъ ослабляетъ впечатлѣніе цѣлаго, а иногда еще и затрудняетъ читателя обиліемъ незначительныхъ ссылокъ. Дѣлая мелочныя ссылки, авторъ какъ бы старается засвидѣтельствовать передъ читателемъ свое вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ вопросу. Но подготовленный читатель и самъ видитъ эту добросовѣстность, которая, будучи обращаема на мелочи, можетъ препятствовать большему полету мысли. Образцомъ указанной мелочности служатъ, между прочимъ, ссылки на стр. 247, 248 и 249, документально подтверждающія данныя относительно состава синодской канцеляріи. Но, конечно, недостатокъ подобнаго рода нисколько не подрываетъ значенія труда тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ рутинеры въ области историческихъ изслѣдованій считаютъ его прямымъ достоинствомъ. Помимо того, несомнѣнно, что мелочи необходимы въ научныхъ трудахъ, но онѣ должны быть или выносимы въ примѣчанія или въ особые отдѣлы, не загромождая руководящаго текста.

Къ числу особыхъ достоинствъ книги г. Рункевича относится выясненіе вопроса относительно взаимныхъ отношеній сената и синода. Въ противность нѣкоторымъ не углублявшимся въ суть дѣла изслѣдователямъ, авторъ положительно доказываетъ, что коллегіальность синода была коллегіальностью сената, то-есть, что упоминаемое въ учредительныхъ актахъ духовной коллегіи слово «коллегія» означало только соборный характеръ установленія, но вовсе не приравнивало его къ подчиненнымъ учрежденіямъ, коллегіямъ въ спеціальномъ смыслѣ этого слова. Обращаетъ на себя также точное опредѣленіе правъ синодальнаго оберъ-прокурора. Нѣкоторые изслѣдователи, перенося идеи позднѣйшія на факты прошлаго, стремятся видѣть въ оберъ-прокурорѣ петровскаго времени единоличный органъ, подчинявшій себѣ синодъ, какъ коллегіальное учрежденіе. Г. Рункевичъ обстоятельно доказываетъ, что петровскій оберъ-прокуроръ былъ только органомъ надзора, и синодъ тщательно пресѣкалъ его стремленія къ расширенію компетенціи, когда таковыя проявлялись. Взглядъ г. Рункевича правиленъ уже потому, что если даже позднѣе оберъ-прокуроры простирали свою власть далѣе положенныхъ имъ границъ, то до тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія это было вопросомъ личнаго вліянія, факта, а не права; юридически же предѣлы оберъ-прокурорской власти въ отношеніи духовнаго управленія были распространены только въ царствованіе императора Николая I, когда въ 1831 году оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода получилъ права министра по законодательнымъ и высшимъ распорядительнымъ дѣламъ православнаго духовнаго вѣдомства.

В. Грибовскій.

Восемь лѣтъ на Сахалинѣ. Съ 70 иллюстраціями. И. П. Миролюбова. Спб. 1901.

Ссыльно-каторжная жизнь на островѣ Сахалинѣ за послѣднее время обращаетъ на себя вниманіе не только тюремнаго вѣдомства, но и русской литературы. Мы имѣемъ описаніе сахалинцевъ у гг. Чехова, Дорошевича и др. Разумѣется, художники-бытописатели, какъ пріѣзжія лица, сосредоточивали свои наблюденія по преимуществу на выдающихся типахъ и драмахъ сахалинской жизни. Въ равной степени слѣдуетъ сказать и о корреспондентахъ или офиціальныхъ лицахъ, пріѣзжавшихъ удостовѣриться въ пригодности или непригодности острова къ сельскохозяйственной фермерской на немъ жизни. Почетные гости либо удовлетворялись внѣшней стороной и были въ восторгѣ отъ осмотровъ церкви съ рѣзнымъ иконостасомъ изъ ильмоваго дерева, школы съ массою дѣтей, плотины на рѣчкѣ, мастерскихъ, больницы, пѣвчихъ хоровъ изъ каторжныхъ и т. д.; либо они выносили гнетущее впечатлѣніе, если соображали, какою цѣною даются эти инкрустаціи изъ разныхъ деревьевъ или проложенныя въ тайгѣ дороги. Въ Онорѣ, по выраженію г. Миролюбова, «тайга запахла трупами» забитыхъ палками каторжниковъ, убѣгавшихъ на голодную смерть въ дебри и предпочитавшихъ людоѣдство или отрубить себѣ самому руку, чѣмъ вернуться на Онорскія работы. Изъ отчета о Сахалинѣ бывшаго начальника главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломона видно, что при отправкѣ преступниковъ не принимается въ соображеніе ни способность ихъ къ земледѣльческому труду, ни пригодность къ колонизаціи. На самомъ Сахалинѣ поражаетъ недостаточность питанія ссыльно-каторжныхъ, безпорядочность работъ, малое количество годной къ культурѣ земли и неблагопріятныя климатическія условія, для веденія хозяйства по традиціоннымъ пріемамъ русскаго крестьянства, а спеціальныхъ, пригодныхъ для Сахалина пріемовъ хозяйства не выработано. Посторонніе земледѣлію заработки либо отсутствуютъ, либо имѣются въ недостаточномъ для населенія количествѣ, громадный недостатокъ въ женщинахъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ расшатанность семьи и порождаетъ половой развратъ во всѣхъ его видахъ; общественная организація поселеній, условія землепользованія, права собственности на недвижимыя имущества и вообще гражданскій бытъ поселенцевъ — не нормированы; нравственность населенія стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ, преступленія часты и совершаются не только единичными лицами, но и организованными шайками, и наконецъ, наличный служебный персоналъ въ громадномъ большинствѣ не удовлетворяетъ своему назначенію. Врачъ Л. В. Поддубскій, бывшій на Сахалинѣ врачебнымъ инспекторомъ, говоритъ, что «каторга на Сахалинѣ существуетъ только въ интересахъ для наживы и услажденія гг. тамошнихъ чиновниковъ». По амурскимъ газетамъ на одномъ спиртѣ чиновники наживаютъ состоянія, замѣняютъ вьючныхъ животныхъ каторжными и распоряжаются насильственными сожительствами съ сосланными женщинами. Возбужденный сообщеніями въ разныхъ газетахъ о деспотизмѣ сахалинской администраціи, В. Дорошевичъ въ ознаменованіе 19-го февраля помѣстилъ въ «Россіи» фельетонъ «Крѣпостное право въ

XX столѣтіи», съ громкимъ воззваніемъ о томъ: «чтобъ крѣпостное право, уничтоженное 19-го февраля 1861 года для всей Россіи, — было уничтожено также и на этомъ маленькомъ, несчастномъ клочкѣ Русской земли, который называется островомъ Сахалиномъ». Что касается книги г. Миролюбова, то въ ней сравнительно мало исключительныхъ и кричащихъ положеній, въ родѣ онорскихъ звѣрствъ; однако онъ близокъ къ правдѣ не менѣе другихъ художниковъ. Объясняется это тѣмъ, что г. Миролюбовъ не былъ почетнымъ гостемъ на Сахалинѣ, и ему пришлось знакомиться не только съ ужасающими достопримѣчательностями острова, но и съ обыденной на немъ жизнью сахалинцевъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ интеллигентамъ, о которыхъ самъ даетъ слѣдующій отзывъ: «Большинство ихъ были хорошіе, сердечные люди, но, увлекшись идеями о счастьѣ человѣчества, они дали слишкомъ большой просторъ движенію своего сердца... и попали на Сахалинъ. Выкинутые изъ Россіи, они и здѣсь въ глазахъ правящаго класса плохо были оцѣнены. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, у нихъ не было никакой точки опоры, на которой успокоилось бы ихъ растерзанное сердце...». Къ счастію г. Миролюбова, онъ былъ морскимъ офицеромъ, и сахалинская администрація, желая воспользоваться его познаніями, наполнила его жизнь содержаніемъ и интересомъ. Прежде всего онъ устроилъ хоръ пѣвчихъ. Бывшему радикалу пришлось пѣть и съ дискантами, и съ альтами, и съ тенорами. Потомъ онъ занялся устройствомъ церковной библіотеки, метеорологической станціи, ботаническаго сада изъ сахалинской флоры и т. д. «Надо ли сдѣлать съемку населенной мѣстности или промѣръ морской бухты, обновить ли казенный пароходикъ и сдѣлать объѣзды кругомъ Сахалина, надо ли составить лоцію Татарскаго пролива, или помочь пріѣзжему ученому сдѣлать магнитныя и астрономическія наблюденія, привести ли въ порядокъ другую метеорологическую станцію, собрать ли сѣмянъ какой нибудь сахалинской пихты для Петербурга,—въ этихъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ обращались ко мнѣ. За исполненіе такого рода порученій я получалъ только одобрительное «спасибо»: эти работы вмѣнялись мнѣ вмѣсто «каторжныхъ». Тѣмъ не менѣе я охотно занимался ими, потому, что онѣ знакомили меня съ островомъ и разнообразили мою жизнь на чужбинѣ».

Кончилось тѣмъ, что автору поручено было составленіе карты Александровскаго порта и его рейда съ промѣромъ. Слѣдя за его личной жизнію на Сахалинѣ, приходишь къ вѣрному выводу о томъ, что если бы въ прочихъ сахалинцахъ уважалось человѣческое «я», то многіе изъ нихъ дорожили бы своимъ честнымъ именемъ. Книга г. Миролюбова чрезвычайно полезна для тюрмовѣдовъ по вопросу объ исправленіи ссыльно-каторжныхъ людей. «Стоитъ лишь отнестись къ нимъ участливо, тепло, по-человѣчески, и они отзовутся всей душой на ваше вниманіе. Горе ссыльной жизни, принудительный трудъ съ ранняго утра до поздняго вечера и постоянное опасеніе наказанія, дѣлаютъ существованіе здѣсь не выносимымъ, но не отнимаютъ совсѣмъ послѣднихъ проблесковъ золотыхъ частичекъ человѣческаго сердца». А между тѣмъ администраторы совершенно беззаботны относительно нравственнаго достоинства сахалинцевъ. Всѣ ихъ старанія направлены къ возстановленію среди катор ж

никовъ образцоваго порядка, блестящей чистоты въ казенныхъ зданіяхъ, дисциплины и тишины, чтобы муху слышно было, когда она пролетитъ... «Мнѣ самому все это нравилось. Но какими ужасными жертвами достигнуто это!— восклицаетъ г. Миролюбовъ. Вѣдь каторжные отъ этой внѣшности не сдѣлались лучше, нравственнѣе, правдивѣе, честнѣе, добрѣе. Напротивъ, скрытность, лукавство, тайная злоба, ненависть, стали еще интенсивнѣе, какъ упругость паровъ подъ увеличеннымъ давленіемъ. Нѣтъ, господа, проливаемыя слезы и кровь нельзя оцѣнивать чистотою отхожихъ мѣстъ и конюшенъ».

Такимъ образомъ, кромѣ литературно-художественнаго интереса, книга г. Миролюбова полна практическихъ и въ высшей степени цѣлесообразныхъ указаній для рѣшенія хозяйственныхъ и административныхъ вопросовъ на островѣ Сахалинѣ.

А. Фаресовъ.

Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Часть 1-я. На войнѣ. П. Паренсова. Спб. 1901.

Бенвенуто-Челлини говоритъ, что писать свои воспоминанія надо послѣ сорокалѣтняго возраста. Генералъ Паренсовъ давно перешелъ этотъ возрастъ; жизнь его наполнена многознаменательными событіями; ему есть что поразсказать. Въ 1876 году, наканунѣ войны съ турками, онъ былъ командированъ въ Букарестъ, чтобы подъ именемъ Paul Paulson организовать тайныя развѣдки, иначе сказать, шпіонскую часть; затѣмъ, въ 1877 году онъ отличился во многихъ сраженіяхъ (Ловча, Плевна, Балканы) подъ начальствомъ Скобелева, Имеретинскаго, Гурки и др. Послѣ войны ему пришлось быть первымъ военнымъ министромъ въ Болгаріи, призванной Россіей къ государственной жизни. Естественно, что воспоминанія г. Паренсова полны жгучаго интереса, тѣмъ болѣе, что, «благодаря особенно счастливымъ, безусловно исключительнымъ обстоятельствамъ», автору удалось напечатать книгу безъ цензурныхъ урѣзокъ.

Разсказъ сопровождается оцѣнкой событій, иногда, можетъ быть, слишкомъ рѣзкой, но если авторъ пишетъ правду, то рѣзкая критика придаетъ еще большую цѣну сочиненію — въ нынѣшнее время не часто встрѣчаются люди, открыто говорящіе правду. Особенно жесткимъ разоблаченіямъ подверглась дѣятельность помощника начальника штаба арміи, генерала К. В. Левицкаго. Иные поставятъ такую откровенность въ вину автору, но мы считаемъ за заслугу передъ отечествомъ: изъ уроковъ исторіи надо поучаться, а послѣднія войны именно показываютъ, какъ много приходится проигрывать, когда во главѣ стоятъ личности бездарныя, безъ достаточнаго частнаго почина, озабоченныя исключительно своими собственными интересами.

Изъ книги г. Паренсова мы узнаемъ, въ какомъ запутанномъ положеніи находилась наша дипломатія въ тѣ времена, какъ мы всего боялись, какое важное значеніе придавалось австрійскому министру Андраши и даже ничтожному румынскому министру Братіано. Мы совершенно не умѣли пользоваться благопріятной обстановкой, да и не отдавали себѣ въ ней отчета. Крупный капиталистъ, болгаринъ Евлогій Георгіевъ, обѣщалъ пожертвовать для арміи

продовольственные припасы на огромную сумму; ему не только не сказали простого «спасибо», но долгое время даже не обращали вниманія на его предложеніе, а между тѣмъ были озабочены труднымъ вопросомъ о продовольствіи войскъ въ предстоявшемъ походѣ. Время для заготовокъ было самое удобное: въ деньгахъ румыны нуждались, продуктовъ изобиліе, продавались они дешево, а мы все колебались, были загипнотизированы дипломатическими ухищреніями.

Передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, 10-го апрѣля 1877 года, въ русскомъ консульствѣ въ Букарестѣ была получена важная телеграмма изъ Кишинева, но разобрать ее было нельзя, ибо она оказалась написанною посольскимъ шифромъ, ключа къ которому въ консульствѣ не имѣлось.

Картины военныхъ дѣйствій написаны у г. Паренсова весьма живо, мастерски; видно, что все это пережито и перечувствовано; портреты дѣятелей (Радецкій, Тутолминъ, Нагловскій, Куропаткинъ и др.), какъ живые. О Скобелевѣ сообщается много фактовъ, не проникавшихъ до сихъ поръ въ печать. Г. Паренсовъ высоко ставитъ военный талантъ Скобелева, но не славословитъ его во что бы то ни стало; подъ его перомъ нашъ народный герой является естественнымъ, понятнымъ, хотя обладающимъ многими странностями и недостатками, напримѣръ, нѣкоторою, совсѣмъ излишнею, кровожадностью. 23-го августа, послѣ взятія Ловчи, Скобелевъ съ авторомъ книги на пути наткнулись на множество труповъ нашихъ солдатъ: «всѣ они за ночь сильно вздулись, посинѣли и лежали въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Я хотѣлъ свернуть и уже направился было въ другую сторону, къ изгибу Осьмы, гдѣ не было атаки, но Скобелевъ взялъ меня за руку и заставилъ идти вдоль берега, который былъ положительно усѣянъ убитыми калужцами, либавцами, а далѣе—ревельцами. Я даже сказалъ Скобелеву: «Пойдемте прочь, что за охота смотрѣть»; но онъ не выпускалъ моей руки и приговаривалъ: «Ничего, ничего, пріучайтесь».—«Да я, Михаилъ Дмитріевичъ, уже привыкъ, вѣдь не въ первый разъ, а все-таки нечего тутъ смотрѣть», но ничего не дѣйствовало, онъ даже останавливался, разглядывая трупы».

Характерно, что въ диспозиціяхъ для боя того времени мы встрѣчаемъ указанія о формѣ одежды — такъ въѣлись привычки мирнаго времени, наложившаго вообще на войну 1877—1878 гг. сильный отпечатокъ. Въ то время при воспитаніи войскъ водили ихъ во всемъ на помочахъ, не заботились о развитіи, столь важнаго въ современной войнѣ, частнаго почина въ начальникахъ, которые въ большинствѣ отличались пассивностью. Такъ отрядъ генерала Ратіева, бывшій 22-го августа въ небольшомъ разстояніи отъ Ловчи и слышавшій канонаду, не пошелъ на помощь Имеретинскому. На другой день Османъ-паша, вышедшій изъ Плевны на помощь Ловчѣ, могъ поставить отрядъ Имеретинскаго въ критическое положеніе, а Ратіевъ отказался идти на выстрѣлы, «объявивъ, что пойдетъ по данному ему маршруту и въ точности исполнитъ данное ему предписаніе». Вотъ какую опасность представляетъ угашеніе въ начальникахъ частнаго почина. Не даромъ нѣмцы отлично это понимаютъ и всѣми силами, даже указами императора, развиваютъ его въ своихъ войскахъ.

Первая часть воспоминаній г. Паренсова остановилась, какъ говорится, «на самомъ интересномъ мѣстѣ» — передъ штурмомъ Плевны 30-го августа 1877 года. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія разсказа, столь откровеннаго и содержательнаго: масса мелочей, въ высшей степени поучительныхъ, заключается въ книгѣ, но, конечно, никогда не попадетъ въ «исторію» войны, особенно офиціальную. Такъ какъ авторъ въ разсказѣ часто говоритъ о себѣ (какъ же иначе?), то онъ можетъ подвергнуться даже упрекамъ въ самовосхваленіи и пр. со стороны людей, зараженныхъ пуризмомъ, подъ которымъ скрывается просто зависть; но личныя-то впечатлѣнія сплошь и рядомъ и составляютъ истинно цѣнныя черты воспоминаній.

Въ заключеніе должны сказать, что книга издана прекрасно и снабжена множествомъ отличныхъ портретовъ (фототипіи) дѣятелей войны 1877—1878 гг.: государь императоръ Александръ II, главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, генералы: Непокойчицкій, Левицкій, Скобелевъ, Имеретинскій, А. Н. Куропаткинъ въ чинѣ капитана и много другихъ; нѣкоторыя фотографіи составляютъ рѣдкость и даже имѣютъ историческое значеніе.

Профессоръ Н. Орловъ.

Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ VI. Выпускъ 1. Софія. 1900.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ, находящійся подъ руководствомъ академика Ѳ. И. Успенскаго, ежегодно издаетъ три выпуска своихъ «Извѣстій», въ коихъ знакомитъ интересующихся со своею научною историко-археологическою дѣятельностью. Недавно вышелъ первый выпускъ шестого тома этихъ «Извѣстій», содержащій въ себѣ пять слѣдующихъ статей.

1. L. Petit: le monastère de Notre-Dame de Pitié en Macédoine (стр. 1—153). Здѣсь рѣчь идетъ о византійскомъ монастырѣ Богородицы Милостивой въ Македоніи, въ мѣстности Палеокастро, построенномъ въ 1080 г. монахомъ Мануиломъ. Въ обширной работѣ, посвященной этой замѣчательной въ византійскую эпоху обители, излагается исторія ея отъ возникновенія въ XI вѣкѣ до паденія Византіи, описывается внутренній церковно-религіозный бытъ монаховъ на основаніи устава монастыря, даннаго его основателемъ, и анализируются другія стороны въ содержаніи этого устава, представлена опись церковной утвари и книгъ изъ библіотеки обители. Затѣмъ, авторъ публикуетъ греческіе документы касательно монастыря, открытые въ различныхъ библіотекахъ востока и запада. Эти документы по своему содержанію раздѣлены на три группы. Къ первой относятся императорскія грамоты, данныя монастырю по поводу принадлежащихъ ему владѣній. На второмъ мѣстѣ находится типиконъ, или уставъ монастыря, подробно регламентирующій богослуженіе въ обители, жизнь и поведеніе монаховъ, излагающій порядокъ избранія игумена и его отношеніе къ братіи и т. д. Въ третьей части находится подлинная опись монастырскихъ вещей. Къ каждому изъ указанныхъ

документовъ сдѣланы историко-археологическіе и филологическіе комментаріи. Въ опубликованныхъ августинскимъ монахомъ Petit греческихъ документахъ и заключается главная цѣнность его работы. Всякій, кто интересуется исторіей Византіи, въ частности византійскаго монашества и землевладѣнія, долженъ имѣть въ виду эту работу.

2. Ѳ. И. Успенскій: Военное устройство Византійской имперіи (стр. 154—207). Настоящая статья отличается обычными учеными достоинствами талантливаго пера г. Успенскаго — тщательнымъ обслѣдованіемъ матеріаловъ не только печатныхъ, но и рукописныхъ, неожиданнымъ извлеченіемъ новыхъ данныхъ изъ такихъ источниковъ, гдѣ они другими и не предполагаются, замѣчательнымъ сближеніемъ, повидимому, разнородныхъ научныхъ данныхъ, но въ творческой концепціи нашего автора получающихъ особый смыслъ и значеніе, широтою и основательностью эрудиціи, позволяющими автору смотрѣть на дѣло въ связи съ общими и принципіальными воззрѣніями въ области византологіи. Въ частности, въ указанной статьѣ академикъ Успенскій уясняетъ смыслъ и происхожденіе терминовъ τάγμα и θέμα, первымъ изъ которыхъ обозначались военныя части, стоявшія въ Константинополѣ, а второй употреблялся для названія войска провинціальнаго, описываетъ военно-административную организацію ѳемъ и тагмъ, чинами коихъ были—стратиги, турмархи, мермархи, хартуларіи, доместики и другіе; указываетъ различные виды ѳемъ и тагмъ — кавалерійскіе и пѣхотные, говоритъ о ѳемѣ, какъ гражданскомъ административномъ округѣ, разсматриваетъ происхожденіе военныхъ ѳемъ и сообщаетъ свѣдѣнія о военноподатныхъ участкахъ земли, раздававшихся стратіотамъ и обязывавшихъ ихъ нести военную службу въ государствѣ; въ приложеніи указаны нѣкоторыя греческія рукописи библіотекъ Вѣнской королевской и Московской синодальной, въ коихъ содержатся матеріалы относительно устройства войска въ Византійской имперіи.

3. Ю. А. Кулаковскій: Надписи Никеи и ея окрестностей (стр. 208—215). Здѣсь дешифрируются надписи, въ числѣ пятнадцати, открытыя членами Константинопольскаго русскаго археологическаго института во время одной изъ экскурсій въ малоазійскій городъ Никею и его окрестности; однѣ изъ надписей относятся къ классической эпохѣ, а другія — къ византійской.

4. Ѳ. И. Успенскій: Старо-болгарская надпись Омортага (стр. 216—235). Надпись найдена при раскопкахъ русскаго археологическаго института близъ селенія Абобы и содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о дружинникѣ старо-болгарскаго князя Омортага—Оксунѣ, изъ знатнаго болгарскаго рода Курпгиръ. По поводу этой надписи академикъ Ѳ. И. Успенскій дѣлаетъ интересный экскурсъ въ область дружиннаго строя у болгаръ въ эпоху ихъ языческой жизни и сношенія съ аланами и готами въ южной Россіи. Обстоятельно въ статьѣ уясняется и смыслъ терминовъ надписи и всего вообще ея содержанія.

5. Г. Джеффри: Фасадъ базилики въ Виѳлеемѣ (стр. 236). Въ Виѳлеемѣ есть замѣчательная базилика Рождества Христова, построенная, судя по стилю и плану церкви, скорѣе при византійскомъ императорѣ Юстиніанѣ (VI в.), чѣмъ при Константинѣ Великомъ (IV в.). Англійскій ученый Джеффри

и помѣстилъ здѣсь три рисунка съ планомъ фасада этой древней и замѣчательной въ архитектурномъ отношеніи церкви, предварительно сказавъ нѣсколько словъ о современномъ состояніи и значеніи указаннаго памятника изъ области христіанской археологіи. Σ.

Руководство къ русской исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе 39-е. М. 1900. Его же. Руководство къ всеобщей исторіи. Изданіе 22-е. М. 1900.

Не подлежитъ сомнѣнію, что историческія знанія весьма слабо распространены въ нашемъ современномъ обществѣ, и наша интеллегенція, въ большинствѣ, имѣетъ лишь поверхностныя и часто превратныя понятія о многихъ событіяхъ не только всеобщей, но и русской исторіи. Причины такого грустнаго явленія кроются, по нашему мнѣнію, въ неудовлетворительномъ преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не всѣ же окончившіе въ нихъ курсъ поступаютъ въ университеты, да и въ послѣднихъ довольно трудно пополнить свои знанія потому, что гг. профессора читаютъ подробно преимущественно облюбованные ими отдѣлы исторіи, оставляя общій курсъ ея въ пренебреженіи; въ гимназіяхъ же преподаватели связаны программами и обязательными учебниками, утвержденными для руководства педагогической властью. Тридцать лѣтъ въ этой области царитъ несокрушимый авторитетъ извѣстнаго московскаго профессора Иловайскаго, и всѣ попытки свергнуть его съ созданнаго имъ себѣ пьедестала терпятъ полную неудачу. Его учебники всеобщей и русской исторіи господствуютъ и въ младшихъ и въ старшихъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній, а всѣ другіе систематически изгоняются и воспрещаются. Г. Иловайскій съ присущимъ ему самомнѣніемъ считаетъ себя какъ бы вѣчнымъ, неограниченнымъ и непогрѣшимымъ наставникомъ россійскаго юношества и съ высоты своего величія презрительно улыбается на раздающіеся иногда протесты противъ его нелѣпыхъ учебниковъ; онъ неутомимо перепечатываетъ ихъ въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ и собираетъ обильную дань съ жидкихъ гимназическихъ кармановъ. До сихъ поръ все шло для него благополучно, какъ вдругъ внезапно раздался громъ съ той именно стороны, откуда почтенный историкъ всего менѣе его ожидалъ. Въ послѣдней книжкѣ офиціальнаго «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» напечатаны подробные и обстоятельные отзывы спеціалистовъ о его руководствахъ по всеобщей и русской исторіи, низводящіе эти руководства не болѣе какъ на степень простой макулатуры. Мы приведемъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ лишь ихъ конечные выводы.

Такъ разборъ руководствъ по русской исторіи заканчивается слѣдующими словами: «Трудъ этотъ устарѣлъ, и частныя исправленія не могутъ держать его на уровнѣ современныхъ требованій, какъ свѣжія заплаты не дѣлаютъ крѣпкой ветхую ткань. Учебники г. Иловайскаго требуютъ не исправленія и поверхностнаго пересмотра, а коренной переработки».

Еще болѣе строгій приговоръ произноситъ о руководствѣ по всеобщей исторіи профессоръ Форстенъ. «Неумѣлый планъ, — говоритъ онъ въ заключеніе своей обширной критики, — разбросанность матеріала, главное въ пере-

межку съ второстепеннымъ, отжившія свой вѣкъ точки зрѣнія, дѣлаютъ совершенно непригоднымъ для нашихъ гимназій этотъ учебникъ, который точно задался цѣлью извращать факты, а не объяснять ихъ, не излагать ихъ согласно съ исторической правдой».

Такимъ образомъ оказывается, что въ теченіе тридцати лѣтъ г. Иловайскій невозбранно проповѣдывалъ въ русской школѣ подъ видомъ исторіи какую-то извращенную науку, и никто этого не замѣчалъ! Всего удивительнѣе, что ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на прямой обязанности котораго лежитъ блюсти за достоинствомъ матеріала, поставляемаго нашими педагогами подростающему поколѣнію, безпрекословно клалъ свою санкцію на каждый выпускъ бездарнаго и вреднаго хлама, называемаго учебниками г. Иловайскаго. Неужели печальная роль, столько времени безнаказанно играемая московскимъ профессоромъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, не кончится послѣ такихъ компетентныхъ разоблаченій? С. Ш.

Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе Ивана Забѣлина. Третье изданіе съ дополненіями. Москва. 1901.

Нельзя не привѣтствовать появленія 3-го изданія хорошо извѣстнаго русской читающей публикѣ замѣчательнаго труда И. Е. Забѣлина «Домашній бытъ русскихъ царицъ». Книга эта представляетъ собою одинъ изъ капитальныхъ вкладовъ въ нашу историческую литературу и разносторонне отвѣчаетъ интересу читателя; въ ней найдетъ онъ и блестяще написанный рукою мастера очеркъ исторіи женской личности въ до-Петровской Руси, очеркъ, являющійся однимъ изъ украшеній нашей науки, и талантливыя монографіи, посвященныя такимъ своеобразнымъ личностямъ нашего прошлаго, какъ извѣстная раскольничья «мученица» Ѳедосья Прокопьевна Морозова и царевна Софія Алексѣевна, и несравненное по полнотѣ и занимательности описаніе домашняго быта царицъ русскихъ. И. Е. Забѣлинъ всегда отличался рѣдкимъ умѣніемъ изъ сухого, отрывочнаго матеріала создавать широкую, завлекательную картину; новое изданіе его труда заставляетъ насъ удивляться также и тому, какъ маститый историкъ неутомимо привлекаетъ все новые и новые источники въ кругъ своего изслѣдованія.

Засвидѣтельствованное выходомъ 3-го изданія распространеніе «Быта русскихъ царицъ» въ средѣ нашей читающей публики указываетъ на возрастаніе историческаго интереса въ русскомъ обществѣ, на его стремленіе ближе познакомиться съ былыми судьбами родной земли. По знаменитому опредѣленію Соловьева, исторія народа есть его самосознаніе, и безспорно знаменательна эта жажда ознакомленія съ русскимъ прошлымъ; она показываетъ, что самосознаніе нашего общества пробуждается; и можно при этомъ только порадоваться, что въ работѣ самопознаванія мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи такія произведенія, какъ книга И. Е. Забѣлина, высокія достоинства которой всѣми признаны; такіе именно труды по преимуществу и могутъ сдѣлать эту работу плодотворной. М. Помяловскій.

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ четвертый. (1706). Спб. 1901.

Четвертый томъ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго» вышелъ черезъ семь лѣтъ по выходѣ третьяго тома. Такая медленность объясняется громадностью и кропотливостью работы, которой потребовало это монументальное изданіе отъ его редактора, покойнаго академика А. Ѳ. Бычкова, успѣвшаго еще при жизни приготовить къ печати четвертый томъ. Какъ великъ былъ трудъ почтеннаго изслѣдователя, достаточно сказать, что одни примѣчанія къ письмамъ заключають 734 страницы убористаго шрифта. Въ нихъ каждое письмо сопровождается подробными объясненіями: гдѣ находится подлинникъ; если онъ былъ ранѣе напечатанъ, то въ какихъ именно изданіяхъ и съ какими пропусками и измѣненіями; по какому поводу писано оно; какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ лицъ, кому оно было адресовано и т. п. Четвертый томъ заключаетъ въ себѣ 475 писемъ и другихъ документовъ только за одинъ 1706 годъ, относящихся преимущественно къ распоряженіямъ Петра Великаго объ отступленіи русской арміи изъ-подъ Гродна, мѣропріятіямъ по оборонѣ нашихъ западныхъ границъ отъ ожидавшагося нашествія Карла XII и сношеніямъ Россіи съ западно-европейскими державами. Едва ли нужно указывать, какое важное значеніе имѣютъ эти письма для исторіи царствованія Петра Великаго и характеристики самого государя. Только тогда, когда будетъ обнародована вся его переписка, явится возможность воспроизвести вѣрную и полную картину великаго дѣла, которое совершилъ этотъ геніальный человѣкъ, до сихъ поръ еще ожидающей всесторонней оцѣнки, несмотря на массу напечатаннаго о немъ матеріала.

Кромѣ писемъ 1706 года, въ четвертомъ томѣ помѣщены еще письма за разные предыдущіе годы, открытые послѣ выхода первыхъ томовъ. Для удобства пользованія приложенъ подробный указатель личныхъ именъ и предметовъ, о которыхъ упоминается въ настоящемъ томѣ. Невольно рождается вопросъ: кто же будетъ продолжать послѣ А. Ѳ. Бычкова его замѣчательный трудъ? Неужели со смертью его должно прекратиться дальнѣйшее собираніе и печатаніе писемъ Петра Великаго? С. Ш.

Собраніе сочиненій Сергѣя Михайловича Соловьева. Спб. 1901.

Недавно изданный товариществомъ «Общественная Польза» компактный томъ части монографій, публичныхъ чтеній и журнальныхъ статей покойнаго историка въ нѣкоторомъ отношеніи является какъ бы дополненіемъ къ прежде выпущенному товариществомъ компактному изданію «Исторія Россіи». Какъ извѣстно, С. М. Соловьевъ не кончилъ послѣдняго капитальнаго труда и остановился на половинѣ царствованія Екатерины Второй. Въ виду такой незаконченности «Исторіи», разсматриваемый томъ можетъ служить нѣкоторымъ къ ней продолженіемъ: въ немъ имѣются въ свое время вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ обширная монографія «Императоръ Александръ Первый» и статьи по исторіи восточнаго вопроса. Такимъ же характеромъ дополнитель-

ныхъ матеріаловъ обладаютъ помѣщенныя въ сборникѣ повѣствовательно-критическіе очерки по исторіи русской исторіографіи XVIII столѣтія, а также характеристика Карамзина. Однако, цѣлостность этихъ отдѣловъ книги нарушается, съ одной стороны, статьями, которыя никакого отношенія къ исторіи Россіи не имѣютъ, съ другой стороны, публичными чтеніями и популярными очерками, которые представляютъ собою лишь неполный и отрывочный пересказъ нѣкоторыхъ главъ исторіи. Такое смѣшеніе матеріала затрудняетъ пользованіе книгой, и потому нежелательно въ достаточной мѣрѣ. До настоящаго времени Соловьевъ не утратилъ своего значенія въ ряду виднѣйшихъ авторовъ; изъ сочиненій его полной рукою черпаетъ данныя всякій изслѣдователь исторіи Россіи. По этой-то причинѣ издателямъ сочиненій покойнаго историка слѣдовало бы не издавать ихъ гуртомъ, безъ всякаго разбора, системы, а стараться разбить литературный матеріалъ такъ, чтобы облегчить пользованіе имъ, какъ рядовому читателю, такъ и спеціалисту. Между тѣмъ интересы читателя совершенно не приняты въ соображеніе издателями: не говоря уже о безсистемности содержанія, книга не снабжена ни предисловіемъ, ни какимъ либо указателемъ. Неподготовленный читатель не въ состояніи уяснить, что въ сборникѣ является болѣе капитальнымъ, что написано въ качествѣ журнальной статьи и т. д. Нужно надѣяться, что въ дальнѣйшемъ собраніи и переизданіи сочиненій Соловьева «Общественная Польза» приметъ во вниманіе указанія критики и взглянетъ на предметъ съ менѣе формальной, чтобы не сказать, коммерческой, стороны.

В. Грибовскій.

А. В. Кругловъ. Домна-ректорша. (Повѣсть). Изданіе В. С. Спиридонова. Москва. 1901.

Это—повѣсть изъ недавняго минувшаго. Въ ней воспроизводится удивительный по цѣльности и законченности типъ простой женщины, съ трезвымъ народнымъ умомъ и безхитростнымъ любящимъ сердцемъ. Эти качества помогли ей воспріять свѣтъ Евангельскаго ученія во всей его непосредственности и сдѣлаться глубокой христіанкой. Вѣрно отмѣчено поэтомъ:

Не даромъ сказано въ писаніи: что скрыто
И непонятно имъ—ученымъ, мудрецамъ,
То—волей Божіей—доступно и открыто
Умамъ безхитростнымъ, младенческимъ сердцамъ!

Христіанка Домна не по внѣшности только, но по духу высокой любви къ человѣчеству, которая заставляетъ видѣть въ каждомъ ближнемъ своего брата.

Такой идеальный взглядъ на христіанство впору лишь вполнѣ просвѣщенному человѣку; а если простецы достигаютъ его, то потому лишь, что высшая мудрость осѣняетъ ихъ любящее сердце, отзывающееся со всей присущей ему чуткостью на вѣчные глаголы.

Домна своимъ примѣромъ доказала, что человѣкъ можетъ быть полезенъ каждый на своемъ мѣстѣ и при всякихъ обстоятельствахъ имѣетъ возможность служить ближнему словомъ, дѣломъ и примѣромъ. Для примѣненія силъ совсѣмъ не надо искать себѣ большого дѣла, стремиться къ какому-то особен-

ному подвигу. Домна полная противоположность тѣмъ, «кто по свѣту рыщетъ, да дѣла себѣ исполинскаго ищетъ».

Большія дѣла встрѣчаются не часто, а мелкія повседневно окружаютъ насъ и ждутъ рукъ для своего осуществленія. Вотъ на такія-то незначительныя дѣла и важно употребить трудъ, вложивъ въ него всю горячность сердца. Тогда маленькое въ сущности дѣло разростается до большихъ размѣровъ, принося плодъ сторицею.

Не даромъ же Домну-ректоршу любили всѣ ея нахлѣбники-семинаристы и считали ее своею истинною матерью, въ то время, какъ другія хозяйки пользовались очень нелестной репутаціей у своихъ постояльцевъ. Между тѣмъ заслужить добрую славу въ грубоватой семинарской средѣ очень не легко, и авторъ знакомитъ съ тѣми терніями, которые встрѣчались на пути у Домны. Но сила любви всемогуща, и терніи въ концѣ концовъ побѣждались.

Въ нашъ нервный вѣкъ при особенной чуткости и воспріимчив..и организма становится все труднѣе и труднѣе выработка цѣльности характера. Человѣкъ сдѣлался способнымъ къ разносторонности, разбросанности и не можетъ отлиться въ опредѣленную и законченную форму. Между тѣмъ люди стараго типа отливались именно въ такую форму, при чемъ индивидуальное различіе между ними было рѣзче выражено. Теперь же, въ значительной степени происходитъ ассимиляція индивидуальностей.

Величавые образы Домны и ея бывшаго воспитанника Герасима, впослѣдствіи епископа Галактіона, разнородные по натурамъ, но объединенные въ высшей христіанской морали, могутъ служить наглядной иллюстраціей тезиса: царство Божіе внутри васъ. Это тѣ простецы, чистые сердцемъ, которые въ исполненіи своихъ обязанностей достигли удивительной душевной гармоніи. Это исполненіе стало для нихъ наслажденіемъ, потребностью. Такихъ людей (какъ Герасимъ) высшее образованіе дѣлаетъ еще только болѣе крѣпкими духовно, а не охлаждаетъ въ религіозномъ отношеніи. Хотя типъ Галактіона въ повѣсти привходящій, но онъ не многими чертами (особенно въ главѣ XV) обрисованъ ярко и выпукло.

Домну, по справедливости, можно причислить къ одному изъ самыхъ удачныхъ произведеній г. Круглова. П—ій.

Русскіе портреты собранія П. И. Щукина въ Москвѣ. Выпускъ второй. М. 1901.

Второй выпускъ «Русскихъ портретовъ» изъ собранія П. И. Щукина представляетъ большой интересъ. Въ немъ воспроизведено фототипіей 62 портрета, и среди нихъ встрѣчаются нѣсколько рѣдкихъ и до его времени неизвѣстныхъ. Изъ числа ихъ укажемъ на слѣдующіе: портретъ императора Петра II (№ 6), напоминающій типъ, изображенный Людденомъ въ 1729 году, но отличающійся отъ него и поворотомъ головы и многими подробностями въ одеждѣ и аксессуарахъ. Портретъ императора Петра III, въ шляпѣ и бѣломъ мундирѣ съ голубыми отворотами, шитыми золотомъ. Замѣчательный портретъ императрицы Елисаветы Петровны, совершенно неизвѣстный, рисованный разноцвѣт-

ными карандашами на пергаментѣ. Превосходный портретъ императрицы Елисаветы Алексѣевны (№ 28), лучшій изъ всѣхъ до сего времени извѣстныхъ, на которомъ она изображена въ открытомъ бѣломъ съ голубымъ атласномъ платьѣ, отдѣланномъ бѣлымъ кружевомъ и жемчугомъ, въ порфирѣ, съ Андреевской цѣпью, серебряной звѣздой, брилліантовымъ поясомъ и въ брилліантовой діадемѣ. Оригинальный портретъ князя М. И. Кутузова-Смоленскаго, писанный на бумагѣ клеевыми красками и изображающій его въ мундирѣ съ георгіевской лентой и орденами; въ рукахъ онъ держитъ географическую карту, а предъ нимъ бюстъ императрицы Екатерины II. Портретъ, появляющійся также впервые, князя А. Б. Куракина (№ 41) въ парадномъ, шитомъ кафтанѣ, въ лентѣ и орденахъ; передъ нимъ мраморный бюстъ императора Павла I, бронзовая чернильница съ двумя гусиными перьями и бронзовымъ колокольчикомъ. Портретъ пріятеля Пушкина, П. В. Нащокина, съ женой и дѣтьми, а также портретъ П. Я. Пикулина, изображеннаго сидящимъ на террасѣ своей дачи, въ Москвѣ, въ Марьиной слободкѣ.

Вообще, собраніе П. И. Щукина, очевидно, умножается и, благодаря ему, многія рѣдкія изображенія русскихъ замѣчательныхъ людей не погибнутъ и будутъ сохранены. Нельзя не быть глубоко признательнымъ почтенному собирателю за то, что онъ знакомитъ любителей отечественной иконографіи съ собираемыми имъ рѣдкостями въ фототипическихъ снимкахъ, дающихъ довольно точное и ясное представленіе объ оригиналахъ. С. Ш.

Народовѣдѣніе. Проф. д-ра Фридриха Ратцеля. Переводъ со 2-го изданія Д. А. Коропчевскаго. Въ двухъ томахъ съ рисунками. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе». Спб. 1901.

Лейпцигскій профессоръ географіи, Фридрихъ Ратцель (род. въ 1844 г.) много путешествовалъ по Италіи, Венгріи, Сѣверной Америкѣ, Мексикѣ и Кубѣ, а въ 1870 г. даже принималъ участіе, въ качествѣ волонтера, въ войнѣ съ Франціей. Онъ напечаталъ цѣлый рядъ выдающихся работъ по географіи, изъ которыхъ замѣчательное мѣсто занимаетъ большой его трудъ «Völkerkunde» въ 3 томахъ и другой трудъ «Antropo-Geographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte» (2 тома). Первый трудъ теперь переведенъ, во второмъ переработанномъ изданіи, по-русски.

По своей спеціальности Ратцель не этнографъ, а антропогеографъ, то-есть его особенно интересуетъ вліяніе географической среды на возникновеніе и развитіе различныхъ жизненныхъ формъ. Въ его капитальномъ трудѣ видное мѣсто занимаетъ и соціологія и этнографія. Задача Ратцеля «узнать человѣчество во всѣхъ его частяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно живетъ въ настоящее время на землѣ». Онъ изучаетъ человѣчество на всѣхъ его современныхъ представителяхъ.

Главная мысль, которую внимательный читатель уловитъ въ обоихъ томахъ изданнаго труда Ратцеля—симпатичный, высокій призывъ къ обиженнымъ, низшимъ слоямъ человѣчества. Онъ указываетъ на то, что мы издавна

привыкли удѣлять особое вниманіе только наиболѣе развитой части человѣчества, народамъ, являющимся носителями высшей культуры, такъ что они оказываются чуть ли не единственными представителями человѣчества, единственными творцами всемірной исторіи. Въ своемъ капитальномъ трудѣ Ратцель проникаетъ въ самые глубокіе и неразвитые слои человѣчества и находитъ тамъ переходныя ступени, ведущія къ современной цивилизаціи. По его взгляду, всѣ расы одинаково способны къ культурѣ. Обстоятельно изслѣдуя внѣшнюю обстановку историческаго развитія народа, онъ старается объяснить его современное положеніе изъ его исторіи. Вездѣ у него географическая и историческая точка зрѣнія (обзоръ окружающей среды и обзоръ развитія) идутъ рука объ руку. Между отдѣльными частями человѣчества лежитъ различіе въ степени, а вовсе не пропасть. Поэтому въ своемъ трудѣ Ратцель старается прослѣдить всѣ переходныя ступени человѣчества, а также внутреннюю связь. «Мы можемъ себѣ представить всеобщую исторію культуры», говоритъ Ратцель, «обнимающую собой всю землю и все человѣчество; мы можемъ себѣ представить науку, которая охватываетъ все то, что теперь составляетъ предметъ такъ называемаго народовѣдѣнія или географіи. Ученый, давшій себѣ трудъ заняться доисторическими народами, а также народами, не игравшими роли въ нашей исторіи, найдетъ у всѣхъ нихъ, на всѣхъ культурныхъ ступеняхъ, существенныя черты той самой культуры, которая переходила отъ одного народа къ другому уже въ то далекое время, когда не были еще даны условія для развитія самостоятельныхъ и особыхъ культуръ; онъ пойметъ тѣсную связь между ней и современнымъ человѣчествомъ, которое почерпало всѣ свои нововведенія, всѣ свои крупныя достоинства только изъ этой общей основы и многое сохранило даже въ первоначальномъ чистомъ видѣ. Не далеко время, когда нельзя уже будетъ писать всемірную исторію, оставляя въ сторонѣ тѣ народы, которыхъ до сихъ поръ считали не историческими, потому что они не оставили намъ никакихъ памятниковъ, ни писанныхъ, ни высѣченныхъ. Исторія есть дѣйствіе. При чемъ же здѣсь письмо! Какую ничтожную роль играетъ рядомъ съ творческой силой исторической дѣятельности описывающее ее слово. Народовѣдѣніе и здѣсь должно указать намъ правильный путь!».

Подъ первобытными народами Ратцель разумѣетъ тѣхъ, которые находятся въ большей зависимости отъ природы и болѣе связаны съ нею, чѣмъ культурные народы. Дикарей онъ называетъ первобытными народами не потому, что живутъ они въ самомъ тѣсномъ единеніи съ природой, а потому, что они связаны съ природой. Въ этомъ и заключается различіе между первобытнымъ и культурнымъ народомъ, то-есть культура связываетъ насъ очень тѣсно съ природой, но болѣе широкой и полной связью.

«Крестьянинъ, собирающій въ овинъ свою рожь, въ концѣ концовъ также зависитъ отъ почвы своего поля, какъ и индіецъ, собирающій въ трясинѣ свой рисъ, котораго онъ самъ не сѣялъ; но для крестьянина эта зависимость отъ природы менѣе ощутительна! Собранный имъ запасъ хлѣба умѣряетъ ея грозную силу и отдаляетъ наступленіе кризиса, тогда какъ у дикаря каждая буря, каждый вѣтеръ, бросающіе колосья въ воду, угрожаетъ всему его существованію. Изучая природу и пользуясь ея силами, мы не сбрасываемъ съ себя ея

узъ, но становимся все болѣе независимы отъ случайныхъ проявленій ея, такъ какъ умножаемъ способы соединенія съ ней».

Было время, когда особенно восхвалялись физическія качества дикарей, ихъ выносливость, закаленность организма дикарей и тому подобное. Теперь наука окончательно отвергла этотъ взглядъ. Но есть и другой, не менѣе крайній взглядъ, по которому первобытные народы принимаются за представителей животнаго состоянія. По мнѣнію Ратцеля, сравнительное изученіе человѣческихъ расъ значительно уменьшило антропологическія различія между ними, уничтожило то узкое представленіе о дикихъ народахъ, которое ставило ихъ почти въ уровень съ животными.

Ратцель отрицаетъ научность пессимистическаго взгляда на дикарей, по которому они являются переходомъ отъ животнаго къ человѣку. Животныя черты можно найти у народностей всѣхъ расъ. Понятіе «первобытные народы», доказываетъ Ратцель, «относится исключительно къ области этнографіи и культуры и не заключаетъ въ себѣ никакихъ антропологическихъ или антропофизіологическихъ признаковъ. Первобытные народы—народы, бѣдные культурой; въ каждой расѣ, съ самыми различными природными задатками, могутъ встрѣтиться народы, которые или не развили еще у себя культуры или отстали въ своей культурѣ. Древніе германцы и галлы рядомъ съ римской культурой занимали такое же положеніе, какъ кафры и полинезійцы по отношенію къ намъ, а во времена Петра Великаго многіе элементы, входящіе теперь въ составъ культурнаго русскаго народа, оставались еще на чисто-первобытномъ уровнѣ».

Хотя первобытные народы стоятъ ниже насъ въ смыслѣ своей культурности, но по своей природной организаціи и своимъ способностямъ они стоятъ, если не на одной ступени съ нами, то очень близко къ намъ.

Первобытные народы, разсуждаетъ Ратцель, скорѣе напоминаютъ взрослаго человѣка, неразвитаго, какъ бы застывшаго въ извѣстныхъ отношеніяхъ, чѣмъ ребенка. Всѣ эти малокультурные народы, жизнь которыхъ описана въ трудѣ Ратцеля, имѣютъ языкъ, религію, оружіе и утварь, домашнихъ животныхъ и растенія: въ этомъ авторъ усматриваетъ многочисленные и разнообразные пункты сходства первобытныхъ народовъ съ культурными. Есть у всѣхъ первобытныхъ народовъ нѣкоторыя общія черты: всѣ они отличаются новымъ образомъ жизни, или, вѣрнѣе, наклонностью къ нему, отличаются безпечностью и легкомысліемъ. Разсмотрѣвъ происхожденіе религіи, миѳологіи, искусства и права, Ратцель придаетъ особенное значеніе семьѣ, которая является основнымъ пунктомъ для прогресса человѣчества. Таковы общія положенія капитальнаго труда Ратцеля.

Все человѣчество Ратцель дѣлитъ на географическіе «круги народовъ», начиная съ описанія народовъ тихоокеанско-американскаго круга, переходя къ свѣтлокожимъ племенамъ южной и внутренней Африки, затѣмъ неграмъ и заканчивая культурными народами Стараго свѣта.

Въ первомъ томѣ описаны океанійцы, австралійцы, малайцы, американцы, бушмены, готтентоты и карликовые народы Африки. Вездѣ изображены отчетливо физическіе признаки, не столько отличающіе народы, сколько связываю-

щіе ихъ, дающіе возможность наблюдателю найти переходъ отъ одного народа къ другому. Этотъ отдѣлъ, изображающій жизнь дикихъ народовъ, у Ратцеля вышелъ замѣчательно полнымъ. Матеріалъ собранъ колоссальный.

Второй томъ изображаетъ жизнь негровъ во всей ея полнотѣ. Онъ уступаетъ, пожалуй, первому, такъ далеко не такъ захватывающе подробно описываетъ жизнь «культурныхъ» народовъ Стараго свѣта. Здѣсь трактуется объ исламѣ, абиссинцахъ, берберахъ, народахъ Сахары, монголахъ, тибетцахъ и тюркскихъ народахъ индусахъ, иранцахъ, китайцахъ, японцахъ, корейцахъ, кавказскихъ народахъ, и европейцахъ (наиболѣе слабая глава).

Къ переводу приложены двѣ весьма удачныя статьи о расовой и этнической группировкѣ человѣчества и объ антропологіи Европы. Важное значеніе для русскаго читателя имѣетъ и приложенный въ концѣ второго тома библіографическій указатель русской литературы по народовѣдѣнію. Переводъ выполненъ безукоризненно—имя переводчика Д. А. Коропчевскаго не нуждается въ провѣркѣ перевода и служитъ ручательствомъ литературнаго языка и легкости, а это важно, такъ какъ превосходное сочиненіе Ратцеля написано вполнѣ доступно и разсчитано на широкую публику. Слѣдуетъ прибавить, что русское изданіе во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное, со множествомъ рисунковъ, художественно исполненныхъ, хромолитографій и 4 картами. К.

Т. Циглеръ. Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка. Изданіе Б. Н. Звонарева. Спб. 1901.

Авторъ хорошо сознаетъ, что подведеніе итоговъ умственной жизни заканчивающагося столѣтія (книга писалась въ 1898 году) есть задача трудная, хотя и привлекательная. Трудно, въ особенности, кратко формулировать сущность всѣхъ движеній XIX столѣтія, трудно въ нѣсколькихъ словахъ дать пониманіе этого столѣтія во всей его совокупности. Циглеръ указываетъ на нѣкоторыя, неудачныя попытки, найти ключъ къ итогамъ, дать одну формулу. Онъ говоритъ, что для Шопенгауера XIX вѣкъ—«вѣкъ философіи», такъ какъ созрѣлъ для нея и въ высшей степени нуждается въ ней; «богатѣйшимъ въ предѣлахъ новой исторіи» называетъ его Гейнрихъ ф. Трейчке, «такъ какъ тутъ пожинается посѣянное въ эпоху реформаціи». Куно Фишеръ видитъ въ немъ «столѣтіе критики, такъ какъ онъ разрушаетъ миѳы, создавая, правда, въ свою очередь новые». Одинъ считаетъ его «пропитаннымъ принципомъ борьбы за личность», другому онъ представляется «эпохою великаго томленія», одни называютъ его историческимъ или соціальнымъ вѣкомъ, другіе въ противоположность первымъ характеризуютъ его эпохой естествознанія и техники, торжествующей надъ высокою отвлеченною наукою, такъ что Шиллеровскій эпитетъ «властелинъ природы» въ настоящее время оказывается гораздо болѣе умѣстнымъ, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ». Можно было бы дать еще нѣсколько такихъ же общихъ и, въ сущности, пустыхъ опредѣленій, но профессоръ Циглеръ предпочитаетъ отказаться отъ общихъ мѣстъ: онъ намѣчаетъ лишь важнѣйшія стороны прогресса въ XIX вѣкѣ, сознавая всю запутанность и трудность своей задачи.

Въ виду такой сложности вопроса Циглеръ ставитъ себѣ опредѣленную и болѣе узкую задачу—дать характеристику умственныхъ и общественныхъ теченій преимущественно въ Германіи, захватывая по пути и чужеземныя вліянія. Такъ какъ матеріалъ, которымъ историкъ обладаетъ, состоитъ изъ книгъ, фактовъ и личностей, то чрезвычайно трудно распредѣлить его. Циглеръ самъ указываетъ, напримѣръ, на то, куда помѣстить сочиненіе Шопенгауера «Міръ какъ воля». Оно написано въ 1818 г., но вліяніе книги сказалось лишь пятьдесятъ лѣтъ спустя. Вотъ почему правильнѣе будетъ говорить о Шопенгаурѣ не тамъ, гдѣ начинается его жизнь и фактическое возникновеніе его философіи, а при обзорѣ исторіи 1860 и 1870 годовъ. Авторъ остановился на смѣшеніи хронологическаго и фактическаго дѣленія матеріала: 1800 — 1830, до 1848 г., затѣмъ—до 1871 г. и до конца вѣка, уложивъ свои разсужденія въ 14-ти главахъ.

Первая глава—«Три міросозерцанія», разсматриваетъ эпоху просвѣщенія, классицизмъ и романтизмъ, смѣнявшіе другъ друга. XIX в., получившій наслѣдство отъ XVIII в., не можетъ претендовать на названіе вѣка просвѣщенія: онъ не только, говоритъ авторъ, «не довелъ данной работы по всѣмъ пунктамъ до конца, но недостаточно энергично продолжалъ ее», уничтожая порою то, что уже сдѣлано, и внося мракъ туда, гдѣ царствовалъ день. Два крупныхъ представителя классицизма, Шиллеръ и Гете, не пользовались въ началѣ XIX в. достойной общепризнанностью, потому что рядомъ съ классицизмомъ появилось новое направленіе—романтическое, возникшее въ концѣ XVIII в. и представлявшее самое модное явленіе въ 1800 г. Циглеръ останавливается на крупнѣйшемъ изъ романтиковъ Шлейермахерѣ.

Всѣ эти три направленія имѣютъ одну общую черту, объединяющую ихъ индивидуализмъ. Впервые въ началѣ XIX в. романтизмъ перешелъ въ сферу философіи. Вторая глава посвящена натурфилософіи Шеллинга и феноменологіи Гегеля. На основаніи контраста съ романтизмомъ философія Гегеля опредѣляется Циглеромъ, какъ «борьба противъ личности».

Переводчикъ почему-то всю третью главу «Паденіе и возстановленіе Пруссіи» передаетъ въ сжатомъ пересказѣ, «желая дать читателямъ полное представленіе о книгѣ профессора Циглера и не имѣя возможности переводить ее цѣликомъ, безъ пропусковъ». Едва ли въ этой главѣ «необходимы» пропуски, она могла бы быть переведена цѣликомъ, читатель только выигралъ бы, особенно въ виду того, что профессоръ Циглеръ умѣетъ прекрасно излагать и комбинировать историческія явленія.

Четвертая глава названа «Послѣ войнъ за освобожденіе». Въ ней Циглеръ разсказываетъ о пробужденіи политическаго самосознанія, о студенческомъ союзѣ, реакціи и либерализмѣ. Въ связи съ измѣнившимися фактически отношеніями народовъ и отдѣльныхъ лицъ къ государству Циглеръ разсматриваетъ также переворотъ въ области идей государствовѣдѣнія и языкознанія, останавливаясь на Мюллерѣ, Гумбольдтѣ, Вольфѣ, и переходитъ къ молодой Германіи (1830 — 1848 г.), которой принадлежитъ первое мѣсто въ слѣдующей эпохѣ. Молодая Германія сгруппировалась около Берне и Гейне. Циглеръ отводитъ обоимъ поэтамъ нѣсколько страницъ для характеристики положенія ихъ въ исторіи умственной жизни эпохи.

Недостаточно опредѣленно относясь къ романтизму, Циглеръ нѣсколько поверхностно оцѣниваетъ Гейне. Онъ не указываетъ существеннѣйшаго признака романтизма — увлеченія средневѣковой стариной. Сравнивая Берне и Гейне, Циглеръ говоритъ, что оцѣнить Гейне труднѣе, чѣмъ Берне. Послѣдній всегда оставался самимъ собою, вѣрнымъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ. Гейне же «никогда не былъ характеренъ, типиченъ», онъ—«хамелеонъ», сверкающій всѣми цвѣтами. Намъ кажется, что Гейне, будучи вполнѣ опредѣленнымъ индивидуалистомъ-эпикурейцемъ, всегда отличался оппозиціоннымъ характеромъ, хотя и не держался опредѣленнаго политическаго міросозерцанія. Но къ современной ему политической дѣйствительности Германіи онъ всегда относился отрицательно. Циглеръ придаетъ Гейне очень мало значенія. «Легко подвижной человѣкъ», читаемъ въ VI главѣ, «былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ и безхарактернымъ человѣкомъ, былъ, дѣйствительно, «талантомъ», но никакъ не «цѣльнымъ характеромъ». Впрочемъ, мы здѣсь не должны судить человѣка, но желаемъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе относительно значенія Гейне для духовной жизни нашего народа. Это значеніе не можетъ быть оцѣнено въ достаточной мѣрѣ высоко. Лишь романтикъ можетъ убить романтизмъ; только такой насквозь фривольный человѣкъ могъ безжалостно извлечь на свѣтъ Божій ту фривольность, которая сидитъ во всякомъ романтизмѣ, и тѣмъ самымъ освободить насъ отъ нея. То обстоятельство, что Гейне сдѣлалъ это столь граціозно и остроумно, всегда располагая этимъ къ себѣ насмѣшниковъ, сдѣлало его самымъ опаснымъ и вліятельнымъ противникомъ фривольности».

Отъ литературнаго движенія Циглеръ переходитъ къ религіозному движенію 1830-хъ годовъ, связанному съ именемъ Д. Штрауса. Сначала онъ говоритъ о религіозномъ движеніи до Штрауса и Фейербаха, останавливаясь на Генгстенбергѣ, разсматривая религіозную философію Гегеля, а потомъ переходитъ къ Штраусу и Фейербаху.

Сороковые годы въ Германіи Циглеръ разсматриваетъ въ связи съ характеристикой Фридриха-Вильгельма IV, «романтика на тронѣ Цезарей» и вершителя судебъ Германіи. Девятая глава изображаетъ революцію 1848 года. Здѣсь, кромѣ исторіи этого движенія (опять кратко изложенной переводчикомъ), Циглеръ даетъ хорошее обозрѣніе стремленій къ реформамъ въ области церковной и школьной.

Въ десятой главѣ авторъ знакомитъ насъ съ ужасной реакціей пятидесятыхъ годовъ, сказавшейся не только въ области политической и церковной, но и въ сферѣ литературной. Въ то время, какъ лирика сороковыхъ годовъ отличалась либеральнымъ, а иногда революціоннымъ характеромъ, поэты пятидесятыхъ годовъ отличаются средневѣковымъ благочестіемъ, ища спокойствія въ лонѣ католической церкви. Огромнаго успѣха достигаетъ въ это время естествознаніе, а вышедшая въ концѣ 50-хъ годовъ книга Дарвина имѣла грандіозный успѣхъ. Циглеръ развиваетъ здѣсь ту мысль, что все настроеніе того времени было матеріалистично, оттого матеріализмъ нашелъ себѣ столькихъ приверженцевъ и заступниковъ. Циглеръ разбираетъ и доводитъ до 1870 года эволюціонный процессъ развитія и слѣдствій философіи Шопенгауера, въ доступной и ясной формѣ излагая философію Шопенгауера и Гартмана.

Разсказавъ о Бисмаркѣ и основаніи Германской имперіи, Циглеръ въ XIII главѣ опредѣляетъ значеніе соціализма и соціалъ-демократіи, останавливается на Лассалѣ, Марксѣ, марксизмѣ въ Германіи, законѣ о соціалистахъ и отмѣнѣ его.

Послѣдняя глава носитъ названіе «Fin de Siècle». Прежде всего, Циглеръ отмѣчаетъ двойственность характера переходнаго времени, выражающуюся и по отношенію къ государству, и къ религіознымъ вопросамъ, къ искусству, поэзіи. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся явленій конца вѣка Циглеръ считаетъ антисемитизмъ. Другое движеніе, тоже характерное,—аграрное. Третье движеніе—женское за свободу личности. «Великій психологъ и символистъ» Нитцше останавливаетъ серіозное вниманіе Циглера, но его такъ превозносятъ и прославляютъ, что личность его стала загадочной. Въ концѣ главы Циглеръ поставилъ литературу. Особенное значеніе онъ придаетъ Зудерману и Гауптману. Резюмируя сказанное, Циглеръ опять отказывается дать общую формулу вѣка. Но онъ желаетъ, чтобы Гетевская гуманность была конечной цѣлью, къ которой нужно стремиться. «Если мы среди этихъ противоположностей, которыя насъ осаждаютъ и которыя въ каждой особѣ либо мирно носятся рядомъ, либо сталкиваются другъ съ другомъ, не знаемъ, куда направить путь, то все таки девятнадцатый вѣкъ научилъ насъ сознанію, что отъ насъ зависитъ, куда держать путь. Въ борьбѣ за существованіе опустить руки — вѣрная гибель. Въ дѣятельности нашего столѣтія самое утѣшительное—его трудолюбіе. Хотя забота о нашей внутренней жизни этимъ отчасти и умаляется, но успѣхъ въ работѣ имѣетъ свое значеніе, испытываемое нами при сознаніи, что работа сближаетъ и соединяетъ насъ; въ этомъ заключается надежда преодолѣть и покорить нынѣ еще столь рѣзкіе контрасты. Гдѣ работа,—тамъ и борьба; мы и впредь не избѣгнемъ битвъ—во внѣшнемъ мірѣ изъ-за обладанія нашей долей земли и ея богатствъ, а во внутреннемъ—изъ-за домогательствъ сословій, партій и направленій. Вѣчнаго мира—неба на землѣ,—не принесетъ намъ и двадцатый вѣкъ: къ этому насъ подготовилъ девятнадцатый изобиліемъ своихъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ контрастовъ. Но одному мы слишкомъ мало научились и въ этомъ даже значительно отстали отъ восемнадцатаго вѣка: въ этой борьбѣ мы внутренно стали болѣе воинственными и болѣе нетерпимыми. Если бы наша молодежь захотѣла соединить современное стремленіе къ истинѣ съ толерантностью просвѣщенія, то двадцатый вѣкъ, не будучи миролюбивѣе девятнадцатаго, имѣлъ бы преимущество надъ девятнадцатымъ въ смыслѣ справедливаго отношенія къ противнику, пониманія его надлежащей оцѣнки присущихъ ему качествъ. И къ концѣ концовъ этотъ успѣхъ былъ бы самымъ драгоцѣннымъ». При всемъ скептицизмѣ людей девятнадцатаго вѣка профессоръ Циглеръ достаточно оптимистиченъ для того, чтобы счесть подобный успѣхъ возможнымъ и надѣяться на него, вѣря, что нынѣшнее молодое поколѣніе ближе къ конечной цѣли, чѣмъ люди девятнадцатаго столѣтія.

Весьма интересное сочиненіе Циглера, написанное, очевидно, для большой публики, хорошо переведено. Переводчикъ приложилъ въ концѣ книги полезныя примѣчанія, въ которыхъ дается объясненіе всѣхъ, встрѣчающихся въ книгѣ собственныхъ именъ. Къ книгѣ приложены отлично исполненные тринадцать портретовъ.

С.

Чернушевичъ. Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Выпускъ II. (1855—1881 г.). Спб. 1901.

Въ январской книжкѣ нашего журнала мы уже говорили о первомъ выпускѣ добросовѣстно составленнаго и прекрасно написаннаго труда г. Чернушевича. Вышедшій теперь второй выпускъ не менѣе интересенъ, чѣмъ первый. Въ немъ авторъ, главнымъ образомъ, излагаетъ любопытный и мало кому знакомый вопросъ объ учрежденіи морского пограничнаго надзора и балтійской крейсерской флотиліи.

Здѣсь мы опять съ первыхъ же строкъ встрѣчаемся съ геніемъ Петра Великаго. Одно изъ его изреченій взято даже эпиграфомъ выпуска:

«Всякъ потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ,—едину руку имѣетъ, а который и флотъ имѣетъ,—обѣ руки имѣетъ».

Этотъ же взглядъ проводится и въ инструкціи коммерцъ-коллегіи, данной въ 1724 году Петромъ Великимъ, гдѣ въ 19 пунктѣ написано:

Коммерцъ-коллегіи имѣть таможенныя яхты съ служители для всякихъ отправленій купеческихъ дѣлъ».

Но первый морской пошлинный уставъ состоялся только въ 1731 году при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, 1-й пунктъ котораго гласитъ:

«Всѣ приходящія и отходящія моремъ какъ вышнія, такъ и нижнія персоны безъ выбору, а наипаче купцы и корабельщики россійскіе подданные и чужестранные, изъ котораго бы государства, земли, города они ни были, на торговыхъ корабляхъ и морскихъ купеческихъ же и казенныхъ ластовыхъ судахъ и на пакетботахъ съ полнымъ или половиннымъ грузомъ, или только съ балластомъ,—повинны о себѣ извѣстія давать, какъ во время пріѣзду въ россійскіе порты, такъ и въ отъѣздѣ изъ тѣхъ портовъ, въ цольгаузѣ или въ опредѣленной на оное, при всякомъ городѣ и гавани, въ первой таможнѣ, и того ради всѣ пріѣзжіе корабли и другія суда должны немедленно одного человѣка съ таможенной яхты къ себѣ на корабль взять и съ собою до самой оной, въ которой они о себѣ извѣстить имѣютъ, ихъ весть, а буде кто сего чинить не будетъ, или противность сему покажетъ, съ такихъ брать штрафа пятьдесятъ ефимковъ».

Обнародованіемъ этого устава было положено начало болѣе или менѣе правильнаго пограничнаго надзора, который, измѣняясь и совершенствуясь, мало-по-малу достигъ того прочнаго и грознаго для контрабандировъ состоянія, въ которомъ онъ находится теперь. Первымъ серіознымъ шагомъ къ упорядоченію этого вопроса былъ пересмотръ въ 1782 г. по распоряженію коммиссіи о комерціи всѣхъ инструкцій, касающихся пограничнаго надзора, какъ по сухопутной, такъ и по морской границѣ, результатомъ котораго было усиленіе средствъ морского надзора.

Интересенъ докладъ чиновника Ревельскаго таможеннаго округа, Амбразанцева, на имя директора департамента внѣшней торговли, поданный Амбразанцевымъ въ 1838 году. Предлагая, какъ мѣру противъ морской контрабанды, пріобрѣтеніе нѣсколькихъ мореходныхъ лодокъ (гардъ-котовъ), которыя, крей-

спруя близъ береговъ, охраняли бы оные отъ водворенія контрабанды, Амбразанцевъ въ концѣ доклада съ паѳосомъ восклицаетъ:

«Если же лодки сіи вооружить небольшими фалконетами, то рѣшительно сказать можно, что тогда настанетъ уже контрабандѣ конецъ совершенный. Всѣ чины отъ надзирателя до послѣдняго стражника жаждутъ сихъ катеровъ, и если же можно будетъ на укомплектованіе ротъ нашихъ получить матросовъ изъ безсрочныхъ отпускныхъ, то успѣхъ несомнителенъ».

Въ такомъ же духѣ писалъ въ 1839 г. и начальникъ Рижскаго таможеннаго округа, однако департаментъ внѣшней торговли отнесся ко всѣмъ этимъ проектамъ съ поразительною близорукостью и нашелъ, что приведеніе предположенія этого въ исполненіе потребуетъ значительныхъ расходовъ, а между тѣмъ въ принятіи этой мѣры нѣтъ необходимости.

Это въ то время, когда, по удостовѣренію компетентныхъ лицъ, «вся Эстляндія, помѣщики, арендаторы мызъ и содержатели трактировъ и корчемъ не покупали почти въ Ревелѣ ни сахару, ни кофію, ни рому, а получали все сіе изъ Финляндіи на своихъ лодкахъ, отправляемыхъ туда съ виномъ, которыя они посылали будто бы въ россійскіе города».

Много лѣтъ прошло, а охрана морского побережья продолжала лежать исключительно только на пѣшихъ и конныхъ пограничныхъ стражникахъ, расположенныхъ по берегу моря пограничныхъ бригадъ, къ тому же настолько малочисленныхъ, что нерѣдко бывали случаи, когда находили вооруженнаго стражника, зашитаго въ мѣшкѣ на берегу моря, а кругомъ его слѣды отъ выгруженной изъ лодокъ контрабанды.

Наконецъ въ 1868 г. высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта разрѣшено было учрежденіе особаго морского крейсерства для надзора за неводвореніемъ судами контрабанды.

На первый разъ признано было достаточнымъ ограничиться пріобрѣтеніемъ 10 паровыхъ судовъ разныхъ величинъ, 1 спасательнаго парового катера и 101 гребной парусной шлюпки для прибрежныхъ разъѣздовъ чиновъ береговой пограничной стражи. При этомъ, имѣя въ виду, что убытки, причиняемые казнѣ въ пошлинномъ и акцизномъ сборахъ отъ водворяемой въ Прибалтійскій край контрабанды (преимущественно соли и спирта), простирались на милліоны рублей въ годъ, а потому скорѣйшее устройство таможеннаго крейсерства становилось дѣломъ первѣйшей важности, министръ финансовъ торопилъ скорѣйшимъ заказомъ судовъ, такъ какъ флотилія должна была открыть свои дѣйствія съ 1-го января 1873 года, хотя не сразу, а по мѣрѣ постройки и пріема таможеннымъ вѣдомствомъ. Такимъ образомъ вопросъ осуществленія таможенной флотиліи былъ рѣшенъ. Оставалось рѣшить другой важный вопросъ, какое назначеніе будутъ имѣть крейсерскія суда: составятъ ли они особую самостоятельную флотилію, находящуюся, подобно бригадамъ пограничной стражи, въ полномъ распоряженіи таможеннаго вѣдомства, или они должны войти въ составъ военнаго флота. По соображенію различныхъ обстоятельствъ и для полнаго успѣха такого важнаго учрежденія признано было полезнымъ слить таможенное крейсерство въ одно цѣлое съ военнымъ флотомъ. Сліяніе таможенныхъ крейсеровъ съ военнымъ флотомъ соотвѣтствовало интересамъ обоихъ

вѣдомствъ: министерство финансовъ пріобрѣтало въ свое распоряженіе опытныхъ моряковъ, а морское министерство получало, въ свою очередь, возможность доставить постоянную практику значительному числу офицеровъ и командъ, которые безъ существованія таможенныхъ крейсеровъ оставались бы на берегу.

Ожиданія, возлагавшіяся на крейсерскую флотилію скоро оправдались, такъ какъ съ открытіемъ ея дѣйствій стало замѣтно уменьшаться водвореніе контрабанды въ Прибалтійскомъ побережьѣ, что подтверждалось увеличившимся въ то время требованіемъ спирта и водки мѣстнаго производства, а также привозомъ соли, оплаченной пошлиною. Такимъ образомъ береговой сухопутный и морской надзоры по Балтійскому побережью въ царствованіе императора Александра II поставлены были на прочное основаніе, и таможенное вѣдомство получило возможность бороться съ контрабанднымъ промысломъ двумя руками.

До 15-го октября 1893 года никакихъ измѣненій какъ по управленію, такъ и по составу Балтійская таможенная флотилія не имѣла. Съ выдѣленіемъ же пограничной стражи изъ таможеннаго управленія въ отдѣльный корпусъ въ 1893 году, состоявшая въ вѣдѣніи департамента таможенныхъ сборовъ крейсерская флотилія также была подчинена управленію корпуса на тѣхъ же основаніяхъ, какъ она подчинялась названному департаменту. Съ этого времени флотилія корпуса пограничной стражи вступила въ новый періодъ перемѣнъ, постепеннаго развѣтвленія и увеличенія числа судовъ. По мѣрѣ увеличенія флотиліи, а также въ виду расширенія дѣятельности пограничной стражи морскихъ бригадъ, найдено было неудобнымъ оставлять крейсерскую флотилію въ военномъ вѣдомствѣ, а потому въ 1897 году высочайше было повелѣно:

«Балтійскую таможенную крейсерскую флотилію и управленіе оною упразднить, а входящія въ составъ флотиліи суда исключить изъ списковъ судовъ военнаго флота съ передачею ихъ въ вѣдѣніе отдѣльнаго корпуса пограничной стражи», гдѣ она нынѣ и состоитъ, при чемъ суда флотиліи распредѣляются между бригадами и подчиняются командирамъ оныхъ.

Второй выпускъ книги г. Чернушевича снабженъ, какъ и первый, многими рисунками и снимками съ числящихся въ настоящее время во флотиліи пограничной стражи яхтъ и крейсеровъ. Вообще, трудъ г. Чернушевича, какъ по своему внутреннему, такъ и внѣшнему достоинству, производитъ самое лучшее впечатлѣніе.

А — въ.

Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга третья. Владиміръ. 1901.

Весь первый и важнѣйшій отдѣлъ разсматриваемой книги, за исключеніемъ статьи г. Щеглова «Слѣды доисторическаго человѣка въ Меленковскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи», посвященъ исторіи народнаго просвѣщенія во Владимирской губерніи, которая разсказывается по впервые публикуемымъ архивнымъ матеріаламъ. Начинается отдѣлъ со статьи г. Н. В. Малицкаго: «Графъ М. М. Сперанскій во Владимирской духовной семинаріи». Авторъ ея предвари-

тельно говоритъ о томъ состояніи матеріальномъ и учебно-воспитательномъ, которое пережила Владимирская духовная семинарія до 1780 г., то-есть до года вступленія въ нее М. М. Сперанскаго. Слишкомъ бѣдственное до того матеріальное положеніе ея въ этомъ году круто измѣнилось: отпущенныхъ по высочайшему указу изъ казны 2.000 рублей оказалось для семинаріи болѣе, чѣмъ достаточно. Въ связи съ улучшеніемъ матеріальнаго положенія стало быстро измѣняться къ лучшему и учебно-воспитательное дѣло. Къ тому же около 1784 г. послѣдовалъ синодскій указъ о введеніи въ программу преподаванія семинарій нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ, чѣмъ, безъ сомнѣнія, наносился не малый ударъ прежнему чисто схоластическому преподаванію. О самой жизни Сперанскаго г. Малицкій нашелъ въ архивѣ семинарскомъ немного данныхъ: нѣсколько упоминаній въ приходо-расходныхъ книгахъ и въ кое-какихъ старыхъ семинарскихъ документахъ; при этомъ, конечно, исчерпалъ и помѣтки, сдѣланныя рукою Сперанскаго въ календарѣ 1786 года, который напечатанъ въ извѣстномъ сочиненіи барона М. А. Корфа: «Жизнь графа Сперанскаго». По этимъ документамъ, о Сперанскомъ первое упоминаніе, относящееся къ 1782 году, такого рода: «Села Черкутина поповъ сынъ Михаилъ Михайловъ Сперанскій, 11-ти лѣтъ. Данъ ему указъ о полученіи пономарскаго дохода въ томъ же селѣ»... «Способенъ». Согласно дѣйствовавшей тогда практикѣ, Сперанскій получалъ съ своего пономарскаго мѣста доходу 6 рублей въ годъ, и, кромѣ того, 50 коп. въ мѣсяцъ, которыя, съ переходомъ его въ философію», увеличивались на 10 коп. Въ успѣхахъ Сперанскій прогрессировалъ по мѣрѣ перехода въ высшіе классы, такъ что въ «философіи» былъ уже аттестованъ словами «остраго понятія». Въ этой же «философіи» онъ пріобрѣлъ славу хорошаго проповѣдника.

Далѣе въ довольно подробной статьѣ: «Исторія открытія Владимирскаго дворянскаго пансіона», составленной исключительно по даннымъ архивовъ Владимирской гимназіи и Владимирскаго депутатскаго дворянскаго собранія, г. Н. Страховъ сообщаетъ любопытный матеріалъ для исторіи дворянскихъ пансіоновъ и отношеній къ нимъ самихъ дворянъ. Съ самаго начала открытія гимназій дворяне отказывались отдавать въ нихъ дѣтей своихъ, не желая смѣшивать ихъ съ разночинцами и предпочитая довольствоваться весьма подозрительными гувернерами. Тогда у нѣкоторыхъ явилась мысль образовать новый дворянскій пансіонъ. Во Владимирѣ инициаторами его явились извѣстный князь И. М. Долгорукій и мѣстный педагогъ Д. И. Дмитревскій, которые заручились полнымъ согласіемъ дворянъ еще въ 1808 г.; но когда дошло до дѣла, до исполненія обѣщаній, то дворяне оказались болѣе чѣмъ индиферентными, и понадобилось слишкомъ 30 лѣтъ, чтобы дворянскій пансіонъ прочно основался.

Къ своей статьѣ г. Н. Страховъ присоединилъ и значительныя приложенія, состоящія изъ «постановленій», проектовъ, смѣтъ, положеній, штатовъ и т. п.

Не менѣе любопытною, хотя и составленною преимущественно по печатнымъ источникамъ, является статья протоіерея В. Косаткина: «Историческій очеркъ народнаго образованія въ городѣ Владимирѣ и его области». Изъ нея мы узнаемъ, что первымъ болѣе замѣтнымъ основателемъ училищъ во Владимирской области былъ «мудрый» Константинъ Всеволодовичъ, имѣвшій въ своей библіотекѣ до 1.000 книгъ.

Затѣмъ г. Малиновскій въ статьѣ: «Открытіе Владимирскаго духовнаго училища и первые годы его существованія», на основаніи архивныхъ матеріаловъ, восполняетъ исторію этого училища, начиная ее не съ 1814 г., какъ полагали до сихъ поръ, а съ 1790 года, и подробно передавая эти «первые робкіе, неувѣренные шаги» отдѣльнаго отъ семинаріи существованія училища.

Заключительной статьей отдѣла является обширное сообщеніе г. А. В. Смирнова — «Литературные опыты воспитанниковъ Владимирской духовной семинаріи въ началѣ XIX столѣтія», которымъ предшествуетъ его введеніе объ обстоятельствахъ, «способствовавшихъ» развитію «опытовъ», и о характерѣ ихъ. Имъ напечатаны только «Опыты» на русскомъ языкѣ, «масса же произведеній, писанныхъ учениками на латинскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и еврейскомъ», остались, къ сожалѣнію, не напечатанными «по нѣкоторымъ независѣвшимъ» отъ г. Смирнова «причинамъ». Опыты эти, особенно стихотворные, представляютъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторый литературный интересъ и могли бы составить предметъ особаго историко-литературнаго этюда.

Въ отдѣлѣ «Матеріаловъ» находимъ составленную В. Г. Добронравовымъ опись «дѣлъ Владимирскаго губернскаго правленія», поступившихъ въ архивъ Владимирской ученой архивной коммиссіи. Дѣла эти относятся къ концу XVIII-го и первой половинѣ XIX-го вѣка и касаются преимущественно или фальшивыхъ монетъ, или сектантовъ. Составителемъ «Описи» выбраны наиболѣе интересныя въ бытовомъ отношеніи дѣла, и нѣкоторыя изъ нихъ описаны довольно подробно. Всѣхъ дѣлъ вошло въ «опись» — 120. Остальные отдѣлы разсматриваемой книги составляютъ: «архивныя мелочи», протоколы засѣданій коммиссіи и отчетъ о дѣятельности коммиссіи за 1900 г. В. Рудаковъ.

Н. П. Кондаковъ. Современное положеніе русской народной иконописи. Спб. 1901.

Кому не приходилось видѣть тѣ примитивныя изображенія библейскихъ и евангельскихъ событій или безжизненныя и неестественныя фигуры святыхъ, которыя въ печальномъ множествѣ покрываютъ стѣны и иконостасы нашихъ церквей, особенно сельскихъ? Общество до такой степени привыкло къ условной уродливости рисунка въ такихъ изображеніяхъ, что готово отнести несовершенство иконописной техники на счетъ самой сущности этой отрасли проявленія народнаго генія и того сильнѣйшаго давленія церковныхъ традицій, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась у насъ церковная живопись. До послѣдняго времени относительно иконописи не хотѣли признать, что по существу своему она и у насъ и на Западѣ представляетъ высшій родъ художественнаго творчества, предназначенный для возбужденія самыхъ высокихъ настроеній человѣческой души. Однако творенія Васнецова и его послѣдователей заставляютъ вспомнить объ этомъ, а работы стариннаго «изографа» Симона Ушакова убѣдительно доказываютъ, что если наша современная религіозная живопись стоитъ очень низко, то дѣло тутъ не въ элементахъ, изъ которыхъ слагается иконописное изображеніе, и не въ гнетѣ каноническихъ преданій, стѣсняющихъ личное творчество, а въ постепенномъ паденіи, вслѣдствіе кото-

раго иконописное дѣло, нѣкогда живое и пользовавшееся непосредственнымъ покровительствомъ царей, теперь спустилось до уровня кустарнаго производства съ устарѣвшими первобытными пріемами. «Ремесло иконописанія», говоритъ академикъ Кондаковъ въ своемъ небольшомъ, но обстоятельномъ изслѣдованіи, «живетъ древнимъ преданіемъ и по этому самому мало интересуетъ русское образованное общество».

Производство десятковъ тысячъ иконъ, которыя телѣги офеней развозятъ по всей Руси великой, пріютилось у насъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ и запущенныхъ угловъ Владимірской губерніи, откуда выходятъ и артели знаменитыхъ «суздальскихъ богомазовъ». Здѣсь иконописнымъ мастерствомъ заняты цѣлыхъ три села: Мстера, Палехъ и Холуй, въ которыхъ живутъ исключительно приготовленіемъ всевозможныхъ сортовъ иконъ. Иконописцевъ тутъ насчитывается болѣе 1.500 человѣкъ. Женщины также принимаютъ дѣятельное участіе въ производствѣ иконъ, выдѣлывая искусственные цвѣты и украшая иконы фольгою. Вѣками выработанный способъ производства иконъ сводится къ самому дробному раздѣленію труда: одинъ мастеръ готовитъ «дску», покрывая ее слоемъ гипса, другой переводитъ на нее изображеніе, пользуясь снятымъ на листъ и наколотымъ по контурамъ рисункомъ иконы, третій пишетъ все «доличное», то-есть одежды и обстановку, четвертый налагаетъ «оживки», то-есть блики, далѣе икона попадаетъ къ «личнику», который пишетъ уже самый ликъ и т. д. Хорошо выписанная и сложная по композиціи икона перебываетъ въ сотнѣ рукъ, прежде чѣмъ выйдетъ изъ иконописной мастерской.

Мастерскія эти содержатся мѣстными богатѣями и относительно условій труда находятся въ очень неблагопріятныхъ для работающихъ условіяхъ. «Если вы войдете въ комнату», писалъ покойный Голышевъ, «васъ сначала поразитъ пирамида «деревъ» (то-есть матеріала, досокъ) и неоконченныхъ иконъ, потомъ сильный запахъ левкаса (грунтовки иконъ). Посрединѣ комнаты за столикомъ сидитъ семья иконниковъ до шести человѣкъ, за одною осмериковою свѣчкою; посрединѣ ихъ спущены отъ потолка на веревочкахъ къ самой свѣчкѣ, какъ они называютъ, глобусы, круглые бѣлаго стекла съ налитою водой бутылки, отъ свѣчки сквозь воду проникаетъ самый сильный свѣтъ на то мѣсто иконы, гдѣ пишутъ. Въ противоположныхъ сторонахъ работаетъ другая компанія, на столахъ лежатъ краски, разведенныя въ деревянныхъ безъ ручекъ ложкахъ, кисти, горшочекъ съ водою, яичныя скорлупы, въ которыхъ хранится матерія изъ яйца для разведенія красокъ, потомъ деревянные циркули и кисти—вотъ и всѣ принадлежности мастерской иконописцевъ».

Несмотря, однако, на такую убогую обстановку производства и скудный заработокъ (въ среднемъ 180 рублей въ годъ), эти кустари занимаются своимъ традиціоннымъ ремесломъ съ благоговѣніемъ и любовью, достигая въ немъ такого навыка, который, по мнѣнію автора, граничитъ съ искусствомъ, если не переходитъ въ него.

Переходу этому сильно впрочемъ вредитъ отсутствіе общаго и художественнаго образованія. Существующая въ Холуѣ школа художника Харламова не въ силахъ побороть невѣжество, и среди иконописцевъ нерѣдко можно

встрѣтить такихъ, которые подписываютъ свою икону «съ виду», то-есть съ оригинала. Вотъ почему для подъема и развитія этого дѣла академикъ Кондаковъ считаетъ необходимымъ прежде всего учрежденіе особыхъ школъ, гдѣ бы учили рисованію, Закону Божію, объясняли богослуженіе и церковныя пѣснопѣнія и преподавали русскій языкъ и ариѳметику. Но для этого необходимо, чтобы само общество пришло на помощь кустарямъ и заинтересовалось наслѣдственнымъ иконописнымъ производствомъ, которому пора дать дальнѣйшее развитіе и согласовать съ потребностями жизни. А. Б—въ.

Ингуши. Этнографическо-антропологическій очеркъ. И. Пантюховъ. Тифлисъ. 1901.

Ингуши составляютъ одну изъ тѣхъ народностей Кавказа, которыя менѣе всего изучены. Они занимаютъ узкую полосу земли длиною до 65, шириною до 30 верстъ, почти въ центрѣ Кавказскаго хребта и граничатъ съ хевсурами, тушинами, чеченцами, кабардинцами и казаками. Они составляютъ четыре горныхъ и два расположенныхъ на равнинѣ общества. Объ ихъ происхожденіи нѣтъ опредѣленныхъ или правдоподобныхъ свѣдѣній. По преданію, нѣкто Кистъ, сынъ сирійскаго (?!) владѣтеля, поселился въ верховьяхъ Терека, основалъ аулъ Арзія (орелъ) и по примѣру своихъ предковъ избралъ гербъ съ изображеніемъ орла, хранимый будто бы и понынѣ въ одномъ правительственномъ учрежденіи. На шеѣ орла вырѣзана куфическая надпись, испрашивающая благословеніе Божіе. Отъ чеченцевъ ингуши приняли исламъ, и такъ порабощены ими, что нѣкоторые признаютъ ихъ за одно племя съ чеченцами. Но нравы, религіозныя вѣрованія, слѣды своеобразнаго языка свидѣтельствуютъ, что ингуши не чеченскаго происхожденія. Въ настоящее время среди ингушей возникла секта такъ называемыхъ дзикристовъ. Главная идея секты—протестъ противъ богатства, развращенности, куренія табаку, спиртныхъ напитковъ и нѣкоторыхъ обрядовъ. Живя среди особыхъ топографическихъ условій, питаясь ячменнымъ и кукурузнымъ хлѣбомъ, занимаясь скотоводствомъ, ингуши не знаютъ ремеслъ и славятся, какъ упорные и неисправимые хищники. Противъ этого порока можетъ бороться просвѣщеніе, къ которому ингуши чувствуютъ наклонность. Численность всего населенія ингушей 38.692 по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Что касается до антропологіи типа ингушей, то г. Пантюховъ ихъ характеризуетъ слѣдующими словами: преобладающій цвѣтъ глазъ — карій, волосы у всѣхъ почти черные, и они широкоголовы. Наиболѣе важная и характерная антропологическая особенность ингушей—значительная волосатость тѣла. Они по своему типу отличаются отъ сосѣднихъ народностей. Указавъ эти отличительные признаки, авторъ приходитъ къ заключенію, что первоначальные поселенцы, положившіе основаніе ингушской народности, были не изъ сосѣднихъ мѣстностей, а дѣйствительно (!), какъ гласитъ преданіе, пришли частью изъ Сиріи, частью изъ Персіи. На основаніи антропологическихъ соображеній, эти пришельцы не могли быть ни армяне, ни евреи, ни адейберджанцы, и, судя только по волосатости тѣла и устройству головы, помимо другихъ признаковъ, слѣдуетъ заключить, что изъ Сиріи подъ предводительствомъ

Киста пришли халдеи и айсоры, а изъ Персіи—представители коренной персидской народности, ибо халдеи и пяты имѣютъ одинъ общій важный признакъ—большую волосатость тѣла. Въ концѣ приложено нѣсколько измѣреній учениковъ-ингушей шуранскаго училища и взрослыхъ ингушей. Нельзя сказать, чтобы рѣшительный и опредѣленный выводъ, на основаніи антропологическихъ наблюденій автора, отличался непреложностью и полною убѣдительностью. Почтенный изслѣдователь слишкомъ поспѣшно формулируетъ свои выводы. Языкъ ингушей еще не изслѣдованъ, и считать ихъ лишь очеченившимися пока трудно. Быть можетъ, имъ отмѣченная разность въ лексикѣ чеченцевъ и ингушей будетъ выяснена, какъ фактъ, восходящій къ діалектическимъ особенностямъ. Какъ бы то ни было, антропологія безъ лингвистики не можетъ обойтись.

А. Хах—овъ.

В. Ѳ. Миллеръ. Новыя записи былинъ въ Якутской области. Спб. 1900.

Настоящая книжка профессора русской словесности въ Московскомъ университетѣ Вс. Миллера, представляющая отдѣльное изданіе изъ V тома Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, содержитъ въ себѣ тексты восьми былинъ (Дюкъ Степановичъ; Илья и Идолище; Потокъ Михайловичъ; Объ Иванѣ Кулаковѣ; Садко, богатый купецъ; О Добрынѣ и Маринкѣ; О нашествіи Батыги; О Соколѣ Караблѣ), записанныхъ въ Колымскомъ округѣ Якутской губерніи г. В. Г. Богоразомъ. Къ каждой изъ этихъ былинъ профессоръ Миллеръ присоединилъ критическія замѣчанія, поясняющія варіанты былинъ «Сибирской украйны», обращая въ то же время вниманіе на сохранившіяся въ нихъ подробности, новыя дополненія и т. д.

Л. М.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. VIII часть. Москва 1901.

Восьмой томъ «Сборника П. И. Щукина», какъ и предшествовавшіе выпуски, содержитъ въ себѣ очень много крайне любопытнаго документальнаго историческаго матеріала. Между прочимъ въ немъ напечатаны копіи съ донесеній сенату извѣстнаго дѣятеля Екатерининскихъ временъ Сиверса, копіи съ документовъ, касающихся цензуры начала девятнадцатаго вѣка. По преимуществу же восьмой выпускъ сборника наполненъ матеріаломъ, относящимся къ истекшему столѣтію, но есть много данныхъ и по восемнадцатому. Послѣдняго, между прочимъ, касается дѣло секретаря юстицъ-коллегіи Скорнякова, оскорбленнаго извѣстнымъ чудакомъ екатерининской эпохи, Прокофіемъ Демидовымъ. Бытовыя картины этого печальнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько забавнаго происшествія будутъ обработаны и помѣщены въ одномъ изъ послѣдующихъ номеровъ «Историческаго Вѣстника».

В. Г.

А. П. Лукинъ (Скромный наблюдатель). Отголоски жизни. Наблюденія и замѣтки. 2 тома. Москва. 1901.

Фельетоны живутъ недолго. «Это —однодневные цвѣтки»,—сказалъ кто-то. Сказано красиво, но не вполнѣ вѣрно. Какіе фельетоны и кого? Плоды бульварнаго остроумія, имѣющаго цѣлью только позабавить невзыскательную публику, конечно, умираютъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ, въ какой появляются, хотя и они даже нѣсколько характеризуютъ общество, ими увлекающееся. Но фельетоны, серіозные по содержанію, блестящіе по формѣ, фельетоны, въ которыхъ отразилось время, люди, фельетоны, написанные нерѣдко «кровью сердца» и являющіяся «смѣхомъ сквозь слезы», — живутъ долго, и, представляя собой глубокій интересъ, перечитываются и потомъ съ увлеченіемъ и пользой. Въ нихъ отражено время, люди, ихъ думы, жизнь, настроеніе... Они также необходимы при изученіи прошлаго, какъ и другіе документы. Фельетоны «Незнакомца», его характеристики—яркія, выпуклыя и блестящія не забыты до сихъ поръ. Положимъ, въ мірѣ фельетона «Незнакомецъ» занимаетъ почти исключительное мѣсто. Онъ могъ сказать: «фельетонъ это все»; но и не столь видные представители этого жанра пишутъ не для одного дня. Въ послѣднее время вошли въ моду такъ называемые бесѣды на злобу дня. Повидимому, эти наброски должны жить еще меньше. А между тѣмъ факты говорятъ другое. Г. Далинъ собралъ свои злободневныя бесѣды въ трехъ книжкахъ подъ общимъ заглавіемъ «Несказки» — и сборникъ имѣлъ большой успѣхъ на книжномъ рынкѣ. Значитъ, читатель готовъ слушать и о томъ, что уже было, прошло, лишь былъ бы разсказъ интересенъ по своему содержанію. Конечно, бесѣдамъ Далина много помогла ихъ форма—нѣсколько будирующая, помогъ тонъ—приподнятый, и тотъ паѳосъ, который многимъ нравится. Но, несомнѣнно, всѣмъ этимъ не могъ создаться успѣхъ «Несказокъ»; онъ объясняется и тѣми фактами, которые авторъ умѣлъ выловить изъ житейскаго моря, и той внутренней цѣльностью, которую онъ придалъ бесѣдамъ. Онѣ рисуютъ жизнь нѣсколько односторонне, но ярко, и, конечно, при умѣніи разбираться въ фактахъ «Несказками» можно пользоваться при изученіи русской дѣйствительности за извѣстное время.

«Отголоски» г. Лукина, постояннаго фельетониста «Русскихъ Вѣдомостей», не страдаютъ тенденціозностью выбора сюжетовъ, разнообразны по формѣ и хотя не всѣ одинаково ярки и выпуклы, но всѣ характерны для обрисовки русской жизни, для ознакомленія съ настроеніемъ общества. Факты отошли въ прошлое, люди многіе полузабыты. Но это не уменьшаетъ интереса, и положительно полезно припомнить недавнее и сравнить его съ настоящимъ. Такіе наброски, какъ «Банкроты», «Дѣло генерала Гартунга», «Бунтовщики», «Опекуны и опекаемые», «Морскіе пираты», «Дама, непріятная во всѣхъ отношеніяхъ», «Сказаніе о томъ, какъ Іоаннъ I, мѣщанинъ Оводовъ, впослѣдствіи Рыковъ, возымѣлъ злостный умыселъ отложиться отъ Россіи» и др.,—нынѣ такъ же интересны для читателя, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Характеръ интереса, правда, измѣнился, но не пропалъ самый интересъ, не уменьшилось значеніе фактовъ. Прочитавъ про старое и перейдя къ новому (напримѣръ,

къ «Мамонтовской эпопеѣ»), вы придете къ поучительнымъ выводамъ. Г. Лукинъ любитъ иронію, мастеръ пошутить, хотя онъ не избѣгаетъ вовсе и рѣчи «гнѣва». Но онъ не брезгуетъ и мелкими явленіями, повидимому, ничтожными, умѣя вышутить то, что достойно только шутки, но здоровой, умной. Таковы наброски: «Дешевка при редакціи», «Воры и воришки», «Присяжный повѣренный и собака». Читая очерки г. Лукина, иногда невольно задаешь вопросъ: неужели это все факты? Да, все факты. Они характеризуютъ тяжелое время, пережитое русскимъ обществомъ. Конечно, у г. Лукина есть свое освѣщеніе, которое вліяетъ на объясненіе фактовъ, но многіе изъ нихъ таковы, что, какъ ихъ ни освѣщай, они останутся одинаковы по своей правдѣ.

А. Кругловъ.

Курскій сборникъ, съ путеводителемъ по городу Курску и планомъ города. Изданіе Курскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей Н. И. Златоверховникова. Выпускъ I. Курскъ. 1901.

Изъ обширнаго содержанія названнаго «Сборника» болѣе всего интересенъ «отдѣлъ историко-археолгическій и этнографическій». Въ немъ помѣщена на первомъ планѣ небольшая замѣтка г. А. А. Спицына, подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе Курской губерніи въ археологическомъ отношеніи». Авторъ съ большою тщательностью собралъ всѣ даже случайныя упоминанія объ археологическихъ находкахъ въ Курской губерніи, какъ въ печатной историко-археологической литературѣ, такъ и въ протоколахъ и собраніяхъ Императорской археологической коммиссіи. Оказывается, что Курская губернія, несмотря на сравнительное обиліе кургановъ, по преимуществу сѣверянскихъ, не богата археологическими находками. Большинство найденныхъ предметовъ относится къ XI вѣку и позже; изъ болѣе раннихъ самыми цѣнными являются — обоянскій кладъ 1849 года предметовъ римской эпохи (II вѣка), хорошо извѣстный по прежнимъ описаніямъ, и арабскія монеты VIII—IX вѣковъ, найденныя въ 1866, 1868, 1876—1879 годахъ.

Въ 1902 году состоится XII археологическій съѣздъ въ г. Харьковѣ; въ кругъ его спеціальныхъ задачъ входитъ, между прочимъ, изслѣдованіе въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи Курской губерніи; благодаря этому, предварительный комитетъ съѣзда и рекомендуетъ образовать въ Курскѣ историко-археологическую коммиссію изъ мѣстныхъ силъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это г. Златоверховниковъ, редакторъ «Сборника», въ статьѣ: «Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ», печатая полностію программу съѣзда, сообщаетъ и о тѣхъ работахъ по исторіи и археологіи Курской губерніи, которыя были сдѣланы до сего времени. Оказывается, впрочемъ, что такихъ работъ очень мало, и всѣ онѣ принадлежатъ одному или двумъ авторамъ. Быть можетъ, археологическій съѣздъ разсѣетъ нѣсколько мракъ, покрывающій нынѣ исторію и археологію Курской губерніи.

Далѣе мы встрѣчаемъ обстоятельное, основанное на архивныхъ документахъ, изложеніе времени правленія Курскимъ намѣстничествомъ А. А. Бекле-

шова. Біографія этого дѣятеля принадлежитъ исторіи, но до сихъ поръ въ литературѣ въ болѣе или менѣе въ полномъ видѣ она не появлялась. То, что мы находимъ въ выпущенномъ въ свѣтъ въ 1900 году томѣ «Біографическаго словаря, издаваемаго подъ редакціей А. А. Половцева», далеко неудовлетворительно. Собранныя г. А. Танковымъ въ указанной статьѣ свѣдѣнія не только широко обрисовываютъ дѣятельность А. А. Беклешова во время его управленія Курскимъ намѣстничествомъ (1791 — 1796), но и сообщаютъ немало любопытнаго для исторіи самого курскаго общества того времени. Беклешовъ настолько успѣлъ упорядочить различныя отрасли городского хозяйства и управленія и привести весь край въ такое благоустройство, что слова, сказанныя о немъ его преемникомъ, губернаторомъ Бурнашевымъ: «Беклешовъ губернію заново устроилъ, мнѣ остается только поддерживать устроенное»,—ничуть не должны казаться преувеличенными. В. Р—въ.

Dr. C. F. Lehmann. Armenien und Mesopotamien in Altertum und Gegenwart. Berlin. 1900.

Настоящая работа д-ра Леманна, приватъ-доцента по древней исторіи въ Берлинскомъ университетѣ, составляетъ докладъ, читанный имъ 6-го марта 1900 г. въ засѣданіи Берлинско-Шарлоттенбургскаго колоніальнаго общества. Онъ начинаетъ свою рѣчь воспоминаніемъ о томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ защищалъ свою диссертацію въ Берлинскомъ университетѣ, въ одномъ изъ ея тезисовъ онъ высказалъ мысль, что народъ, которому удастся возстановить культуру Вавилоніи и Месопотаміи, окажетъ великую услугу не только себѣ, но и всему міру. Онъ тогда не воображалъ, что придется говорить на эту тему въ нѣмецкомъ колоніальномъ обществѣ и притомъ въ то время, когда упомянутая идея находитъ осуществленіе чрезъ посредство Германіи и германскихъ силъ, да, кромѣ того, при участіи его самого въ этомъ дѣлѣ. Онъ совершилъ путешествіе съ научной цѣлью по Месопотаміи, нѣкогда богато обработанной. Здѣсь путника и нынѣ поражаютъ остатки канализаціи (напримѣръ, каналъ Ментуаса) и водныхъ сооруженій, воздвигнутыхъ мастерами изъ вавилонянъ и ассирійцевъ. Это—та страна, о которой намъ говоритъ циферблатъ нашихъ часовъ,—документъ вавилонской культуры. Вавилоняне были тѣ, которые часъ раздѣлили на 60 минутъ, кругъ на 360 градусовъ и положили основы познанію небесныхъ свѣтилъ. Ассирійцы были учениками вавилонянъ, и походы первыхъ содѣйствовали распространенію вавилонской культуры, между прочимъ, и въ Арменіи.

Прежде чѣмъ армяне въ VI и VII вѣкахъ до Р. Х. появились въ области, по ихъ имени называемой, здѣсь жилъ народъ, самъ себя называющій халди, а ассирійцы его именовали уpартійцы. У Геродота они называются алародійцами. Халди нѣсколько столѣтій сопротивлялись мощи ассирійцевъ, и теперешняя Арменія полна памятниками культурнаго развитія халдейцевъ. Собрать свѣдѣнія и надписи объ нихъ составляло цѣль путешествія д-ра Белька и д-ра Леманна, предпринятаго ими въ 1898 г. Они сосредоточили свои изы-

сканія вокругъ трехъ озеръ—Гокчи въ Россіи, Урміа въ Персіи и Вана въ Турціи. Они направились изъ Тифлиса черезъ Тавризъ къ озеру Урміа и потомъ вступили въ предѣлы Турціи. Ассирійцы проникли въ Арменію по главному водному пути—Тигру. Здѣсь въ Діарбекирѣ найденъ гротъ съ надписями о Тиглатпилезерѣ I за 1000 лѣтъ до Р. Х. и Сальманассарѣ II, 800—826 гг. до Р. Х. Недалеко отъ этого грота открыта пещера съ надписью и изображеніемъ Сальманассара II. Главный городъ древнихъ халдеевъ на озерѣ Ванъ состоитъ изъ двухъ частей «Gartenstadt» и «Citadellenstadt». Здѣсь встрѣчаются памятники глубокой древности. Эта область въ настоящее время опустошена истребленіемъ армянъ, народа полезнаго, прилежнаго и производительнаго. Американская миссія въ Ванѣ дала пріютъ вдовамъ и сиротамъ пострадавшихъ армянъ главнымъ образомъ отъ курдовъ. Въ окрестностяхъ Вана имъ найдены неизвѣстныя донынѣ надписи: напримѣръ, Сардура III (около 750 г.), Руса II (около 680 г.) и др. Самой юной надписью на ванскихъ скалахъ является памятникъ персидской эпохи, временъ Ксеркса, на трехъ языкахъ: древне-персидскомъ, сузіанскомъ и вавилонскомъ. Тутъ сообщается, что еще отецъ Ксеркса имѣлъ въ виду здѣсь высѣчь надпись. Эту интересную и трудно доступную надпись имъ удалось снять. Изъ Вана Белькъ и Леманнъ совершили поѣздки частью сообща, частью раздѣльно, при чемъ Белькъ едва не былъ убитъ курдами. Онъ останавливается на описаніи арабскаго городка Зö-орта, украшеннаго минаретомъ и офиціальными зданіями. Это, по его словамъ, eine Station der türkischen Dette publique. Въ Djezireh онъ гостепріимно былъ принятъ въ казармахъ курдскихъ «гамидіэ« — иррегулярнаго коннаго полка, «подобнаго русскимъ казакамъ», получившаго свое имя отъ султана Абдулъ-Гамида. Далѣе описывается пребываніе въ Мосулѣ, на развалинахъ Ниневіи, въ деревнѣ Топзауэ, гдѣ имъ осмотрѣнъ важный памятникъ. Короче, сообщаются свѣдѣнія о пребываніи и изысканіяхъ вокругъ озера Урміа, въ область котораго проникло уже русское вліяніе, благодаря присоединенію несторіанъ къ православной вѣрѣ. Эта область послужитъ ареной торговой конкуренціи съ проведеніемъ нѣмецкой Багдадской желѣзной дороги, предназначенной для культивированія Вавилона и Месопотаміи. Вкратцѣ, но содержательно авторъ обозрѣлъ Арменію и Месопотамію въ ея прошломъ и настоящемъ.

А. Хах—овъ.

Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. Изданіе С. Скирмунта. Москва. 1901.

Прекрасное, съ внѣшней стороны, изданіе, содержащее 253 портрета съ краткими къ нимъ біографическими очерками. Цѣль изданія дать читателямъ собраніе портретовъ русскихъ писателей, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ области изящной литературы и критики. Здѣсь, наряду съ великими русскими писателями, фигурируютъ и менѣе крупныя имена.

Промахи, неизбѣжные въ подобнаго рода изданіяхъ, объясняются отчасти тѣмъ, что издателю не удалось найти нѣкоторыхъ портретовъ (напримѣръ, М. А. Антоновича, И. А. Кущевскаго, Н. С. Соханской); нѣкоторые были поздно ему

доставлены. Наконецъ, издателемъ руководило опредѣленное желаніе собрать побольше изображеній современныхъ авторовъ, а такого собранія до сихъ поръ еще не появлялось. Безъ сомнѣнія, и личный вкусъ, личная оцѣнка играютъ не малую роль въ выборѣ тѣхъ или иныхъ портретовъ среди одинаковыхъ по значенію, взглядамъ и настроенію писателей. Хотя въ «Галлерею» вошли только портреты писателей, работавшихъ въ области изящной литературы и критики, но издатель счелъ необходимымъ, для освѣщенія эпохи сороковыхъ годовъ, помѣстить портретъ Грановскаго: вѣроятно, каждый читатель поблагодаритъ его за это: какъ-то трудно себѣ представить эту эпоху безъ имени Грановскаго.

Портреты снабжены небольшими, но удачно составленными біографическими очерками, въ которыхъ дается оцѣнка писателя, опредѣляется его мѣсто въ литературѣ. Придерживаясь хронологическаго порядка, составитель пытался сгруппировать писателей по ихъ общественнымъ взглядамъ, что, конечно, оказалось и затруднительнымъ и не всегда удачнымъ.

Изданіе открывается вступительнымъ очеркомъ развитія русской письменности до появленія сатиръ Кантемира, хотя сжатымъ, но слишкомъ краткимъ: по существу онъ немного даетъ, хотя вполнѣ гармонируетъ, по краткости, съ другими біографическими замѣтками. Начинаясь біографіей Кантемира, «Галлерея» заканчивается портретомъ и очеркомъ жизни М. Горькаго.

Портреты сдѣланы очень хорошо, за немногими исключеніями, напримѣръ, Тургеневъ, Толстой, Михайловъ (Шеллеръ). Есть рѣдкіе, прекрасные портреты Огарева, Герцена, Гончарова (съ портрета Крамского), Грибоѣдова, Салтыкова и др. Издатель старался, чтобы біографія не была отдѣлена отъ портрета слишкомъ большимъ промежуткомъ, поэтому, нѣкоторыя біографіи вышли очень сокращенными, но всѣ крупные писатели все же представлены довольно ясно, объективно и литературно.

А—въ.

Г. Гиббинсъ. Исторія торговли Европы. Переводъ съ англійскаго Е. Ч. Съ картами. Спб. 1901.

Громадное значеніе торговли въ культурной и политической исторіи европейскихъ народовъ стало теперь уже общеизвѣстнымъ фактомъ. Современное развитіе производства и вызываемая имъ колоніальная политика на нашихъ глазахъ вовлекли въ круговоротъ европейской торговли чуть не весь міръ, въ то же время глубоко отражаясь какъ на взаимныхъ отношеніяхъ, такъ и на внутренней политикѣ всѣхъ государствъ. Довольно указать на долговременную промышленную борьбу между Англіей и Франціей, послѣ наполеоновскихъ войнъ приведшую Англію ко всемірному господству, а въ наше время хотя бы на благосостояніе Норвегіи, которое все создалось и держится ея торговымъ флотомъ. Торговое соперничество державъ, борьба ихъ за рынки сбыта дѣлаютъ, можно сказать, современную исторію. Такова руководящая идея автора, но выполненіе ея оставляетъ желать за собою многаго. Въ общемъ, небольшая книжка Гиббинса напоминаетъ собою хорошо написанное, но обычное руководство или даже компиляцію. Для читателя, хотя въ общихъ чертахъ знако-

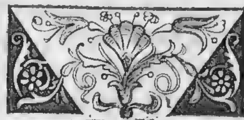
маго въ развитіемъ европейской торговли, эта книжка не даетъ ничего новаго; вдобавокъ, сообщая извѣстные факты, авторъ почти не даетъ имъ теоретическаго освѣщенія, почему ему почти вездѣ приходится вѣрить на слово. Нѣсколько болѣе подробно изложена торговля въ древности и въ средніе вѣка и, понятно, болѣе мѣста удѣлено развитію собственно англійской торговли. Но и здѣсь красною нитью проходитъ крайнее фритредерство автора; почти отвергая значеніе навигаціоннаго акта, онъ исключительно протекціонизмомъ объясняетъ самое отпаденіе отъ Англіи Соединенныхъ Штатовъ; даже нашу эпоху протекціонистскаго увлеченія онъ считаетъ лишь «нераціональнымъ» заблужденіемъ, забывая, что для такого почти общаго экономическаго заблужденія, «возврата назадъ», должны имѣться болѣе существенныя причины. Отмѣтимъ еще отзывъ Гиббинса о промышленности и торговлѣ Россіи, которую онъ признаетъ въ этомъ отношеніи страной будущаго (но притомъ слишкомъ уже преувеличиваетъ размѣръ процентовъ по ея государственному долгу— сорокъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ). Переводъ читается очень легко.

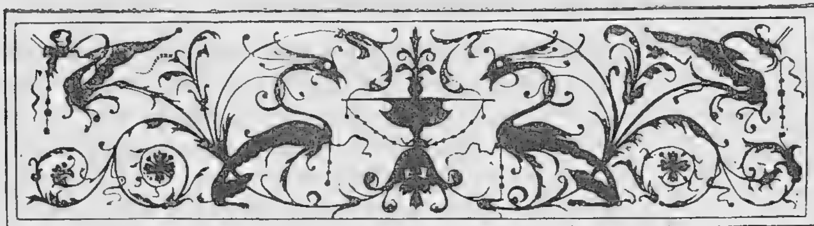
А. Никитинскій.

Портреты съ автографами и краткими біографіями министровъ учрежденныхъ въ 1802 году министерствъ императоромъ Александромъ I. Изданіе И. Н. Божерянова. Выпускъ первый, съ девятью портретами. Спб. 1901.

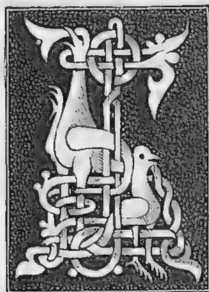
Въ будущемъ 1902 году исполнится столѣтіе со дня учрежденія министерствъ императоромъ Александромъ I. Въ виду этого юбилея, И. Н. Божеряновъ предпринялъ изданіе портретовъ всѣхъ сановниковъ, занимавшихъ министерскій постъ включительно до настоящаго времени. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ портреты первыхъ восьми министровъ: графовъ Вязмитинова, Мордвинова, Воронцова, Васильева, Румянцева, Завадовскаго и Кочубея и Державина, а также портретъ императора Александра I. Всѣ портреты большого формата и превосходно воспроизведены съ лучшихъ оригиналовъ фототипіей въ извѣстномъ художественномъ заведеніи А. И. Вильборга; каждый портретъ сопровождается факсимиле подписи изображаемаго лица и краткой, но обстоятельной біографіей. Сверхъ того, приложены фото-цинкографическіе снимки съ двухъ указовъ правительствующему сенату. Любители отечественной иконографіи будутъ вполнѣ удовлетворены этимъ роскошнымъ изданіемъ, исполненнымъ безукоризненно во всѣхъ отношеніяхъ, и мы искренно желаемъ, чтобы И. Н. Божеряновъ встрѣтилъ поддержку своему предпріятію и довелъ бы его до конца.

С. Ш.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЫЛЪ ЛИ галльскій пѣтухъ эмблемой Франціи. Въ 1-мъ февральскомъ номерѣ «Revue universelle» разбирается интересный вопросъ относительно эмблематическаго значенія пѣтуха, вычеканеннаго на десяти и двадцати-франковыхъ монетахъ, въ силу декрета президента 22-го февраля и 20-го іюля 1899 года. Выборъ этой эмблематической птицы критиковался почетнымъ деканомъ факультета правъ въ Пуатье, Дюкрокомъ. Онъ задалъ вопросъ, на какомъ основаніи третья республика взяла эмблемой фигуру, напоминающую политическій режимъ [1]) іюльской монархіи, составляющей антиподъ республики. Его противники сослались на то, что пѣтухъ эмблема Галліи и ея независимости, поэтому, выбирая его, оставались вѣрны національной традиціи. На это Дюкрокъ отвѣчаетъ, что пѣтухъ никогда не имѣлъ правъ, съ національной точки зрѣнія, на званіе «галльскаго», и никогда ни одинъ галльскій народъ ни въ какую эпоху не избиралъ его, какъ эмблему, что доказываетъ фактически. Изъ 10.413 галльскихъ монетъ, сохраняющихся въ кабинетѣ медалей, въ національной библіотекѣ, на которыхъ встрѣчаются различныя эмблемы, только 14 имѣютъ фигуру пѣтуха и то на второстепенномъ мѣстѣ. Кромѣ того, употребленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ четырнадцати монетъ подвержено сомнѣнію. По его мнѣнію, галльскій пѣтухъ изобрѣтенъ относительно недавно и происходитъ отъ излюбленной учеными эпохи «Возрожденія» игры словъ. Онъ образовался отъ латинскаго слова «gallus», означающаго разомъ «пѣтухъ» и «галлъ». Какъ на доказательство, что эта

---

[1]) «Le coq pretendu gaulois; par Gustave Lejeal, «Revue universelle», 9 fevrier, 1901.

игра словъ была въ большомъ ходу между учеными того времени, Дюкрокъ ссылается на примѣръ Пассавана, написавшаго въ 1585 году поэму въ честь пѣтуха, въ которой проводитъ идею, что имя галлъ значитъ пѣтухъ. Эта ошибка была повторена за границей и имѣла большой успѣхъ, вслѣдствіе шуточнаго смысла и простора для двусмысленныхъ намековъ.

Согласно мнѣнію доктора Адольфа Блока, высказанному въ докладѣ антропологическому обществу 18 ноября 1900 года, происхожденіе двусмысленности слова «gallus» очень древнее и имѣло свое начало у римлянъ. По его словамъ: «они первые назвали нашихъ отцовъ «Galli», и пѣтухъ игралъ роль въ выборѣ этого названія. Всѣ документы доказываютъ, что кельты, отъ которыхъ происходили галлы, имѣли красноватый оттѣнокъ волосъ. Римляне, проходя по ихъ странѣ, не могли не поразиться однообразнымъ цвѣтомъ волосъ у большинства людей одной и той же расы. Безъ сомнѣнія, благодаря сравненію цвѣта волосъ съ краснымъ гребнемъ пѣтуха они дали нашимъ предкамъ имя «Galli». Которое бы изъ этихъ двухъ мнѣній ни было справедливо, все-таки оно не можетъ служить достаточно солиднымъ основаніемъ, чтобы придать галльскому пѣтуху національное значеніе. Лишь въ томъ случаѣ преданіе могло бы достичь этихъ результатовъ, если бы пѣтухъ признавался извѣстнымъ числомъ галльскихъ народовъ національной эмблемой. Но такъ какъ ни въ одномъ гербѣ, какъ галловъ, такъ и предковъ французовъ, не находится фигуры пѣтуха, слѣдовательно этотъ фактъ не существовалъ. Это преданіе нельзя даже отнести ко времени первой революціи. Если на двадцати франковыхъ монетахъ, вычеканенныхъ въ 1791 году и служащихъ образцами для двадцати и сто франковыхъ монетъ 1871 года, выбитъ Августиномъ Дюпрэ пѣтухъ, то, по его словамъ, онъ совсѣмъ не галльскій. Въ отчетѣ, сдѣланномъ жюри конкурса 1791 года, ясно говорится, что «послѣ того какъ Августинъ Дюпрэ предложилъ вычеканить генія Франція, пишущаго на жертвенникѣ, жюри и члены комитета посовѣтовали прибавить съ одной стороны жертвенника пѣтуха, эмблему бдительности. Маленькіе пѣтухи, вычеканенные на нѣкоторыхъ монетахъ консульства, имперіи и реставраціи, имѣютъ еще менѣе общаго съ галльскими національными пѣтухами. Это просто клеймо директора монетнаго двора въ Парижѣ Л'Эпина съ V года революціи до 1820 года. Знаменитый галльскій пѣтухъ считается романтическими либералами существующимъ съ 1820—1830 года. Только послѣ революціи 1830 года появилась эта птичья эмблема, въ видѣ украшенія на рукояткахъ шпагъ въ арміи. Одной лишь третьей республикѣ принадлежитъ честь распространенія ея и на монетахъ.

— Политическія рѣчи Оливера Кромвеля. Съ легкой руки біографа Кромвеля, Морлея, онъ все еще въ большой модѣ въ Англіи, и не перестаютъ выходить книги о немъ. Надняхъ изданъ любопытный сборникъ его парламентскихъ и другихъ политическихъ рѣчей [1]). Онѣ расположены хронологически, и въ концѣ книги приложены отдѣльно замѣчанія къ каждой рѣчи. Въ нихъ подробно изложены обстоятельства, по случаю которыхъ онѣ произнесены.

---

[1]) Speeches of Oliver Cromwell 1644—1658. Collected by Charles L. Stainer. London. 1901.

Эти замѣчанія основаны на газетахъ тогдашняго времени, на журналѣ палаты общинъ и на прочихъ достовѣрныхъ матеріалахъ. Впервые рѣчи Кромвеля напечатаны почти въ полнотѣ; издатель Стэнеръ собралъ ихъ въ количествѣ 55, тогда какъ Карлайль помѣстилъ ихъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи только семнадцать. Текстъ рѣчей взятъ преимущественно изъ рукописей, хранящихся въ архивахъ, и изъ Кларендонскихъ государственныхъ бумагъ. По различію между ними и до сихъ поръ извѣстными его рѣчами можно судить, насколько исторія сдѣлала шагъ впередъ со времени Карлайля, благодаря, главнымъ образомъ, знаменитымъ трудамъ историковъ: Гардинера и Фирта. Нельзя не пожалѣть, однако, что сборникъ Стэнера заключаетъ въ себѣ нѣсколько пропусковъ; такъ неизвѣстно, почему онъ пропустилъ рѣчь Кромвеля, которая вкратцѣ упомянута обоими историками. Что же касается до самаго содержанія появляющихся впервые въ печати и уже извѣстныхъ рѣчей Кромвеля, то онѣ доказываютъ, что онъ не былъ великимъ ораторомъ, но говорилъ съ жаромъ, и каждая его рѣчь была пропитана религіознымъ чувствомъ. Напримѣръ, говоря о назначеніи главнокомандующаго въ Ирландіи, онъ упоминалъ: «Я не думаю, чтобы Богъ благословилъ эту армію, ради какого нибудь одного человѣка. Но присутствіе и благословеніе арміи Богомъ происходитъ прямо отъ его доброй воли и желанія прославить и дать арміи Божій промыселъ. Все равно, кто будетъ главнокомандующимъ, если Богъ присутствуетъ въ арміи и руководитъ ею». Онъ также въ другой рѣчи объяснилъ, что религія замѣнила отсутствіе въ парламентской арміи рыцарской традиціи: «Я объяснилъ почтенному, благородному Джону Гампдену, что сначала насъ побили, и что я намѣренъ ввести въ нашей арміи религіозный духъ. У насъ служили въ арміи большею частью развратные и пьяные люди, и такіе низкіе люди не могли сражаться съ джентльменами, отличающимися честью и благородствомъ. Только единственная возможность побороть джентльменовъ—сдѣлаться, какъ они. Я исполнилъ свое обѣщаніе: я наполнилъ армію людьми, боящимися Бога и имѣющими сознаніе своего долга. Съ того дня, я могу сказать смѣло, что ихъ болѣе не били, напротивъ они били врага вездѣ, гдѣ встрѣчались съ нимъ».

— Маркиза де Садъ и внучка Наполеона 1-го. Недавно вышла книга, написанная на основаніи подлинныхъ документовъ, подъ заглавіемъ: «Маркиза де Садъ» [1]). Авторъ ея Жинisти знакомитъ насъ съ характеромъ жены этого порочнаго человѣка. Онъ доказываетъ, что, насколько послѣдній грязенъ и несимпатиченъ, настолько маркиза де Садъ симпатична. Подъ перомъ этого талантливаго писателя маркиза представляется нѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественнымъ существомъ. Наивная, безгранично вѣрящая своему мужу и преданная настолько, что дѣлалась геніально хитрой, когда вопросъ шелъ о защитѣ ея мужа. Авторъ отводитъ ей видное мѣсто въ галлереѣ нѣжныхъ героическихъ женщинъ. При близкомъ знакомствѣ съ ея характеромъ становится непонятнымъ, какъ могла такая женщина посвятить свою душу развратному чудовищу, какимъ былъ маркизъ де-Садъ. Эти два противоположные элемента, одинъ—пропитанный грязью, другой—полный добродѣтелей, свя-

---

[1]) Marquise de Sade, par Paul Gin sty.

занные вмѣстѣ, послужили автору темой для разсказа. Онъ выбралъ моментъ со дня свадьбы дѣвицы де Монтрейль, сдѣлавшейся въ двадцать два года женою маркиза де-Сада. Не прошло и мѣсяца съ дня свадьбы, какъ вспыхнулъ чудовищный скандалъ, героемъ котораго былъ маркизъ де-Садъ. Заключенный въ Венсенъ, онъ уѣхалъ, отсидѣвъ срокъ наказанія, въ имѣнье своей жены, гдѣ завязалъ любовную связь со своей свояченицей. Затѣмъ послѣдовалъ непрерывный рядъ связей и преступленій. Нѣсколько времени спустя, его снова отправили въ Венсенъ, и съ этого момента началась между нимъ и женой интересная переписка, изъ которой можно видѣть, насколько печальна была ея судьба. Маркиза де-Садъ умерла 7 іюля 1810 года. Рядомъ съ ея біографіей, авторъ упоминаетъ о внучкѣ Наполеона, преподающей теперь арабскимъ дѣтямъ французскій языкъ въ Алжирѣ. Отецъ ея—плодъ любви Наполеона и дѣвицы Элеоноры де-Ла-Плэнь, былъ порученъ заботамъ Каролины Мюратъ и воспитывался, какъ принцъ королевской крови. Графъ Леонъ, такъ называли сына Наполеона, умеръ въ 1881 году, оставивъ дочь Шарлоту Леонъ безъ всякихъ средствъ. Ея мать, жена сына Наполеона, жила нѣкоторое время у бывшей кухарки префекта полиціи, Пьетри, г-жи Дюлори. «Единственной ея мечтою, по словамъ Жинисти, было имѣть кіоскъ для газетъ въ Парижѣ, тогда какъ ея дочь жаждетъ мѣста воспитательницы дѣтей въ Парижѣ».

— Похожденія французской авантюристки въ Испаніи и Россіи при Павлѣ I. Въ 1-й февральской книжкѣ «La Revue hebdomadaire» помѣщена любопытная статья Эрнеста Додэ [1]), въ которой разсказывается о похожденіяхъ ловкой авантюристки, сначала въ Испаніи, а затѣмъ въ Россіи во времена Павла I и въ Германіи. Послѣ побѣды французовъ надъ испанцами и заключенія мира былъ назначенъ Директоріей посланникомъ въ Мадридѣ генералъ Периньонъ. Въ это время въ Испаніи царствовалъ Карлъ IV только номинально, а вся власть, благодаря страсти королевы, находилась въ рукахъ знаменитаго своимъ развратомъ Годои, принца Мира и герцога д'Алькудіа. Несмотря на то, что Годои подписалъ съ республикой миръ, онъ все-таки продолжалъ покровительствовать интригамъ эмигрантовъ, собравшихся въ большомъ количествѣ въ Мадридѣ. Принимая офиціальнаго представителя Директоріи, Периньона, онъ въ то же время оказывалъ вниманье герцогу д'Аврэ, агенту графа Прованскаго, присвоившаго себѣ послѣ смерти дофина имя Людовика XVIII и провозгласившаго себя королемъ Франціи и Наварры. Новый посланникъ велъ уединенную и экономную жизнь. Неожиданно къ нему явилась молодая женщина, назвавшая себя француженкой, г-жею Рифлонъ. Онъ принялъ ее и съ перваго раза былъ положительно очарованъ сначала красотой этой стройной брюнетки съ большими глазами и тонкими чертами лица, а затѣмъ еще болѣе ея умомъ, образованіемъ, глубокимъ знаніемъ людей и блестящими многочисленными связями. Что произошло во время аудіенціи—неизвѣстно. Въ письмѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ, Лакруа, Периньонъ объяснялъ обстоятельства, при которыхъ онъ съ ней познакомился: «Она

---

[1]) L'Odyssée d'une aventurière sous le Directoire et le Cunsulat, 1976—1803, par Ernest Daudet. La Revue hebdomadaire. 9 fevrier 1901.

пришла ко мнѣ визировать паспортъ. На мой вопросъ, зачѣмъ она пріѣхала въ Мадридъ, Рифлонъ отвѣтила, что помѣстила свой капиталъ въ комерческое предпріятіе, вслѣдствіе чего пріѣхала сюда». Онъ повѣрилъ этому объясненію, какъ и всему, что она говорила. «Я пригласилъ ее обѣдать, писалъ онъ, она пришла. Я просилъ посѣщать меня чаще, она стала приходить ежедневно». Изъ этого нельзя еще было составить точное понятіе, говоритъ авторъ, о характерѣ связи между пламеннымъ посланникомъ и красивой посѣтительницей. Сомнѣнья насчетъ связи скоро исчезли, когда весь составъ посольства засвидѣтельствовалъ о болѣе чѣмъ любезномъ обращеніи Периньона съ ней. Увлеклись ли они тоже этой сиреной или изъ угожденья начальнику, но всѣ члены посольства исполняли ея прихоти, сопровождали на прогулки, исполняли ея порученія и всячески старались ей угодить. Она привезла съ собою очень красивую и податливую горничную, которая вскорѣ сдѣлалась любовницей одного изъ членовъ посольства. Что касается до Периньона, то она забрала его совершенно въ свои руки и вполнѣ царствовала въ посольствѣ, проводя тамъ дни и ночи. Когда посланникъ отлучался въ Эскуріалъ, она пользовалась его экипажами, а главное устраивалась, какъ хотѣла, въ его кабинетѣ и чаще всего оставалась тамъ одна, разбираясь въ его бумагахъ. Наконецъ у перваго секретаря закралось подозрѣнье, что интриганка является не лично для Периньона, а, запутывая его въ свои сѣти, добивается другой цѣли. Изъ ея документовъ было видно, что она дѣйствительно Рифлонъ; дальнѣйшія же справки показали, что ея отецъ былъ простымъ «золотаремъ и живодеромъ» въ Бургѣ, но осталось неизвѣстнымъ, какимъ образомъ она могла достичь такого развитія, образованія, придавшаго ея уму столько очарованья, элегантности, благородства манеръ и тонкаго вкуса, благодаря чему ее принимали за аристократку. Цѣль ея поѣздки въ Мадридъ—было намѣреніе войти въ интимную связь съ Периньономъ, съ д'Аврэ и съ первымъ министромъ Испаніи, принцемъ Мира, чтобы продать одному изъ нихъ, болѣе щедрому, дипломатическія тайны, вымавведныя у двухъ другихъ. Въ концѣ же концовъ она намѣревалась обмануть всѣхъ троихъ. Въ то время какъ высокопробная интриганка, царствуя во французскомъ посольствѣ, обдумывала вмѣстѣ съ Периньономъ о томъ, какъ лучше развѣдать объ интригахъ роялистовъ, она въ то же самое время завязала уже связь съ агентомъ претендента на французскій престолъ д'Аврэ и держала его не менѣе крѣпко, чѣмъ Периньона. Она добивалась, чтобы онъ представилъ ее Годои, обѣщая подѣйствовать на испанскаго министра въ пользу монархіи. Когда же онъ это устроилъ, она стала говорить, будто ей необходима протекція короля, чтобы подѣйствовать сильнѣе на Годои. Д'Аврэ написалъ королю, но тотъ медлилъ отвѣтомъ. Насколько д'Аврэ былъ наивенъ и вѣренъ ей,—видно изъ его переписки съ прованскимъ дворомъ. Онъ писалъ, что Рифлонъ не можетъ пока сказать своего имени, но утверждалъ, что она обладаетъ могучимъ средствомъ подѣйствовать на Годои въ пользу монархіи. Онъ называетъ ее въ письмѣ то Рифлонъ, то Кьёбонъ, то «незнакомкой» и говоритъ, что хотѣлъ бы имѣть для нея протекцію короля, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на Годои. Но такъ какъ король не торопился отвѣтомъ, то онъ писалъ, что, конечно, ея обстановка нѣсколько

проблематична, но, прибавляетъ растаявшій агентъ: «у принца Мира есть доказательства, что она достойна довѣрія, и ихъ испанскія величества ожидаютъ, что незнакомка объяснитъ свое имя, положеніе и насколько король Франціи довѣряетъ ей. Они рады, — добавлялъ онъ,—что она представится имъ». Хитрая Рифлонъ рѣшила представиться, съ помощью д'Аврэ, Людовику XVIII, перебравшемуся въ Бленкенбергъ, послѣ своего изгнанія изъ венеціанскихъ владѣній, и по этому поводу д'Аврэ писалъ своему королю. Единственно въ чемъ наивный д'Аврэ не ошибался, это утверждая, что Рифлонъ часто видалась съ Годои. Но съ испанскимъ министромъ было не такъ легко вести дѣло, какъ съ д'Аврэ и Периньономъ; кромѣ того, онъ былъ страшный развратникъ, но ихъ отношенія ограничивались кутежами. Рифлонъ видя, что его нельзя водить за носъ, удовольствовалась тѣмъ, что пользовалась его щедростью, получая серебряныя и брилліантовыя вещи и между прочимъ его портретъ, осыпанный брилліантами. Д'Аврэ она разсказывала иначе о ея близости къ Годои, и онъ считалъ ее за роялистку, которая дѣйствуетъ изъ преданности къ королю и въ особенности изъ любви къ его представителю. Съ другой стороны она скрыла отъ Периньона свою связь съ д'Аврэ; но, отправляясь иногда въ Эскуріалъ, она не скрывала, что была приглашаема къ Годои. Ей было не трудно увѣрить Периньона, что она защищаетъ интересы республики, и что чисто патріотическія побужденія заставляютъ ее принимать приглашенія. Периньонъ былъ безумно въ нее влюбленъ и ни минуты не сомнѣвался въ ея искренности, не подозрѣвая, что, сообщая ей тайны посольства, онъ даетъ ей возможность пробираться къ Годои. Но члены посольства начали иначе относиться къ этому роману; въ особенности одинъ изъ нихъ, Лабенъ, первый секретарь посланника. Изъ его переписки видно, что ему поручено было особо наблюдать за Периньономъ, котораго считали «превосходнымъ и благороднымъ человѣкомъ, но самымъ ничтожнымъ дипломатомъ». Его упрекали въ томъ, что совсѣмъ не принималъ дипломатическій корпусъ и прочее. 9-го марта 1897 года Лабенъ писали министру Лакруа: «Вначалѣ Годои былъ полонъ энтузіазма къ этому воину и его битвамъ, а теперь они видятся рѣдко. Все погубили адъютанты, увѣдомивъ посланника о царствующей здѣсь всеобщей корысти». Изъ этого Лакруа заключилъ, что посланника нужно оставить на своемъ посту, но надо измѣнить составъ посольства. Лабенъ, исполняя должность шпіона, старался щадить своего посланника, чтобы не нажить себѣ врага, но всѣ его письма дышали недоброжелательствомъ и презрѣніемъ къ нему. Пока царствовала Рифлонъ въ посольствѣ, онъ не упоминалъ въ письмахъ объ ея частыхъ посѣщеніяхъ, и только въ апрѣлѣ 1797 года, когда она покинула Мадридъ, онъ донесъ о нихъ. Неожиданно она заявила посланнику, что должна ѣхать по дѣламъ въ Парижъ, но обѣщала скоро возвратиться. Для убѣжденія въ искренности обѣщанія она оставила въ Мадридѣ свою горничную Кадеттель, или, какъ ея называли, Кадеттъ, которая жила такъ же свободно въ посольствѣ, какъ и ея хозяйка, благодаря своей связи съ однимъ изъ адъютантовъ Периньона. Черезъ эту субретку Лабенъ и узналъ истину относительно отношеній Рифлонъ съ посланникомъ. Онъ писалъ Лакруа 29-го января: «Только что я узналъ необыкновенную вещь. Эта Рифлонъ, быв-

шая въ близкихъ отношеніяхъ съ посланникомъ и его главными адъютантами, вела секретныя бесѣды съ герцогомъ д'Аврэ и сообщала ему всѣ секреты посольства. Горничная, оставшаяся здѣсь до весны, когда Рифлонъ разсчитывала возвратиться, разболтала объ этой интригѣ. Хотя я не очень вѣрю въ эти разговоры, но Рифлонъ мнѣ всегда казалась подозрительной. Эта интрига объясняетъ причину вспышекъ и дурного настроенія, которыя не разъ Годои выказывалъ отосительно посланника, хотя тотъ ничего не замѣчалъ». 23-го февраля онъ добавляетъ свое обвиненіе. «Всѣ думали, что Рифлонъ уѣхала въ Парижъ, а она остановилась въ Ирунѣ. Горничная думаетъ, что она не смѣетъ возвратиться въ Парижъ, боясь, что ея интрига съ д'Аврэ узнана Директоріей. Довольно странно видѣть одну изъ крупныхъ парижскихъ куртизанокъ одну зимою въ отдаленной мѣстности, безъ знакомства, не знающую мѣстнаго языка, когда въ пяти верстахъ оттуда находится городъ Байона, гдѣ она нашла бы себѣ удовольствія общества. Собственно говоря, никто не знаетъ, кто такая эта Рифлонъ. Впрочемъ она очень красива, ловка и совершенно запутала въ свои сѣти добряка Перньона. Говорятъ, она вернется весною съ другою дѣвушкою». Съ 6-го марта доносъ становится болѣе опредѣленный. «Къ сожалѣнію, правда, гражданинъ министръ, что Рифлонъ совершенно обманула посланника. Каждый день изъ его объятій она уходила къ д'Аврэ открывать секреты посольства. Она сопровождала его въ Эскуріалъ, гдѣ продолжала вести связь съ обоими. Въ день отъѣзда она до часа оставалась въ объятіяхъ Перньона, а затѣмъ до утра въ объятіяхъ д'Аврэ. Кадеттъ разсказываетъ, что не разъ провожала д'Аврэ къ Рифлонъ, и часто случалось ему ожидать, пока Перньонъ насладится ея объятіями. У меня болѣе нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Горничная отправилась къ посланнику, чтобы вымолить у ногъ его прощеніе. Она ему все открыла. Я сообщу вамъ всѣ подробности съ экстреннымъ курьеромъ. Д'Аврэ не покидаетъ резиденцію Годои. Меня увѣряютъ, что, находясь однажды въ прихожей Годои вмѣстѣ съ Перньономъ, онъ имѣлъ аудіенцію ранѣе нашего посланника, якобы явившись прежде его, и ухитрился заставить Перньона прождать цѣлый часъ. Не знаю, насколько это вѣрно, но д'Аврэ разнесъ эту вѣсть по всему Мадриду. Перньонъ не сомнѣвается болѣе, что былъ игрушкой въ рукахъ Рифлонъ». Горничная, подталкиваемая Лабеномъ, призналась во всемъ посланнику. Разгнѣванный Перньонъ написалъ Рифлонъ письмо, полное упрековъ и угрозъ, на которое, конечно, она не отвѣчала. Авантюристка оставалась въ Ирунѣ, гдѣ устроила бюро для корреспонденцій между внутренними врагами республики и французскими эмигрантами, живущими въ Испаніи, а Кадеттъ вручала всѣ эти письма д'Аврэ. Они хотѣли организовать въ Испаніи возстаніе противъ французовъ, надѣясь поссорить оба правительства и возбудить войну. Лабенъ прибавлялъ, что онъ будетъ слѣдить за ними, хотя бы ему это стоило денегъ, на что Лакруа отвѣтилъ, что всѣ его расходы будутъ уплачены. Шпіонство Лабена заставило измѣнить планы интриганки, разсчитывавшей перебраться изъ Ируна въ Кадиксъ. 20-го апрѣля она возвратилась въ Мадридъ также неожиданно, какъ уѣхала изъ него «съ многочисленными экипажами». Вечеромъ она уѣхала неизвѣстно куда ужинать и возвратилась въ гостиницу въ два часа ночи. По возвращеніи,

она призвала свою горничную, но послѣдняя не пошла къ ней, боясь скомпрометировать себя въ противореволюціонномъ заговорѣ. Кадеттъ поселилась въ посольствѣ подъ покровительствомъ Перньона. Лабенъ прибавлялъ, что сирена хочетъ снова заманить въ свои сѣти посланника, но ей это не удастся, такъ какъ долгъ гражданина пересилилъ его страсть. Лабенъ всячески старался избавиться отъ нея, но это было очень трудно, такъ какъ ея паспортъ былъ въ порядкѣ, тѣмъ болѣе, что ей протежировалъ Годои. Его проектъ похищенія былъ отвергнутъ Директоріей, и она осталась свободно интриговать въ Мадридѣ, хотя французскій посолъ не опускалъ случая публично называть ее «скверной интриганкой». Въ отвѣтъ на это она имѣла наглость написать въ Парижъ къ Лакруа о нападкахъ Перньона. Послѣдній навелъ у посланника справки о ней и спросилъ, правда ли, что онъ преслѣдуетъ ее. Въ своемъ отвѣтѣ Перньонъ признался во всемъ, прибавивъ, что не желаетъ ее болѣе видѣть. Относительно агента французскаго короля она приняла видъ, что очень озабочена своей предстоящей поѣздкой въ Бленкенбергъ, резиденцію Людовика XVIII. Рифлонъ хотѣла вручить королю планъ, въ которомъ она изложила свои мысли по поводу того, какъ заставить Испанію снова объявить войну республикѣ. 1-го сентября она покинула Мадридъ, чтобы поѣхать въ Лондонъ, откуда хотѣла проѣхать въ Германію. «Г-жа Рифлонъ, — писалъ д'Аврэ своему принцу,—ожидаетъ въ Лиссабонѣ, чтобы присоединиться къ вашему величеству и вручить вамъ добавленія къ моимъ депешамъ, а также богатую коллекцію бумагъ, которую она сама составила для вашего величества». Въ то время какъ д'Аврэ, наэкзальтированный Рифлонъ, писалъ своему принцу, авантюристка была въ Лондонѣ и интриговала съ герцогомъ д'Аркуромъ, занимавшимъ въ Англіи тождественный съ д'Аврэ постъ, для полученія и съ его стороны писемъ къ королю. Сначала онъ отказалъ ей въ этомъ, но потомъ она выманила ихъ у него и отправилась въ Бленкенбергъ, горячо рекомендованная обоими агентами, которымъ вполнѣ довѣрялъ Людовикъ XVIII. Что произошло въ эту поѣздку, не существуетъ свѣдѣній, и лишь два письма Рифлонъ, написанныя по пріѣздѣ въ Бленкенбергъ къ графу д'Аврэ, фавориту претендента, проливаютъ свѣтъ на ея путешествіе. Въ первомъ, подписанномъ Ньёбанъ и помѣченномъ 2-го ноября, она проситъ графа «прислать довѣренное лицо, которому она могла бы вручить письма къ королю. Усталость послѣ путешествія и легкое нездоровье требуютъ одинъ день отдыха. Въ понедѣльникъ она надѣется видѣться лично съ графомъ». Въ другомъ письмѣ, помѣченномъ слѣдующимъ днемъ, она пишетъ: «Разговоръ съ присланной личностью заставилъ меня передумать, и вмѣсто завтра назначимъ свиданіе сегодня. Я думала, что исполню желаніе его величества, не оставаясь долго здѣсь». Что было дальше — неизвѣстно, такъ какъ здѣсь теряются слѣды красивой француженки, исчезнувшей, какъ метеоръ. Впродолженіе болѣе двухъ лѣтъ мы не можемъ прослѣдить, говоритъ авторъ, какъ и гдѣ она проживаетъ, и только въ началѣ 1800 года ловкая интриганка снова появляется, но подъ другимъ именемъ. Теперь ее зовутъ г-жа Бистонъ-Бонейль, и подъ этимъ именемъ она представилась генералу Бёрнонвилю, французскому посланнику въ Берлинѣ. Ее сопровождала хорошенькая молодая дѣ-

вушка, которую она выдавала за племянницу. Она и на этотъ разъ явилась къ посланнику визировать свой паспортъ, выданный ей министромъ Лакруа и засвидѣтельствованный Периньономъ. Въ этой аудіенціи она сообщила посланнику о своемъ продолжительномъ пребываніи въ Испаніи по коммерческому дѣлу, хотя главная причина, задерживающая ее тамъ, были, по ея словамъ, близкія отношенія къ Периньону, затѣмъ она разсказала, что они поссорились изъ-за ея связи съ принцемъ Мира, а также по причинѣ ея сношеній съ д'Аврэ, бывшимъ въ эту эпоху въ Мадридѣ. Эта ссора дошла до того, что Периньонъ хотѣлъ ее заставить уѣхать изъ Испаніи, вслѣдствіе чего она искала протекціи у Годои. Все это она разсказала самымъ искреннимъ тономъ, и какъ бы случайно назвала имя своего банкира, могущественнаго Перрего, у котораго былъ вложенъ ея капиталъ. Теперь она уѣзжаетъ въ Гамбургъ, чтобы вынуть свой капиталъ, врученный банкирскому дому Шраммъ, послѣ чего возвратится во Францію. По ея просьбѣ, Бернонвиль отсрочилъ на мѣсяцъ ея паспортъ. Она оставила его, какъ и другихъ, подъ впечатлѣніемъ ея граціи и ума. Но вскорѣ онъ забылъ о ней; только черезъ 15 мѣсяцевъ онъ снова ее увидѣлъ, и на его удивленіе, что она еще не возвращалась во Францію, она отвѣтила, что жила все время въ Петербургѣ. Послѣ этого свиданія Бернонвиль писалъ 23 іюня 1801 года Талейрану, замѣнившему въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Лакруа. «Она очень легко и безъ затрудненій разсказала мнѣ о своемъ пребываніи въ Россіи. Все, что она говорила, можетъ служить интересными данными; я велъ съ нею продолжительныя и частыя бесѣды. И въ подтвержденіе своихъ увѣреній она допустила меня до своего портфеля съ бумагами». «Среди документовъ, хранящихся во французскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, замѣчаетъ Додэ, нельзя найти ничего пикантнѣе переписки Бернонвиля съ Талейраномъ, по поводу пребыванія г-жи Бонейль въ Петербургѣ. Конечно, Бернонвиль писалъ все со словъ интриганки, но надо признать, что на этотъ разъ она была искренна, такъ какъ ея утвержденія совершенно совпадаютъ съ происшествіями, въ которыхъ она принимаетъ участіе. Кромѣ этихъ документовъ, существуютъ еще мемуары Коцебу, бывшаго въ то время директоромъ императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. Говоря о ней, онъ замѣчаетъ: «Когда она устроила себѣ протекцію у самыхъ вліятельныхъ лицъ Петербурга, ее терпѣли не только при дворѣ, но даже въ Гатчинѣ. Причина этого оставалась загадкой для всѣхъ». Объясненіе этой загадки мы находимъ у Бернонвиля: «Въ Петербургѣ, писалъ онъ, г-жа де-Бонейль сошлась съ Ростопчинымъ, она возвратилась, когда Дюрокъ отправился на мѣсто назначенія. Бонейль сожалѣетъ, что не была предупреждена вовремя объ его отъѣздѣ въ Россію, чтобы сообщить ему нѣкоторыя драгоцѣнныя для него справки. Она увѣряетъ, что ненависть англійской партіи къ ней и боязнь Сибири—единственныя причины, по которымъ она покидаетъ страну, гдѣ много обстоятельствъ требуютъ ея присутствія. Согласно съ тѣмъ, что Бонейль разсказала въ Петербургѣ, тамъ полагаютъ, что она прислана интриговать первымъ консуломъ, и что ей поручено, гражданинъ министръ, передать ваши письма графу Панину. Наконецъ, тамъ полагаютъ, что ей поручено содѣйствовать приготовленію сближенія Россіи и Франціи. Друзья Франціи сдѣ-

лали ей честь въ этомъ мнимомъ успѣхѣ, а наши враги видятъ въ этомъ преступленіе. Если ей вѣрить, то она нечужда въ перемѣнѣ въ расположеніи, происшедшей въ Павлѣ I. Вотъ какъ она описываетъ свое пребываніе въ Россіи. Первое мѣсто при дворѣ занималъ Ростопчинъ. Она нашла случай видѣть его по своимъ личнымъ дѣламъ, и онъ заинтересовался ею, что вскорѣ перешло въ нѣжную и долговременную дружбу. Въ это время Панинъ получилъ ваши два письма. Они были вручены императору Павлу I-му, который отдалъ ихъ Ростопчину. Послѣдній сказалъ ей объ ихъ содержаніи, и она, какъ хорошая патріотка, стала торопить своего друга примиреніемъ обоихъ правительствъ. Ей не трудно было склонить на это Ростопчина, утомленнаго англійскимъ вліяніемъ. Этотъ фаворитъ неоднократно бесѣдовалъ со своимъ повелителемъ, и даже она сама часто видѣлась съ императоромъ. Ихъ свиданіе послужило предлогомъ къ обвиненію въ томъ, что она сдѣлалась его фавориткой. Она отвергаетъ это обвиненіе, но ей льститъ, что императоръ Павелъ I и Ростопчинъ пользовались ея совѣтами, какъ полезными для Россіи, такъ и благопріятными для Франціи. Между прочими услугами, которыми она гордится, она мнѣ указала на одну и достойную того, чтобы я вамъ ее привелъ. Бонейль мнѣ сказала, что была очень близка къ герцогу д'Аврэ, который теперь находится въ Альтонѣ, существуя на пенсію, которую выплачиваетъ ему испанскій дворъ черезъ своего министра въ Гамбургѣ, и она имѣла безусловное вліяніе на его слабый умъ, когда онъ жилъ въ Мадридѣ, въ качествѣ представителя Митавскаго короля, съ которымъ онъ велъ переписку. Однажды д'Аврэ только что расшифровалъ депешу д'Аварея, перваго министра претендента, въ которой говорилось о главныхъ личностяхъ Петербурга. Павелъ I и Ростопчинъ были нарисованы въ ней самыми ужасными красками, ихъ обвиняли въ неспособности, а послѣдняго даже въ глупости, идіотизмѣ и т. д. Д'Аврэ показалъ ей депешу, сказавъ: «Вотъ каковы люди, къ которымъ вы хотите ѣхать». Она нашла возможность завладѣть оригиналомъ депеши и тотчасъ же уѣхала въ Петербургъ, несмотря на совѣтъ герцога, устроившаго ей хорошія рекомендаціи отъ Митавскаго двора. Когда Караманъ, о которомъ она говорила мнѣ много дурного, пріѣхалъ въ Петербургъ, она была уже близка съ Ростопчинымъ. Ему былъ данъ приказъ повидаться съ нею и заручиться ея посредничествомъ. Но его поддерживалъ Панинъ, что для Ростопчина было дурной рекомендаціей. Караманъ тѣмъ временемъ хлопоталъ у императора объ увеличеніи содержанія Митавскаго двора. Эта просьба, поддержанная Панинымъ и оспариваемая Ростопчинымъ, не имѣла успѣха. Г-жа Бонейль была слишкомъ привязана къ Ростопчину, чтобы скрыть отъ него депешу, въ которой онъ былъ такъ зло представленъ. Онъ заклиналъ отдать депешу ему, въ чемъ она не могла ему отказать. Павелъ I-й, прочитавъ ее, пришелъ въ страшное негодованіе и приказалъ тотчасъ овладѣть шифромъ Карамана. Тогда раскрылось, что этотъ агентъ велъ переписку съ Англіей, противорѣчащую взглядамъ Павла, а Панинъ, съ своей стороны, переписывался въ томъ же родѣ съ Митавскимъ дворомъ. Вслѣдствіе этого Караманъ былъ отосланъ обратно, его повелитель изгнанъ изъ своего убѣжища, которое ему было раньше любезно предложено, а Панинъ былъ удаленъ. Послѣ задержанія шифра, давшаго ключъ ко

многимъ событіямъ и открывшаго цѣлый рядъ слѣдовъ къ разнымъ фактамъ, Павелъ не оставилъ безъ вниманія также посланныхъ шифровъ изъ Швеціи, Даніи и Пруссіи. Вслѣдъ за открытіями, сдѣланными такимъ способомъ, Павелъ I заставилъ весь сѣверъ итти къ той цѣли, которой онъ задался. Съ этого момента ему стала угрожать опасность, хотя онъ не обращалъ на нее вниманія. Ростопчинъ, лучше его освѣдомленный, предупреждалъ не разъ императора. Такимъ образомъ видно, что Бонейль принимала участіе въ политическихъ дѣлахъ, указывая Павлу I-му на важныя открытія, результаты которыхъ служили для пользы республики. Она признавалась откровенно, что не забывала устраивать также свое состояніе и имѣла въ виду блестящую будущность, какъ для себя, такъ и для своей племянницы, если бы опала Ростопчина не встала ей поперекъ дороги. Послѣ своихъ первыхъ происшествій она оставалась въ Петербургѣ только для того, чтобы наблюдать и служить своему другу, когда на то представлялся случай. Ростопчинъ продолжалъ предупреждать императора изъ своего изгнанія объ опасности, грозившей со стороны англійской партіи. Вскорѣ послѣ этого императоръ умеръ; Бонейль понимала, что она не въ безопасности, но поѣхать въ Англію, Неаполь или Пьемонтъ она не рѣшалась, зная, что тамъ она рискуетъ, можетъ быть, даже жизнью. Тогда она обратилась къ Панину, прося паспортъ, чтобы возвратиться во Францію. Послѣдній, по причинѣ ли того, что имѣлъ на нее виды, или изъ ненависти къ Ростопчину, въ возращеніе фавора котораго онъ не вѣрилъ, удерживалъ Бонейль въ Петербургѣ. Онъ упрашивалъ ее и нѣжно признавался въ любви, но она стояла на своемъ. Видя, что ея не уговоришь, онъ просилъ, по крайней мѣрѣ, сообщать ему о себѣ, обѣщая съ своей стороны писать ей. Этотъ любопытный отчетъ, сдѣланный г-жею Бонейль Бернонвилю, оканчивался ея разсужденіями о различныхъ личностяхъ, которыхъ она причисляла къ врагамъ французской республики и къ партизанамъ англійской системы. Такъ, напримѣръ, графа Палена она причисляетъ къ участникамъ событія 11 марта, которому только что минуло 100 лѣтъ, называя его: «фальшивымъ и жаднымъ на деньги и сообщникомъ Англіи»; обвиняла Серра-Капріоля, неаполитанскаго посланника, и маркиза де-Ламберъ, французскаго дворянина. Она утверждала, что была свидѣтельницей низкаго торгашества, къ какому прибѣгалъ вѣнскій дворъ, чтобы примириться съ Россіей; она была убѣждена, что Англія не теряетъ надежду составить новую коалицію противъ Франціи. Бонейль говорила, что у нея былъ секретъ, который могъ бы предотвратить пронырства Англіи, и она готова его довѣрить Талейрану, но съ тѣмъ, что она увидится съ нимъ со всевозможными предосторожностями. Она была убѣждена, что Панинъ, интересовавшійся еще ею, не упуститъ случая прослѣдить за нею съ помощью русскаго посланника. «Этотъ секретъ вы сами можете оцѣнить, гражданинъ министръ, — пишетъ Бернонвиль. Она говоритъ также, что ей извѣстны тайныя переписки различныхъ дворовъ. Графъ Галлони, главный директоръ почтъ, былъ близкій другъ Ростопчина, которому онъ разсказывалъ все, и въ виду того, что въ Петербургъ въ то время не могъ пріѣхать ни одинъ курьеръ, котораго не остановили бы, чтобы прочитать депеши и взять копіи съ шифра, то неудивительно, что Бонейль знала многое. Я

видѣлъ въ ея рукахъ портретъ Ростопчина и пробѣжалъ его пятьдесятъ писемъ. Она показала также свою переписку съ Панинымъ, но эта связь не была настолько близка. Г-жа Бонейль немедленно пріѣдетъ въ Парижъ и вручитъ вамъ свой портфель, свои переписки, различныхъ сортовъ шифры, и тогда вы можете обо всемъ судить». Бернонвиль все-таки не совѣтовалъ Талейрану довѣрять подобной личности. «Съ нею находится, прибавлялъ онъ, молоденькая особа, лѣтъ тринадцати, четырнадцати, которою эта женщина пользуется изъ своихъ видовъ. Она называетъ ее племянницей, но я думаю, что это ея дочь, только она не хочетъ признаться, ради своихъ двадцати восьми лѣтъ, которыя она себѣ даетъ. Она мнѣ сказала, что если бы императоръ Павелъ I-й былъ живъ, то состояніе ея дочери было бы гарантировано. Вчера она была у Крюденеръ, черезъ котораго получаетъ письма отъ Панина». Четыре дня спустя, 27-го іюня онъ увѣдомилъ Талейрана, что она приходила съ нимъ прощаться и завтра отправляется въ Гамбургъ. При этомъ сообщила, что Панинъ знаетъ о ея связи съ Годои, и предложилъ ей устроить дѣло такъ, «чтобы доброе согласіе между Франціей и Испаніей порвалось, или, по крайней мѣрѣ, чтобы наше вліяніе уменьшилось въ Мадридѣ». Затѣмъ она исчезаетъ изъ Берлина такъ же безслѣдно, какъ изъ Испаніи. Позже изъ полицейскихъ справокъ видно, что она находилась въ продолженіе зимы 1801—1802 г. послѣдовательно въ Парижѣ, Мадридѣ и Лондонѣ, но что она тамъ дѣлала, неизвѣстно. Только съ 17-го ноября 1802 года она появляется въ Амстердамѣ съ англичаниномъ Спенсеромъ, ея любовникомъ, бывшимъ нѣсколько разъ министромъ, съ которымъ она познакомилась въ Лондонѣ. Ее сопровождали: прелестная племянница, которую она называла Аделаидой де-Морсанъ, и съ которой она очень дурно обходилась, маленькій брюнетъ мужчина по имени Поль Валуа, служившій ей секретаремъ «на всѣ руки», и множество прислуги. Г-жа Бонейль останавливается въ большой гостиницѣ, отдѣльно отъ прислуги, и удерживаетъ комнату для мужа, который долженъ ее здѣсь догнать, но, кстати, онъ совсѣмъ не является. «Она видитъ очень мало людей; пишетъ много; ея секретарь заваленъ работою; писемъ не получаетъ и очень часто предпринимаетъ экскурсіи. Ее принимаютъ здѣтъ за очень опаснаго агента Англіи». Таково мнѣніе Семонвиля, французскаго посланника въ Голландіи. Но простякамъ она казалась очень важной дамой. Газеты пишутъ о ней, объявляя, что у нея большой кредитъ на банкирскій домъ Гудеръ въ Гаагѣ, и что, несмотря на ея молодость, ея зять членъ французскаго государственнаго совѣта, Реньо де-Сенъ-Жанъ Анжели. Она показываетъ всѣмъ портретъ Годои, осыпанный брилліантами, и при всякомъ случаѣ упоминаетъ о своихъ многочисленныхъ связяхъ. Въ декабрѣ Бонейль уѣзжаетъ въ Гаагу, откуда пишетъ Семонвилю, прося у него аудіенцію по поводу паспорта и свидѣтельства о жизни. Но въ это же время посланникъ получилъ письмо отъ Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели, прочитавшаго въ газетахъ о пребываніи г-жи Бонейль въ Амстердамѣ. «А такъ какъ г-жа Бонейль—моя теща и не покидала Парижа уже два года, то другая—обманщица, которую надо арестовать». Семонвиль давно уже сомнѣвался, благодаря сомнительному поведенію этой «обманщицы», но остановить ее не могъ на иностранной территоріи, а потому отдѣлался молчаніемъ отъ Реньо де-Сенъ-

Жана д'Анжели. Она старалась, чтобы о ней болѣе не говорили, и хотя спряталась въ Бреда, но за нею наблюдали настолько, что знали о ея многочисленной корреспонденціи, poste-restante, которую ходила получать хорошенькая племянница. Еще въ Гаагѣ она отпустила своего молодого секретаря, вѣроятно, по настоянію лорда Спенсера. Только что Валуа вернулся во Францію, какъ его арестовали, и за его связь съ Бонейль онъ остался подъ надзоромъ полиціи. Полицейскія власти принялись наводить справки о томъ, кто есть на самомъ дѣлѣ Бонейль. Ей въ 1802 году былъ выданъ въ Парижѣ паспортъ, какъ лицу, особенно извѣстному въ префектурѣ. Только теперь открылось, что въ Испаніи она жила подъ именемъ Рифлонъ де-Перииньонъ и по множеству именъ была настоящій Протей. Затѣмъ узнали, что она возвратилась въ Мадридъ, имѣя свой паспортъ и взявъ съ собою на сорокъ тысячъ франковъ кружевъ и фальшиваго жемчуга, которые она сбыла за хорошую цѣну. Послѣ того она отправилась въ Англію и тамъ получила знаменитый кредитъ на банкирскій домъ Гудеръ въ Гаагѣ, благодаря которому она добилась уваженія въ Голландіи. Къ этой справкѣ прибавилась еще другая, дающая понятіе о ея ловкости въ интригахъ и могуществѣ надъ мужчинами самаго возвышеннаго ума, а также что въ бытность свою въ Бреда она влюбила въ себя генерала Монтришара и дѣлила свои ласки между нимъ и лордомъ Спенсеромъ, который ея болѣе не покидалъ. Въ это время парижская полиція арестовала письмо, адресованное г-жѣ Бонапартъ и подписанное эмигрантомъ де-Беллегардомъ. Онъ служилъ долго въ Россіи офицеромъ, подъ командою Ришелье, былъ развратникомъ, мотомъ и любовникомъ г-жи Бонейль. Почеркъ письма признали за принадлежащій Бонейль. Въ письмѣ предполагалось дать свѣдѣнія правительству о пронырствѣ англичанъ и заговорѣ противъ Бонапарта. Тогда поручили жандармскому поручику Мекенемъ розыскать Бонейль. Онъ нашелъ ее въ Бреда и представился, какъ посланный отъ г-жи Бонапартъ, которому поручено достать у нея справки. Но ловкая авантюристка не попалась и на предложеніе поѣхать въ Парижъ отказалась, заявивъ, что своимъ вліяніемъ она съ трудомъ удерживаетъ убійцъ отъ преступленія надъ Наполеономъ потому, что убійцѣ обѣщано 10.000 луидоровъ за смерть Бонапарта. Она дѣлаетъ это изъ любви къ родинѣ. Видя, что жандармскій поручикъ относится къ ней съ недовѣріемъ, она предложила ему показать одного изъ заговорщиковъ и приказала войти лорду Спенсеру, котораго рекомендовала ему, какъ желающаго принять участіе въ заговорѣ. «Я не могъ понять, говорилъ въ своемъ доносѣ Мекенемъ, былъ ли англичанинъ сообщникомъ или обманутымъ дуракомъ. Нашъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ генерала Монтришара и голландскаго полковника Секса, повидимому, главнаго зачинщика этой интриги». Мекенема пригласили обѣдать на другой день. Обѣдъ прошелъ въ обществѣ хорошенькой племянницы, а, когда она вышла, разговоръ перешелъ опять на тему о заговорѣ. Мекенемъ настаивалъ, чтобы Бонейль изложила все въ письмѣ къ г-жѣ Бонапартъ. Сначала она пообѣщала, но затѣмъ перемѣнила мнѣніе и продиктовала своему гостю: «1) Нужно выкрасть изъ кабинета Бонапарта всѣ бумаги, касающіяся Англіи. 2) Смерть Бонапарта рѣшена. 3) По ненависти къ нему многихъ генераловъ и высокихъ лицъ онъ долженъ ожидать, что на него напа-

дутъ въ его же домѣ». «Я передамъ все, что знаю, говорила она, если мнѣ обѣщаютъ, что мое имя не будетъ извѣстно, и если Бонапартъ гарантируетъ мое состояніе, воспитаніе моей племянницы и племянника. Я заслуживаю довѣрія. Генералъ Бернонвиль можетъ это засвидѣтельствовать, зная все, что я дѣлала въ Россіи». И чтобы убѣдить Мекенема, она взяла со стола мемуары Коцебу, только что появившіеся, и предложила ему прочитать то мѣсто, гдѣ авторъ упоминаетъ объ ея вліяніи въ Петербургѣ. Затѣмъ они разстались, обѣщая другъ другу снова увидѣться. Вскорѣ Мекенемъ возвратился, но хитрая интриганка исчезла вмѣстѣ съ племянницей и неизвѣстно куда. Послѣ долгихъ поисковъ узнали, что она проживала въ Гамбургѣ цѣлый мѣсяцъ на содержаніи богатаго купца. Въ это время она часто имѣла свиданія съ французскимъ посланникомъ Францемъ Рейнхардомъ. Она хотѣла, чтобы онъ взялъ на себя дѣло по взысканію въ ея пользу съ наслѣднаго принца Прусскаго пятидесяти тысячъ франковъ, которые будто бы принцъ долженъ ей. Рейнхардъ отказался отъ этого дѣла. Узнавъ, что она проживаетъ въ Гамбургѣ, Мекенемъ отправился туда, но опоздалъ, такъ какъ Бонейль уже уѣхала въ Пирмонтъ. Озадаченный жандармскій поручикъ отправилъ курьера къ Бернонвилю, прося его обратиться къ прусскому правительству съ просьбою арестовать Бонейль. Посланникъ отвѣчалъ, что ни онъ, ни прусское правительство ничего не могутъ сдѣлать, такъ какъ все зависитъ отъ принца Вальдека, потому что Пирмонтъ находится въ его княжествѣ, и отъ мѣстнаго французскаго посланника въ Касселѣ. На несчастіе Мекенема, владѣтельный князь Вальдекъ тоже уѣхалъ въ Пирмонтъ; что же касается посланника, то онъ могъ лишь подписать бумагу объ арестѣ, что и исполнилъ. Захвативъ приказъ объ арестѣ, Мекенемъ отправился въ Пирмонтъ, но принцъ, проведя тамъ три недѣли, уѣхалъ въ Арольсенъ, въ свою лѣтнюю резиденцію. Наконецъ Мекенемъ его догналъ 20-го августа и передалъ бумагу объ арестѣ. Прочитавъ бумагу, принцъ воскликнулъ: «Возможно ли, чтобы въ моихъ владѣніяхъ арестовали такую красивую женщину?» Но такъ какъ Мекенемъ настаивалъ, то онъ сказалъ: «Г-жа Бонейль, должно быть, уѣхала изъ Пирмонта прошедшую пятницу. Она публично простилась съ обществомъ, а именно съ женою курфюрста баварскаго, на балу, данномъ принцемъ Брауншвейгскимъ, и отправилась въ Готу».—Только три дня, ваше высочество?—переспросилъ Мекенемъ.—Можетъ быть, она еще въ Пирмонтѣ? Прошу ваше высочество приказать арестовать ее. Никто болѣе вашего не заинтересованъ, чтобы женщина съ такимъ сквернымъ поведеніемъ, еще хуже ея происхожденія, не находилась въ вашихъ владѣніяхъ». Но принцъ отвѣчалъ: «Въ Пирмонтѣ, при видѣ женщины, не безпокоятся знать, кто она и что она; достаточно, чтобы она была молода и хороша».—Можетъ быть, ее находятъ красивой,—отвѣчалъ Мекенемъ,—но относительно молодости, вотъ, уже двадцать лѣтъ я знаю, что она исполняетъ роль очень дѣятельной куртизанки, весьма опасной интриганки. «Какъ двадцать лѣтъ?» и принцъ заспорилъ, увѣряя что ей не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Тогда Мекенемъ понялъ, что его августѣйшій собесѣдникъ не миновалъ чаръ сирены, и что ему предстоитъ трудная задача. Онъ попробовалъ прибѣгнуть къ шуткѣ: «Допустимъ, что ей тридцать пять лѣтъ, но ваше высочество, какъ военный, долженъ знать, что для солдата годы кам-

ніи считаются вдвойнѣ». Принцъ улыбнулся, но не сдался и отвѣчалъ, что ему надо подумать, прежде чѣмъ рѣшить дѣло объ арестѣ; а потому Мекенемъ долженъ прійти черезъ часъ за отвѣтомъ. По уходѣ Мекенема, курьеръ, посланный принцемъ, летѣлъ къ г-жѣ Бонейль, и когда Мекенемъ пришелъ за отвѣтомъ, онъ уже предупредилъ ее. Жандармскій поручикъ понялъ, что его одурачили, и распорядился заранѣе объ экипажѣ, чтобы во время захватить Бонейль; но на почтовыхъ станціяхъ былъ данъ приказъ задерживать лошадей, какъ можно дольше, и когда Мекенемъ пріѣхалъ, — Бонейль была далеко; сопровождаемая маркизомъ Даварей, однимъ изъ приближенныхъ королевы Франціи, она переѣхала благополучно прусскую границу. Нѣсколько дней спустя, г-жа Бонейль послала письмо французскому посланнику въ Гамбургѣ, Рейнхарду, полное жалобъ и обвиненій. Она спрашивала: «за что хотятъ меня арестовать? Развѣ я не предлагала отправиться добровольно въ Парижъ, если моя свобода будетъ гарантирована?» Она написала Бонапарту, что готова отправиться съ условіемъ, если ее вызовутъ черезъ «Гамбургскую Газету». Въ ожиданіи она скрывалась. Рейнхардъ даже не зналъ, откуда послано письмо. Наконецъ Мекенемъ ее снова нашелъ въ Бреда 30-го сентября, но эта встрѣча ни къ чему не привела. Бонейль соглашалась слѣдовать за нимъ въ Парижъ, только подъ прежнимъ условіемъ. Этимъ временемъ она имѣла наглость послать къ Рейнхарду свою хорошенькую племянницу съ письмомъ, въ которомъ говорилось: «что она поручаетъ ей, «хотя она молоденькая и застѣнчивая», представить на его усмотрѣніе свою защиту». Но Рейнхардъ, почуявъ ловушку, прекратилъ свиданіе. Послѣ этихъ похожденій свѣдѣнія о Рифлонъ становятся скудны. 15-го октября 1803 года министръ полиціи писалъ префекту: «что Рифлонъ выслана изъ Гамбурга въ Шеръ, гдѣ живетъ ея племянница дѣвица де-Морсанъ. Она просила паспортъ для нея и гувернантки. Подозрѣваютъ, что гувернантка — не кто иной, какъ она сама. Задержите ее, какъ только она пріѣдетъ». Чѣмъ это окончилось, неизвѣстно, но слѣдующій полицейскій документъ свидѣтельствуетъ, что въ августѣ 1805 года «эта политическая авантюристка, настоящее имя которой Рифлонъ, — дочь «золотаря и живодера» въ Бургѣ, куртизанка, не помнящая своего прошедшаго, имѣла связь съ Периньономъ, французскимъ посланникомъ, Вилекье—агентомъ Бурбоновъ, и принцемъ Мира. Въ Голландіи три года тому назадъ она запутала полицію въ цѣлую сѣть лжи. Она имѣла связь съ генераломъ Монтришаромъ. Ее хотѣли арестовать въ Пирмонтѣ, и принцъ Вальдекъ помогъ ей скрыться. Ея сынъ, отъ инспектора полиціи де-Лонгпре, находится съ нею; она выдаетъ его за племянника». Дальнѣйшая судьба этой женщины неизвѣстна.

— Католикомъ ли умеръ Александръ I-й? Извѣстный историкъ и замѣчательный изслѣдователь отношеній между Россіей и папствомъ, патеръ Пирлингъ, напечаталъ во 2-й февральской книжкѣ «Correspondant» любопытную статью [1]), доказывающую, что будто бы императоръ Александръ I передъ смертью принялъ католическую вѣру. Какъ истый католикъ, патеръ Пирлингъ

---

[1]) Problémes historiques. — l'Empereur Alexandre est il mort catholique, par P. Pierling.—«Correspondant» 28 fevrier 1901.

твердо вѣритъ въ эту легенду, и въ подтвержденіе ея справедливости приводитъ много доказательствъ. По его словамъ, въ послѣдніе годы своей жизни Александръ хотѣлъ принять католицизмъ и по этому поводу предупредилъ папу Льва XII, прежде чѣмъ обсудить съ нимъ лучшій способъ привести эту мысль въ исполненіе. Только неожиданно постигшая его смерть помѣшала этимъ переговорамъ. Хотя ни Александръ, ни папа Левъ XII не оставили письменныхъ документовъ по этому вопросу, но оба въ дружеской бесѣдѣ касались этого вопроса, что дошло до насъ отъ различныхъ лицъ, благонадежность которыхъ, какъ полагаетъ Пирлингъ, не подлежитъ сомнѣнію. Преданія Турина, Рима и Петербурга провѣряются и пополняются безпрестанно и имѣютъ авторитетныхъ свидѣтелей, слова которыхъ не могутъ подвергаться малѣйшему подозрѣнію. Это такой историческій фактъ, который, по свидѣтельству Пирлинга, былъ заботливо изслѣдованъ. Со стороны Александра главный свидѣтель былъ генералъ-адъютантъ, графъ Мишо-де-Боретуръ, по происхожденію савоецъ, типъ прямодушнаго воина-христіанина, подобно Жозефу-де-Мэстру. Особыя узы связывали его со своимъ названнымъ повелителемъ. Еще будучи простымъ полковникомъ, онъ былъ присланъ Кутузовымъ въ 1812 году къ императору съ извѣстіемъ о взятіи Москвы. Мишо исполнилъ это порученіе, какъ человѣкъ недюжиннаго ума. Послѣ откровеннаго разговора императоръ полюбилъ Мишо. Какъ католику и итальянцу, императоръ поручилъ ему отправиться къ папѣ съ секретнымъ порученіемъ. Что онъ тамъ былъ, свидѣтельствуетъ тогдашній русскій посланникъ въ Римѣ, Италинскій, которому пришлось выхлопотать для Мишо аудіенцію у папы.

Офиціальные факты, хранящіеся въ Ватиканѣ, говоритъ Пирлингъ, хотя еще не показываются публикѣ, но тѣмъ не менѣе служатъ серіознымъ свидѣтельствомъ. О сущности аудіенціи Мишо у папы Льва XII не осталось письменныхъ свидѣтельствъ, но, возвращаясь отъ папы черезъ Туринъ, онъ сообщилъ эту тайну одной высокопоставленной дамѣ и своему вѣрному пріятелю, и оба они засвидѣтельствовали на бумагѣ это сообщеніе. Высокопоставленная дама тогда была еще молодой дѣвушкой, Констанціей де-Мэстръ, впослѣдствіи сдѣлавшеюся герцогиней де-Лаваль-Монморанси. Мишо перенесъ на нее свою любовь, которую онъ питалъ къ ея знаменитому отцу. И послѣ смерти Александра, видя, что всѣ его мечты разлетѣлись, онъ открылся дочери своего стараго друга. Его слова врѣзались въ памяти Констанціи, унаслѣдовавшей отъ отца любовь къ Россіи, и только спустя пятьдесятъ лѣтъ уже на закатѣ дней она передала слова Мишо: «Генералъ былъ посланъ къ папѣ засвидѣтельствовать ему совершенную покорность Александра передъ его духовнымъ авторитетомъ. Принятый на аудіенціи, онъ опустился на колѣно передъ Львомъ XII и призналъ его отъ имени императора Александра главою церкви». «Благодаря моимъ настояніямъ, говоритъ патеръ Пирлингъ, герцогиня начертала эти слова на отдѣльномъ листѣ бумаги, и я храню, какъ драгоцѣнность. Г-жа Риччи написала подъ ея диктовку эту записку, а герцогиня собственноручно ее подписала». Но, по словамъ патера Пирлинга, съ будущимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Карла-Альберта, графомъ д'Эскареномъ, Мишо говорилъ еще опредѣленнѣе. Они оба раздѣляли одинаковыя политическія убѣжденія и ненавидѣли

партію новаторовъ. Л'Эскаренъ долго хранилъ тайну, ввѣренную ему другомъ, но въ 1847 году онъ думалъ, что можетъ ее открыть, хотя бы только королю, потому составилъ для Карла-Альберта записку, напечатанную впослѣдствіи въ «Civilta catolika», въ 1876 году, въ которой находятся любопытныя подробности. По его словамъ, императоръ Александръ мечталъ сначала поѣхать самъ въ Римъ, послѣ конгресса въ Веронѣ, но императрица Марія Θеодоровна отвлекла его отъ этого намѣренія. Она предвидѣла, что состоится свиданіе съ папой, и боялась стремленій сына къ католичеству. Изъ уваженія къ матери, окружавшей его всегда заботой, онъ пожертвовалъ этимъ планомъ, но позже вознаградилъ себя, пославъ въ Римъ генерала Мишо. Данныя имъ словесныя предписанія, должно быть, скрывали особенно важный смыслъ, потому что, вручая ихъ, Мишо, говоритъ Пирлингъ, замѣтилъ: «Если потребуется, я буду мученикомъ». Мишо исполнилъ порученіе только во время второй аудіенціи. Первая предоставлена была итальянскимъ католикомъ, вторая—генералъ-адъютанту русскаго императора. Во время этой аудіенціи Мишо, снявъ свою саблю и преклонивъ колѣно, объявилъ папѣ твердое рѣшеніе Александра торжественно отречься отъ православія и подвергнуть русскій народъ господству католической церкви, закончивъ свою декларацію просьбою къ папѣ прислать въ Петербургъ богослова, снабженнаго полными уполномочіями. Этотъ римскій посланный не долженъ былъ принадлежать къ высокому званію, а долженъ быть выбранъ изъ простыхъ прелатовъ, чтобы не обратить на себя вниманія въ Петербургѣ. Онъ могъ бы пріѣхать въ качествѣ туриста и поселиться въ монастырѣ доминиканцевъ, и съ нимъ сговорились бы относительно этого вопроса. Папа охотно согласился на императорское предложеніе и уже приступилъ къ исполненію плана, прерваннаго, увы, слишкомъ рано. Все вышесказанное согласно съ туринскимъ преданіемъ. Въ немъ только упоминается о трехъ свидѣтеляхъ: на первомъ планѣ Мишо, затѣмъ герцогиня де-Лаваль де-Монморанси, графъ Л'Эскаренъ. При этомъ патеръ Пирлингъ считаетъ этихъ трехъ личностей достаточно вѣскими свидѣтелями, говоря: «Какихъ другихъ свидѣтелей, болѣе надежныхъ и близкихъ къ императору, можно еще желать!». Другое преданіе римское вполнѣ сходно съ первымъ и превосходитъ его лишь своими подробностями. Оно исходитъ прямо отъ папы Льва XII, черезъ Григорія XVI и его наперсника Гаэтано Морони. Къ послѣднему патеръ Пирлингъ обращался въ 1880 году, прося дать ему болѣе подробныя свѣдѣнія, на что Морони отвѣчалъ: «Все ему извѣстное объ императорѣ Александрѣ относительно этого вопроса напечатано полностью въ его «Dizionario». При этомъ онъ серіозно увѣрилъ патера Пирлинга, что все упомянутое онъ слышалъ изъ устъ самого папы Григорія XVI и въ тотъ же день записалъ. Папа Григорій XVI не былъ чуждъ этихъ переговоровъ. «Странная аналогія, — говоритъ Пирлингъ,—разсказъ папы объ аудіенціи совершенно тождественъ со словами Л'Эскарена, но вотъ что онъ прибавляетъ новаго: «Согласно съ желаніемъ Александра, Левъ XII рѣшился послать въ Петербургъ патера, и его выборъ палъ на Маура Капеллари, аббата монастыря св. Григорія въ Монте-Селіо, будущаго папу Григорія XVI, отъ котораго узналъ Морони всю эту исторію. Но Капеллари побоялся пуститься въ такой далекій путь, не надѣясь на

свои силы, а потому упросилъ Льва XII избавить его отъ этой поѣздки. Вмѣсто его папа назначилъ патера Орголи, который впослѣдствіи былъ кардиналомъ, и онъ отважно сталъ готовиться въ путь. Но папа отмѣнилъ распоряженіе по случаю смерти Александра. Что же касается до петербургскаго преданія, то оно, по словамъ Пирлинга, раздѣляется на двѣ версіи; одна говоритъ трезво и достовѣрно; другая болѣе подробна, но требуетъ провѣрки. Первая исходитъ отъ самого Александра. «До отъѣзда въ Таганрогъ,—говоритъ отецъ Пирлингъ,—онъ далъ секретный приказъ Сокольскому, настоятелю доминиканцевъ, приготовить квартиру для патера, ожидаемаго изъ Рима. Съ этой цѣлью выбрали монастырь св. Екатерины, старинный домъ іезуитовъ, расположенный на Невскомъ проспектѣ, какъ болѣе приличное обиталище для посланнаго отъ папы. Приказъ императора былъ преданно исполненъ, и настоятель долго никому не раскрывалъ таинственнаго факта. Его преемникъ Іосевичъ любилъ объ этомъ вспоминать, и я въ дѣтствѣ слыхалъ часто его разсказы объ этомъ событіи. Относительно Сокольскаго императоръ былъ сдержанъ, имѣя на это серіозныя причины. Но мало-по-малу неизвѣстно какимъ образомъ и откуда, слухъ, прошедшій за границей, распространился и въ Россіи, хотя и въ тѣсномъ кружкѣ». Вторая русская версія сходится въ главнѣйшихъ пунктахъ съ заграничными, но представляетъ нѣкоторые варіанты. Такъ, напримѣръ, разсказывали, что Александръ пожелалъ на смертномъ одрѣ присутствія католическаго патера, который ему далъ причастіе. Православный священникъ явился лишь, когда императоръ потерялъ сознаніе. «Невозможно добиться истины объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ свидѣтели противорѣчатъ другъ другу. Что же касается меня,—говоритъ Пирлингъ,—я предпочитаю свидѣтельство генерала графа Витта, имѣвшаго высокій постъ въ южной арміи. Хотя графъ принадлежалъ къ другому закалу, чѣмъ Мишо, и его нельзя было заподозрѣвать въ излишнемъ спиритуализмѣ, но онъ живо заинтересовался религіозными стремленіями Александра. Графъ лично не присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Александра, но передавалъ, какъ за вѣрное, своему адъютанту, графу Браницкому, что при послѣднихъ минутахъ Александра присутствовалъ католическій священникъ». Но патеръ Пирлингъ признаетъ не менѣе важнымъ письмо Мишо къ императору Николаю, о которомъ свидѣтельствуетъ Л'Эскаренъ. Отправленное въ Петербургъ, оно должно было дойти до императора. Если чрезмѣрная осторожность его не уничтожила, то оно хранится, по убѣжденію ученаго патера, гдѣ нибудь въ архивѣ. Онъ, какъ ярый католикъ, вполнѣ убѣжденъ въ справедливости представленныхъ имъ доказательствъ перехода Александра I въ католицизмъ, но, несмотря на всѣ его старанія, эта легенда остается все-таки легендой.

— Наполеонъ III въ Вильгельмсгёе. Послѣ смерти нѣмецкаго сановника М. Р. Доме, остались мемуары, въ которыхъ, благодаря его связямъ съ высокопоставленными лицами, находятся много интересныхъ и неизвѣстныхъ еще деталей о разныхъ государственныхъ событіяхъ. Между прочимъ онъ разсказываетъ о плѣнѣ Наполеона III. Эти воспоминанія будутъ изданы извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ Паулемъ Линденбергеромъ. До сихъ поръ въ «Fi-

garo»[1]) появилась лишь выдержка изъ нихъ: именно пребываніе Наполеона III въ Вильгельмсгёе. Послѣ побѣды подъ Седаномъ, когда Наполеонъ сдался, весь Берлинъ ликовалъ, и королева Августа поминутно должна была показываться на балконѣ ликующей толпѣ, привѣтствовавшей ее восторженными криками. Ночью 3-го числа Доме получилъ депешу отъ графа Пуклера, въ которой онъ проситъ немедленно все приготовить и принять мѣры въ виду предстоящаго пребыванія въ Вильгельмсгёе. Королева просила меня,—говоритъ онъ,— явиться на другое утро во дворецъ. Я исполнилъ ея приказаніе и былъ рано утромъ во дворцѣ. Отдавая мнѣ приказаніе относительно императора, она обратила мое вниманіе на то, что Наполеонъ получилъ жестокій ударъ судьбы, а потому не надо забывать, что онъ все-таки остался императоромъ. «Когда Вильгельмъ былъ его гостемъ,—замѣтила королева Августа,—онъ былъ принятъ очень любезно и радушно»,—а потому просила меня озаботиться, чтобы съ императоромъ обращались, не какъ съ плѣнникомъ, а какъ съ гостемъ. Такъ какъ военныя соображенія не допускали предложить ему нѣмецкаго камергера, то королева разсчитывала на меня, чтобы исполнить съ тактомъ эту задачу. Она хотѣла дать мнѣ въ помощники компетентныхъ лицъ, а также предоставила въ распоряженіе императора своего стариннаго лакея, которому вполнѣ довѣряла. Онъ былъ по происхожденію лотарингецъ, зналъ французскую кухню и говорилъ по-французски... 4-го сентября всѣ приготовленія окончились, аппартаменты для императора и свиты были приготовлены, прежній мэтръ д'отель Гессенскаго двора уже былъ въ замкѣ. Конюшни, наполненныя лошадьми артиллеріи и гусаръ, были вычищены, и все было наскоро приготовлено, а вечеромъ около девяти часовъ императоръ прибылъ на Вильгельмсгёескую станцію, гдѣ былъ принятъ съ военными почестями и музыкой. На вокзалѣ генералъ Баейнъ, прикомандированный главной прусской квартирой къ особѣ императора, представилъ послѣднему губернатора Касселя, генерала графа Монтса, которому было поручено наблюдать за императоромъ, свитой и адъютантами. Въ замокъ отправились въ экипажѣ графа Монтса, на половину открытомъ. Наполеонъ былъ въ полной генеральской формѣ и кэпи, съ накинутымъ длиннымъ плащемъ. Въ Вильгельмсгёе помѣстились лишь близкіе люди императора, остальные, также и слуги, помѣстились въ замкѣ Томбардъ, на счетъ прусскаго королевскаго двора. Въ моментъ пріѣзда императора я ожидалъ его у двери, чтобы показать назначенные аппартаменты. Войдя во вторую комнату, я предложилъ императору услуги лакея, предоставленнаго ему самой королевой, а также спросилъ его, не желаетъ ли онъ ужинать. Въ отвѣтъ императоръ меня поблагодарилъ и прибавилъ, что въ данный моментъ ничего другого не желаетъ, какъ «покою, покою, покою». Онъ отложилъ разговоръ назавтра. У императора былъ разбитый и въ то же время страдальческій видъ; его блѣдное лицо выражало усталость, волосы посѣдѣли, и глаза потухли. Онъ говорилъ по-нѣмецки съ медленнымъ, но хорошимъ произношеніемъ. Наполеонъ легъ рано, почти не отвѣдавъ ужина. Позже мнѣ передавали офицеры, окружавшіе его, что онъ былъ удивленъ, когда увидѣлъ на станціи такихъ представи-

[1]) Napoleon III à Wilgelmshoe, par M. Dome. «Figaro», 9 novembre 1901.

тельныхъ солдатъ. Онъ полагалъ, что нѣмецкіе солдаты всѣ были отправлены во Францію». Императоръ занималъ въ Вильгельмсгёе цѣлый рядъ аппартаментовъ въ первомъ этажѣ, состоящихъ изъ большой залы и красивой комнаты, за которой слѣдовалъ рабочій кабинетъ. Видъ на Кассель изъ нихъ былъ прекрасный. Затѣмъ слѣдовала спальная, уборная, столовая и залъ. Комнаты были превосходно меблированы, повсюду виднѣлись воспоминанія объ его дядѣ Іеронимѣ, давшемъ въ былое время этому замку названіе Наполеонсгёе. Библіотека состояла изъ книгъ, купленныхъ во времена короля Іеронима. «На другой день, говоритъ Доме, императоръ принялъ меня рано утромъ и на мой вопросъ, не дастъ ли онъ мнѣ какое нибудь приказаніе, Наполеонъ отвѣтилъ: «Мнѣ нечего приказывать, нечего желать; вашъ дворъ превосходно снабдилъ насъ всѣмъ». Онъ отзывался съ большой похвалой о своей резиденціи. Въ замкѣ Вильгельмсгёе былъ разставленъ караулъ, но не ради императора, а чтобы избавить его отъ любопытства публики, для чего выслали изъ Берлина еще четырехъ полицейскихъ въ партикулярномъ платьѣ. Были приняты всевозможныя мѣры, чтобы время пребыванія императора не было ему непріятно. Онъ свободно располагалъ своимъ дворцемъ, могъ приглашать на завтраки и обѣды и принимать по своему желанію кого хотѣлъ. Кто желалъ видѣть императора, долженъ былъ сначала обратиться ко мнѣ, а затѣмъ къ генералу Рейлю и секретарю императорскаго кабинета Піетри; только послѣ даннаго намъ императоромъ разрѣшенія мы допускали до аудіенціи. Наполеонъ вставалъ очень рано, и если была хорошая погода, то онъ долго прогуливался или выѣзжалъ въ каретѣ, одѣтый въ статское платье. Къ обѣду онъ и его свита надѣвали мундиры. Послѣ обѣда императоръ велъ бесѣду, спорилъ о газетныхъ новостяхъ. Кромѣ парижскаго журнала и брюссельскаго, онъ получалъ нѣмецкіе журналы. Очень часто ему читали вслухъ «Три мушкетера» Дюма. Императоръ, любившій артиллерію, нерѣдко посѣщалъ резервную батарею Вильгельмсгёейскаго гарнизона и заставлялъ давать себѣ объясненія, а также присутствовалъ на ученьяхъ. Онъ часто приглашалъ къ себѣ обѣдать начальника батареи и офицеровъ, разговаривая съ ними о военныхъ вопросахъ. Въ одномъ изъ нижнихъ залъ была устроена капелла, гдѣ каждое воскресенье настоятель Кассельской церкви Венертъ служилъ обѣдню, на которой присутствовалъ императоръ и свита, за что въ благодарность Наполеонъ пожаловалъ въ Кассельскую церковь серебряный жертвенникъ. «Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда императора, разсказываетъ Доме, 11-го сентября явился графъ Клари, присланный императрицей, тогда находившейся въ Англіи, и передалъ ему подробности объ ея выѣздѣ изъ Парижа и опасной переправѣ въ Англію. По всей вѣроятности, графъ былъ присланъ узнать, желаетъ ли видѣть Наполеонъ императрицу. Я узналъ тогда же, что императоръ отклонилъ это желаніе, предпочитая, чтобы она оставалась около нѣжно-любимаго ею сына. На другой день пріѣзда императора я объяснилъ его преданному секретарю, что моя комната сообщается съ бюро почты и телеграфа, и что всякая бумага должна быть вручена мнѣ, но тайны переписки строго сохраняются, и ни одно письмо не можетъ быть распечатано. Въ продолженіе пятинедѣльнаго пребыванія никакихъ недоразумѣній между нами не произошло. Когда я долженъ былъ

покинуть Вильгельмсгёе, оканчивает разсказъ Доме, я предупредилъ Піетри, что уѣзжаю на другой день, такъ какъ мнѣ назначенъ новый постъ. На слѣдующее утро Наполеонъ меня пригласилъ къ себѣ; онъ просилъ меня передать королевѣ Августѣ свою благодарность за оказанную любезность, доброту и симпатію, которая усладила ему многіе горкіе часы». Такъ разстался со своимъ узникомъ Доме.

— Новый король Италіи. Во всѣхъ иностранныхъ газетахъ много пишутъ о Викторѣ-Эмануилѣ III, очень энергично принявшемся за обновленіе Италіи. Самыми интересными статьями до сихъ поръ оказываются «Разсвѣтъ царствованія» — синьора Джіованни-далла Веккіа [1]), въ январьской книжкѣ «Fortnightly Review» и «Король Италіи Викторъ-Эмануилъ III» Елены Циммернъ, въ мартовкой книжкѣ того же журнала [2]). Обѣ статьи одинаково сочувственно отзываются о новомъ королѣ, и въ первой изъ нихъ превозносится до небесъ прежнее консервативное министерство, которое сначала оставилъ у власти Викторъ-Эмануилъ III; во второй, напротивъ, предсказывается либеральная реакція. Слова г-жи Циммернъ оказались справедливыми, хотя ея статья и написана ранѣе министерскаго кризиса. Кромѣ того, она сообщаетъ очень много интересныхъ подробностей о новомъ королѣ. Ему теперь тридцать одинъ годъ, и онъ провелъ свое дѣтство при дворѣ, подъ руководствомъ своей матери, королевы Маргариты, одной изъ самыхъ образованныхъ современныхъ итальянокъ. Онъ съ самаго перваго времени былъ воспитанъ въ любви и нравственности, а наслѣдовавъ энергическій самостоятельный характеръ дѣда, обнаруживалъ съ малолѣтства твердую волю. О его дѣтствѣ разсказывали много анекдотовъ, которые доказываютъ, что онъ обѣщалъ сдѣлаться человѣкомъ, повелѣвающимъ всѣми, а не слушающимся другихъ. Король Гумбертъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на гордый характеръ сына и часто сажалъ его подъ арестъ. Во время подобнаго заключенія молодой человѣкъ много думалъ и ревностно занимался исторіей, которая всегда была его любимѣйшимъ занятіемъ. Онъ также занимался собраніемъ колекцій медалей и монетъ, благодаря чему сдѣлался однимъ изъ лучшихъ нумизматовъ Европы. Въ свободное время онъ физически развивалъ себя, и хотя онъ—не такого высокаго роста, какъ отецъ и дѣдъ, но отличается здоровенной внѣшностью. Онъ безъ всякаго затрудненія можетъ часами сидѣть на сѣдлѣ и оставаться долгое время безъ пищи. Правда, одно время ему угрожала чахотка, благодаря его серіознымъ занятіямъ, но длинное путешествіе и физическія упражненія возстановили его силы. Теперь же онъ совершенно здоровъ, хотя кажется довольно тщедушной фигурой. Но по вступленіи на престолъ первыми его словами было откровенное заявленіе своимъ консервативнымъ министрамъ, чтобы они не проводили по обыкновенію вечера въ клубахъ или кофейняхъ, такъ какъ у нихъ было много дѣла, чтобы заниматься такими пустяками. Не-

---

[1]) The Dawn of a Reig, by signor Giovanni-Dalla Vecchia. Fortnightly Review. Januar 1901.

[2]) Victor Emmanuel III, King of Italy. By Helen Zimmern. Fortnightly Review. 1900. March.

давно одинъ извѣстный итальянецъ сказалъ о немъ: «Этотъ молодой человѣкъ чрезвычайно правдивъ, помните это. Онъ вступаетъ на престолъ въ критическое время и, повидимому, нисколько этого не боится. Онъ знаетъ, что народъ основываетъ на немъ всѣ свои надежды, и желаетъ, чтобы эти надежды не были тщетны. Онъ обладаетъ силою воли, а главное онъ уменъ». Дѣйствительно въ умѣ Виктора-Эмануила никто не сомнѣвается, но прежде многіе думали, что онъ просто дуракъ. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ наслѣднымъ принцемъ велъ жизнь одинокую и мало обращалъ на себя вниманія; въ эпоху постоянной рекламы онъ игралъ чрезвычайно скромную роль и ни на чемъ не выказывался. Онъ, повидимому, не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ, и это придавало ему видъ глупости. Но въ сущности онъ иногда принималъ горячее участіе въ общественномъ бѣдствіи, навѣянномъ безумными министрами, въ родѣ Криспи, и слабымъ королемъ. Такъ онъ пришелъ въ ярость по поводу абиссинскаго погрома, но отецъ за такую вспышку посадилъ его подъ арестъ, и невольно онъ предался снова занятіямъ и путешествіямъ. Поэтому онъ доказалъ вполнѣ, что былъ любящій сынъ, повиновавшійся отцу, и доказалъ, что хотѣлъ оставить себѣ руки чистыми для того дня, когда судьба предоставитъ ему управлять Италіей. Поэтому, когда отецъ его умеръ, онъ рѣшился произвесть глубокія реформы въ итальянской политической жизни. Ему это сдѣлать тѣмъ легче, что онъ основательно изучилъ соціальную науку и не смотритъ, какъ на враговъ, на сторонниковъ преобразованія. Какъ глава арміи, онъ чувствуетъ необходимость разумной ея поддержки, но, какъ гражданинъ, онъ ощущаетъ еще большую необходимость соціальныхъ реформъ, которыя положили бы конецъ гибели страны. Ему тѣмъ легче понимать, какъ надо взяться за дѣло, потому что онъ всегда интересовался парламентской оппозиціей и глубоко изучалъ все, что говорилось и писалось противъ правительственныхъ дѣйствій. Когда Викторъ-Эмануилъ III вошелъ на престолъ, онъ приказалъ подавать себѣ за три дня бумаги, которыя онъ долженъ подписать, чтобы имѣть время основательно ихъ изучить. Во время его пребыванія въ Неаполѣ о немъ разсказываютъ нѣсколько фактовъ, которые доказываютъ, что онъ одинаково умѣетъ наказывать людей преступныхъ и награждать полезныхъ дѣятелей. Однажды утромъ онъ очень рано и неожиданно посѣтилъ одну изъ главныхъ больницъ Неаполя. Войдя въ зданіе, онъ обошелъ всѣ палаты, пріемныя комнаты и даже кухню; однимъ словомъ заглянулъ во всѣ закоулки. Найдя много неисправностей, онъ сдѣлалъ строгій выговоръ директору и сказалъ: «Такъ нельзя обходиться съ бѣдными людьми». Директоръ сталъ оправдывать себя различными доводами, но король молча посмотрѣлъ на него, вышелъ изъ больницы и уѣхалъ. «Его молчаніе было хуже словъ», говорилъ одинъ изъ присутствующихъ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней онъ также неожиданно посѣтилъ гвардейцевъ, стоящихъ во дворцѣ, и не только осмотрѣлъ ихъ жилище, но отвѣдалъ ихъ пищу и хвалилъ за то, что было все въ порядкѣ. Онъ велѣлъ сказать начальнику, который не присутствовалъ при осмотрѣ, что онъ можетъ гордиться такой заслуженной похвалой. Въ другой разъ онъ узналъ, что одинъ стрѣлочникъ на желѣзной дорогѣ спасъ цѣлый поѣздъ отъ несчастія, и что правленіе дало ему

самую жалкую награду. Такъ какъ общество было частное, и король не могъ вмѣшиваться въ его распоряженіе, то онъ назначилъ стрѣлочнику гораздо большую награду, желая тѣмъ пристыдить общество. Тогда общество догадалось и назначило съ своей стороны большое вознагражденіе бѣдному человѣку. Нѣсколько дней спустя послѣ этого, король отправился нежданно-негаданно на корабль, строящійся на верфи, и осмотрѣлъ всѣ работы, обративъ вниманіе на положеніе рабочихъ и разспросивъ каждаго изъ нихъ. Наконецъ онъ вошелъ въ подробное разсмотрѣніе дѣйствій директоровъ благотворительныхъ учрежденій, строго осуждая виновныхъ въ неправильностяхъ и хваля достойныхъ людей. «Въ Италіи», произнесъ онъ въ первой своей рѣчи, «никто не исполняетъ своей обязанности; отъ высшаго до низшаго всякій отличается разнузданностью и небрежностью. Всѣ безъ изъятія должны помнить, что первая обязанность исполнять свой долгъ. Я начинаю съ себя и стараюсь добросовѣстно съ любовью исполнить свою обязанность. Это должно былъ примѣромъ для всѣхъ остальныхъ. Мои министры должны мнѣ помочь во всемъ. Но они не должны обѣщать большаго, чѣмъ могутъ исполнить; они не должны возбуждать иллюзію. Всякаго, кто исполняетъ свой долгъ, идя на всякую опасность, даже на смерть, я буду считать первымъ гражданиномъ». Своимъ долгомъ онъ считаетъ знать все, что дѣлается въ государствѣ, и обсудить всякій вопросъ съ министрами, благодаря чему снова возвысить Италію на то высокое мѣсто, которое ей принадлежало. Прибывъ въ Каподимонте, король сказалъ префекту, неаполитанскому синьору Ковазилло: «Моя жизнь только началась, и я намѣренъ посвятить всѣ мои усилія на пользу моихъ подданныхъ». Министру юстиціи, Джіантуро, онъ сказалъ, что должна въ Италіи возстановиться истинная справедливость, для всѣхъ равная и не уважающая ничью личность. Поэтому онъ потребовалъ, чтобы самое строгое правосудіе было оказано въ дѣлѣ Казале и знаменитомъ процессѣ Палиццило, изъ которыхъ первое только что окончилось, а второе надняхъ начнется. «Всѣ должны одинаково уважать законъ», сказалъ король, «но для этого необходимо, чтобы законъ строго и безпристрастно примѣнялся. Одно предположеніе, что законъ различно примѣнялся, уже подтачиваетъ уваженіе къ нему». Таковы начинанія и намѣренія новаго итальянскаго короля; главнымъ же дѣйствіемъ его было назначеніе новаго либеральнаго министерства. Воспользовавшись тѣмъ, что палата случайно оставила въ меньшинствѣ прежнее консервативное министерство Саррако, онъ поручилъ составить новый кабинетъ главѣ лѣвой стороны парламента Занарделли, который сдѣлался первымъ министромъ, и взялъ главными себѣ помощниками также вожака либераловъ Джіаллити, бывшаго уже премьеромъ, и Принетти, извѣстнаго до сихъ поръ, какъ яраго противника тройственнаго союза. Такимъ образомъ, послѣ долгаго времени, въ Италіи очутилось у власти либеральное министерство. Громадныя надежды одинаково возлагаетъ итальянскій народъ на своего новаго короля и его новое министерство.

— Петербургскія письма 1806 года. Въ послѣдней книжкѣ «Deutsche Revue» помѣщена анонимная статья, озаглавленная: «С.-Петербургскія письма 1806 года»[1]). Статья эта основана на трехъ донесеніяхъ, которыя съ декабря

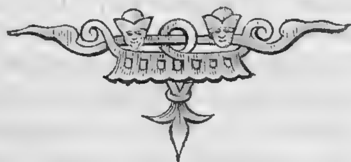
[1]) «St. Petersburger Briefe vom Jahre 1806», «Deutsche Revue», 1901, März.

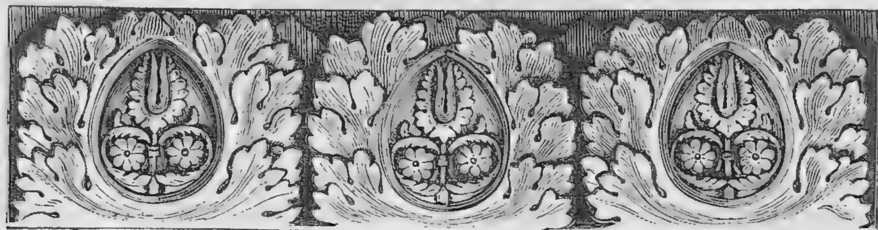
1805 по май 1806 года были посланы въ Мюнхенъ баварскимъ дипломатомъ Обри (von Obry), замѣнявшимъ въ это время отпущеннаго въ отпускъ посланника фонъ-Поша. Изъ донесеній приводятся большія выдержки, къ которымъ авторъ статьи даетъ свои коментаріи. Время, котораго касается донесеніе Обри, это—мѣсяцы, послѣдовавшіе за Аустерлицемъ, когда императоръ Александръ I, разочарованный въ войнѣ и въ союзникахъ, находился въ Петербургѣ, не принимая мѣръ ни къ заключенію мира, ни къ возобновленію войны съ Франціею. Въ донесеніяхъ Обри меньше свѣдѣній о фактахъ внѣшней политики, чѣмъ о всевозможныхъ придворныхъ интригахъ и сплетняхъ; въ области послѣднихъ освѣдомленнымъ оказывается и авторъ статьи, сообщающій въ примѣчаніяхъ біографическія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ лицахъ. Больше всего подробностей находимъ мы здѣсь о значеніи при дворѣ Маріи Антоновны Нарышкиной и о богатыхъ царскихъ милостяхъ къ ней и ея супругу. Обри изображаетъ Александра I крайне слабохарактернымъ и приводитъ о немъ такого рода анекдотъ: «императоръ былъ недоволенъ смоленскимъ губернаторомъ княземъ Борисомъ Голицынымъ и, противъ обыкновенія, не пригласилъ его къ столу. Князь, однако, и неприглашенный явился въ обѣденное время въ залъ, назначенный для приглашенныхъ. Императоръ послалъ гофмаршала графа Толстого справиться, зачѣмъ Голицынъ явился; тотъ отвѣчалъ, что явился къ обѣду, полагая, что приглашеніе не попало ему по ошибкѣ. Въ сильномъ гнѣвѣ монархъ велѣлъ гофмаршалу удалить дерзкаго, но Толстой, не желая изъ-за минутнаго настроенія монарха ссориться съ вліятельною семьею, просилъ освободить его отъ этого непріятнаго порученія. Императоръ тогда велѣлъ призвать военнаго губернатора, чтобы тотъ исполнилъ приказаніе. Когда, однако, и тотъ сталъ говорить о тяжкой обидѣ Голицыну, Александръ уступилъ и сѣлъ за столъ. Голицынъ, какъ ни въ чемъ не бывало, занялъ также свое мѣсто, а добродушный монархъ счелъ его достаточно наказаннымъ тѣмъ, что не говорилъ съ нимъ и сдѣлалъ нѣсколько саркастическихъ замѣчаній о дерзкихъ людяхъ. Голицынъ послѣ обѣда удалился и черезъ три дня спокойно вернулся въ свою губернію...».

— Кто сжегъ Москву въ 1812 году. Подъ такимъ интереснымъ заглавіемъ вышла въ Берлинѣ брошюра Ганчо Ценова, входящая въ составъ XVII тетради «Historische Studien» [1]). Авторъ указываетъ на то, что до сихъ поръ господствующимъ, хотя и не единственнымъ, мнѣніемъ о московскомъ пожарѣ, какъ въ Россіи, такъ и во Франціи и Германіи, было то, что Москва сожжена въ 1812 году по приказанію губернатора Ростопчина. Ганчо Ценовъ доказываетъ полную непричастность Ростопчина къ этому дѣлу и старается доказать, что пожаръ возникъ самъ собою во время грабежа. Не высказывая своей мысли вполнѣ опредѣленно, авторъ какъ будто намекаетъ на то, что самъ Наполеонъ былъ виновникомъ пожара. Ценовъ приводитъ основательныя доказательства для слѣдующихъ фактовъ: 1) Наполеонъ разрѣшилъ грабежъ

[1]) Gantscho Tzenoff. «Wer hat Moskau im Jahre 1812 in Brand gesteckt?» Berlin. 112 стр. «Historische Studien». Heft. XVII. — Рец. въ «Literar. Centralblatt», 1901, № 4.

Москвы до 20-го сентября; 2) когда грабежъ былъ въ полномъ ходу, возникъ пожаръ; 3) хотя Ростопчинъ и не былъ виновникомъ пожара, но подозрѣніе должно было пасть на него, такъ какъ онъ неоднократно грозилъ пожаромъ и только въ 1833 году рѣшительно отрекся отъ него. Въ книгѣ Ганчо Ценова собранъ очень богатый матеріалъ изъ французскихъ и русскихъ записокъ, писемъ, документовъ и памфлетовъ, но существеннымъ недостаткомъ ея слѣдуетъ назвать полное отсутствіе справокъ въ архивныхъ матеріалахъ. Нѣмецкій критикъ Ганчо Ценова въ «Literarisches Centralblatt» называетъ книгу трудомъ очень добросовѣстнымъ, но выражаетъ сомнѣніе по поводу того, удалось ли автору доказать его мысль: оправдать Ростопчина и обвинить Наполеона. Критикъ считаетъ, впрочемъ, довольно вѣроятнымъ, что преслѣдованіе Наполеономъ русскихъ поджигателей было простою комедіею, и что Наполеонъ, обвиняя русскихъ въ сожженіи Москвы, имѣлъ только въ виду ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе Европы.

СМѢСЬ.

ИСПУТЪ П. Н. Ардашева. 19 февраля въ актовомъ залѣ Московскаго университета приватъ-доцентъ Новороссійскаго университета П. Н. Ардашевъ защищалъ публично дессертацію, написанную имъ для полученія степени магистра всеобщей исторіи на тему: «Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка». Диспутантъ—воспитанникъ уфимской гимназіи—завершилъ свое высшее образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета. Выпущенный изъ университета въ 1889 году, съ золотою медалью за сочиненіе «Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря» и удостоенный послѣ экзамена въ испытательной коммиссіи диплома первой степени, онъ былъ оставленъ для подготовленія къ профессорской дѣятельности по каѳедрѣ всеобщей исторіи (1890—1893 гг.), а затѣмъ командированъ за границу. Тамъ П. Н. Ардашевъ преимущественно занимался документами и архивными бумагами, хранящимися во Франціи. Плодомъ этихъ трудовъ явилось обширное изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору «стараго порядка», томъ первый: провинціальные интенданты» (Спб., 1900 г., 658 стр.), печатавшееся отдѣльными статьями въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» (1898—1900 г.) и удостоенное преміи С. М. Соловьева. Кромѣ того, диспутанту принадлежитъ статья: «21 января 1793 года, эпизодъ изъ исторіи французской революціи», появившаяся въ «Русскомъ Обозрѣніи» (1893 г., кн. 2). Во ступительной рѣчи П. Н. Ардашевъ охарактеризовалъ общій планъ и главные выводы своего изслѣдованія. Офиціальные оппоненты: заслуженный профессоръ В. И. Герье и ординарный профессоръ П. Г. Виноградовъ, указавъ въ своихъ

возраженіяхъ на нѣкоторые второстепенные недочеты представленнаго труда, признали его выдающимся изслѣдованіемъ, обогащающимъ литературу этого предмета. Постановленіемъ историко-филологическаго факультета диссертантъ былъ удостоенъ степени магистра всеобщей исторіи. Многочисленная публика встрѣтила это постановленіе продолжительными аплодисментами.

Русское археологическое общество. I. На засѣданіи восточнаго отдѣленія 22-го февраля, подъ предсѣдательствомъ профессора В. Р. Розена, княземъ И. А. Джаваховымъ прочитанъ былъ рефератъ «Старыя грузинскія народныя переписи». Вопросъ возбужденъ впервые; памятники древней грузинской письменности дали референту богатый научный матеріалъ для изученія переписей. Значеніе послѣднихъ податное и военное. Переписывались лишь жители, обладавшіе оружіемъ, лошадьми и платящіе подати. Но на практикѣ пользовались переписями и при судебныхъ разбирательствахъ и при составленіи смѣтъ доходовъ и расходовъ Грузинскаго царства. Переписи производились еще въ XIII вѣкѣ, отъ XVII и XVIII вѣковъ онѣ оставили много важныхъ и интересныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о различныхъ сторонахъ быта и жизни Грузіи. Преобладало въ то время мелкое землевладѣніе. Имя каждаго владѣльца крѣпостныхъ сопровождается подробными указаніями о его сословномъ, матеріальномъ и семейномъ положеніи. Изъ южныхъ областей Грузинскаго царства шла, какъ обнаружили переписи, сильная эмиграція. Населеніе бѣжало, можетъ быть, вслѣдствіе бѣдности, голода, тяжести налоговъ и опаснаго географическаго положенія на границѣ. Совершать переписи предписывалось каждыя 7 лѣтъ, порядокъ ихъ производства установленъ особою инструкціею. Обозначается въ переписяхъ и вымираніе населенія—числомъ вымершихъ домовъ въ селеніяхъ. II. На засѣданіи классическаго отдѣленія 26-го февраля М. И. Ростовцевъ, молодой энергичный изслѣдователь археологическихъ сокровищъ Рима, прочелъ рефератъ «Къ исторіи римскихъ легіоновъ въ эпоху Флавіевъ». Новый свѣтъ на исторію побѣдоносныхъ легіоновъ Рима бросаютъ маленькіе незначительные, повидимому, памятники древности—свинцовыя пломбы—тессеры. Онѣ раздавались народу римскими императорами по случаю какихъ нибудь побѣдъ или вообще счастливыхъ событій жизни. Докладчикъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ выяснилъ смыслъ многихъ загадочныхъ знаковъ и изображеній на тессерахъ, выпущенныхъ въ честь I и X римскихъ легіоновъ. Секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ прочелъ присланный въ общество докладъ Ѳ. И. Шмита о древней статуэткѣ, принадлежащей русскому послу въ Римѣ, г. Нелидову. Статуэтка—копія бронзовой статуи школы Праксителя. Въ заключеніе Я. И. Смирновъ сообщилъ подробно о вышедшемъ недавно изданіи румынскаго правительства, трудѣ Л. Одобеско «Сокровища Петроссы», трактующемъ о предметахъ клада, найденнаго въ 1837 г. у подножія Карпатъ.

Московское археологическое общество. 12 февраля состоялось годичное засѣданіе общества. Былъ прочитанъ отчетъ за истекшій годъ и сдѣланы два сообщенія. Доходъ общества вмѣстѣ съ остаткомъ отъ предшествовавшаго года составлялъ 31.521 рубль; расходъ—17.146 рублей; кромѣ того, въ обществѣ имѣется капиталъ для сооруженія памятника первопечатнику Ивану Ѳедо-

рову—26.200 рублей. Въ теченіе года общество имѣло 15 засѣданій съ 25-ю научными докладами. Кромѣ того, при обществѣ дѣйствовали комиссіи: восточная, имѣвшая три засѣданія и отпечатавшая новый томъ своихъ трудовъ, славянская, имѣвшая 8 засѣданій, и археографическая,—9. Особенно живую дѣятельность проявила комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ, имѣвшая 40 засѣданій, разобравшая 240 дѣлъ о перестройкахъ древнихъ зданій и наблюдавшая за ремонтированіемъ Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. Археографическая комиссія занималась разсмотрѣніемъ дѣлъ изъ архива московской казенной палаты и нѣкоторыхъ другихъ архивовъ. По устройству въ 1902 г. въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда обществомъ былъ организованъ въ Харьковѣ мѣстный комитетъ съѣзда подъ предсѣдательствомъ профессора Д. И. Багалѣя: комитетомъ этимъ были снаряжены лѣтомъ прошлаго года нѣсколько археологическихъ экскурсій. Кромѣ того, организованы дополнительные мѣстные комитеты въ Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ, Нѣжинѣ. Для имѣющей быть устроенной при съѣздѣ этнографической выставки ассигнованы субсидіи: Харьковскимъ губернскимъ земствомъ 2.000 рублей, Полтавскимъ 200 рублей, Екатеринославскимъ 300 рублей. Собраніемъ была выражена благодарность за образцовое веденіе денежныхъ дѣлъ общества казначею его К. А. Дубинкину. Послѣ отчета слѣдовало сообщеніе графини П. С. Уваровой «Сицилія и ея древности», посвященное памятникамъ зодчества (также мозаикамъ, иконописи) эпохи арабовъ и норманновъ; сообщеніе иллюстрировалось многими фотографіями и рисунками. Затѣмъ В. Н. Щепкинъ прочиталъ докладъ: «Вязь, какъ художественное письмо», при чемъ, упомянувъ о вязи у грековъ и южныхъ славянъ, остановился особенно на русской вязи, получившей высшее развитіе въ XVI вѣкѣ, и подробно разсмотрѣлъ ея принципы и пріемы, способы сокращеній, украшеній и т. д. Въ заключеніе въ закрытомъ засѣданіи происходили выборы секретаря и библіотекаря общества. Секретаремъ избранъ на 5-е трехлѣтіе В. К. Трутовскій, библіотекаремъ В. П. Рогожинъ.

Археологическій институтъ. На засѣданіи 22-го февраля М. Г. Деммени сдѣлалъ сообщеніе о новомъ трудѣ по русской нумизматикѣ: «Монеты царствованій императрицы Анны Іоанновны и императора Іоанна Антоновича», принадлежащемъ великому князю Георгію Михаиловичу. Монеты каждаго царствованія изданы отдѣльно. Изящно исполненные рисунки монетъ и ихъ описаніе составляютъ одну часть труда, въ другой изложена исторія монетнаго дѣла въ Россіи въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія. Устройство монетныхъ дворовъ и внутренній порядокъ, установленный инструкціями, заработная плата мастеровъ и другія свѣдѣнія детально изложены въ книгѣ, такъ же какъ и всѣ данныя, относящіяся къ изготовленію, выпуску и изъятію изъ обращенія монеты. Вторымъ докладомъ былъ сдѣланный Г. М. Болсуновымъ общій обзоръ находокъ остатковъ древнѣйшаго человѣка и тщетныхъ попытокъ ученыхъ пролить на основаніи антропологическихъ данныхъ свѣтъ на первоначальное культурное развитіе нашего отдаленнаго предка, доисторическаго человѣка.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 19-го февраля состоялось общее собраніе. Въ началѣ засѣданія было заявлено о предстоящемъ въ скоромъ времени сорокалѣт-

немъ юбилеѣ учено-литературной дѣятельности бывшаго предсѣдателя общества, въ настоящее время директора Ярославскаго Демидовскаго лицея, С. М. Шпилевскаго, который и былъ въ томъ же засѣданіи избранъ въ почетные члены общества. Среди прочихъ дѣлъ были заслушаны доклады дѣйствительныхъ членовъ общества, А. А. Штукенберга и А. А. Сухарева, о произведенномъ ими разборѣ коллекцій покойнаго профессора Казанскаго университета, Н. А. Толмачева, переданныхъ сестрою его въ общество. Изъ данныхъ названными лицами отзывовъ выяснилось, что коллекціи эти представляютъ весьма важное пріобрѣтеніе для музея общества, почему въ томъ же засѣданіи жертвовательница была единогласно избрана въ члены-соревнователи общества. Далѣе были выслушаны научныя сообщенія, первымъ изъ которыхъ былъ поставленъ обширный докладъ члена-сотрудника общества, Ѳ. Н. Никифорова «О бытѣ чувашъ Стюхинскаго прихода, Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи». Чуваши названной мѣстности—потомки выходцевъ изъ Казанской и Симбирской губерній; названіе села производится отъ легендарнаго Стюхи (вѣроятно, испорченное Стефанъ). Референтъ далъ общій очеркъ современныхъ условій жизни чувашъ названной мѣстности и подробно остановился на пережиткахъ язычества въ ихъ быту, освѣщая описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ параллельными фактами, наблюдаемыми въ другихъ пунктахъ съ чувашскимъ населеніемъ. Затѣмъ членъ-сотрудникъ общества И. С. Михеевъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ «Буддисты ли вотяки?» (по поводу книги свящ. Н. Блинова «Языческій культъ вотяковъ»). Разсматривая выраженное о. Блиновымъ мнѣніе о буддійскомъ происхожденіи языческаго культа вотяковъ, г. Михеевъ пришелъ къ отрицательному выводу; для опроверженія мнѣнія о. Блинова референтъ приводилъ и историческія, и этнографическія, и лингвистическія данныя, высказавъ въ заключеніе, что виною ошибокъ, допущенныхъ о. Блиновымъ, является слабое знаніе вотскаго языка. Третье сообщеніе дѣйствительнаго члена общества Н. Ѳ. Катанова, «Итальянскій путешественникъ XIII вѣка Плано Карпини и сообщенія его о татарахъ и монголахъ», за позднимъ временемъ было сокращено: референтъ остановился преимущественно на біографіи знаменитаго путешественника, не давъ подробныхъ свѣдѣній объ его наблюденіяхъ.

Русское библіографическое общество. Въ февральскомъ засѣданіи общества В. Н. Рогожинъ сдѣлалъ сообщеніе по поводу предстоящаго въ 1902 году двухсотлѣтія русской періодической печати. 16 декабря 1702 года послѣдовалъ указъ Петра Великаго объ изданіи «Вѣдомостей о военныхъ и иныхъ дѣлахъ», и 3 января 1703 года появился первый нумеръ изданія на церковно-славянскомъ языкѣ. «Вѣдомости» издавались въ Москвѣ до 1711 года; затѣмъ онѣ выходили то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ до 1728 года, когда стали издаваться въ Петербургѣ подъ названіемъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». В. Н. Рогожинъ предложилъ обществу отпраздновать 200-лѣтній юбилей періодической печати устройствомъ торжественныхъ засѣданій и выставки газетъ, вышедшихъ въ Россіи за двухсотлѣтній періодъ, собравъ на ней портреты по возможности редакторовъ и выдающихся журналистовъ. Кромѣ того, намѣчено изданіе перваго года «Вѣдомостей о военныхъ и иныхъ

дѣлахъ» въ ихъ первоначальномъ видѣ. Наконецъ, высказано пожеланіе ознаменовать юбилей какимъ либо добрымъ дѣломъ, напримѣръ, положивъ начало фонду для оказанія помощи газетнымъ сотрудникамъ.

Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла. I. 15-го февраля состоялось четвертое засѣданіе коммиссіи по упорядоченію ученичества въ типографіяхъ и другихъ заведеніяхъ печатнаго дѣла, подъ предсѣдательствомъ Н. М. Королькова. Обсуждался проектъ правилъ для поступающихъ въ ученье. Единогласно рѣшено, что въ типографіи принимаются ученики и ученицы не моложе 14 лѣтъ, здоровые и крѣпкаго сложенія, послѣ медицинскаго осмотра и по выдержаніи экзамена по спеціально выработанной программѣ при бюро Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла. Въ типографіяхъ, литографіяхъ и прочихъ печатныхъ заведеніяхъ ученики обучаются 4 года, печатники — 5 лѣтъ. Во время обученія собственникъ печатнаго заведенія обязанъ не отвлекать ученика никакими занятіями, не относящимися къ изучаемой имъ спеціальности, освобождать отъ работы въ воскресные и праздничные дни для посѣщенія церкви и школы. При опредѣленіи часовъ дневной работы ученика нѣкоторыми типографами было высказано нѣсколько хорошихъ мыслей. Они находили, что если уже дѣйствительно заботиться объ упорядоченіи ученичества, то слѣдуетъ назначить не болѣе 8 часовъ работы въ день; по крайней мѣрѣ, придя домой, ученикъ успѣетъ и почитать что нибудь, и приготовить уроки, если онъ посѣщаетъ школу печатнаго дѣла, наконецъ достаточно отдохнетъ. Здоровье же теперешнихъ наборщиковъ настолько расшатано, что большинство ихъ въ молодыхъ лѣтахъ умираетъ въ чахоткѣ. Конечно, разрушительно дѣйствуетъ на здоровье и антисанитарное состояніе многихъ петербургскихъ типографій, но главнымъ образомъ—поздняя вечерняя работа. Открытой балотировкою было рѣшено руководствоваться въ данномъ случаѣ общимъ фабричнымъ закономъ. По окончаніи срока ученичества владѣлецъ печатнаго заведенія выдаетъ ученику удостовѣреніе, на основаніи котораго и по выдержаніи испытанія по техникѣ печатнаго дѣла онъ получаетъ званіе наборщика, цинкографа, печатника и проч. II. 21-го февраля, подъ предсѣдательствомъ В. В. Сабанина, обсуждался порядокъ цензированія частныхъ объявленій и мелкихъ типографскихъ работъ. На собраніи между прочимъ было высказано, что если близость мѣстнаго участка къ типографіи и способствуетъ скорости разрѣшенія объявленій къ печати, тѣмъ не менѣе представляетъ иной разъ и большія неудобства. Такъ, напримѣръ, случается, что типографія, пославшая спѣшное объявленіе въ свой, мѣстный участокъ, ждетъ разрѣшенія до поздняго вечера, такъ какъ участковый цензоръ объявленій занятъ своими прямыми служебными обязанностями, т.-е. находится на посту. Не маловажнымъ тормазомъ при разрѣшеніи объявленій къ печати служитъ и отсутствіе руководящихъ началъ у цензоровъ. Случается, что объявленіе одного и того же содержанія одинъ участокъ разрѣшаетъ, а другой—запрещаетъ. Напримѣръ, для напечатанія объявленія о продажѣ канареекъ мѣстный участокъ требуетъ представленія вида на жительство, а другой — не требуетъ. Точно также различно смотрятъ участковые цензора и на иногородныя объявленія. Нѣкоторые изъ цензоровъ ихъ не разрѣшаютъ и предлагаютъ отправить ихъ

на разрѣшеніе въ «мѣстный участокъ», несмотря на то, что онъ иной разъ находится за нѣсколько тысячъ верстъ отъ столицы. Отсюда — не только непроизводительный расходъ и трата времени, но, вслѣдствіе отсутствія публикаціи, и вообще задержка въ нѣкоторыхъ торгово-промышленныхъ дѣлахъ. Однимъ изъ членовъ было предложено ходатайствовать, чтобы вмѣсто теперешной системы существовала запретительная система, т.-е., если участокъ въ извѣстный срокъ не увѣдомилъ типографію о запрещеніи печатанія объявленія, представленнаго ею утромъ, слѣдовательно его можно печатать (такой порядокъ существуетъ для книгъ). На это возразили, что способъ этотъ былъ уже испробованъ въ Варшавѣ, но оказался непрактичнымъ, и сами же типографы просили объ отмѣнѣ его. Общее собраніе послѣ довольно продолжительнаго обмѣна мнѣній постановило: остаться при теперешнемъ порядкѣ цензированія объявленій и мелкихъ типографскихъ работъ (по участкамъ), но ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы участковые цензора руководствовались точными указаніями, что можно печатать, чего нельзя, чтобы запрещеніе объявленія было обязательно мотивировано, а не только ставился на немъ крестъ, какъ теперь; кромѣ того, выговорить право обжалованія мотивировки участковаго цензора. Для болѣе обстоятельной выработки правилъ и установленія порядка цензированія объявленій и мелкихъ типографскихъ работъ избрана коммиссія изъ четырехъ членовъ, которая и должна представить свой докладъ къ ближайшему общему собранію. **III.** 22-го февраля происходило, подъ предсѣдательствомъ Н. М. Королькова, пятое засѣданіе коммиссіи по упорядоченію ученичества въ типографіяхъ и другихъ печатныхъ заведеніяхъ. Коммиссія единогласно постановила, что владѣлецъ печатнаго заведенія обязанъ не только дать ученикамъ по возможности полное техническое образованіе, но также и слѣдить за нравственностью ихъ какъ въ стѣнахъ заведенія, такъ и внѣ онаго, посѣщая учениковъ въ случаѣ надобности и на дому. Для болѣе удобнаго надзора за учениками внѣ стѣнъ печатнаго заведенія предполагается установить для нихъ, какъ принято въ Германіи и Австріи, спеціальный знакъ, съ изображеніемъ орудія производства, который ученики должны носить на фуражкѣ. Собственникъ типографіи не имѣетъ права держать учениковъ болѣе слѣдующей нормы: при 2 наборщикахъ — 1 ученикъ, при 3 наборщикахъ 2 ученика, при 4—7 наборщикахъ—3 ученика, при 8—12 наборщикахъ—4 ученика, при 13—18 наборщикахъ—5 учениковъ, при 19—24 наборщикахъ—6 учениковъ, при 25—30 наборщикахъ—8 учениковъ. При большемъ количествѣ наборщиковъ допускается по 1 ученику на каждые 3 человѣка. Недоразумѣнія между владѣльцемъ заведенія и ученикомъ разрѣшаются раньше судебныхъ учрежденій фабричнымъ инспекторомъ съ двумя экспертами отъ Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла въ примирительномъ порядкѣ. Собственникъ печатнаго заведенія за упорное уклоненіе отъ исполненія своихъ обязанностей относительно учениковъ можетъ быть лишенъ права держать ихъ; ученики въ свою очередь за лѣность, нерадивое отношеніе къ дѣлу и дурное поведеніе исключаются изъ заведенія, и при этомъ договоръ о лѣтахъ обученія нарушается.

Географическое общество. I. Въ общемъ собраніи 14-го февраля, подъ

предсѣдательствомъ П. П. Семенова, были избраны въ дѣйствительные члены общества слѣдующія лица: В. Н. Акинфовъ, И. В. Аничковъ, гр. Г. II. Беннигсенъ, гр. А. А. Бобринскій, Н. Д. Боголюбовъ, А. Ф. Ботта, бар. Гойнингенъ-Гюне, М. В. Грулевъ, Н. М. Книповичъ, А. Н. Колюбакинъ, бар. Лаудонъ и Г. Г. Чертковъ. Затѣмъ дѣйствительный членъ общества А. Н. Новосильцовъ сдѣлалъ сообщеніе о Низовой Печорѣ, ея природѣ и населеніи. А. Н. Новосильцовъ совершилъ свою поѣздку на Печорскій лиманъ послѣднимъ лѣтомъ въ качествѣ помощника начальника экспедиціи по изслѣдованію русскаго побережья Сѣвернаго океана. Путь совершенъ былъ черезъ Архангельскъ, Усть-Цильму, Пустозерскъ. Два послѣдніе являются центрами Печорскаго края; Усть-Цильма основана въ 1542 г., имѣетъ двѣ церкви, одна изъ нихъ старообрядческая, жители почти всѣ страрообрядцы; главное занятіе жителей — судостроеніе. Къ сѣверу отъ Усть-Цильмы все населеніе расположилось по Печорѣ. Деревни очень рѣдки. Предѣломъ годнаго для построекъ лѣса является 67-я параллель. У Пустозерска берега Печоры покрыты кустарниками и озерами. Самое большое изъ нихъ Пустое озеро. Пустозерскъ очень живописенъ. Населенія въ немъ около 180 человѣкъ, занимающихся промыслами; главный промыселъ — ловля семги; самыя рыболовныя мѣста—устье Печоры. Пустозеры, какъ торговые люди, доходятъ даже до Обдорска. Климатъ и природа отъ Пустозерска до устьевъ Печоры суровы. Въ Пустозерскѣ 20-го апрѣля былъ глубокій снѣгъ. Въ маѣ и іюнѣ продолжаются морозы до 8 градусовъ. Почти всѣ пустоозеры собираются на лѣто въ устьѣ Печоры, гдѣ живутъ въ землянкахъ. Кромѣ ловли семги и другой рыбы, въ концѣ мая и въ іюнѣ, пока не взломался ледъ, производится ловля бѣлуги. Бываютъ годы, когда общаго улова рыбы на пай приходится до 200 пудовъ рыбы (при чемъ пудъ доходитъ до 2 рублей). При впаденіи Печоры въ лиманъ образуется Балвановская губа, за которой идетъ рядъ мысовъ. У мыса Константиновскаго происходили главнымъ образомъ всѣ работы экспедиціи; толщина льда здѣсь 4—7 футовъ. Наибольшая глубина 32 фута. Что касается живущихъ тамъ самоѣдовъ, то типъ ихъ крайне однообразенъ; всѣ они почти православные, но, кромѣ православныхъ именъ, имѣютъ свои собственныя; почти всѣ говорятъ они на нѣсколькихъ нарѣчіяхъ и обязательно по-русски, менѣе всего развитъ языкъ зырянскій. Семья у нихъ стоитъ высоко, положеніе женщины почетно, но какъ мужчины, такъ и женщины сильно пьютъ, чѣмъ пользуются торговцы, которые вообще держатъ ихъ въ огромной задолженности; главное занятіе самоѣда оленеводство, а также охота (они прекрасные стрѣлки), промыселъ тюленей и ловля песцовъ. Тюлени бьются изъ ружей, или черезъ зонты; песцы ловятся въ капканы. Цѣны на песцовъ доходятъ на мѣстѣ до 25 рублей. Въ заключеніе докладчикъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Югорскомъ шарѣ и Вайгачѣ, который является излюбленнымъ пунктомъ у самоѣдовъ для пастьбы лѣтомъ оленей и куда они переправляются черезъ проливъ вплавь. Ширина пролива отъ 3 до 12 верстъ; берега очень круты и скалисты. II. 16-го февраля въ засѣданіи общества по отдѣленію этнографіи Л. Я. Штернбергъ сдѣлалъ сообщеніе «О гилякахъ о. Сахалина и материковаго побережья». Въ сообщеніи этомъ докладчикъ коснулся главнымъ обра-

зомъ религіи гиляковъ; гилякъ—анимистъ, для него не существуетъ мертвой, неразумной природы, прообразомъ всего существующаго является человѣкъ; самую свою страну гилякъ считаетъ живымъ существомъ съ головой, упирающейся въ Охотское море, и двумя ногами; части этого цѣлаго существа—лѣса, скалы, горы и т. п.—также все живые боги; кромѣ фетишизма, у гиляка развитъ культъ животныхъ, въ основаніи котораго далеко не лежитъ страхъ, какъ обыкновенно принято это думать; самая кротость животнаго заставляетъ видѣть въ немъ покровительствующее гиляку божество; страшный тамъ медвѣдь крайне кротокъ и снисходителенъ къ людямъ; по мнѣнію гиляка, только сумасшедшій медвѣдь или полюбившая гиляка медвѣдица можетъ броситься на него; медвѣдь даже самъ подставляетъ лучшее мѣсто для удара, впрочемъ медвѣдь собственно и не умираетъ, а только отправляется къ своему хозяину и вновь дѣлается медвѣдемъ; такое же боготвореніе вызываетъ касатка, которая является бичемъ для всего живущаго въ морѣ, даже для кита, на котораго онѣ устраиваютъ правильную и безпощадную охоту; но для гиляка, которому касатки гонятъ на острогу обыкновенно увертывающагося отъ нихъ тюленя, онѣ являются благодѣтельными существами, онъ называетъ касатку царемъ, хозяиномъ, никогда на нее не охотится и случайно выброшенную на берегъ — торжественно хоронитъ. Животныя впрочемъ—не самостоятельные боги, они подчинены своимъ хозяевамъ, живущимъ въ лѣсахъ, горахъ, водахъ. Боги въ общемъ не требовательны, имъ не нужно большихъ жертвоприношеній, достаточно какого нибудь леденца или щепотки риса; но бываютъ иногда и кровавыя жертвоприношенія, объектами которыхъ обыкновенно служатъ собаки, которыя являются, такъ сказать, посланниками къ богамъ. Самые интересные и важные боги — это боги родовые, которые суть сородичи гиляковъ, перешедшіе въ роды хозяевъ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, умершіе, напримѣръ, отъ удара молніи, задранные медвѣдемъ, сгорѣвшіе и т. п. Этимъ родовымъ богамъ дѣлаютъ общія родовыя приношенія, соединенныя съ большими празднествами. Самый большой изъ нихъ это—медвѣжій праздникъ, продолжающійся нѣсколько дней, сопровождающійся различными торжественными обрядами, плясками, играми, огромнымъ пьянствомъ и убійствомъ вскормленнаго для этой цѣли въ клѣткѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ медвѣдя; убіеніе медвѣдя является въ этомъ случаѣ не жертвой богамъ, а только поводомъ къ жертвоприношеніямъ. Существуютъ и злые боги, являющіеся въ самыхъ различныхъ видахъ—людей, звѣрей и т. п., одни изъ нихъ занимаются воровствомъ, другіе нагоняютъ на людей болѣзнь и смерть; изгнаніе болѣзней происходитъ различными способами, главнымъ же образомъ — черезъ посредство шамановъ, которые являются избранниками боговъ, получившими откровеніе... Способовъ изгнанія болѣзней у шамановъ три: посредствомъ самогипноза и сновидѣній, гипноза окружающихъ и гипноза на разстояніи. Относительно загробной жизни у гиляковъ тоже своеобразныя вѣрованія — у каждаго гиляка есть душа, у бѣднаго одна, у богатаго двѣ, а у шамана—три; душа умершаго переселяется въ другой міръ, подобный существующему, и воплощается опять въ человѣка; новый міръ отличается только временемъ захода и восхода солнца, а также тѣмъ, что бѣдный становится богатымъ и наоборотъ;

послѣ 3-хъ разъ перевоплощенія души въ человѣка, она постепенно переходитъ въ различныхъ животныхъ. Похороны сопровождаются большимъ весельемъ; тѣла покойниковъ сжигаютъ.

Къ археологическому съѣзду. 5-го февраля состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ городѣ Харьковѣ. Профессоръ Д. И. Багалѣй прочелъ отчетъ по дѣламъ комитета, уже совершеннымъ, и намѣтилъ рядъ дѣлъ, которыя предстоитъ совершить — въ отношеніи устройства спеціальныхъ командировокъ и собиранія свѣдѣній по различнымъ древностямъ. Такимъ образомъ, предстоящимъ лѣтомъ предполагаются экскурсіи по изученію архивовъ (Д. И. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго), церковныхъ древностей (проф. Е. К. Рѣдина), церковныхъ архивовъ (проф. А. С. Лебедева), говоровъ населенія Курской губерніи и древностей (проф. М. Г. Халанскаго), по собиранію предметовъ для этнографической выставки (проф. А. Н. Краснова, Н. Ѳ. Сумцова, А. М. Покровскаго и др.), по производству раскопокъ кургановъ (проф. А. М. Покровскаго, Е. П. Трифильева, П. А. Ѳедоровскаго, проф. Л. Ю. Шепелевича и др.). Проф. А. Н. Красновъ предложилъ краткій проектъ экскурсій съ цѣлью составленія этнографическихъ коллекцій по Харьковской губерніи для выставки при археологическомъ съѣздѣ. Этотъ проектъ будетъ предложенъ московскому предварительному комитету, въ распоряженіе котораго, какъ извѣстно, харьковское губернское земство, по его просьбѣ и харьковскаго комитета, предоставило 2.000 рублей въ качествѣ субсидіи для составленія этнографическихъ коллекцій. Скромная сумма 2.000 рублей, какою можетъ располагать комитетъ, лишаетъ возможности поставить организацію собиранія матеріаловъ такъ широко, какъ того требуетъ дѣло; приходится ограничиваться тѣмъ, что позволяютъ средства. Систематическій обзоръ всей губерніи и ея уѣздовъ немыслимъ при этихъ условіяхъ. Въ виду этого, по проекту, нужно выбрать мѣста наиболѣе типичныя, взявъ по уѣзду на крайнемъ сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ губерніи. Наиболѣе удобными по различнымъ соображеніямъ будутъ для этой цѣли уѣзды: Старобѣльскій, Купянскій, Изюмскій, Зміевской, или Валковскій и Сумской, Ахтырскій, или Лебединскій, Волчанскій, Харьковскій. Такъ какъ практика показала, что однодневное пребываніе въ селеніи рѣдко когда позволяетъ добывать достаточное количество матеріаловъ, посвящать же по нѣсколько мѣсяцевъ на уѣздъ не позволяютъ ни время, ни средства экскурсантовъ, то предполагается выбрать въ каждомъ уѣздѣ до пяти пунктовъ, осмотръ которыхъ—по предварительномъ ознакомленіи съ литературою о краѣ и по разспроснымъ свѣдѣніямъ—окажется особенно интереснымъ. Эти пять пунктовъ и должны быть изучены болѣе подробно, посвящая на нихъ 3—4 дня и въ общей сложности около мѣсяца, или 20 дней на уѣздъ. Считая расходы по экскурсіи (разъѣзды, фотографіи, коллекціи предметовъ и др.) на уѣздъ въ 350—400 рублей, возможно командированіе изслѣдователей въ 4—5 уѣздовъ. При составленіи коллекцій нужно руководствоваться программами. Жилище и его варьянтъ, хозяйственныя постройки и проч. должны быть воспроизведены на фотографіяхъ систематически и примѣнительно къ тому, какъ это дѣлается въ научныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ Австріи и въ Германіи. На

фотографіяхъ же должны быть даны изображенія одеждъ, полевыхъ работъ, различныхъ видовъ употребленія самодѣльныхъ орудій, внутренности хатъ, а если возможно, то и характерныхъ обрядовъ и празднествъ; примѣнительно къ программѣ надо фотографировать и образцы кустарныхъ производствъ. Основными предметами для составленія коллекцій должны быть предметы кустарнаго производства, которыхъ желательно представить возможно полныя коллекціи, и древняя одежда. Что же касается другихъ предметовъ быта, то чѣмъ ближе коллекція ихъ будетъ къ дезидератамъ программъ, тѣмъ лучше, но точнаго опредѣленія и перечня заранѣе дать затруднительно, какъ какъ сохраненіе ихъ въ быту случайное и заранѣе указано быть не можетъ. Предварительный комитетъ обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу изученія народнаго быта, культуры, съ покорнѣйшей просьбой — прійти ему на помощь всѣмъ, чѣмъ только это возможно будетъ—для наивозможно лучшаго устройства этнографической выставки при съѣздѣ, которая послужитъ основаніемъ мѣстнаго этнографическаго музея. Проф. А. С. Лебедевъ сообщилъ о своихъ занятіяхъ въ архивѣ курскаго Знаменскаго монастыря и отмѣтилъ, въ качествѣ интереснаго матеріала для иконографіи—опись имущества архіерейскаго дома, отъ 1770 года. Здѣсь, между прочимъ, описана одна интересная икона: «изображеніе на деревѣ Христа отрока, спящаго на крестѣ, вокругъ на марингахъ золотомъ писанный курпедиментъ, внизу слова: хочай тѣло восхотѣло, и прочая, высота 7 вершковъ, ширина двѣ четверти и два вершка». Проф. Лебедевъ находитъ сходство описываемой иконы съ той, что предоставлена въ распоряженіе предварительнаго комитета и музея изящныхъ искусствъ университета В. Н. Свѣтъ. По мнѣнію проф. Е. К. Рѣдина, эта икона представляетъ собою краткій переводъ извѣстнаго въ христіанской иконографіи изображенія «недреманнаго ока», нерѣдко встрѣчающагося въ росписяхъ аѳонскихъ церквей, а также русскихъ (напримѣръ, Іоанна Златоуста въ Ярославлѣ), равно на иконахъ, воздухахъ и въ иконописныхъ подлинникахъ. Судя по характеру работы—икона г-жи Свѣтъ юго-западнаго происхожденія, XVIII вѣка. Заслушано отношеніе московскаго предварительнаго комитета, въ которомъ послѣдній обращаетъ вниманіе харьковскаго комитета на сохраняющіеся при этнографическомъ отдѣленіи Румянцевскаго музея рисунки съ малороссійскихъ костюмовъ, собранныхъ нѣкогда для политехнической выставки въ Москвѣ; кромѣ этого, — дѣлаетъ слѣдующее добавленіе къ изданнымъ харьковскимъ комитетомъ программамъ: «въ виду того, что историческая жизнь Малороссіи выработала самобытный типъ народной пѣсни, которая, благодаря всеобщей нивеллировкѣ, исчезаетъ въ Малороссіи, какъ исчезаетъ народная пѣснь и въ остальной Россіи, обратить вниманіе мѣстныхъ ученыхъ обществъ и земствъ на необходимость сдѣлать для малороссійской народной пѣсни то, что дѣлается императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ и этнографическимъ отдѣленіемъ московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи для собиранія великорусской пѣсни, возстановленія ихъ исполненія, гармонизаціи ихъ и проч., и на основаніи этого пожеланія, проситъ общества и земства не только принять мѣры къ собиранію народныхъ пѣсенъ и мотивовъ, но объ изысканіи средствъ къ ихъ изданію и сохраненію

среди народныхъ массъ». При этомъ же прибавляется, что при этнографическомъ отдѣленіи московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, равно какъ и при русскомъ географическомъ обществѣ, лежатъ нѣсколько сборниковъ пѣсенъ, которые не изданы до сихъ поръ по недостатку средствъ. Комитетъ постановилъ: 1) обратиться къ московскому комитету съ просьбой о предоставленіи вышеуказанныхъ рисунковъ для этнографической выставки, 2) обратиться къ харьковскому историко-филологическому обществу съ просьбой—принять на себя трудъ собиранія и изданія малороссійскихъ пѣсенъ и ходатайствовать предъ харьковскимъ губернскимъ земствомъ объ оказаніи ему въ этомъ содѣйствія и денежной помощи, 3) просить этнографическое отдѣленіе московскаго общества командировать для записи малороссійскихъ пѣсенъ спеціалистовъ-музыкантовъ въ Харьковскую губернію. Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ очеркъ покойнаго Г. С. Чиркова «Каменныя бабы въ Харьковской губерніи», написанный имъ еще въ 1879 году; въ виду интереса сообщенныхъ въ немъ свѣдѣній рѣшено напечатать его въ трудахъ предварительнаго комитета. Затѣмъ Д. И. Багалѣй познакомилъ съ результатами изученія имъ свѣдѣній, полученныхъ харьковскимъ статистическимъ комитетомъ, — о каменныхъ бабахъ Харьковской губерніи. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что количество каменныхъ бабъ, сравнительно съ данными 1880 года, уменьшилось: ихъ теперь пока зарегистровано 84; изъ нихъ на курганахъ стоятъ теперь всего 13 (въ Зміевскомъ уѣздѣ—1, въ Купянскомъ — 2, въ Старобѣльскомъ—1, въ Изюмскомъ—9, изъ общаго числа 44). Нѣкоторыя изъ каменныхъ бабъ, при томъ небольшой величины, грубой работы, служатъ межевыми знаками. Большая часть каменныхъ бабъ находится на мѣстахъ первоначальной ихъ установки, но часть — привезена сюда изъ другихъ губерній: Херсонской, Воронежской, Екатеринославской, Новороссійскаго края. По отношенію къ нѣкоторымъ извѣстно, что онѣ выкопаны изъ мѣстныхъ кургановъ (Зміевскаго уѣзда). Преданій, связанныхъ съ каменными бабами, сообщено немного: о происхожденіи ихъ: 1) каменные боги, 2) люди, окаменѣвшіе, когда ругали сильно пригрѣвавшее солнце или плевали на него; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ каменнымъ бабамъ привязывали конокрадовъ, зимой поливали водой. М. А. Поповъ и М. Д. Линда, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о каменныхъ бабахъ въ городѣ Харьковѣ, сообщили, что таковыя имѣются: на Екатеринославской улицѣ, противъ церкви св. Димитрія, у дома бывшаго Ковальчукова—три; одна—въ оградѣ Каплуновской церкви; одна—на Мѣщанской улицѣ—въ домѣ Солнцева. Постановлено обратиться къ губернаторамъ: херсонскому, таврическому, полтавскому, курскому, воронежскому и предварительнымъ комитетамъ: новочеркасскому, екатеринодарскому — съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній о каменныхъ бабахъ чрезъ посредство гг. исправниковъ и земскихъ начальниковъ, по программамъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, и о доставленіи ихъ харьковскому комитету. Заслушано предложеніе Ив. И. Поддубнаго, воспитанника харьковской гимназіи, нынѣ имѣющаго въ С.-Петербургѣ картографическое заведеніе, — издать на свои средства къ археологическому съѣзду археологическія карты. Постановлено благодарить г. Поддубнаго за это предложеніе и просить объ изданіи

топографическаго описанія Харьковской губерніи съ планами всѣхъ уѣздныхъ городовъ, намѣстничества, имѣющагося въ библіотекѣ Харьковскаго университета, или рукописнаго атласа Харьковской губерніи 1802 г., хранящагося въ императорской публичной библіотекѣ. Постановлено — согласно предложенію проф. М. Г. Халанскаго: просить администрацію университета обратиться съ просьбой къ курской епархіальной власти о передачѣ императорскому Харьковскому университету старопечатныхъ книгъ, имѣющихся въ церкви села Болховца, Бѣлгородскаго уѣзда, и о предоставленіи университету старопечатныхъ книгъ XVI—XVII вѣка, Маклаковской библіотеки (въ Путивлѣ, Курской губерніи) — для выставки старопечатныхъ изданій, имѣющей быть во время археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. Въ засѣданіи комитета, состоявшемся 5-го марта, профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что въ комитетъ начали поступать уже въ большомъ количествѣ свѣдѣнія по программамъ о различныхъ древностяхъ Харьковской губерніи, какъ отъ священниковъ епархіи, народныхъ учителей, такъ и отъ частныхъ лицъ; равно—кромѣ свѣдѣній, и самые предметы древности. Такимъ образомъ, если присылка предметовъ древности будетъ и впредь продолжаться, если покорнѣйшая просьба комитета объ этомъ найдетъ откликъ въ обществѣ, то успѣхъ археологической выставки при первомъ въ Харьковскомъ краѣ археологическомъ съѣздѣ будетъ обезпеченъ. Профессоръ Д. И. Багалѣй доложилъ: 1) сообщеніе А. М. Катрухина о курганахъ возлѣ слободы Сватовой Лучки, у хутора Ѳомовки (Хомивки): группы кургановъ по два, по три; два городища по берегамъ рѣки Красной, у Ѳомовки и на участкѣ земли крестьянъ Рыбальченко, и рядѣ «могилокъ» у той же Ѳомовки; 2) предложеніе И. С. Шаровкина—въ даръ глиняной копилки и для выставки коллекціи старинныхъ монетъ; 3) предложеніе И. В. Попова (изъ Екатеринослава) выслать рукописи времени императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II-й, относящіяся къ дѣламъ Новороссійскаго края; 4) сообщеніе г. Левандовскаго о курганахъ въ имѣніи М. А. Ефремова въ с. Александровскомъ, Таганрогскаго округа, въ количествѣ 6—8 штукъ, высотой до $2^1/_2$ аршинъ; 5) сообщеніе Б. С. Познанскаго о курганахъ Воронежской губерніи, уѣздовъ Коротоякскаго и Павловскаго; 6) сообщеніе Т. В. Проскурникова о древностяхъ г. Корочи: Думчевѣ курганѣ, Ханскомъ колодезѣ и о валѣ на рѣкѣ Рати; 7) о дарѣ г-жи Г. И. Радаковой альбома таблицъ, копій въ краскахъ орнамента на различныхъ предметахъ, главнымъ образомъ, на тканяхъ крымскихъ татаръ. Проф. Е. К. Рѣдинъ, указавъ на то значеніе, какое имѣетъ изученіе народнаго костюма въ исторіи культуры, и отмѣтивъ, что малороссійскій костюмъ еще мало изученъ, изслѣдованъ, познакомилъ съ трудомъ Б. С. Познанскаго, посвященнымъ малороссійскому костюму. Въ виду высокихъ достоинствъ труда г. Познанскаго, рѣшено напечатать его въ «Трудахъ предварительнаго комитета». Профессоръ Е. К. Рѣдинъ прочелъ: 1) сообщеніе г. Яковлева о случайной раскопкѣ кургана у с. Скотоватаго, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губ., при которой были найдены каменныя плиты изъ краснаго песчаника, костяки, головой къ востоку, глиняная посуда различной формы и величины; 2) докладъ г. Яковлева о случай-

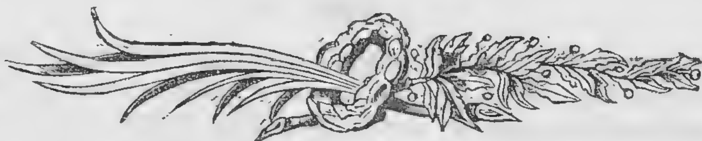
ныхъ археологическихъ находкахъ при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ. Докладчикъ обращаетъ вниманіе на весьма печальное явленіе — гибель массы кургановъ и всего, что въ нихъ заключается, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, благодаря невниманію гг. инженеровъ, завѣдующихъ работами: «Инженеры, дѣлая изысканія новостроящейся линіи, говоритъ г. Яковлевъ, измѣряютъ каждую пядь мѣстности, по которой пройдетъ дорога; они видятъ сотни разъ тѣ курганы, которые потомъ нужно будетъ срѣзать и уничтожить, и имъ прежде всего слѣдовало бы исполнить тѣ правила, которыя они же вписываютъ въ контракты подрядчикамъ и этимъ снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность; почему бы имъ не взять на себя труда по раскопкѣ встрѣтившихся кургановъ, могилъ и проч., и этимъ предупредить расхищеніе и уничтоженіе археологическихъ богатствъ данной мѣстности? За послѣдніе годы на югѣ Россіи проведена масса желѣзныхъ дорогъ, а много-ли предметовъ, найденныхъ при этомъ, попало въ руки археолога и сдѣлалось достояніемъ науки?» Профессоръ Е. К. Рѣдинъ прочелъ сообщеніе учителя купянскаго духовнаго училища г. Попова о древностяхъ, найденныхъ въ окрестностя г. Купянска и пожертвованныхъ имъ музею древностей Харьковскаго университета. Заслушаны предложенія П. В. Иванова: 1) объ извлеченіи изъ «Межевыхъ журналовъ» генеральнаго межеванія Харьковской губ. матеріаловъ по ея исторіи и географіи; 2) объ извлеченіи того же рода матеріала изъ «дозорныхъ книгъ»; 3) объ описаніи шляховъ Муравскаго, Изюмскаго и Калміусскаго въ ихъ настоящемъ состояніи; 4) объ устройствѣ предварительной выставки по иконографіи. А. Я. Ефименко сообщила о находкахъ различныхъ предметовъ древности въ Донецкомъ городищѣ. По обсужденіи докладовъ и предложеній, рѣшено: докладъ г. Яковлева представить на заключеніе археологическаго съѣзда; г. Шаровкина — просить о высылкѣ его предметовъ для выставки; И. В. Попова просить о высылкѣ его рукописей; представить докладъ о «межевыхъ журналахъ», на изданіе же матеріала изъ оныхъ необходимо изысканіе средствъ; для описанія шляховъ—просить московскій предварительный комитетъ назначить особую экскурсію; рѣшено также произвести предварительное обслѣдованіе Донецкаго городища.

Витебскія древности. Въ прошломъ году состоялось распоряженіе, по которому документы витебскаго центральнаго архива, собранные изъ бывшихъ присутственныхъ мѣстъ Витебской и Могилевской губерній, должны быть переданы въ Вильну. Недавно, по распоряженію высшаго духовнаго начальства, и изъ витебской семинаріи взята находившаяся здѣсь такъ называемая уніатская библіотека, заключавшая рѣдкіе памятники западно-русской печати, и передана въ Кіевскую духовную академію.

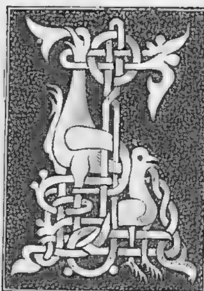
Премія при Томскомъ университетѣ. При императорскомъ Томскомъ университетѣ учреждена новая премія имени А. М. Сибирякова, на соисканіе которой могутъ быть представлены оригинальныя историческія на русскомъ языкѣ сочиненія о Сибири, именно такія, предметомъ которыхъ служитъ описаніе всего края или его частей, или же условій быта сибирскихъ племенъ, или нравовъ, просвѣщенія и т. п. Къ соисканію преміи допускаются также и

научныя изданія сборниковъ, впервые извлеченныхъ изъ архива. Сочиненія могутъ быть какъ писанныя, такъ и уже напечатанныя, но вышедшія въ свѣтъ не ранѣе 5 лѣтъ до конкурса. Премія состоитъ изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ А. М. Сибиряковымъ, въ размѣрѣ 16.500 рублей. Величина премій опредѣлена въ 1.000 рублей за лучшее и 500 рублей за слѣдующее по качеству сочиненіе. Присужденіе преміи будетъ производиться разъ въ три года, начиная съ текущаго 1901 года.

НЕКРОЛОГИ.

Боголѣповъ, Н. П. 2-го марта въ Петербургѣ скончался министръ народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Николай Павловичъ Боголѣповъ отъ раны, полученной имъ 14-го февраля. Покойный родился 27-го ноября 1846 года, въ г. Серпуховѣ, Московской губерніи. Отецъ его, изъ духовнаго званія, провелъ часть своей службы въ составѣ мѣстной администраціи. Н. П. было одиннадцать лѣтъ, когда родители отвезли его въ первую московскую гимназію, въ которую онъ и поступилъ прямо во второй классъ. Уже на школьной скамьѣ Н. П. пришлось познакомиться съ нуждой: онъ бѣгалъ по урокамъ и занимался перепиской, копя деньги на то, чтобы имѣть возможность «ѣздить домой на каникулы». Въ этой гимназіи на мальчика,—будущаго министра,—произвели крайне благопріятное вліяніе учитель исторіи Собачковъ, учитель русской словесности Студенниковъ, учителя естественной исторіи Григорьевъ и Вейнбергъ, учитель латинскаго языка Мальмъ и въ особенности директоръ гимназіи М. А. Малиновскій, который уже по окончаніи Н. П. курса и вступленіи въ Московскій университетъ рекомендовалъ его въ качествѣ учителя въ семью князя А. К. Ливена, сенатора, на дочери котораго княжнѣ Е. А. Николай Павловичъ впослѣдствіи женился. На университетской скамьѣ Н. П. Боголѣповъ много работалъ, и на послѣднемъ курсѣ написалъ сочиненіе на золотую медаль на тему «Обычное право». Въ 1868 г. Н. П. Боголѣповъ кончилъ университетъ, изъ слушанія курса въ которомъ онъ вынесъ свѣтлое воспоминаніе о проф. Б. Н. Чичеринѣ. Молодой студентъ поступилъ на службу въ уголовный департаментъ московскаго сената. Но профессора М. Н. Капустинъ и Никольскій настояли на томъ, чтобы ему было предложено остаться при университетѣ, и вотъ уже съ 1869 г. Н. П. Боголѣповъ всецѣло отдается изученію римскаго права. Еще находясь при университетѣ, онъ репетируетъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ по курсу законовѣдѣнія, а затѣмъ, выдержавъ магистерскій экзаменъ, приглашается юридиче-

скимъ факультетомъ Московскаго университета въ 1873 г. читать студентамъ 3-хъ курсовъ исторію римскаго права. Въ 1876 г., защитивъ диссертацію на тему «Значеніе общенароднаго права (jus gentium) въ римской классической юриспруденціи» (отдѣльное изданіе въ Москвѣ въ 1876 г., IV + 252 + + 2 стр. 8°). Боголѣповъ былъ избранъ доцентомъ своего родного университета и командированъ на 2 года для усовершенствованія за границу. Онъ путешествовалъ по Италіи, Швейцаріи, слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ и Геттингенскомъ университетахъ у Куно-Фишера, у Іеринга, въ Парижѣ въ «Ecole de droit» и т. д. Возвратясь изъ путешествія въ 1878 г., онъ читалъ въ Московскомъ университетѣ курсъ исторіи римскаго права.

Въ 1881 году Н. П. Боголѣповъ защитилъ диссертацію на степень доктора гражданскаго права, на тему «Формальныя ограниченія свободы завѣщаній въ римской классической юриспруденціи» (отдѣльное изданіе въ Москвѣ въ 1881 г.; VIII + 275 стр. 8°), и въ этомъ же году занялъ каѳедру ординарнаго профессора. Кто-то изъ критиковъ, отнесшихся вообще сочувственно къ этому труду тогда еще молодого ученаго, отозвался о диссертаціи Н. П. даже такъ: «Она—неоцѣненное сокровище для всякаго романиста». Переутомленіе, семейное горе—болѣзнь жены—заставили Н. П. Боголѣпова въ 1890 г. отказаться до срока отъ обязанностей ректора, на постъ котораго онъ былъ избранъ въ 1883 г. Онъ сталъ печатать свой трудъ — «Пособіе къ лекціямъ по исторіи римскаго права» (Москва, 1890 г., 8°, 644 стр.), но въ 1891 г. уже снова былъ назначенъ ректоромъ Московскаго университета. Въ 1893 г. онъ оставилъ эту должность, а въ 1895 г., съ 25-го іюня, мы уже видимъ его на посту попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ этомъ же году (1895) Н. П. напечаталъ: «Учебникъ исторіи римскаго права. Пособіе къ лекціямъ» (VIII + 640 стр.).

Въ 1898 г., 12-го февраля, Н. П. Боголѣповъ былъ назначенъ преемникомъ графа Делянова, занявъ постъ министра народнаго просвѣщенія.

(Некрологи его: «Нов. Вр.», 1901 г., № 8984; «Россія», 1901 г., № 665; «Недѣля», 1901 г., № 9).

† **Баронъ В. Г. Врангель.** 25-го февраля скончался отъ паралича сердца молодой композиторъ баронъ В. Г. Врангель. По окончаніи курса въ пажескомъ его величества корпусѣ, баронъ Врангель поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ состоялъ до самой своей преждевременной смерти чиновникомъ особыхъ порученій. Несмотря на свои служебныя обязанности, онъ находилъ возможнымъ удѣлять время на изученіе своего любимаго искусства—музыки, влеченіе къ которой чувствовалъ уже съ юныхъ лѣтъ. Для этой цѣли онъ поступилъ въ петербургскую консерваторію въ спеціальный классъ теоріи композиціи профессора Іогансена, который и окончилъ у послѣдняго съ успѣхомъ. Выступивъ, вслѣдъ за тѣмъ, на композиторское поприще съ большимъ запасомъ спеціальныхъ знаній, баронъ Врангель вскорѣ обратилъ на себя вниманіе публики. Многочисленные его романсы были очень распространены и находились въ текущемъ репертуарѣ нашихъ лучшихъ пѣвцовъ—гг. Фигнера, Яковлева и др. Популярностью своей произведенія его обязаны мелодичности и благородству ихъ музыкальнаго рисунка, легко усвояемой формѣ и

естественной, всегда красивой гармонизаціи. Его пантомима-балетъ «Прерванная свадьба» шла на великосвѣтскихъ спектакляхъ любителей балетнаго искусства; балетъ же «Микадо», написанный по заказу дирекціи императорскихъ театровъ, былъ поставленъ на казенной сценѣ съ небывалой роскошью и выдержалъ цѣлый рядъ представленій. Въ 1898 и 1899 гг. баронъ Врангель состоялъ редакторомъ «Нувеллиста», художественное значеніе котораго онъ поднялъ въ значительной степени. За время его редакторства въ «Нувеллистѣ» печатали свои сочиненія гг. Балакиревъ, Глазуновъ, А. С. Танѣевъ, П. Давыдовъ и др. Въ послѣднее время покойный былъ занятъ сочиненіемъ оперы, извѣстные отрывки изъ которой свидѣтельствуютъ о талантливости автора, дарованіе котораго, къ сожалѣнію, отцвѣло, не успѣвъ расцвѣсть тѣмъ пышнымъ расцвѣтомъ, на который можно было вполнѣ разсчитывать. (Некрологъ его: «Новости» № 57).

† **Добрянскій, А. И.** Въ Инспрукѣ, 9-го марта, скончался на 98 году жизни талантливый галицко-русскій писатель и общественный дѣятель, послѣдній могиканъ славянскихъ дѣятелей начала прошлаго вѣка, при которыхъ началась эпоха возрожденія славянства, Адольфъ Ивановичъ Добрянскій. Добрянскій считается начинателемъ угорско-русскаго возрожденія. Своихъ симпатій къ Россіи онъ никогда не скрывалъ и за это былъ вынужденъ бѣжать въ Галичину, откуда вернулся въ 1849 г. въ Венгрію, вмѣстѣ съ русскими войсками, прибывшими для подавленія возстанія мадьяръ. Добрянскій былъ во главѣ русской депутаціи, заявившей австрійскому правительству желанія своего народа: автономія Угорской Руси, равноправность съ мадьярами, учрежденіе русскихъ школъ, университета во Львовѣ и пр. Въ 1864 году имъ было основано «Общество святого Василія Великаго», поставившее себѣ задачею издавать книги для церкви и школы. Ставъ во главѣ этого общества, Добрянскій предпринялъ изданіе руссофильской газеты «Свѣтъ», которою и руководилъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Покойный, несмотря на почетный служебный постъ начальника департамента, до конца дней своихъ состоялъ подъ надзоромъ австрійской полиціи, какъ опасный руссофилъ. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 673).

† **Козловъ, А. А.** 27-го февраля, въ Петербургѣ, скончался послѣ 15-тилѣтней тяжкой болѣзни бывшій профессоръ философіи въ Кіевскомъ университетѣ Алексѣй Александровичъ Козловъ. Покойный родился въ 1831 году въ Москвѣ. По окончаніи въ 1856 г. Московскаго университета, въ теченіе 10 лѣтъ занимался преподаваніемъ и изучалъ различныя соціальныя науки. До 1866 года онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ «Москов. Вѣстн.», «Днѣ», «Вѣстникѣ Промышленности» и другихъ изданіяхъ. Въ 1866 г. Козловъ былъ арестованъ и вынужденъ оставить Москву. Занявшись сельскимъ хозяйствомъ, Козловъ увлекся естествознаніемъ и постепенно сталъ приближаться къ господствовавшимъ въ то время философскимъ направленіямъ. Начавъ съ матеріализма, Козловъ перешелъ къ позитивизму, затѣмъ къ пессимизму и кончилъ самымъ ревностнымъ спиритуализмомъ. Въ 1876 году Козловъ выступилъ преподавателемъ философіи въ Кіевскомъ университетѣ, и съ этого времени до 1900 года онъ посвящалъ свою литературную дѣятельность разнаго рода фи-

лософскимъ вопросамъ. Оставляя въ сторонѣ множество критическихъ статей и замѣтокъ, здѣсь можно лишь указать на крупныя его работы: «Сущность мірового процесса» (М., 1882—1886, изложеніе философіи Гартмана), «Философія дѣйствительности» (Кіевъ, 1878, изложеніе философіи Дюринга), «Философскіе этюды», ч. I и II, «Генезисъ теоріи пространства и времени Канта» (Кіевъ, 1884), «Философія какъ наука» (Кіевъ, 1877), «Религія гр. Л. Н. Толстого, его ученіе о жизни и любви» (Спб., 1895), «Современныя направленія въ философіи» («Загран. Вѣстн.» 1881—1882), «Позитивизмъ Конта» («Вопросы философіи и психологіи» 1892), «Французскій позитивизмъ» (тамъ же, 1893), «Густавъ Тейхмюллеръ» (тамъ же, 1894—1895). Козлову принадлежитъ почипъ въ изданіи философскаго журнала: въ теченіе 1886 г. онъ выпускалъ «Философскій Трехмѣсячникъ», прекратившійся лишь вслѣдствіе тяжкой болѣзни его составителя. Въ послѣдніе годы своей жизни Козловъ излагалъ свою философскую систему, названную имъ панисихизмомъ, въ періодическомъ сборникѣ «Свое Слово» (5 выпусковъ). Уже прикованный къ одру болѣзни, Козловъ все-таки читалъ у себя дома лекціи различнымъ интеллигентнымъ кружкамъ. Почившій философъ состоялъ почетнымъ членомъ московскаго психологическаго и петербургскаго философскаго обществъ. (Некрологи его: «Россія» 1901, № 662; «Нов. Вр.» 1901, № 8987).

† **Краевскій, В. Ф.** 1-го марта въ Петербургѣ скончался одинъ изъ популярнѣйшихъ врачей, докторъ медицины Владиславъ Францевичъ Краевскій. Покойный родился въ 1829 году въ Варшавѣ, гдѣ и получилъ свое среднее образованіе. Высшее образованіе В. Ф. закончилъ на медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета и по окончаніи курса еще нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи выдающихся профессоровъ заграничныхъ университетовъ. Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ д-ръ Краевскій пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь сразу завоевалъ себѣ любовь паціентовъ и пріобрѣлъ обширнѣйшую практику. Покойный много работалъ надъ вопросомъ о примѣненіи гимнастическихъ упражненій для лѣченія нѣкоторыхъ болѣзней и затѣмъ, отдавшись весь гимнастикѣ,—дѣятельно занялся и другими видами спорта, но всегда на первомъ планѣ у него была атлетика. Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ докторъ Краевскій образовалъ кружокъ гимнастовъ, которые собирались для упражненій у него на квартирѣ; изъ этого-то кружка, года четыре назадъ, образовалось с.-петербургское велосипедно-атлетическое общество, предсѣдателемъ котораго В. Ф. состоялъ по день своей кончины. Покойный въ теченіе почти двадцати лѣтъ состоялъ врачомъ с.-петербургскихъ императорскихъ театровъ и принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ экспериментальной психологіи. (Некрологи его: «Россія 1901, № 665; «Нов. Время» 1901, № 8988).

† **Ламанскій, С. И.** 16-го марта скончался Сергѣй Ивановичъ Ламанскій, выдающійся физіологъ-физикъ и переводчикъ многихъ популярно-научныхъ работъ. Покойный родился въ 1841 году; по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ отправился въ 1864 г. за границу для усовершенствованія въ научныхъ занятіяхъ. Здѣсь онъ работалъ въ физіологическихъ лабораторіяхъ Лейкарта въ Гиссенѣ, Мейснера въ Геттингенѣ и Гейденгейна въ Бре-

славлѣ. Въ 1866 году онъ переѣхалъ въ Гейдельбергъ и здѣсь продолжительное время занимался у Гельмгольца изслѣдованіями по электрофизіологіи и физіологической оптикѣ и произвелъ изслѣдованіе надъ распредѣленіемъ тепла въ солнечномъ спектрѣ. Въ 1874 году Ламанскій возвратился въ Россію и началъ читать лекціи по физикѣ въ медико-хирургической академіи, затѣмъ перешелъ въ Варшавскій университетъ, гдѣ оставался до 1879 года. Отсюда С. И. уѣхалъ въ Парижъ и занимался у Маскара въ «Collège de France»; результатомъ этихъ занятій былъ рядъ работъ по флуоресценціи. Въ 1881 году, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ занималъ послѣдовательно должности: физика на главной физической обсерваторіи и старшаго техника при городской коммиссіи по надзору за освѣщеніемъ столицы. За этотъ періодъ дѣятельности съ именемъ покойнаго связанъ цѣлый рядъ изслѣдованій о нефтяномъ, каменноугольномъ и водяномъ газахъ и о вліяніи примѣси воздуха на свѣтовую силу нефтяного газа. Въ послѣдней должности — инспектора главной палаты мѣръ и вѣсовъ—покойный состоялъ съ 1893 года. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 681).

† **Макшеевъ, В. А.** 9-го марта въ Москвѣ скончался одинъ изъ талантливыхъ артистовъ московскаго Малаго театра, Владиміръ Александровичъ Макшеевъ. Покойный родомъ изъ дворянской семьи, родился 16-го мая 1843 г. въ Гельсингфорсѣ и воспитывался въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ 1863 г. поступилъ на службу въ крѣпостную артиллерійскую бригаду Свеаборга; черезъ годъ перешелъ въ 1-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду въ Москвѣ и вскорѣ, бросивъ военную службу, посвятилъ себя артистической дѣятельности, начавъ ее дебютомъ въ артистическомъ кружкѣ, подвизавшемся въ Москвѣ, въ театрѣ, бывшемъ Шелапутина. Затѣмъ, постранствовавъ нѣкоторое время по провинціи (Саратовъ, Тула, Курскъ и др.), гдѣ талантъ его развился и окрѣпъ, В. А. Макшеевъ вступилъ въ славную семью Малаго театра и сразу же занялъ здѣсь выдающееся положеніе. Характерной чертой его дарованія была искренность, врожденный юморъ и добродушное веселье, которое невольно передавалось зрителямъ. Насколько не удавались артисту случайно выпадавшія на его долю роли свѣтскихъ людей, иностранцевъ или злодѣевъ,—настолько же неподражаемъ онъ былъ въ пьесахъ Островскаго и въ легкой комедіи. Лучшими и любимыми ролями В. А. въ обширномъ его репертуарѣ были: Городничій въ «Ревизорѣ», Ризположенскій въ «Свои люди сочтемся», Подколесина въ «Женитьбѣ», Органа въ «Мнимомъ больномъ» и Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго». (Некрологи его: «Россія» 1901 г., № 672; «Нов. Время» 1901 г., № 8992).

† **Покровскій, П. М.** 18-го февраля, въ Кіевѣ скончался ординарный профессоръ университета св. Владиміра по каѳедрѣ чистой математики Петръ Михайловичъ Покровскій. Покойный, уроженецъ Тульской губерніи, родился въ 1857 г., образованіе получилъ въ тульской гимназіи и на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета. Въ 1881 г. по окончаніи курса со степенью кандидата, Покровскій былъ оставленъ для приготовленія къ профессурѣ при каѳедрѣ чистой математики. Съ 1883 по 1891 г. покойный

состоялъ преподавателемъ математики во многихъ московскихъ гимназіяхъ, а въ 1885 г., будучи назначенъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета, въ теченіе шести лѣтъ читалъ лекціи по различнымъ отдѣламъ математики, а также руководилъ практическими занятіями студентовъ. Въ 1887 г., по защитѣ диссертаціи «Теорія ультраэллиптическихъ функцій I класса», онъ получилъ степень магистра чистой математики. Эта работа, кромѣ того, была удостоена преміи имени профессора Н. Д. Брашмана (учрежд. въ 1864 г.). Получивъ затѣмъ заграничную командировку, покойный почти два года занимался въ Берлинѣ изученіемъ методовъ знаменитаго Вейерштрасса, приложеніемъ идей котораго къ различнымъ вопросамъ теоріи высшихъ трансцендентныхъ онъ и посвятилъ значительную часть своихъ работъ. Въ 1891 г. Покровскій признанъ былъ докторомъ чистой математики за диссертацію «О преобразованіяхъ ультра-эллиптическихъ интеграловъ» и назначенъ профессоромъ университета св. Владиміра, гдѣ и читалъ свой курсъ математики до послѣднихъ дней. Изъ сочиненій Покровскаго наиболѣе извѣстны: «Историческій очеркъ теоріи ультра-эллиптическихъ и Абелевыхъ функцій», «Къ элементарной теоріи уравненій третьей и четвертой степени», «Теорема Абеля въ новой формѣ», «Теорема сложенія трансцендентныхъ функцій» и др. Работы его печатались въ «Московскомъ Математическомъ Сборникѣ», «Отчетахъ Кіевскаго математическаго общества», въ «Bulletin Darboux» и др. Покойный состоялъ членомъ математическихъ обществъ: московскаго, кіевскаго и казанскаго, кромѣ того, былъ непремѣннымъ членомъ общества любителей естествознанія въ Москвѣ и членомъ многихъ иностранныхъ математическихъ обществъ. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1901 г., № 8976; «Россія» 1901 г., № 654).

† **Портенъ, А. В.** 7-го марта скончался въ Ригѣ одинъ изъ выдающихся віолончелистовъ-виртуозовъ, Арведъ Владимировичъ Портенъ. Уроженецъ Риги (род. 1-го мая 1836 г.), покойный большую часть жизни своей провелъ въ Петербургѣ и затѣмъ за границею. Онъ состоялъ віолончелистомъ въ нашей итальянской оперѣ, былъ одно время профессоромъ въ консерваторіи (въ началѣ семидесятыхъ годовъ), но вслѣдствіе нервнаго разстройства оставилъ эту должность. Съ тѣхъ поръ онъ или совершалъ концертныя поѣздки по Россіи или жилъ за границею, большею частью, въ Брюсселѣ.

Имъ написано много пьесъ для віолончели, но онѣ не всѣ изданы; кромѣ того, имъ издано двѣ книги (на французскомъ и русскомъ языкахъ): «Завѣщаніе музыканта» и «Un coin perdu de la Russie». Въ первой изъ нихъ онъ возсталъ противъ чрезмѣрнаго наполненія консерваторій сомнительными дарованіями, вообще противъ чрезмѣрнаго культа музыки, обозначившагося въ послѣднія десятилѣтія — курьезная постановка вопроса для человѣка, посвятившаго всю жизнь искусству. Во второй въ простой и непритязательной формѣ, но живо и интересно онъ передаетъ свои наблюденія надъ общественною жизнью русской провинціи, сдѣланныя имъ во время его поѣздокъ по Россіи, предпринимавшихся имъ нерѣдко послѣ оставленія консерваторіи. За грани-

цею онъ не могъ долго ужиться: его тянуло постоянно въ Россію. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1901 г., № 8995).

† **Ремезовъ, И. С.** 12-го марта въ Петербургѣ скончался членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Сократовичъ Ремезовъ. Покойный родился въ 1828 году; въ 1847 году онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ по камеральному факультету въ 1851 году. Послѣ этого онъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ былъ дѣлопроизводителемъ въ департаментѣ государственной экономіи, а съ 1883 года — помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Года три назадъ И. С. былъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Литературную дѣятельность И. С. началъ еще въ 1840 г. помѣщеніемъ нѣсколькихъ повѣстей и разсказовъ въ журналѣ «Иллюстрація»; затѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ настольномъ словарѣ Толя, писалъ въ журналѣ «Русское Слово» и былъ редакторомъ текста «Русскаго Художественнаго Листка» Тимма. Въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ онъ издалъ рядъ брошюръ для народнаго чтенія о русскихъ самоучкахъ, а въ 1886 г. собралъ и обработалъ этотъ матеріалъ въ одной книгѣ подъ общимъ заглавіемъ «Самоучки («Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи»). Вопросы народнаго образованія и просвѣщенія вообще всего болѣе интересовали И. С. и составляли, такъ сказать, главный нервъ всей его жизни и дѣятельности. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ единства средней школы и отдѣленія профессіональнаго образованія отъ общаго, И. С. всю свою жизнь обдумывалъ и обрабатывалъ отвѣчавшій его идеямъ общій планъ народнаго образованія, который и былъ имъ опубликованъ вмѣстѣ съ критикою существующей постановки у насъ этого дѣла въ брошюрѣ: «Главныя основы общей системы народнаго образованія», вышедшей въ С.-Петербургѣ въ 1899 году безъ имени автора. Статьи И. С. по народному образованію и по педагогическимъ вопросамъ печатались въ «Журналѣ для воспитанія», «Семьѣ и Школѣ» и «Народной Школѣ».

Всегда бодрый, жаждавшій общественной дѣятельности и притомъ всецѣло преданный университету, И. С. принималъ самое дѣятельное участіе въ обществѣ вспомоществованія студентамъ императорскаго С.-Петербургскаго университета; благодаря его энергіи и настойчивости, вызывавшей даже нареканія со стороны нѣкоторыхъ изъ сочленовъ, удалось увеличить неприкосновенный капиталъ общества съ 4.000 до 100.000 рублей.

И. С. былъ также членомъ и казначеемъ комитета грамотности, изъ коего вышелъ послѣ его преобразованія. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1901 г., № 8995; «Россія» 1901 г., № 677).

† **Рукавишниковъ, И. Д.** 23-го февраля, скончался почетный мировой судья Иванъ Васильевичъ Рукавишниковъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи филантроповъ. Сынъ виднаго дѣятеля на Уралѣ, Ив. Вас. родился въ 1842 году, образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ и затѣмъ на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. Первые шаги обществен-

ной дѣятельности Ивана Васильевича начались по избраніи его мировымъ судьею г. Петербурга. Первые четыре трехлѣтія по введеніи судебныхъ уставовъ Рукавишниковъ безсмѣнно исполнялъ должность мирового судьи. Сталкиваясь въ своей камерѣ съ тысячами фактовъ горькой нищеты, преступленій изъ-за куска хлѣба, Рукавишниковъ проникся другою мыслью о служеніи обществу, мыслью работать на почвѣ благотворительности. Онъ отказывается отъ баллотировки на пятое трехлѣтіе, но зато избирается думою въ почетные мировые судьи, званіе которое онъ носилъ до послѣдняго дня жизни. Съ девятидесятыхъ годовъ Рукавишниковъ посвятилъ себя дѣятельности по николаевскому комитету для разбора и призрѣнія нищихъ, гдѣ въ теченіе $5^1/_2$ лѣтъ состоялъ вице-президентомъ. На нужды комитета Иванъ Васильевичъ затратилъ немало своихъ средствъ и вложилъ много труда, онъ устроилъ паровую образцовую прачешную, пріобрѣлъ для ремесленнаго училища инвентарь, организовалъ работы нищихъ внѣ дома комитета, устроилъ убѣжище, улучшилъ больницу, лѣчебницу и пріютъ для малолѣтнихъ дѣтей. Покойный, между прочимъ, создалъ народный театръ въ селѣ Рожественѣ, лѣчебницу, школу, библіотеку — тамъ же, больницу въ селѣ Даймище и много другихъ учрежденій. Онъ долгое время былъ казначеемъ палестинскаго общества, предсѣдателемъ попечительнаго комитета Елисаветинской дѣтской больницы, членомъ общества борьбы съ проказою, предсѣдателемъ Александровскаго пріюта для арестантскихъ дѣтей и членомъ многихъ другихъ благотворительныхъ учрежденій, содѣйствуя успѣшной дѣятельности каждаго изъ нихъ щедрыми пожертвованіями. Скончался Иванъ Васильевичъ на 58 году отъ рожденія. (Некрологи его: «Россія» 1901 г., № 659; «Новое Время» 1901 г., № 8989).

† **Спиткинъ, М. Н.** Въ Петербургѣ скончался извѣстный врачъ по дѣтскимъ болѣзнямъ Михаилъ Николаевичъ Спиткинъ, авторъ распространенной книги «Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми». Покойный родился въ 1837 году, образованіе получилъ въ 3-й с.-петербургской гимназіи и въ медико-хирургической академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1863 году. Будучи врачомъ въ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ, покойный имѣлъ возможность прекрасно изучить дѣтскій организмъ, что при всегдашней его добротѣ и внимательности дѣлало его незамѣнимымъ для тѣхъ многочисленныхъ семей самыхъ различныхъ классовъ и состояній, гдѣ ему приходилось пользовать больныхъ дѣтей. Скромный труженикъ, готовый подѣлиться послѣдней копейкой съ нуждающимся, Михаилъ Николаевичъ, несмотря на обширную практику, сошелъ въ могилу бѣднякомъ, не оставивъ многочисленному семейству своему никакихъ средствъ къ существованію. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1901 г., № 8985).

† **Суворовъ, П. П.** Въ Коломнѣ скончался 13-го февраля писатель Петръ Павловичъ Суворовъ, хорошо извѣстный въ журнальномъ мірѣ Петербурга. Покойный принималъ близкое участіе въ качествѣ сотрудника въ «Будильникѣ», велъ иностранный отдѣлъ и писалъ фельетоны изъ заграничной жизни въ «Петербургскомъ Листкѣ», сотрудничалъ въ «Голосѣ» и въ другихъ изда-

ніяхъ, редактировалъ «Новости» до пріобрѣтенія ихъ О. К. Нотовичемъ и въ послѣдніе годы напечаталъ рядъ беллетристическихъ очерковъ и воспоминаній въ «Русскомъ Обозрѣніи». Онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ литературныхъ кружковъ 60-хъ годовъ и хорошо зналъ всѣхъ выдающихся представителей русской журналистики того времени. Какъ писатель-журналистъ, Петръ Павловичъ отличался искренностью и горячимъ стремленіемъ къ возвышенному, идеальному. Его беллетристическія произведенія не лишены таланта и ярко рисуютъ лицъ и бытъ послѣ освободительной эпохи. Его первые разсказы и стихотворенія были изданы въ 1878 году отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Житейскіе отголоски». Въ 1899 году его разсказы и воспоминанія, печатавшіеся съ 1893 года по 1898 годъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», появились въ продажѣ, подъ заглавіями: «Разсказы изъ далекаго прошлаго» и «Записки о прошломъ». Въ послѣднемъ изданіи приведены покойнымъ интересныя воспоминанія о журналистахъ 1860-хъ и 1870-хъ годовъ, а также о разныхъ лицахъ, съ которыми сталкивала его долголѣтняя служба по интендантскому вѣдомству. Между прочимъ Петръ Павловичъ напечаталъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» извлеченіе изъ записокъ сенатора Синельникова. Покойный родился въ 1839 году въ Лаишевѣ Казанской губерніи, образованіе получилъ во 2-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Будучи кадетомъ, онъ пристрастился подъ вліяніемъ чтенія къ литературнымъ занятіямъ, написалъ поэму «Вечеръ въ деревнѣ», одобренную И. С. Тургеневымъ, и сталъ издавать въ корпусѣ литографированный журналъ «Вѣстникъ». Свою службу онъ началъ въ Казани въ мѣстномъ баталіонѣ; вскорѣ участіе въ дуели заставило покойнаго покинуть Казань и переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ опредѣлился на службу въ главное интендантство. Въ Петербургѣ, благодаря знакомству по московскому корпусу съ княземъ Н. С. Назаровымъ и Н. В. Альбертини, онъ вошелъ въ литературные кружки В. Ѳ. Корша и Г. Е. Благосвѣтлова и вскорѣ самъ сталъ писать и сотрудничать въ разныхъ изданіяхъ. Первые годы 1870-хъ годовъ онъ провелъ въ Восточной Сибири, служа въ Иркутскѣ и печатая передовыя статьи и фельетоны въ мѣстной газетѣ «Сибирь». Послѣдняя русско-турецкая война заставила его уѣхать изъ Петербурга на югъ Россіи; затѣмъ онъ поселился на Кавказѣ, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника и жилъ въ послѣдніе годы въ Коломнѣ, посѣщая Петербургъ только наѣздами. Умеръ онъ 62 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1901 г., № 8970).

† **Фонъ-деръ-Ховенъ, А. И.** 2-го марта скончался генералъ для особыхъ порученій при главномъ артиллерійскомъ управленіи и совѣщательный членъ артиллерійскаго комитета, генералъ-майоръ Александръ Ивановичъ фонъ-деръ-Ховенъ. Покойный родился 22-го марта 1843 года, образованіе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Начавъ службу въ первой батареѣ 4-й сводной резервной артиллерійской бригады, онъ перевелся вскорѣ въ главное артиллерійское управленіе. Отличавшійся замѣчательной аккуратностью, дѣловитостью, знаніемъ артиллерійской спеціальности и умѣньемъ ладить съ людьми, А. И. всегда былъ избираемъ

для устройства русскаго военнаго отдѣла на международныхъ и всероссійскихъ выставкахъ. Во время заграничныхъ командировокъ онъ основательно знакомился съ техническими усовершенствованіями артиллерійскаго дѣла въ сосѣднихъ государствахъ и привозилъ съ собой множество новостей. Артиллерійскому дѣлу покойный посвятилъ цѣлый рядъ статей и очерковъ; онъ принималъ постоянное участіе въ «Русскомъ Инвалидѣ» и въ «Военномъ Сборникѣ», въ которыхъ преимущественно и печаталъ свои спеціальные труды. Будучи по природѣ человѣкомъ мягкимъ и добрымъ, онъ не могъ равнодушно относиться къ столичной бѣднотѣ и особенно жалѣлъ дѣтвору, страдающую отъ голода, холода и болѣзней. Онъ принялъ самое энергичное участіе въ обществѣ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ еще въ то время, когда общество это организовывалось и развивало свою дѣятельность. Покойный лично посѣщалъ квартиры бѣдняковъ и помогалъ имъ, чѣмъ могъ. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1901 г., № 8986).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи «Замѣчательная еврейская пѣснь».

Чрезвычайно интересная статья В. В. Розанова, помѣщенная въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» подъ заглавіемъ «Замѣчательная еврейская пѣснь», заключаетъ въ себѣ весьма много цѣнныхъ указаній о характерѣ еврейскихъ праздниковъ. Съ свойственной автору проникновенностью онъ добрался до самой сути психологіи еврейскихъ праздниковъ. Отъ статьи его такъ и вѣетъ той специфической атмосферой, тѣмъ духомъ, которые витаютъ надъ Израилемъ во время его исполненія своихъ религіозныхъ праздниковъ. Статья В. В. Розанова должна произвести громадное впечатлѣніе даже на читателей-евреевъ; въ ней чувствуется, какъ писатель проникъ въ святая святыхъ еврейства и рисуетъ его психологію съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Я бы сказалъ, что отъ статьи г. Розанова пахнетъ Израилемъ, еслибъ такъ можно было выразиться. Пахнетъ Израилемъ не только библейскимъ, но и современнымъ. Впрочемъ, въ своей домашней, интимной и религіозной жизни Израиль современный, въ сущности, не разнится отъ Израиля библейскаго; онъ представляется мнѣ консервомъ, тщательно закупоренным и сохраненнымъ во всей своей неприкосновенности отъ временъ Библіи до нашихъ дней. Доказательствомъ сему могутъ служить «Изреченія мужей великой синагоги» («Пирке-Аботъ»), составленныя или собранныя въ восьмомъ или девятомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова. Въ этихъ «Изреченіяхъ» (они имѣются въ

русскомъ переводѣ г. А. Воля) отцы синагоги бичуютъ Израиль за тѣ же недостатки, за которые бичуютъ ихъ библейскіе пророки, и восхваляютъ за добродѣтели тоже библейскія. Такъ и чувствуется, что для Израиля тысячелѣтія прошли, не задѣвая его нравственнаго роста и не вліяя на его усовершенствованіе и развитіе. Однажды сложившійся организмъ словно застылъ, оставшись нечувствительнымъ къ окружающему. Не въ этомъ ли заключается глубокая тайна живучести еврейскаго народа?..

Мысли эти невольно пришли мнѣ въ голову при чтеніи вышеупомянутой статьи В. В. Розанова. Статья интересна, глубока и поучительна. Я рѣшаюсь просить редакцію «Историческаго Вѣстника» позволить мнѣ, не вдаваясь въ критику, сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Мнѣ кажется, что въ опредѣленіи «хомеца», сдѣланномъ почтеннымъ авторомъ, кроется если не ошибка, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое недоразумѣніе. В. В. Розановъ говоритъ:

«Самое уничтоженіе хомеца похоже на охоту; его ищутъ и, не касаясь руками, истребляютъ; тутъ—чувство гадливости и вражды. Бросается въ глаза, что было нѣчто подобное чувству къ хомецу у евреевъ, чувство ихъ къ покоряемымъ хананейскимъ городамъ и къ имуществу ихъ, и къ скоту, и къ суммѣ населенія включительно съ дѣтьми. Вы помните въ «Книгѣ судей израилевыхъ» не буквально, но говорится не разъ: «и пощадилъ израильтянинъ того-то» (друга или доброжелателя), или спряталъ себѣ «то-то» (драгоцѣнности или одежду); и разгнѣвался Богъ, и стали искать, «не взялъ ли кто себѣ что нибудь изъ заклятаго»; и находили несчастнаго (еврея), и обыкновенно онъ погибалъ и съ семействомъ въ сущности изъ-за «хомеца». По крайней мѣрѣ, одна психологія, одна метафизика, намъ абсолютно непонятная. Такимъ «хомецомъ» былъ и царь, котораго пощадилъ Саулъ, и пророкъ разодралъ одежду свою на-двое, сказавъ: «такъ будетъ разодрано твое царство послѣ тебя». Одна таинственная психологія, одинъ гнѣвъ; спеціальный израильскій гнѣвъ, параллельны только спеціальной же израильской любви. Замѣтимъ для тѣхъ, кто подумалъ бы, что хомецъ состоитъ только во внѣпасхальной пищѣ, что, напримѣръ, во время Пасхи еврей продаетъ, пусть фиктивно, всѣ, напримѣръ, трактиры, кабаки и вообще тѣ части имущества, которыхъ касаются чужіе (не евреи), или которое служитъ не евреямъ; на Пасху онъ долженъ быть только еврей и съ евреями».

Это опредѣленіе «хомеца» г. Розановымъ рисуетъ намъ въ высшей степени своеобразную этику евреевъ къ иновѣрцамъ и ихъ имуществу. Имущество иновѣрца для еврея не только не представляетъ цѣнность, на которую онъ бы зарился, но даже представляетъ собою нѣчто оскверненное, нечистое, къ чему еврей долженъ чувствовать гадливость, не только стремиться къ его пріобрѣтенію, но даже если оно доставалось ему случайно въ видѣ трофея послѣ войны,—еврей долженъ уничтожить его, стереть съ лица земли и сдѣлать несуществующимъ... Таковъ выводъ, къ которому должны прійти, ознакомившись съ опредѣленіемъ значенія «хомеца» г. Розановымъ. Будь это опредѣленіе библейски вѣрно и придерживайся современные евреи этики, прини-

сываемой имъ г. Розановымъ, ни въ Европѣ, ни у насъ въ Россіи не существовало бы еврейскаго вопроса въ той острой формѣ, въ которой онъ существуетъ; отъ этого вопроса отпала бы одна изъ важнѣйшихъ его сторонъ — сторона экономическая. Поражаюсь, что такой глубокій знатокъ Библіи, какъ г. Розановъ, при опредѣленіи имъ значенія «хомеца» упустилъ изъ виду подробный разсказъ о томъ, какъ во время выхода изъ Египта самъ Моисей посовѣтовалъ своимъ единовѣрцамъ захватить драгоцѣнности перепуганныхъ египтянъ съ собою, обманнымъ образомъ. Значитъ, драгоцѣнности иновѣрцевъ и ихъ богатства далеко не «хомецъ» для избраннаго Богомъ народа... И такимъ образомъ опредѣленіе «хомеца», сдѣланное г. Розановымъ, по-моему не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Но если въ опредѣленіи «хомеца», сдѣланномъ г. Розановымъ, кроется, во всякомъ случаѣ, недоразумѣніе, то вся статья его въ общемъ представляетъ собою выдающійся интересъ, и я позволю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе, которое, несомнѣнно, подтвердитъ мои слова.

Въ писательской манерѣ В. В. Розанова имѣется одна особенность. Выбирая ту или другую тему для своихъ изслѣдованій, онъ очень часто отвлекается отъ главнаго предмета и, какъ бы мимоходомъ и невзначай, попутно роняетъ намеки... Эти попутно роняемые намеки таковы по своимъ достоинствамъ, что иногда важнѣе главной темы, затрогиваемой писателемъ. И въ статьѣ «Замѣчательная еврейская пѣснь» такихъ намековъ имѣется нѣсколько. На одинъ изъ этихъ намековъ обращу вниманіе, какъ автора, такъ и читателя.

Давая картину еврейскаго праздника Пасхи, г. Розановъ, коснувшись психологіи этого праздника, весьма тонко и проникновенно раскрылъ передъ нами значеніе въ жизни современнаго еврея синагоги и подчеркнулъ отсутствіе святости синагоги въ глазахъ самихъ евреевъ. Г. Розановъ говоритъ:

«Еврейскій праздникъ не проводится на дому, а играется, священствуется на дому, и его играютъ, въ немъ священствуютъ члены семьи. Замѣчательная особенность. Въ субботу ли, въ Пасху ли они бываютъ въ синагогѣ, спѣшатъ въ нее; но синагога—не главное; тамъ они читаютъ (раскрытыя мѣста Торы), но тамъ ничего не играется, не совершается, не происходитъ собственно. Нашъ литургическій моментъ совершенно отсутствуетъ въ еврейской синагогѣ. Происходитъ все—дома. Чѣмъ-то одушевленные евреи (въ праздникъ) бѣгаютъ, бѣгутъ, забѣгаютъ въ синагогу, гдѣ стоятъ въ шапкахъ, качаются, плюются, и, словомъ,—въ пути находятся; и стремительно оттуда выйдя (какъ и стремительно вошли туда), они переступаютъ порогъ дома; здѣсь шапка сброшена, плевковъ ужъ нѣтъ, никто не качается. Еврей спокоенъ, сіяетъ и начинаетъ плавно, почти пластично, «играть праздникъ»..

Въ приведенной цитатѣ, обнимающей лишь неполныхъ пятнадцать строкъ, вмѣщается характеристика цѣлаго религіознаго культа во всемъ его объемѣ. Надо быть Розановымъ, чтобы на такомъ маломъ пространствѣ строкъ сказать такъ много. И опять замѣчу, что сказано это мимоходомъ, второпяхъ. Авторъ, очевидно занятый главною мыслью своей статьи, нечаянно натолкнулся на новую мысль, которая мелькнула въ разгарѣ работы, но онъ на ней

долго не останавливается, не углубляется въ нее и мимоходомъ заноситъ ее на бумагу и спѣшитъ дальше за своей главной мыслью. Онъ самъ какъ-то уничижительно называетъ этотъ проблескъ своей мысли маленькимъ «нота-бене».

Но это маленькое нота-бене стоитъ того, чтобы талантливый писатель къ нему возвратился и посвятилъ ему подробное изслѣдованіе. «Нашъ литургическій моментъ совершенно отсутствуетъ въ еврейской синагогѣ. Происходитъ все—дома». И «еврейскій праздникъ не проводится на дому, а играется, священствуется на дому». Въ этихъ двухъ фразахъ заключается вся психологія современнаго религіознаго культа евреевъ. Синагога—не храмъ; литургіи и вообще службы въ синагогѣ нѣтъ и быть не можетъ. Еврейская религія не только религія національная, и еврейскій Богъ не только Богъ исключительно евреевъ, но и культъ этой религіи связанъ съ извѣстнымъ мѣстомъ и съ храмомъ на святой землѣ. Внѣ Іерусалима нѣтъ храма, нѣтъ богослуженія, нѣтъ литургіи. Національный еврейскій Богъ не допускаетъ никакой святости для храма, который построенъ не на указанномъ мѣстѣ... Послѣ разрушенія второго Іерусалимскаго храма, богослуженіе евреевъ прекратилось, и святость храма преемственно не перешла въ наслѣдство къ синагогамъ; въ послѣднихъ не служатъ Богу, а только молятся Ему... Туда, т. е. въ синагогу, какъ тонко замѣчаетъ Розановъ, «бѣгаютъ, бѣгутъ, забѣгаютъ, стоятъ въ шапкахъ, качаются, плюются и, словомъ, въ пути находятся». Оно и понятно. Въ синагогѣ нѣтъ службы, нѣтъ «игры»... Эта служба, эта игра сохранилась въ семьяхъ. Если такимъ образомъ съ уничтоженіемъ второго Іерусалимскаго храма прекратилась служба Господу, и лежащій въ основѣ еврейства національзмъ не могъ примириться съ пріобщеніемъ святости своимъ синагогамъ, то все-таки жажда служенія Богу у евреевъ была настолько велика, что они стали утолять эту жажду въ своихъ семьяхъ или вѣрнѣе въ семейной обстановкѣ, обставляя свои праздники обрядами, напоминающими именно служеніе, а не простую молитву; «игрою», какъ опредѣляетъ это г. Розановъ.

Изъ сказаннаго видно, насколько интересной темы коснулся мимоходомъ въ своей статьѣ г. Розановъ... Было бы очень жаль, если бы уважаемый писатель не возвратился къ этой темѣ и не далъ по этому поводу обстоятельнаго изслѣдованія. Право, предметъ чрезвычайно интересный и стоитъ подробной обработки.

С. Литвинъ.

II.

По поводу статьи г. Добровольскаго.

Сорокъ пять слишкомъ лѣтъ прошло послѣ Севастополя, обстановка отбитія штурма 6 іюня 1855 года ни въ комъ не возбуждала даже и тѣни сомнѣнія, всѣ дѣйствія войскъ пріобрѣли право на историческую истину, но вотъ 45 лѣтъ спустя въ № 2 «Историческаго Вѣстника» за 1901 годъ помѣщена статья г. Добровольскаго «Разсказъ объ императорѣ Александрѣ II».

Статья эта произвела какое-то странное впечатлѣніе на меня, стараго севастопольца.

Сначала авторъ статьи такъ растерялся, что не могъ даже отвѣтить государю на обычный тогда вопросъ, а потомъ такъ разошелся, что дошелъ до развязной фамильярности, и въ своемъ воображеніи извратилъ факты и приводилъ такія распоряженія, которыя несогласны ни съ обстановкою, ни съ лицами.

Припомнимъ обстановку штурма 6 іюня 1855 года. Я не помню хорошо данныхъ, но на Малаховомъ курганѣ, а значитъ, и на остальныхъ бастіонахъ, въ ночь на 6-е іюня штурма ожидали, и все, что только было возможно, было приготовлено для встрѣчи непріятеля; къ разсвѣту брустверы были исправлены, амбразуры расчищены, подбитыя орудія замѣнены новыми, и всѣ орудія заряжены картечью, заряженныя ружья положены на брустверы, и лишь только французы показались изъ траншей, какъ стрѣльба орудійная и ружейная слилась въ одинъ непрерывный гулъ.

Сколько времени продолжался штурмъ, я не могу опредѣлить, но намъ это время показалось минутами,—штурмъ былъ вездѣ отбитъ, кромѣ батареи Жерве, гдѣ французы ворвались на батарею, захватили ее и начали тѣснить батальонъ Полтавскаго полка, очень слабый численностью; Хрулевъ, уже бывшій у кургана, зналъ объ этомъ успѣхѣ непріятеля и, сознавая большую опасность для Малахова, съ минуты на минуту поджидалъ резерва. Въ это-то критическое время 5-я мушкатерская рота Сѣвскаго полка, бывшая на работахъ на 3-мъ бастіонѣ, шла на курганъ, на присоединеніе къ своему полку; несмотря на ничтожность поддержки, Хрулевъ тотчасъ же бросилъ роту въ бой.

Обстановка для роты была благопріятна: было еще довольно темно, рота не знала силъ противника, а французы, почувствовавъ, что на нихъ ударила новая сила, сразу остановили свое наступленіе, а съ прибытіемъ резервовъ, скоро начали отступать, и батарея Жерве опять была занята нами.

Теперь о реляціи.

Въ реляцію, составленную въ штабѣ арміи, конечно, цѣликомъ вошла реляція Хрулева о Корабельной сторонѣ; г. Добровольскій заподозрѣлъ кого-то въ невѣрномъ составленіи реляціи, но разъ она прошла чрезъ руки Хрулева, и въ ней вся честь боя приписана 5-й ротѣ Сѣвскаго полка, — выходитъ, что виноватъ Хрулевъ,—порадѣлъ родному человѣчку.

Разберемъ, могло ли это быть.

Сѣвскій полкъ 6-го іюня былъ еще новичекъ въ Севастополѣ и находился тамъ менѣе трехъ сутокъ [1]), полкъ, Хрулеву совершенно неизвѣстный; Якутскій же полкъ былъ II-й дивизіи, а кому въ Севастополѣ не было извѣстно, что II-я дивизія—это любимая дивизія Хрулева, и онъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ [2]) выразился о ней такъ, какъ ни о комъ не выражался. Приказъ

---

[1]) Сѣвскій полкъ вступилъ въ Севастополь 3 іюня около 5 часовъ вечера.

[2]) Приказъ этотъ, вѣроятно, сохранился въ II дивизіи.

этотъ, вѣроятно, не безъизвѣстенъ и г. Добровольскому. Я хорошо помню заключеніе этого приказа: «Я почту себѣ за честь водить въ бой славные полки II-й дивизіи»—лучше этой аттестаціи и быть не можетъ.

Если бы реляція была составлена невѣрно и не въ пользу Якутскаго полка, то Хрулевъ бы такъ не оставилъ этого и не далъ бы въ обиду своихъ испытанныхъ любимцевъ.

Г. Добровольскій говоритъ о дѣйствіяхъ Якутскаго полка и о распоряженіяхъ Хрулева: «Къ счастью, непріятель не успѣлъ еще занять оборонительной линіи (т. е. 2-й), и мы ЗАЛЕГЛИ за ней вдоль по всему ея протяженію. Хрулевъ, уѣзжая на 2-й бастіонъ, приказалъ не предпринимать ничего до его возвращенія, а лишь отстаивать нашу позицію».

Это Хрулевъ отдалъ такое приказаніе и въ такой моментъ?!..

Въ нѣсколькихъ саженяхъ кипитъ бой, французы уже заняли батарею Жерве, а Хрулевъ приказалъ ЛЕЖАТЬ полку за стѣнкой, а самъ уѣхалъ!.. Тутъ даже и логики-то нѣтъ: да не только такой выдающійся генералъ, какъ Хрулевъ, а самый заурядный не сдѣлалъ бы ничего подобнаго, а тотчасъ бросилъ бы прибывшій резервъ въ бой.

А у г. Добровольскаго выходитъ такъ: полкъ лежитъ и ожидаетъ, пока французы на плечахъ полтавцевъ и сѣвцевъ появятся передъ стѣнкой [1]). Если Хрулевъ не задумался, чтобы поддержать полтавцевъ, бросить въ бой даже одну роту, то ужъ, конечно, онъ не приказалъ бы лежать, а бросилъ бы въ бой весь Якутскій полкъ.

Честь боя 6-го іюня на батареѣ Жерве, безспорно, принадлежитъ 5-й мушкатерской ротѣ Сѣвскаго полка, и она дорогой цѣной купила эту честь: въ размѣрѣ 37% изъ роты пролили свою кровь Хрулевскіе «благодѣтели», въ числѣ ихъ и ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Островскій, убитый въ самомъ началѣ боя; роту принялъ и окончилъ съ нею бой подпоручикъ Келлеръ, и донынѣ здравствующій генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ.

Умѣстнымъ еще нахожу добавить.

Въ 1871 году покойный писатель А. Ѳ. Погосскій, на Севастопольскомъ обѣдѣ, говоря о памятникѣ Хрулеву, упомянулъ и о Сѣвской ротѣ, но назвалъ ее 8-й, а не 7-й (бывшая 5-я мушкатерская); предполагая опечатку въ «Русскомъ Инвалидѣ», я тогда же просилъ редактора, генерала Менькова, исправить ошибку, но Погосскій въ письмѣ ко мнѣ увѣдомилъ, что ошибка эта его и, чтобы, такъ сказать, загладить ее, прислалъ въ роту 100 экземпляровъ своей повѣсти «Старики» и просилъ меня составить именной списокъ роты участниковъ боя 6-го іюня, съ отмѣткой убитыхъ и раненыхъ.

Прошло послѣ боя 16 лѣтъ, и мнѣ казалось, что списокъ составить невоз-

---

[1]) Стѣнки эти были построены Елецкимъ и Сѣвскимъ полками изъ камней, въ сухую кладку, по ночамъ съ 3-го по 6-е іюня и были только грудной высоты.

можно, но оказалось, что всѣ дѣла полковой канцеляріи были въ такомъ порядкѣ, что составленіе списка не представило никакого затрудненія.

Лишь 7 человѣкъ ввели меня въ сомнѣніе: они были налицо, но въ дѣлѣ фактически не участвовали, но и это сомнѣніе скоро разъяснилось: это были — артельщикъ, 2 кашевара, 2 конюха и 2 дневальныхъ около ранцевъ.

Списокъ этотъ Погосскій передалъ въ Севастопольскій отдѣлъ Московской политехнической выставки, бывшей въ 1872 году. Куда поступили послѣ выставки вещи Севастопольскаго отдѣла, — я не помню, но если въ Севастопольскій музей, то, вѣроятно, списокъ этотъ тамъ и хранится.

Бывшій командиръ 7-й линейной роты 34 пѣхотнаго Сѣвскаго полка,

отставной генералъ-майоръ Косенко.

III.

По поводу воспоминаній С. А. Цурикова.

Въ 1-мъ и 2-мъ №№ «Историческаго Вѣстника» за 1901 годъ напечатаны воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ С. А. Цурикова, гдѣ, между прочимъ, описано и сраженіе у г. Елены, бывшее 22-го ноября 1877 года.

Какъ участникъ сраженія у г. Елены, смѣло могу сказать, что весь разсказъ г. Цурикова о Еленинскомъ сраженіи не согласенъ съ истиною. Воспоминанія напечатаны въ 1901 году, и неужели г. Цуриковъ за 20 слишкомъ лѣтъ не нашелъ возможнымъ и нужнымъ пересмотрѣть и провѣрить свои воспоминанія.

1. Въ сраженіи у г. Елены участвовали Сѣвскій и Орловскій полки, а не Брянскій, который находился все время на Шипкѣ. Ординарцу главнокомандующаго слѣдовало бы это знать.

2. Никакого нечаяннаго нападенія не было; мы уже задолго, недѣли за двѣ, знали, что на насъ собирается гроза. Турки разрабатывали дорогу изъ г. Сливно въ г. Котелъ, въ ущельѣ Демиръ-Капу, и оттуда нами отчетливо были слышны взрывы. Болгары постоянно сообщали о стягиваніи Сулейманомъ-пашей значительныхъ войскъ и даже съ такими подробностями, что въ Котлѣ приказано пекарямъ приготовлять ежедневно по нѣсколько тысячъ раціоновъ хлѣба. Турки производили усиленныя и частыя рекогносцировки нашей позиціи, а 20-го ноября на всѣхъ склонахъ горъ, обращенныхъ къ г. Еленѣ, у г. Беброва, появились турецкіе лагери, которые намъ отчетливо были видны, да турки, видимо, и не дѣлали секрета изъ своего сосредоточенія.

Въ ночь на 22-е ноября разъѣзды Орденскаго драгунскаго полка уже не могли продвинуться версты за двѣ за нашу цѣпь и вездѣ натыкались на густыя цѣпи черкесовъ и пѣхоты. Мнѣ, какъ занимавшему съ 3-мъ батальономъ

Сѣвскаго полка самую передовую позицію, въ самомъ селеніи Горній-Марекъ, и бывшему главнымъ резервомъ передовыхъ постовъ, часовъ около 11 ночи доложено было объ этомъ Орденскаго полка поручикомъ Куббе, бывшимъ въ одномъ изъ разъѣздовъ, почему всѣмъ ротамъ приказано спать одѣтыми, а въ ожиданіи дѣла обѣдъ для нижнихъ чиновъ приказано приготовить къ разсвѣту, и по первому выстрѣлу, а это было ровно въ 6 часовъ утра, роты успѣли пообѣдать и стали въ ружье. Для обороняющагося всякая аттака, несмотря на готовность, будетъ нѣкоторою неожиданностью. (Примѣръ—Плевна. Вылазку Османа-паши ожидали чуть ли не ежечасно, и всѣ возможныя мѣры были приняты, а Османъ-паша не только переправился черезъ р. Видъ, но даже незамѣтно прошелъ нѣсколько верстъ, пока не наткнулся на гренадеръ. А вылазку вѣдь ждали!?).

3. Полковые праздники празднуются: полковъ Сѣвскаго и Орловскаго—6-го декабря, а Орденскаго—26-го ноября и 21-го ноября. Въ г. Еленѣ никакого особеннаго празднества не было, и лишь по случаю обыкновеннаго праздничнаго дня играли хоры музыки, но это бывало во всѣ праздничные дни и раньше.

4. Атака батальона Орловскаго полка, подъ личной командой полковника Клевезаля, была въ началѣ боя, а не въ концѣ его. Когда 1 и 3 батальоны Сѣвскаго полка были уже сбиты съ передовыхъ позицій, около 8 часовъ утра, на плато Моренскаго бивака, прибылъ на подкрѣпленіе намъ Орловскій батальонъ (всѣ пять ротъ съ двумя орудіями 5-й батареи 9-й бригады), но, не будучи оріентированъ ни мѣстностью, ни ходомъ боя, батальонъ сразу бросился въ атаку; атака была, безусловно, блестящая и лихая, но результата отъ нея, кромѣ огромныхъ потерь въ батальонѣ, и не могло быть. Силы турокъ, введенныя ими къ этому моменту въ бой, противъ трехъ, и при томъ слабыхъ численностью, батальоновъ, были уже несоразмѣрно велики.

5. Но все предыдущее г. Цуриковъ говоритъ по слухамъ, а вотъ этого уже онъ самъ будто былъ очевидцемъ. Г. Цуриковъ говоритъ: «но людей, ее занимавшихъ (то-есть Іовковецкую позицію), я засталъ въ невозможномъ видѣ: многіе изъ нихъ были безъ шинелей и мундировъ, въ одномъ только нижнемъ бѣльѣ и сапогахъ и кутались въ полотнища отъ палатокъ».

Трудно даже понять, гдѣ могъ видѣть это г. Цуриковъ. Повидимому, все это чистѣйшій вымыселъ или какое-то недоразумѣніе; ничего даже подобнаго не было. Рѣшительно всѣ нижніе чины не только были въ мундирахъ и шинеляхъ, но весьма многіе имѣли даже и полушубки, выданные не задолго до сраженія. Да разъ люди сохранили полотнища палатокъ, то неестественно, чтобы они побросали мундиры и шинели. Я командовалъ 3-мъ батальономъ Сѣвскаго полка, а 3-й батальонъ первымъ вступилъ въ бой съ турками, а при провѣркѣ людей послѣ боя на Іовковецкой позиціи (а мнѣ пришлось дѣлать эту провѣрку лично, такъ какъ изъ батальона въ бою убыли всѣ пять ротныхъ командировъ и четыре фельдфебеля) я ни одного человѣка не видѣлъ раздѣтымъ; всѣ имѣли мундиры и шинели; а на другой день, 23-го ноября, я видѣлъ и другія части Сѣвскаго и Орловскаго полковъ, и всѣ были одѣты

исправно. А г. Цуриковъ былъ у насъ 24-го или 25-го ноября. Не только мундировъ и шинелей, но даже и полушубковъ было немало; это видно уже и изъ того, что въ холодныя ночи на Іовковецкой позиціи солдаты не разъ укрывали меня своими полушубками и, если бы они были въ одномъ бѣльѣ, то, само собой разумѣется, не могли бы подѣлиться со мной полушубками. Да если бы солдаты и были вынуждены что либо побросать, то скорѣе палатки, но и этого не было, такъ какъ этими палатками они пользовались до конца войны.

Послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ переходъ черезъ Балканы совершенъ вполнѣ благополучно, именно благодаря довольно еще исправной одеждѣ. Пополнить же будто бы растерянную одежду и не откуда было.

Къ сожалѣнію, сраженіе у г. Елены до сихъ поръ слабо разъяснено. Вина въ томъ, конечно, больше всего падаетъ на насъ же, участниковъ боя.

Еленинскій отрядъ: полки Сѣвскій и Орловскій пѣхотные, рота 14 стрѣлковаго батальона, Военнаго ордена драгунскій полкъ, три легкихъ батареи: 4-я и 5-я 9-й бригады и 5-я 14-й бригады, и два орудія 20-й конной батареи, силою не болѣе 6 тысячъ,—велъ упорный бой въ продолженіе цѣлаго дня противъ 30-тысячнаго корпуса турокъ и, какъ говорилъ М. И. Драгомировъ, исполнилъ свое дѣло отъ сердца. Результатомъ же такого упорнаго боя и потери были громадны: убыло 50 офицеровъ и 2.050 нижнихъ чиновъ, то-есть, около 50% офицеровъ и болѣе 30% нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ убитыхъ 18 офицеровъ и 670 нижнихъ чиновъ, и, хотя изъ 26 орудій потеряно въ бою 11, но потеря ихъ и доказываетъ упорство боя. Эти 11 орудій были подбиты, а больше брошены за совершенною потерею всѣхъ лошадей. Зато послѣдній выстрѣлъ ихъ былъ—картечь въ глаза туркамъ и на дистанціи не болѣе 100 шаговъ.

Г. С. Косенко.

IV.

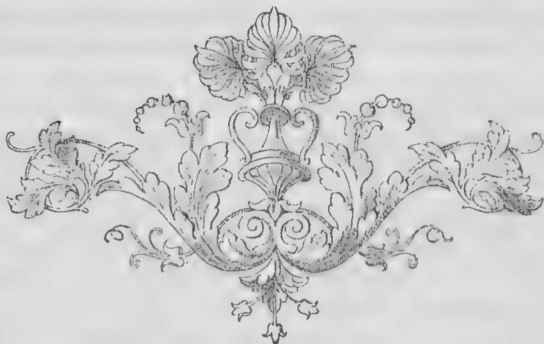
Къ статьѣ В. В. Жерве.

Считаю нелишнимъ исправить небольшую неточность, вкравшуюся въ статью В. В. Жерве: «Къ біографіи П. А. Ѳедотова», помѣщенную въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», касательно того, что П. А. Ѳедотовъ находился на излѣченіи отъ душевнаго разстройства въ лѣчебницѣ доктора Штейна.

Дѣло въ томъ, что въ началѣ пятидесятыхъ годовъ во главѣ вышеназванной лѣчебницы, помѣщавшейся тогда на Слоновой улицѣ, стоялъ основатель ея—докторъ Лейдесдорфъ, и лѣчебница перешла ко мнѣ только въ 1854 году, спустя, слѣдовательно, два года послѣ смерти П. А. Ѳедотова, и вскорѣ же была переведена въ новое помѣщеніе—на Тверскую улицу, за Таврическимъ

садомъ. Такимъ образомъ, П. А. Ѳедотовъ могъ быть помѣщенъ не къ кому другому, какъ только къ доктору Лейдесдорфу, на что совершенно правильно и указываютъ біографы художника, Дитерихсъ и Сомовъ, а Н. С. Шишмарева, отъ которой, главнымъ образомъ, исходитъ вышеуказанная неточность, посѣщала больного художника не на Тверской улицѣ, а на Слоновой, и была допущена къ больному не мною, а владѣльцемъ лѣчебницы, докторомъ Лейдесдорфомъ.

Д-ръ медицины Ф. А. Штейнъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ императора Николая I-го.—2) Робеспьеръ (Robespierre). Романъ **Анжа Гальдемара.** Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе). XI—XIV.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени"**.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворин**	Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13